

1861.

АВГУСТЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.
Вас. Остр., 8 лин., № 25.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

РУССКОЕ СЛОВО.

VIII.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО.

1861.

АВГУСТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.

Вас. Остр., 8 лин., № 25.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 23 августа 1861 года.

Цензоръ *Е. Волковъ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

БѢГЛЯНКА.

РОМАНЪ.

I.

На горѣ стоитъ ёлочка,
Подъ горою свѣтелочка;
Во свѣтелочкѣ Машенька.
Приходила къ ней матушка,
Будила-побуживала:
«Машенька, пойдемъ домой!..
Ефимовна, пойдемъ домой!»...
—Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и немѣсячна,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,
Лѣса темны, карауловъ нѣтъ...
Свадебная пѣсня.

На самомъ концѣ подгороднаго, помѣщичьяго сельца Березниковъ, находилась ветхая уже изба вдовы Василисы Тимофеевой. Въ сельцѣ Березникахъ крестьяне жили очень исправно, всѣ избы ихъ были хорошія, такъ оно было и кстати, что Василисина избенка стояла не въ рядъ съ другими, а, отступя на нѣсколько шаговъ, держалась на отлетѣ. Впрочемъ, со стороны глядя, казалось, что положеніе жилья Василисы—самое лучшее во всемъ селеніи: не тянулась передъ самыми окнами избёнки дорога, всегда засо-

ренная и изрытая въ дождливую пору глубокими колеями; напротивъ, тутъ лежалъ зеленый лужокъ, черезъ который никто не ходилъ,—такъ-какъ входъ въ избу былъ сбоку двора, возлѣ поставленныхъ сбоку-же воротъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ двора начиналась околица и вплоть къ ней прилегала часть поля, которая замыкалась молодымъ березовымъ лѣскомъ. За дворомъ находились разведенные покойнымъ мужемъ Василиссы хмѣльникъ и плодовитый садикъ, изъ которыхъ первый почти совсѣмъ свелся, а второй и теперь еще былъ въ хорошемъ положенiи. И наконецъ дальше, за хмѣльникомъ и за садикомъ, тянулись луга, широко раскинувшiеся по обоимъ берегамъ небольшой рѣки, перепруженной, противъ самой середины селенiя, мельничною плотиною.

Василиса Тимофеева была уже старуха, съ-молоду, видала она и красные дни, а тамъ узнала не по слуху и горе и нужду и отъ того больше состарѣлась; но все-же она еще довольно-бодро жила и работала.

Мужъ ея былъ зажиточный, трудолюбивый, добрый мужикъ и жилъ съ нею завсегда ладно,—только не далъ ему Богъ вѣку. Послѣ его смерти, Василиса, какъ ни хлопотала по хозяйству, а все-таки прожила по-маленьку припасенный мужемъ достатокъ: извѣстное дѣло, въ одной бабьей работѣ не много спорины для дома. Да и другiя средства ея были скудны: помѣщикъ далъ ей землицы, въ прокормленiе, только на полтягла; оно, конечно, и съ этою можно было бы кормиться, да обработка-то стоила дорого, березниковцы же были крестьяне подгородные, крѣпко избалованные,—такъ они, Бога не боясь, никогда вдовѣ не помогали. Но не эта нужда сокрушила Василису; сокрушилъ ее любимый единственный сынокъ, Наумка, который, спозаранку, замотался на сторонѣ, сдѣлался совсѣмъ негодящимъ человѣкомъ и въ солдаты подконецъ угодилъ. Съ этихъ-то поръ Василиса стала особенно горе мыкать,—ей уже неоткуда было ждать помощи. Была у ней еще дочь, Марья, дѣвка лѣтъ шестнадцати, но, вѣдь, дѣвка, говорятъ, непрочный въ дому товаръ.

Впрочемъ, дочь Василисина была славная дѣвка. Нес-

мотря на свои чуть не дѣтскіе года, она была словно взрослая,—деревенскій трудъ развилъ и укрѣпилъ ея силы. Она служила настоящей помощницею для матери, работала не хуже любой дватцатилѣтней бабы, окрѣпшей въ работѣ у печки и на рѣкѣ, на лугу и въ полѣ, подъ дождемъ и подъ солнцемъ, въ жаръ и стужу. И притомъ, ранній трудъ и нужда домашняя не сгубили красоты ея дѣвичьей: продолговатое, свѣжее и румяное личико Марьи нравилось всѣмъ съ перваго разу. Вглядѣвшись по-пристальнѣе въ это лицо, можно было замѣтить на немъ живое движеніе молодой мысли и свѣжаго чувства. Особенно отражалось это во взглядѣ и въ улыбкѣ ея: взглядъ этихъ большихъ, темносѣрыхъ глазъ былъ боекъ, смѣлъ и тревоженъ, а иногда нѣсколько дикъ и суровъ; улыбка же постоянно была тиха и задумчива. Видно, нужда да работа, одиночество да свободное житье при доброй, кроткой матери рано развили душу молоденькой дѣвушки, а, можетъ быть, и широкая мѣстность, окружавшая Василисину избу, способствовала также этому развитію.

Происшествія, нами разсказываемыя, начинаются осенью, вскорѣ послѣ «бабьяго-лѣта», когда уже совсѣмъ покончились полевыя работы. Осень та была хорошая, съ полей убрались во-время и благополучно; а какъ въ сельцѣ Березникахъ урожаи хлѣбовъ, отъ тощей, песчаной почвы, бываютъ всегда малые, то добрые люди даже весь хлѣбъ тогда перемолотили и свободно вздохнули до новой рабочей поры.

Разъ, вечеромъ, Василиса и дочь ея сидѣли въ избѣ своей однѣ-одинёхоньки и пряли усердно. А на ту-пору, на дворѣ, вѣтеръ сильно гудѣлъ и изрѣдка дождикъ обдавалъ стѣну. «Тихій-стихъ» напалъ на обѣихъ пряхъ въ этотъ вечеръ: ни одна словечка не промолвила. Старуха все думала прискорбно о сынѣ-солдатѣ да о нуждахъ домашнихъ: вотъ дровецъ и хворосту нужно на зиму достать,—дворъ назади пораскрылся,—да и хлѣба на весь годъ, пожалуй, недостанетъ.... У дочери же вились и перевивались въ головѣ многія мысли, бѣглыя, легкія, словно весеннія облачка. Мысли эти не уходили въ прошедшее, не останавливались надъ настоящимъ, а неслись все вдаль, все впередъ забѣгали.

*

—«Ахъ, кабы поскорѣе весна!...—думала Марья.—О Святой вода по лугамъ тутъ гуляетъ... на лодкахъ-то какъ хорошо кататься!... А въ Троицынъ-день вѣнки завиваютъ... пѣсни народъ поетъ... хороводы водятъ... Ужъ и какъ весною-то хорошо!... Луга всѣ зеленые, цвѣтики лазоревы,—теплынь божья!... Да, вотъ взяла бы, пошла,—далеко бы пошла... чай, и вездѣ весною хорошо.... Хоть бы святки-то поскорѣе пришли... да все не то святки... весной не-въ-примѣръ веселѣе!»...

Такъ-то думали-раздумывали наши пряхи, но вотъ звякнула вдругъ щеколда у двери съ улицы и кто-то сталъ шарить въ сѣняхъ, отыскивая дверь въ избу.

— Господи Іисусе!..—молвила Василиса.—Кто жъ это тамъ?...

Только-что проговорила она эти слова, вошелъ въ избу старикъ Архипъ Матвѣевъ, дворовый человѣкъ, важный при помѣщикѣ сельца Березниковъ, ходатай по разнымъ мелкимъ дѣламъ въ присутственныхъ мѣстахъ и исправлявшій иногда должность прикащика. Онъ былъ съ-родни вдовѣ Василисѣ, да и дочку ея крестилъ,—поэтому онъ завсегда ей покровительствовалъ. Нерѣдко захаживалъ онъ къ ней на гулянкахъ, такъ старуха и теперь не подивилась, увидавъ его въ такую позднюю пору.

— Ахъ ты, куманекъ дорогой!... сказала она, вскакивая съ лавки. Милости просимъ, Архипъ Матвѣичъ!..

— Молчи да помалчивай, кума, Тимоѳевна,—отвѣчалъ онъ полушопотомъ, разводя передъ собою руками, и поднявъ дугой свои щетинистыя, сѣдыя брови:—я, вѣдь, за дѣломъ къ тебѣ... такъ-то!... А ты, кума, вотъ-что: Машутку-то, тово... вышли-ка ее отсюдова теперича...

При этихъ таинственныхъ словахъ, Машутка вспыхнула, уронила изъ рукъ веретено, и, раскрывъ аленькой ротокъ, стала глядѣть, не смигивая, на своего крёстнаго, да вся, увлеченная пылкимъ любопытствомъ, такъ и осталась, сидя на лавкѣ, какъ вкопанная.

— Ой, куманекъ!... чтожъ это такое?.. залепетала Василисса, отчего-то сильно встревожившись:—Машутка! а,

Машутка!.. слышь ты?... надоть, вишь, тебѣ... Ну, пошла же ты вонъ отсюдова...

— Матушка!... промолвила протяжно Машутка:—да зачѣмъ это идти?... куда вотъ теперича?...

— Вишь, неслухъ какая!—сказалъ, будто бы съ досадою Архипъ, а еще крестница мнѣ называется... Значитъ, нужно, коли шлютъ вонъ изъ избы... А ты, если не къ сусѣдамъ, такъ и въ сѣнцахъ постой,—чай, не развалишься?... дѣвка ты такая молодая...

— Ну же ты, Машутка!... крикнула мать, махая на нее рукою.

Дѣвушка медленно встала, потянулась, поднявъ обѣ руки надъ головою, постояла съ полминуты на одномъ мѣстѣ, словно думая о чемъ-то, потомъ проворно накинула себѣ на голову старенькой шушунчикъ и еще проворнѣе шмыгнула за дверь.

— Ну, вотъ теперича слушай, кума,—началъ полушопотомъ Архипъ: слышь ты, что̀ я скажу-то... за дѣломъ, какъ есть пришелъ. Машутку пристроить пора,—ты чего думаешь-то?.. Вѣдь, что̀ ей теперича, никакъ ужъ семнадцатый пошелъ?...

— И то, касатикъ, никакъ сёмнадцатый съ Рождества Богородицы... отвѣчала, въ какомъ-то недоумѣніи, Василиса.

— То-то, смотри ты, кума,—она у тебя дѣвка бойкая, я замѣчаю, да къ тому же смазливая... Неровенъ часъ, пожалуй, на барскій дворъ попадетъ,—вѣдь баринъ-то... того... чай, знаешь?.. онъ, вѣдь, небольно-хорошъ у насъ по этой части...

— Охъ, головушка моя бѣдная!... завопила Василиса.— Сироты мы круглыя!... И пошла баба причитать.

— Ну, полно же, полно... говорилъ Архипъ Матвѣевъ, заслоняя кумѣ ротъ широкой ладонью:—о чемъ голосишь-то словно дура какая?... Ты гляди-кося: вѣдь не безъ добрыхъ же людей на бѣломъ свѣту... А насчетъ барина не сумлѣвайся, онъ, вѣдь, поневольно не любитъ... Мастеръ онъ сманивать, да и то нѣтъ, насчетъ Машутки можно и не бояться покуда, потому больше, что онъ супротивъ меня, стараго и вѣрнаго слуги своего,—ни зачто не пойдетъ... ужъ я въ

такой надеждѣ... Ты меня знаешь, кума, до баловства-то я не больно охотникъ...

— А-ахъ, куманекъ!... ты что же велишь-то мнѣ?...

— Да то, экая ты!... надоть дѣвку замужъ выдать...

— Родимый ты мой, Архипъ Матвѣичъ!... Какъ же быть-то мнѣ? Охъ, и не придумаю...

— И придумывать тебѣ тутъ нечего... возразилъ кумъ, важно понюхивая табачокъ-зеленчукъ: извѣстно, ты что̀ можешь придумать? Вотъ разъахалась да разъохалась, а въ этомъ толку очень мало... Ты во всемъ на меня положися, о чемъ еще сумлѣваешься?...

— О-охъ, батюшка, Архипъ Матвѣичъ,— начала Василиса, тяжело вздыхаючи:—знаю я, что можно на тебя положиться да ты-то возьми: вѣдь, одиночка я останусь, словно перстъ!... А Машутка по̀мочь мнѣ, работаетъ тоже... А тогда что̀ я буду?... Сила моя малая, сила-то моя ужъ вся износилася... глядишь,—черезъ годокъ и совсѣмъ моченьки не станетъ... Что̀ я тогда? Не смогу избёнки истопитъ, воды натаскать...

И опять старуха причитать стала. На этотъ разъ Архипъ Матвѣичъ не вдругъ принялся унимать ее; онъ какъ-то позадумался и съ особенной разстановкою началъ понюхивать табачокъ.

— Да оно, конечно... молвилъ онъ потомъ. Извѣстно, кума: дѣло твое сиротское, житье незавидное, а какъ быть-то?.. нельзя же цѣлый вѣкъ при себѣ дѣвку имѣть... И грѣхъ это передъ Богомъ чужой вѣкъ заѣдать... Ты хоша мать, а то должна разсудить, что ей своя доля на роду написана... такъ-то!... Вотъ теперича хотятъ принять Машутку въ семью хорошую,—а потому, видишь ли, хозяинъ-то семьи думаетъ, что она для работы больно хороша будетъ... Онъ тоже смѣкаетъ—дѣвка здоровая, съ-измальства къ дѣлу навычная, неизбалованная... Ты сама скажи: чья у насъ, на деревнѣ, самая богатая семья?

— Да чья?.. отвѣчала, нѣсколько подумавъ, Василиса: чья бы такая?.. Да батюшки свѣты!.. знамо, самая богатая семья Большаковыхъ... А неужели къ нимъ дѣвку принимаютъ?...

— То-то и дѣло, кума!... я ужъ, почитай, и все дѣло обдѣлалъ.

— Ахъ, ты, Господи!... говорила радостно Василисса:— первѣйшая, какъ есть, семья!... домъ-отъ полная чаша... Куманекъ родименькой нашъ! ужъ какъ это тебѣ Богъ помогъ?...

— Точно, Богъ помогъ... подтвердилъ Архипъ Матвѣичъ. Видишь ли, какъ дѣло было: онамеднись сошлись мы супротивъ, почитай, барскаго двора, съ старикомъ Парфеномъ Большаковымъ... Нелюдимый старикъ,—а на ту пору былъ разговорчивъ, ну, мы и покалякали... а тутъ, глядимъ, Кузя его верхомъ съ поля ѣдетъ. Вотъ вдругъ и пришло мнѣ въ голосу спросить Парфена: что̀, молъ, вѣдь пора и тебѣ сына женить?... А онъ мнѣ таково угрюмо: эхъ! говоритъ, Архипъ Матвѣичъ, оно пора-то пора, да что грѣха таить? сынъ-то, Кузька-то... тово...

— Точно, точно, родимый!.. вскричала Василиса:—Кузя-то Большаковыхъ, какъ есть дурачокъ... О охъ, мы, горькія! Архипъ Матвѣичъ, батюшка!... вѣдь и старикъ-отъ Парфенъ Елисеичъ—Богъ съ нимъ, такой нелюдимый, строгой человѣкъ, а жена-то его, Дарья, хоша и добрая баба, да ужъ больно проста... Кузя въ нее, знать, уродился...

— Вотъ поди ты!.. молвилъ сердито Архипъ: вотъ поди ты, что̀ значитъ баба-то,—ни съ того, ни съ сего, взяла да и охаяла всѣхъ... Чтожъ мнѣ тутъ и дѣлать теперича?... Шапку въ охапку да и прощай, кума!... Вишь, какова!... ну, гдѣ ужъ намъ, дуракамъ, такихъ разумныхъ людей уму-разуму учить... Прощенья просимъ, Василиса Тимоѳевна!

— Архипъ Матвѣичъ! родимый, желанный нашъ!... прости ты меня, бабу глупую... Не серчай, ради Господа!.. такъ я это съ-дуру, словно съ языка сорвалось... А ты, родимый, не слушай моихъ глупыхъ рѣчей... Сказывай же, сказывай, касатикъ!... Вотъ тебѣ-Христосъ,—слово великое, не стану перечить.

— Ну, ну, такъ и быть... промолвилъ мягкосердечный кумъ:—что ужъ мнѣ серчать на тебя? Слушай же, кума: поведу опять рѣчь о дѣлѣ. Да что тутъ долго разсказывать... скажу разомъ: Парѳенъ-то больно желаетъ принять Машутку

въ свою семью и проговорилъ мнѣ объ этомъ прямо... Ты что̀ теперича скажешь?—присылать, что ли, сватовъ?...

Вмѣсто всякаго отвѣта, старуха заплакала. Досадно да и какъ-то жалко было Архипу глядѣть на слезы Василисы.

— Вотъ что̀ ты станешь дѣлать?— говорилъ онъ, покачивая головою. Слушай, Василиса, я, вѣдь, дѣло говорю: дѣвку нельзя не пристроить. А на что лучше семьи Большаковыхъ? старику, чай, недолго жить, старуха-добрая, простая баба... Кузьма-то, правда, дурковатъ, да это ничего: при разумной хозяйкѣ, да при ихъ достаткахъ, хорошо можно весь вѣкъ изжить, а современемъ и ты къ нимъ переселишься, внучатъ станешь няньчить... Старикъ Парѳенъ больно желаетъ взять Машутку оттого больше, что надѣется на неё: «добрая работница, говоритъ, въ дому будетъ, всѣмъ домомъ, надѣюся, управитъ...» вѣдь, старикъ-то себѣ на умѣ....

Не вдругъ старуха дала рѣшительный отвѣтъ на это предложеніе. Всѣ мысли ея въ разбродъ пошли, но она не умѣла и не могла противиться куму: поплакавъ и поохавъ, она согласилась наконецъ на присылку сватовъ.

Архипъ Матвѣичъ похвалилъ куму за то, что рѣшилась на «доброе дѣло», и сталъ собираться домой идти. Въ эту минуту дверь потихоньку отворилась, вошла въ избу Марья и сѣла въ уголъ на лавку. Мать и крестный отецъ не обратили на нее никакого вниманія и даже не спросили, гдѣ она была во время ихъ переговоровъ. Впрочемъ, простившись съ Василисою, Архипъ Матвѣичъ подошелъ и къ крестницѣ, погладилъ ее по головѣ да промолвилъ: «такъ-то, Машутка!...» Затѣмъ онъ вышелъ изъ избы.

Оставшись однѣ, мать и дочь опять, молча, прясть принялись, хоть и тянуло ихъ обѣихъ разговориться о нужномъ дѣлѣ. Молча же, и поужинали онѣ. Только ужъ передъ тѣмъ, какъ совсѣмъ спать ложиться, Машутка подошла къ матери и заговорила:

— Матушка!... а, матушка!... ты не выдавай меня замужъ за Кузьку-то!...

— Ахъ, ты!... вскрикнула удивленная Василисса: да за какого-то тамъ Кузьку?...

— А я знаю за какого... за Кузьку Большаковыхъ...

— Да съ чего ты взяла?...

— Да вотъ знаю же... знаю, зачѣмъ крёстный теперича приходилъ.

— Вотъ поди ты!

— Матушка!... промолвила Машутка полушопотомъ, а слезы такъ и хлынули градомъ изъ глазъ у ней.—За чтожъ ты такъ-то?... Что̀ я больно надоѣла тебѣ?...

Эти горькія слезы, эта тихая мольба сначала удивили Василису; потомъ она вспомнила, что Машутка всегда была упряма и своеобычлива, и нѣсколько обрадовалась тому, что совсѣмъ-таки дѣвка покорилась; наконецъ и разжалобилась она, видя, что дочь, какъ рѣка льется, плачетъ, но утѣшать стала ее по-своему.

— Дура ты, дура!... говорила она, крѣпко прижимая къ изсохшей груди своей разгорѣвшуюся голову дочери:—ну, что̀ жъ что за Кузьку?... Отчего жъ нейдти за него?.. Вишь, молода ты и глупёхонька. Ты что знаешь-то?... Люди, вѣдь, богатые, достатки во всемъ,—и мнѣ-то не-въ-примѣръ легче тогда будетъ... А то, вишь, Наумку въ солдаты отдали... сокрушили вы мой вѣкъ сиротскій!...

Однако, утѣшенія эти, видно, не очень подѣйствовали на Машутку: она быстро отняла голову свою отъ груди матери, привстала порывисто и, осушивъ вдругъ слезы, сказала скороговоркою:

— А не пойду жъ я за него!...

— Я тѣ дамъ не пойду!... вскричала старуха, такъ разсерженная, что чуть-было не принялась усовѣщевать дочь побоями,—только, къ счастію, дѣло это было для ней совсѣмъ непривычное.

Но не испугалъ Машутку сердитый возгласъ матери,—она подошла къ ней близёхонько и, глядя ей прямо въ глаза, спросила ее тихимъ голосомъ:

— Такъ ты, матушка, взаправду, безпремѣнно хочешь отдать меня за него... за дурачка-то?...

— А то какъ же!... крикливо отвѣчала Василиса:—погляжу я, вотъ, на тебя!...

Дѣвка медленно отошла отъ матери и ни слова больше

не промолвила. Старуха же, улегшись на печи, еще нѣсколько времени болтала: то бранила дочь и приграживала ей чѣмъ-то, то безсвязно и безтолково усовѣщевала ее. Раза два спросила она о чёмъ-то Машутку, но та ничего не отвѣтила.

— Вишь ты, неслухъ, право-слово, неслухъ!.. пробормотала въ послѣднiй разъ уставшая старуха и скорёхонько заснула крѣпкимъ сномъ.

Но дочь долго-долго не спала; она все думала о противномъ, глупомъ женихѣ,—и плакать ей хотѣлось, только она удержалась и не заплакала. Голова ея сильно разгорѣлась, мысли разныя такъ и сновали жгучими, яркими искрами... И какъ ни безсвязны были эти мысли,—Машутка обдумала все, что̀ надо было ей дѣлать,—она твердо рѣшилась отдѣлаться отъ лихой бѣды...

II.

Машутка проснулась ранымъ-ранёшенько, когда еще темно было на дворѣ. Какъ проснулась она, тотчасъ же вспомнила про свою бѣду, сердце у ней заныло и замерло и стала-было она метаться отъ жгучей тоски. Но съ утреннимъ свѣтомъ вдругъ унялась ея печаль, мысли стали яснѣе и она твердо рѣшилась помочь себѣ. Все утро хлопотала она по домашнему дѣлу, усердно помогая матери, но неразговорчива была съ нею, хоть Василиса и безпрестанно заговаривала кой о чемъ. Такъ прошло не мало времени, но до обѣдовъ было еще не близко и Василиса, поубравши дома, поплелась за нужнымъ дѣльцемъ къ сватьѣ своей, старостихѣ, а дочери наказала сидѣть въ избѣ. Но лишь только ушла она, Машутка проворно вывернулась изъ избы и пустилася бѣгомъ,—не по улицѣ, а задами, прямо къ господскому гумну. Она знала, что объ этой именно порѣ, молодой баринъ березниковскiй бродитъ вокругъ гумна, съ сигарою во рту, бродитъ, словно дѣло дѣлаетъ. Машутка недаромъ

все утро молчала, она все раздумывала какъ ей съ бариномъ говорить, какъ просить у него милости по своему дѣлу.

Въ одномъ-то расчётъ ея вѣренъ оказался: она, точно, встрѣтила барина въ томъ мѣстѣ, гдѣ ожидала его встрѣтить. На широкомъ выгонѣ, шагахъ во ста отъ гумна, стоявшаго на отлетѣ, бродилъ нашъ баринъ, заложивъ руки за спину, да поглядывая искоса по сторонамъ, но только все не въ ту сторону, гдѣ было гумно. Это былъ молодецъ красивый и стройный, несмотря на то, что нѣсколько горбился; на желтоватомъ лицѣ его, съ правильными, но мелкими чертами, выражалась апатическая скука; карiе, нѣсколько лукавые глазки поглядывали невесело. На немъ была простая дублёнка, да измятая, сѣрая шляпа съ широкими полями.

Машутка смѣлёхонько подошла къ барину; но когда онъ, остановившись, спросилъ ее, что́ тебѣ надобно, моя милая? она сильно смутилась, потупилась въ землю и не смогла слова выговорить.

Баринъ подошелъ къ ней поближе, потрепалъ ее по алой, разгорѣвшейся щечкѣ,—потомъ взялъ безцеремонно за подбородокъ и приподнялъ ея поникшую голову.

— Да какая же ты миленькая!... говорилъ онъ ласково, заглядывая ей прямо въ глаза, осѣненные длинными-длинными рѣсницами. Дѣвушка позволяла все это дѣлать; но когда баринъ обнялъ ее одною рукою да поцаловалъ въ лобъ, она вздрогнула и отшатнулась отъ него. Въ движенiяхъ ея было замѣтно намѣренiе уйдти.

— Куда жъ ты?... Ну, не сердись, не сердись, дѣвочка моя милая... говорилъ баринъ мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ.—Ты меня не бойся... Разскажи-ка мнѣ, чтожъ такое тебѣ надобно? Вѣдь ко мнѣ ты шла?

— Къ тебѣ.... отвѣчала шопотомъ Машутка, зардѣвшись какъ маковъ цвѣтъ и закрывая лицо рукавомъ.

— Просить о чемъ-нибудь?...

— Да....

— Ну и прекрасно... ты только напередъ скажи-ка мнѣ чья ты дочь? Я что-то не знаю тебя....

— Василисина....

— А, вдовы Василисы, знаю, знаю... Вы вѣдь бѣдны,

кажется.... значитъ, надо помочь вамъ чѣмъ нибудь, должно быть старуха больна.... или ржицы вамъ дать? чтожъ, пожалуй...

— Нѣту.... я отъ себя... замужъ меня хотятъ...

И Машутка навзрыдъ заплакала.

— Ахъ! что-ты!... что-ты! молвилъ баринъ, слегка посмѣиваясь. Тутъ онъ опять приблизился къ дѣвушкѣ и опять обнялъ ее, а она, все горько рыдая, стояла смирнехонько.

— Ну, успокойся же, продолжалъ баринъ: перестань, милая моя.... За кого-жъ это хотятъ отдать тебя?

— За дурачка.... отвѣчала, плача, Машутка: за Кузьку, вишь, Большакова....

— А, а! знаю, знаю!.. Да развѣ ты не хочешь за него?

— Не хочу!.

— Видишь, ты какая бѣдовая.... А ну, за кого-жъ бы ты хотѣла?

— Да ни за кого...

— Ага!... я этому очень радъ... а то я думалъ, что тутъ замѣшалось еще что-нибудь... Такъ значитъ, надобно мнѣ заступиться за тебя?

— Да...

— А какъ же бы это?... я, вѣдь, ничего не знаю... Ну, ты сама скажи, какъ тамъ надо...

— Да и я не знаю...

— Конечно, конечно не знаешь... Ахъ, ты, моя дѣвочка!.. Ну, хорошо, хорошо... я не прикажу выдавать тебя насильно замужъ.

Съ самаго начала этого разговора скука и апатія барина мгновенно исчезли, лице его оживилось веселымъ, задорнымъ выраженіемъ. Онъ любовался отъ всей души этой молоденькою дѣвушкою, съ свѣжимъ, прелестнымъ личикомъ, на которомъ въ ту минуту такъ ярко отражались разнообразныя душевныя движенія: и эта напряженная дѣятельность трудной мысли, и неясное проявленіе воли, и какое-то недоумѣніе. Маленькій ротикъ ея былъ полураскрытъ, какъ-будто вотъ сейчасъ же хочетъ спросить она о чемъ-то, а глаза ея, пристально и изподлобья устремленные на барина, были полны нѣсколько-дикаго выраженія. Баринъ стоялъ возлѣ нея

очень близко. Одну руку онъ положилъ на слегка-трепетавшее плечо дѣвушки, а другою гладилъ волнистые, темнорусые волосы ея, выбивавшіеся спутанными прядями изъ-подъ истасканнаго бумажнаго платка, которымъ была покрыта кой-какъ ея голова. У барина глаза сильно разгорѣлись. Жаръ плеча дѣвушки, ощутительный сквозь старенькій шушунчикъ, шевелилъ его поистасканныя чувства; но вмѣстѣ съ тѣмъ, когда гладилъ онъ эту русую головку, въ душу его проникала какая-то особенная нѣжность. Только, Богъ-вѣсть, надолго-ли стало-бы этой нѣжности и всего вѣрнѣе—подконецъ вспали бы на умъ нашему барину-лакомкѣ нехорошія мысли... Однако случай помѣшалъ ему полакомиться.

Изъ господской рыги вдругъ показался Архипъ Матвѣевъ. Глянулъ онъ на выгонъ, какъ видно отыскивая барина, а какъ увидалъ, что баринъ такъ присосѣдился къ дѣвушкѣ, въ которой Архипъ какъ-разъ узналъ свою крестницу,—то, не жалѣючи своихъ старыхъ ногъ, бросился онъ опрометью къ мѣсту такой опасной, по его мнѣнію, бесѣды. Машутка стояла лицомъ къ рыгѣ — и первая замѣтила Архипа. Она встрепенулась, явно испуганная, и промолвила шопотомъ: «крёстный бѣжитъ!..» Баринъ быстро обернулся. Онъ видимо смутился, увидавъ стараго слугу своего, и проворно пошелъ къ нему навстрѣчу.

— А!.. хорошо, что ты кстати пришелъ, Архипъ Матвѣевъ... — заговорилъ баринъ очень мягко и нѣсколько скороговоркою,—вотъ дочь вдовы Василисы жаловаться ко мнѣ пришла... говоритъ, что выдаютъ ее замужъ за Кузьку Большаковыхъ, а она не хочетъ,—значитъ насильно... Какъ же это, Архипъ? Кто-жъ это тамъ распоряжается такимъ образомъ?.. Мать, что-ли?..

Архипъ Матвѣевъ съ величайшимъ негодованіемъ посмотрѣлъ на свою крестницу.

— Ну, вотъ, сударь,—началъ онъ, размахивая руками,—что ты будешь съ ними дѣлать!... Ахъ, ты, дрянь эдакая!.. Жаловаться тоже къ самому барину пришла!.. Словно, какая оглашенная!.. Да я тебя!..

— Э!.. за что же ты на нее?..—сказалъ баринъ.

— Да какъ же, батюшка!—крикливо отвѣчалъ Архипъ.

Какъ же мнѣ-то ее не учить? Вѣдь крестница мнѣ тоже!.. Ну, ей-же-Богу, не ждалъ такой оказіи отъ ней... Да коли такъ–то, по ихнему–то все дѣлать — житья, какъ есть, не будетъ!.. Помилуйте, сударь, что̀ вы слушать ее изволите?.. Постегать бы надобно,—сказать по-просту,—да и хорошенько постегать!.. Такъ–то!..

— Ну, ну!..—возразилъ баринъ, строгій ты какой!.. Можно и безъ этого обойтись. Вонъ она жаловалась, что насильно выдаютъ... плачетъ, бѣдняжка... Да ты знаешь ли, въ чемъ сущность и всѣ подробности дѣла?.. Она, видишь ли, говоритъ...

— Мало-ль что̀ она говоритъ!—перебилъ Архипъ барина. Вишь, безстыжіе твои глаза!.. Эхъ!.. дѣвка, выходитъ, какъ есть, сумасшедшая, — вотъ что̀!.. Кладъ въ руку дается, а она–тово... Чай, сударь, изволите знать?.. Большаковы—первѣйшая семья на деревнѣ, богачи... ну, таперича, Парѳенъ старикъ чаетъ прокъ въ ней, потому больше, что дѣвка, дискать, неизбалованная, вотъ и хочетъ попросить милости вашей да и сватать за сына. Оно, правду сказать, малый—дурковатъ,—да чтожъ такое! вѣдь, чай, можно прожить вѣкъ и съ такимъ мужемъ... А они—люди–богачи,—чего лучше?.. А я, добра имъ желаючи... Василиса–то, сударь, билась, билась, дотла достатки дотянула, вотъ таперича средствіе такое есть, анъ, видишь, дряни эдакой не угодили! Да если вы, батюшка, какъ-ни-на-есть, волю ей дадите, такъ и житья не будетъ!.. Власть ваша, а наказать слѣдуетъ безпремѣнно.

— Э, нѣтъ...—молвилъ баринъ, лѣниво позѣвывая.—Ты ужъ черезъ-чуръ разгорячился, Архиппъ... Ну, стоитъ ли?..

— Да какъ же, батюшка...—началъ-было Архиппъ.

— Постой...—прервалъ баринъ. Я вотъ самъ скажу ей теперь...—Послушай-ка моя милая, —продолжалъ онъ, обращаясь къ дѣвушкѣ, съ нѣсколько-язвительной улыбочкой, но все-таки мягкимъ, какъ и всегда, голосомъ, — послушай-ка, вѣдь тебѣ добра желаютъ, — какъ-же ты это?.. Нельзя же, моя милая... Вы бѣдны... Ну, ты сама разсуди...

Баринъ остановился, какъ–будто ожидая отвѣта, но дѣвушка, конечно, молчала. Зато Архипъ тотчасъ-же заговорилъ:

— Помилуйте, сударь, да что вы съ нею такъ-то изво-

лите?... Вы еще безпокоитесь, уговариваете тоже!.. да стоитъ ли она этого?.. А вотъ изволили бы прикрикнуть на нее, да колибъ еще ручекъ своихъ не пожалѣли, такъ она и знала бы на–предки, какъ безпокоить васъ всякими пустяками... Вишь, она, словно столбъ безчувственный!..

— Да какой-же ты сердитый, Архипъ...—молвилъ баринъ, посмѣиваясь.

— Эхъ, сударь!.. возразилъ Архиппъ плаксивымъ голосомъ,—вѣдь даже злость беретъ, глядючи на дурость эдакую!.. Сжалился вотъ на нихъ, хлопоталъ-хлопоталъ, а тутъ... Ну, да ты постой у меня, умница, я тѣ еще угощу... Чтожъ,—развѣ изъ-за твоихъ дуростей матери-то по-міру идти?..

— Вотъ видишь, моя красавица,—сказалъ баринъ, все-таки съ усмѣшечкою:—все неудачи намъ съ тобою... Ты не печалься, не тужи, — говорятъ: «стерпится-слюбится»,—а тамъ и на твою улицу праздникъ придетъ... Да какая она хорошенькая у тебя, Архипъ!..

— Что вы это, сударь! напрасно, какъ есть, изволите обращать вниманіе,—право-съ, дрянь—дѣвчонка!.. Вы ужъ, батюшка, лучше отпустите ее домой... Хорошо, еслибъ милость ваша была потазать ее на дорожку... А то, сударь, не извольте безпокоиться и на этотъ счетъ... вотъ мы сами съ Василисою...

— Ну, нѣтъ, Архиппъ, оставь ее въ покоѣ, она сама одумается.... Слышишь: я не позволяю наказывать ее за теперешній поступокъ. Пойдемъ-ка ты лучше со мной... кажется, надо мнѣ тамъ приказать что-то такое. Прощай, моя милая, ты не бойся да и не тужи по–пустому,—видишь, они добра тебѣ желаютъ... Ахъ, да!.. какъ зовутъ-то тебя?..

Дѣвушка не отвѣчала. Опустивъ низко голову, она стояла неподвижно, словно вкопанная.

— Что-жъ, не отвѣчаешь-то?.. крикнулъ на нее Архипъ. Ахъ, ты мерзкая!.. Вотъ она, сударь, неслухъ какая!.. и не приведи-то, Господи!.. Домой пошла, оглашенная!..

И Архиппъ замахалъ на нее обѣими руками.

Баринъ, засмѣявшись, побрелъ къ гумну, Архиппъ Матвѣевъ пошелъ за нимъ слѣдомъ и съ жаромъ сталъ разсказывать что-то. Тронулась съ мѣста и дѣвушка. Медленно

пошла она въ направленіи къ деревнѣ, частенько оглядываясь на барина и на крёстнаго своего, уходившихъ въ противуположную сторону. Когда же они, войдя въ рыгу, совсѣмъ скрылись изъ виду, Машутка проворно соскочила въ сторону отъ дороги на деревню и опрометью пустилась къ высокому, крутому берегу рѣки, обросшему кой-гдѣ густымъ лознякомъ. Она бѣжала, размахивая руками порывисто, словно сумасшедшая. Тоска смертная терзала ея душу, мысли всѣ перемежались, перепутались, мелькала въ нихъ рѣшимость на недоброе дѣло...

— Экъ, они!.. бормотала она на-бѣгу:—всѣ сговорилися... загубить хотятъ, сговорилися... Баринъ-то?.. вишь, чернавый, не заступился!.. А я пойду, утоплюся... Какъ же! вишь они!.. загубить хотятъ!.. а я вотъ возьму да утоплюся!..

— И точно: она бѣжала къ тому мѣсту рѣки, гдѣ легко было утопиться: въ весеннія водополья, рѣка вырыла подъ крутымъ берегомъ чрезвычайно-глубокое мѣсто, которое народъ здѣшній называлъ омутомъ.

— Быстро, лётомъ взбѣжала Машутка на самый край берега, почти отвѣсно склонявшійся надъ темною глубью. Тутъ остановилась она. По невольному какому-то побужденію, она оглянулась кругомъ, словно прощаясь на-вѣкъ съ знакомыми мѣстами — и вдругъ увидала на другомъ берегу рѣки, прямо насупротивъ себя, какого-то человѣка, съ ружьемъ за плечами, который глядѣлъ въ ея сторону.

Должно быть, онъ угадалъ намѣреніе Машутки, потому что тотчасъ же закричалъ ей:

— Эй! эй, дѣвка!.. что ты,—съ ума, что-ль, сошла?..

У Машутки сердце упало, она такъ испугалась, что даже присѣла на землю. Быстро спряталась она, ползкомъ, въ кусты; нѣсколько минутъ лежала тамъ неподвижно, а потомъ, ползкомъ же, стала пробираться изъ кустовъ на лугъ.

Но черная мысль еще не покинула ея разгорѣвшуюся голову.

— Помѣшалъ, длинновязый какой-то!.. подумала она съ сердцемъ о незнакомомъ охотникѣ. Ну что-жъ!.. тутъ нельзя,—такъ я другое мѣсто знаю...

Въ полуверстѣ отъ Березниковъ находилась густая, ли-

повая роща, посрединѣ которой стояло глубокое озерко. Къ нему-то отправилась теперь Машутка,— но она уже не бѣжала, а пошла тихонько. Дорогою она много передумала,— ужъ какъ тяжело было у ней на сердцѣ!.. однако, мысли ея на эту минуту были ясны и опредѣленны. Вспомнила она тутъ,—какъ никогда прежде не вспоминала,—про сиротство свое да про бѣдность, какую терпѣла вмѣстѣ съ старухой-матерью... Съ самыхъ раннихъ годовъ пошла она въ тяжкую работу—и много намаялась. Вотъ только въ послѣднiй годокъ гораздо поприбавилось силы у ней, работа стала легка и спориста да и житье настало веселое: бабы и взрослыя дѣвки приняли Машутку въ товарки себѣ, въ хороводъ стали пускать. И ужъ сколько пѣсенъ узнала она, веселыхъ и жалостныхъ пѣсенъ! Съ ума не шли у ней пѣсни да хороводы на зеленомъ лугу; хороводы снились ей чуть не каждую ночь. Да! только-что житье было пошло, а тутъ женихъ глупый, противный, свекоръ угрюмый, чужая семья!.. Вдругъ вздумала она про барина. Припомнились ей во всей полнотѣ вся его фигура, ласки его, этотъ мягкiй голосъ да и этотъ смѣхъ подконецъ разговора съ ея крестнымъ отцомъ— и такое зло ее взяло... «Вишь ты, чернавый... — думала она: баринъ... баринъ тоже... словно не его я просила... Да не хочу я вотъ замужъ-то, за Кузьку!.. анъ, пойду, въ воду брошуся!». И напавъ опять на эту мысль, пошла она шибче по лугу. Бѣдная дѣвка все еще думала утопиться... Ужъ прошла она больше половины пути, какъ вдругъ увидала корову свою, которая, отставъ какъ-то отъ деревенскаго стада, пасшагося по другую сторону липовой рощи, бродила одна по лугу и мычала жалобно. Ахъ ты!—вскрикнула Машутка: — корова-то наша... вишь отъ стада отстала... а пастухъ-то и не хватится... Бурёнка!.. буренка!..—стала она кликать ее. Корова подошла къ ней; Машутка погладила её и погнала къ стаду. Загнавъ корову за рощу, она остановилась въ раздумьи. Опять вздумала она о своей бѣдѣ, нѣсколько минутъ горько плакала, а потомъ вспомнила съ ненавистью о Кузькѣ Большаковыхъ. «Охъ, ужъ я его!.. вотъ не стану любить... коли отдадутъ-то меня».. прошептала она. И опять защемило у ней на

сердцѣ, опять пришло ей на мысль наложить на себя руки, опять живо ей вспомнилась темная глубь озерка... Но ужъ Богъ-вѣсть, пошла ли бы она теперь къ этому озерку: въ душѣ ея, уставшей отъ страстныхъ мыслей и разнообразныхъ впечатлѣній, стала замирать рѣшимость на недоброе дѣло. Опустивъ голову, дѣвушка стояла все на одномъ мѣстѣ и слезы тихо катились по ея поблѣднѣвшимъ щечкамъ. Но вдругъ она живо встрепенулась, — за рощей раздался пастушій рожокъ. Онъ наигрывалъ игривую пѣсню:

Не будите молоду
Ранымъ-рано поутру;
Вы тогда меня будите,
Когда солнышко взойдетъ,—
Когда солнышко взойдетъ,
Роса на землю падетъ;
Когда выдетъ пастушокъ,
Заиграетъ во рожокъ.
Хорошо пастухъ играетъ,
Словно выговариваетъ:
Выгоняйте вы скотину
На широкую долину.....

И точно, хорошо пастухъ игралъ, словно выговаривалъ. Пѣсня его раздавалась по рощѣ въ звонкихъ переливахъ. Съ страстнымъ волненіемъ стала прислушиваться къ ней Машутка. И стало ей легче,—не повеселѣла она, но на душѣ какъ-будто посвѣтлѣло и черныя мысли позамолкли.

Тутъ вспомнила она о старой своей матери, которая хоть и кропталась на нее частенько, а все-таки была добра и ласкова къ ней, никогда не обижала ее, давала волю ей во всемъ—и она внезапно поняла, что колибъ наложила на себя руки, заѣла бы совсѣмъ грусть-тоска горемычную старуху. «И такъ мало ей радости».. подумала Машутка—и ужъ какъ жаль ей стало бѣдную мать свою!

Посвѣтлѣло на душѣ у Машутки, да въ то же время прояснѣло и на небѣ и солнышко ярко выглянуло изъ-за облаковъ; вѣтеръ совсѣмъ стихъ и день поразведрился. Почти весело взглянула Машутка на небо. «Какъ есть пол-

дни... — сказала она. Чай, матушка давно домой пришла... Обѣдать пора»..

Взглянувъ тоскливо, но мелькомъ, въ ту сторону, гдѣ находилось озеро, она рукой махнула и пошла домой скорёхонько. Бѣдная дѣвка нагрустилась и надумалась вдоволь, да и очень-таки проголодалась.

III.

Безъ ума, безъ разума
Меня замужъ выдали.

Послѣ этого раза Машутка совсѣмъ-таки угомонилась. Когда, вечеркомъ, пришелъ къ Василисѣ Архипъ Матвѣевъ и, разсказавъ ей, какъ взбалмошная дочка ея ходила къ барину жаловаться, принялся бранить свою крестницу, да все добивался отъ ней—съ чего она вздумала такъ дурить-то, Машутка хоть бы словечко въ отвѣтъ вымолвила и только раза два вздохнула легонько. Такая смиренная безотвѣтность очень по-сердцу пришла старику, а Василисѣ даже крѣпко жаль стало дочери. Послѣ ухода Архипа, много ласковыхъ словъ сказала она Машуткѣ, но та опять приняла все молча, а ночью долго плакала. Извѣстное дѣло,—молодость легко горе выноситъ; легко вынесла его и Машутка, такъ легко, что скоро стали сильно занимать ее всѣ свадебные сборы.

Дѣло о сватьбѣ пошло скорымъ ходомъ. Явились сваты честь-честью, все какъ слѣдуетъ, и начали сказывать Василисѣ: «у васъ-де товаръ, а у насъ есть купецъ»;—потомъ и по рукамъ ударили. При этомъ разѣ Архипъ Матвѣичъ заступалъ мѣсто отца роднаго.

Во все время сватовства, не видно было, чтобы тужила о чемъ-нибудь Машутка, словно совсѣмъ миновало ея горькое раздумье.

— А пускай, думала она про себя,—а пускай за дурачка выдаютъ... Эко-ся!.. я вѣдь не поддамся ему!.. съ дурачкомъ-

то своя воля будетъ... А съ молодыми бабами веселёхонько!.. Плакать-то мнѣ не объ чемъ...

И точно: ни слезинки она тутъ не выронила; да чего! какъ запѣли дѣвки свадебныя пѣсни, она совсѣмъ повеселѣла, а когда Архипъ Матвѣичъ объявилъ ей, что баринъ обѣщалъ подарить на сватьбу коты да крытую китайкою новую шубу, она чуть не запрыгала отъ радости. За все такое сосѣдки много корили невѣсту.

— Вишь ты!.. говорили онѣ промежъ себя:—глядит-ко, какая развеселая!.. больно ужъ обрадовалась, что берутъ въ богатую семью... А чего, касатки! вѣдь свекоръ лихъ добре, онъ потакать-то ни въ чемъ не станетъ, замучитъ работою...

Оно и не диво, что осуждали Машутку за спокойствіе ея во время сговора,—вѣдь, безъ покору сватьба не бываетъ. Да отъ этихъ покоровъ и худа не вышло: Парѳенъ Елисеевъ крѣпко-на-крѣпко стоялъ на мысли взять Машутку въ домъ свой. И совсѣмъ-таки даромъ пропали всѣ пересуды, пропали, словно вѣтеръ въ чистомъ полѣ. И колибъ сама Машутка услыхала ихъ, наврядъ ли бы она опечалилась или смутилась. Шли ей въ голову все веселыя мысли: думала она безпрестанно, какъ въ хорошей нарядѣ своей будетъ она съ другими молодыми бабами пѣсни распѣвать да свободно выплясывать, весной, въ хороводахъ. «А дурачокъ-то не станетъ мѣшать...»—твердила она про себя. И ужъ какъ смѣшно было ей глядѣть на этого дурачка, когда пѣли:

На рѣчкѣ лебедушка кликала,
На быстрой бѣлая кликала:
Ты лети, лети, лебедь мой!
Ты лети, лети, бѣлый мой!
Безъ тебя ли мнѣ, лебедушкѣ,
Рѣчка не такъ течетъ,
Въ полѣ трава не зелена.....

Въ одинъ вечеръ спѣли, ненарокомъ, что-ли, и словно не въ хорошую примѣту,—слова невеселыя:

Во чужихъ людяхъ, жить умѣючи,
Держать голову поклонную,
Ретиво сердце покорное....

Но веселая невѣста, хоть и призадумавшись, слушала слова эти, однако не запечалилась.

Только въ дѣвишникъ плакала Марья много и горько, когда пѣли печальную пѣсню:

Ты, рѣка ли моя, рѣченька,
Ты, рѣка ли моя, быстрая!
Ты течешь не колыхнешься,
Наравнѣ съ желтымъ пескомъ не возмутишься...
Ты, дитя ль мое, дитятко,
Ты, дитя ль мое, милое!
Сидишь ты, не усмѣхнешься,
Что возговоришь—не улыбнешься...
Дѣвушки, голубушки!
Да чему же мнѣ смѣятися?
На что глядя, радоватися?
У меня полонъ дворъ гостей,
У меня полна горница гостей, —
Снарядить меня есть кому,
Отпустить меня не кому:
Нѣтъ родимаго батюшки!
Ой, ты, братецъ мой родимый!
Ты поди ко божьей церкви,
Ты ударь трижды въ колоколъ,
Разбуди ты моего батюшку!
Разбуди моего родимаго!...

Зато, при разставаньи съ матерью, передъ самымъ отъѣздомъ къ вѣнцу, она—что грѣха таить?—не очень-то тужила-горевала; конечно, поплакала-поголосила она при этомъ разѣ, но слезы ея прошли скорёхонько, прошли какъ вешній снѣжокъ подъ солнцемъ. А подъ вѣнцомъ она стояла да думала: «Ахъ! ужъ поскорѣе бы все это покончилось!.. Чтожъ такое!.. замужемъ не хуже, чай, будетъ... Можетъ, дурачекъ-то мой будетъ ѣздить въ извозъ частёхонько...»

Радостно приняли молодыхъ старикъ Парѳенъ Елисеичъ и жена его Дарья Силантьевна. Тутъ бабы во все горло величали молодаго князя съ княгинею. А Кузьма Парѳенычъ дуракъ-дуракомъ за столомъ сидѣлъ и по-дурацки цаловался съ молодой женою, кагда родные и гости приказывали мо-

лодымъ «подсластить» вино или брагу. На такихъ большихъ радостяхъ, что сына-то женилъ, Парѳенъ Елисеичъ разщедрился: пированье у него шло цѣлыхъ три дня. Во все это время тяжело-таки было на сердцѣ у Марьи, не оттого тяжело, что она встосковалася о родной семьѣ или о чемъ-нибудь, а оттого, просто-на-просто, что ужъ больно скучно стало ей: вѣдь и то сказать, всѣ веселятся вокругъ, молодая же, по обряду, не смѣй и глазъ поднять на разгулявшихся гостей, а только знай — привставай съ мѣста да кланяйся низёхонько, да еще чмокайся безпрестанно съ мужемъ, нелюбымъ Кузькою.

Наконецъ, прошли-таки эти скучные дни; пошло житье-бытье въ семьѣ Большаковыхъ какъ всегда водилось у нихъ. Житье Марьѣ оказалось не плохое: свекоръ и свекровь — ласковы съ нею завсегда, а о мужѣ и говорить нечего, — онъ по всякъ-часъ радъ и готовъ ластиться къ ней. На деревнѣ всѣ бабы такому житью завидовали: «подикося, счастье какое Машуткѣ!... говорили онѣ: мужъ-то хоша и плохонекъ, какъ есть глупёхонекъ, да вѣдь одинъ сынъ у отца и, пожалуй, скорёхонько самъ хозяинъ будетъ, вѣдь дѣдушка Парѳенъ ужъ больно старъ... То-то, Машутка, чай, зазнается!»...

А Марья, видно, для того, чтобы заглушить тоскливыя мысли, подчасъ налетавшія къ ней на сердце, съ великимъ усердіемъ принялась за домашнюю работу: и все въ рукахъ ея спорилось, все выходило у ней ладно. Свекоръ ея, хозяинъ въ дому настоящій, рѣдко хвалилъ ея за работу, но видимо былъ доволенъ и не забывалъ свою сноху нетолько лакомымъ кускомъ, но даже,—какъ ни былъ скупъ,—иной-разъ какимъ-нибудь гостинчикомъ, когда доводилось ему съѣздить въ городъ на базаръ. И набралось у Марьи вдоволь всякой наряды. Не подъ лѣта и не подъ нравъ было ей прятать эту наряду по сундукамъ, хотѣлось тоже передъ добрыми людьми показаться, какъ слѣдуетъ молодицѣ изъ богатой семьи, — и полюбилось ей выходить по праздникамъ на улицу. Свекровь нетолько не мѣшала ей постоять вечеркомъ у воротъ съ молодыми бабами и дѣвками да покалякать тоже и съ парнями молодыми, а не то сходить о

праздникахъ въ гости къ роднымъ, иной-разъ сама бывало уговариваетъ невѣстку:

— А ты, дитятко, вотъ пошла бы теперь да погуляла— чтой-то ты все словно... А ты, касатка, не скучай у насъ,— мы тебя николи не изобидимъ...

Что и говорить: всѣмъ бы житье Марьѣ, колибъ только не глупый, противный мужъ: слова путнаго не умѣетъ вымолвить, а не то, чтобы толково, со смысломъ приняться за какую–нибудь работу. Все–то ему — не въ домекъ, все то не подъ силу: за сохой идетъ — дремлетъ, за бороной всякъ часъ спотыкается, молотить начнетъ — того гляди убьетъ цѣпомъ; спать-же такой лихой, что вотъ загорись изба, такъ его пожалуй и не добудишься. Не жалѣючи рукъ своихъ, строгій отецъ училъ его уму-разуму, но не вышло толку ни на волосъ: малый былъ глупъ словно чурбанъ и не было у него охоты ни къ чему.

«Ахъ ты, Господи!... часто думывалъ Пареенъ Елисеевъ: Кузька-то выходитъ какъ есть бездомникъ. Вотъ для кого я весь вѣкъ работалъ!... А после-то меня чай какъ разъ весь домъ погубитъ, прахомъ разсоритъ всѣ мои кровныя денежки.... Одна таперича надежда на Машутку!»...

Но вдругъ и Машутка не угодила старику, мало стала его радовать: полюбила она разгуливать черезъ мѣру. Бывало, не успѣетъ старикъ Пареенъ отвернуться, — Марья шасть за ворота и очутится гдѣ-нибудь въ хороводѣ, а тамъ и поетъ и пляшетъ безъ устали. Вотъ какъ воротится она уже ночью домой, начнетъ тутъ свекоръ крѣпко тазать её за то, что съ этими погулянками сдѣлалась полуночницей, а она стоитъ себѣ да помалчиваетъ, какъ-будто и не про нее рѣчь идетъ. На завтрашній день Марья только-что проснется, ужъ и начинаетъ раздумывать, какъ-бы поранѣе, вечеркомъ, улизнуть на улицу къ товаркамъ — и точно: какъ есть улизнетъ, да и стало случаться, что иной разъ только къ свѣту домой вернется.

На-порядкахъ доставалось за эту егозу бѣдной свекрови: не прощалъ Пареенъ своей старухѣ за то, что худо она смотритъ за молодой снохою.

— Чего ты, старая, смотришь-то? говорилъ онъ часто

женѣ своей: — Машутка вовсе-вовсе отъ рукъ отбивается!. повадилась, вишь, на улицу таскаться... Охъ ужъ ты мнѣ,— дура ты, какъ есть, неповитая... Вотъ примусь я за тебя изначала...

— О-охъ, батюшка!.. какъ же быть-то мнѣ?... Вѣдь, она не малый ребенокъ, разумъ свой у ней есть... О-охъ!... не набѣгаешься за нею... Гдѣ ужъ мнѣ, батюшка?...

— Да ужъ ты отродясь дура была, — что ужъ тутъ!... А вотъ самъ я примусь учить ее уму-разуму....

— Касатикъ, родимый!.. ты ужъ не больно же учи ее... Ахъ, а я-то стара, моченьки нѣтъ, вотъ въ непогодь всѣ косточки гудутъ... А она—бабёночка—больно ловкая, кажись, и смиренная, право-слово, смиренная: пошлешь куда, идетъ, словечка николи не поперечитъ и больно-то хорошо во всемъ мнѣ пособляетъ....

Парѳенъ очень осерчалъ.

— Тьфу, вы бабы!.. глупое отродье!... Вотъ и въ-правду говорится: «у семи бабъ одинъ козій духъ»... Что пособляетъ-то тебѣ, такъ ты и рада потакать всячески? Да на-что-жъ мы въ семью-то ее приняли?... Ты вотъ что должна бы смотрѣть, — какъ бы грѣха не вышло, помилуй Господи... того-гляди, пойдетъ худая слава про Машутку, да пожалуй, и не даромъ пойдетъ, — чай, вѣдь срамно будетъ семьѣ нашей!... Эхъ, ужъ что тутъ!.. и я-то дуракъ-дуракомъ съ тобою сталъ, вѣдь тебѣ все какъ въ стѣну горохъ, вѣдь ты и трехъ-то перечесть путёмъ не умѣешь...

Да, ужъ при этомъ разѣ, Парѳенъ Елисеевъ крѣпко разбранилъ свою старуху; въ прежнее время онъ не сталъ бы тутъ много разговаривать, а просто поколотилъ бы ее, — скоръ былъ человѣкъ на расправу, — ну, а теперь старость сильно начала одолѣвать его и сталъ онъ гораздо посмирнѣе, зато готовъ былъ цѣлый день кроптаться. Впрочемъ, говоря о Марьѣ, онъ, точно, за дѣло кроптался.

Деревенскіе парни ужъ больно-усердно увивались за нею: тотъ подчуетъ ее пряниками, другой орѣхами, и всѣ хлопочутъ, чтобы поцаловаться съ нею, или хоть такъ-бы наиграться да наговориться. А она ни отъ кого не отнѣкивается, со всѣми ха-ха-ха, да ха-ха-ха, любитъ повеселиться, хоть

хлѣбомъ не корми: и въ хороводахъ сдѣлалась первой запѣвалою, и поплясать завсегда готова. Какъ похорошѣла она послѣ замужства! Лицо бѣлое и румяное, глаза огнёмъ горятъ, взглядъ такой бойкій, смѣлый и веселый. Пойдетъ ли плясать, — у всѣхъ молодыхъ парней сердце такъ и разъиграется, да что̀ молодые парни!—и старики-то частёхонько любуются ею.

И все это было, когда пришла весна-красна, когда одѣлись луга мягкой муравою да настали забавы весеннія. Ужъ какъ повеселилась въ эту вёсну наша молодица! Бывало, кто выше ея взвивается и летитъ на качеляхъ?—Другія бабы, хоть и тоже любятъ качаться, кричатъ да визжатъ благимъ матомъ, а она — ничего, только посмѣивается. Какъ умѣла она взманить всякаго на игрище!

И бойко, бывало, идетъ она впереди всѣхъ и поетъ голосисто, а голосъ у ней — звонкій, чистый, легкій,—поневолѣ можно было заслушаться.

Не понравилось Марьѣ гулять посередь улицы, тамъ грязно подчасъ и сорно всегда, а главное, тамъ тѣсно казалось ей. И уводила она хороводы сначала на свой зеленый лужокъ, передъ окна своей прежней избёнки. Тамъ мать ея, бывало, приподыметъ оконце и выглянетъ на милое дитятко свое, какъ стоитъ она въ хороводѣ всѣхъ наряднѣе, всѣхъ лучше, всѣхъ краше и веселѣе, — выглянетъ, посмотритъ и заговоритъ въ ней материнское сердце: уйдетъ она потихоньку на задворокъ и плачетъ тамъ, плачетъ,—ужъ такъ-то ей горько, что отдала она свое дитятко на чужія руки.

А Марья, не думая ни о чемъ, заливалась громкими пѣснями, да потомъ уводила весь хороводъ на зады своего прежняго двора, на широкій лугъ, и отплясывала тамъ на зеленой муравѣ, ловко пристукивая красными каблучками.

IV.

Вотъ наступилъ Троицынъ-день, лѣтній, веселый праздникъ. Въ этотъ праздникъ, чай, вездѣ народъ веселится, — веселились отъ всей души и въ Березинкахъ.

Лишь-только пришелъ народъ отъ обѣдни и сѣли обѣдать, молодицу нашу такъ и стало подмывать—скорѣй идти на улицу: ѣла она, не ѣла, во весь обѣдъ молчала да все думала про хороводъ, слова пѣсенъ не выходили у ней изъ ума. Не успѣла свекровь со стола собрать, а Марья ужъ и пробирается въ сѣни да и къ воротамъ. Но въ самыхъ воротахъ она должна была остановиться, кликнулъ ее свекоръ, который, — и не замѣтила она второпяхъ, — пошелъ слѣдомъ за нею изъ избы.

— Ты куда это, Марья? — спросилъ онъ ее сурово.

— А на улицу, батюшка-свекоръ...—отвѣчала она какъ-то робко.

— Знаю, что на улицу... знаю, что на погулянки, пѣть да плясать... Оно бы нешто, — праздникъ нонѣ такой... да вотъ мнѣ инда за горе стало,—не пила ты, не ѣла, почитай, за обѣдомъ, ни съ кѣмъ словечка не перемолвила, а все отчего? оттого, что все думала о потѣшеньяхъ... Все бы вамъ вѣнки завивать да пустыми дѣлами заниматься!... А нѣтъ того, чтобы отложить такія погулянки да дома поприбрать да подумать, что̀ надо еще сдѣлать по домашнему дѣлу...

Неспокойно повернулось сердце у Марьи при послѣднихъ словахъ свекора.

— Батюшка-свекоръ!...—отвѣчала она тихо, но твердо: — я ли вамъ во всемъ не работница?... А я прямо скажу, — кажись, я ни въ чемъ не плошала... Что̀ же такое я не сдѣлала?... Все равно, какъ у матушки работаю.

— Такъ-то такъ... Да только ужъ больно гульлива стала, — я и боюся, что послѣ меня не сведешь ты дома... А мнѣ, Марья, кромѣ, какъ на тебя, не на кого понадѣяться... Ты послушай-ко меня, Марья, давно я хотѣлъ поговорить съ тобою, такъ вотъ по душѣ поговорить... для твоего же добра, видитъ Богъ, для добра!... Больно старъ я становлюся, подъ сердце часто подхватываетъ, руки отъ дѣла отваливаются... ахъ! слабъ становлюся, не долго проживу съ вами... такъ для тебя же говорю. Ты будь въ дому хозяйка, для себя самой старайся! На старухѣ нечего взять—и съ-молоду плоха была, ну а теперича и лѣта ея... хворая она тоже... А Кузька-то... да нечего тутъ,—сама все знаешь!...

Но все же онъ мужъ тебѣ, ты по-божьи должна... нельзя-таки не почесть въ иномъ... А воли ты ему по дому не давай, — слышишь? — не давай ни-за-что!...

— Слушаю, батюшка-свекоръ, — молвила Марья полушопотомъ.

— Пуще всего... — продолжалъ старикъ Парѳенъ, понизивъ тоже голосъ, а брови его сѣдыя межъ-тѣмъ сильно хмурились и глаза ярко вспыхивали, — пуще всего не давай ему, глупому, лошадьми-то мытарить... Ужъ какой я-то охотникъ былъ до нихъ!... самъ возрастилъ ихъ жеребятками. Не позволяй же ты Кузькѣ продавать лошадей: его, какъ есть, на каждомъ шагу обочтутъ и обманутъ. Въ извозъ тоже не пущай, — не его ума это дѣло, — убытку лишь наживетъ, коней надорветъ да изхарчится, безтолочь... Охъ, домъ-то мой!... какъ я работалъ, трудился, какъ радѣлъ о домѣ!... И Господь миловалъ, николи невзгоды-бѣды не было... Вотъ лишь сынъ-то!...

И старикъ прикрылъ глаза рукою: передъ внутреннимъ взоромъ его стали проноситься, перепутываясь съ печальными мыслями о настоящемъ, воспоминанія о прошломъ трудѣ, которымъ нажилъ онъ себѣ достатокъ. Въ то время, какъ старикъ думалъ, Марья тоже крѣпко позадумалась. Да умри старикъ, — какъ тутъ пойдутъ дѣла по дому?... не ужто на нее одну всѣ хлопоты и заботы лягутъ?... Но она не робѣетъ, ей даже по-сердцу мысль, что она сдѣлается полной хозяйкою и будетъ радѣть о домѣ во всемъ и ужъ кажется, что всѣ дѣла домашнія пойдутъ хорошо, подъ ея завѣдываніемъ... А вмѣстѣ съ тѣмъ очень жаль ей свекора, такъ жаль, что у ней на минутку слезы вскипѣли на сердцѣ — и позабыла она о хороводѣ и о завиваньи вѣнковъ.

Старикъ опять заговорилъ:

— Вотъ еще, Марья, строго-на-строго присматривай, чтобы онъ пашней-то не запаздывалъ, — главное дѣло, — вешнею пашнею: «весною, въ бороздкѣ спи» — сказываютъ недаромъ старые люди... Такъ-то, Марья, касатка, слышь ты меня... Да и обо всемъ пекися, вѣдь для себя же самой... Спозаранку про все такое говорю я тебѣ, ну, да къ слову пришлось и давно это дѣло на сердцѣ у меня лежало... А

Кузька-то... онъ, точно, больно-дурковатъ, зато смирёнъ, ты его не бойся, только будь съ нимъ поласковѣе, чтобы онъ больше слушалъ-то тебя...

Марья слушала слова эти съ полнымъ вниманіемъ, но вдругъ раздались на улицѣ веселыя пѣсни, она навострила уши и глаза ея заблестѣли.

— Батюшка-свекоръ, — сказала она скороговоркою: — все стану дѣлать, какъ ты приказываешь... повѣрь, батюшка-свекоръ, ничего не забуду... А теперь-то... пора бы мнѣ,— народъ собрался, бабы и дѣвки меня поджидаютъ... отпусти меня...

Старикъ махнулъ рукой и промолвилъ глухимъ голосомъ:

— Ступай!...

Потомъ вздохнулъ онъ глубоко и побрелъ въ избу, бормоча сквозь зубы:

— Охъ, боюся... и изъ нея проку не выдетъ... Растащится все мое доброе въ разныя стороны!...

А тѣмъ временемъ Марья мигомъ догнала молодыхъ бабъ, дѣвокъ и парней, собравшихся погулять да повеселиться. И вотъ, позабывъ все на свѣтѣ, идетъ она впереди нарядной толпы и, держа въ рукахъ кудрявую березку, изукрашенную алыми лентами, ловко и живо приплясываетъ подъ веселую пѣсню, которую поетъ хороводъ:

Ой, во полѣ береза стояла,
Лёли, лёли, стояла,
Ой, во полѣ кудрявая стояла,
Лёли, лёли, стояла.
Не кому березы заломати,
Лёли, лёли, заломати;
Не кому кудрявой защипати,
Лёли, лёли, защипати.
Я пойду, погуляю,
Лёли, лёли, погуляю;
Бѣлую березу заломаю,
Лёли, лели, заломаю....

Весь хороводъ отправился въ березовый лѣсокъ, за околицею. Тамъ всѣ наломали зеленыхъ вѣтвей и свили вѣнки

себѣ, на головы. Какъ хорошо шли эти вѣнки къ разубраннымъ лентами русымъ косамъ красныхъ дѣвушекъ! А какъ присталъ такой нарядъ къ прекрасному личику Марьи! Какъ хорошо оттѣняли эти сочные, зеленые листья вѣнка ея свѣжій, здоровый румянецъ!

Скоро къ хороводу пристало нѣсколько молодцовъ-парней, самыхъ веселыхъ и потѣшныхъ на деревнѣ. Пришли они съ гармоникой и балалайкой, принесли съ собою охоту повеселиться, поплясать, — и подъ тѣнью густолиственныхъ дубковъ да кудрявыхъ березокъ, на гладкой, зеленой полянкѣ, началась развеселая пляска.

Вотъ наша молодица, Марья Ефимовна, вошла въ кругъ поплясать; съ платочкомъ въ рукахъ, наклонивъ слегка голову на сторону, начала она плясать тихо, словно нехотя, но вдругъ шибко разъигралась въ ней молодая кровь: вскинула она руками, ударила въ ладоши, звонко вскрикнула, вздрогнула всѣмъ тѣломъ и пустилась такъ отплясыватъ, что, глядя на нее, обдавало жаромъ всякаго.

И всѣ тутъ смотрѣли на нее, и всѣ любовались. — «Ай, славно!... ай, любо!...» раздавалось со всѣхъ сторонъ. И долго плясала Марья одна, несмотря на то, что не одного парня манила она въ кругъ войти, — не было тутъ плясуновъ ей подъ-ровню.

Наконецъ-таки она умаялась, разомъ опустила руки и остановилась. Потомъ, тихо обмахиваясь платочкомъ, отошла она въ сторону, да и Богъ знаетъ съ чего вдругъ какъ-будто пригорюнилась. Какъ разъ подмѣтили это многіе.

— Что ты это, касатка?... съ чего это пригорюнилась?... — стали спрашивать у ней товарки.

— А ничего... — отвѣчала она застѣнчиво. — Устала маленько...

Но вдругъ лицо ея озарилось яркой веселостью.

— Бабы, дѣвки!... всѣ, всѣ!... — живо вскричала она. — Къ рѣкѣ побѣжимте!... Что здѣсь въ лѣсу-то, словно какъ-то тѣсно... Къ рѣкѣ, на лужокъ!... Тамъ повольнѣе будетъ!...

Мигомъ собралась вся ватага и отправилась на луга, къ самому берегу быстрой рѣки.

— Ну, пора, что-ли, вѣнки-то кидать?—спросила молодая бабёнка, подруга Марьина.

— Пора!... пора!... — закричали всѣ.

И всѣ вѣнки, одинъ за другимъ полетѣли въ рѣку; только Марья, позадумавшись, вертѣла въ рукѣ свой вѣнокъ,— ей словно жаль было съ нимъ разстаться. Но вотъ подошла она на самый край обрывистаго берега, почти къ тому самому мѣсту, откуда хотѣла она утопиться, и съ-размаху бросила вѣнокъ на середину рѣки. «Дальше плыви...»—прошептала она.

Нѣсколько мгновеній вѣнокъ кружился въ котловинѣ омута, потомъ, будто слушаясь Марьи, попалъ онъ на самое стремя и быстро понесся по теченію.

— Смотрите-ка, касатки...—молвила какая-то баба: — Марьинъ вѣнокъ такой же прыткой, какъ она сама... Глянь, какъ несется, впереди всѣхъ....

— Чтой-то, голубка.... словно жить тебѣ на чужой сторонѣ...— молвила другая баба,—пожилая вдова, — ударивъ по плечу Марью.

Марья выглянула на вѣщунью. Сначала она улыбнулась и хотѣла что-то отвѣтить, но потомъ вдругъ сдвинула брови и опять задумалась.

— А мой-то вѣнокъ... вона къ берегу приплылъ...,—съ торжествомъ сказала рябая и бойкая дѣвка.

— Знать, сидѣть тебѣ все дома, голубка....—молвила опять все та же вѣщунья, искоса посматривая на рябую дѣвку. Та вдругъ застыдилась и спряталась за подругъ.

— Вонъ Васютинъ плыветъ!... А, глянь, Дашинъ-то потонулъ!..— ну, выходить ей замужъ въ нонѣшнемъ году.... —замѣчали промежъ себя бабы и дѣвки.

Долго стояли онѣ на берегу рѣки, все слѣдя съ участьемъ за судьбою вѣнковъ своихъ, которые должны были предвѣщать имъ собственную судьбу. Марья задумчиво пошла домой, — и съ этого разу, — Богъ знаетъ съ чего,—рѣже стала она являться на народныя игры, а когда и являлась, то хоть запѣвала попрежнему въ пѣсняхъ, но отъ плясокъ совсѣмъ отказалась.

V.

Ахъ, кабы на цвѣты—не морозы,
И зимой бы цвѣты разцвѣтали!
Ахъ, кабы на меня не кручина,
Ни о чемъ бы я не тужила...,
(Народная пѣсня).

Пароенъ Елисеевъ угадалъ про свой близкій конецъ: лишь только прошла рабочая пора и настала ранняя осень, съ дождями да слякотью, старикъ совсѣмъ разнемогся и, недолго похворавъ, Богу душу отдалъ. Труднехонько умиралъ онъ,—знать, и съ жизнью-то, и съ нажиткомъ своимъ не хотѣлось ему разстаться. Во всю болѣзнь, даже передъ самымъ концомъ, онъ былъ въ полной памяти: всѣхъ узнавалъ, со всѣми твердо разговаривалъ; со старухой своей онъ былъ очень ласковъ, но на сына почти не взглянулъ и ни одного словечка съ нимъ не промолвилъ, какъ-будто серчалъ на него за что-то; зато съ Марьею говорилъ часто и много: все наказывалъ ей, чтобы за домомъ безъ-устали смотрѣла, не давала бы Кузьмѣ воли ни въ чемъ, берегла бы, пуще глазу, всякое домашнее добро. Наканунѣ же смерти Пароенъ выслалъ изъ избы и даже со двора сына своего, а также всѣхъ постороннихъ, сказалъ старухѣ и Марьѣ, гдѣ въ потаенныхъ мѣстахъ спрятаны любезныя его денежки, — велѣлъ подать ихъ къ себѣ и долго-долго считалъ-пересчитывалъ бумажки, золотые, рублевики; а потомъ дрожащими руками сдалъ всю казну старухѣ и Марьѣ, подъ особый надзоръ послѣдней. Затѣмъ указалъ онъ, куда казну спрятать,—строго приказывалъ беречь ее, и къ великой божбѣ пригонялъ жену и невѣстку, что онѣ никогда, никому, — особенно Кузьмѣ,—не скажутъ про деньги; распоряжаться же ими дозволилъ только одной Марьѣ и то въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда явится нужда неминучая. Тяжелы были эти минуты для старика Пароена: онъ обливался холоднымъ потомъ, трясся, какъ въ лихорадкѣ, глаза его ярко горѣли, а лице словно землею подернулось — и безпрестанно стоналъ онъ и

охалъ... А все, какъ видно, крѣпко онъ надѣялся на Марью, когда довѣрилъ ей всю свою казну...

Вотъ тотчасъ же послѣ смерти свекора, поприбавилось-таки заботы у Марьи.

Да и то сказать: кому же было, кромѣ нея, присмотрѣть за домомъ,—вѣдь отъ новаго хозяина, отъ Кузьмы-то Парѳеныча, нечего было ждать толку. Марьина свекровь тоже не годилась для хозяйства: была она съ-роду простовата да и Парѳенъ съ-изначала черезчуръ загонялъ ее,—такъ ей ли было сдѣлаться головою въ дому? Она, возясь по утрамъ у печки, за стряпаньемъ, и съ горшками да съ корчагами не умѣетъ управляться, какъ слѣдуетъ. И безъ наказу свекора, Марья видѣла, что непремѣнно ей самой надо забрать въ свои руки хозяйство, что, безъ того, все врознь пойдетъ и пропадетъ за даромъ. Правда, она была еще очень молоденька, однако, стало бы ее на то, чтобы управить домомъ и исполнить все, что наказывалъ Парѳенъ: она была бабёнка умная, смышлёная, бойкая, работящая. Только вотъ что было не ладно: опостылѣлъ ей этотъ богатый домъ, куда она поневольно попала, а про это она всегда помнила; домъ Большаковыхъ былъ для нея, какъ есть, чужой; не лежало же къ нему ея сердце все оттого, что она не долюбливала своего мужа.

Впрочемъ, послѣ смерти свекора, сдѣлалась она домосѣдкой, совсѣмъ перестала ходить на посидѣлки и рѣдко выходила на улицу. А какъ, бывало, въ праздникъ или и въ будни, въ свободное время, заглянетъ она на улицу,—всѣ молодыя бабы обступятъ ее да пристаютъ съ вопросами:

— Чтой-то, касатка, нигдѣ не видать-то тебя?.. ни однова—таки не пришла на посидѣлки!... А у насъ дѣвки таково разпрекрасно пѣсни поютъ,—онамеднись Ерёма сказку какую разсказывалъ... Ты вотъ завтра приходи безпремѣнно.

Но Марья головою покачиваетъ и ничего почти не отвѣчаетъ на привѣтливыя, зазывныя рѣчи.

— Ахъ, касатка!—говорятъ опять бабы: кудажъ это радость—веселье твое дѣлося? Аль ты больна?.. Вѣдь не мужъ-же тебя не пущаетъ!...

— Посмотрѣла бы я на него!...—промолвитъ вдругъ Марья, да тутъ же опять замолкнетъ, а брови ея двигаются, взоры становятся мрачны и колышется бѣлая грудь.

Тяжело ей становилось, когда приставали съ такими распросами: грусть-тоска начинала давить ея грудь и она спѣшила уйдти домой, чтобы одной остаться. Уйдетъ она, бывало, и захлопнетъ за собою на-крѣпко калитку, да стоитъ долго на дворѣ, оперши́сь о верею горячей головою; и тогда, тревожныя мысли налетаютъ къ ней въ душу, мысли смутныя, которыхъ разобрать она не можетъ, но печальныя — печальныя, ну вотъ будто разомъ отымаютъ у ней и волю и бѣлый свѣтъ; а то словно чувствуетъ она, что подкрадывается къ ней изподтишка бѣда страшная и неминучая. По ночамъ, ложась спать, начнетъ она молиться, но не знаетъ о чемъ молится, чего проситъ у милосердаго Бога — и тутъ тихо-тихо катятся слезы изъ глазъ... и долго она не можетъ заснуть, а заснётъ — будятъ ее страшные сны, отъ которыхъ она мечется, словно тяжко-больная.

Ночь пройдетъ, просыпается она, еще далеко до свѣту; просыпается все съ тѣми же смутными, печальными мыслями, отъ которыхъ безпрестанно ноетъ душа. Поутру, старуха-свекровь начнетъ возиться у печки да покряхтывая, придвигаетъ къ огню горшки и корчаги, Марья помогаетъ ей, какъ слѣдуетъ, но вдругъ остановится посередь избы, сердце у ней замретъ, больно замретъ... Передъ обѣдомъ и послѣ обѣда, сядетъ она за работу, прясть или шить, и сначала работаетъ усердно, но вотъ игла или веретено валится у ней изъ рукъ и она о чемъ-то крѣпко задумывается.

И такъ проходили всѣ денёчки той зимы, которая послѣдовала за смертью Парѳена Большакова.

Марья сама замѣтила свою душевную болѣзнь и стала-было думать про себя: ужъ не напущено ли на нее лихимъ человѣкомъ? Такъ — нѣтъ! въ цѣлой деревнѣ у ней не было враговъ и быть не могло; всѣ были къ ней ласковы и привѣтливы — самой Дарьѣ Моховнѣ, злой колдуньѣ, не-за что было обидѣть чѣмъ-нибудь молодицу—Марью.

И отчего такого вдругъ перемѣнился нравъ веселой Марьи? Ну, чего бы, кажется, ей недоставало? Домъ Боль-

шаковыхъ полонъ всякимъ добромъ; свекровь попрежнему добра и ласкова, а послѣ наказу старика своего, спрашивается у Марьи обо всякомъ домашнемъ дѣлѣ; мужъ ни въ чемъ не ослушается и что ни прикажетъ ему Марья,—дѣлаетъ, какъ умѣетъ и можетъ; работа въ дому не завальная... Отчего же ноетъ душа? Отчего мутится въ глазахъ бѣлый свѣтъ? Отчего на щёчкахъ блёкнутъ алые цвѣтики?..

Знать, воли, доброй волюшки недостаетъ нашей молодицѣ! Что ей въ теперешней волѣ по дому, гдѣ все немилопостыло, гдѣ хоть легка, привычна работа, да отъ ней сами руки отваливаются, гдѣ не съ кѣмъ словечкомъ по душѣ перемолвиться? Эта воля, не своя свободная воля, не та, съ которою, коли только захочешь, можно разгуляться по бѣлому свѣту, не та воля, съ которою всякая работа спорится....

И что ей въ хорошемъ нарядѣ? Не манятъ ее теперь на улицу, къ подругамъ, веселыя мысли, веселыя пѣсни: завяло, поблёкло ея молодое веселье, словно травка подкошенная. Вотъ она думаетъ о томъ, что ей грезится во снѣ, — а грезится что-то непонятное и страшное, отчего Марья, обливаясь холоднымъ потомъ, вскакиваетъ съ-просонья и вся дрожитъ не то отъ страха, не то отъ тоски. Нѣтъ! прошли ея красные дни!

Безпрестанно вспоминаетъ она про житье свое дѣвичье, про житье радостное и свободное. Мать родная отняла у ней эти радости, эту свободу... Не попрекаетъ она мать-старуху за то, что отдала ее поневольно въ такой домъ, гдѣ жизнь ей постыла, но часто поются въ ея мысляхъ слова горькой пѣсни:

Не чаяла меня матушка въ вѣкъ избыть, —
Избыла меня матушка единымъ часомъ,
Единою, одною минутою....

Къ горемычной своей матери ходитъ она изрѣдка, сидитъ у ней не подолгу; и тутъ ни-на-что не жалуется, напротивъ,—старается показаться спокойною, говоритъ лишь о дѣлѣ домашнемъ.

— Что̀ ты, Машутка, такъ похудала? — спрашиваетъ у ней, однако, мать: — дитятко родимое! ужъ хорошо-ли тебѣ жить-то тамъ?... Господи! вишь, ты словно вся извелася... Съ чего-такого подѣялось? Ты все мнѣ скажи, ничего не потай....

— Нѣту, матушка, — бодро отвѣчаетъ Марья: — какъ есть я здоровёхонька... А въ дому у насъ на̀что лучше?... Сама знаешь... свекровь ласковая... ничѣмъ я не изобижена...

— Мужъ-то твой, дитятко?...

— Мужъ... — отвѣчаетъ Марья, уныло опускаетъ голову: — мужъ... а онъ — ничего... сама знаешь, матушка....

Долго вздыхаетъ старуха, а тамъ опять начинаетъ распрашивать:

— Баяли мнѣ добрые люби, что ты никуда, почитай, не выходишь, — словно отъ людей прячешься... Что̀жъ ты такъ-то, дитятко?...

— Какъ же быть, матушка!... Вѣдь, мнѣ надо за домомъ смотрѣть... все теперь на мнѣ лежитъ... Гдѣ ужъ веселиться!....

— А вотъ приду я къ тебѣ, дитятко... помогу тебѣ по домашнему дѣлу-то...

— Нѣту, матушка... — возражаетъ Марья печально: — погоди ты къ намъ приходить... Еще, пожалуй, недобрые люди осудятъ... «вотъ, скажутъ, повадилась... учить хочетъ дочку, какъ весь домъ забрать въ руки....»

И прощаясь съ дочерью, старуха Василиса обливалась горючьми слезами, а на Марью, послѣ того, нападала еще сильнѣе тоска. Тогда, сидя за работою, любила она напѣвать, вполголоса и сквозь слезы, другую печальную пѣсню:

Калину съ малиною вода поняла,
На ту пору матушка меня родила, —
Не собравшись съ разумомъ, замужъ отдала
На чужедальнюю сторонушку.
Чужая сторонушка безъ вѣтру сушитъ,
Безъ вѣтру сушитъ, безъ морозу знобитъ.
Не буду я къ матушкѣ ровно три годка,
На четвертый къ матушкѣ пташкой полечу,
Горемычной пташечкою, кукушечкою.

*

Сяду я матушки въ зеленомъ саду,
Своимъ кукованьемъ весь садъ изсушу,
Слезами горючими весь садъ потоплю,
Родимую матушку сердцемъ надорву....

Да! печально катилось для нашей молодицы все зимнее время. Вотъ словно отреклась она на-вѣки отъ всякихъ радостей! Замолкла совсѣмъ ея живая, бойкая рѣчь,—съ свекровью чуть только словечкомъ перекинется, а съ мужемъ, глупымъ увальнемъ, ничего не говоритъ, и взглянуть-то ей на него противно, гадко и тошно. Исхудала она, обезсилѣла и стала нерадива къ работѣ домашней. И подмѣтили все такое сосѣди, чужіе люди. Сначала, жалѣючи, посматривали они на Марью, а потомъ стали толковать и то и сё, все судили-рядили—съ чего подѣялось съ нею, но, не добравшись настоящаго толку, порѣшили дѣло не-по-доброму,—такъ порѣшили: «что́ ты хошь, а бабёнка дурить вздумала, работа̀ть, видно, не хочется... А то съ чего бы такого?.. ѣда, вишь, завсегда хорошая, наряды всякой вдоволь, свекровь—на что́ лучше? смиренная, присмиренная, а мужъ—и толковать нечего: тише воды, ниже травы... Право-слово, дуритъ бабёнка съ лихой болѣсти, съ мысли негодящей,—вотъ, смотрикася, какъ бы выкликать не стала....»

А что́, касатки,—говорила Хавронья, ехидная такая баба,—ужъ не съ того-ль она, что вотъ, можетъ, свекровь-то воли ей въ дому не даетъ, а ей, знать, больно того хочется, да взяться-то не умѣетъ?... Мать, пожалуй, подучаетъ... Вѣдь, она, чай, рада-бы чужой богатый домъ въ руки забрать ...

— А и то, пожалуй....

И стали сосѣдки нашептывать марьиной свекрови все рѣчи недобрыя, а Дарья свекровь слушала ихъ охотно, тяжко вздыхала, охала да все на что̀-то плакалась.

Извѣстное дѣло: людскія пересуды завсегда лихи и неправедны да и миновать ихъ никакъ нельзя: на чужой ротокъ не накинешь платокъ.

VI.

Настала весна, трудовое, но свѣтлое времячко, съ красными, теплыми деньками, съ великими, веселыми праздниками. Вотъ тутъ и легче стало на душѣ у Марьи, она вдругъ какъ будто ожила, даже замѣтно повеселѣла: страшные сны миновались, перестало ныть сердце отъ тоски, не нападало уже на нее горькое раздумье. Бойко и суетливо принялась она за хозяйство. Слова покойнаго свекора: «весною въ бороздкѣ спи» безпрестанно приходили ей на умъ. Нисколько не надѣясь, чтобы вышелъ прокъ изъ кузькиной работы въ полѣ, рѣшилась она принанять работника для пахоты. Ну, это и не прошло-таки ей даромъ. Сосѣди, чужіе люди, стали очень осуждать ее.

— Эка бабёнка задорная!... говорили они промежъ себя: въ хозяйство тоже пустилася, работника взяла да наняла!... Вотъ поди ты воля какая въ чужомъ дому!... А на что̀ работникъ понадобился?.. Старикъ-отъ Парѳенъ Елисеичъ весь вѣкъ безъ работниковъ обходился. Оно, знамо, Кузя-то больно плохъ, да все бы, кажись, тово...

— Дарья Силантьевна, — спрашивали сосѣди у свекрови марьиной: вишь у васъ въ дому новости завелися,—работника наняли...

— О-охъ, родимыя,—отвѣчала старуха: не мое это дѣло, какъ есть, ни въ чемъ непричинна: это вотъ невѣстка вздумала-наняла...

— Да она спрашивалась ли у тебя-то?

Старуха подперла ладонью щеку, позадумалась на минутку о чемъ-то, да потомъ отвѣчала слезливымъ голосомъ:

— Ужъ гдѣ ей у меня, горькой, спрашиваться?.. Вѣдь она въ дому-то всѣмъ орудуетъ...

— И! что̀ ты это? развѣ слѣдъ такъ-то?...

— Нонѣча всѣ мудрецы стали... пролепетала на это старуха.

— Ахъ ты, горемычная! и при мужѣ-то свѣта божьяго не видѣла!.. Уродится же такой человѣкъ безталанный

на свѣтѣ.. Замужемъ жила словно Христа-ради въ домѣ принятая, померъ старикъ и тутъ все въ дому пехозяйка! Вотъ теперича изъ чужихъ рукъ пришлося смотрѣть... Ну, ужъ диковина!...

И пошли тутъ сосѣди перебирать косточки новой хозяйки въ дому Большаковыхъ, Марьи Ефимовны; досталося ей за все про все: и нищая-то она пришла въ домъ богатый, и мать-то ея глупёхонька: извела все, что мужъ оставилъ, и тетка ея, Варюха Салина́, воровка и колдунья была: разъ, охапку льну съ овина стащила, а какъ умерла, такъ черти насѣлись на гробъ и насилу-насилу на погостъ добрые люди дотащили (съ того разу Матвѣй Елизаровъ надорвался и вскорѣ померъ); да и сама-то Машутка какая: глаза воетрые, непутёвые, лѣтось всю весну, все лѣто плясала да пѣсни орала, какъ оглашенная, а вотъ нонѣшней весною «выкликать» собиралась... да и вѣкъ мужнинъ и свекровинъ она заѣдаетъ,—благо, смирны люди достались... и ужъ коли смолоду она такая, такъ подъ старость непремѣнно будетъ лихою колдуньей...

Отъ всѣхъ этихъ рѣчей старуха Силантьевна, бывало, такія нюни распуститъ, что даже противно и глядѣть становится.

Вотъ они каковы чужіе люди съ лихими своими пересудами! вѣдь, чай, всѣмъ было извѣстно, что Кузькѣ Большакову, съ его худымъ разсудкомъ, нельзя въ дому распоряжаться, что Большаковымъ теперь нельзя было безъ работника обойтись, даромъ-что было у нихъ одно только тягло,—такъ нѣтъ: безпрестанно корили Марью за ея хозяйничанье, да еще какъ корили-то: въ глаза ей смѣялись и не только старуху свекровь, даже самого Кузьку хотѣли сбить съ толку разными наговорами...

А почему такъ судили добрые люди? Кто жъ ихъ знаетъ! Можетъ статься, дѣлали они это и не съ тѣмъ, чтобы мутить семью Большаковыхъ и ссорить со снохой старуху; оно хоть и многимъ было завидно смотрѣть, какъ молодая бабенка распоряжается всѣмъ въ богатомъ дому, да все надо думать, что пересуды дѣлались не со злаго умыслу, а такъ

вотъ, сосѣдушки, сами не смысля зачѣмъ, колотили длиннымъ языкомъ, съ-дуру осуждали нашу молодицу.

На-бѣду, неудача ей была на работниковъ,—за одно лѣто пришлось перемѣнить нѣсколькихъ: попадались все люди плохіе, на ѣду здоровенные, спать лихіе, не хуже Кузьки, а для работы лѣнивые-прелѣнивые. Сама Марья работала, рукъ не покладывая, иногда ночи прихватывала; а работники дѣлали все, спустя рукава: они видѣли, что нѣтъ въ дому настоящаго хозяина,—ну, и не слушались Марьи. Да тутъ и Кузьма Парфенычъ, съ великаго своего разума, оказался въ помѣху: чѣмъ бы помогать женѣ, присматривать за работой и самому работать, а онъ гдѣ нибудь за угломъ барахтается съ батракомъ, побороть его хочетъ,—а то болтаетъ съ нимъ о разныхъ пустякахъ, а то прохлаждается бездѣльемъ, трубочку украдкой съ работникомъ покуривая, курить тоже научился, окаянный!...

Ужъ и доставалось же Кузькѣ отъ жены за все такое, особенно же за куренье трубки.

— Ахъ ты, плюгавый, съ сквернымъ своимъ табачищемъ!... часто говорила она муженьку своему: табакъ тоже выдумалъ курить!...

— Нонѣ молодые парни всѣ табакъ-то курятъ, отвѣчалъ Кузька, сбоку посматривая на строгую жену, а въ то же время пряча проворно въ карманъ коротенькую свою трубочку.

— Я тѣ дамъ всѣ парни курятъ!... дворъ спалить хочешь!.. Вотъ колибъ отецъ увидалъ тебя съ трубкою, онъ бы задалъ тебѣ баню...

Кузька не возражалъ на эти слова, онъ даже слегка вздрогнулъ при имени отца, и тотчасъ же проворно ушелъ отъ жены, прорычавъ себѣ что-то подъ носъ. Съ этого разу Марья особенно напала на мужа за трубку, взъѣлась такъ на него, что только-что не била.

И это подмѣтили сосѣдушки. Пошли новые пересуды, толки и пересмѣшничанье! Понатѣшились добрые люди, глядя на хозяйничанье Марьи и на обращеніе ея съ мужемъ. Много портили они дѣло ея: не бѣда была, что наговаривали на Марью свекрови: старуха отъ этого только что плакалась, охала да ахала, а Марьѣ все-таки ни въ чемъ не

перечила, недаромъ была она навычна къ смиренству; но дурно подѣйствовали лихіе пересуды и наговоры сначала на самоё Марью, а потомъ и на Кузьку. Марью сильно печалили, а еще сильнѣе раздражали эти пересуды сосѣдей, которые скорёхонько доходили до нея: она весь покой отъ этого потеряла, она безпрестанно бранила мужа, часто ссорилась съ работникомъ, нерѣдко перебранивалась и съ сосѣдями; даромъ-что молода, сердита бывала онъ подъ-часъ не хуже старой, злющей бабы. Оно и то сказать: вѣдь прискорбно же станетъ на сердцѣ, когда увидишь, что всѣ–то бранятъ тебя, осуждаютъ ни-за-что, ни-про-что, да еще и помѣху дѣлаютъ; а особенно не легко это вынести, когда знаешь самъ про себя, что за хорошее дѣло принялся съ доброю мыслью, чисто отъ души... А тутъ еще на–бѣду, Марья никакъ не хотѣла сказать про свое горе матери: ни разу она не посовѣтывалась съ нею, ни разу не пожаловалась, все боялась, сердечная, опечалить ее. На-бѣду также, не было въ то время въ Березникахъ крёстнаго Марьи, Архипа Матвѣева (баринъ услалъ его куда–то далеко хлопотать по разнымъ дѣламъ), а то онъ, навѣрное, помогъ бы чѣмъ нибудь крестницѣ, по крайней мѣрѣ, унялъ бы лихихъ людей.

Но пересуды сосѣдскія особенно дурно подѣйствовали на муженька Марьи: муженька Марьи: дуракъ этотъ сталъ огрызаться на неё. Въ прежнее время, бывало, станетъ она бранить его за что нибудь, онъ молчитъ да отмалчивается, потряхивая всклоченною головою, только иной разъ ухмыльнется во весь ротъ, самъ не зная чему; а теперь и онъ тоже пускается въ разговоры на свою дурацкую стать.

— Эко–ся!... какъ же вотъ!.. чего пристала-то ко мнѣ!.. рычитъ онъ уже всякой разъ, какъ примется жена его бранить, а иногда и вовсе не хочетъ ея слушаться.

Скоро приключилась такая оказія, изъ-за которой Кузька и совсѣмъ отбился отъ рукъ.

Большаковыхъ домъ былъ во всемъ еще исправенъ: на дворѣ стояло пять дойныхъ коровъ, и водилось много разной птицы, поэтому можно было часто отправлять на базары въ сосѣдній городъ Суходолъ всякую всячину: молоко, масло, яйца, цыплятъ. Парѳенъ Елисеевъ на всемъ этомъ

наживалъ хорошія деньги; по примѣру и наставленію его и Марья хотѣла вести съ городомъ торговлишку. Скоро торговля ея пошла очень успѣшно и повела она ее ловко: не захотѣла она имѣть дѣло съ многими покупателями, а выбрала двухъ-трехъ человѣкъ изъ торговцевъ, изстари знакомыхъ ея свекору, имъ-то и поставляла она разные припасы. Но не всегда можно было ей самой отправляться въ городъ, домашнее дѣло заставляло ее иногда пропускать базарные дни. Вотъ однажды и договорилась она съ однимъ хорошимъ купцомъ доставлять ему кое-какіе припасы и черезъ Кузю, съ тѣмъ только, чтобы купецъ отнюдь не отдавалъ ему денегъ, а разсчитывался бы послѣ съ нею самою. Такъ и пошло это дѣло, безъ затрудненія. И ужъ какъ смѣшно бывало смотрѣть, когда Кузя, доставивъ припасы въ лавку къ купцу, всякой разъ наровитъ выпросить деньжонокъ.

Купецъ, человѣкъ степенный, но большой шутникъ, важно ему отвѣчаетъ: никакъ нельзя, братецъ ты мой, выдать деньжонокъ-то тебѣ: Марья твоя не приказала,—жена у тебя, братецъ, строгая, престрогая... Двое лавочниковъ, при этихъ словахъ хозяина, такъ и покатываются со смѣха, а Кузя ничего, не обижается: нисколько не споритъ и не добивается больше получить цѣну за товаръ, почешетъ только за ухомъ, ухмыльнется чему-то, поклонится низёхонько купцу да и прочь пойдетъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Про все такое было тоже извѣстно въ Березникахъ и не мало смѣху было изъ-за этого на деревнѣ.

Разъ, березниковскіе молодые парьни, встрѣтившись съ Кузьмой Большаковымъ на базарѣ, нареклись ему полюбовными пріятелями и стали подзывать его въ трактиръ чайку напиться.

— Нѣтъ... не пойду... отозвался Кузьма.

— Для-че не пойдешь?... спросили названные пріятели.

— А не пойду... сказано замъ...

— Наладилъ: «не пойду!..» Да ты скажи толкомъ, отчего не пойдешь-то?..

— Что жъ, пожалуй, скажу... вишь у меня денегъ нѣту...

— Какъ денегъ нѣту? у тебя-то, перваго богача на деревнѣ? Да куда-жъ отцовскія денежки дѣвались?

— А я почемъ знаю...

— Какъ-такъ? «не знаешь!..» Ахъ ты дурачина!..

— Да, можетъ, ихъ не было...

— Вона! вся деревня знаетъ, что у него не одна тысяча была...

— Ну чтожъ, что была... а я ихъ никогди не видалъ...

— Ай да малой!.. Слышь ты: жена ихъ у тебя припрятала, просто сказать, украла—да и только...

— Ой-ли?..

— А какъ же!.. Эхъ, малый! до чего ты дожилъ?.. Есть кого слушаться жены!.. бабы!.. Дуракъ! вѣдь вся сила-то въ мужѣ..

— А я не знаю...

— Ну такъ знай съ этихъ поръ! Коли хочешь уму-разуму поучиться, такъ пойдемъ-ка теперя съ нами въ трактиръ, да угости насъ чайкомъ и водочкою. Денегъ нѣтъ у тебя—это не бѣда, малый: мы всѣ поручимся за тебя, а ты послѣ когда нибудь расплатишься...

— Ну, что жъ, пойдемте...

Смѣясь во все горло, схватили пріятели Кузьму подъ руки и потащили его въ трактиръ чуть не волокомъ. Много потѣшилъ нашъ дурень, своимъ дурацкимъ весельемъ, своимъ безобразнымъ пьянствомъ, и гурьбу пріятелей и весь честной народъ, гулявшій тогда въ трактирѣ.

Хорошъ воротился онъ домой изъ города! Довезли его пріятели въ Березники все равно что мертваго, нарѣзался дуракъ до совершеннаго безчувствія... Старуха Силантьевна взвыла, увидавъ его въ такомъ положеніи, но Марья опечалилась до глубины души. Гнусный видъ безчувственно-пьянаго мужа поразилъ ее: она не могла удержаться, и заплакала вслѣдъ за свекровью, заплакала отъ стыда и печали.

И долго не могла Марья опомниться отъ этого случая. Нѣсколько дней стыдилась она показаться въ люди. А ужъ какъ гадко было ей смотрѣть на мужа! Но ни словечкомъ она не попрекнула его, какъ-будто и не провинился онъ ни

въ чемъ. Кузька же словно дѣло сдѣлалъ, и ухомъ себѣ не ведетъ.

Въ слѣдующіе базарные дни Марья сама ѣздила въ городъ, но разъ какъ-то пришлось, что ей никакъ нельзя было отправиться, а надо было непремѣнно доставить къ знакомому купцу кое-что̀ изъ припасовъ. Вотъ подумала-подумала она и, нахмуривъ свои густыя брови, сказала Кузькѣ:

— Въ городъ ступай!.. отвези Ивану Ѳедотычу что̀ я приготовила... Да смотри ты у меня, оглашенный!.. прибавила она сурово,—если опять пьянъ напьешься,—и не ѣзди совсѣмъ домой!... Онамеднись даромъ тебѣ прошло!... Вишь ты, лупоглазый, за что принялся!...

Покуда говорила она эти слова, старуха Силантьевна, сидя у печки, кропталась себѣ подъ-носъ, ужъ кто ее знаетъ на кого: нето на сына, нето на невѣстку.

Между тѣмъ Кузька слушалъ жену молча, а когда она кончила свои рѣчи, отвернулъ голову въ сторону, подернулъ лѣвымъ плечомъ, да перекосивъ глаза свои на выкатѣ, усмѣхнулся слегка.

— Что̀й-то, невѣстка-касатка,—вдругъ плаксиво отозвалась старука,—ужъ ты, тово, больно... напала-то вотъ на него... Онъ вѣдь, родная, однова̀ только... и-то, не-съ-умыслу,—съ-проста̀, право-слово, съ-проста̀....

— Знамо, матушка-свекровь, — не-съ-умыслу...возразила сердито Марья,—а то бы онъ еще съ-умыслу!.. Я тебѣ сказываю,—крикнула она опять на мужа, топнувъ сильно ногою,—я тебѣ сказываю,—попробуй только у меня напиться опять, проклятый!..

— Ахъ, касатка... молвила свекровь разобиженнымъ голосомъ:—что жъ ты все такъ-то?.. Ну, пожалуй, и я съ нимъ съѣзжу...

— А и то, матушка-свекровь, — съ-минуту подумавъ, отвѣчала Марья: съѣзди-ка ты съ нимъ, пожалуйста... все-таки ты лучше присмотришь... Вишь ты, оглашенный!.. прибавила она ожесточенно, погрозивъ на мужа кулакомъ:—нянюшки тебѣ понадобились!...

Кузька вздрогнулъ отъ испуга и повѣсилъ носъ, а ста-

руха Силантьевна тяжко вздохнула и проворчала что-то сквозь зубы.

Ну вотъ и отправились на базаръ: дурень Кузька и сердобольная его матушка. Сначала дѣла ихъ въ городѣ пошли преотлично: всѣ припасы доставили они къ купцу въ исправности и купецъ отпустилъ ихъ скорёхонько. Силантьевна хотѣла-было уже домой отправляться съ сынкомъ, какъ вдругъ, откуда не возьмись, словно изъ земли выросли,— явились березниковскіе молодые парни, названные пріятели Кузьки: окружили они его, смѣясь и тормоша его безпрестанно; да этимъ не удовольствовавшись, стали подзывать опять въ трактиръ. Силантьевна пришла въ великій ужасъ и начала-было, съ оханьемъ и аханьемъ, отнѣкиваться за сынка своего,—но парни и слушать ничего не хотѣли; они просто-на-просто зажали ей ротъ широкими своими ладонями, посадили насильно въ телѣгу и опутали ее, къ великой потѣхѣ всѣхъ, кто видѣлъ эту продѣлку, веревками да ременными возжами; а отдѣлавшись такимъ образомъ отъ старухи, схватили они Кузьку подъ руки и помчались съ нимъ прямёхонько въ трактиръ.

Наскоро выкарабкалась бѣдная старуха изъ разныхъ узловъ, которыми опутали ее шальные парни; долго также проискала она трактиръ, въ который утащили парни Кузьку, а тѣмъ временемъ сынокъ ея, по приказамъ своихъ пріятелей, успѣлъ уже спросить и чаю и водки, и разной закуски, да притомъ успѣлъ и нализаться порядкомъ. Наконецъ Силантьевна нашла-таки мѣсто, гдѣ пріютился сынокъ ея. Проворно, будто молодая, пробралась она къ столу, за которымъ пировалъ Кузька съ пріятелями; съ громкимъ плачемъ и причитаньями кинулась она къ нему на шею и, повторяя безпрестанно: «родимый ты мой!.. пойдемъ отсюда!.. пойдемъ»!.. стала тащить его изъ-за-стола.

Пріятели Кузьки, половые и всѣ, кто былъ въ трактирѣ, много хохотали и потѣшались, глядя на все это; но нашлись и добрые люди, которые уговорили отпустить со старухой ея дурака-сына; самъ трактирщикъ, которому пріятели Кузьки поручились въ его долгѣ, сталъ хлопотать тоже объ этомъ и наконецъ старуха кое-какъ вывела изъ трактира Кузьку.

Уложивъ его съ большимъ трудомъ въ телѣгу, она стала править лошадью, а Кузька, горланя какую-то нескладицу, лежалъ себѣ въ телѣгѣ, растянувшись словно баринъ.

Шашкомъ, кое-какъ, добралась Силантьевна до Березниковъ. Пока она ѣхала по деревнѣ, много мужиковъ, бабъ и ребятишекъ собралось смотрѣть на безобразнаго пьяницу и вся эта толпа, хохоча надъ Кузькою, пошла слѣдомъ за телѣгой. На ту пору наша молодица Марья шла съ своего огорода и какъ разъ увидала телѣгу, въ которой лежалъ безобразно-пьяный мужъ ея, и толпу, валившуюся за нею съ шумомъ и хохотомъ. Помутилось въ глазахъ у ней на одно мгновеніе и она чуть-было не упала;—но вдругъ, блѣдная какъ полотно, и дрожа всѣми членами, кинулась она благимъматомъ, навстрѣчу къ свекрови и мужу.

— Пьяница!.. оглашенный!.. пёсъ проклятый!..—кричала она внѣ себя, подбѣжавъ къ телѣгѣ и не замѣчая нисколько, что крики ея еще болѣе усиливаютъ веселость толпы.

Нѣсколько мужиковъ и подростковъ мальчишекъ насилу вытащили Кузьку изъ телѣги. Ставъ на ноги, онъ не повалился, однако, но сильно шатаясь, оборотился къ женѣ да вдругъ взвизгнулъ неистово и замахнулся на нее кулакомъ.

— Ай-да Кузька!..—закричали въ толпѣ.

Горящими глазами такъ и впилась Марья въ гнуснаго пьяницу; кулакъ его скользнулъ по ея груди, а она со всего размаху ударила его по щекѣ, да схвативъ за волосы, оттрепала его съ ожесточеніемъ...

Кузьма Парѳенычъ повалился, какъ снопъ. Толпа разразилась громовымъ хохотомъ. А Марья, закрывъ лицо руками, стремглавъ кинулась съ улицы на задворье, и тамъ, припавъ блѣднымъ лицомъ къ землѣ, долго-долго рыдала, какъ безумная...

VII.

Въ вечеру того же дня, уже въ сумеркахъ, старуха Силантьевна усѣлась на завалинкѣ подъ окнами своей избы, усѣлась, пригорюнилась и принялась громко вздыхать.

Извѣстное дѣло, бабы—что̀ вороны: гдѣ одна, тутъ—глядишь какъ-разъ налетитъ ихъ цѣлая стая, а чуть слетѣлись—и пошли калякать про всякія пустяки. Вотъ и къ Силантьевнѣ скорёхонько подсѣли сосѣдки, сватьи да кумушки. Одна изъ нихъ, Панкратьевна, баба вздорливая, злющая и колотовка на всю деревню, повела такія рѣчи съ Силантьевной:

— Что̀ ты, родимая, больно все вздыхаешь-то?.. Въ-чужѣ глядѣть на тебя жалостно...

— О-охъ, сватьюшка-касатка,—отвѣчала, плача, старуха:—все вотъ что-то подъ сердцемъ болитъ, духъ захватываетъ... рученьки, ноженьки ломитъ... Знать, ужъ пора старымъ костямъ на покой.

— Такъ-то такъ оно, касатка,—ну да нѣтъ, что̀ ужъ тутъ грѣха таить? Оттого тебѣ не можется, что напасть-то экая прилучилася! Ужъ начто̀ хуже въ дому у васъ теперича! Вишь, какову̀ жаръ-птицу въ семью добыли!.. Шуточное ли дѣло, мои матушки, — при всемъ мірѣ, при народѣ, мужа осрамила, за волосы притаскала!..

Вмѣсто отвѣта на эти слова, Силантьевна глухо закашлялась, прижимая крѣпко подъ-грудь правую руку.

— Вотъ, кума-голубка, — продолжала старая колотовка: баютъ умные люди, въ книгахъ, вишь, прописано, что какъ придётъ свѣта-преставленье,—и возстанетъ языкъ на языкъ, братъ на брата, сынъ на отца... ну, надо-быть, и жена тутъ супротивъ мужа пойдетъ... Такъ-то!.. Вотъ и у васъ, касатка, бѣда эдакая приключилася... Вишь, она, псовка, антихристовы дѣла затѣяла!

Тутъ Силантьевна, сжавши голову обѣими руками, принялась голосить на всю улицу. Усердно стали унимать ее сосѣдки и наконецъ уняли-таки плакеивую старуху. Скоро Силантьевна, отеревъ глаза кулаками, сама пустилась въ разсужденія.

— Я-то, касатки, бывалычи,—говорила она: да я своему Парѳену Елисеичу, царство ему небесное! — нетокма̀ чтобы слово супротивное сказать,—и взглянуть-то на него прямёхонько не смѣла; а вотъ нонѣ народъ безстрашенъ сталъ!.. Ужъ я, касатки, того теперича боюся, какъ-бы она меня

тоже эдакъ–то... О–охъ, знать, прогнѣвили мы Царя небеснаго!.. Али ужъ и впрямь послѣдніе дни міру-то подходятъ?..

Въ эту минуту подошелъ къ бабамъ дюжій, пожилой мужикъ, въ зипунѣ, накинутомъ на одно плечо.

— Ну, что вы, бабы, пустое калякаете?—вмѣшался онъ, услышавъ послѣднія слова Силантьевны: съ чего–такого, по вашему, послѣдніе–то дни пришли?

— Про Машутку вотъ ихнюю толкуемъ... смиренно отвѣчала Панкратьевна.

— А что—про Машутку?

— Да вотъ она, тоись, мужа–то... давича...

— Мужа–то при всѣхъ приколотила?.. Такъ чтожъ? оттого–то, по–вашему, и дни послѣдніе подходятъ? Не бывало, чтоль, николи такихъ дѣловъ?.. Эхъ вы! я вамъ скажу въ чемъ все дѣло–то: понадѣючись, кобылка въ оглобельку бьетъ. Кабы ты, сватья, Силантьевна, не давала воли снохѣ,—не забрала бы она весь домъ въ руки, не стала бы такъ озорничать–то, не посмѣла бы драться съ мужемъ — да еще при людяхъ!.. да чего–драться? вѣдь, она притаскала его, аки робёнка махонькаго!..

— Вотъ, родимый, — заговорила Панкратьевна, размахивая руками: я сама тоже точь–въ–точь баила имъ... Срамоты, срамоты какой бабёнка надѣлала!.. Слышь ты,—продолжала она, обращаясь къ Силантьевнѣ, добрые–то люди нетокма–что Машутку, да и тебя съ сыномъ осудятъ теперича...

— О–охъ, касатка!—отозвалась плаксивымъ голосомъ Силантьевна, мы-то въ чемъ же повинны?..

— Вѣстимо въ чемъ,—строго возразилъ мужикъ: ужъ это послѣднее дѣло, коли вы экую бабёнку не умѣете въ порядкахъ держать. Да будь она мнѣ сноха—я бы ее!.. Живаго мѣста не оставилъ бы у ней на шкурѣ!..

У мужика даже глаза разгорѣлись отъ злобы. Давно онъ былъ сердитъ на марьину мать Василису за то, что на сватьбѣ обнесли его дарами.

— Вотъ оно смиренство-то ваше,—вотъ до чего довело, продолжалъ мужикъ; вѣдь и Кузя твой весь въ тебя, Си-

лантьевна, больно смиренъ да отходчивъ, а тѣмъ-то и далъ повадку женѣ.

— А какъ она коритъ-то васъ! перебила Панкратьевна: тебя, касатка, кривошлыкою называла, какъ Богъ святъ, сама слышала... а Кузю безталаннаго и пьяницей и дуракомъ повсегда обноситъ...

— Головушка наша бѣдная...—начала-было голосить Силантьевна, но вдругъ всполохнулась и разомъ пріумолкла.

— Такъ-то, мои матушки, — стала опять подзадоривать Панкратьевна,—эку бѣду нажили вы за свое же добро...

— Нишни, касатка,—торопливо перебила Силантьевна, али не видишь... сама идетъ...

Въ самомъ дѣлѣ изъ-за околицы показалась высокая, стройная фигура Марьи. Несла она на плечѣ большую ношу: то были холсты, снятые ею на ночь съ луга.

— Сноха-голубка... промолвила Силантьевна,—а мои-то холстишки... захватила, чтоль?..

— Захватила... аль не знаешь, завсегда уношу...—грубовато отвѣтила Марья и, не оглянувшись на свекровь, шмыгнула, мимо нея, прямо въ ворота.

— То-то-же, касатка... проговорила вслѣдъ Марьѣ Силантьевна,—не ровѐнъ часъ... пожалуй, ночью-то и украдутъ со стлища...

— Эхъ, супротивная какая,—замѣтилъ мужикъ,—ты ей съ ласкою, а она и рыло воротитъ.

— Что ужъ и говорить, Миронъ Андреичъ!—отозвалась, вздыхаючи, Панкратьевна,—уродился таковъ человѣкъ негодящій... Вотъ что̀ дѣлать-то съ нею станешь? Поучить бы порядкомъ слѣдовало,—да Силантьевна и Кузя-то самъ,—гдѣ ужъ имъ... больно люди смиренные... Охти, Господи!.. Вѣдь чего я-то боюсь, касатки? какъ бы глядя на нее, и иныя прочія бабёнки не взбѣленилися... вонъ хоша бы снохи мои... Ты какъ думаешь-то, касатка, Силантьевна?

— Охъ, и не придумаю... проговорила Силантьевна.

— Эхъ ты!—сказалъ Миронъ запальчиво,—а я вотъ, бабы, придумалъ, чѣмъ Машутку унять: завтресь поутру, возьми-ко ты, сватья, сына съ собою, да и прямёхонько къ барину!... проси на нее: такъ и такъ, дескать, житья во-

все нѣтъ отъ снохи. А самой тебѣ съ нею не справиться, примись-ко учить, такъ она, пожалуй, и тебя притаскаетъ! Такъ-то: къ барину ступай!..

— И, и, сватушко!... гдѣ ужъ мнѣ...

— Ты молчи-знай!.. прикрикнулъ на нее Миронъ,—коли сама не придумаешь,—по-крайности, добрыхъ людей слушайся... Теперича, какъ есть, будетъ во-время: крёстной Машутки,—слышалъ я давича на барскомъ дворѣ,—чуть-ли не померъ въ степной деревнѣ... заступиться некому!.. Безпремѣнно ступай къ барину!

Съ тѣмъ же пристали къ Силантьевнѣ и бабы; охая и вздыхая, старуха согласилась, наконецъ, съ ними. Но на другой день не смогла она собраться съ духомъ идти къ барину, и врядъ-ли бы собралась когда нибудь, еслибы самъ Кузьма, вызвавъ ее вечеромъ потихоньку за заднія ворота, не приступилъ къ ней съ такими рѣчами:

— Матушка, а матушка... дядя Миронъ меня училъ... сказывалъ: къ барину надотъ... змѣя, вишь, она, Машутка-то больно тово... при всѣхъ приколотила, теперича завсегда такъ-то станетъ... Матушка! какъ хошь, а завтресь безпремѣнно къ барину пойдемъ.

— Ахти, сынокъ-батюшка,—молвила шопотомъ старуха: какъ-же идти-то намъ,—вѣдь узнаетъ она... Да и къ барину больно-боязно!...

— Ничего баринъ... вишь онъ не кусается, баитъ дядя Миронъ... возразилъ Кузя ухмыляясь, такъ-то!... а ужъ завтра безпремѣнно пойдемъ!...

Ночь не спала старуха Силантьевна, все охала да втихомолку плакала. А на другой день, лишь только Марья ушла со двора куда-то, явился съ Кузей къ старухѣ Миронъ Андреевъ.

— Сейчасъ, сватья, собирайся!—сказалъ онъ ей,—не то самъ баринъ пришлетъ за тобою!.. Ты что думаешь-то?...

Оторопѣла бѣдная старуха и замыкалась по избѣ; коекакъ и наскоро повязала она на голову другой платокъ, накинула бѣлый шушунъ, и, ковыляя, отправилась, съ Мирономъ и съ сыномъ, къ барскому дому. Лишь подошли къ

крыльцу, сердце у ней такъ сильно забилось, что она чуть-было не упала.

— Охъ, батюшки... ноги подкашиваются... шептала она своимъ спутникамъ.

Но Миронъ Андреевъ стоялъ у ней за плечами и не пускалъ назадъ. Наконецъ взобрались всѣ въ переднюю. Тутъ Миронъ тотчасъ же попросилъ пахмураго, стараго лакея, чтобы доложилъ барину объ ихъ приходѣ. Попалась бѣдная Силантьевна! Какъ же тяжко вздыхала она, въ ожиданіи барина.

Баринъ на ту пору былъ у себя въ кабинетѣ, и дѣломъ, по обыкновенію, занимался, лежа на продавленномъ и оборванномъ диванчикѣ: онъ ногти чистилъ усердно и курилъ, съ нѣкоторымъ отвращеніемъ, хотя и съ чувствомъ уваженія къ своей бережливости, дешевенькую сигару. Въ то же время онъ раздумывалъ кой-о-чемъ не весело,— что̀ можно было замѣтить по усиленному морганью карихъ глазъ барина, да потому еще, что онъ безпрестанно зѣвалъ. Пользуясь правомъ романиста, мы можемъ открыть, о чемъ была главная и, какъ видно, непріятная мысль барина: ему смерть не хотѣлось ѣхать къ сосѣду для переговоровъ о тяжебномъ дѣлѣ, а дѣлать-то было нечего, ѣхать приходилось непремѣнно. Такъ изъ этого можно сообразить, что не очень-то кстати подошли къ барину наши жалобщики.

— Пришли тамъ... доложилъ пахмурый лакей.

— Что̀ еще?.. спросилъ баринъ сердито.

— Миронъ Андреевъ да Большаковы, мать съ сыномъ, пришли... отвѣчалъ лакей.

— Зачѣмъ?

— Кто жъ ихъ знаетъ: зачѣмъ?...

Баринъ помолчалъ и подумалъ нѣсколько кой-о-какихъ пустякахъ.

— Дуракъ ты!... сказалъ онъ вдругъ лакею,— поди спроси зачѣмъ... Митрофанъ! Митрофанъ!... крикнулъ онъ потомъ, когда лакей вышелъ-было изъ кабинета, нечего спрашивать... постой, я самъ выду...

Барину понадоѣло-таки и лежать, и чистить ногти, и зѣвать даже, нетолько что̀ думать, вотъ и рѣшился онъ до-

вольно–энергически-выдти къ просителямъ. И точно, проворно вскочилъ онъ съ дивана, мелькомъ лишь посмотрѣлся въ зеркало, и выгнувъ нѣсколько плечи, посвистывая да притомъ покачиваясь, побрелъ въ переднюю.

Страшно перепугалась Силантьевна, когда увидала барина; не зная, что̀ ужъ тутъ и дѣлать, упала она, какъ снопъ, ему въ ноги. По примѣру матери, Кузя тоже повалился и крѣпко стукнулъ лбомъ о полъ. Старуха-то лежала, по крайней мѣрѣ, неподвижно, а сынокъ ея, широко растопыривъ руки, безпрестанно ворочался, то приподнималъ нѣсколько голову и сбоку посматривалъ на мать, то снова опускалъ лобъ на полъ.

Поглядѣвъ на дурацкія ужимки Кузи, баринъ чуть-было не разсмѣялся, но вдругъ вспомнивъ, что приходится ему, передъ самымъ отъѣздомъ къ сосѣду, разбирать еще какія-то глупыя, мужицкія дѣла, онъ опять понахмурился и прикрикнулъ на Большаковыхъ:

— Встаньте!.,. что это за безобразіе, разлеглись тутъ!.. Встаньте, говорю вамъ!.. Эй ты, старуха, разсказывай скорѣе свои глупости...

Ни жива, ни мертва, привстала Силантьевна, а глядя на нее, вскочилъ, потряхивая курчавой, косматой головою, и Кузя. Старуха открыла–было ротъ, чтобы сказать что-то, но поперхнулась и прижала къ губамъ скомканную тряпочку, служившую ей вмѣсто платка.

Баринъ нетерпѣливо тряхнулъ головою и повторилъ:

— Что̀ жъ ты стала?.. Какъ это скучно!... Говори же скорѣй!.. вотъ глупая баба!..

— Ну, тетка Дарья... молвилъ Миронъ вполголоса, дернувъ ее за рукавъ.

— Отецъ ты нашъ родной!.. Батюшка!.. заговорила Силантьевна, заикаясь и всхлипывая,—окажи ты намъ великую милость... всѣ мы вотъ... Охъ! не дай намъ пропасть совсѣмъ!... Охъ, батюшка!.. Охъ, горе наше!..

— Чортъ знаетъ что такое!... вскричалъ баринъ,—ничего ровно не понимаю!.. Я вотъ прогоню васъ всѣхъ, если толкомъ не скажешь. Говори какъ слѣдуетъ, жаловаться что-ли пришла?

— Вѣстимо, батюшка, жаловаться... молвилъ, выступая впередъ, Миронъ Андреевъ, — да вотъ она баба-то больно смиренная...

— Ты еще что тутъ мѣшаешься!—сказалъ баринъ, сурово посмотрѣвъ на Мирона, болванъ эдакой!... Начнутъ всѣ молоть вздоръ и вовсе толку не доберешься... Митрофанъ! старосту сейчасъ ко мнѣ.

Покуда ходили за старостой, баринъ принялся за любимое свое занятіе чищенье ногтей, и уже не обращалъ никакого вниманія на просителей, но явился и староста, огромнаго роста, рыжебородый мужикъ; на вопросъ барина о предметѣ жалобы Большаковыхъ, онъ какъ разъ объяснилъ въ чемъ дѣло:

— Должно-быть, — сказалъ онъ, слегка ухмыляясь, — должно-быть на Машку, на жену Кузину пришли жаловаться: недавнесь побила она его.

— Какъ!—молвилъ баринъ засмѣявшись,—объ этомъ-то жалоба?.. Эй ты, Кузька! такъ что-ли это?

— Знамо такъ!.. отвѣчалъ Кузя, пріосаниваясь и встряхивая космами,—она меня подикося какъ... взаправду оттаскала!

— Ахъ ты, дуракъ!.. Да какъ-же ты дался-то ей?.. спросилъ баринъ.

— Чего, сударь,—вмѣшался староста, — Машка такая-то стала озарница, что съ нею и не сладишь: весь домъ въ руки забрала, сама деньги въ городѣ обираетъ за все, что продаетъ тамъ Кузя, ни въ чемъ-таки воли мужу и свекрови не даетъ, а сама,—изволите, чай, помнить?—какъ есть нищая въ домъ къ нимъ попала... Да и бабёнка она непутевая, того-гляди весь домъ разоритъ. Вотъ Силантьевна сама скажетъ...

— Охъ, батюшка! Какъ есть пропадаемъ... залепетала старуха со вздохами и стонами.

— Ну, ну, перестань!... сказалъ баринъ сердито,—однако, и ты-то хорошъ, староста,—отчего жъ ты не смотрѣлъ за всѣмъ этимъ?... Чортъ знаетъ, что̀ такое! Изъ-за глупой бабёнки можетъ разориться самый богатый домъ въ имѣніи!.. Привести ко мнѣ сейчасъ же Машку!..

Марья явилась скорёхонько на барскій судъ. Сильно забилось у ней сердце, когда позвали ее къ барину, да когда притомъ посланный, лакей Митрофанъ, пріятель ея крёстнаго отца, разсказалъ, зачѣмъ зовутъ ее; впрочемъ она не испугалась, а только изумилась и чрезвычайно растревожилась,— ужъ такое зло взяло ее на дурака Кузьку и на глупую его матушку.

Баринъ стоялъ у окна, бокомъ ко всѣмъ, и барабанилъ по стекламъ, когда Марья вошла въ переднюю. Она не стала въ рядъ съ мужемъ и свекровью, а отошла къ сторонкѣ, въ уголокъ, и даже не взглянула на нихъ. Барину она не поклонилась, при входѣ въ комнату, но такъ и впилась въ него ярко-горящими, суровыми глазами. Она была блѣдна; на похудѣвшемъ уже давно лицѣ ея отражалось сильное волненіе; губы были крѣпко сжаты, густыя брови наморщены.

— Марью Ефимову привели...—промолвилъ староста.

— Слышалъ ты, староста,—сказалъ баринъ, послѣ нѣкотораго молчанія, все не отходя отъ окна и не глядя на Марью,—слышалъ-ты, какіе безпорядки произошли у насъ на деревнѣ? Это ни на что̀ не похоже!.. жены мужей стали бить!..

— Точно, батюшка...—отвѣчалъ староста, ужъ это, какъ есть, послѣднее дѣло... Озорновато больно, некстатѣ...

— А все больше понадѣючись на крёстнаго своего, на Архипа Матвѣича...

Надо сказать здѣсь, что староста былъ заклятой врагъ Архипу Матвѣеву, который мѣшалъ ему иногда мошенничать въ отношеніи барина; поэтому староста былъ очень радъ случаю намекнуть какъ-нибудь дурно объ Архипѣ передъ бариномъ.

— Да, ужъ этотъ старый дуракъ во все путается,—проворчалъ баринъ, недобромъ вдругъ вспомнивъ о своемъ повѣренномъ: ей, ты!..—крикнулъ онъ, вдругъ обратившись къ Марьѣ: какъ ты смѣла бить мужа!.. а?..

— Однова только я его ударила... да еще...—отвѣчала Марья твердымъ голосомъ, но вспыхнувъ вся въ лицѣ, да еще... Онъ самъ хотѣлъ ударить меня, дурацкая харя!.. Не того еще онъ стоитъ!..

— Какъ! ты и при мнѣ осмѣливаешься бранить мужа!.. Молчать, негодная!.. Да это что жъ такое будетъ, коли жены противъ мужей пойдутъ? Но ты весь домъ забрала въ руки!. Вотъ свекровь на тебя жалуется!..

— Вольно ей!.. что жъ худаго-то въ дому я у нихъ сдѣлала?..

— Вступись, батюшка, кормилецъ нашъ!.. завопила Силантьевна, упавши опять въ ноги, — вступись за насъ, сиротъ!.. какъ есть пропадаемъ!..

Кузька тоже повалился на полъ.

— Ничего я худова въ дому у нихъ не сдѣлала, — повторила Марья, самъ батюшка свекоръ при смерти мнѣ наказывалъ...—Отъ нихъ-то проку ни на-волосъ нѣту... Какъ же мнѣ домъ-то оставить, коли отъ свекра было наказано?

Отвернувшись съ презрѣніемъ отъ лежавшихъ на полу Силантьевны и Кузи, баринъ вопросительно взглянулъ на старосту, самому ему какъ-то не шло тогда въ голову рѣшеніе по дѣлу семьи Большаковыхъ.

— Вотъ, батюшка, какая она супротивница, — сказалъ староста: домъ-то ихъ трудами нажитъ, а она нищая въ него взошла... да ей и отъ-роду-то двадцати годовъ еще нѣту... Допрежь-сего только и знала, что пѣсни орала да выплясывала... Коли волю ей дать—весь домъ, какъ разъ, порѣшится и Кузьма Парѳеновъ не будетъ вашей милости заправскимъ крестьяниномъ.

— Да, это правда,—произнесъ баринъ наставительнымъ тономъ: что ужъ будетъ за семья, гдѣ завелася такая неурядица! Семья только и держится хозяиномъ... Слышишь, Машка: ты у меня не смѣй мужа и свекровь обижать... Они должны быть старшими въ дому... Смотри ты у меня!...

— Ну что жъ...— отвѣтила грубо Марья: плевать мнѣ на нихъ!.. я и все брошу...

— Ахъ, ты дерзкая тварь!.. — закричалъ баринъ, — осмѣлься еще ротъ разинуть!..

— Не прикажете ли постегать маненько?.. спросилъ полушопотомъ староста.

— Ну, нѣтъ... не надо...—отвѣчалъ баринъ,—ты только, староста, смотри строго, чтобы она не азарничала... Старуха

и Кузька смирны черезчуръ, такъ смотри, чтобы они опять не дали ей слишкомъ много воли... Въ дому должна распоряжаться старуха... ну и Кузька тоже, — а отнюдь не эта глупая бабёнка... А теперь убирайтесь всѣ... чортъ знаетъ, какъ надоѣли!.. Староста, ты мнѣ отвѣчаешь за домъ Большаковыхъ!.. убирайтесь!...

Порѣшивъ дѣло такимъ мудрымъ приговоромъ, баринъ изволилъ отправиться въ свой кабинетъ. Отвѣсивъ нѣсколько низкихъ поклоновъ въ слѣдъ барину, Силантьевна, Миронъ Андреевъ и Кузя вышли изъ передней; позади всѣхъ пошла и Марья, наклонивъ голову и бормоча про себя: «что́ жъ, пожалуй... а мнѣ какая нужда?.. мнѣ хоть весь домъ-то вверхъ-дномъ.....» Но ужъ такъ кипѣло у ней тогда на сердцѣ, что она на-силу могла удержаться отъ горькихъ слезъ.

Только-что̀ сошли всѣ съ барскаго двора, Силантьевна пріостановилась, выждала пока Марья подошла къ нимъ почти вплоть, и промолвила ей робко и ласково:

— Невѣстка-касатка... ты съ нами-то вотъ... съ нами, касатка, пойдемъ...

Но Марья не отвѣчала, не взглянула даже на свекровь и на мужа и опередивъ ихъ, быстро, чуть не бѣгомъ, отправилась въ домъ къ своей матери.

Блѣдная, страшно взволнованная, подошла она къ Василисѣ, которая только-что собралась-было обѣдать.

— Погубила ты меня... сказала она глухимъ голосомъ, дрожа, какъ въ лихорадкѣ:—за дурака отдала... отдала по неволѣ! За что́ жъ я теперича?.. погубила совсѣмъ..

Слезы такъ и брызнули изъ ея глазъ. Вдругъ она пошатнулась, упала на лавку, и стала рыдать безъ-умолку, не отвѣчая матери на ея распросы и утѣшенія. Какъ же ныло сердце у бѣдной Василисы, при видѣ страшной тоски своей дочери!

— Мать пресвятая Богородица!.. твердила старуха, сама плача навзрыдъ и наклоняясь безпрестанно лицомъ своимъ къ горячей головѣ дочери. Она крестила ее, молилась о чемъ-то и, не зная что дѣлать, нѣсколько разъ порывалась выбѣжать къ сосѣдямъ за помощью.

Но вотъ стала утихать тоска Марьи. Приподнялась она съ лавки, отошла въ уголокъ потемнѣе и тамъ сѣла. Закрывъ глаза руками, долго еще не отвѣчала она на распросы матери, а наконецъ сказала ей тихимъ голосомъ:

— Нонѣ жаловаться на меня барину ходили...

— Кто?.. Кто?..—вскричала старуха.

— Свекровь и Кузька...—отвѣчала Марья: я вишь во всемъ виновата... Прощай, матушка! . Нонѣ не спрашивай больше—ничего не скажу...

Съ изумленіемъ и испугомъ посмотрѣла Василиса на дочь свою; но та, простившись съ нею наскоро, ушла изъ избы такъ проворно, что Василиса не успѣла и проводить ее.

Далеко уже было за полдни, когда Марья вышла отъ матери. Отойдя нѣсколько шаговъ, она взглянула вдоль по улицѣ: улица была пуста, только маленькіе ребятишки кой-гдѣ возились въ пескѣ. Легче стало на душѣ у Марьи, когда она увидѣла, что никто не смотритъ на нее. Постояла она на улицѣ, подумала—и воротилась къ старому двору своему; отворивъ легонько калитку, прошла она осторожно черезъ дворъ и, заднія ворота и пробралась въ заглохшій садикъ. Съ грустью посмотрѣла она на жалкій видъ его, на совсѣмъ заброшенный хмѣльникъ, а потомъ подошла къ плетню, отдѣлявшему всю усадьбу ея матери отъ выгона и отъ луговъ, разбѣжавшихся вдаль широкой равниною. Еще до замужства своего любила она съ этого мѣста глядѣть въ ту сторонку, куда тянулись зеленые луга, такъ любила, что иной-разъ долго застаивалась тутъ и опаздывала выдти вечеркомъ, въ нерабочую пору, на улицу—попѣть пѣсни съ голосистыми бабами и дѣвками.

Вспомнила она теперь про свое житье дѣвичье—и закручинилась-было, но не надолго. Опершись на плетень, стала она глядѣть въ широкіе луга́ и долго-долго глядѣла, а какія-то вольныя мысли носились тогда надъ ея головою.— Тѣмъ временемъ вечернія тѣни полегоньку спускались на луговую равнину — и такъ отрадно стало на сердцѣ у Марьи.....

VIII.

Ахъ, кабы на цвѣты не морозы,
И зимой бы цвѣты разцвѣтали;
Ахъ, кабы на меня не кручина,
Ни о чемъ бы я не тужила,—
Не сидѣла бы я подпершися,
Не глядѣла бы во чисто поле...
(Народная пѣсня).

Поздненько вернулась Марья въ мужнинъ постылый домъ. Какъ шла она туда изъ садика матери, дорогою еще сердце ея опять гнѣвно расходилось,—вошла она въ избу, ни съ кѣмъ словечкомъ не перекинулась; достала изъ чулана горстки двѣ завалящагося ленку, взяла гребень и прясть принялась,—хоть лѣтомъ-то и не приходилось бы прясть. Скоро пригнали коровъ съ поля,—Марья не пошла ихъ доить. А дойныхъ коровъ у Большаковыхъ было въ-пятеромъ гдѣ ужъ съ ними со всѣми справиться слабосильной старухѣ? За доеньемъ второй коровы выбилась Силантьевна совсѣмъ изъ силы, спину у ней такъ разломило, что она на-силу привстала: охая и вздыхая, воротилась она въ избу.

— Невѣстка-касатка,—сказала она полушопотомъ, робко подходя къ Марьѣ, подсоби ты мнѣ ради Христа... не могу-таки коровъ передоить... силушки не хватаетъ...

Марья молча встала изъ-за пряжи, пошла и мигомъ передоила остальныхъ коровъ. Потомъ принесла она подойникъ въ избу, поставила его на лавку, а убирать молока не стала.

Когда воротились съ поля Кузька и работникъ, старуха собрала поужинать, но Марья, несмотря на упрашиванья свекрови, не сѣла за столъ. Дивуясь, смотрѣлъ на все это работникъ, а Кузька—тоже себѣ на умѣ: онъ видитъ, что жена его не въ духѣ, понимаетъ, что она ужъ не набольшая надъ нимъ, что ему теперь своя воля — вотъ онъ и сидитъ себѣ да ухмыляется во весь ротъ, поглядывая на жену.

Съ этого разу, Марья и во всякой работѣ такъ: о чемъ

попроситъ свекровь—сдѣлаетъ, а отъ себя—ничего. И стала она такая молчаливая, сумрачная, не-то сердитая, не-то печальная. Кинувъ совсѣмъ хозяйничанье по дому, она не хотѣла бы даже и смотрѣть на него. Подошелъ сѣнокосъ, пора весело-рабочая, когда молодыя бабы и дѣвки выходятъ, всѣ въ хорошей нарядѣ, ворошить на лугу только-что скошенное—душистое сѣно, когда, работая, всѣ поютъ пѣсни и сходитъ самый спѣшный трудъ за веселый праздникъ. Марьѣ страхъ не похотѣлось ворошить сѣно, она все-таки пошла на работу, только видно было, что работаетъ она нехотя; да и въ осуду всѣмъ деревенскимъ вышла она на лугъ въ самой плохой одёжѣ; во весь сѣнокосъ не пѣла она пѣсенъ, и ни съ кѣмъ не разговаривала, а послѣ работы всякой разъ уходила не домой, а къ матери, гдѣ оставалась до поздней ночи. Не разговорчива была она и съ матерью, не рѣдко даже совсѣмъ не отвѣчала ей на распросы о житьѣ-бытьѣ въ дому Большаковыхъ; но легко становилось у ней на душѣ, когда она уходила въ запущенный садикъ и съ своего любимаго мѣстечка, при сумеречномъ свѣтѣ, глядѣла вдаль на луга, на которыхъ полки-полками стояли уже въ необозримыхъ рядахъ копны сѣна. Богъ ее знаетъ, о чемъ въ это время думала наша молодица. Она ничего не желала, не горевала ни объ чемъ, но луговой просторъ, манившій вдаль ея смутную, горячую мысль, наполнялъ неспокойную ея душу широкимъ чувствомъ воли.

Прошолъ сѣнокосъ; сметали сѣно въ стогá. Силантьевна должна была на эту работу принять еще работника, такъ-какъ Кузька былъ вовсе не въ помощь. Вырвавшись на волю, онъ сталъ безобразничать пуще прежняго: напивался пьянъ нетолько въ каждый праздникъ, но часто и въ будни. Въ пьяномъ видѣ онъ потѣшалъ своими глупыми прыжками и ораньемъ встрѣчнаго и поперечнаго. До того дошло, что ребятишки бѣгали за нимъ неотступно, тормошили его, иной-разъ драли за вихоръ, а иной-разъ валяли въ лужу и тамъ Парѳеновъ сынокъ, первый богачъ на деревнѣ, барахтался свинья-свиньею. Подчасъ приставали къ ребятишкамъ и взрослые: тогда Кузькѣ доставалось много добрыхъ тумаковъ, но онъ все не пронимался. Скоро сдѣлался онъ посмѣшищемъ для цѣлой

деревни, и стали всѣ обходиться съ нимъ какъ съ истымъ дуракомъ.

Больно было для Марьи смотрѣть на все такое, особенно потому, что Кузька, безобразный, пьяный дурачокъ, былъ голова въ дому, по блажной воли барина, чѣмъ онъ завсегда хвастался передъ женою. Бывало, при жизни еще свекора, Марья смотрѣла на дурость Кузьки совсѣмъ иначе и,—что̀ грѣха таить?—сама смѣивалась, когда онъ, при народѣ, вымолвитъ глупое слово, или когда кто-нибудь, для шутки, стукнетъ его по затылку. Но теперь совсѣмъ не то, теперь больно и тяжко смотрѣть ей, какъ потѣшаются люди надъ ея мужемъ; а когда слышала, что называютъ её «женой Кузиной»,—это названіе принимала она за ругательство, за кровную обиду: вотъ отчего старалась она какъ можно рѣже казаться на глаза людямъ.

Между-тѣмъ свекровь ея никакъ не могла справиться съ сыномъ. Повадился онъ почти всякой базаръ таскаться въ городъ и хотя мать почти всегда ѣздила съ нимъ на базары, однако, что̀ при ней, что̀ безъ нея, онъ напивался пьянъ безобразно и вчастую пропивалъ всѣ денежки, вырученныя за какой-нибудь товаръ. Ко всему этоту онъ сдѣлался такъ озорноватъ, что иногда грозилъ побоями безталанной Силантьевнѣ, когда она принималась унимать его отъ пьянства.

Такъ шло-катилося времячко, все попрежнему, безъ добра и безъ радости. Не рѣдко случается, что и тяжко-хворый человѣкъ можетъ выздоровѣть, но дураку круглому ужъ откуда набраться ума? годъ-отъ-году онъ все больше будетъ шалѣть; такъ было и съ Кузей, и конечно отъ этого не могло быть ладу въ дому Большаковыхъ. Къ этому времени почти всѣ деревенскіе мало-по-малу перемѣнились къ Марьѣ, стали жалѣть ее да втихомолку проговаривали, что баринъ, дескать, чисто съ-дуру предоставилъ дураку Кузькѣ распоряжаться въ дому. Однако, эти сожалѣнія были не по нутру Марьѣ, какъ-то обидны они казались ей. Никому, даже матери, она не жаловалась на житье-бытье свое незавидное и попрежнему отходила отъ всякаго, избѣгая разговоровъ; а о томъ, чтобы повеселиться съ молодыми бабами, ей уже и въ голову не приходило. Впрочемъ «живъ

живое и думаетъ»—не переставала она вспоминать о житьѣ своемъ дѣвичьемъ, но совсѣмъ позабыла про то, какъ веселилась въ первое время замужства. Не весело жила наша Марья, ходила съ поникшей головою, работала не съ охотою,—и не летѣли ужъ вдаль ея мысли, не заглядывали въ будущее.

Къ осени стало слышно на деревнѣ, что баринъ собирается на зиму въ Москву. При этомъ извѣстіи встрепенулись въ головѣ Марьи жаркія мысли: стало подмывать ее идти къ барину и просить его настоятельно, чтобы унялъ Кузьку да передалъ опять въ ея главное распоряженіе весь домъ, который при Кузькиномъ хозяйствѣ, того гляди, станетъ приходить въ упадокъ. Какъ-то выдался денёкъ, что она только и думала, какъ будетъ жаловаться барину. Съ мыслью объ этомъ она спать легла, ночью нѣсколько разъ просыпалась и съ-просонья все думала о томъ же, но поутру такъ про себя порѣшила:

«Что ужъ идти къ нему, чернавому? Развѣ онъ разсудитъ, какъ слѣдуетъ?.. Ужъ коли не сдогадался, что Кузькѣ нельзя быть хозяиномъ, такъ значитъ самъ-то небольно уменъ... Да и опосля-то справился ли, хотя однова, какъ Кузька домъ ведетъ?.. Нѣту! незачѣмъ къ нему идти, да онъ, пожалуй, только про плохія дѣла болтать начнетъ... Знамо, на то они баре-господа... Вишь они про насъ думаютъ, точно и не люди мы...»

И она не пошла къ барину; только съ недѣлю послѣ того ныла душа ея и всякую ночь она видѣла во снѣ, что жалуется барину на мужа, а баринъ подмигиваетъ ей лѣвымъ глазомъ и лукаво улыбается... Скоро баринъ уѣхалъ въ Москву, тутъ исчезла и тоска Марьи, только сумрачна осталась она попрежнему.

Всю зиму провела Марья скучнёхонько, все дома сидѣла да пряла, молчала да думала. Похудѣла и поблѣднѣла она еще болѣе, а черные глаза ея стали еще суровѣе. Но несмотря на худобу и блѣдность, она была еще хороша собою, на заглядѣнье всѣмъ. Да что въ красотѣ, когда нѣтъ милаго человѣка, который могъ бы полюбоваться ею?..

Опять пришла весна, время трудовое. На ту пору Марья

уже не стала хлопотать о пахотѣ во-время, объ исправной работѣ въ полѣ. «Мнѣ что̀ за дѣло?... твердила она про себя, глядя съ тайной печалью на хозяйство мужа: вишь мнѣ не приказано... Пусть, какъ хотятъ, такъ и дѣлаютъ!..» И въ самомъ дѣлѣ, плохо шло дѣло у Большаковыхъ: вѣдь въ дому-то хозяйскій глазъ вездѣ нуженъ, а развѣ сваришь пиво съ такимъ хозяиномъ, каковъ Кузьма Пареенычъ?

А онъ съ весны еще запьянствовалъ на-пропалую. Баринъ на лѣто поселился въ другой вотчинѣ,—пріятели и растолковали Кузѣ, что еще теперь своя воля, бояться не кого, вотъ онъ и отбился совсѣмъ отъ рукъ; Силантьевна, боясь побоевъ отъ сынка, уже не смѣла провожать его на базары.

На самый Троицынъ день, Кузя, вмѣсто того, чтобы къ обѣднѣ идти, ранымъ-ранёхонько поѣхалъ одинъ въ городъ на лучшей своей лошади. Съ Силантьевной онъ и говорить не сталъ, когда она принялась-было уговаривать его, чтобы не ѣздилъ; посмотрѣла она въ слѣдъ ему, погоревала, поохала, да и въ избу пошла—не бѣжать же было за нимъ. Подъ вечеръ воротился Кузя въ Березники, какъ водится пьянъ, лыка не вяжетъ, новая свитка на немъ вся изорвана, поярковой шляпы и кушака совсѣмъ нѣту, да и доставилъ-то его на своей лошади Миронъ Андреевъ.

Силантьевна ударилась въ горькія слёзы, увидавъ, что сынокъ прибылъ на чужой лошади, а свою, Богъ знаетъ, куда дѣвалъ.

— Сватушка, кормилецъ ты нашъ!.. стала она спрашивать у Мирона, гдѣ-жъ наша-то лошадь?...

— А что лошадь...—отвѣчалъ Миронъ: Лазарь Ивановъ, трактирщикъ, забралъ ее вмѣстѣ съ телѣгою... Теперича она ужъ его лошадь стала. Вишь, твой окаянный напилъ у него въ харчевнѣ съ чортову-пропасть... Эхъ, погрѣшилъ я тогда—уговорилъ жаловаться барину на Марью!.. вона до чего дошло! Вѣдь экая гадина сталъ Кузька, что и ладу-то съ нимъ нѣту!..

До-сыта наплакалась наша плакса старуха, но и зло взяло-таки ее: много разъ приставала она съ сердцемъ къ сыну, все спрашивая о лошади, а онъ-то, замѣсто всякаго отвѣта, еле-еле помахиваетъ рукою въ ту сторону, гдѣ городъ.

Наконецъ старуха устала возиться съ пьяницею и бросилась въ избу.

— Сношенька!.. сношенька!.. кричала она, задыхаясь отъ кашля, глянь-кося, что́ надѣлалъ!..

— Что́ тамъ такое?.. спросила Марья.

— Супостатъ-то нашъ... о-охъ, сокрушилъ совсѣмъ!.. Кузька-то, пьяница!. Батюшки, родимые!.. зачѣмъ я одного-то его отпустила?.. Лошадь у него отняли!.. Лошадь, супостатъ, пропилъ!..

Съ-минуту Марья молчала, но вдругъ, изъ-подъ сдвинутыхъ чорныхъ бровей, такъ и загорѣлись суровые глаза.

— Ну, что жъ... сказала она глухимъ голосомъ, пропилъ, такъ пропилъ!.. отъ него чего жъ еще ждать-то? Жалко, барина нѣту, пускай полюбовался бы, какъ хозяйничаетъ Кузька...

— Сношенька... родимая.. молвила старуха, заплакавъ: о-охъ, знамо, виноваты мы всѣ... я-то, дура, что́ надѣлала!.. послушала чужихъ людей... О-охъ, я глупа. Прости ты меня, старую... вишь, совсѣмъ съ ногъ сбилася... Касатушка, родимая!.. поучи, что теперича дѣлать-то?..

— Что́ мнѣ учить?.. баринъ вѣдь не приказалъ... Вотъ и жди барина...—отвѣчала Марья. А пускай все прахомъ идетъ! прибавила она вполголоса и вышла изъ избы.

Отправилась она прямо къ матери, посидѣла у ней съ часокъ, ничего, однако, не сказавъ о лошади; зашла потомъ въ садикъ, съ любимаго своего мѣстечка поглядѣла на зеленые луга, но не забылась она тутъ, глядя на широкій луговой просторъ: сжало сердце ея тяжелая грусть оттого, что безпрестанно всходили ей на умъ послѣднія наставленія умирающаго свекора, да стало казаться ей притомъ, что все-таки и она передъ нимъ въ чемъ-то виновата...

Между-тѣмъ Кузѣ не прошла даромъ его послѣдняя продѣлка. Миронъ Андреевъ разсказалъ про все старостѣ, а староста собралъ стариковъ на сходку, призвалъ Кузю, пребольно оттаскалъ его за волосы да и выдрать хотѣлъ тутъ-же; Силантьевна ужъ на-силу упросила, чтобы помиловалъ его на этотъ разъ. Староста хоть и смиловался на просьбы

Силантьевны, но все-таки прикрикнулъ и на нее за потачку сыну.

— Да вотъ постой, знаю я, что съ вами сдѣлать надобно, — молвилъ онъ и велѣлъ позвать на сходку Марью.

— Слышь ты, Марья, — сказалъ староста: вонъ какихъ дѣловъ надѣлалъ твой непутёвый муженёкъ!

— Не я его худому-то учила... — отвѣчала Марья.

— Знамо, не ты... А не моги ты разговаривать такъ-то... Домъ-отъ, пожалуй, придетъ въ разоренье... Баринъ строго-на-строго наказывалъ мнѣ смотрѣть за этимъ... Слышь ты это, аль нѣтъ?

— Можетъ, баринъ и наказывалъ тебѣ... — возразила Марья, а мнѣ что?... мнѣ онъ запретилъ въ дому распоряжаться...

— Вишь ты, супротивная!...—молвилъ староста нѣсколько въ раздумьи, — а ты то разсуди: зачто жъ мнѣ-то быть въ отвѣтѣ? Вѣдь взыщетъ, пожалуй... Ты ужъ какъ хошь, а смотри за нимъ, лѣшимъ, на базары-то не пущай да и во всемъ ненадоть ему воли давать... Я вотъ барину отпишу... Слышь ты, чортъ лупоглазый!... продолжалъ онъ, обращаясь къ Кузѣ: если станешь ослушаться жены и матери, запорю тебя до полу-смерти...

Пока говорилъ это староста, Марья позадумалась, — опять пришли ей на умъ послѣднія рѣчи свекора и самъ онъ, изхудалый, съ лицомъ помертвѣлымъ, съ впалыми, горящими и блуждающими глазами, такъ живо вспомнился, что она невольно вздрогнула и слезы проступили у ней на глазахъ. Но когда кончилъ говорить староста, она твердо ему отвѣтила:

— Прохоръ Антонычъ!... какъ же мнѣ супротивъ барскаго приказу идти?... пускай матушка-свекровь да и Кузьма-то домомъ заправляютъ... а я ни въ какія дѣла не войду... Только вотъ, пожалуй, стану съ нимъ на базары ѣздить, чтобы не могъ онъ опять худыхъ дѣловъ надѣлать... А ты самъ, Прохоръ Антонычъ, прикажи нашимъ молодымъ ребятамъ, чтобы они не подбивали Кузьму къ пьянству, вѣдь онъ отъ этого больше... знамо, малосмысленный человѣкъ... Да колибъ ты и въ городѣ-то вездѣ повѣстилъ, что

ему отъ барина не приказано вѣрить ни на единую копѣйку... Сама же я, окромѣ того, хоть рѣжьте меня, ни во что не войду...

— Дѣло она сказываетъ,—заговорили старики,—и то ей нельзя идти супротивъ барина.

Староста согласился съ приговоромъ міра. Въ этотъ же день онъ строго наказалъ всѣмъ молодымъ парнямъ деревенскимъ, чтобы никто не смѣлъ подбивать Кузю къ пьянству, а вскорѣ потомъ и въ городѣ во всѣхъ трактирахъ, харчевняхъ и питейныхъ домахъ объявилъ, чтобы дурачку Кузькѣ никто не вѣрилъ, а то, дескать, баринъ въ судъ за это потянетъ.

Съ этихъ поръ прошла лафа для Кузи, никто не сталъ ему вѣрить въ долгъ, а денегъ-то жена ему не давала. Съ большой неохотой ѣзжалъ онъ съ женой на базары: замѣсто пированья въ харчевнѣ или въ кабакѣ, пришлось теперь ему только смотрѣть за лошадью, пока жена дѣломъ занималась. Впрочемъ, какъ староста постращалъ его, онъ сдѣлался смиренъ попрежнему и уже ни въ чемъ не ослушался жены.

И возвращались Кузьма и Марья съ базару чинъ-чиномъ: онъ не пьяный, только ужъ очень пахмурый, она—постоянно задумчивая и даже пасмурная. Неохотно и она отправлялась съ мужемъ въ городъ, гдѣ ей не разъ приводилось видѣть, какъ на него пальцемъ показывали. Колибъ не память добрая о предсмертномъ наказѣ свекора, ни за что не стала бы она присматривать за Кузей. Онъ ужъ такъ ненавистенъ былъ ей, что, ѣдучи въ городъ и изъ города, она никогда не садилась съ нимъ въ телѣгу, а шла, бывало, сзади, несмотря на грязь и непогоду.

Такъ прошло нѣсколько недѣль. Подошелъ Петровъ день, когда бываетъ ярмарка въ Суходолѣ. Волей-неволею отправилась на ярмарку и Марья съ своимъ неразрывнымъ Кузею; Силантьевна тоже сбиралась-было, но по нездоровью должна была остаться дома.

На ярмаркѣ нашлось много дѣла для Марьи: привезла она на продажу не мало всякой всячины, да надо было и скупить кой-что для домашняго дѣла. Нѣсколько разъ от-

ходила она отъ своей телѣги, оставляя при лошади Кузю, съ строгимъ ему наказомъ, чтобы не смѣлъ никуда отлучаться и, возвращаясь къ телѣгѣ, находила она, что муженекъ ея исполняетъ, какъ надо, приказаніе, сидитъ-себѣ на возу, да раскрывъ ротъ до ушей, глазѣетъ на снующій передъ нимъ народъ. — За ярморочными хлопотами протянулось время къ вечеру: Марья не скоро управилась съ своими покупками; наконецъ она пошла въ послѣдній разъ на *толкучку*. Ходила она не долго, а какъ вернулась—глядь! и слѣдъ Кузи простылъ.

Покуда Марья была на толкучкѣ, нѣсколько молодыхъ парней березниковскихъ, позабывъ, подъ хмѣлькомъ, наказъ старосты, утащили Кузю въ харчевню и тамъ стали поить его на свой счетъ, а онъ за это кривлялся и ломался на-потѣху всей честной компаніи.

Закипѣло на сердцѣ у Марьи, когда увидала она, что муженекъ ея тягу далъ. Сразу она догадалась въ чемъ дѣло,—поэтому такъ и распорядилась: отвела лошадь къ лавкѣ старика-купца, знакомаго ея свекору, а сама пустилась отыскивать Кузю по трактирамъ и харчевнямъ. Она отыскала его скорёхонько, разбранила поголовно всѣхъ парней, напоившихъ Кузю, да такъ пригрозила имъ старостою и самимъ бариномъ, что они смѣяться перестали; затѣмъ повелительно приказала двоимъ изъ парней отвести ея мужа къ телѣгѣ— и они послушались, даромъ-что сами были пьяны.

Кое-какъ дотащили Кузю до лавки купца и, съ помощью двоихъ лавочниковъ, ввалили его въ телѣгу.

— Эхъ, голубушка!...—молвилъ купецъ, взглянувъ съ сожалѣніемъ на Марью, — жалко, право-слово жалко!... знать, тебѣ придется всю жизнь маяться съ этимъ проклятымъ — прости Господи мое прегрѣшеніе!—съ этимъ-то дуракомъ и пьяницею безобразнымъ!...

Марья вся вспыхнула въ лицѣ, быстро взглянула на купца и хотѣла-было отвѣтить что-то, но вдругъ поблѣднѣла и промолчала, стиснувъ зубы; боялась она, сердешная, что коли заговоритъ—слезъ не удержитъ: молода ещё была и не обдержалась въ горѣ.

Отправляясь домой, Марья должна была сѣсть въ телѣ-

гу, чтобы править лошадью, ѣдучи по городу. Но выѣхавъ за заставу, она не утерпѣла и вылѣзла изъ телѣги: не въ мочь было ей сидѣть возлѣ Кузи. Впрочемъ, дорога отъ города въ Березники была прямая и широкая; понадѣючись, могла Марья пустить по ней лошадь, только она направила ее не по битому слѣду, а возлѣ самыхъ ветелъ, которыми обсажена дорога.

Караковый конь, конь степенный, хоть и съ лѣнцою, везетъ Кузю шашкомъ, словно боится обезпокоить его, а Марья идетъ слѣдомъ, идетъ, опустя низко голову и отирая часто глаза, которые безпрестанно застилаются слезами. И не поднимаетъ она головы даже тогда, когда иной деревенскій мужикъ, ѣдучи съ ярмарки шибкою рысью, закричитъ ей что-нибудь мимоѣздомъ, — да и врядъ ли она слышитъ, что кричатъ ей, такъ погружена она въ невеселыя мысли.

«Мать пресвятая Богородица!... —думаетъ она: — доля какая досталася... Замужъ выдали... Домъ-отъ этотъ чужой... словно лѣсъ глухой, непроходимый... Чай, лучше въ острогѣ жить, чай, легче на каторгѣ!... Напредки-то чего жъ еще ждать?... Вотъ онъ лежитъ, будто скотъ безсловесный!...»

Тутъ взглянула она на мужа, и никогда не казался онъ ей такъ гадокъ, противенъ, какъ теперь. Онъ лежалъ навзничь, растянувшись въ телѣгѣ. Одна нога его перевѣсилась черезъ край телѣги и за колесо цѣпляла. Лице его было сине-багроваго цвѣту, нижняя губа отвалилась. Въ двухъ жесткихъ, темнобурыхъ клокахъ, замѣнявшихъ у него бороду, и въ густыхъ, курчавыхъ волосахъ торчала солома и всякая дрянь.

Но вотъ и Березники. На этотъ разъ почти незамѣтно можно было пробираться по деревнѣ: въ каждомъ дворѣ бабы хлопотали вокругъ пьяныхъ мужиковъ своихъ, только-что воротившихся съ ярмарки: кто возился съ отцомъ, кто съ мужемъ, либо съ другимъ кѣмъ-нибудь изъ домашнихъ.

Дотянулъ до дому караковый конь и, какъ лошадь умная, прямо уткнулся въ затворенныя ворота. Еще разъ взглянула тутъ Марья на своего мужа: онъ лежалъ попрежнему и громко храпѣлъ...

Съ-минуту она смотрѣла на него съ неопредѣлимымъ

отвращеніемъ, съ сильнѣйшею, страстною ненавистью. Вдругъ сердце у ней больно повернулось, въ лицо, какъ отъ полымя, жаръ вступилъ, въ головѣ зашумѣло, въ глазахъ затуманилось... Мысли стали странно путаться: какое-то новое горе сжало ея сердце, какой-то порывъ подмывалъ ее бѣжать прочь отсюдова... Страстное, жгучее желаніе воли и простора охватило всю ея душу...

Съ усиліемъ рванулась она съ мѣста и быстро пошла прочь отъ воротъ дома Большаковыхъ.

IX.

Пущу я мою волюшку
Во чистое поле,
Пущу я мою волюшку
Во темный лѣсъ....

Народная пѣсня.

Кто-то, — изъ бабъ должно-быть, — раза два кликнулъ Марью, когда она быстро шла по деревнѣ, но она хоть и слышала зовъ, не оглянулася, а только ускорила шаги, чуть не бѣгомъ пустилась. Неподалеку отъ конца улицы находился переулокъ, выходившій на выгонъ,—Марья повернула въ него и вышла на загуменье. Скоро поравнялась она съ огородомъ матери и тутъ остановилась.

Золотистый отблескъ заката солнечнаго разливался по огороду слабымъ и неровнымъ свѣтомъ. Подъ тремя, четырьмя старыми яблонями, шатромъ опустившими вѣтви, улеглись мрачныя тѣни, и синеватою тѣнью были покрыты гряды капусты и картофеля, а кисти яроваго хмѣля, вившагося по плетню и бѣжавшаго на тоненькую березку, еще довольно ярко золотились цвѣтомъ сумерекъ. Опершись локтемъ на плетень, Марья принялась оглядывать все въ бѣдномъ огородѣ матери.

«Плохонекъ нонѣча огородъ у матушки... подумала она. Маловато всего посажено... Картофель-то ужъ больно рѣ-

докъ, вотъ зато капустка будетъ, кажись, знатная... А ужъ какъ всѣ грядки травой заросли!... Дай-ка я пособлю, прополю грядочки двѣ»....

И она перелѣзла черезъ плетень, усѣлась между грядокъ и принялась проворно выдергивать сорную траву.

«Матушка моя, желанная!... стала опять думать Марья и слезы закипѣли у ней на сердцѣ: выдешь ты завтра утромъ на огородъ, увидишь грядки выполотыя... Угадаешь, что я сюда заходила... угадаешь, скажешь: «знать, это Машутка, дитятко родное, грядки мнѣ выполола»... А я не покажусь тебѣ... можетъ, и совсѣмъ... Можетъ, и совсѣмъ не увидишь меня»...

При послѣдней мысли вдругъ вскочила она, словно кто поднялъ ее сильной рукой; и опять голову ея обдало полымемъ и опять сердце замерло. Въ душѣ пронеслось много разныхъ мыслей. Вспомнились сначала: Кузя, гнусный дурачокъ, ненавистный пьяница, Силантьевна-плакса и баринъ съ подмигивающимъ глазкомъ... а тамъ мелькнули въ умѣ: житье дѣвичье, вольное и веселое, и мимолетное, на-бѣду несбывшееся намѣреніе броситься въ рѣку... а тамъ ярко представилась вся жизнь въ мужниномъ дому, жизнь горькая, одинокая.

«Закабалили меня... продолжала думать Марья: — по рукамъ по ногамъ, повязали... загинула моя волюшка!.. домъ — этотъ чужой, проклятой.... Охъ! какъ бы вырваться изъ него!»

Душа ея сильно заныла отъ тоски, но страстное желаніе простора было сильнѣе тоскливаго чувства, — это желаніе такъ и подмывало ее кинуться впередъ куда-то. Она не могла уже не объ чемъ больше думать... Безсознательно пошла она вдоль плетня. У того любимаго мѣстечка своего, съ котораго бывало глядѣла на луга, перелѣзла она черезъ плетень и прочь пошла отъ деревни, пошла тихонько, словно ощупью, да врядъ-ли и видѣла куда идетъ. Вдругъ издалека съ луговъ, прямо навстрѣчу Марьи, донесся какой-то крикъ протяжный и пронзительный; заслышавъ его, Марья вся вздрогнула и благимъ матомъ кинулась въ сторону, — но не назадъ къ Березникамъ....

Передъ нею очутилось озимое поле съ высокою рожью, наливавшійся колосъ которой уже нагибался немного къ землѣ. Край поля былъ освѣщенъ румянымъ свѣтомъ вечерней зари, а въ глуби его клубилась голубоватая мгла. Въ недоумѣньи Марья остановилась тутъ на минутку — и взглянула по обѣ стороны: вдругъ она увидала близёхонько отъ себя тропинку малую черезъ ржаное поле... Съ замирающимъ сердцемъ вступила она на эту тропинку и быстро пошла по ней, раздвигая руками колосья, которые, ласково жужжа, словно стали манить ее все вдаль да вдаль. И тутъ представилось ей, что все, назади оставшееся, какъ-будто провалилось, погибло. Упоительный воздухъ поля, шедшій ей навстрѣчу свѣжими волнами, такъ хорошо обвѣвалъ прохладою ея горящую голову... И душа ея уже не замирала, съ каждымъ шагомъ впередъ—добрая сила входила въ нее. Марья уже твердо знала теперь, что уходитъ изъ дому, изъ родимой деревни. — «Уйду... уйду совсѣмъ!»...твердила она про себя. — И точно, ушла наша молодица, ушла куда глаза глядятъ.

Чѣмъ дальше она шла, тѣмъ спокойнѣе, веселѣе становилась; оттого она убавила шагу, пошла такъ, словно гуляла. Мысли ея вились все надъ этимъ полемъ, гдѣ было ей такъ прохладно и свободно. Обо всемъ прошедшемъ она позабыла и о будущемъ ничуть не загадывала. Съ какимъ отраднымъ чувствомъ прислушивалась она къ тихому, ровному шелесту колосьевъ, которые, приманчиво раздвигаясь передъ нею, словно лепетали что-то дѣтскою рѣчью. И казалось ей въ эти минуты, что она не идетъ, а плыветъ надъ волнами ржи... Промелькнула-было у ней въ головѣ игривая мысль, что вотъ можно бы во ржи васильковъ набрать (словно была она дѣвушка) да сплесть изъ нихъ вѣнокъ себѣ на русу косу, — но такимъ дѣльцемъ некогда тутъ позаняться, надо было все дальше плыть по волнамъ ржи и зыбкаго тумана...

Кромѣ ласковаго шелеста колосьевъ, вокругъ Марьи стройнымъ хоромъ играли и иные легкіе звуки, въ которыхъ всѣхъ громче раздавались несшіяся съ лугу голоса

перепеловъ и коростелей. Какъ сладко убаюкивали эти звуки мысль нашей бѣглянки!

Долго шла Марья. Раза три пришлось ей пересѣчь проселочныя дороги, а тропинка все вилась да вилась по полю. Но вдругъ она оборвалась, и Марья очутилась передъ крутымъ, высокимъ валомъ. Она взошла на него и увидала широкую канаву, возлѣ которой пролегала узкая дорожка; а за канавою, въ неясныхъ, темныхъ очертаніяхъ, виднѣлись плетневыя риги, крытыя соломою.

Марья какъ отъ сна очнулась. Съ испугомъ стала она всматриваться въ строенія.

«Деревня!... прошептала она, деревня... не наши-ль Березники?.. А нѣтъ, нѣтъ!... Слава тебѣ, Господи! не наша это деревня...

За одною ригою, на задахъ, должно-быть, двора, раздался грубый, сердитый голосъ старика, перебранивавшагося съ кѣмъ-то, — потомъ послышался плачъ ребенка и какое-то глухое ворчанье... Въ ту же минуту залились звонкимъ лаемъ собаки на деревнѣ, и цѣлая стая шавокъ, словно шальныя какія, высыпали къ канавѣ передъ валомъ, на которомъ стояла Марья. Она встрепенулась и кинулась бѣгомъ вдоль по валу, всторону отъ деревушки. Нѣсколько времени собаченки провожали ее по другой сторонѣ канавы, но смекнувъ, должно быть, что чужой человѣкъ нейдетъ къ нимъ на деревню, мало-по-малу отстали и, тявкнувъ еще нѣсколько разъ въ слѣдъ бѣглянкѣ, воротились на деревню.

Шибко бѣжала Марья и послѣ того, какъ собаки перестали гнаться за нею; бѣгъ не утомлялъ, а веселилъ ее. Но валъ, изогнувшись угломъ, кончился — и она остановилась. Тутъ въ первый разъ, по уходѣ своемъ изъ Березниковъ, оглянулась она кругомъ. Позади ея было необозримое ржаное поле, надъ которымъ недвижно стоялъ густой туманъ; передъ нею тянулась довольно широкая канава, а дальше раскидывался замѣтно — покатый лугъ, въ концѣ котораго виднѣлись несовсѣмъ ясныя очертанія кустовъ да рѣдкихъ большихъ деревьевъ. Не задумавшись, спустилась Марья въ канаву и вышла на лугъ, по которому и пошла опять безъ слѣду, все прямо и прямо. Лугъ шелъ котловиною, вокругъ

которой съ трехъ сторонъ поднимались бугроватыя поля. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ кустовъ, текла, въ низменныхъ берегахъ, маленькая рѣчка. Марья сняла обувь и смѣло перешла въ-бродъ довольно-вязкій ручей. Потомъ, чрезъ густые ольховые кусты и мимо огромныхъ, старыхъ, съ засохшими вершинами дубовъ пошла она дальше, все по лугамъ да черезъ небольшіе овражки, поросшіе мелкимъ кустарникомъ. Но вотъ мѣстность замѣтно поднялась въ гору. Скоро Марья достигла высокаго, круглаго холма, словно кургана какого-то; на немъ росло тоже нѣсколько дубовъ.

Марья прошла весь холмъ и на краю его увидала, что подъ нимъ, съ той самой стороны, гдѣ она теперь стояла, обрывается глубокой оврагъ, внизу котораго клубится непроглядный туманъ. Поглядѣла Марья дальше — и передъ ней за оврагомъ тускло-сизыми пятнами выступила въ нѣсколькихъ мѣстахъ широкая рѣка. Холмъ стоялъ надъ рѣкою высоко; вся мѣстность, по которой извилинами протекала рѣка, разстилалась необозримой равниной, и показалось Марьѣ, что эта равнина — все луга и луга.

«Большая рѣка...—подумала Марья,—какая же это рѣка?... Ока, что ли?...»

А ночь все еще стояла надъ землею; мглистый туманъ покрывалъ и близкіе предметы; глубь неба застилалась бѣловатой завѣсою, сквозь которую тускло просвѣчивали звѣзды. Но въ туманѣ уже замѣтно было волнистое движеніе,— онъ собирался отодвинуться въ глубь окрестности и вдалекѣ подняться отъ земли, чтобы потонуть въ ясномъ небѣ. На востокѣ заря начинала играть полосами свѣта, переливами цвѣтовъ. Въ зеленовато-голубомъ и глубоко-прозрачномъ краѣ неба надъ полосами зари отражалось еще далекое присутствіе свѣта и блеска дневнаго. Заря занималась; волны свѣта ея все дальше и дальше разливались по землѣ,— и, казалось тоже, что и съ выси небесной стали безпрестанно протягиваться какія-то свѣтоносныя нити: изъ этой основы ткалась одежда свѣтозарному дню.

Задумчиво поглядѣла Марья на большую рѣку, на эту луговую равнину, по которой мѣстами катились волны тумана. Но вдругъ подкосились ея рѣзвыя ноженьки и склони-

ло ее ко сну такъ сильно, что она, не выбирая себѣ мѣстечка на росистой травѣ, повалилась, чуть не упала; свернувшись клубочкомъ, вздохнувши о чемъ-то глубоко, она тотчасъ же крѣпко заснула. Кажись, въ такомъ незнакомомъ мѣстѣ должно быть жутко одному ночью оставаться, нетолько что спать, но молодой сонъ нашей бѣглянки все преодолѣлъ.

Марья не скоро-таки проснулась: она не видала, какъ ярко играло солнышко на восходѣ, какъ, передъ самымъ восходомъ, легкій вѣтерокъ, поднявшись съ рѣки, приподнялъ туманъ съ луговъ и часть его загналъ въ глубокіе овраги, которыми былъ изрѣзанъ одинъ берегъ рѣки, а другую часть, свернувши въ легкія облачка, умчалъ куда-то далеко.

Какъ изумилась Марья, когда увидала гдѣ она находится! Нѣсколько разъ принималась она креститься и читать молитвы; сначала ей даже думалось, что все это навожденье нечистаго, или, можетъ быть, сонъ продолжается... но нѣтъ! наконецъ она увѣрилась, что видитъ все вокругъ себя дѣйствительно наяву. Тутъ она вспомнила, какъ шла прошедшей ночью по полямъ и лугамъ, ясно вспомнила и все, что было далѣе; зато всѣ послѣднія происшествія, которыя заставили ее уйдти, куда глаза глядятъ изъ дому, она совсѣмъ позабыла, по крайней мѣрѣ мысль ея не обращалась къ нимъ. Между тѣмъ напала на нее тревога и какъ-то жутко ей стало. Что тутъ дѣлать?... Какъ быть?... Не вернуться ли домой? Но какъ же вернуться?... Вѣдь станутъ распрашивать: гдѣ была, зачѣмъ уходила? Какъ такъ пропадала цѣлыя сутки? Не повѣрятъ, пожалуй, коли разсказать сущую правду, что вотъ невзначай какъ-то ушла она, куда глаза глядятъ, не повѣрятъ и тому, что отъ этой жизни домашней грусть-тоска одолѣла!... Ничему не повѣрятъ, и Кузьку во всемъ оправятъ!... И опять придется жить съ Кузькою, возиться съ нимъ да горе мыкать!... Охъ, нѣтъ!... лучше пропадай голова во чистомъ полѣ, или въ темномъ лѣсу, а то въ глубокомъ омутѣ, подъ крутымъ бережкомъ...

Въ эту трудную минуту душа бѣглянки крѣпка оказалась: не унывала она, ни о чемъ не тужила. Простору ей

было надобно; невзначай она вырвалась на просторъ и ни за что не хотѣла покинуть его. Перекрестилась она съ твердымъ намѣреньемъ не возвращаться домой и смѣло оглянулась кругомъ.

Передъ ней развертывалась чудная картина. Высокой холмъ упирался съ одной стороны въ оврагъ, густо поросшій деревьями, между которыми кое-гдѣ еще бродилъ туманъ; за оврагомъ тянулся узкой полозкою низменный, песчаный берегъ рѣки. Прямо насупротивъ оврага, по отлогой покатости другаго берега, расположено было огромное селеніе съ нѣсколькими церквами, главы которыхъ ярко горѣли на солнцѣ. За этимъ селеніемъ синѣлъ тучею огромный боръ. Передъ селомъ и передъ оврагомъ рѣка извивалась нѣсколькими колѣнами. Съ правой стороны холма, на которомъ находилась Марья, стоялъ сосновый лѣсъ, а налѣво виднѣлось на краю большой и пологой горы небольшое селеніе; у подошвы этой горы начинались луга. Луговая равнина развивалась тутъ широко; по ней мѣстами виднѣлось теченіе той же большой рѣки, по которой плыло многое-множество барокъ и разныхъ рѣчныхъ судёнышекъ. На противуположномъ берегу ея, кромѣ села, противъ оврага, расположено было еще нѣсколько большихъ, богатыхъ селъ съ бѣлокаменными церквами. Вся картина этой разнообразной и полной жизни мѣстности ярко освѣщалась на ту пору высоко поднявшимся уже солнцемъ.

Бѣломутъ, что̀ ли?.. прошептала про себя Марья, взглянувъ еще разъ на село, развертывавшееся передъ нею во всемъ широкомъ привольи торговаго селенія, прилежащаго къ судоходной рѣкѣ.

Съ чувствомъ ребяческой радости глядѣла она на всѣ эти разнообразные виды: рѣки, селеній, луговъ, овраговъ и лѣса; но всего болѣе глаза ея останавливались на луговой равнинѣ: тамошній просторъ опять поманилъ ея живую, подвижную мысль. Не задумываясь нисколько и ни объ чёмъ, она спустилась съ холма своего и пошла къ небольшому селенію. Хоть и казалось, что это селеніе близко, но до него можно было добраться не такъ-то скоро и не такъ-то легко: прямо нельзя было пройдти, узкій и глубокой оврагъ мѣ-

шалъ, приходилось обогнуть его. Сойдя съ холма, Марья добрыхъ три версты прошла по песчастымъ полямъ, изрытымъ и еще многими овражками, хоть и неглубокими, но тоже съ обрывистыми берегами. Покуда Марья шла по этой мѣстности, не теряя изъ виду стоявшее въ боку селеніе, покуда наконецъ выбралась она на проселочную дорогу, жаръ лѣтняго дня сталъ ощутителенъ. Сначала жажду почувствовала Марья, но тутъ же и ѣсть захотѣлось ей. Между тѣмъ она уже подходила къ деревнѣ. Недалеко отъ перваго двора, на малой лужайкѣ, она увидала колодецъ съ запретнымъ еще тогда журавцомъ, подошла къ нему, опустила бадью и съ величайшимъ удовольствіемъ испила.

Селеніе, къ которому подошла Марья, даромъ-что небольшое, видимо было торговое и зажиточное. Оно было выстроено въ два порядка, по которымъ тянулись просторные дома о пяти и болѣе оконъ, съ крылечками на улицу, съ мезонинчиками, съ лавочками возлѣ каждаго дома. Въ лавочкахъ этихъ продавалась всякая всячина, начиная отъ меду, калачей и баранокъ и оканчивая дегтемъ и сальными свѣчами. У всякаго дома вороты были отворены настежъ,— признакъ, что тутъ постоялый дворъ. Въ каждое почти окно выглядывала какая нибудь женщина, и у каждыхъ воротъ бородатые, толстые дворники, въ красныхъ рубахахъ, въ босовикахъ и съ шляпами, надвинутыми низко на лобъ, стояли въ ожиданіи проѣзжающихъ: дѣло шло къ полднямъ, черезъ часикъ, эдакъ, можно было ожидать, что станутъ подходить и обозы.

Марья, не входя въ деревню, въ раздумьи пріостановилась на минуту.

Вишь, мужики все у воротъ стоятъ... распрашивать, допытываться станутъ, пожалуй... подумала она: лучше дальше пойду, чай, внизу горы перевозъ есть черезъ рѣку, можно будетъ пройдти на большое село... тамъ у какой нибудь бабы выпрошу хлѣбца... Эка! какъ поѣсть захотѣлося!. Ахъ, вотъ бѣда-то: ни копеечки у меня не осталось отъ ярмарки... все истеряла»..

Она проворно пошла по самой срединѣ улицы. Несмотря на то, что въ торговыхъ селеніяхъ ко всякому люду

привыкли, однако появленіе Марьи почему-то обратило на себя особенное вниманіе любопытныхъ дворниковъ.

— Эй ты, молодка!.. закричалъ первый же дворникъ, мимо двора котораго проходила Марья, отколь Богъ несетъ? Отдохнула бы, зашла... вѣдь, чай и обѣдать скоро пора...

Марья рукой только махнула и ничего не отвѣтила. Но остальные дворники, которымъ тогда свободно было побалагурничать словно взапуски другъ передъ другомъ, безпрерывно стали зазывать ее къ себѣ на постой; и оттого усердно обращались они къ ней съ зазываньями, что она не отвѣчала и видимо спѣшила пройти деревню.

Наконецъ Марья миновала все селеніе. Выйдя совсѣмъ уже изъ него, она увидала избу такую ладную, о трехъ окнахъ, стоявшую нѣсколько на-отлётѣ. Тихо подошла она подъ окно, одна половинка котораго была отодвинута и изъ него выглядывала худощавая, пожилая женщина.

— Тетушка... начала Марья не твердымъ голосомъ, а, тетушка... ради Христова имени...

И она не могла договорить.

Старуха оглядѣла ее нѣсколько подозрительно и спросила тихимъ голосомъ:

— Чего тебѣ надоть?..

— Дай мнѣ... промолвила Марья, задыхаясь отъ волненія, дай мнѣ, тетушка... хлѣбца... цѣлыя сутки не ѣла...

— Да ты кто жъ такая, голубка?..

— Прохожая... Дай, тетушка...

— Нѣтъ, погоди... ты мнѣ скажи прежде, откелева тебя Богъ несетъ?

— Изъ далечева...

— Да изъ мѣста-то какого?.. опять спросила старуха уже нѣсколько сердито.

Марья смутилась; въ первый разъ по уходѣ изъ дому, пришла ей въ голову мысль объ опасности быть узнанной. Она робко и глухо отвѣтила:

— Вѣдь я тебѣ сказываю: дальняя...

— Э-эхъ, голубка! возразила старуха: что-то не ладно ты баишь. Вишь какая ты разряженная, а побираешься...

У Марьи лицо вспыхнуло и она сказала твердо:

— Что́ ты это, тетушка... нѣту! я не побираюся, голодна только. Вотъ, пожалуй, возьми себѣ въ закладъ мой шелковый платокъ.

Старуха подумала.

— Не надоть твоего платка... молвила она поласковѣй прежняго: ну, что съ тобой дѣлать... на, вотъ, возьми себѣ хлѣбца... только, касатка, ради Христа, уходи поскорѣе отселева. Можетъ ты бѣглая... а можетъ и дѣло худое сдѣлала... Уходи, касатка, поколь не хватились, поколь не видалъ еще кто-нибудь... тутъ, родная, становой неподалечку живетъ...

Марья молча приняла подаяніе, перекрестилась и тяжело вздохнула. Вспомнилось ей, какъ сама она, недавно еще, подавала Христову милостинку старичкамъ и богомолкамъ, просившимъ подъ окнами. Но она не остановилась на этой мысли, встряхнула головкой и про другое вздумала.

— Спасибо, тетушка,—сказала она уже гораздо спокойнѣе: подай тебѣ Господи... А теперича, вотъ про что хочу я тебя спросить...

— Нѣту, нѣту, голубка, вскрикнула старуха: не объ чемъ мнѣ больше раздобарывать съ тобою... ступайко своею дорогой.

И она захлопнула окно.

Минуты съ двѣ Марья простояла на одномъ мѣстѣ. Ее сильно огорчила выходка старухи. Она вздохнула и пошла прочь отъ селенія, пошла, неохотно откусывая маленькіе кусочки отъ того куска хлѣба, который дала ей старуха. Еслибъ не такъ голодна она была, она кинула бы этотъ хлѣбъ въ траву, даромъ-что говорятъ, будто грѣхъ такъ дѣлать съ подаяніемъ во имя Христово.

Дорога пошла извилинами по уступамъ горы, внизъ на луга. На ходу, Марья раздумалась о своемъ положеніи...

«Вотъ, пожалуй, опять станутъ спрашивать... Какъ тутъ говорить?.. Стану сказывать на богомолье иду... Вѣдь экая бѣда, не знаю я, куда ходятъ на богомолье этою дорогою... Хотѣла давича спросить я ту тетку о дорогѣ, анъ окно захлопнула, старая корга!

Наконецъ она спустилась совсѣмъ съ горы, подъ которою дорога пролегла, между рытвинами, понадѣланными весен-

ними разливами рѣки, все мимо озерковъ и болотцъ, заросшихъ осокою и покрытыхъ кувшинками да желтыми цвѣтами куриной слѣпоты. Скоро дорога вышла на пространную луговую равнину, съ которой вѣяло чуднымъ ароматомъ растеній. Какъ обрадовалась Марья этому мѣсту, гдѣ такъ было хорошо и просторно... Не шибко пошла она по дорогѣ, поглядывая на все съ любовью и вдругъ увидала странное зрѣлище.

X.

Въ полѣ—воля.

Русская пословица.

Шагахъ во ста отъ дороги, возлѣ небольшаго озерка, обросшаго высокою, какъ камышъ, зеленою осокою, находилось десятка полтора шатровъ: то былъ вольный таборъ цыганскій.

Сшитые изъ лоскутьевъ толстой, мѣстами побурѣлой, холстины шатры не казисты были на видъ. Не ладно перекашивались они на вбитыхъ кой-какъ колышкахъ; на иныхъ виднѣлись широкія прорѣхи. Съ навѣтренной стороны полы всѣхъ шатровъ были раскинуты и все, что̀ внутри находилось, выставлялось какъ на ладонкѣ. Подлѣ каждаго шатра былъ растянутъ пологъ изъ холстины; тутъ же стояла низенькая телѣга, на которой чего-чего не набросано: и перинъ, и подушекъ, и котловъ, и горшковъ, и какихъ-то пестрыхъ лохмотьевъ; а посреди всего этого хлама торчали черно-кудрявыя головенки грудныхъ, голыхъ ребятишекъ. На веревкахъ, протянутыхъ между полами шатровъ, висѣли разодранныя одѣяла и опять пестрые лохмотья. На ту пору солнышко яркимъ свѣтомъ своимъ такъ разукрасило всю рухлядь цыганскую, что взоръ самый прихотливый могъ съ удовольствіемъ остановиться на разнообразной картинѣ.

Подъ каждымъ шатромъ, и, кромѣ того, мѣстахъ въ трехъ-

четырехъ посередь табора, курились огоньки, на которыхъ котелки кипѣли. Передъ этими кострами сидѣли, на низенькихъ чуркахъ, старыя Цыганки и постукивая потухшей головёшкою по горѣвшимъ дровамъ, молча слѣдили за кипѣньемъ воды въ котелкахъ да за поднимающимися столбами искръ, а рядомъ съ старухами, держались на корточкахъ дѣвчонки, которыя, глядя тоже на огонь, пѣли вполголоса пѣсенки безъ словъ. Промежду шатровъ, какъ въ муравейникѣ, неугомонно кипѣли цыганята, толкаясь и затѣвая странныя игры. Неподалеку отъ шатровъ, вокругъ стреноженныхъ лошадей, пасшихся на чужой травѣ, лѣниво бродили взрослые Цыганы; за ними слѣдомъ бѣгали малой рысцою собаченки, безъ толку тявкая на лошадей да на воронъ. Смутный гулъ стоялъ надъ таборомъ: скорыя, громкія рѣчи смѣшивались съ крикомъ и плачемъ ребячьимъ, съ отрывистымъ лаемъ собаченокъ и съ звонкимъ, но рѣдкимъ стукомъ «походной наковальни».

Прямо насупротивъ табора Марья остановилась и засмотрѣлась на минутку, но вспомнивъ худую молву про Цыганъ, она нѣсколько встревожились и хотѣла-было дальше пробираться, какъ вдругъ очутилась передъ нею, словно изъ земли выросла, старая, высокая Цыганка,—очутилась и дорогу Марьѣ загородила.

Цыганка эта, дряхлая на видъ старуха, была худая-худая и прямая, какъ шестъ. Странное выраженіе имѣло темноцвѣтное лице ея, съ тонкимъ, прямымъ носомъ и изогнутымъ кверху подбородкомъ; на провалившемся рту играла полная задорнаго смѣха улыбка, а глаза ея, черные и какъ уголь горящіе, бойко бѣгали и глядѣли сурово, дико и подозрительно. Эту дикость и суровость взора еще больше усиливали черныя брови, нѣсколько нахмуренныя, да сѣдые волосы, которые изъ-подъ головнаго платка, повязаннаго кое-какъ, падали низко на лобъ, а отчасти разметывались по плечамъ спутанными космами.

Такая старуха не могла внушать довѣрія, но Марья съ любопытствомъ заглядѣлась на нее.

— Молодица таланная, красавица писанная, залепетала на пѣвучій ладъ Цыганка, положивъ костлявую руку на

плечѣ Марьи: дай, подай цыганочкѣ-то бѣдной, сиротѣ-то круглой!.. А дай ты мнѣ, что́—Богъ, Никола по сердцу пошлетъ!..

— Касатка... у меня у самой ничего нѣту, отвѣчала Марья, пугливо запинаясь.

— А я погадала бы тебѣ, продолжала Цыганка, уже съ разстановкою, и будто съ лаской стала гладить Марью по плечу и по головѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пронзительнымъ взглядомъ заглядывала ей въ глаза:—а я погадала бы тебѣ, красавица, раскрасавица моя.... Есть линія счастья-то, а вотъ ей-ей же право.есть у тебя такая линія, безпремѣнно есть... Ой будешь ты счастливая! Ой будешь ты таланная!.. Постой-ка, дай ручку мнѣ, моя кралечка желанная! Поворожу, всю правду скажу, а худо все отворожу, добра много сдѣлаю... Дай небось ручку-то!..

— Да, какъ же вотъ!.. произнесла шутливо Марья: вамъ Цыганкамъ-то не велятъ давать руки,—баютъ, счастье вы отымаете...

— Ой нѣту! Ой нѣту!... молвила Цыганка, захохотавъ во все горло:—ой нѣту, кралечка чернобровая!.. Цыганочкамъ такая ужъ доля досталася: словечко не про́стое знаемъ да этимъ словечкомъ избавляемъ отъ всякого худа... а у тебя, молодица красная, горе есть! о, о, охъ горе не малое, напасть великая, великая!

— Никакого нѣтъ горя у меня! сердито сказала Марья, вырывая руку, которую схватила Цыганка.

— А не отговаривайся!..—заговорила Цыганка, какъ-будто повелительно и словно съ угрозою: всю правду я тебѣ скажу, всю-таки правду, всю подноготную... Родилась ты для счастья, а для большаго, хорошаго счастья, да близкой человѣчекъ тебѣ горя добылъ... Дома тошнёхонько, нерадостно!... много лихихъ людей, все недруги, лихіе люди!.. а мужъ-то, муженёкъ у тебя!.. Охъ, молодица-кралечка, горько, тѣсно, скучнёхонько!..

Невольно поддалась Марья рѣчамъ этимъ; глаза ея ярко вспыхнули, лицо поблѣднѣло, дрожь пробѣжала по тѣлу. А Цыганка такъ и впилась въ нее своимъ дикимъ, пронзительнымъ взглядомъ.

— Все я вижу, все-то знаю..—продолжала Цыганка; а ты не любишь его, крѣпко не любишь... Постойка, кралечка, мыслей своихъ не скрывай отъ меня... Дай, молодка, копѣечку: все отгадаю, отворожу черную думушку отъ бѣлаго личика! . Только копѣечку дай,—поворожу тебѣ...

— Ненадо, касатка!.. нѣту, ненадо...—твердила тихимъ голосомъ Марья, которую особенно поразили слова: «не любишь ты его, крѣпко не любишь...»

Но Цыганка опять схватила руку Марьи, а другую, костлявую руку свою протянула вверхъ къ сіяющему небу, на которомъ ни облачка не было видно.

— Погоди,—заговорила она, дыша трудно, будто отъ волненія: погоди!.. смотри вонъ туда: небонько ясное, чистое-чистое,—вѣтеръ всѣ тучки разогналъ, солнышко ихъ растопило... и твое счастьецо вотъ такое же будетъ!.. Счастьецо невзначай народится, радость-любовь, кручинушку, горе заслонитъ... Полюбишь ты молодца, яснаго сокола!.. А онъ будетъ цаловать-миловать!.. а онъ станетъ уважать гостинчиками, подарочками!.. Вспомяни тогда Цыганку, старую старуху,—я тебѣ счастьецо насулила!.. Только смотри-берегися: берегись ты свѣтлаго глаза, да русаго волоса, да ворона̀ коня...

Съ неописаннымъ волненіемъ слушала Марья рѣчи Цыганки. Живыя, яркія мысли зароились въ ея головѣ; страстныя желанія вспыхнули внезапно и опять подъ ними вздрогнуло ея тѣло. А между тѣмъ Цыганка, обхвативъ ее одною рукою, и глядя вмѣстѣ съ тѣмъ пристально въ помутившіеся глаза ея, тронулась потихоньку съ мѣста и пошла, по направленію къ табору. Марья же не замѣчала и не чувствовала этого.

Таборъ былъ близко: Цыганка и молодица наша дошли до него скорёхонько. При видѣ ихъ залились собаки громкимъ лаемъ; навстрѣчу выбѣжала большая толпа смуглыхъ, полунагихъ ребятишекъ-цыганятъ, которые крикливо и нараспѣвъ всѣ залепетали разомъ, прося милостинку. Они такъ и облѣпили Марью: кто тянулъ ее за фартукъ, кто за сарафанъ, кто за рукавъ, а кто кубаремъ подкатился ей прямо

подъ ноги. Старая Цыганка махала обѣими руками на задорныхъ цыганятъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, весело улыбаясь, что-то болтала на непонятномъ для Марьи языкѣ. Ребятишки совсѣмъ загородили дорогу и обѣ женщины должны были остановиться. Но тутъ подошелъ высокій Цыганъ, сердито прикрикнулъ на цыганятъ и они проворно разсыпались въ разныя стороны, какъ цыплята передъ коршуномъ. Тогда только какъ-будто отъ сна очнулась Марья.

Она опять встревожилась и даже нѣсколько перепугалась, увидавъ себя возлѣ-таки самаго цыганскаго табора. Тотчасъ же хотѣла она вернуться на дорогу, съ которой свела ее Цыганка.

— Что жъ ты это?.. Куда же, куда?.. Постой,—зайди къ намъ! зайди!.. говорила Цыганка, крѣпко ухвативъ ее за руку. Марья тоскливо озиралась кругомъ; она замѣтно была испугана: руки и ноги ея дрожали, лицо поблѣднѣло.

Цыганъ о чемъ-то спросилъ на своемъ языкѣ старую Цыганку; та по-таковски же отвѣтила ему.

— Не держи ее,—сказалъ онъ Цыганкѣ:—вишь, она испужалася...

— А ты, молодица,—продолжалъ Цыганъ ласково, обратясь къ Марьѣ, не бойся же ничего, мы тебя не ограбимъ, мы тебя ничѣмъ не изобидимъ,—не опасайся... Зайди къ намъ въ таборъ. Хочешь, поѣшь съ нами, за прокормъ ничего не возьмемъ; хочешь, такъ посмотри на наше житье-бытье... Чай, николи не видала?..

Марья взглянула на Цыгана. Онъ былъ молодъ и красивъ. Продолговатое, очень смуглое лицо его, окаймленное черною, кудрявою бородкою, было оживлено яркимъ румянцемъ; волнистые волосы падали небрежно на высокій лобъ; черные, блестящіе глаза, бѣлки которыхъ имѣли синеватый оттѣнокъ, глядѣли бойко и выразительно; полураскрытыя, красныя губы улыбались привѣтливо. На немъ былъ синій суконный казакинъ, перетянутый узкимъ ремнемъ съ мѣдными бляхами, и плотно обхватывавшій тонкій и гибкій его станъ.

Пристально смотрѣлъ Цыганъ на Марью, а она сама невольно засмотрѣлась на него. Ничего не отвѣчала она на его приглашеніе и стояла въ раздумьи, стыдливо опустивъ

глаза. Старая Цыганка потихоньку стала толкать ее сзади-и Марья вошла наконецъ въ самый таборъ.

Все, что̀ было на ногахъ въ таборѣ, все кинулось къ Марьѣ и окружило ее; цыганята тормошили ее за полы и за рукава; изъ молодыхъ Цыганокъ иныя протягивали къ ней руки и кричали: «Христа-ради!.. копѣечку дай-подай!..» другія же, самыя молоденькія, не говоря ни слова, ощупывали шелковый платокъ на ея головѣ и всю ея нарядную одежду; три-четыре старухи, на-перебой другъ передъ другомъ, распрашивали ее,—но о чемъ-такомъ,—за шумомъ и гамомъ, никакъ нельзя было разслушать. Трое взрослыхъ Цыганъ остановились за женщинами и ребятишками, и, молча посмѣиваясь, смотрѣли на эту сцену. Вдругъ одинъ цыганёнокъ больно укусилъ Марью за палецъ и она вскрикнула. Молодой Цыганъ схватилъ за волосы собачливаго мальчугана, тотъ завизжалъ благимъ матомъ, а Цыганъ, приподнявъ его на воздухъ, встряхнулъ небрежно, далъ ему жестокую тукманку да потомъ кинулъ его прямёхонько къ одному изъ костровъ; цыганёнокъ упалъ такъ близко къ огню, что опалилъ волосы, но откатившись отъ костра кубарёмъ, отбѣжалъ далеко въ сторону и молча надулъ губы. Энергическая мѣра подѣйствовала—ребятишки мигомъ отхлынули, даже взрослыя женщины, помиравшія со смѣху при видѣ, какъ мальчуганъ летѣлъ въ костеръ, шага на два отодвинулись отъ Марьи.

Жутко ей становилось: пугали ее эти темныя лица съ дикими блестящими глазами, эти крикливыя чудныя рѣчи, вся эта сумятица, шумъ и гамъ цыганскаго табора.

— Не бойся, не бойся!.. сказалъ ей молодой Цыганъ, весело засмѣявшись: никому не дамъ тебя въ обиду... Пойдемъ-ка теперь къ нашему отцу...

Онъ взялъ ее за руку и повелъ въ самую середину табора. Тамъ передъ костромъ, надъ которымъ висѣлъ довольно-большой котелъ, сидѣлъ старый Цыганъ,—видно, набольшій въ таборѣ. Сидѣлъ онъ важно и почти неподвижно, шумъ въ таборѣ нисколько не занималъ его,—онъ все глядѣлъ на огонь да что-то бормоталъ про себя.

Это былъ старикъ очень дряхлый на видъ. Голова его,

съ огромной лысиной тёмнокоричневаго цвѣта, съ рѣдкими космами изжелта-бѣлыхъ волосъ на вискахъ и на затылкѣ, ничѣмъ не была покрыта, — жаркіе лучи солнца прямо били въ его голое темя. Несмотря на сильную жару, онъ былъ въ шерстяныхъ чулкахъ, а сгорбленныя его плечи покрывалъ затасканный и изорванный тулупишка.

— Отецъ!.. промолвилъ съ уваженіемъ молодой Цыганъ, наклонившись къ старику, и притронувшись рукою къ плечу его, отецъ! погляди къ намъ сюда.

Отецъ выпрямился и поднялъ голову. Странно было выраженіе лица его: черты совсѣмъ осунувшіяся, глубоко впалые виски показывали, что жизнь еле держится въ этомъ дряхломъ старикѣ. Сѣдая, клинообразная и рѣдкая бородка его безпрестанно тряслась отъ нервнаго движенія провалившагося, беззубаго рта и это какъ-то еще болѣе усиливало выраженіе слабости и изнеможеніе набольшаго Цыгана. Зато глаза его съ красными, безъ рѣсницъ, вѣками, смотрѣли еще очень живо и не по-цыгански твердо,—въ этихъ глазахъ какъ-будто сосредоточилась отлетавшая жизнь.

— Что̀ тебѣ? что̀ вамъ надо?.. спросилъ старикъ глухимъ голосомъ, важно и пристально осмотрѣвъ Марью.

— Вотъ она зашла къ намъ въ таборъ, отецъ...—отвѣчалъ молодой Цыганъ, указывая на Марью: можно ли остаться ей?.. Должно-быть она...

— Постой...—молвилъ повелительно старикъ, не тебѣ теперь говорить...

— Скажи мнѣ,—продолжалъ онъ, обратившись къ Марьѣ: скажи мнѣ, молодка, вправду, давно ушла ты изъ дому?.. давно бродишь по бѣлу-свѣту?..

— Я... я такъ шла...—произнесла полушопотомъ наша бѣглянка.

— Нѣту! не правду сказываешь,—возразилъ старикъ: а тутъ тебѣ незачѣмъ обманывать... Ты вотъ послушай и въ толкъ возьми: мнѣ не надо знать, кто ты такая, откудова бѣжала, что̀ сдѣлала, ты мнѣ только скажи: давно ли ушла отъ лихаго человѣка, отъ плохаго житья?

— Вчерася...—отвѣчала Марья.

— Такъ оно и быть должно... Хорошо же... Слушай,

дочка: оставайся съ нами, поколь воля твоя будетъ. Нелюбо покажется у насъ,—ступай на всѣ стороны, не будемъ держать. Гляди: вонъ летитъ теперь птица надъ нами, ей вѣдь вольно летать,—а человѣкъ развѣ хуже птицы?.. Бѣлый свѣтъ и вѣтеръ вольны волею, вездѣ ходятъ... и мы хотѣли быть вольными,—и вольны мы, словно птицы, свѣтъ и вѣтеръ... Начтò намъ знать, кто ты такая?.. Ты захотѣла быть вольною... Живи у насъ... Житье у насъ простое, середь поля, подъ небомъ, на землѣ-матери... люба̀ тебѣ воля—хорошо тебѣ будетъ....

— Вотъ у него, продолжалъ старикъ, указывая на молодаго Цыгана, шатеръ есть, а жены нѣту... хочешь въ жены ему?... Ну, ступайте же прочь теперь отъ меня...

Молодой Цыганъ взялъ за руку Марью и отошелъ съ нею въ сторону.

— Ты не уйдешь отъ насъ?—спросилъ онъ ее, подозрительно смотря ей въ глаза.

— Не знаю...—отвѣчала дрожащимъ голосомъ Марья.

— Скажи, что не уйдешь!..

— Не знаю... ничего не знаю...—твердила печально бѣглянка. Странныя впечатлѣнія всего, чтò происходило теперь съ нею, начинали одолѣвать крѣпость ея духа; сердце замирало у ней, робость и слабость она чувствовала и ничего сообразить не могла, какъ-будто потеряла и умъ и волю.

Глаза Цыгана засверкали,—онъ остался недоволенъ отвѣтомъ Марьи.

— Говори ты у меня на-прямикъ—молвилъ онъ сурово: хочешь, аль нѣтъ остаться съ нами?..

Марья не вдругъ отвѣчала, — она съ трудомъ преодолѣла свою робость. Вы всѣ здѣсь вольны и я вольна .. вамъ набольшій сказывалъ... возразила она: что-жъ ты присталъ-то ко мнѣ?.. у меня тоже своя воля...

— Врешь ты!..—крикнулъ Цыганъ: на все моя воля, а не твоя!.. Захочу отпустить тебя — отпущу, а не захочу—такъ не отдамъ за лучшаго коня съ инеральской конюшни!..

И вслѣдъ за этими словами онъ обнялъ ее и страстно сталъ цѣловать.

Гадокъ и страшенъ показался онъ Марьѣ въ эту мину-

ту. Насилу вырвалась она отъ него и опромѣтью вбѣжала подъ первый попавшійся на глаза шатеръ; на счастье свое она увидала тутъ лицо знакомое: то была старуха, которая привела ее въ таборъ. Старая Цыганка занята была на ту пору важнымъ дѣломъ, въ которомъ помогали ей двѣ молодыя Цыганки: всѣ онѣ выгружали какую-то поклажу изъ большаго мѣшка. Увидавъ Марью, одна изъ молодыхъ Цыганокъ вскрикнула и набросила на мѣшокъ дырявую шаль; но старуха засмѣялась и молвила:

— Дура! чего испугалась?.. Она ужъ наша...

Почти вслѣдъ за Марьей взошелъ въ шатеръ и молодой Цыганъ. Онъ былъ сильно взволнованъ и сердитъ. Размахивая руками, сталъ онъ разсказывать что-то старухѣ на своемъ языкѣ; та слушала и все смѣялась, а потомъ принялась его успокоивать.

— Ну, уходи же теперь покудова... — сказала она ему по-русски; а ты, кралечка, останься — поговорить мнѣ надоть съ тобою ..

Цыганъ вышелъ, сердито взглянувъ на Марью.

— Слушай, молвила старуха Марьѣ: — отчегожъ ты не хочешь идти къ нему въ шатеръ... женой его быть?..

— Какъ же вотъ!.. не хочу!.. не хочу!.. — съ жаромъ отвѣтила Марья и не удержалась — заплакала.

— Глупая ты, кралечка! — продолжала, смѣясь, Цыганка: ой, да какая же ты глупая!.. Начтò лучше? — кладъ въ руки дается... Шатеръ у него просторный, ловкой онъ у насъ человѣкъ, — кормить, одѣвать тебя будетъ... Счастливая будешь, веселая...

— Сказано—не хочу...—повторила Марья твердымъ голосомъ.

— Тетушка... — продолжала она: ради-Христа, укажи ты мнѣ дорогу въ какой-нибудь монастырь... на богомолье хочу сходить къ угодникамъ божьимъ...

Старуха съ удивленьемъ посмотрѣла на нее.

— Глупая ты, право, глупая, — сказала она, покачивая головою, а почёмъ мнѣ знать, гдѣ такая дорога?.. Ты останься у насъ, мы тебя кормить, поить будемъ... Здѣсь тебя никто не найдетъ, въ острогъ не посадятъ... Ну, не хочешь

къ нему идти, живи вотъ въ нашемъ шатру, — а коли и съ нами не хочешь, завтра ступай, куда глаза глядятъ... а нынь-че–нельзя... Вечеркомъ заѣдетъ къ намъ баринъ съ ярмарки, подарочковъ привезетъ и тебѣ, можетъ, дастъ... А плясать ты, кралечка, умѣешь?..

— Умѣла до-прежь... а то ужъ давно не плясала...— отвѣчала Марья и вздохнула, вспомнивъ про свою дѣвичью, веселую, красную жизнь.

— Вотъ погоди, вечеркомъ посмотримъ, какъ ты умѣешь... Ты не по-нашему пляшешь, ну да ничего, можетъ, еще и попривыкнешь... Слушай, красота моя писанная: Василій-то, что ластился къ тебѣ, ужъ-куда хорошій человѣкъ... будь ты съ нимъ поласковѣе, кралечка... Погоди, пройдетъ твоя неохота... Зачѣмъ тебѣ уходить отъ насъ? Вонъ, какъ у насъ весело... А промышлять по деревнямъ ты умѣешь?..

— Какъ–такъ промышлять?.. — спросила Марья.

Старуха посмотрѣла на нее пристально, покачала головою и засмѣялась.

— Какъ промышлять-то?.. — сказала она. — Да вотъ какъ, — чтобы было безъ накладу... Эхъ, дочка! придется учить тебя многому... Коли хочешь быть вольною — надо сдѣлаться настоящей Цыганкой... Ну, да погоди, времени-то впереди еще много... А чтожъ ты — у насъ, что-ли, въ шатрѣ останешься?..

— У тебя, тетушка... — отвѣчала Марья печально. — Можетъ, я сосну, тетушка, — вотъ здѣсь въ уголку лягу... А ты ужъ, ради–Христа, не давай меня въ обиду... не пускай ко мнѣ никого...

— Ну, ну, хорошо... спи-себѣ, дочка,.. — молвила Цыганка и опять засмѣялась.

Марья выбрала себѣ въ шатрѣ мѣстечко почище и улеглась на голой землѣ. Спать ей вовсе не хотѣлось, ей хотѣлось думать, думать на свободѣ.

Чудныя дѣла творились съ нею, такія дѣла, какихъ не могла она и въ толкъ взять. Ну, какъ это приключилось, что она изъ дому *бѣжала*? Теперь она ужъ совсѣмъ сдогадалась про побѣгъ свой — и горькое раздумье вдругъ напало на

нее. Что̀ это она надѣлала? Какъ могло случиться, что покинула мать и родную сторону?..

Вчера, какъ пробиралась по полямъ и лугамъ, она ни объ чемъ не раздумывала, одно только сильное чувство негодованія на тѣсную жизнь семейскую невзначай увлекло ее изъ семьи куда-то, а вотъ теперь она ужъ все себѣ представила—и поняла, что ушла крадучись, что бѣглянкой сдѣлалась!.. Про мужнину семью она вспомнила мелькомъ и безъ попрёка себѣ: «Имъ-то что̀ за нужда?..» твердила она при этомъ. Нѣтъ! вотъ мать да родную сторону она покинула!.. Что̀-то скажетъ про нее всякъ человѣкъ, и худой, и хорошій? Чай, не сдогадаются, отчего ушла и станутъ корить ее всячески?..»

«И что̀ это такое со мной теперь дѣется?.. — думала она. Вотъ я въ таборѣ цыганскомъ, промежъ людей, которыхъ, по-наслуху, завсегда я считала ворами и нехристями! Затащила меня обманомъ въ таборъ эта старая колдовка, — обобрать, что-ли, хотятъ?... Ну да чтожъ такое! пускай обираютъ: за нарядой гнаться не стану—пропадай она пропадомъ, вся, какъ есть, большаковская...»

«Вольная жизнь у нихъ, сказываютъ... какъ-же! подикося... Развѣ это воля—черномазый этотъ Васька насильно хочетъ подластиться! Словно я раба его подневольная... Анъ нѣту!.. никому имъ, чертямъ эдакимъ, не поддамся!.. Захочу-уйду, вотъ какъ разъ уйду!.. ни-за-что̀ не удержатъ, хоть ножами рѣжь, хоть на маломъ огнѣ жги!.. не останусь, уйду безпремѣнно...»

«Понасильно никого любить не стану... Вишь онъ, Васька черномазый, Цыганъ проклятый!.. Ахъ, какъ-бишь поютъ про нихъ пѣсенку наши ребятишки?.. Да вотъ вспомнила:

Цыга̀нъ,
Мига̀нъ!
Продай душу
За лягушу!..»

Станетъ опять приставать — спою ему эту пѣсенку!.. Нѣтъ, малый, не на таковскую напалъ!.. Да и ни въ чемъ-то я потрафлять имъ не буду...»

При послѣднихъ словахъ она видимо оживилась, а пѣсенка про цыга̀на-мига̀на даже развеселила ее. Тутъ, по невольному движенію, раскрыла она глаза—и увидала: старая Цыганка, хозяйка ея, сидѣла все на прежнемъ мѣстѣ, и, подперши голову рукою, смотрѣла пристально на нее; неподалеку отъ шатра, сидѣлъ на краю телѣги молодой Цыганъ. Плёткой, бывшей у него въ рукахъ, онъ постя̀гивалъ себя по сапогу.

«Не на меня ль плётку-то приготовилъ? — подумала Марья: какъ-же!.. я вѣдь чѣмъ попадя̀!..»

Марья заглядѣлась на Цыгана и его плётку—и брови ея нахмурились.

— Что̀ посматриваешь-то?—спросила ее старуха насмѣшливо, аль не люба тебѣ его плётка?..

Въ эту минуту Цыганъ оборотился; блестящіе глаза его зло смотрѣли на Марью.

— Тетушка...—молвила Марья, нѣтъ ли у тебя ножика?..

— Начто̀ тебѣ?

— Надоть... дай пожалоста...

— На, вотъ возьми... Хлѣбца, чтоль, хочешь отрѣзать?..

Марья не отвѣчала. Подержавъ съ-минуту ножикъ, она кинула его назадъ старухѣ, встала и выпрямилась. Въ глазахъ ея ярко загорѣлась угроза.

— А что̀, кралечка,—спросила старуха въ-полголоса, что̀, если онъ тебя плёткою-то приголубитъ?..

— Слышь ты, — отвѣчала Марья, поблѣднѣвъ и дрожа отъ волненія, если только руку подыметъ онъ на меня... вотъ тебѣ Христосъ, слово великое... (тутъ она перекрестилась) чѣмъ попадя̀ хвачу!.. коли при первомъ разѣ ничего подъ руку не попадется, такъ въ другой разъ... николи не забуду... ножомъ пырну!.. Можетъ, не слыхалъ онъ, такъ скажи ему!.. Я вѣдь не таковская!..

Но Цыганъ самъ слышалъ эти слова. Онъ посвисталъ полегоньку, заткнулъ за ремень плётку, поглядѣлъ внимательно и съ особеннымъ какимъ-то любопытствомъ на Марью, тряхнулъ раза два кудрями, — и прочь пошелъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Ахъ ты, какая!.. — только и промолвила старуха, видимо перепуганная.

Марья отошла отъ нея и опять было-легла и опять глаза закрыла. Но не спалось и не лежалось ей. Она приподнялась съ земли, съ-минуту постояла на одномъ мѣстѣ, потомъ усѣлась и стала смѣло глядѣть на весь таборъ, на лежавшихъ ничкомъ трехъ взрослыхъ Цыганъ, на слонявшихся безъ дѣла Цыганокъ и цыганятъ. Тихо было въ таборѣ, жара всѣхъ одолѣвала.

Но жара Марью не донимала, не отняла у ней энергіи. Вся кровь у ней кипѣла. Бѣглыя мысли являлись одна за другою. Раза два порывалась она уйти изъ табора. Но куда же идти? Что-то шептало ей, что погодить надобно.

«Вотъ жара свалитъ... — думала она, тогда пойду прямо къ ихнему набольшому да и скажу ему: такъ и такъ, дискать, не хочу у васъ жить... А онъ, кажись, добрый старичокъ, можетъ, и дорогу укажетъ...»

Но она не выдержала до того времени, какъ жара схлынетъ, — встала и пошла къ шатру «набольшаго». Старикъ лежалъ на дырявомъ войлокѣ, въ головахъ у него было нѣсколько грязныхъ подушекъ; лицо и голова были закрыты отъ мухъ худенькимъ платкомъ.

— Что̀ тебѣ надо?.. — спросилъ старикъ Марью, когда она добудилась его.

— Старичёкъ-касатикъ, — молвила она твердымъ голосомъ, отпусти меня... не хочу я съ вами жить...

— А отчегожъ ты не хочешь?

— Да вотъ, касатикъ, говорилъ ты мнѣ давича, что вы всѣ вольные люди... что и я вольная буду у васъ... — а выходитъ не такъ: молодецъ вашъ — Васильемъ, чтоль, его звать?.. все пристаетъ ко мнѣ, грозитъ словно, — а мнѣ не любо, не въ-угоду, не хочу я къ нему въ шатеръ идти...

Старикъ пристально посмотрѣлъ на Марью.

— Какъ же такъ?.. — сказалъ онъ, подумавъ, а я было смекалъ... Ну, да чтожъ, дочка, коли ты не хочешь любить его, — такъ и ненадо...

Тутъ онъ кликнулъ къ себѣ Цыганку-дѣвочку и велѣлъ позвать Василья.

— Слышь ты, — сказалъ онъ ему строго, не тронь ее, не приневоливай... Было бы тебѣ сказано... Ступай, дочка, ничего не бойся... А я тебѣ опять сказываю: поживи съ нами, каяться не станешь; поживи, по-крайности, дня два, или три, — не убудетъ тебя съ этого. Можетъ, попривыкнешь помаленьку, а коль ужъ больно соскучишься, — вольная тебѣ дорога на всѣ четыре стороны!.. Право, дочка, ты меня послушайся, добромъ тебѣ говорю... Вотъ, къ вечеру, можетъ, весело тебѣ покажется: пріѣдетъ баринъ хорошій, молодой, весельчакъ-баринъ, да тороватенькій такой... Ты не мѣшай только, а мы покажемъ ему тебя за нашу сестру... попляшешь, попоешь вмѣстѣ съ нашими, — можетъ, приглянешься, а онъ угодитъ всѣмъ подарочками... баринъ хорошій, тороватенькій!...

— Нѣту! не стану я пѣть и плясать...— молвила Марья угрюмо. Мнѣ что̀ баринъ?.. Знаемъ мы баръ-то...

— Ну, пожалуй, не пляши... Сказываю, во всемъ тебѣ вольная воля... Погоди только уходить... И не бойся ничего, дочка, никто тебя не обидитъ у насъ, — ты на меня положися, я вѣдь *отецъ* въ таборѣ...

Марья отошла отъ «набольшаго» совершенно успокоенная.

«Чтожъ — подумала она, — и впрямь, можно остаться у нихъ на денёкъ, а тамъ видно будетъ... Ужъ коли пустилась я такъ-то,—не слѣдъ тутъ робѣть!.. Не зарѣжутъ они меня, можетъ отнимутъ только что-ни-на-есть изъ одёжи — такъ это не важность!.. А здѣсь меня не скоро найдутъ, какъ розыскивать станутъ... Да и то вѣдь теперича куда я пойду, куда дѣнуся!..»

Между-тѣмъ въ таборѣ готовились встрѣчать гостя-барина, молодыя Цыганки принарядились, а особенно одна. Это была Цыганка лѣтъ восемнадцати, высокая и некрасивая, зато съ бойкими чертами лица и огненными глазами. Она убралась на-славу: надѣла розовое платье изъ дрянной шелковой матеріи, испачканное и измятое, голову покрыла черной сѣточкой съ кистью, болтавшейся у щеки; повѣсила себѣ на шею какой-то пестрый шарфъ. Весь этотъ костюмъ

шелъ къ ней какъ къ коровѣ сѣдло. Но она ходила павою и свысока на всѣхъ посматривала.

— Поплясать бы надо немного,—проговорила она, жеманясь, приготовиться къ прiѣзду барина...

Потомъ сказала она что-то Цыгану Василью; тотъ подошелъ къ Марьѣ и сталъ увиваться за нею, какъ косатый селезень за сѣрой утицей. Въ прiемахъ его уже и слѣду не было давишняго нахальнаго волокитства.

— Голубка, красавица, любая... — молвилъ онъ Марьѣ, вѣдь ты умѣешь плясать... можетъ, барину приглянется... А ты бы теперича поплясала съ нами...

Но Марья наотрѣзъ отказалась. Отошла она отъ толпы молодыхъ и двухъ старыхъ, завзятыхъ плясуней, Цыганокъ, и пробравшись въ шатеръ своей первой знакомки, опять прилегла на землю. Усталость начинала одолѣвать ее.

А между-тѣмъ вечерѣло; солнце не далеко было отъ заката и садилось въ темную точку, края которой были облиты ярко золотистымъ свѣтомъ. Вѣтеръ совсѣмъ упалъ и душно было въ воздухѣ. Кое-гдѣ, надъ лугами, стали подыматься легкiя волны тумана.

XI.

Въ полѣ—воля...

Русская пословица.

Марьѣ очень хотѣлось бы заснуть, но она старалась не спать; ее сильно пугала мысль о назойливомъ Цыганѣ. А между тѣмъ ноженьки ея гудѣли отъ усталости; безпрестанно морозъ пробѣгалъ по спинѣ, и голову обдавало несноснымъ жаромъ. Она потягивалась, словно ребенокъ въ люлькѣ, и постонать ей хотѣлось,—да было еще у ней настолько воли, чтобы удержаться отъ стона. Но наконецъ сонъ жарко обнялъ ее и она уже не въ силахъ была съ нимъ бороться: лишь закроетъ глаза, — представляется ей какой-то темноводный омутъ, куда приходится нырнуть безотмѣн-

но, а по бокамъ омута медленно колышатся сѣроватыя облака и прыгаютъ по нимъ красноогненныя, яркія искорки. Мужскія твердыя рѣчи, визгливый женскій смѣхъ, плачъ ребятишекъ, пѣсни, скорыя и голосистыя, протяжныя и заунывныя, рѣзкое бренькадье балалаекъ и гитаръ, какой-то звѣнящій стукъ и гулъ, весь этотъ нестройный шумъ табора болѣзненно отдавался въ головѣ Марьи. Иной разъ, съ крайнимъ усильемъ, она приподымала вѣки и старалась оглянуть все, что̀ было вокругъ, но таборный шумъ какъ–будто помогалъ сну подавить ея сознаніе — и она опять закрывала глаза.

Старая Цыганка-хозяйка раза два заглядывала подъ шатеръ и, бормоча что-то сердито, трясла Марью за руку, но Марья, хоть чувствовала, а не могла встать: усталость и сонъ одолѣли ее. Потомъ забѣжалъ подъ шатеръ цыганёнокъ и кинулъ въ нее потухшей головёшкою, — она и это слышала, даже, какъ сквозь туманъ, видѣла цыганёнка, но не–въ-мочь было ей и рукой пошевелить, чтобы погрозиться. Глаза ея совсѣмъ закрывались, спутанныя мысли потонули въ бездонной пропасти...

Вдругъ вся она вздрогнула. Почудилось ей, что тянутся къ ея головѣ длинныя–длинныя руки, что впиваются въ нее ярко–горящіе глаза... И точно: неотвязчивый Цыганъ стоялъ уже подлѣ...

Но въ эту минуту какой-то мелодическій, далекій звонъ пронесся въ воздухѣ и ударился въ слухъ Марьи; она смогла раскрыть глаза еще на мгновеніе и увидѣла, что Цыганъ сорвался съ своего мѣста и кинулся опромѣтью вонъ изъ-подъ шатра. Всѣ всполошились въ таборѣ, всѣ побѣжали куда-то; Марья мелькомъ оглянула все это и тутъ же уснула глубокимъ сномъ:

А между-тѣмъ звонъ, долетавшій до Марьи и всполошившій весь таборъ, становился все слышнѣй и слышнѣй. По зарѣ звонко лились перекаты колокольчика «съ малиновымъ звономъ.»

— Баринъ ѣдетъ!.. Это его колокольчикъ!... кричали Цыганки и цыганята.

Вокругъ табора встала большая сумятица. Самъ наболь-

шій покинулъ свой огонекъ и вышелъ напередъ толпы. За нимъ тѣснились взрослые Цыганы, старыя и молодыя Цыганки. А цыганята высыпали изъ табора и пустились по лугу встрѣчать барина.

Скоро показался легонькій тарантасъ. Тройка лихихъ казанокъ неслась во всю прыть. Кучеръ, съ шляпой на-бекрень, только поводилъ кнутомъ, потряхивалъ возжами да голосисто покрикивалъ. Крутымъ поворотомъ подмахнулъ онъ къ табору и тройка разомъ остановилась. Всѣ Цыганы кинули шапки вверхъ, Цыганки въ ладоши захлопали, цыганята стали кувыркаться—и голосистое племя фараоново заболтало, закликало на разный ладъ.

Въ ту же минуту, какъ лошади остановились, легко и проворно выскочилъ баринъ изъ тарантаса.

Это былъ молодецъ чисто на помѣщичью стать: плотный, плечистый, съ широкою грудью, съ лицомъ круглымъ, румянымъ и нѣсколько одутловатымъ. Носилъ онъ длинные волосы, которые всклокоченными кудрями выбивались изъ-подъ легонькой, бѣлой фуражки безъ козырька; «по вольности дворянства,» дозволялъ тоже себѣ украшаться усами, которые вились кудревато. Физіономія его имѣла беззаботное, веселое и отчасти нахальное выраженіе; улыбка была добродушна и пріятна; во взорѣ голубыхъ, еще непотухшихъ глазъ было много подвижности и чего-то тревожнаго, но этотъ взоръ лишенъ былъ совершенно проницательности и стойкости, и вообще обличалъ душу мелко-впечатлительную, умъ недѣятельный, волю до-нельзя слабую. По-правдѣ сказать, въ этомъ молодомъ и легкомъ на ногу баринѣ хороши были только—его звонкій голосъ да бойкая рѣчь.

— Здравствуй, Стёша!.. здравствуй, Груня!.. здравствуйте всѣ вы! говорилъ баринъ, трепля по плечу то ту, то другую Цыганку; а весело-ль живется вамъ? хорошо ли можется?.. Ахъ вы, команда моя безпардонная! знаете ли вы, напримѣръ, что мнѣ слѣдовало бы васъ ненавидѣть?..

— А зачтожъ бы такъ, красавецъ хорошій?.. Вѣдь ты нашъ кормилецъ ласковый, — зачтожъ вдругъ прогнѣвался?..—заговорила гортаннымъ басомъ старая Цыганка, меж-

ду-тѣмъ какъ молодыя Цыганки скалили зубы и громко хохотали.

— Да вотъ за то, отвѣчалъ онъ, разливаясь веселымъ смѣхомъ, за то, что вы—дочери фараона,—а о фараонѣ осталось у меня тягостное воспоминанiе... Но что̀ съ вами объ этомъ толковать, вы тутъ ровно ничего не понимаете... Лучше поздороваемся съ тобой, какъ надо, вѣрная супруга фараонова, злохитрая, старая колдунья; ну, цѣлуй меня скорѣе, кума Матрена!...

Съ Матреной баринъ былъ всегда особенно-ласковъ за то, что старуха, несмотря на свою тяжелую одышку, была страшная охотница плясать; а звалъ онъ ее кумою потому, что любилъ давать прозвища, и для Матрены какъ-то не придумалъ лучшаго.

— Съ ярмарки, баринъ?—спросилъ набольшiй Цыганъ.

— Съ ярмарки,—отвѣчалъ баринъ.

— А наши еще позавчерась воротились,—тоже до самаго конца пробыли.—Да вотъ ужъ кой-кто и опять уѣхали... Чего больше дѣлалъ: продавалъ аль покупалъ?..

— Всего было вдоволь, старина фараоновна, — однимъ словомъ, важно торговалъ!.. Ты вотъ, напримѣръ, знаешь ли торговлю, которая называется: «любишь не любишь?»

— Нѣту, баринушко, не знаю. .

— Да и гдѣ тебѣ знать!.. А кто умѣетъ торговать— нѣтъ лучше торговли.

— Расторговался ли ты-то, нашъ золотой? — спросила Матрена, осклабляясь умильно.

Старикъ набольшiй насмѣшливо крякнулъ, а баринъ глянулъ вверхъ да засвисталъ полегоньку.

— Э, чортъ васъ возьми!..—сказалъ онъ, слегка наморщивъ брови, распрашивать стали, въ разговоры пустились... Развѣ за этимъ я заѣхалъ къ вамъ!.. Ну-же, кума, живо!.. тряхни стариной!..

«Ай, жги, говори...
«Какъ гусара не любить!...»

Нѣтъ, постой, кума, начинайте лучше съ какой-нибудь протяжной: я нынче не то, чтобы въ заунывныхъ мысляхъ

нахожусь—а такъ, ужъ черезчуръ пресытился... Да постойте-ко еще, надо всѣмъ намъ выпить нѣсколько... — Эй, Моська!.. — крикнулъ онъ, обратившись къ тарантасу, достань баклажку да и ведро неси сюда!...

Рыжеволосый, неуклюжій мальчишка, лѣтъ пятнадцати, котораго баринъ звалъ Моською,—выползъ изъ-подъ тарантаса и началъ медленно доставать что̀ приказано. Двое Цыганъ бросились помогать ему. Нѣсколько молодыхъ Цыганокъ обступили тарантасъ и жадными глазами стали оглядывать все, что̀ въ немъ находилось. Но оказалось, что никакой поклажи не было—и Цыганки скорёхонько отошли. Послѣ нихъ, цыганята стали-было съ разныхъ концовъ карабкаться въ тарантасъ, но кучеръ отвадилъ ихъ отъ этого, стегнувъ нѣсколько разъ кнутомъ по-чёмъ-попало.

— Вотъ бѣда,—закусить нечѣмъ...—сказалъ баринъ, когда Моська и Цыганы принесли баклажку и ведро съ виномъ, со мною только однѣ селедки... ну же вы, фараоны! угостите меня хоть хлѣбцомъ....

— Охъ, какой же хлѣбецъ у насъ,—отвѣчали двѣ-три Цыганки: только и есть куски—набрали, по міру ходя...

— Нужды нѣтъ,—давайте, что̀ есть... Оно нѣсколько противно,—да я пить-то привыкъ съ закускою.... Откупоривайте боченокъ!... А для васъ, стрекозы фараоновны, есть у меня сладкая водочка...

Вынули подушки изъ тарантаса и подостлали подъ нихъ кучу цыганскихъ тулуповъ и кафтановъ. Баринъ сѣлъ на это пышное сѣдалище, а вокругъ него присѣли, просто на травѣ, Цыганы и нѣсколько старыхъ Цыганокъ. Баринъ выпилъ первый, закусилъ кускомъ чернаго хлѣба и закурилъ сигару.

— Съ вами что̀ церемониться?.. — сказалъ онъ Цыганамъ, берите-ко себѣ весь боченокъ и подчуйтесь сами, какъ знаете...

Въ одно мгновеніе старый и малый столпились въ тѣсную кучу—и началось пированье. Между-тѣмъ баринъ закрылъ глаза, зѣвнулъ и, ни съ того, ни съ сего, позадумался. Шумъ и гамъ табора начинали убаюкивать его; еще бы

минутку, онъ и задремалъ бы, пожалуй. Но вдругъ раскрылъ онъ глаза, потянулся и лѣниво промолвилъ:

— Ахъ вы, челядь противная!.. Да и я-то хорошъ съ вами!.. Гдѣ-жъ Любаша?.. Подавайте Любашу сюда!...

— Да что Любаша?..—протяжно отвѣчала Матрена, она, бѣдная, спряталась... Отъ тебя, баринъ, спряталась—заворожилъ ты ее, погубилъ Любашу!.. Какъ ты пріѣхалъ-то, она тутъ была, да ты и не взглянулъ на нее!... вотъ она и спряталась.

Баринъ расхохотался.

— То есть обидѣться изволила, моя спесивая Любаша,— говорилъ онъ, смѣясь до-слёзъ, смотри, пожалуй, вздумала тоже кокетничать!.. Кума Матрена, знаешь ты, что такое называется кокетствомъ?..

— Нѣту, баринъ, гдѣ намъ знать всѣ ваши мудреныя рѣчи... Ты лучше посмотри—погубилъ вѣдь дѣвку-то...

— Полно врать, старая колдунья!.. Поди, притащи ее скорѣе!..

Но Любаша,—та Цыганка, которая такъ принаряжалась къ пріѣзду барина,—подкралась къ нему сзади, обвила его шею руками и, нагнувшись, положила ему на плечо свою голову.

— Алеша... — шепнула она ему, Алеша не ласковый... А какой ты ласковый былъ прежде. . Пересталъ меня любить, Алёша!..

— Вотъ она, Любаша!..—Ну, поцѣлуй-же меня, да не изволь больше привередничать...

И онъ поцѣловалъ ее довольно небрежно. Цыганка бойко и подозрительно заглянула ему въ глаза.

— Разлюбилъ...—шепнула она опять: какъ пріѣхалъ—не вспомнилъ... поцѣловалъ нехотя... Разлюбилъ, совсѣмъ разлюбилъ!..

Онъ засмѣялся.

— Усталъ я, Любаша...—молвилъ онъ, зѣвая: всего тамъ было на ярмаркѣ... Слышишь, усталъ и сытъ по-горло..., А ты лучше спой мнѣ что-нибудь...

— И гостинчика мнѣ не привезъ... — сказала Цыганка, съ упрёкомъ.

Баринъ, молча, досталъ изъ кармана бумажку, вынулъ изъ ней маленькій перстенёкъ съ зеленымъ камешкомъ и подалъ его Цыганкѣ.

— Вотъ тебѣ на память, сказалъ онъ сквозь зубы, потомъ отвернулся отъ ней и сталъ болтать съ Васильемъ. А между-тѣмъ Цыганка съ жаднымъ любопытствомъ принялась разсматривать свой подарокъ. Перстенёкъ былъ лёгонькій, тоненькій и смотрѣлъ что-то подозрительно,—Цыганка была видимо недовольна имъ. Къ ней подскочила Матрена и проворно выхватила перстенекъ изъ ея рукъ; повертѣла-повертѣла его и отдала Любашѣ, промолвивъ презрительно:

— Тумпаковый, надо быть..

— Какъ же!—возразила Любаша, анъ нѣтъ! настоящій.

— Золотой, небось?.. Ворона! золотыми-то онъ дарилъ, когда люба была ты ему... Аль не видишь?.. должно быть, весь исхарчился,—на-легкѣ ѣдетъ...

А баринъ, тѣмъ временемъ, вотъ что̀ разсказывалъ Василью:

— Да, Вася, совсѣмъ-было проторговался на ярмаркѣ! Все до-тла спустилъ, лошади и тарантасъ чуть-было не уплыли за чистыми денежками. Лошадей-то-было и проигралъ, да на тарантасѣ успѣлъ воротить, а въ другой разъ Левъ Иванычъ не сталъ на нихъ играть, заартачился, проклятый!.. Вотъ выѣхалъ я съ ярмарки совсѣмъ на-легкѣ, только боченокъ сельдей везу съ собою..: Этотъ боченокъ сельдей сущая драгоцѣнность, Вася! онъ-то и поправилъ мои обстоятельства. Говорятъ, что нынче чудесъ нѣту—пустяки! Вотъ, напримѣръ, со мною чудо приключилось... Слушай, Вася, это, просто, дивная исторія! Заѣзжаю я къ Мотовилову. Онъ на ярмарку не ѣздилъ, недѣли за три передъ тѣмъ ногу какъ-то вывихнулъ и на костыляхъ еще ходитъ. Дома Мотовилову до-смерти скучно, привыкъ человѣкъ быть безпрестанно въ компаніи, а тутъ всѣ на ярмарку отправились и къ нему никто не заглядываетъ. Онъ и обрадовался мнѣ, какъ брату родному... За обѣдомъ я разсказалъ ему, что весь распроигрался, только и есть со мною, что боченокъ сельдей, ѣду, значитъ, съ ярмарки совсѣмъ на-легкѣ.

А онъ говоритъ, посмѣиваясь: «нѣтъ, братъ, ужъ если хочешь ѣхать на-легкѣ, такъ проиграй мнѣ и боченокъ съ сельдями.» Я, разумѣется, радъ случаю перекинуть въ карточки,—сѣли мы... Онъ ва-банкъ на весь боченокъ — а я убилъ, онъ опять ва-банкъ, а я опять убилъ, такъ оно и пошло—чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Однимъ словомъ, хватилъ я у него 275-ть *серебряныхъ* чистыми, да кромѣ того въ 300 цѣлковыхъ далъ онъ мнѣ сохранную росписку... И какой еще смѣхъ вышелъ: собираюсь отъ него уѣхать, онъ и упрашиваетъ оставить ему боченокъ: «нѣту, говорю, въ немъ рай» — такъ и уѣхалъ съ драгоцѣнными сельдями!... Да и вообще, Вася, счастливый денёкъ задался мнѣ у Мотовилова: встрѣтилъ я тамъ Макара Огурѣева и запродалъ ему рожь на корню... Смѣются, видишь ли, надъ тѣми помѣщиками, которые продаютъ хлѣбъ на корню... ну, тамъ что̀ хочешь - говори, а я дѣло сдѣлалъ, денежки-то въ самое во-время получилъ...

— Такъ ты, баринъ, съ деньга́ми теперь, съ деньга́ми— повторилъ Цыганъ, нѣсколько недовѣрчиво посматривая на барина.

— Да таки-водятся... — отвѣчалъ онъ, на, вотъ, понюхай.....

Онъ вынулъ изъ боковаго кармана довольно-толстый бумажникъ, сунулъ имъ прямо въ носъ Цыгану и тотчасъ же опять спряталъ.

— А да какой же ты скупёхонькій сталъ, укоризненно сказала Матрена, вонъ перстенёкъ-то тумпаковой Любашѣ подарилъ.

— Дура ты, кума!.. Развѣ не знаешь, что̀ въ пѣснѣ поется:

Мнѣ не дорогъ твой подарокъ,
Дорога твоя любовь.

Подарокъ мой означаетъ любовь мою да память... Ты послушай-ко, какъ я его досталъ: передъ самымъ выѣздомъ съ ярмарки, оставался у меня въ карманѣ всего одинъ полтинникъ, ну, и тотъ я отдалъ солдату за перстенёкъ, а сол-

датъ-каналья клялся-божился, что золотой перстенекъ — по случаю, видишь ли, досталъ...

— Эхъ, баринъ, тебѣ-то все смѣхъ, — а Любаша вонъ плакать собирается...

— Ну ее къ чорту!.. Скажи, чтобъ не смѣла—а нето, сейчасъ же уѣду домой, благо усталъ и спать хочется... Я не остался ночевать у Мотовилова изъ-за того, что къ вамъ спѣшилъ, а у васъ до-смерти скучно... Ну же вы!.. занимай меня, фараоново проклятое племя,—въ долгу не останусь!.. Начинай!.. начинай!.. Живо, веселѣе!...

И на росистой травѣ началась бойкая пляска, въ перемежку съ пѣснями. Подъ цыганскимъ вольнымъ таборомъ было свѣтло, людно и шумно; не пожалѣли «фараоновы» дѣтки чужаго хворосту, камышу и дровъ—зажгли большіе костры промежду шатрами. А за таборомъ стояла темная ночь; мглистый туманъ затоплялъ все луговое пространство. Изъ-за тумана заря чуть теплилась блѣдно-розовымъ свѣтомъ. Блѣдный ликъ молодаго мѣсяца глянулъ-было на окрестность, да тотчасъ же и скрылся. На южной сторонѣ неба, надъ туманной полосою горизонта, часто вспыхивали зарницы.

Взрослые Цыганы, молодыя Цыганки и двѣ-три старухи пѣли, плясали безъ-устали. Много цыганятъ вертѣлось вокругъ и промежду пляшущихъ, а иные ребятишки, лежа на травѣ ничкомъ и подперши косматыя головы рученками, смотрѣли во всѣ глаза на пляску, да что-то мурлыкали себѣ подъ-носъ. Только два лица не принимали, казалось, участія въ этой сценѣ: старикъ-набольшій, сидя на травѣ, передъ костромъ, вовсе не смотрѣлъ на пляску, а о чемъ-то раздумывалъ да расчитывалъ на пальцахъ; баринъ тоже часто отводилъ глаза отъ пляшущихъ и посматривалъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ его тарантасъ. Что-то не весело стало на душѣ у барина; дикія, крикливыя пѣсни Цыганъ, ихъ еще болѣе дикіе прыжки и вздрагиванья всѣмъ тѣломъ надоѣли ему. Онъ былъ особенно недоволенъ пляшущими, а всѣхъ больше Васильемъ, который, въ самомъ дѣлѣ, пѣлъ и плясалъ словно нехотя.

— Эхъ, — проговорилъ баринъ, только кума Матрена

выручаетъ, пляшетъ сколько нибудь сносно, а то всѣ вы никуда не годитесь: прыгаете безъ-толку, какъ козлы, и горло дерете ни-на-что не похоже... Съ-дуру я къ вамъ въ таборъ заѣхалъ,—скука смертная!... Вотъ на ярмаркѣ, такъ то дѣйствительно Цыганы,—Цыганы московскіе, настоящіе... Кровь закипаетъ, когда запоютъ, а плясать примутся, такъ самому не сидится на мѣстѣ!... А вы—ну, какіе вы Цыганы!...

— Что же ты коришь насъ такъ-то, баринъ неласковый?..—возразила Матрена, ужъ мы ли не стараемся?.. Вотъ ты прежде какъ бывалъ доволенъ Любашей-то...

— Ну ее.. и васъ-то всѣхъ вмѣстѣ!... И зачѣмъ я поилъ васъ? Не въ коня только кормъ тратилъ...

И точно: почти всѣ Цыганы и Цыганки перепились порядкомъ, — оттого, можетъ быть, и выходило у нихъ все такъ не ладно.

— Стой!... погоди плясать, погоди пѣсни пѣть!..—крикнулъ вдругъ старикъ набольшій и, приподнявшись съ своего мѣста, подошелъ къ барину. На ту минуту онъ какъ-то приободрился, повыпрямился; глаза у него особенно оживились и по-цыгански запрыгали.

— Слушай, баринъ,—сказалъ онъ, хочу я услужить тебѣ, а потомъ и потѣшу, пожалуй. Ужъ будешь доволенъ, вотъ тебѣ рука моя!.. Даромъ, что ты молоденькій баринъ, а я тебя почитаю, словно отца роднаго. Для тебя нѣтъ въ моемъ таборѣ ничего завѣтнаго... Ты насъ не кори, рады мы тебѣ радостью,—а хорошаго запѣвалы у насъ теперь нѣту, всѣ поразъѣхались, поплоше кто остался. Вотъ Васька былъ молодецъ прежде—такъ и онъ, вишь, оплошалъ... Ты ужъ, баринъ, не взыщи покудова,—сказано: важно услужу, важно потѣшу... останешься доволенъ! ...

— Полно врать...—сказалъ баринъ, потягиваясь; пора мнѣ отъ васъ ѣхать... Толку-то отъ васъ не добьешься....

— Да нѣтъ же постой, баринъ! Я-жъ тебѣ вправду сказываю, а ты вѣрить долженъ... Чтожъ я въ таборѣ набольшій, али нѣтъ?... Съ-изначала услужу тебѣ, а тамъ и потѣшу... самъ со внучкой пущусь плясать,—ты что думаешь-

то?... Ты и внучки моей еще не видалъ — вотъ погоди маленько...

— Ну, что тамъ такое у тебя?..

— Видишь ли, баринъ,—повелъ набольшій свысока и нѣсколько таинственно рѣчь свою, есть у меня конь, конь диковинный, наврядъ ты и видывалъ такого. Зарокъ я на себя положилъ: никому, до поры до времени, не показывать его,—только вотъ для тебя, нашего благодѣтеля, нѣту у меня ничего завѣтнаго!...

— Ну, покажи...—произнесъ баринъ лѣниво, самъ же не смотрѣть приготовился, а какъ-будто дремать: раззѣвался не-на-шутку и даже глаза закрылъ.

Но тутъ кстати явилось подкрѣпленіе его упадающимъ силамъ: старикъ набольшій, пославъ Василья за конемъ, ударилъ барину челомъ отъ его же добра,—поднесъ ему большой стаканъ водки.

— Это, баринъ,—сказалъ Цыганъ, ото всего общества... все общество проситъ тебя выпить на здоровье...

Баринъ, какъ ни былъ задумчивъ, слышалъ, однакоже, предложеніе; не раскрывая глазъ, протянулъ онъ руку за стаканомъ, взялъ его и осушилъ разомъ.

— Эхъ, чортъ возьми,—закусить нечѣмъ—сказалъ онъ, нѣсколько оживившись; ну, показывай же скорѣе лошадь....

Василій скорёхонько привелъ «диковиннаго» коня. Это былъ красивый, несмотря на малый ростъ, битючокъ, темно-сѣрой въ яблокахъ масти; замѣчательно-хороши были его большіе огненные глаза и длинная, волнистая грива. Лошадка была бойка и зла на видъ: она рыла землю копытами, подымалась на дыбы, ржала нетерпѣливо и раза два порывалась достать зубомъ Василья, который, съ большимъ трудомъ, казалось, удерживалъ ее въ поводу.

— Что, каковъ конь-то? — говорилъ старикъ-набольшій; купи, баринъ,—конь диковинный: грива густая, спинка крутая, хвостъ веретеномъ,—а сядешь, поѣдешь,—часъ до неба ѣзды...

При видѣ бойкаго битючка, глаза у барина разомъ разгорѣлись. Онъ вскочилъ съ своего мѣста и принялся осматривать лошадь со всѣхъ сторонъ. Налюбовавшись ею вдоволь, онъ нѣсколько позадумался и спросилъ сквозь зубы:

— А какъ цѣна?....

— Да что цѣна? отвѣчалъ набольшій, цѣна—послѣднее дѣло, была бы охота купить... Нечего долго калякать, давай по рукамъ! Владай конемъ да поминай насъ добромъ.... Одно слово—триста цѣлковыхъ ...

— За битючка-недоростка триста цѣлковыхъ!... вскричалъ баринъ съ негодованіемъ; но снова началъ осматривать лошадь. Вотъ соблазняетъ же меня, проклятый фараонъ!.. ворчалъ онъ, между тѣмъ, вполголоса — и лицо его приняло озабоченное выраженіе. Наконецъ онъ отошелъ отъ лошади и, обернувшись къ ней бокомъ, сказалъ нетвердымъ голосомъ:

— Слушай, старый мошенникъ!.. такъ и быть... сто рублей дамъ... но ни копѣйки больше...

— Баринъ ты, баринъ!.. возразилъ Цыганъ, съ упрекомъ: Бога ты не боишься... обидѣть хочешь... Вѣдь я самъ, безъ одного рубля, двѣсти цѣлковыхъ далъ за жеребеночка, — да выкормилъ выходилъ его... Почитай за свою цѣну отдаю... Ну, да больно-хорошій ты человѣкъ — давай, по рукамъ. Послѣднее слово—двѣсти пятьдесятъ...

На лицѣ барина выразилась уже какая-то тоскливость; судорожно крутилъ онъ усы свои, потиралъ лобъ, разъ нѣсколько хватался за карманъ. Казалось тоже, онъ расчитывалъ и смекалъ что-то про себя.

— А за сто.... за сотню не уступишь?... спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

Цыганъ въ азартъ вошелъ и велѣлъ-было Василью вести прочь лошадь, но, замѣтивъ, что и баринъ собирается идти отъ ней, тутъ же отмѣнилъ свое приказаніе.

— Ну, какъ быть съ тобою!.. заключилъ онъ рѣчь свою, пересыпанную божбою и проклятіями, отдаю тебѣ коня за свою цѣну — давай двѣсти цѣлковыхъ!..

Но баринъ усѣлся-таки на своемъ мѣстѣ и совсѣмъ отвернулся отъ лошади.

— Послушай, фараонъ проклятый, — сказалъ онъ сердито, вотъ клянусь тебѣ, не хочу вовсе покупать твоей лошади!... Нравится она мнѣ — да я все-таки и двухъ рублей за нее не дамъ... не хочу — и только... Понимаешь?...

Ну и то пойми, что я очень сердитъ на тебя — чуть-было не соблазнилъ, проклятый... Если же ты не велишь увести съ глазъ долой лошадь, — сейчасъ уѣду и ничего на таборъ не дамъ...

Василій посвисталъ полегоньку и не дожидаясь приказанія набольшаго, повелъ лошадь изъ табора. Старикъ–набольшій крѣпко нахмурился. Ни слова не говоря, побрелъ онъ къ своему костру да и усѣлся передъ нимъ грѣться. Зато много распотѣшила Цыганокъ эта неудачная торговля, онѣ все зубы скалили и весело болтали промежъ себя.

— Спойте–ка теперь что–нибудь попротяжнѣе — сказалъ баринъ Цыганкамъ, да потомъ, на прощанье со мною, пропляшите разокъ — я и поѣду домой... уже спать пора...

Начались снова пѣсни. На этотъ разъ въ нихъ уже не было той дикой удали, которая такъ нравится записнымъ любителямъ цыганскаго пѣнья, увѣсистымъ помѣщикамъ нашимъ, да наслѣдникамъ ихъ прекрасныхъ качествъ, изъ которыхъ выходятъ все такіе лихіе молодцы... современемъ дѣлающіеся исправниками, городничими, полиціймейстерами и другими представителями земской власти. Но, можетъ быть, отъ недостатка этой-то удали и лучше пошло дѣло: звуки русскихъ пѣсенъ, безтолково передѣланныхъ на цыганскій ладъ, полились ровнѣе и успокоительно дѣйствовали на барина. Полузакрывъ глаза, онъ сидѣлъ спокойно, слушалъ пѣсни задумчиво; тихая, но несонная лѣнь на него напала, — онъ уже не думалъ объ отъѣздѣ домой. Да и что̀ было ему спѣшить туда?...

А между-тѣмъ Матрена съ другою старухой—Цыганкой отправилась въ шатеръ, гдѣ спала наша бѣглянка. Онѣ тотчасъ же принялись будить ее, но не скоро добудились, разоспалась молодица крѣпкимъ сномъ. Наконецъ она вздохнула и раскрыла глаза. Въ то же мгновеніе пробудилось въ душѣ ея сознаніе всего, что̀ съ нею подѣялось. Какъ ужаленная змѣею, вскочила она съ земли и стала тоскливо оглядываться. Нежданный, негаданный побѣгъ изъ дому, ночной путь по полямъ, по лугамъ, по оврагамъ, все чужія мѣста, все чужіе люди, этотъ таборъ цыганскій, этотъ шумъ и гамъ таборный — упали опять тяжкимъ гнётомъ на ея

воображеніе, чувство, мысль, волю. Сонъ подкрѣпилъ ее, силы физическія ожили; но мысли путались, сердце замирало и вся душа ныла, словно передъ страшной бѣдою. Что-то еще доля сулитъ? Какъ тутъ быть, куда идти, что дѣлать? Гдѣ и въ чемъ помощь искать? Колибъ рѣка тутъ была передъ нею — кинулась бы она въ нее, глазъ не зажмуривая, — такъ хотѣлось ей позабыть, покинуть все, укрыться отъ себя самой и отъ чужихъ людей...

— Ты, вѣдь, теперича стала наша сестра, — сказала ей ласково старая плясунья Матрёна, а ты не бойся ничего, голубка-красавица.... Посмотри-ка, веселье у насъ... пріѣхалъ баринъ, хорошій человѣкъ.

Она указала Марьѣ на оживленную картину табора. И точно, — было на что̀ посмотрѣть. Костры, по всему табору, разгорѣлись пуще прежняго. Цыганята, прыгая и вертясь вокругъ нихъ, безпрестанно подкидывали въ огонь сухихъ листьевъ, сучковъ и камышу. Высоко подымались столбы яркихъ искръ. Темныя, вертлявыя фигурки цыганятъ, вскользь освѣщаемыя красноватымъ пламенемъ, казались странными, нечеловѣческими призраками, плававшими посередь синей мглы, которая вкругъ табора лежала неподвижно, а промежъ костровъ словно перекатывалась зыбкими волнами. Въ одномъ же мѣстѣ табора, тѣсно-сжатою группой, стояли и сидѣли другія, еще болѣе темныя фигуры: то былъ хоръ цыганскій — и оттуда неслись громкія пѣсни. Ночь все еще стояла надъ лугами. Туманъ, окутывавшій окрестность, казался непрогляднымъ; только на востокѣ утренняя заря уже замѣтно разгоралась.

Но Марьѣ было не до того, чтобы любоваться на живописную сцену табора. Она все пыталась разумомъ раскинуть, чтобы сообразить свое положеніе, чтобы придумать какъ ей быть и что̀ дѣлать; но не шло ей на умъ ничего путнаго.

— Баринъ пріѣхалъ, человѣкъ хорошій, ласковый... говорили на-перебой обѣ Цыганки: — *отецъ* прислалъ за тобою... Одѣвайся скорѣе, — мы вотъ поможемъ тебѣ... Одѣвайся по-нашенски... А ты, голубка таланная, можетъ, полюбишься ему...

И онѣ принялись наряжать Марью; надѣли на нее бѣлую миткалевую рубашку съ широкими рукавали да истасканную, ситцевую съ пестрыми яркими разводами юбку, покрыли ея пышныя плечи изорванымъ платкомъ, подвязавъ его подъ лѣвое плечо, распустили косы по плечамъ; а весь нарядъ ея бережно свернули и тотчасъ же куда-то запрятали. Марья ни въ чемъ не противилась имъ, — такъ пропала ея воля на ту пору. Горькія слезы кипѣли у ней на сердцѣ, а между-тѣмъ всю ее обдавало морозомъ и она дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Безпрекословно пошла она вслѣдъ за Цыганками. Онѣ привели ее къ костру, передъ которымъ грѣлся набольшій.

Старикъ зорко заглянулъ ей въ лицо и внимательно осмотрѣлъ весь ея нарядъ.

— Чтожъ ты такъ-то голову опустила?... сказалъ онъ ей ласково, а ты не бойся, дочка, да и смотри веселѣе...

Затѣмъ онъ живо приподнялся съ своего мѣста, взялъ Марью за руку и отправился къ барину.

— Смотри-ко, баринъ,—сказалъ онъ весело, вотъ и внучка моя... Ты-то, можетъ, лучше видывалъ, а у отца нашего, что̀ всѣхъ Цыганъ увелъ съ береговъ великой рѣки, врядъ ли была въ женахъ такая красавица...

Баринъ взглянулъ на Марью — и внезапный восторгъ охватилъ его, такъ-что онъ не могъ усидѣть на мѣстѣ.

— Ай да внучка!.. вскричалъ онъ, ахъ, чортъ возьми!..

Изумительно-хороша была Марья въ эту минуту, при двойномъ освѣщеніи и таборныхъ огней и дневнаго разсвѣта! Она стояла неподвижно, опустивъ ничѣмъ-непокрытую голову, съ которой спускались на плечи двѣ длинныя, какъ смоль, черныя косы. Правую руку она крѣпко прижала къ груди, а пальцы лѣвой были приложены къ высокому лбу. Блѣдное лицо ея, съ необыкновенно-правильными чертами, имѣло выраженіе задумчивое и суровое; на немъ ярко отражались усиленная работа мысли, какое-то странное недоумѣніе, какая-то мрачная борьба. Вглядѣвшись пристальнѣе въ эти сдвинутыя брови, въ эти крѣпко-сжатыя губы, человѣкъ, привыкшій наблюдать за отраженіемъ на лицѣ движеній душевныхъ, угадалъ бы грозную бурю; но, конечно,

баринъ нашъ былъ не изъ такихъ наблюдателей, — онъ съиздавна привыкъ смотрѣть на женщинъ совсѣмъ иначе. Впрочемъ, задумчивая и величавая наружность Марьи поразила его; ему вдругъ пришло на мысль, что въ этой Цыганкѣ, кромѣ костюма, нѣтъ ничего напоминающаго Цыганъ, — ни ихъ дикихъ ухватокъ, ни вообще ихъ странно-подвижной физіономіи. — Между-тѣмъ Марья произвела впечатлѣніе и не на него одного, всѣ Цыганы и Цыганки невольно засмотрѣлись на нее.

— Это.... тоже Цыганка?... вашего табора Цыганка?... спросилъ наконецъ баринъ.

— Да... отвѣчалъ набольшій торжественно, она теперь наша... Она тоже нашего табора...

— Она — хорошаго отца дочь.... шепнула барину, съ особеннымъ удареніемъ, старуха, приведшая Марью въ таборъ, — а что̀, — вѣдь, лучше будетъ Любашки?.. Ты вотъ и знай, что она — хорошаго отца дочь...

Баринъ хотѣлъ-было засмѣяться, но взглянувъ на Марью, даже не улыбнулся, и только спросилъ, почему-то понизивъ голосъ:

— Но кто же это?.. чья она дочь?..

Старикъ-набольшій выступилъ впередъ, оперся на суковатую палку и началъ протяжно разсказывать:

— Слушай же, баринъ, — отъ тебя ничего таки не потаю!... Былъ у насъ за-моремъ большой человѣкъ, нашъ братъ, «Цыганъ» по-вашему; звали же его Трентебулаемъ, а потому такъ звали, что онъ былъ заморскій Цыганъ... Деньги, деньги у него было да и всякаго-то богатства!.. ну, жилъ-себѣ, словно какъ царь, и съ царями, сказываютъ, все дружбу водилъ... Только, слышь ты, не полюбилось ему, съ-чего-то, жить на старомъ мѣстѣ, — вотъ онъ и перекочевалъ на степь у самаго моря... Тамъ-то мы съ нимъ побратались, и я гостилъ у него много годовъ, до тѣхъ-поръ, какъ заказали Цыганамъ быть вольными людьми на божьей вольной землѣ, а велѣли приписываться..... Такъ вотъ Трентебулай, въ знакъ дружбы, прислалъ ко мнѣ въ таборъ дочку... Ему-то, вишь, тѣсно стало, а у меня еще степи довольно...

— Ничего-таки я не понялъ,—сказалъ баринъ, все смотря съ недоумѣніемъ на Марью!—кажется, сочинилъ все это, старый плутъ... А, право, хотѣлось бы знать... Послушай,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Марьѣ: какъ тебя зовутъ, моя красавица?...

Въ эту минуту внезапная мысль озарила душу бѣглянки и дала рѣшимость ея волѣ. Марья приподняла голову, глаза ея вспыхнули яркимъ огнемъ и она устремила на барина взоръ, полный суроваго вниманія.

— Зовутъ меня Марьей... отвѣчала она твердымъ голосомъ; я не ихняя... не Цыганка...

Эти слова вызвали цѣлую бурю въ цыганской толпѣ. Старухи подскочили къ нашей молодицѣ съ злобною бранью, молодыя, и всѣхъ больше Любаша, тоже кричали что-то на нее;—съ-минуту старикъ, набольшій, смотрѣлъ на Марью съ какимъ-то удивленіемъ, но вдругъ пришелъ въ ярость и замахнулся на нее своею палкою.

— Ахъ ты, старый чортъ!... да какъ ты посмѣлъ!.. вскричалъ баринъ и сильнымъ ударомъ арапника выбилъ изъ рукъ старика палку. Набольшій глухо застоналъ, все его дряхлое тѣло ходенёмъ-заходило. Онъ проворно отскочилъ въ сторону и уже издали, съ боязливой покорностью, сталъ просить прощенья у своего гнѣвнаго гостя. Толпа бранчивыхъ Цыганокъ разомъ замолкла и разсыпалась въ разныя стороны. Марья осталась одна передъ бариномъ.

— Вотъ я вамъ дамъ, проклятое племя!.. кричалъ расходившійся не на-шутку баринъ, помахивая арапникомъ; я васъ отучу отъ обмановъ и отъ всякихъ мерзостей!.. украли русскую женщину, одѣли ее по-цыгански, да хотятъ съ нею обращаться какъ съ рабою!... Ну, сволочь окаянная!.. живо пѣть мнѣ пѣсни, живо плясать!.. Живо!.. А-то вотъ сейчасъ же примусь арапникомъ...

И вслѣдъ за этимъ, вынувъ изъ бумажника кипу скомканныхъ ассигнацій, онъ кинулъ ее въ оробѣвшую толпу. Всѣ бросились подбирать разлетѣвшіяся ассигнаціи, но набольшій какъ разъ успѣлъ прибрать ихъ къ рукамъ. Смекнувъ скорёхонько, что баринъ изволилъ пожаловать не маленькую сумму, старикъ изо всей своей мочи крикнулъ три

раза ура, — въ ту же минуту фараоновы дѣтки подхватили этотъ радостный крикъ, подняли руки вверхъ и въ ладоши захлопали.

— Слушать команды!.. вдругъ крикнулъ баринъ, и въ цыганской толпѣ разомъ все умолкло.

— Хочу повеселиться теперь... продолжалъ онъ; благо стихъ такой напалъ!.. Ну же, фараоны, сейчасъ всѣ за пѣсни и за пляску!.. Прежде всего, ты, старый чортъ, набольшій, долженъ меня потѣшить; изволь-ко проплясать вмѣстѣ съ Матреной... А ты, Марья, садись возлѣ меня... И слышите вы всѣ, никто не смѣй мѣшать мнѣ разговаривать!..

Денежная подачка одушевила Цыганъ; робость ихъ разомъ прошла. Съ великимъ усердіемъ принялись они горланить плясовыя и всякія пѣсни. Только двое изъ нихъ пѣли неохотно: то были Василій да Любаша. Оба они глазъ не сводили съ барина и съ Марьи. У перваго духъ захватывало отъ безсильной злобы на Марью, а Любашу грызли ревность и зависть. Зато, со всею охотою, пустился въ плясъ набольшій: топчась все на одномъ мѣстѣ, онъ выдѣлывалъ ногами премудреныя колѣнца, а притомъ хлопалъ въ ладоши и что-то выкрикивалъ то глухимъ, какъ изъ бочки, то визгливымъ и надорваннымъ голосомъ. Знаками онъ показывалъ барину и всей толпѣ цыганской, что вотъ такъ-бы и пустился въ-присядку, да силёнки-то не хватаетъ. Скоро умаялся старичина и, задыхаясь отъ усталости, со стономъ и оханьемъ, повалился передъ костромъ. Но пляска и безъ него продолжалась, пляска дикая, пламенная. Цыганы и Цыганки плясали какъ-будто нашелъ на нихъ припадокъ особеннаго бѣшенства. И всякъ тутъ плясалъ, кромѣ Василья да Любаши, которые, несмотря на приказъ набольшаго, никакъ не хотѣли участвовать въ пляскѣ.

Тѣмъ временемъ, баринъ усадилъ Марью, а самъ полуразлегся возлѣ и головой своей прислонился къ ея горячему плечу. Часто, однако, онъ приподымалъ голову и блестящими глазами впивался въ свою сосѣдку, — какой-то страстный восторгъ охватилъ его душу. Марья тоже глядѣла на барина, глядѣла пристально и серьёзно, не могла даже глазъ отвести отъ этого молодца съ добродушнымъ,

открытымъ лицомъ, съ голубыми прекрасными глазами, съ смѣлыми, повелительными движеніями, этого молодца, котораго сильный голосъ, за минуту передъ тѣмъ, покрылъ весь шумъ таборный и разомъ угомонилъ дикую толпу. Тихое чувство благодарности наполняло душу бѣглянки. Бодрость ея внезапно воротилась; она уже ничего не боялась. И хотѣлось ей усѣсться у ногъ барина, обнять его ноги, прильнуть къ нимъ головою. А иной-разъ смѣхъ разнималъ ее,— смѣшно ей было, какъ всѣ Цыганы вдругъ оробѣли передъ нимъ, какъ всѣ кинулись прочь отъ него, когда онъ погрозилъ имъ арапникомъ.

«Вона сколько ихъ, а онъ-то одинъ,—думала она; онъ, вишь, не боится ихъ, а они всѣ испужалися,—даромъ-что вольные люди...»

— Славная ты молодица,—промолвилъ баринъ, и, глядя ей въ глаза съ особенной нѣжностью, положилъ руку на ея голову.

— Волосы черные, а шелковистые,—значитъ, должно быть, нравомъ не сердита... продолжалъ онъ, тихо смѣясь: отчегожъ глаза у тебя такіе серьёзные, то есть, суровые?..

Она ничего не отвѣчала; только задумчиво, но ласково взглянула ему прямо въ глаза.

— А вотъ теперь у тебя взглядъ ужъ не суровый... молвилъ баринъ.

— Я не боюсь теперича ничего.. отвѣчала она, улыбнувшись.

— Марья... Маша... спросилъ онъ полушопотомъ: кто же ты такая?..

Она вздрогнула при этомъ вопросѣ.

— Я не здѣшняя... отвѣчала она печально, а потомъ схватила вдругъ его за руку, и, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ волненія, шепнула ему:

— Возьми меня отсюда... а не-то... прикажи имъ отпустить меня..

Онъ весело засмѣялся и обнялъ ее.

— Такъ увезти тебя отсюдова, увезти отъ этихъ черномазыхъ чертей? молвилъ онъ вполголоса: а пожалуй!.. Только знаешь что̀, Маша? увезу я тебя,—какъ увозятъ у насъ

барышенъ... Ахъ, чортъ возьми, да это будетъ превесело,— выдетъ, эдакъ, приключенiе во вкусѣ испанскихъ нравовъ... Слушай же что̀ надо дѣлать: сейчасъ я пойду къ кучеру Андрюшкѣ, прикажу ему быть на-готовѣ, потомъ велю фараонамъ лошадь привести да на томъ концѣ табора стану глядѣть ее и торговаться, —а ты въ это время проберись поближе къ моему тарантасу, да какъ увидишь, что и я къ нему подхожу,—прыгай въ тарантасъ, я за тобою. . мы и ускачемъ отъ нихъ!... Ахъ, Маша!. да вѣдь это отлично будетъ!...

Не дожидаясь отвѣта отъ Марьи, онъ вскочилъ проворно и отправился къ кучеру, малому намётанному для всякихъ проказъ и продѣлокъ: на-скоро отдалъ онъ ему всѣ нужныя приказанiя; кучеръ же тотчасъ поправилъ шляпу на головѣ, подобравъ возжи и вытянувъ слегка кнутомъ обѣихъ пристяжныхъ.

Затѣмъ баринъ подошелъ къ набольшому, который все еще лежалъ передъ костромъ да отдувался отъ усталости.

— Эй ты, фараонъ!—молвилъ онъ, расталкивая старика ногою: ну, что лежишь, какъ колода? дѣла своего не знаешь, старый мошенникъ!... Долженъ бы замѣтить, каналья, что я ужъ перемѣнилъ гнѣвъ свой на милость... Названная внучка твоя, Марья Трентебулаевна, умилостивила меня... Ну, показывай теперь диковиннаго своего коня,—можетъ, и куплю его!..

Старикашка хоть и разъохался, однако, съ радостью приподнялся съ своею войлока и приказалъ Василью привести лошадь.

— Только въ тѣснотѣ я не буду ее смотрѣть, сказалъ баринъ: не хочу, чтобы обманули меня, какъ чистаго дурака... Пойдемте-ка всѣ на конецъ табора, Васька тамъ понаѣздничаетъ да я и самъ, можетъ, проѣдусь.. Ну, всѣ вы за мной!... всѣ до одного человѣка!...

«Всѣ домой, всѣ домой, —
А я домой не хочу!..»

пѣлъ онъ, уводя за собою всю толпу Цыганъ, которые шли

за нимъ, весело поталкиваясь. Баринъ расходился, имъ то и на-руку.—«А онъ еще дастъ! еще дастъ!..» болтали они промежъ себя по-цыгански.

А между-тѣмъ ночь уже уплыла далеко. На небѣ и надъ землею стало свѣтло; заря разгорѣлась полнымъ пламенемъ, и изъ-за мелкихъ тучекъ на самомъ краю востока побѣдоносно прорѣзывались лучи восходящаго солнца.

Василій привелъ битючка въ поводу. Набольшій велѣлъ ему сѣсть верхомъ на лошадь; молодой Цыганъ съ видимой неохотою исполнилъ это приказаніе. Ему не гарцовалось на ту пору, ѣздилъ онъ лѣнивой рысцой, а останавливаясь передъ бариномъ при поворотахъ, ни словечка не вклеивалъ отъ себя въ похвалу «диковиннаго» коня. Онъ все какъ-будто прислушивался къ чему-то, да безпрестанно озирался по сторонамъ. Зато набольшій, со всѣмъ усердіемъ, выхвалялъ качества битючка, клялся-божился, что баринъ никогда и не видывалъ и въ жизни не увидитъ подобнаго коня. Но баринъ, какъ видно, уже не восхищался лошадью. Положивъ руку на плечо Любаши, да слегка на нее опираясь, онъ то балагурилъ съ нею, то насвистывалъ какую-то пѣсенку, а на битючка почти и не обращалъ вниманія.

— Постой-ко,—сказалъ онъ наконецъ набольшому, я вотъ приведу сюда моего кучера,—онъ знаетъ толкъ въ лошадяхъ, побольше меня, не обманно скажетъ мнѣ свое мнѣніе... А то, по-правдѣ сказать, битючокъ мнѣ ужъ теперь несовсѣмъ нравится, да и болванъ Васька не умѣетъ товаръ лицомъ показать.. Подождите меня здѣсь, я какъ-разъ съ кучеромъ вернусь.

Набольшій накинулся на Василья за дурную ѣзду, а баринъ, чуть не бѣгомъ, отправился къ тарантасу. Только онъ и не замѣтилъ, какъ за нимъ увязалась и Любаша.

Кучеръ держался на-готовѣ. Коренная лошадь барской тройки уже навострила уши, а пристяжныя, пригнувъ головы къ землѣ, рыли землю копытами и слегка уже натягивали постромки. Марья стояла возлѣ лошадей. Лишь завидѣла она барина, мигомъ вскочила въ тарантасъ. Пронзительно взвизгнула Любаша и ухватилась-было за барина, но тотъ, обернувшись стремительно, оттолкнулъ Цыганку, съ та-

кой силой, что она упала.—«Проклятая тварь!...» крикнулъ онъ, взглянувъ съ презрѣніемъ на Цыганку, — и прыгнулъ въ тарантасъ.

Кучеръ пораскачался на своемъ мѣстѣ, тряхнулъ возжами, гаркнулъ молодецки, пріударилъ кнутомъ по всѣмъ-по-тремъ—тройка подхватила разомъ и помчалась, какъ изъ лука стрѣла. Замерло сердце у Марьи. Изъ груди ея раздался не-то крикъ, не-то стонъ, — ей показалось, что она съ страшной высоты кидается въ какую-то пропасть. И не помня себя, она схватилась обѣими руками за барина, а тотъ крѣпко прижалъ ее къ груди и, приподнявъ ея голову, жарко-жарко поцѣловалъ...

Между-тѣмъ таборъ огласился неистовыми воплями.

Василій не даромъ былъ на лошади, онъ стремглавъ кинулся въ погоню. Онъ кричалъ, какъ бѣшеный, неистово билъ своего коня. Битючокъ былъ, точно, добрая лошадь, но не подъ силу было ему догнать бѣшеную тройку, опередившую его, съ самаго начала, на полверсты.

— Алексѣй Алексѣичъ!.. — сказалъ кучеръ, обернувшись къ барину, Цыганъ-то вѣдь гонится...

— Ага!.. вотъ постой же, каналья!.. — отвѣчалъ Алексѣй Алексѣичъ, попридержи-ка лошадей, Андрюшка!..

Кучеръ попридержалъ лошадей. Цыганъ скорёхонько догналъ тарантасъ; но лишь только поравнялся съ нимъ, какъ баринъ изо всей мочи хватилъ его арапникомъ. Цыганъ взвизгнулъ и такъ-же стремительно, какъ началъ погоню, повернулъ свою лошадь и помчался вихремъ назадъ.

Эта мгновенная сцена какъ-будто разбудила сознаніе нашей бѣглянки. Она съ благоговѣніемъ взглянула на барина, на своего молодца-защитника, — и уже сознательно прижалась къ нему. И стало такъ легко на душѣ у ней: какъ будто лихая тройка эта уносила ее на вѣкъ отъ всего прошлаго, отъ горя, отъ нужды, отъ злобы...

ТЮЛЕВАЯ БАБА.

Анна Өедоровна Журбовская была отличная хозяйка. Просто, она чудеса показывала. Напримѣръ, она дѣлала одинъ кремъ полосатый, разноцвѣтный, всѣмъ на зависть и на удивленье. Какъ ужъ ни хотѣли прочія хозяйки дойти до этого крема,—никто не дошелъ. Вѣрьте, не вѣрьте, а одна барыня (и богатая барыня) хотѣла сына женить на дочери Анны Өедоровны чтобъ только вывѣдать тайну. Да Анна Өедоровна всегда съ этими вещами на-сторожѣ, а барыня была нетерпѣлива, поспѣшила, проговорилась, Анна Өедоровна дочери не отдала, и секрета не открыла.

Ни у кого такихъ не бывало обѣдовъ, ни у кого такихъ имянинныхъ пироговъ, какъ у Анны Өедоровны. Кто не помнитъ, когда ея дочери исполнилось 18 лѣтъ, праздновали рожденье и испекли пирогъ.... какъ подали этотъ пирогъ, такъ нѣкоторые даже испугались. Одинъ гость, (любитель, знатокъ) всталъ и сказалъ, сложивши на груди руки: «что же это вы такое съ нами дѣлаете, Анна Өедоровна? Гляжу, несутъ на блюдѣ, я думалъ это генеральскаго сына несутъ...»

Но самое-то главное дѣло рукъ Анны Өедоровны-это были бабы.... Еслибы кто зналъ какія это были бабы! Анна Өедоровна была набожная старушка, со всѣми обходительная и ласковая. Смѣхъ у ней былъ пріятный, немножечко

съ дребежжаньемъ, глаза добрые, носикъ кругленькій, а ростомъ маленькая. Анна Ѳедоровна давно овдовѣла. Дочь свою она выдала за совѣтника въ губернію, и дочь умерла въ первый годъ замужства; и зять умеръ вскорѣ за нею, осталось дитя дѣвочка; Анна Ѳедоровна взяла ее къ себѣ. Внучка была хорошенькая барышня; добрая, злая ли,—еще того никто не зналъ, ей всего шелъ десятый годокъ, такъ еще была попрыгушка.

Очень убивалась Анна Ѳедоровна по дочери, очень тужила, пока время взяло свое. Отгоревавши, Анна Ѳедоровна жила счастливо и спокойно, ее уважали и почитали. Домъ у ней былъ полная чаша. Въ комнатахъ столько шкафовъ, комодовъ, сундуковъ, что уму было непостижимо, что тамъ хранилось, чѣмъ наполнялось. Ключей—ключей! словно отъ десяти городовъ. Кто бывало ни пріѣдетъ, такъ въ этотъ домъ равнодушно не войдетъ: или улыбнется или вздохнетъ. Бывало пріѣдетъ батюшка, такъ все говоритъ: «Это вамъ, Анна Ѳедоровна, за ваше благочестіе. У васъ земля обѣтованная; какія поля урожайныя, сады плодовитые, огороды тучные!» У Анны Ѳедоровны былъ племянникъ, молодой, красивый и богатый помѣщикъ. Все пріѣзжалъ на разныхъ лошадяхъ, то пріѣдетъ на сѣрыхъ, то на гнѣдыхъ или на вороныхъ; были у него даже пѣгія лошади. Звали этого племянника Алексѣй Петровичъ и жилъ онъ отъ Анны Ѳедоровны близко, въ двухъ верстахъ было его имѣніе Саковка. Родителей его не было въ живыхъ, ни сестеръ, ни братьевъ, жилъ одинъ, и часто ѣзжалъ къ Аннѣ Ѳедоровнѣ. Пріѣдетъ, сколько варенья съѣстъ бывало, сколько пастилы! Съ барышней играетъ въ жмурки, наряжается въ Анны Ѳедоровнинъ чепчикъ и въ шаль, пьетъ, проказничаетъ, всегда его жалко отпустить домой.

Но онъ только между своими бывалъ рѣзовъ, а чуть чужой человѣкъ, онъ сейчасъ оробѣетъ. Какъ ни отлично одѣтъ, а все себя оглядываетъ да краснѣетъ. Очень любилъ онъ гостей, пиры, а знакомиться ему было все равно, что въ полночь на кладбище идти. Признавался бывало Аннѣ Ѳедоровнѣ: «Душа не на мѣстѣ, тётенька, пока войдешь, раскланяешься, разговоришься, ни пить, ни ѣсть ничего не хочется; ни-

что кажется не удивитъ, не испугаетъ, хоть домъ обрушься!»

Анна Өедоровна обнадеживаетъ его: не безпокойся, молъ, это отъ молодости, это пройдетъ.

«Тогда, тётенька, я буду счастливѣйшій человѣкъ».

Возмужалъ Алексѣй Петровичъ, глядитъ Анна Өедоровна—усы себѣ отпустилъ.

— Зачѣмъ это ты усы отпустилъ, Алеша? спросила она. Онъ радъ, что его усы увидали, только радости показать не хочетъ, смотритъ вверхъ и отвѣчаетъ: «Да такъ...»

— Ты право милѣе безъ усовъ, Алеша, сбрей ихъ! Необходимости вѣдь нѣту, ты не военный. Сбрей!

— Да какъ же мнѣ безъ усовъ, тётенька? Я вотъ на охоту съ ружьемъ хожу, верхомъ ѣзжу....

— Ну, ну, какъ хочешь, дружокъ, не огорчайся. Все это чай для какой нибудь барышни себя украшаешь; барышни любятъ все новое и необыкновенное.

— Да право, тётенька, я какъ-то нечаянно отпустилъ усы...

— Разсказывай! смѣется Анна Өедоровна. Я вонъ вижу новое колечко. Нѣтъ, ты рукой-то не верти, вонъ на безыменномъ пальцѣ, третье снизу — это у тебя новое! Покажи-ка.

А у Алексѣя Петровича было колечекъ не смѣтное множество: сколько дома у него хранилось въ шкатулкѣ, всѣ двадцать два ящичка полнехоньки, на рукахъ сколько носилъ. И всякія были у него колечки: и незабудочки, и змѣйки, и виткомъ и цѣпочкой, и сердечкомъ,и якоремъ, и замочкомъ.... барышня себѣ кричитъ: покажи, покажи колечко, онъ не показываетъ, бѣжитъ отъ нея, она за нимъ. И пойдетъ бѣготня, поднимется шумъ, бѣгаютъ и шумятъ пока проголодаются. Только вдругъ Алексѣй Петровичъ словно пропалъ, очень долго не былъ. Посылала Анна Өедоровна узнавать, здоровъ ли—его дома не было. Потомъ пріѣхалъ, похудѣлъ, поблѣднѣлъ; на рукѣ ни одного колечка, и варенья никакого не хочетъ, и съ барышней скучаетъ. Спрашивали, спрашивали, что это съ нимъ, ничего не сказалъ и опять надолго пропалъ. Опять посылаетъ Анна Өедоровна о здоровьѣ уз-

нать и опять его дома нѣтъ. Журбовскіе люди провѣдали отъ саковскихъ людей, что Алексѣй Петровичъ почти-что дома и не живетъ, а все въ Н—скомъ уѣздѣ. И кучеръ разсказывалъ, что гостятъ они у одной богатой помѣщицы, та помѣщица вдова, дородная и смирная барыня, что домъ тамъ каменный; есть карета и дрожки, лошади хорошія, только кучеръ очень старъ; что тамъ ключница презлая; что тамъ молодая барышня красавица, и гуляетъ эта барышня вечерами по аллеѣ съ Алексѣемъ Петровичемъ, а старая барыня съ балкона за ними наблюдаетъ, чуть слишкомъ заговорятся—она ихъ и кликнетъ на балконъ. Помѣщица эта прозывалась Турченкова. «Дай Богъ Алешѣ!» говорила Анна Ѳедоровна, «а мы съ тобой, Варенька, на свадьбѣ погуляемъ».

— Когда бъ свадьба поскорѣй, бабушка! отвѣчаетъ барышня.

— Богъ дастъ дождемся!

И дождались. Пріѣхалъ Алексѣй Петровичъ веселый, золотое кольцо на рукѣ,—обрученъ. Побылъ недолго, ничего толкомъ не разсказалъ и уѣхалъ. «Дѣла, дѣла!» говоритъ. А какія тамъ дѣла? Разсказывали, просто катался:—поѣдетъ въ одну сторону, проѣдетъ верстъ пять въ другую; то лѣсъ объѣдетъ, то поля, то степи. Отъ радости не сидѣлось ему на одномъ мѣстѣ.

Ну женится и женится, хорошо. Анна Ѳедоровна послала его невѣстѣ образокъ въ серебряной позолоченной ризѣ, невѣста ей написала родственное письмо и невѣстина мать тоже. Послѣ Троицына дня была свадьба назначена.

Всѣ окружныя барыни и барышни сбирались попировать у молодыхъ; всѣ Алексѣя Петровича поздравляли и на весь вѣкъ ему счастья желали, все было весело и мирно; замѣчали, что даже все это время ни бурь, ни грозъ не было. Только смутило разъ Алексѣя Петровича вотъ что: отдалъ онъ назадъ колечко одной барышнѣ, а барышня ему вмѣсто всякаго отвѣта прислала пулю. Да, свинцовую пулю, настоящую. «Какъ это принимать мнѣ, тётенька?» спрашивалъ онъ у Анны Ѳедоровны.

— Да никакъ. Брось эту пулю, чего ты съ ней носишься!»

— Я право не знаю, что̀ это все значитъ...

— Да ничего,—блажъ да и только.

И вправду видно блажъ была; послѣ эта барышня тоже была у молодыхъ, и веселилась у нихъ, и ужинала. Въ это самое время пріѣхалъ къ Аннѣ Өедоровнѣ изъ Н–скаго уѣзда знакомый, да съ первыхъ словъ и говоритъ ей:

— Ну, матушка Анна Өедоровна, теперь мы съ вами потягаемся. Смотрите, вы свою славу не потеряйте: ѣдетъ къ вамъ не молодая хозяйка, а осьмое чудо въ свѣтѣ.

Анна Өедоровна распрашиваетъ, а гость разсказываетъ:

— Эта молодая барыня такъ бабы печетъ, что съ ней никто не можетъ сравняться. И особенно печетъ она одну ананасную бабу—точный ананасъ....

— Духъ ананасовый, я знаю, сказала Анна Өедоровна.

— Какое! Ананасъ самъ своей особой! Если зажмурите глаза, да въ ротъ вамъ положить и спросить, что это? вы скажете ананасъ.

— Ну, это вы городите!—сказала Анна Өедоровна.

— Вотъ сами увидите, вспомяните мои слова. А то еще печетъ она *тюлевую бабу* — ну, матушка! не мнѣ дураку это разсказывать! Увидите сами лучше.

Гость остался у Анны Өедоровны обѣдать; за обѣдомъ шутилъ, смѣялся, хвалилъ обѣдъ, и спрашивалъ не разъ Анну Өедоровну, о чемъ она задумывается?

— Я вотъ удивляюсь вамъ, какъ это вы–то никогда ни о чемъ не думаете, батюшка, отвѣчала ему Анна Өедоровна.

— Оттого не думаю, Анна Өедоровна, что мысли ни къ чему не приведутъ, а только состарятъ, будь имъ пусто! Теперь съ кѣмъ ни увижусь, всѣ мнѣ говорятъ: «вы опять помолодѣли», а еслибы я мыслями занимался...

— Надо о душѣ своей подумать всякому,—перебила Анна Өедоровна.

«Видно крѣпко она огорчилась тюлевою бабою» подумалъ онъ.

Гость уѣхалъ, а Анна Өедоровна осталась въ задумчивости и въ тревогѣ. Въ этотъ день она ошибалась ключами, ни слова не вымолвила объ Алексѣѣ Петровичѣ, ни о его

невѣстѣ, ни о свадьбѣ и внучку свою приласкала какъ-то разсѣянно.

А между тѣмъ Алексѣй Петровичъ уѣхалъ вѣнчаться и черезъ недѣлю его ждали съ молодою женою въ Саковку.

Прошла недѣля. Анна Ѳедоровна все была задумчива; то она говорила: «какъ это время бѣжитъ быстро!» то говорила, что время тянется долго.

Пріѣхали молодые въ Саковку, Анна Ѳедоровна услышала это и поблѣднѣла. Она строго выговорила внучкѣ за ея радость и прыганье при этой вѣсти. Молодые пріѣхали къ Аннѣ Ѳедоровнѣ. Пріѣхали они послѣ полудня. Анна Ѳедоровна была въ тотъ день наряжена какъ въ большой праздникъ, но была блѣдна и встревожена; она не сидѣла, а все ходила по комнатамъ, останавливала внучку и заставляла ее смирно сидѣть. Такъ прошло утро. Наконецъ молодые пріѣхали. Вошелъ Алексѣй Петровичъ и ввелъ момолодую жену—ахъ, что была за красавица! Свѣжая, румяная, статная, глаза каріе, большіе, свѣтятся какъ свѣчки, и такіе живые, быстрые, и такіе веселые! Зеленое шелковое платье такъ и шумитъ; въ ушахъ золотыя серги и такъ славно вьются темные волосы на бѣлыхъ височкахъ! Вовсе была не застѣнчива, а разговорчивая и привѣтливая. Сейчасъ заговорила съ Анной Ѳедоровной, приласкала Вареньку.

А Анна Ѳедоровна была сама не своя. Гдѣ ея всегдашняя обходительность? Гдѣ ея участливость? Хотя она говорила молодой ласковыя слова, но во взглядѣ у ней была только тревога, въ лицѣ печаль, голосъ неровный. Молодые у нея обѣдали; за обѣдомъ все безпокоило Анну Ѳедоровну, все ей казалось или недоварено, или пережарено; она говорила очень мало, подчивала грустно. На что Варенька вѣтренница, а и та замѣтила, что бабушка сама не своя. Алексѣй Петровичъ не замѣтилъ—онъ въ сторону не глядѣлъ, а глядѣлъ онъ только въ женины глаза. Когда молодые возвращались домой, молодая и говоритъ: «Мнѣ твоя тетушка понравилась, Алеша; только что она такая печальная?»

— Нѣтъ, она веселая.

— Гдѣ же веселая, Алеша? Точно съ похоронъ вороти-

лась сейчасъ и все по сторонамъ оглядывается, будто пожару ждетъ.

— Это тебѣ такъ показалось, Глаша.

— Вотъ еще, показалось! Развѣ я маленькая?

— А можетъ сегодня съ ней что нибудь случилось.—Да Богъ съ нею! Они заговорили о другомъ.

Черезъ день послѣ этого Анна Ѳедоровна съ Варенькой поѣхала къ молодымъ. Варенька была радёхонька, вертѣлась въ коляскѣ и говорила какъ заведеная. Анна Ѳедоровна молчала и глядѣла въ одну все сторону на мелькающія поля.

Молодые встрѣтили ихъ на крыльцѣ и такъ весело, и радостно встрѣтили. Просили обѣдать—Анна Ѳедоровна согласилась.

Дома молодая была еще милѣе: рѣзвая, игривая какъ котенокъ, ласковая, живая. Она и по саду побѣгала съ Варенькой, и пѣла, и Анну Ѳедоровну обняла, и на органѣ играла. Алексѣй Петровичъ не могъ на нее наглядѣться; чуть она отходила, онъ ее кликалъ и безпрестанно цѣловалъ у нея руки.

— Полно, Алеша! какой ты скучный! говорила молодая.

— А уговоръ, Глаша?—напоминалъ Алексѣй Петровичъ.

— У насъ уговоръ, тётенька, говорилъ онъ Аннѣ Ѳедоровнѣ, такой уговоръ, что если я въ часъ не успѣю поцѣловать у ней ручекъ сто разъ, такъ въ слѣдующій часъ имѣю право цѣловать ихъ хоть тысячу разъ...

Анна Ѳедоровна слушала, и ни слова въ отвѣтъ, ни улыбки, даже не взглянула ни разу, глаза въ землю у ней опущены. Ни о чемъ она не распросила молодыхъ, ничего у нихъ не похвалила, а у нихъ было очень хорошо. Домъ большой, свѣтлый, новый, отдѣланъ, убранъ за-ново, все какъ съ иголочки; подъ окнами у нихъ цвѣли розаны, бѣлая акація, сирень... И день этотъ выдался чудесный — ясный, жаркій. Домъ стоялъ на горѣ; по горѣ садъ старый, густой; подъ горою рѣка гремѣла по камнямъ.

Да ничто, ничто не веселило Анну Ѳедоровну. Замѣтилъ даже Алексѣй Петровичъ и спросилъ у ней: «что съ вами

тётенька?» Анна Өедоровна печально ему улыбнулась и ответила: «Поживи-ка съ мое, Алеша, узнаешь!»

Молодымъ стало жаль старушку. Они переглянулись, подсѣли къ ней ближе и спросили въ одинъ голосъ: здорова ли она? Анна Өедоровна увѣряла, что она здорова.

— Такъ отчего жъ вы не веселы? Отчего не веселы? присталъ къ ней Алексѣй Петровичъ.

— Гдѣ жъ мнѣ на старости лѣтъ такъ веселиться, какъ вамъ, молодымъ. Когда-то веселилась и я, теперь вы мое мѣсто заступаете, а мнѣ ужъ умирать пора!

Такого мрачнаго отвѣта молодые не ожидали; они на время умолкли; потомъ опять пробовали тётеньку развеселить, да никакъ не удалось имъ и они перестали и хлопотать.

Сѣли обѣдать. Аннѣ Өедоровнѣ въ каждомъ кушаньи слышался ананасовый духъ; все ей казалось приготовлено какъ-то особенно. Не хотѣла она спрашивать, да не выдержала, спросила: «Что̀, у васъ теперь новый поваръ?»

— Нѣтъ, прежній, отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ. А что̀, обѣдъ лучше, чѣмъ бывало? Это вотъ кто хозяйничаетъ.

Онъ на жену показалъ.

— Я слышала, что вы, Глафира Ивановна, большая хозяйка, сказала Анна Өедоровна.

— Ахъ, какая хозяйка! вскрикнулъ Алексѣй Петровичъ. Она и вамъ даже не уступитъ, тётенька. Глафира Ивановна смѣялась. Она такіе пирожки сочиняетъ, такія подливки, что умъ за разумъ заходитъ... Разскажи-ка, Глаша, какіе ты вчера пирожки сочинила?

— Вотъ еще! есть что разсказывать!

— Разскажи, Глаша! разскажи тётенькѣ.

Аннѣ Өедоровнѣ точно холодная иголочка входила въ сердце.

— Да зачѣмъ же? промолвила она. Не принуждай къ этому Глафиру Ивановну.

— Тётенька, сказала Глафира Ивановна, зачѣмъ вы меня Ивановной зовете? Онъ Алеша (она кивнула на мужа), такъ я Глаша.

Анна Өедоровна вздохнула, поглядѣла сперва въ лѣвую,

а потомъ въ правую сторону, а потомъ опять опустила глаза въ землю.

— Вы меня Глашей зовите, тётенька, просила ее Глафира Ивановна.

— Нѣтъ, Глафира Ивановна, это невозможно.

— Да отчего же, тётенька?

— Да такъ, Глафира Ивановна.

— Пожалуйста, тётенька! Алеша, проси. Что́ ты все только глядишь, лучше попроси тётеньку.

— Тётенька! зовите Глашу Глашей, сталъ просить Алексѣй Петровичъ.

— Нѣтъ, Алеша, не могу я такъ Глафиру Ивановну звать.

Глафира Ивановна немножко вспыхнула, немножко отодвинулась, и замолчала.

— А помнишь, сказалъ ей Алексѣй Петровичъ, помнишь, какъ я тебя звалъ Глафирой Ивановной? Громко бывало говорю: Глафира Ивановна, а на умѣ: Глаша, Глаша, Глаша! Она засмѣялась и стали вспоминать то, другое...

Анна Өедоровна рано уѣхала домой, какъ ее ни упрашивали остаться ночевать, или хоть остаться ужинать; Анна Өедоровна не уступила просьбамъ и уѣхала.

Какъ затосковала съ той поры Анна Өедоровна, такъ больше и не развеселилась. Бывало, у ней лучшее время въ году, когда на зиму запасы заготовляются; каждая недѣля что нибудь новое: сварятъ варенье, — пойдетъ сушенье плодовъ, соленья разныя, маринованья, — ахъ, какая бѣготня тогда, какой шумъ, говоръ, какъ всѣ смѣлы тогда, — знаютъ, что барыня не разгнѣвается ничѣмъ, хоть при ней подерись, такъ проститъ; она сидитъ въ креслѣ, распоряжается, приказываетъ и на все глядитъ свѣтло и снисходительно; лицо у ней спокойное и довольное. А въ этотъ годъ Анна Өедоровна хозяйничала съ тревогою, все было не по ней, ничѣмъ ей угодить нельзя; она даже иногда не попробуетъ приготовленья, едва глянетъ и поскорѣй прячетъ въ кладовую, точно легче ей, какъ съ глазъ долой. Она больше теперь сидитъ въ уголкѣ, а не подъ окномъ,

побрякиваетъ ключами и подпѣваетъ какую-то грустную, прегрустную пѣсенку.

Пріѣдетъ ли кто навѣстить ее, она не разговорчива какъ прежде, вздыхаетъ, едва слушаетъ, а если изрѣдка разговорится, такъ все о молодежи, и съ огорченіемъ говоритъ, что̀ за молодежь нынче стала—заносчивая да смѣлая, все умѣетъ да все знаетъ! Она ужъ и о Варенькѣ своей не говорила какъ прежде: пристрою свою Вареньку, да ея счастьемъ утѣшаться буду, а говорила такъ: «кто знаетъ, что̀ случится? У горя много дорогъ, по какой нибудь придетъ и посѣтитъ.» Никуда почти не ѣздила, праздниковъ не праздновала звалыми обѣдами; Варенька скучала, а сосѣди дивились, думали, и предполагали, что̀ бы это значило?

Зато что за житье было въ Саковкѣ! Какъ тамъ хозяйничали весело! Глафира Ивановна заставляетъ мужа ягоды чистить, грибы перебирать; онъ у ней ложку съ сыропомъ студитъ на льду; онъ у ней коробочки изъ бумаги дѣлаетъ на пирожное, и когда онъ постарается, какъ превосходно все сдѣлаетъ!

«Тебѣ-бы стоило за это золотую медаль дать, Алеша», говоритъ ему Глафира Ивановна.

А иногда Алексѣй Петровичъ разлѣнится, жалуется, что его изморили работой, просится отдохнуть, Глафира Ивановна не отпускаетъ, велитъ работать—сколько смѣху у нихъ, сколько утѣхи! И такъ имъ было хорошо, что даже на погоду они жаловались только изъ приличія; пріѣдетъ кто нибудь изъ сосѣдей да плачется на дожди, ну и они скажутъ: «экая погода, въ самомъ дѣлѣ!»

Имъ и сосѣдей не надо было; правда, они говорили между собою, какъ вотъ весело будетъ на Рождество, когда они зададутъ пиръ, или на новый годъ сколько гостей къ нимъ наѣдетъ; да это ихъ больше привлекало въ будущемъ, а пріѣзжалъ кто въ настоящемъ, такъ Глафира Ивановна носикъ морщила и говорила мужу: «когда бъ не засидѣлись!»

«Ты пожалуйста не зови обѣдать, предостерегалъ Алексѣй Петровичъ, такъ притворись, будто совсѣмъ забыла объ обѣдѣ.

И оба шли встрѣчать гостя. Правда и то, что послѣ они съ гостемъ и разговорятся, и обѣдать пригласятъ, и ночевать оставятъ и гость ихъ не стѣсняетъ, гость имъ пріятенъ и жалко его отпустить, а все-таки какъ онъ уѣдетъ, они безмѣрно рады, что одни. Къ нимъ ѣздили сосѣди часто, одна Анна Ѳедоровна только не учащала. Глафира Ивановна это замѣтила: «отчего это тётенька не хочетъ къ намъ ѣздить, Алеша?» говорила она Алексѣю Петровичу.

— Отчего-жъ ей не хотѣть, Глаша? спрашивалъ Алексѣй Петровичъ.

— Я не могу понять, Алеша.

— И я не понимаю, Глашенька. Отчего бы это въ самомъ дѣлѣ?—Пріѣдутъ они къ Аннѣ Ѳедоровнѣ, ихъ пріѣздъ ее не радуетъ; станутъ ее расправшивать что̀ съ нею, расспросы ихъ Аннѣ Ѳедоровнѣ видимо непріятны.

Не даромъ у сосѣдей чутье тонко, не даромъ глаза зрячіе—сосѣди этого не пропустили. Пошли догадки да толки; разнеслись разные слухи. Сборища сдѣлались чаще, разговоры живѣе. Изъ слуховъ больше всѣхъ принялся одинъ, вотъ какой: говорили, что вышла ссора у Анны Ѳедоровны съ Глафирой Ивановной за нашъ уѣздъ, что Глафира Ивановна нашъ уѣздъ очень порочила, а Анна Ѳедоровна ей этого не спустила, — слово за слово, слово за слово—и поссорились. Анна Ѳедоровна уѣхала домой, не простившись; Глафира Ивановна тогда струсила и пожаловала къ ней мириться. На словахъ онѣ и помирились, но въ душѣ еще пуще враждовали.

Когда это разсказывали, то пожилые помѣщики вставали съ своихъ мѣстъ, закладывали руки въ карманы и начинали ходить по комнатѣ, и говорили съ волненьемъ: «Да, Анна Ѳедоровна благородная старушка, честь ей и слава, не выдала роднаго уѣзда!» Помѣщицы, особенно молодыя, очень смѣялись надъ Глафирой Ивановной и говорили: «Надо вообразить, какъ заставила Анна Ѳедоровна эту красавицу замолчать! Нѣтъ, это надо вообразить!» Баричи перестали хвалить красоту Глафиры Ивановны, барышни опять стали сердечно говорить съ баричами и только изрѣдка упрекали кротко: «а вы еще прокричали ее красавицей!» — на

что баричи ничего не отвѣчали, а притворялись глухими, или вздыхали, или нѣжнѣй глядѣли.

Къ Аннѣ Ѳедоровнѣ каждый день кто нибудь да навѣдается, садятся близко, берутъ ее за обѣ руки, глядятъ ей въ глаза съ участьемъ и спрашиваютъ объ ея здоровьѣ; заводятъ рѣчь о Глафирѣ Ивановнѣ, о своемъ уѣздѣ или вообще о людяхъ и о людской злобѣ. Иные просто входили и говорили: «Анна Ѳедоровна! я вашъ давній другъ, я все знаю, что вы потерпѣли, я знаю вашу доброту и ваше благородство, откройтесь вы мнѣ во всемъ, какъ вѣрному другу!»

Но Анна Ѳедоровна отвѣчала: «ничего, ничего, право ничего; я и не знаю, не вѣдаю, о чемъ вы мнѣ намекаете». Анна Ѳедоровна смущалась, еще больше опечаливалась и ничего нельзя было добиться, ничего нельзя было выпытать.

За это къ ней охладѣли и толковать стали: какая Анна Ѳедоровна странная, непонятная, — потомъ на нее разсердились и стали носиться слухи, что не безъ грѣха и сама Анна Ѳедоровна.

Нѣкоторыя сердца обратились къ Глафирѣ Ивановнѣ; кое-кто даже предостерегалъ ее, чтобы она ни въ чемъ теткѣ не довѣрялась, и чтобы на родственную любовь ея никогда не надѣялась...

Глафиру Ивановну это очень волновало. Она уже теперь не морщилась, когда пріѣзжалъ гость или гостья, и нетерпѣливо ждала этого пріѣзда, бѣжала навстрѣчу, вела въ гостиную, усаживала и заходилъ тогда разговоръ объ Аннѣ Ѳедоровнѣ.

Анну Ѳедоровну трудно было вызвать на откровенность, а Глафиру Ивановну и вызывать было не надо: при одномъ имени Анны Ѳедоровны она вспыхивала какъ порохъ отъ огня, удивлялась, негодовала... Уѣзжалъ вѣстовщикъ или вѣстовщица, Глафира Ивановна повторяла слышанныя новыя вѣсти, совѣтовалась съ мужемъ, что̀ ей дѣлать, сердилась на Анну Ѳедоровну; часто доходило до слезъ. Алексѣй Петровичъ ходилъ около нея, становился передъ нею на колѣна, уговаривалъ, успокоивалъ, и самъ чуть не пла-

калъ. «Мы ѣздить къ ней больше не будемъ, Глаша,» говорилъ Алексѣй Петровичъ, «не хочу я ее и видѣть!»

— Нѣтъ, Алеша, нѣтъ! Мы поѣдемъ къ ней. Я хочу ее видѣть, я хочу посмотрѣть, какъ она меня встрѣчать будетъ, какъ зоговоритъ со мной! Поѣдемъ завтра къ ней, нѣтъ, лучше сегодня.

— Глашенька! безцѣнная!

— Поѣдемъ, Алеша. Поѣдемъ непремѣнно!

Глафира Ивановна схватывала колокольчикъ, звонила на весь домъ и приказывала заложить коляску. Она поспѣшно одѣвалась, торопила печальнаго мужа, посылала людей, одного за другимъ, чтобы скорѣй подавали лошадей, и ѣхали они къ Аннѣ Ѳедоровнѣ.

Встрѣчались, здравствовались. Анна Ѳедоровна блѣдна, сердце у ней бьется; у Глафиры Ивановны сердце бьется и лицо пылаетъ; у Алексѣя Петровича сердце бьется и онъ въ тоскѣ смертной. Только одна Варенька спокойна была и скучала: никто съ ней слова не скажетъ, всѣмъ не до нея было; она уходила изъ гостиной.

Анна Ѳедоровна и Глафира Ивановна съ мужемъ сидѣли и вели разговоры о постороннихъ вещахъ, сидѣли пять, шесть часовъ сряду; разговоры были отрывистые, у всѣхъ голосъ дрожалъ; ни до варенья, ни до печенья никто не дотрогивался, пили только воду цѣлыми, полными стаканами. Потомъ прощались и разставались.

Надо было платить за посѣщенье посѣщеньемъ—и Анна Ѳедоровна ѣхала въ Саковку. И опять они вмѣстѣ нѣсколько часовъ, и опять сердца бьются...

«Ахъ Боже мой! за что же все это! За что!» часто вскрикивала Глафира Ивановна.

— За что такое несчастіе, Боже мой! жаловался Алексѣй Петровичъ.

Анна Ѳедоровна тоже къ Богу взывала. А между тѣмъ страшный часъ подходилъ-подходилъ... Подходила Святая недѣля.

Хорошія хозяйки еще на масляницѣ покупаютъ муку и сушатъ, — надо, чтобы мука была легка и суха. Съ одною этою мукою сколько заботъ да безпокойствъ; а въ этотъ годъ

было просто несчастіе: два главные купца въ городѣ, Евреи, закрыли лавки: одинъ погорѣлъ, а у другаго дѣдъ умеръ; а по ихъ закону, если кто въ домѣ умретъ, такъ торговать нельзя прежде положеннаго срока послѣ смерти. У другихъ Евреевъ мука была не хороша; всѣ ждали, пока откроетъ лавку Мошка.

Какое волненье было! какое нетерпѣнье! По разнымъ дорогамъ ѣхали въ городъ разныя коляски, брички, нетычанки, пролетки; у всѣхъ хозяекъ лошади были измучены, сами хозяйки исхудали.

Анна Ѳедоровна поселилась въ городѣ. Она туда переѣхала еще на масляницѣ, наняла себѣ домикъ недалеко отъ базара; ходила въ церкви, молилась Богу, въ гостяхъ не бывала, а только часто видалась съ своимъ кумомъ. Кумъ ея былъ городничимъ въ городѣ.

Мошкина лавка открылась на третьей недѣлѣ поста, — всѣ туда бросились; между хозяйками вышли безчисленныя ссоры и на муку поднялись неслыханныя цѣны. Въ одинъ день муку раскупили.

Везутъ муку домой и вдругъ дома видятъ и чувствуютъ, что мука не хороша.

Непостижимо было, какъ это всѣ прокупились: кажется, не первый разъ покупали и толкъ кажется знали, и на языкъ брали пробовать, и на рукѣ подбрасывали, и все-таки ошиблись. «Видно Богъ за какіе нибудь грѣхи попуталъ,» говорили со вздохами.

Но грѣхи грѣхами, а тутъ всѣ напустились на Мошку, какъ онъ смѣлъ обмануть.

Мошка увѣрялъ въ своей невинности, божился, и говорилъ о своей преданности, приводилъ примѣры довѣрія къ себѣ, да между прочимъ и скажи, что вотъ Анна Ѳедоровна вдругъ у него закупила больше двадцати пудовъ муки въ первый же день, какъ онъ лавку открылъ.

Что̀ было при этой вѣсти! какъ засверкали глаза! какія восклицанія посыпались! «Такъ вотъ кто услужилъ всѣмъ! вотъ кто всѣмъ удружилъ!»

Глафира Ивановна вмѣстѣ съ другими горевала и безпокоилась, что мука не хороша; но это горе и безпокойство

было благо, если его сравнить съ тѣмъ, что она почувствовала, когда до нея долетѣла вѣсть о томъ, что Анна Ѳедоровна закупила всю лучшую муку въ городѣ. Что Анна Ѳедоровна закупила лучшую, въ этомъ никто не сомнѣвался, для чего же бы ей закупать столько въ дорогое время?

Глафира Ивановна плакала и рыдала цѣлый день.

«Ты вообрази, Алеша!» говорила она мужу сквозь слезы, «вообрази, что эта мука самая ужасная! Вообрази, какія у насъ будутъ бабы! Всѣ осмѣютъ насъ на цѣлую жизнь! Все это по милости тётеньки! Она нарочно закупила муку, изъ ненависти ко мнѣ!»

— Тяжело, Глаша, досадно! Эхъ, все сердце у меня изныло!—отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ неровнымъ голосомъ.

«А у нея вѣрно чудесныя бабы удадутся, Алеша!» простонетъ Глафира Ивановна.

— Нѣтъ, Глашечка, нѣтъ, этого быть не можетъ!—вскрикивалъ Алексѣй Петровичъ съ жаромъ. Нѣтъ, нѣтъ, Глаша!

Но еще большее огорченіе ожидало Глафиру Ивановну. Она узнала, что нѣкоторыя барыни поѣхали-было къ Аннѣ Ѳедоровнѣ съ выговорами, а отъ Анны Ѳедоровны воротились съ мукою.

Анна Ѳедоровна на ихъ упреки и укоры отвѣчала, что она муку закупила потому, что мука очень хороша и всегда въ домѣ не лишняя. Когда ее попросили уступить, она уступила охотно, безъ всякихъ отговорокъ, каждой барынѣ по пуду.

Къ ней поѣхали тогда остальныя за мукою — и остальнымъ она не отказала, только прибавила, что ужъ больше она муки никому не можетъ уступить, а оставалась безъ муки одна Глафира Ивановна. Знала Глафира Ивановна, что мука была закуплена на зло ей, а все это извѣстіе ее потрясло и много еще она слезъ пролила; сильнѣй заныло сердце у Алексѣя Петровича и большая его грусть взяла и печаль.

Послѣ отчаянія и слезъ явилась у Глафиры Ивановны ея обычная находчивость, живость, предпріимчивость и проворство. Она отправила нарочнаго къ своей маменькѣ съ письмомъ; описала все, что ее постигло; просила совѣтовъ и муки немедленно. Она призвала свою ключницу и сказала

ей: «скачи сейчасъ въ губернскій городъ и привези мнѣ муки; я дамъ тебѣ десять рублей, я дамъ тебѣ вольную, что̀ хочешь дамъ! а безъ муки не ворочайся и на глаза мнѣ не показывайся!» Ключница сейчасъ же помчалась на четверкѣ лошадей. Глафира Ивановна была сама у Мошки: «я дамъ тебѣ какую хочешь цѣну—достань мнѣ муки.» И Мошка куда-то исчезъ за мукою.

Четвертая недѣля поста была уже на исходѣ.

Въ четвергъ на пятой недѣлѣ воротился Мошка съ новою мукою; мука была хороша, но сыра; въ субботу верховой прискакалъ отъ маменьки. Маменька посылала муку и писала Глафирѣ Ивановнѣ, что если по несчастію бабы не удадутся, такъ не показывать виду, что не удались, а ѣхать къ ней на праздники. Ключница пріѣхала изъ губернскаго города во вторникъ на шестой недѣлѣ и тоже привезла муку. Муки было много, и муки хорошей, только вся она сыровата была.

Глафира Ивановна не могла предаться судьбѣ съ покорностью, она цѣлые дни тревожилась, до-упаду хлопотала, плакала, изнывала... А Алексѣй Петровичъ совсѣмъ захирѣлъ отъ этихъ страховъ да безпокойствъ. Онъ клеилъ изъ бумаги формы для бабъ, со вздохами цѣловалъ руки у жены и совсѣмъ пересталъ почти говорить. Анна Ѳедоровна сказывалась больною и нигдѣ не бывала. Кто ее пріѣзжалъ провѣдать, тотъ находилъ ее въ комнатѣ съ закрытыми ставнями, въ темнотѣ; только горѣла лампада передъ образами. Анна Ѳедоровна сидѣла въ креслѣ блѣдная и печальная; при громкомъ словѣ она вздрагивала, при всякомъ шумѣ или стукѣ вскрикивала.

Наступила страстная недѣля. Тогда-то вотъ и приходитъ настоящее бѣдствіе. Тогда замѣчаютъ, весело ли поетъ канарейка; тогда ставятъ свѣчи угодникамъ и блѣднѣютъ и отчаяваются, если встрѣтятся съ монахомъ или съ священникомъ; тогда, Боже сохрани! помянуть въ домѣ лѣшаго; тогда укрощаютъ въ себѣ гнѣвъ, а пуще всего избѣгаютъ, чтобы не вырвалось какое проклятіе. При такихъ хлопотахъ, заботахъ и тревогахъ, кто̀ съ собою совладаетъ—трудно-такъ спохватившись читаютъ особенную молитву.

Если такъ проходитъ эта недѣля въ безмятежные и спокойные года, какъ же прошла она въ этотъ годъ въ Журбовкѣ и въ Саковкѣ?

Въ воскресенье день былъ теплый, совсѣмъ весенній, пахло березовыми почками и шумѣла полая вода, и журчали ручейки съ каждой горки. По небу носились весеннія тучки, солнце свѣтило не ярко, а тепло. Такъ еще солнце свѣтило, что отъ него не хотѣлось спрятаться въ тѣнь, а хотѣлось подъ нимъ постоять.

Въ саковскую гостиную солнце свѣтило во всѣ окна; посреди гостиной стоялъ столъ, длинный–длинный столъ, подъ тонкою бѣлою скатертью, а на столѣ стояла баба... Какъ же эту бабу описывать? Не всякій можетъ описать хорошо.

«Она была круглая, большая–пребольшая, блѣдно–желтаго, нѣжнаго цвѣта, а вышиною съ трехлѣтняго, рослаго ребенка. Она легка, ужасно легка, вѣрно больше фунта не вѣситъ, а можетъ и меньше; тѣсто ея дырчатое, наподобіе тюля; вкусъ ея сладкій, душистый и необыкновенный». Вотъ какъ описывалась эта баба въ одномъ письмѣ изъ *А–скаго* уѣзда, и лучшаго описанія не нашлось.

Теперь надо вообразить, что баба эта стоитъ на столѣ, а около стола ходятъ Глафира Ивановна и Алексѣй Петровичъ; что чехлы сняты съ дивановъ и креселъ, новая пунцовая обивка такъ и переливается на солнцѣ, что на столѣ около бабы всякія печенья, разныя жареныя птицы, колбасы, ветчины, сыры, жареный барашекъ съ миртовой вѣточкой въ зубахъ и барашекъ изъ масла, съ голубымъ флагомъ, крашеныя яйца, сливочные кремы, миндальные торты.... Между всѣмъ этимъ разставлены букеты цвѣтовъ и зелени въ высокихъ фарфоровыхъ вазахъ, вина, наливки и водки въ бутылкахъ и въ графинахъ, варенья и конфекты на хрустальныхъ тарелочкахъ.... А Глафира Ивановна и Алексѣй Петровичъ ходятъ около стола.

Боже мой! какъ хороша Глафира Ивановна въ розовомъ платьѣ! какіе у ней блистающіе глаза! какой живой румянецъ на щекахъ! какая у ней улыбка! какъ разодѣтъ Алексѣй Петровичъ и какъ надушенъ жасминомъ. Боже мой, какъ они оба веселы и счастливы! Боже мой, какъ они погляды-

ваютъ на бабу, а потомъ другъ на друга! разговоръ у нихъ только начинался словами, а вёлся улыбками да взглядами, и вдругъ они оба задумывались, знаете, какъ задумываются люди въ счастіи о прошедшихъ буряхъ, съ улыбкою на лицѣ....

— Ты понимаешь это, Алеша, говорила Глафира Ивановна, но все-таки ты этого не испыталъ самъ... я испытала.... какъ посадили *ее* въ печь, я упала на колѣни: думала что я не переживу! упала и встать не могу....

— Охъ, Глашечка! я ужасно радъ!—говорилъ Алексѣй Петровичъ. Посмотри, какова вышла! нѣтъ, зайди-ка вотъ изъ уголка да взгляни, что?

Заходили, глядѣли изъ уголка, потомъ шли—любовались издалека, изъ другой комнаты, потомъ опять изъ уголка.

Начали съѣзжаться сосѣди съ поздравленіями. Кто ни войдетъ, остановится въ дверяхъ, какъ вкопаный... потомъ восклицанія, потомъ хвалы... А нѣкоторые такъ-просто терялись: тихо садились въ уголокъ, подпирали голову рукою и говорили про себя: «нѣтъ, это ужъ слишкомъ!» У иныхъ глаза разбѣгались и они не знали куда кинуться, то кидались къ бабѣ, то къ Глафирѣ Ивановнѣ и только охали.

Бабу называли чудомъ, дивомъ, Глафиру Ивановну розою, султаншею; а одинъ помѣщикъ, который любилъ толковать о Магометѣ, назвалъ ее гуріей. У Алексѣя Петровича спрашивали: за что вамъ такое счастье, Алексѣй Петровичъ?

Шумъ и волненье были ужасные.

Когда въ Саковкѣ все уже спало послѣ торжества и трудовъ, у сосѣдей мало кто глаза сомкнулъ, у нихъ шли толки да разговоры. Сначала говорили дамы и мужчины, потомъ мужчины умолкли, а дамы почти до свѣту не унимались; онѣ укоряли, что мужчины увлекаться всѣмъ на свѣтѣ рады, что мужчины выдаютъ муху за слона, что подняли шумъ Богъ вѣсть изъ чего, и что не стоитъ объ этомъ и слова говорить.

На другой день праздника къ Глафирѣ Ивановнѣ пріѣхали дамы. Дамы всегда ѣздятъ только на второй день, но всегда считаются чиномъ, богатствомъ, лѣтами, долгимъ замужствомъ, всѣмъ, чѣмъ можно,—теперь это было забыто и

почти всѣ пріѣхали къ Глафирѣ Ивановнѣ первыя, усидѣли дома только самыя твердыя и закаленныя.

Дамы входили въ гостиную и бабы сначала не замѣчали, а замѣтивши, ни удивленія, ни восторга не показывали. Иныя говорили Глафирѣ Ивановнѣ: «А у васъ, Глафира Ивановна, прекрасная баба!» такимъ голосомъ, будто баба была самая ничтожная. Иныя говорили: «Откровенно признаюсь, я не хозяйка,—не могу себя принести въ жертву кухнѣ—я вотъ читаю разныя книги»... Иныя только прищуривались; иныя только улыбались. Ни шуму, ни видимаго волненья не было; напротивъ, дамы стали какъ-то небрежнѣе и холоднѣе. Онѣ сидѣли и говорили о канвовыхъ узорахъ, вспоминали прошлую зиму; казалось, онѣ и думать забыли о тюлевой бабѣ...

Но Глафира Ивановна была весела и счастлива; она сознавала, что̀ за баба у ней стояла на столѣ и знала, что̀ за буря въ душѣ у всѣхъ дамъ подъ видимымъ равнодушіемъ.

Между тѣмъ какъ дамы сидѣли у Глафиры Ивановны въ гостиной и разговаривали небрежно, къ Глафирѣ Ивановнѣ пріѣхалъ знакомый изъ ея уѣзда, тотъ самый помѣщикъ, что̀ первый смутилъ Анну Ѳедоровну своими разсказами о тюлевой бабѣ.

Онъ вошелъ въ гостиную, остановился и глядѣлъ на бабу. Онъ глядѣлъ на нее какъ человѣкъ, видѣвшій не разъ чудо, глядѣлъ безъ удивленія и безъ тревоги, а спокойно и съ радостью. Потомъ онъ подошелъ къ Глафирѣ Ивановнѣ, поцѣловалъ у ней ручки и раскланялся съ дамами.

— Наслышался я о вашихъ бѣдствіяхъ съ мукою, Глафира Ивановна, сказалъ гость,—а въ васъ не усомнился. Многіе у насъ усомнились, а я нѣтъ. Я всѣхъ успокоивалъ, матушка, я зналъ на кого надѣюсь!

Глафира Ивановна улыбалась весело гостю и подчивала его.

Дамы, смотря по нраву, иныя тоже улыбались, иныя глаза прищурили, иныя стали перешептываться, иныя спросили у гостя: «какъ ваше здоровье, Петръ Дмитричъ?»

Петръ Дмитричъ подошелъ къ бабѣ, сказалъ: «премилая!»,

а потомъ вышелъ на средину гостиной, посмотрѣлъ на всѣхъ и проговорилъ въ полголоса:

— Только вы этою бабою нанесли смертельный ударъ одной особѣ здѣшняго уѣзда.

Глафира Ивановна засмѣялась и просила сказать, кому же? Дамы вспыхнули, и опять, смотря по нраву, кто сталъ улыбаться, кто щурить глаза, кто ахнулъ, кто вскрикнулъ, а нѣкоторыя встали и спросили Петра Дмитріевича:

— Петръ Дмитріевичъ, что̀ вы подъ этимъ подразумѣваете и кого?

— Я не говорю про здѣсь присутствующихъ, сказалъ Петръ Дмитричъ.

— Это не отвѣтъ,—говорите прямо! Скажите, кого именно вы подразумѣвали? загремѣло со всѣхъ сторонъ.

— Да Петръ Дмитричъ скажетъ, конечно, вкрадчиво зажужжали другіе голоски. Петръ Дмитричъ такой добрый!

— А если вы меня да выдадите? сказалъ Петръ Дмитричъ.

— Какъ можно! Какое у васъ обо мнѣ мнѣніе!—Клянусь, я, какъ услышу, сейчасъ же забуду! Вы можете быть увѣрены. Скорѣй умру! посыпались далекія увѣренія.

— Нанесенъ ударъ Аннѣ Өедоровнѣ Журбовской, громко проговорилъ Петръ Дмитричъ. Да-съ. По мужу она вамъ родственница, Глафира Ивановна, а грѣха нечего таить!

Глафира Ивановна вся поблѣднѣла.

— Разсказывайте! разсказывайте! зашумѣли дамы. «Садитесь и разсказывайте, Петръ Дмитричъ!» Петра Дмитрича усадили. Дамы тоже усѣлись, сложили ручки, вытянули шейки и навострили уши. Иныя впрочемъ глядѣли и сидѣли важно. Глафира Ивановна стала около Петра Дмитрича. Она ему ничего не сказала, стояла и только въ лицѣ мѣнялась.

— Я пріѣзжалъ въ вашъ уѣздъ по дѣлу, недѣли за три до Глафиры Ивановниной свадьбы и заѣхалъ тогда на минутку къ Аннѣ Өедоровнѣ. Знаю, какая она хозяйка и какую страсть имѣетъ къ печенью бабъ.... Дамы улыбнулись. Вотъ я и говорю ей, что ваша, молъ, будущая родня, Глафира Ивановна, такія бабы печетъ, какихъ еще свѣтъ не видывалъ!—Анна Өедоровна мнѣ не вѣритъ, споритъ со мной.

Я ей описывалъ, описывалъ, да и спрашиваю: а знаете ли вы, Анна Өедоровна, что̀ такое тюлевая баба? Анна Өедоровна какъ взвизгнетъ: «воды мнѣ! воды! я умираю!» До-смерти меня перепугала. Тутъ ее водою опрыскали, спирты разные давали нюхать, едва пришла въ себя....

Ну, а чувства свои все-таки скрыть хочетъ, проситъ меня у ней отобѣдать. Сѣли мы за столъ, я ѣсть ничего не могу, такая она сидитъ передо мной отчаянная... Такъ я голодный отъ нея и уѣхалъ... Дѣлами я былъ тогда по горло заваленъ, а тутъ еще одна сестра замужъ шла, другая сестра имѣніе покупала, все время у меня прошло въ разъѣздахъ да въ хлопотахъ до великаго поста; на четвертой недѣлѣ поста я воротился домой и отовсюду слышу о вашемъ бѣдствіи съ мукою...

Пріѣхалъ бы, матушка, и раньше, да страшная распутица была, а только спала немножко полая вода, видите, я и тутъ; даже у многихъ родныхъ не побывалъ, спѣшилъ.

По дорогѣ заѣзжаю къ Аннѣ Өедоровнѣ, гляжу кругомъ да соображаю: каковы бабы вышли?

— Какъ это вы сообразить можете? спросили двѣ дамы.

— Очень легко-съ. Если бабы гдѣ удались, такъ люди тамъ веселы, разряжены, по двору бѣгаютъ собаки, хозяйка изъ окна глядитъ... А не удались бабы, то въ дворѣ пусто, всякое животное избито и прячется, люди угрюмы, хозяйкѣ нездоровится....

— Какіе пустяки! заспорили многія дамы. Какіе пустяки!

— Вотъ я пріѣзжаю и вижу, что бабы кажется удались. Вхожу въ домъ, вездѣ накурено благовонными порошками, въ залѣ двѣ новыя канарейки поютъ; знаете, все ужъ подведено такъ, чтобы человѣка обольстить;—столъ подъ тончайшей скатертью и на столѣ всякая всячина... и бабы возвышаются... изрядныя бабы... встрѣчаетъ меня Анна Өедоровна, разряжена и довольна, но безпокойна; подводитъ меня къ столу, подчуетъ... Я у ней и спроси: а что ваши родные, Анна Өедоровна? Что̀ Глафира Ивановна, да Алексѣй Петровичъ какъ поживаютъ?

Спросилъ, сударыня, да и не радъ былъ: чуть меня Анна Өедоровна не умертвила...

— Что же она говорила? спросила Глафира Ивановна, преодолѣвая свое волненье.

— Что же было между вами? спросили дамы,—что?

— Ни словами разсказать, ни перомъ описать! отвѣчалъ Петръ Дмитричъ.

— Ну, хотя одно ея слово передайте, сказала опять Глафира Ивановна.

— Нѣтъ! нѣтъ! Передайте все, все, все, все! зажужжали дамы.

— Невозможно передать! невозможно! говорилъ Петръ Дмитричъ.

— Повторите ея слова.

— Да что слова? Не въ словахъ дѣло! Анна Өедоровна, вы знаете, женщина тонкая, ее на словахъ трудно поймать... Она глядѣла, сударыни, глядѣла такъ, что словъ не надобно... Глядитъ, глядитъ на меня и приближается, приближается ко мнѣ, точно *братья-разбойники*....

— Да что же говорила она? Вѣдь что нибудь она вамъ да говорила!

— Имѣлъ честь и удовольствіе доложить вамъ, что женщина она тонкая и ее на словахъ не поймаешь. Вскрикнула она: «а чтобъ тебѣ добра не было во-вѣки!» Кому, Анна Өедоровна? спрашиваю. Да это, говоритъ, я объ столъ зашиблась, такъ на столъ, такъ сказала. И сейчасъ же стала креститься и молитву читать. «Лукавый, говоритъ, попуталъ, грѣшныя слова произношу».

— Однако пора ѣхать, сказали нѣкоторыя дамы.

— Ахъ, ахъ! давно, давно пора! вскрикнули другія. Засидѣлись мы у васъ ужасно, Глафира Ивановна. Да и васъ задержали, вѣдь вамъ тоже надо ѣхать.

— Да, я поѣду тоже, отвѣтила Глафира Ивановна, только дождусь мужа.

— Пріѣзжайте-ка вы къ Аннѣ Өедоровнѣ, сказала одна веселая дама, пріѣзжайте, мой ангелъ, отъ души натѣшимся!

— Да пріѣзжайте, Глафира Ивановна, пріѣзжайте! подхватили остальныя дамы. Вы пріѣдете какъ-будто вы ничего не знаете... Мы васъ тамъ будемъ ждать; обѣщайтесь намъ, что пріѣдете? Глафира Ивановна обѣщалась и всѣ да-

мы отъ нея уѣхали. Глафира Ивановна стала быстро ходить взадъ и впередъ по гостиной, а Петръ Дмитричъ ходилъ за ней; потомъ Петръ Дмитричъ остановился и началъ:

— Экія чечетки, эти дамы! а вѣдь преэхидныя!

Глафира Ивановна ничего не отвѣчала и кажется словъ Петра Дмитрича не слыхала; она ходила все быстрѣй и быстрѣй; видно было, что мысли у ней роились и что всѣ ея чувства волновались.

— Не правда ли, Глафира Ивановна, что онѣ преэхидныя? опять сказалъ ей въ слѣдъ Петръ Дмитричъ.

— Да, да! отвѣтила Глафира Ивановна, и все носилась по гостиной.

— Если о нихъ вамъ разсказать, Глафира Ивановна... вѣдь я о каждой могу разсказать... Вотъ напримѣръ, хоть бы о Словчевской... Знаете ли вы, что̀ эта Словчевская говорила?— «Глафира Ивановна совсѣмъ не хороша! У ней даже одна нога короче, а другая длиннѣе; только-что она это искуствомъ отъ людей скрываетъ»....

Глафира Ивановна вспыхнула и вдругъ остановилась.

— Какая лгунья, эта Словчевская! сказала она.

— Потомъ Словчевская говорила, что у васъ все личико въ веснушкахъ ужасныхъ, Глафира Ивановна, и что вы безъ притираній жить не можете! И повѣрите ли? даже у насъ всѣ стали васъ подозрѣвать, а здѣсь и подавно обрадовались до̀-смерти.

Глафира Ивановна опять остановилась.

— Злымъ языкамъ всегда вѣрятъ, Глафира Ивановна... Очень злые есть языки, а впрочемъ бываютъ и большія несчастія,—могло и съ вами несчастіе случиться, могли вы прекрасный цвѣтъ лица потерять, могли тоже какъ нибудь оступиться и ножки себѣ повредить....

И Петръ Дмитричъ умолкъ; онъ сталъ глядѣть на Глафиру Ивановну такъ пристально и печально, точно съ ней случилось такое несчастіе.

— Многіе объ васъ очень жалѣютъ, Глафира Ивановна...

Глафира Ивановна его перебила, Глафира Ивановна заговорила....

Часа черезъ два Петръ Дмитричъ простился съ Глафи-

рой Ивановной и уѣхалъ. Ѣхавши, онъ все самъ-себѣ улыбался, а послѣ часто говорилъ своимъ знакомымъ: «У Глафиры Ивановны не одна стрѣлочка въ сердцѣ!»

Глафира Ивановна надѣла свое лучшее платье. Какіе чудесные были на ней башмачки! Глафира Ивановна не одинъ разъ посмотрѣла на свои ножки и не одинъ разъ поглядѣлась въ зеркало; не одинъ разъ подходила къ тюлевой бабѣ; не одинъ разъ Глафира Ивановна задумывалась, не одинъ разъ улыбалась и хмурилась и нетерпѣливо ждала Алексѣя Петровича.

Алексѣй Петровичъ пріѣхалъ домой веселъ и радостенъ.

«Глаша!» кричалъ онъ еще со двора Глафирѣ Ивановнѣ. Всѣ бабы я видѣлъ,—всѣ ничтожныя, Глашечка, всѣ до одной!.. только у тётеньки не видалъ, да безъ сомнѣнья—тоже... Глафира Ивановна быстро пересказала мужу, что слышала отъ Петра Дмитрича объ теткѣ и о Словчевской. Алексѣй Петровичъ ужасно вспылилъ, сталъ вскрикивать и грозиться:

— Нѣтъ, Глаша, нѣтъ, это ни на что не похоже! Я имъ отплачу! Меня Словчевская узнаетъ!. Нѣтъ, Глаша, я этого не спущу!

— Поѣдемъ къ тетушкѣ, Алеша, сказала Глафира Ивановна, пора.

— Лучше совсѣмъ не ѣздить туда, Глаша, зачѣмъ ѣздить? Только чтобъ сердце замирало?

— Поѣдемъ, Алеша. Поѣдемъ, я хочу.—Имъ подали карету и они поѣхали къ Аннѣ Ѳедоровнѣ. Дорогою они молчали. Глафира Ивановна думала и волновалась, Алексѣй Петровичъ пересердился и притихъ; такъ они доѣхали до Журбовки.

Барскій дворъ былъ заставленъ экипажами, дамъ была полна гостиная; всѣ онѣ ждали Глафиру Ивановну.

Глафира Ивановна вошла въ гостиную словно ослѣпленная и ошеломленная, голова у ней кружилась и въ глазахъ темнѣло. Дамы протягивали ей руки, вскрикивали, говорили,—она никому ничего не отвѣчала. Анна Ѳедоровна встрѣтила ее и онѣ похристосовались, губы у обѣихъ были холодныя. Анна Ѳедоровна проговорила что-то чуть слы-

шно, а у Глафиры Ивановны не стало голосу ей отвѣтить. Глафира Ивановна сѣла на диванъ какъ разъ противъ праздничнаго стола. Тутъ она немножко пришла въ себя... бабы у Анны Өедоровны были хороши, но съ тюлевой бабой ихъ сравнить было нельзя...

— *Она* насъ встрѣтила такая веселая,—шептали дамы Глафирѣ Ивановнѣ справа и слѣва, — подчивала насъ, смѣялась, а мы стали о вашей тюлевой бабѣ говорить, вдругъ она измѣнилась въ лицѣ, мы перепугались, а тутъ вы пріѣхали—она ужъ и совсѣмъ потерялась.

И вправду Анна Өедоровна была какъ потерянная. Она ни слова не говорила, а только всѣхъ подчивала и на всѣхъ глядѣла пристальными глазами. Дамы всѣ ждали, что̀ же выйдетъ, и все ничего не выходило, а ужъ вечерѣло. Напрасно онѣ всячески вызывали, напрасно раздражали и намеками и улыбками, Анна Өедоровна и Глафира Ивановна точно не слыхали и не видали, что́ вокругъ нихъ творится, ничего не выходило и не вышло. Дамы ждали и надѣялись до тѣхъ поръ, пока Анна Өедоровна на всѣ вопросы стала отвѣчать, что чувствуетъ сильныя боли въ головѣ, тогда всѣ встали и уѣхали, уѣхали разсерженныя и огорченныя. Уѣхала и Глафира Ивановна съ мужемъ домой...

На другой день въ Саковкѣ поднялись до свѣту. Ночью не спалось, головамъ было тяжело, но ни Глафира Ивановна, ни Алексѣй Петровичъ не жаловались, а только будто безсознательно брались за голову, было не до головы, не до жалобъ теперь.

— Какъ думаешь, Алеша, говорила Глафира Ивановна мужу,—*она* пріѣдетъ сегодня къ намъ?

— Не пріѣдетъ, Глаша, какая же ей радость ѣхать. На ея мѣстѣ никто не поѣдетъ.

— А я бы непремѣнно, непремѣнно поѣхала. *Она* пріѣдетъ къ намъ, Алеша... Помяни мое слово, пріѣдетъ...

— Ахъ, чѣмъ все это кончится и когда кончится! Душа не на мѣстѣ....

— Да чего жъ ты боишься, Алеша? Къ чему такое нетерпѣніе! Алексѣй Петровичъ сталъ ходить по комнатѣ, опустивши голову, а Глафира Ивановна сѣла у окна. Было то-

гда шесть часовъ утра. День еще не разгулялся и было очень свѣжо. Передъ окнами билъ крыльями и пѣлъ красный пѣтухъ; кто-то невидимый громко кашлялъ съ приговоркою: ахъ Боже мой! На рѣкѣ сидѣли бѣлые гуси, завернувши головы подъ крылья, а за рѣкой село проснулось: тамъ голоса перекликались, слышался стукъ колесъ; видно было, какъ нагибались колодезные шесты и какъ люди выходили изъ бѣлыхъ хатъ, стояли или спѣшили по улицамъ и какъ надъ каждой хатой вился дымокъ. Глафира Ивановна сидѣла у окна, Алексѣй Петровичъ ходилъ по комнатѣ, а часы шли. Время отъ времени Глафира Ивановна вставала и подходила къ тюлевой бабѣ; за Глафирой Ивановной подходилъ Алексѣй Петровичъ: постоятъ, поглядятъ и повеселѣютъ, и опять Глафира Ивановна у окна сядетъ, а Алексѣй Петровичъ ходить по комнатѣ начнетъ. Глафира Ивановна угадала, а Алексѣй Петровичъ ошибся: скоро послѣ полудня показалась коляска Анны Ѳедоровны за рѣкой на горѣ. Глафира Ивановна вскочила съ кресла.

— Ѣдетъ! ѣдетъ! вскрикнула она. Я говорила тебѣ, Алеша! Алексѣй Петровичъ остановился середь комнаты и проговорилъ:

— Что жъ теперь, Глаша?

— Пойдемъ встрѣчать... не показывай виду... будь веселъ... будь небрежнѣй... учила его Глафира Ивановна; голосъ у ней перерывался; она металась кругомъ стола и переставляла съ мѣста на мѣсто яства.

Но коляска у крыльца. Глафира Ивановна съ пылающими щеками вышла тихими шагами встрѣчать Анну Ѳедоровну; за Глафирой Ивановной держался смирно Алексѣй Петровичъ.

Анна Ѳедоровна вошла и сѣла. Глаза ея обратились сейчасъ же на столъ, она увидала *тюлевую бабу*.... Глафира Ивановна начала весело говорить о праздникѣ: какой хорошій праздникъ въ этомъ году, какъ тепло и сухо; Анна Ѳедоровна ни слова ей не отвѣчала и глядѣла на бабу. Глафира Ивановна стала подчивать, она поднесла Аннѣ Ѳедоровнѣ ломтикъ тюлевой бабы. Анна Ѳедоровна дрожащей рукой взяла тарелку и долго передъ собой держала, пока по-

пробовала ломтикъ. Потомъ она перемѣнилась въ лицѣ. Глафира Ивановна взяла у ней изъ рукъ пустую тарелку и спросила: «какъ вамъ нравится, тётенька?» Но Анна Ѳедоровна не отвѣтила и сидѣла какъ деревянная, уставивъ глаза въ землю. Жалко было видѣть ее. У Глафиры Ивановны было сердце отходчивое, къ тому жъ она свое доказала, она побѣдила; ей стало жалко Анну Ѳедоровну; она взглянула на мужа, у мужа были слезы на глазахъ и онъ глядѣлъ на нее точно упрашивалъ...

Глафира Ивановна подошла къ Аннѣ Ѳедоровнѣ поближе и сказала ей ласково: «тётенька, успокойтесь!»

За женой бросился къ теткѣ Алексѣй Петровичъ, схватилъ ее за руку:

— Тётенька, намъ самимъ жалко...

— Нечего жалѣть! вдругъ проговорила Анна Ѳедоровна. Я ни о чемъ не жалѣю!

Она вырвала свою руку у Алексѣя Петровича, встала и быстро вышла на крыльцо, съ крыльца крикнула своему кучеру подавать коляску, вскочила въ коляску и приказала ѣхать въ городъ. Кучеръ думалъ, что ослышался и поѣхалъ по дорогѣ домой.

— Въ городъ, къ куму! скорѣй! крикнула Анна Ѳедоровна. Кучеръ обернулся, поглядѣлъ на нее, потомъ повернулъ на дорогу, что́ шла въ городъ. Глафира Ивановна и Алексѣй Петровичъ остались какъ громомъ пораженные. Первая пришла въ себя Глафира Ивановна, раскричалась и залилась слезами.

— Ахъ, Алеша, Алеша! какая это ужасная женщина!

— А мнѣ еще такъ жалко ее стало! — пѣнялъ самъ на себя Алексѣй Петровичъ. Это ужасъ!

— Я ее уговаривала! Это намъ непростительно! непростительно! вскрикивала Глафира Ивановна.

Они то на себя пѣняли за мягкосердіе, то судили Анну Ѳедоровну, то жаловались на обиды, на коварство, и вдругъ Глафира Ивановна вскрикивала: «А все таки чей верхъ?»

— А все-таки нашъ верхъ!—вскрикивалъ Алексѣй Петровичъ.

На душѣ у нихъ отлегло...

А между тѣмъ Анна Θедоровна шибко ѣхала и пріѣхала въ городъ, прямо подъ крыльцо сѣраго деревяннаго дома, въ восемь оконъ на улицу, съ зелеными ставнями. Крыша была красная, тесовая, съ двумя высокими бѣлыми трубами, а на трубахъ были пѣтушки. Когда Анна Θедоровна пріѣхала, вѣтерокъ былъ небольшой и пѣтушки едва повертывались, едва скрипѣли. Около крыльца сидѣлъ старый, мрачный солдатъ и шилъ смушевую шапку. Увидавши коляску, онъ подошелъ поспѣшно, отворилъ дверцы, высадилъ Анну Θедоровну; при этомъ онъ вмѣсто поклона моргнулъ кучеру, а кучеръ на его морганье приподнялъ шапку, потомъ онъ отворилъ Аннѣ Θедоровнѣ дверь въ комнаты. Анна Θедоровна быстро прошла четыре первыя комнаты. Эти комнаты были одна въ одну совершенно одинаковы: просторныя, высокія, съ бѣлыми стѣнами; у стѣнъ стулья на тоненькихъ ножкахъ, плотно другъ къ дружкѣ; посередь комнаты круглый столъ, посередь потолка клѣтка висѣла съ птичками. Вездѣ сильно пахло смолой и крѣпкимъ табакомъ. Пятая комната была больше всѣхъ, обита желтыми обоями; тутъ стояли два стола на выгнутыхъ ножкахъ и диванъ съ высокой спинкой, съ круглыми ручками, подбоченился, точно хвастливый военный человѣкъ; на диванѣ вышитыя подушки; на потолкѣ висѣла клѣтка съ горлицей; на одномъ столѣ лежало житіе и псалтырь, а на другомъ стояли новые ботфорты. Изъ этой комнаты въ другую двери были полузатворены и оттуда выходилъ дымъ клубомъ.

Анна Θедоровна вошла въ желтую комнату и кликнула:

— Кумъ! кумъ, гдѣ вы? кумъ, выходите!

— А, кума пожаловала! отвѣчали громкимъ басомъ; милости просимъ!

Къ Аннѣ Θедоровнѣ вышелъ городничій въ пестромъ халатѣ, съ длиннымъ чубукомъ въ рукахъ. Онъ былъ высокаго росту. Глаза у него большіе, голубые, взглядъ быстрый и строгій, точно этотъ взглядъ вездѣ искалъ подчиненнаго; лобъ маленькій, узкій, да и тотъ почти весь заросъ густыми чорными бровями. Еще больше и чернѣе бровей были усы; изъ-подъ усовъ иногда видны были красныя гу-

бы и бѣлые, совсѣмъ крѣпкіе зубы; въ сердцахъ городничій страшно скрежеталъ зубами, а жесткіе волосы съ просѣдью были насильно приглажены. Говорили, что нравъ у городничаго былъ упрямый, задорный и пылкій, а впрочемъ городничій былъ услужливъ и добродушенъ. Онъ былъ охотникъ до птицъ, ловилъ ихъ самъ и скупалъ у другихъ, а потомъ *переучивалъ жить на свой ладъ* и для этого сажалъ синицъ въ одну клѣтку съ чижами и наблюдалъ, чтобы они жили мирно; испытывалъ, можетъ ли горлица прожить безъ пары, а кончикъ безъ мяса, на водѣ и кашѣ, и спорилъ, что всѣ птицы любятъ табачный духъ, когда съ нимъ освоятся. Онъ Евреевъ терпѣть не могъ и всячески ихъ допекалъ, «потому что я христіанинъ,» говаривалъ онъ; часто ходилъ въ церковь и подтягивалъ дьячкомъ; любилъ у себя гостей принимать, и у него была привычка въ чемъ нибудь всегда извиняться, а вслѣдъ затѣмъ оговаривать свои извиненія.

Только онъ изъ двери показался, Анна Ѳедоровна что-то заговорила, но онъ покрылъ ея голосъ своимъ басомъ:

— Милости просимъ, кумушка, милости просимъ! Извините, что я въ халатѣ, а впрочемъ я всегда почти въ халатѣ, вечеркомъ даже и по городу хожу. Садитесь, кумушка; чѣмъ васъ подчивать прикажете? Вы извините, что у меня ботфорты на столѣ, а впрочемъ это новые ботфорты и вы не барышня, вамъ нечего стыдиться.

Какъ только умолкъ городничій, такъ поднялся голосъ Анны Ѳедоровны, голосъ хотя дребежжащій, но громкій и раздраженный.

— Если вы мнѣ другъ, если вы мнѣ кумъ, если въ васъ есть божеская искра, защитите меня! Меня обманулъ Еврей Мошка...

Городничій сидѣлъ, слушалъ хотя съ удивленьемъ, а спокойно, но только Анна Ѳедоровна упомянула Еврея Мошку, городничій подпрыгнулъ, словно его змѣя ужалила и закричалъ изо всей силы: Михайло! Михайло! Гдѣ десятскіе? Привести ко мнѣ сейчасъ Еврея Мошку, живаго или мертваго!

На крикъ вошелъ Михайло, тотъ самый солдатъ, что шилъ

у крыльца смушевую шапку, и спросилъ: что угодно? Городничій затопалъ ногами.

— Мошку мнѣ! Мошку! Сейчасъ Мошку! вяжите его и ведите ко мнѣ!

Михайло ушелъ.

Анна Ѳедоровна, видя, какое участіе принялъ кумъ въ ея горѣ, плакать стала и разсказывать.

— Я вамъ разскажу, кумъ, говорила она, я вамъ разскажу, что этотъ Мошка...

— Да не надо и разсказывать, прервалъ городничій, я и такъ знаю, что всѣ они негодяи.

— А я вамъ разскажу, кумъ, настаивала Анна Ѳедоровна. Я, видите, на третьей недѣлѣ поста, купила у Мошки двадцать пудовъ муки за чистыя деньги... И Мошка божился, что продалъ мнѣ самую лучшую муку... и я сама объискала всю его лавку, муки не было... а потомъ онъ вдругъ продаетъ муку... а я знаю, что подвозу не было... значитъ, онъ утаилъ... обманулъ меня...

Ввели двое десятскихъ Мошку.

Мошка былъ молодой и красивый человѣкъ; глаза у него были темные какъ черносливины и чорные волосы вились, носъ у него былъ съ горбикомъ, а лицо бѣлое; когда его ввели, онъ поблѣднѣлъ, какъ смерть, отъ испуга, и во всѣ глаза смотрѣлъ на городничаго; городничій смотрѣлъ на Мошку и усмѣхался. Усмѣшка была очень свирѣпая.

— Добро пожаловать, господинъ христопродавецъ! сказалъ городничій. Мнѣ желается съ тобой словцо перемолвить.

— Я ни въ чемъ не виноватъ, проговорилъ Мошка.

— Не виноватъ! вскрикнула Анна Ѳедоровна, а ты бож...

Городническій басъ все заглушилъ...

— Ведите его въ полицію!

Мошку повели. Мошка хотѣлъ что-то говорить, городничій велѣлъ десятскимъ закрыть ему ротъ...

Только вывели Мошку на крыльцо, къ нему бросилась молодая, больная на видъ, женщина, его жена. Десятскіе ее отстранили и повели Мошку дальше; она, пошатываясь, но быстро пошла за ними слѣдомъ; слезы у ней лились въ три ручья, она стонала и ломала руки.

Городничій крикнулъ изъ окна Михайлѣ, чтобы ее прогнать.

Михайло ее прогналъ...

Городничій велѣлъ подавать самоваръ и послалъ звать на чай приходскаго священника и отставнаго ротмистра съ женою. «Устроимъ мы, кумушка, пиръ, сказалъ онъ Аннѣ Ѳедоровнѣ. За угощенье извините: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, а впрочемъ не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ...»

Но Анна Ѳедоровна не осталась на чай у кума, какъ онъ ее ни упрашивалъ, она уѣхала домой.

Черезъ недѣлю послѣ этого Анна Ѳедоровна, ни съ кѣмъ не простившись, отправилась съ внучкой на богомолье. Исторія съ Мошкой разнеслась; къ Аннѣ Ѳедоровнѣ пріѣзжали многіе посудить и потолковать, но Анна Ѳедоровна до самаго отъѣзда сказывалась больною, и никого не принимала, всѣмъ у ней отвѣчали: «Анна Ѳедоровна нездоровы, только-что изволили започивать», и какъ ни долго ждалъ иной терпѣливый и настойчивый гость, Анна Ѳедоровна при немъ не просыпалась.

Отъѣздъ Анны Ѳедоровны удивилъ; о немъ судили и рядили. Глафирѣ Ивановнѣ и Алексѣю Петровичу этотъ отъѣздъ принесъ еще болѣе волненій и сомнѣній: была близко Анна Ѳедоровна, казалось худо, а уѣхала Анна Ѳедоровна, показалось будто еще хуже стало.

Рѣдко друзья такъ ежеминутно помнятъ и ежечасно говорятъ объ отсутствующемъ другѣ, какъ помнили и говорили въ Саковкѣ объ Аннѣ Ѳедоровнѣ.

На другой день послѣ того, какъ посадили Мошку въ полицію, слегла его жена. (Она была всегда хворая и больная). Черезъ два дни у ней родился преждевременно ребенокъ, а еще черезъ четыре дня и ребенка и мать схоронили. Мошкинъ домъ опустѣлъ, окна заколотили досками, на двери наложили печати.

Съ тѣхъ поръ, какъ взяли Мошку, Евреи стали ходить толпою. Правда, это была робкая толпа: завидя десятскаго, разбѣгалась, но черезъ минуту сбиралась опять; потомъ толпа перестала пугаться десятскаго, а потомъ пришла утромъ на площадь и стала передъ окнами городническаго дома. На

каждомъ лицѣ было томленіе и страхъ; казалось, каждый готовъ убѣжать, и не бѣжалъ никто. Жалко было ихъ трусости, и можно было подивиться ихъ твердости.

Городничій отворилъ окно и закричалъ изъ окна: какъ они смѣли придти и зачѣмъ?

Голоса изъ толпы спросили: за что Мошка сидитъ въ полиціи? Другіе голоса стали разсказывать исторію о мукѣ и спрашивали: гдѣ тутъ Мошкина вина? Нѣкоторые голоса сказали, что Богъ видитъ неправду и за неправду наказываетъ...

Городничій вышелъ изъ себя, разбилъ стекла въ оконной рамѣ, и приказалъ разогнать Евреевъ. Евреевъ гнали, но Евреи жалобно кричали и не шли. Одинъ молодой Еврей выбѣжалъ изъ толпы къ самому окну и, обливаясь слезами, закричалъ, что всѣ они пойдутъ просить защиты къ самому губернатору.

Къ вечеру толпу разогнали. Но городничій простить этого не могъ. Гласно Мошку обвинить было не за что: городничій принялся за розыски, отыскалъ какую-то контрабанду: захватилъ австрійскіе чаи; тутъ попался и Мошка и много другихъ Евреевъ. Дѣло потянулось и долго тянулось, черезъ годъ только выпустили виноватыхъ. Кому было на что завести торговлю, тѣ принялись опять за нее, а кому не на что было, тѣ жили на свѣтѣ какъ Богъ велѣлъ, и своя оборотливость помогала.

Мошка ушелъ изъ города и съ тѣхъ поръ о немъ не было никакихъ вѣстей.

Глафира Ивановна и Анна Ѳедоровна не бываютъ другъ у друга, и попрежнему другъ другу жизнь отравляютъ.

Кажется, съ каждымъ днемъ ростетъ ихъ вражда.

Встрѣтятся онѣ въ церкви, — какъ Глафира Ивановна покраснѣетъ, какъ гнѣвно у ней глаза засверкаютъ. Она улыбается и глядитъ на Анну Ѳедоровну, какъ на вреднаго, на ничтожнаго червячка, а Анна Ѳедоровна отъ ней сторонится какъ отъ ядовитой змѣи. Безпрестанно что нибудь выходитъ между Журбовкой и Саковкой. То Глафира Ивановна прикажетъ разобрать мостикъ, по которому переѣзжаютъ оврагъ между саковскими и журбов-

скими землями; Глафира Ивановна радуется, Анна Ѳедоровна горюетъ, а прочіе непричастные къ дѣлу люди недѣль пять не могутъ черезъ ровъ переправиться, хоть тамъ родной отецъ умирай; то Анна Ѳедоровна прикажетъ воду спустить и саковская мельница перестаетъ молоть. Глафира Ивановна гнѣвается и плачетъ, Анна Ѳедоровна утѣшается, но прочія мельницы на рѣкѣ тоже перестаютъ молоть и хозяева ни за что, ни про что въ убыткѣ. Война безъ отдыху идетъ. Глафира Ивановна, несмотря на частый гнѣвъ и на частыя слезы, къ этой войнѣ пристрастилась; Анна Ѳедоровна, каковы ни были пораженія, всю свою душу въ эту войну положила. Алексѣй Петровичъ вздыхаетъ, хотя иногда и у него разъигрывается душа, но всегда онъ больше похожъ на строеваго солдата, чѣмъ на вольнаго ополченца: вѣрно защищаетъ, но не охочъ нападать. Не по его смирному нраву такая тревожная жизнь; въ послѣднее время онъ сталъ больше книги читать и больше спать.

Годы идутъ и война идетъ у Глафиры Ивановны съ Анной Ѳедоровной. Только смертью война ихъ прекратится. А смерть не за горами...

МАРКО ВОВЧОКЪ.

Изъ Испанскихъ мотивовъ.

V.

Запретный плодъ, какъ ядъ, и жгучъ и сладокъ;
А я одна
Вникать во смыслъ таинственныхъ загадокъ
Обречена

И были страшны мрачныя картины
Моей мечтѣ;
Еще досель я зрѣла ликъ мужчины
Лишь на холстѣ.

И Боже мой! на этотъ ликъ прекрасный
Какъ часто я
Глядѣла, въ ночь, порывъ лукаво страстный
Отъ всѣхъ тая!

Молила я, чтобъ съ полотна въ объятья
Ко мнѣ онъ палъ, —
Но онъ былъ нѣмъ, — и мой языкъ проклятья
Ему шепталъ...

Въ восьмнадцать лѣтъ еще клокочетъ страстью
Шальная кровь, —
Хоть камень будь, — и къ камню мощной властью
Влечетъ любовь! —

И я мечусь, упавъ горячимъ тѣломъ
На мраморъ плитъ, —
Но, въ мигъ согрѣтъ, онъ въ блескѣ потускнѣломъ
Не холодитъ.

Въ волшебный міръ неправедныхъ веселій,
Въ міръ грѣшныхъ сновъ
Мой духъ летитъ отъ этихъ мрачныхъ келій,
Какъ отъ гробовъ. —

Но тщетно все!.. Исхода нѣтъ въ міръ новый! —
На вѣкъ, одна,
Въ глухихъ стѣнахъ, для жизни я суровой
Погребена!..

Но не могло съ ней сердце помириться, —
И ей на зло,
Запретный плодъ вкусить и насладиться
Оно нашло:

Я помню ночь, въ серебряномъ сіяньи,
Гдѣ я, какъ ядъ,
Впивала въ грудь цвѣтовъ ночныхъ дыханье —
Ихъ ароматъ.

И я въ окно — на зло двернымъ затворамъ,
Подъ общій сонъ,
Прокралась въ садъ по мрачнымъ корридорамъ,
Въ тѣни колоннъ. —

И, Боже мой! съ какой отвагой воли
Я, какъ газель,
Стремилась вдаль! — и жегъ меня до боли
Той страсти хмѣль...

И межъ могилъ, гдѣ тѣнь деревъ неясныхъ
Мрачнѣй легла,
Одну изъ насъ — моихъ сестеръ несчастныхъ, —
Я тамъ нашла.

Она, какъ я, тайкомъ сюда бѣжала
Съ огнемъ въ крови;

Она, какъ я, томилась и страдала,
Моля любви. —
И поняли безъ словъ мы взоромъ счастья,
На днѣ души,
Что обѣ мы такъ полны сладострастья,
Такъ хороши!...

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

1861.

ССЫЛКА ВЪ ВОСТОЧНУЮ СИБИРЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛИЦЪ.

(1645 — 1762).

Прослѣдивъ извѣстныя печатныя свѣдѣнія о ссылкѣ лицъ, подвергшихся гоненію вслѣдствіе борьбы партій и мести временщиковъ, мы видимъ, что большая часть этихъ несчастныхъ, вынесшихъ весь позоръ нравственнаго и физическаго наказанія въ предѣлахъ Россіи, были потомъ ссылаемы въ Сибирь. Мѣста ссылки многихъ изъ нихъ означены въ сенатскихъ указахъ, но не мало оказывается и такихъ опальныхъ, которые, бывъ схвачены внезапно и привезены въ Сибирь, послѣ многолѣтнихъ невыразимыхъ страданій, исчезли съ лица земли вовсе забытыми. Интересная сторона этого дѣла сильно занимала меня и я, по возможности, принялъ намѣреніе разсмотрѣть въ нашихъ архивахъ все, что̀ относится до ссылки лицъ, заброшенныхъ въ Восточную Сибирь въ разное время. Къ сожалѣнію попытки мои не увѣнчались полнымъ успѣхомъ; я очень мало нашелъ письменныхъ слѣдовъ, по которымъ можно было бы видѣть распредѣленіе ссыльныхъ по мѣстамъ нашего обширнаго края. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что многіе архивные доку-

менты утратились, и кромѣ того извѣстно, что въ правленіе Анны Ивановны и Елизаветы Петровны, политическихъ преступниковъ часто привозили въ Сибирь и сдавали мѣстному начальству безъ означенія ихъ фамилій, и эти-то лица, бывъ заключены въ острожныя тюрьмы, или разбросаны по дальнимъ мѣстамъ, послѣ долгаго, томительнаго страданія, умирали и имена ихъ остались навсегда непроницаемой тайной. Манштейнъ въ своихъ запискахъ пишетъ, «что при помилованіи сосланныхъ, ихъ съ великимъ трудомъ могли отыскивать, ибо ссылали иногда безъ всякой въ надлежащемъ мѣстѣ записки и съ перемѣною имени. Иногда приказывали дѣлать таковую перемѣну, не увѣдомляя о томъ и тайную канцелярію, почему и трудно было находить такихъ ссылочныхъ».

Сообразивъ собранные мною матеріалы и имѣя въ рукахъ записки и разнаго рода свѣдѣнія, доставленныя мнѣ старожилами во время моихъ поѣздокъ, я по возможности представляю то, что успѣлъ пріобрѣсть. Конечно, свѣдѣнія эти крайне неполны и отрывочны, но я надѣюсь, что статья моя вызоветъ другихъ передать въ свою очередь иные случаи и указанія о лицахъ, коихъ постигла злосчастная судьба дальняго заточенія.

Начало русской колонизаціи въ Восточной Сибири положено при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Во время преемника его Алексѣя Михайловича приведены были къ окончанію постройки всѣхъ остроговъ и острожковъ на тѣхъ пунктахъ, которые такъ удачно были избраны первыми пришельцами-казаками. Енисейскій острогъ и потомъ якутскій довольно долгое время были главными центрами тогдашняго управленія Восточной Сибири. Вслѣдъ за ними возникли нерчинскій острогъ (въ дальнихъ Даурахъ), имѣвшій въ своемъ вѣдѣніи, между другими пунктами, наши амурскія заселенія; потомъ иркутскій, которому судьба, по его центральному положенію, указала быть главою управленія этого обширнаго края. Довольно важное значеніе имѣлъ въ свое время селенгинскій острогъ, по вліянію на дѣла пограничныя и торговыя сношенія съ Китаемъ.

Съ учрежденіемъ остроговъ въ Восточной Сибири, пра-

вительство начало ссылать туда людей за разныя преступленія, сперва въ енисейскій острогъ, а потомъ и въ дальній якутскій «на великую рѣку Лену», въ Нерчинскъ «въ дальнія Дауры», въ иркутскій острогъ, въ Селенгинскъ и наконецъ въ Албазинское воеводство «на великую рѣку Амуръ». Въ этихъ острогахъ, внутри острожной ограды, были устроены тюремныя помѣщенія, съ темными каютами, для одиночныхъ заключеній и съ застѣнками для пытокъ.

Кромѣ остроговъ ссылали преступниковъ въ монастыри: Вознесенскій иркутскій, Троицкій селенгинскій близъ Байкала и Успенскій нерчинскій, гдѣ также находились обширныя тюрьмы; сосланные состояли на отвѣтственности монастырскихъ начальствъ и настоятели по этому случаю имѣли переписку съ воеводствами.

Въ 1840 году мнѣ случилось быть въ Енисейскѣ по дѣламъ службы; я предполагалъ было заняться осмотромъ старыхъ бумагъ тамошняго архива, но къ сожалѣнію узналъ, что древніе столбцы и прочіе документы послѣ двухъ пожаровъ всѣ безъ исключенія сгорѣли. Архивъ древнихъ лѣтъ помѣщался при Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Надо думать, что дѣла енисейскаго острога, какъ старѣйшаго, заключали въ себѣ много интересныхъ указаній на ссылку туда разныхъ лицъ, въ особенности въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Въ этотъ періодъ времени въ Енисейскъ и по окружнымъ мѣстамъ, равно въ Якутскъ, въ дальнія Дауры и на рѣку Амуръ были приводимы въ большомъ числѣ, послѣ извѣстныхъ бунтовъ, стрѣльцы, также раскольники, участвовавшіе въ крамолахъ и смутахъ того времени. Есть цѣлыя селенія въ енисейскомъ и нижнеудинскомъ округахъ, имѣющія свое происхожденіе отъ стрѣльцовъ и до сихъ поръ носящія ихъ названія.

Мюллеръ, бывши въ Енисейскѣ, засталъ тамошній архивъ еще цѣлымъ; въ его семидесяти портфёляхъ, хранящихся въ академіи наукъ, навѣрное находится много интересныхъ свѣдѣній относительно ссылки въ енисейскій острогъ. Такъ какъ сгорѣвшіе древніе документы помѣщались въ енисейскомъ Рождественскомъ монастырѣ, то я и рѣшился осмотрѣть этотъ монастырь, съ тою мыслію, не узнаю ли тамъ

какихъ-либо письменныхъ и устныхъ преданій. Предположеніе мое нѣкоторымъ образомъ оправдалось; въ монастырѣ я встрѣтилъ презамѣчательную личность — это настоятельница игуменья Деворра, теперь уже покойная. Въ то время, по словамъ ея, ей было за девяносто лѣтъ; но, къ удивленію, старушка, несмотря на свою ветхость, была еще очень свѣжа и не потеряла ни памяти, ни слуха. Она приняла меня очень благосклонно, и узнавъ, что я интересуюсь енисейской стариной, настоятельница прежде всего подтвердила мнѣ, что пожары истребили лучшее достояніе, хранившееся въ монастырскихъ стѣнахъ. Что́ же касается до главныхъ происшествій, игуменья удержала ихъ въ памяти; многое она слышала отъ своей предшественницы старицы Устиньи, которая сама была очевидцемъ многихъ любопытныхъ мѣстныхъ событій. По словамъ Деворры, въ острожныхъ стѣнахъ Енисейска существовала обширная тюрьма съ отдѣльными каютами, куда были заточаемы самые важные преступники, а въ монастырѣ было устроено особое тюремное отдѣленіе съ желѣзными рѣшетками, для помѣщенія преступницъ женскаго пола. Въ первое время въ острожной енисейской тюрьмѣ содержалось очень много лицъ, сосланныхъ на вѣчное заточеніе за чернокнижничество. Тамъ былъ особый дворъ для казней и между прочимъ осталось въ преданіи, что здѣсь сожжено нѣсколько людей на кострахъ, уличенныхъ въ знакомствѣ съ нечистою силою, а также были совершаемы другаго рода казни и пытки въ застѣнкахъ.

Изъ извѣстныхъ лицъ, сосланныхъ въ Енисейскъ за политическія преступленія, по свидѣтельству игуменьи Деворры, были слѣдующія: сынъ гетмана Самойловича, Яковъ, который, послѣ довольно долгаго заключенія, и умеръ въ этой ссылкѣ. По этому же дѣлу привезена была на смиреніе въ енисейскій Рождественскій монастырь невѣстка гетмана Самойловича, дочь генерала Швейковскаго, которая, послѣ смерти своего мужа, была возвращена въ свои помѣстья. Въ Енисейскъ, вслѣдствіе опалы, былъ удаленъ на воеводство бояринъ Салтыковъ, вмѣстѣ съ своею племянницею Прасковьею Ѳедоровною Салтыковою, объявленною об-

ручницею царя Ивана Алексѣевича. Ей опредѣлено было жить въ Рождественскомъ монастырѣ, куда она прибыла съ большимъ штатомъ дѣвицъ; когда являлся къ ней дядя, то онъ всегда стоялъ у дверей и не смѣлъ садиться. Салтыкова жила въ монастырѣ въ совершенномъ уединенiи и была необыкновенно набожна; въ церкви она становилась въ темномъ углу за ширмами, такъ что её никто не видалъ и выходила послѣ службы послѣдняя. Кромѣ дяди, принимаемаго изрѣдка, Салтыкова не допускала къ себѣ никого и только въ большiе праздники посѣщала игуменью вмѣстѣ съ своими дѣвицами. Въ монастырѣ она находилась не долго. Въ одно время за ней былъ посланъ изъ Москвы большой поѣздъ и Прасковья Ѳедоровна, отслушавъ обѣдню и благодарственный молебенъ и раздавъ всѣ свои пожитки игуменьѣ и монахинямъ, торжественно отъѣхала съ великою честiю, какъ невѣста царская. Впослѣдствiи, будучи уже замужемъ за царемъ Иваномъ Алексѣевичемъ, она потребовала игуменью къ себѣ въ Москву, гдѣ настоятельница помѣщена была въ царскихъ палатахъ и прогостила у царицы нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ 1697 году, вслѣдствiе одного изъ стрѣлецкихъ бунтовъ, въ Енисейскъ былъ сосланъ бояринъ Матвѣй Степановичъ Пушкинъ, отецъ казненнаго Ѳедора Пушкина. По свидѣтельству игуменьи Устиньи, Пушкинъ привезенъ былъ сюда со всѣмъ своимъ семействомъ; сначала онъ содержался въ тюрьмѣ, но его выпускали по праздникамъ, для свиданiя съ женою и дѣтьми, жившими отдѣльно въ Рождественскомъ монастырѣ; потомъ Пушкинъ былъ поверстанъ въ городовую службу.

Послѣ казни злополучнаго Артемiя Волынскаго, въ енисейскiй Рождественскiй монастырь была сослана и пострижена въ монахини одна изъ дочерей погибшаго, которая была безутѣшна отъ своего великаго горя; страдалица все плакала и отъ слезъ едва не потеряла зрѣнiе. Волынская однакожъ не долго пробыла въ Рождественской обители; она вмѣстѣ съ своею другою сестрою, постриженною также насильно въ иркутскомъ Знаменскомъ монастырѣ, и съ братомъ были возвращены въ Россiю. По словамъ игуменьи Устиньи,

Волынская не хотѣла снять съ себя монашенскаго чина и, по пріѣздѣ своемъ въ Малороссію, несмотря на просьбы и даже настоянія своихъ родныхъ, поступила въ женскій кіевскій монастырь. Спустя нѣсколько времени, тогдашняя игуменья енисейскаго монастыря ѣздила на поклоненіе кіевскимъ угодникамъ и въ бытность свою тамъ прожила нѣсколько недѣль у Волынской монахини: свиданіе было очень трогательное. Сестра Волынской Анна, бывшая въ иркутскомъ Знаменскомъ монастырѣ, была уже замужемъ. Въ воспоминаніе о сибирской обители, Волынская послала съ игуменьею много дорогихъ вещей въ даръ Рождественскому монастырю, гдѣ она едва пережила свое жестокое испытаніе. Настоятельница также передала мнѣ, что въ монастырь, кромѣ того, особенно въ прежнее старое время, много посылалось лицъ женскаго пола, часто безъ означенія именъ и фамилій. Находились и такія заключенницы, которыя, бывъ обречены вѣчному заточенію, помѣщались въ отдѣльныхъ каютахъ и ихъ даже не велѣно было выпускать въ храмъ божій. Наказаніе ссылкою лицъ женскаго пола имѣло различныя степени: однѣхъ посылали на извѣстный срокъ и потомъ возвращали, другія, напротивъ, важныя преступницы погибали въ монастырской тюрьмѣ безвозвратно.

Теперь перейду къ якутскому острогу. Перебирая древніе свитки этого архива, я нашелъ, что въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, въ Якутскъ, подобно Енисейску, прежде другихъ преступниковъ, начали ссылать людей, обличенныхъ въ чернокнижничествѣ и «тайномъ богомерзкомъ общеніи съ нечистою силою». Нельзя представить себѣ, до чего страдали эти несчастные. Въ бумагахъ о такихъ преступникахъ обыкновенно предписывалось мѣстному начальству содержать ихъ какъ можно строже, сажать въ тюремныя каюты отдѣльно, приковывать ихъ къ стѣнѣ на цѣпь и отнюдь не допускать къ нимъ людей. Въ документахъ о чернокнижникахъ я нашелъ любопытный фактъ, гдѣ между прочимъ говорится: «чтобы такого-то, сосланнаго на вѣчное заточеніе, за общеніе съ нечистою силою, посадить въ темную каюту на цѣпь и отнюдь не давать ему воды, ибо онъ, Максимъ Мельникъ, многажды уходилъ въ воду».

Я представляю себѣ томленіе этихъ несчастныхъ, убиваемыхъ медленной, но мучительной смертью.

По присоединеніи Малороссійскаго края къ Россіи, вслѣдствіе интригъ и борьбы партій между казаками, начинается опала и несчастіе многихъ изъ гетмановъ и высшихъ казачьихъ чиновъ, заподозрѣнныхъ въ измѣнѣ московскому двору. Извѣстно, сколько значительныхъ лицъ по доносамъ враговъ погибло отъ позорной смертной казни и сколько изъ нихъ разлучены были навѣчно съ родиною и съ родными дальнимъ заключеніемъ. Судя по бумагамъ, прочитаннымъ мною, острогъ якутскій, какъ одинъ изъ самыхъ отдаленныхъ въ Сибири, преимущественно былъ избранъ для ссылки политическихъ преступниковъ Малороссіи. Прежде всѣхъ въ Якутскъ былъ сосланъ гетманъ Демьянъ Многогрѣшный съ женою и сыномъ. Сначала его содержали въ острогѣ подъ крѣпкимъ карауломъ, потомъ онъ жилъ на-свободѣ и послѣ нѣсколькикъ лѣтъ своего пребыванія въ Якутскѣ, по просьбѣ, былъ переведенъ въ Забайкальскій край въ селенгинскій острогъ. Во время пребыванія въ Селенгинскѣ посла Ѳедора Алексѣевича Головина въ 1689 году, ѣхавшаго въ Нерчинскъ для переговоровъ съ Китайцами, Демьянъ Многогрѣшный оказалъ много услугъ при отраженіи набѣговъ табунгутскихъ Соіотовъ и Монголовъ; за службу отца сынъ Многогрѣшнаго Сергѣй былъ пожалованъ въ сыны боярскіе и состоялъ въ спискахъ по острогу селенгинскому. Старикъ Многогрѣшный жилъ очень долго на мѣстѣ своего послѣдняго водворенія и умеръ въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ. Послѣ Многогрѣшнаго въ Якутскъ привезенъ былъ гетманъ Самойловичъ. Ммогіе свидѣтельствуютъ, что онъ былъ сосланъ въ Тобольскъ, но это не вѣрно; ошибочность такого заключенія, подобно какъ и о другихъ ссыльныхъ, происходила оттого, что лица, подвергшіяся ссылкѣ, были привозимы предварительно въ Тобольскъ, какъ главный тогдашній пунктъ всей Сибири, откуда, сообразно полученнымъ указамъ и особымъ инструкціямъ, тобольское начальство распоряжалось разсылкою преступниковъ по разнымъ мѣстамъ обширнаго Сибирскаго края. Изъ Тобольска большею частію препровождали ссыльныхъ за своею стражею, а кон-

войные, привезшіе преступника изъ Россіи, отпускались обратно. Мнѣ попался въ руки одинъ свитокъ якутскаго архива, изъ котораго видно, что Самойловичъ, будучи представленъ въ якутскій острогъ, также сначала содержался въ тюрьмѣ подъ крѣпкимъ карауломъ; къ нему не велѣно было допускать людей и давать ему бумаги, и чернилъ. Въ одномъ изъ передаточныхъ списковъ отъ одного воеводы къ другому, имя Самойловича упоминается въ числѣ сосланныхъ лицъ уже по минованіи пяти лѣтъ его заточенія. Послѣ этой бумаги я ничего не встрѣтилъ о Самойловичѣ и мнѣ неизвѣстно, былъ ли онъ прощенъ или навсегда остался въ Якутскѣ? Кромѣ этихъ лицъ, въ якутскій острогъ, послѣ разныхъ малороссійскихъ смутъ, были присланы: полковникъ Конюховскій, андрускій полковникъ Деценъ, кіевскій полковникъ Семенъ Третьякъ, ирклеевскій полковникъ Малышъ, нѣсколько человѣкъ казачьихъ головъ, сотниковъ, пятидесятниковъ, войсковыхъ писарей и другихъ лицъ. Позднѣе, въ царствованіе Петра I-го, былъ сосланъ Андрей Войнаровскій. При осмотрѣ старыхъ дѣлъ якутскаго острога, я нашелъ книгу о кормовыхъ деньгахъ, выдаваемыхъ заключеннымъ въ острогѣ, гдѣ значится, что Войнаровскій получалъ въ сутки *полторы копѣйки*. Въ Якутскій острогъ, также въ разное время, послѣ извѣстныхъ стрѣлецкихъ бунтовъ, были сосланы большими партіями стрѣльцы, которыхъ велѣно разсылать изъ Якутска въ самые дальніе остроги — анадырскій, колымскій, охотскій и удской. Отъ этихъ безпокойныхъ людей много терпѣли добрые сибиряки и особенно торговые, зажиточные люди; несмотря на прежнее наказаніе и ссылку, стрѣльцы часто бунтовали противъ своихъ начальствъ и производили грабежи; зато виновныхъ не щадили и при первомъ случаѣ казнили смертью. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, въ якутскій острогъ и въ дальніе острожки за-ленскаго края было сослано много раскольниковъ разныхъ сектъ и больше всего страдали ихъ ересіархи; такъ одинъ изъ нихъ, Іоанникій Прозорливецъ, былъ навѣчно заточенъ въ тѣсную каюту и содержался тамъ прикованнымъ къ стѣнѣ. Несмотря на строгость и гоненія на раскольниковъ въ якутскомъ краѣ, они и здѣсь успѣвали

устраивать свои небольшія общины и отдѣльные скиты, удаляясь въ самыя отдаленныя мѣста, куда не могли достигнуть ихъ преслѣдователи. Такъ образовался-было раскольническій скитъ около Анадырска; онъ уже значительно увеличился, но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ своего существованія сидячіе Коряки напали на скитъ и перебили всѣхъ его жителей. Вообще на глубокомъ сѣверѣ какъ-то не посчастливилось раскольникамъ; кромѣ разныхъ причинъ, конечно имъ не благопріятствовали и климатическіе условія этого холоднаго и негостепріимнаго края. Между прочимъ въ Якутскѣ мнѣ передали, что на Колымѣ и Индигиркѣ тамошніе жители до сихъ поръ разсказываютъ о существованіи съиздавна какихъ-то жителей, прежде сосланныхъ и потомъ бѣжавшихъ и поселившихся на неизвѣстныхъ островахъ Ледовитаго моря. Въ давніе годы, какой-то промышленникъ около колымскаго устья осматривалъ на островахъ звѣроловныя пасти; тамъ застигла его *пурга* (*) и онъ заблудился; долго блуждалъ онъ по окрестнымъ пустошамъ и наконецъ собаки привезли его въ незнакомое селеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ домовъ, которые всѣ были срублены въ уголъ. Заблудившагося приняла женщина, но она ничего съ нимъ не говорила. Поздно вечеромъ пришли съ промысловъ мужики и стали допрашивать прибывшаго къ нимъ—кто онъ, откуда, по какому случаю и зачѣмъ заѣхалъ къ нимъ, не слыхалъ ли онъ объ нихъ что̀ прежде и наконецъ не подосланъ ли кѣмъ? Промышленника этого они содержали подъ присмотромъ шесть недѣль, помѣстили его въ отдѣльный домъ и не дозволяли ему отлучаться ни на шагъ и ни съ кѣмъ не разговаривать. Заключенный, во время своего пребыванія тамъ, часто слышалъ звонъ колокола и обитатели этого заповѣднаго селенія собирались въ молельню, изъ чего онъ и заключилъ, что это былъ раскольническій скитъ. Наконецъ жители этого дикаго селенія согласились отпустить промышленника, но взяли съ него при этомъ клятву молчать обо всемъ, имъ видѣнномъ и слышанномъ, затѣмъ они завязали ему глаза, вывезли изъ селенія и проводили очень

(*) Пурга—мятель.

далеко; при разставаньи ему подарили большое количество бѣлыхъ песцовъ, красныхъ лисицъ и сиводушекъ. Здѣсь есть и еще нѣсколько преданій о прежнихъ раскольникахъ, удалившихся на острова и матерой берегъ сѣверозападной Америки; но всѣ эти обстоятельства до сихъ поръ остались загадочными и вовсе необъясненными.

Упомянувъ о ссылкѣ людей, подпавшихъ опалѣ въ періодъ правленія Алексѣя Михайловича, я, въ связи съ переданнымъ мною, коснусь разныхъ случаевъ ссылки въ нашъ сѣверный Якутскій край и Камчатку въ послѣдующія царствованія и особенно въ правленіе Анны Ивановны и Елизаветы Петровны. Здѣсь я приведу только тѣ указанія, документы которыхъ лично найдены мною въ якутскомъ и иркутскомъ архивахъ, а также сообщу свѣдѣнія, почерпнутыя изъ разныхъ записокъ и устныхъ разсказовъ старожиловъ. Чего я не могъ узнать достовѣрно, о томъ и не говорю, а между тѣмъ мнѣ очень хорошо извѣстно, что въ за-ленскомъ краѣ много погибло жертвъ, о которыхъ въ настоящее время и слѣдовъ не осталось. Я нашелъ въ иркутскомъ архивѣ дѣло, возникшее при Екатеринѣ II, по случаю уничтоженія тайной канцеляріи. Изъ него видно, что многихъ изъ сосланныхъ не могли найдти, несмотря на строжайшія настоянія генералъ-прокурора Вяземскаго. Въ отвѣтахъ иркутской губернской канцеляріи прямо объяснялось, что не найдены многіе ссыльные потому именно, что люди эти были присланы безъ означенія ихъ фамилій, а гдѣ они находятся теперь и живы ли, о томъ узнать нѣтъ никакой возможности.

Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія о мѣстахъ ссылки замѣчательныхъ людей, о ихъ жизни на нашемъ глубокомъ сѣверѣ.

По могущественному вліянію на дѣла знаменитаго временщика князя Меньшикова, въ 1727 году были сосланы въ Охотскъ генералъ-полицеймейстеръ Антонъ Эмануиловичъ Девіеръ, зять Меньшикова, и генералъ Скорняковъ-Писаревъ. О различныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни на мѣстахъ ссылки я узналъ очень не многое. На памяти охотскихъ старожиловъ осталось, что Девіеръ хотя былъ и ссыльный, но его крайне боялись въ Охотскѣ, ибо изгнанникъ

этотъ имѣлъ нравъ очень крутой и строптивый. О Писаревѣ извѣстно, что онъ любилъ заниматься хозяйствомъ, рыбною ловлею и въ-особенности охотиться за козами и медвѣдями. Оба эти лица были потомъ возвращены въ Россію по восшествіи на престолъ Елизаветы Петровны. По одному же дѣлу съ Девіеромъ и Скорняковымъ-Писаревымъ былъ сосланъ въ Сибирь тайный совѣтникъ Толстой съ сыномъ и генералъ Бутурлинъ; объ нихъ я рѣшительно ничего не могъ отыскать и не знаю, какія мѣста назначены были для ихъ заточенія.

Въ этомъ же 1727 году, и кажется по одному дѣлу, былъ привезенъ въ Тобольскъ, при письмѣ князя Меншикова, посланномъ изъ Петергофа отъ 28 мая къ тайному совѣтнику и тобольскому губернатору Долгорукову, бывшій оберъ-церемоніймейстеръ графъ де-Санти, который, по выраженію письма, «явился въ тайномъ дѣлѣ весьма подозрительнымъ». Изъ Тобольска графа де-Санти велѣно отправить въ дальнюю сибирскую крѣпость подъ строгимъ карауломъ и содержать крѣпко, дабы не ушелъ. Обстоятельство пребыванія де-Санти въ ссылкѣ въ Якутской области и несчастія, вынесенныя имъ, такъ интересны, что я особенно разскажу о нихъ въ концѣ моей статьи.

Въ 1732 году, февраля 23, былъ привезенъ въ Якутскій край бывшій президентъ коммерцъ-коллегіи статскій совѣтникъ Фикъ, любимецъ Петра Великаго, названный въ бумагѣ великоважнымъ преступникомъ, замѣшаннымъ по дѣлу о призваніи на престолъ Герцогини Курляндской Анны Ивановны. И пострадалъ же этотъ злосчастный Фикъ на свою долю! Сначала его привезли закованнаго въ Тобольскъ, гдѣ онъ содержался нѣкоторое время въ тюрьмѣ, оттуда переслали его въ Иркутскъ, гдѣ онъ былъ также заключенъ въ тюрьму и просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ. Изъ Иркутска Фика отправили въ Якутскъ и тамъ содержался онъ въ острогѣ закованнымъ. Потомъ получено о немъ особенное предписаніе якутскому воеводѣ—отослать Фика подъ крѣпкимъ карауломъ въ дальній Зашиверскъ, лежащій отъ Якутска на сѣверо-востокъ и находящійся отъ него въ 1500 верстахъ. Но этимъ не кончились страданія бывшаго президента

коммерцъ-коллегіи: по какому-то обстоятельству, а скорѣе и безъ всякихъ причинъ, а только по усвоенной тираніи тогдашняго инквизиціоннаго времени, мучить людей до послѣдняго издыханія, Фику досталось въ удѣлъ выпить чашу бѣдствій до дна. Изъ Зашиверска его переселили въ страшную глушь, на болотныя и тундристыя пустоши—въ Средневилюйское зимовье, гдѣ въ то время находилось тамъ три бревенчатыхъ юрты самыхъ бѣдныхъ Якутовъ. Бѣдственный этотъ пунктъ не имѣлъ никакихъ сообщеній съ людьми, ибо отвсюду отстоялъ далеко; нынѣ онъ и совсѣмъ заброшенъ. Присоедините къ этому неимѣніе никакого лѣса, нестерпимый холодъ, свойственный этой широтѣ, а лѣтомъ всегдашнюю сырость отъ ржавыхъ болотъ и мшистыхъ тундръ. Послѣ всего этого, казалось бы, доброму человѣчеству можно было поуспокоиться, забросивъ опаснаго преступника въ такую дикую, безлюдную глушь, гдѣ природа имѣетъ самую грустную обстановку и откуда нѣтъ выхода, въ какую бы сторону ни пустился заключенный. Но нѣтъ, и здѣсь человѣкъ преслѣдовалъ себѣ подобнаго съ какою-то ожесточенною, расчитанною злобою; несчастнаго преступника не убили мгновенно, а гораздо хуже—заставляли страдать безпрерывно, не оставляя ему никакихъ упованій на лучшій исходъ его тяжкой ссылочной жизни. Въ этой безпредѣльной пустынѣ, изъ которой, какъ я сказалъ, нѣтъ возврата, Фикъ былъ лишенъ свободы; его велѣно держать подъ крѣпкимъ карауломъ одиночно отъ другихъ и отнюдь не допускать къ нему постороннихъ лицъ. При этомъ нельзя не пожалѣть о бѣдной стражѣ: оберегая преступника денно и ночно, люди эти, безъ вины, испытывали ту же самую ссылку и страдали въ свою очередь не менѣе; сколько было примѣровъ преждевременной смерти этихъ присяжныхъ приставниковъ. Говоря о Фикѣ, нельзя не упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ. Когда въ Якутскій край привезенъ былъ графъ де-Санти, о которомъ я упомянулъ выше, то его точно также возили съ мѣста на мѣсто, какъ и Фика, наконецъ де-Санти привезли въ Якутскъ. Тогдашнему якутскому воеводѣ Заборовскому предписано было отправить де-Санти за крѣпкимъ карауломъ изъ Якутска въ Средне-ви-

люйское зимовье; такимъ перемѣщеніемъ Заборовскій былъ приведенъ въ большое затрудненіе; онъ донесъ въ Иркутскъ, что не можетъ послать де–Санти въ Средне–вилюйское зимовье, «понеже тамъ находится уже великоважный преступникъ Фикъ, и что будетъ крайне опасно держать этихъ двухъ преступниковъ въ одномъ мѣстѣ». Фикъ пространалъ въ холодной вилюйской пустынѣ десять лѣтъ. Находясь въ такомъ безвыходномъ положеніи, онъ навѣрное и не имѣлъ надежды на возвращеніе; но съ воцареніемъ Елизаветы Петровны, Фика возвратили въ Россію. Въ 1742 году, января 29, состоялся Высочайшій указъ объ его возвращеніи. При этомъ случаѣ очень любопытно одно обстоятельство: сибирская тобольская губернская канцелярія прислала свою промеморію въ Иркутскъ, въ которой просила напередъ отыскать статскаго совѣтника Фика и, отыскавъ, увѣдомить. Когда получено было въ Тобольскѣ увѣдомленіе, что Фикъ живъ и отысканъ на жительствѣ въ Средне–вилюйскомъ зимовьѣ, то затѣмъ уже было сдѣлано распоряженіе о его возвращеніи. Не странно ли, что сибирская тобольская канцелярія, какъ распорядительное мѣсто, назначавшее мѣста ссылки, не знало, гдѣ находится Фикъ! И это не одинъ случай, ихъ было много. Послѣ довольно продолжительной переписки, Фика наконецъ велѣно было отправить въ Петербургъ и представить прямо въ правительствующій сенатъ.

Въ 1735 году былъ привезенъ въ Тобольскъ по Высочайшему указу, состоявшемуся въ 1734 году, ноября 19, смоленскій губернаторъ князь Александръ Андреевъ Черкасскій, который посланъ былъ въ вѣчное заточеніе, какъ сказано въ указѣ, «за зѣло тяжкіе и наиважнѣйшіе измѣническіе и возмутительные умыслы, безсовѣстно имѣлъ и оные въ дѣйство производить искалъ». Въ Тобольскъ прислано было предписаніе тамошнему начальству—отправить Черкасскаго въ Иркутскъ, а оттуда въ дальнее Жиганское зимовье на вѣчное жительство и содержать его, какъ въ дорогѣ, такъ и въ Жиганскѣ, подъ крѣпкимъ карауломъ. На памяти жителей Жиганска осталось, что князь Черкасскій во все время своего заточенія въ этомъ зимовьѣ, находился подъ стражею; онъ былъ заключенъ въ отдѣльномъ отъ се-

ленія домѣ; днемъ его выпускали на воздухъ, но за присмотромъ двухъ солдатъ; въ воскресенье и праздничные дни онъ ходилъ въ церковь также подъ присмотромъ стражи. Наистрожайше предписано было не подпускать къ нему людей. Конечно, не понимая этой строгости, одинъ изъ жителей Жиганска передалъ князю псалтырь; объ этомъ было донесено въ Якутскъ; завязалось дѣло и обвиненнаго высѣкли кнутомъ и велѣли переселить въ дальнее зимовье. Князь Черкасскій пробылъ въ ссылкѣ слишкомъ пять лѣтъ. Съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы Петровны его возвратили въ Россію и при коронаціи императрицы онъ состоялъ гофмаршаломъ при владѣтельномъ герцогѣ Шлезвигъ-Голштинскомъ, Карлѣ-Петрѣ-Ульрихѣ. По одному же дѣлу съ княземъ Черкасскимъ были сосланы въ Сибирь: шляхтичъ Семенъ Корсакъ съ женою, поручикъ Иванъ Оршеневскій и Александръ Пребышевскій. Корсаку съ женою назначено мѣстомъ ссылки Гижига, а послѣдніе два мнѣ неизвѣстно, гдѣ находились.

Въ 1742 году были привезены изъ Тобольска въ Якутскъ обвиненные по одному дѣлу: прапорщикъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Петръ Ивашкинъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка сержантъ Снафидинъ и камеръ-лакей императрицы Гурчаниновъ. Отсюда первые два посланы были въ Камчатку—въ Большерѣцкій острогъ, а Гурчаниновъ въ Охотскъ. О ссылкѣ Ивашкина я также особенно буду говорить въ концѣ статьи моей. Страданія, которыя вытерпѣлъ онъ въ Восточной Сибири, послѣ своего публичнаго наказанія въ Москвѣ, превышаютъ всякое вѣроятіе и могутъ служить образчикомъ тогдашней физіологіи человѣка.

Въ 1742 же году былъ сосланъ въ Восточную Сибирь кабинетъ-министръ вице-канцлеръ графъ Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ, по дѣлу объ участіи его въ сочиненіи проекта объ удаленіи Елизаветы Петровны отъ наслѣдованія престола. Когда объявили графу приговоръ коммисіи объ отправленіи его въ Сибирь на вѣчное заточеніе, то онъ, будучи въ болѣзненномъ состояніи, едва перенесъ это извѣстіе. Съ нимъ добровольно отправилась въ ссылку супруга его, урожденная княжна Ромодановская. При отправленіи ихъ въ Си-

бирь, они не знали мѣста своего изгнанія и только по пріѣздѣ въ Тобольскъ, Головкину было объявлено, что онъ ссылается въ Собачій острогъ. Такъ называлось на отдаленной Колымѣ, за полярнымъ кругомъ, одно зимовье, послужившее потомъ основаніемъ селенію Среднеколымскому. Названіе Собачьяго острога до сихъ поръ сохранилось на антиминсѣ среднеколымской Покровской церкви, присланномъ ей изъ Тобольска въ 1704 году. Трудно себѣ представить грустнѣе этой мѣстности. Собачій острогъ, можно сказать, утонулъ въ тундристыхъ болотахъ, съ низменной сырой почвой кругомъ. Подъ 67° с. ш., Среднеколымскъ находится подъ вліяніемъ самаго холоднаго климата; морозы доходятъ тамъ до 50°; зима продолжается десять мѣсяцевъ, въ которые солнца не видно; оно въ первый разъ показываетъ лучи свои однимъ краемъ въ декабрѣ мѣсяцѣ. Въ старое время кругомъ острога было самое ничтожное поселеніе, состоявшее изъ Якутовъ, Юкагировъ и Тунгусовъ. И вотъ куда судьба занесла одного изъ знаменитыхъ вельможъ двора Анны Ивановны! Воображалъ ли когда нибудь Головкинъ, что онъ окончитъ дни свои въ Собачьемъ острогѣ, отстоящемъ отъ Петербурга на одиннадцать тысячъ верстъ! Память о житьѣ Головкина съ женою въ Собачьемъ острогѣ очень хорошо сохранилась между тамошними жителями; отцы нынѣшнихъ старичковъ, лично знавшіе изгнанника, передали дѣтямъ своимъ нѣсколько замѣчательныхъ случаевъ изъ жизни опальнаго графа. Изъ этихъ устныхъ преданій вотъ-что извѣстно о немъ. Несмотря на свободу, которою пользовался графъ на мѣстѣ своей ссылки, онъ находился однакожъ подъ стражею; когда онъ выходилъ изъ дому, за нимъ неотлучно слѣдовали два солдата съ ружьями; на ночь небольшой домикъ, въ которомъ онъ жилъ отдѣльно отъ другихъ, постоянно стерегли часовые. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ Головкина водили въ приходскую церковь; здѣсь, однажды въ годъ, послѣ обѣдни, онъ долженъ былъ, выпрямившись и скрестивши на груди руки, выслушивать какую-то бумагу, за которой слѣдовало увѣщаніе священника. Во время чтенія этой бумаги, солдаты приставляли штыки къ груди политическаго преступника. Въ теченіе года непремѣнно

два раза въ Среднеколымскъ пріѣзжалъ коммисаръ изъ Зашиверска, для наблюденія за поведеніемъ ссыльнаго преступника и его стражею. Тамошніе жители очень хорошо помнятъ, что графъ пріѣхалъ въ Среднеколымскъ въ болѣзненномъ состояніи, потомъ поправился; только не могъ выносить продолжительнаго зимняго времени и не выходилъ изъ дому, ибо въ холода болѣли у него ноги; графиня находилась при немъ безотлучно, читала ему какія-то книги и сама завѣдывала домашнимъ хозяйствомъ. Между прочимъ про графа разсказываютъ одинъ любопытный случай: несмотря на то, что Головкинъ имѣлъ у себя деньги на свои нужды, онъ любилъ заниматься рыболовствомъ. Вблизи Среднеколымска впадаетъ въ рѣку Колыму небольшая рѣчка Анкудинка, разбившаяся при впаденіи своемъ на нѣсколько рукавовъ. Одинъ изъ этихъ рукавовъ графъ взялъ за себя; весною, когда изъ Колымы рыба идетъ въ рѣчку, онъ его перегородилъ и добывалъ очень много рыбы. Казачій урядникъ, позавидовавъ удачѣ Головкина, пришелъ съ людьми и отобралъ поставленныя графомъ верши, отзываясь тѣмъ, что рѣчной рукавъ этотъ прежде принадлежалъ ему. Видя такое насиліе, Головкинъ вышелъ изъ себя, началъ было кричать и спорить, но вдругъ какъ бы опомнился и спокойно сказалъ уряднику: «дѣлать нечего, я уступаю тебѣ рѣчку, но вмѣстѣ съ этимъ прошу войдти въ мой домъ. Урядникъ пришелъ и графъ встрѣтилъ его слѣдующими словами: «еслибы ты въ Петербургѣ осмѣлился сдѣлать мнѣ что нибудь подобное, какъ ты меня обидѣлъ, то я затравилъ бы тебя собаками и онѣ разорвали бы тебя въ клочки; но теперь, въ моемъ положеніи, я долженъ смириться, ибо вижу въ лицѣ твоемъ перстъ божій, наказующій меня за мои тяжкіе грѣхи. Этимъ случаемъ ты заставилъ меня искренно раскаяться въ прошлой моей гордости. Вотъ тебѣ на память обо мнѣ 50 рублей. На эти деньги поправь твой ветхій домъ».

Головкинъ пробылъ въ своемъ изгнаніи почти 25 лѣтъ и умеръ въ Собачьемъ острогѣ. Надо полагать, что ему было за 70 лѣтъ, потому что онъ сосланъ былъ уже въ лѣтахъ, и въ то еще время казался хилымъ и страдающимъ

подагрою. Жена его Катерина Ивановна, по словамъ старожиловъ Среднеколымска, оставалась тамъ, послѣ смерти своего мужа, нѣсколько времени, по тому случаю, что она просила императрицу Екатерину II о дозволеніи вывести съ собою въ Россію останки мужа. Получивъ на это разрѣшеніе, она предварительно облила трупъ покойнаго мужа воскомъ и въ этомъ видѣ, заключивъ его въ гробъ, вывезла съ собою. При отъѣздѣ изъ Собачьяго острога она очень плакала, прощаясь со всѣми жителями, и въ воспоминаніе о себѣ, раздала много денегъ и вещей. Между разными предметами, оставленными Головкиной въ Среднеколымскѣ, въ тамошней Покровской церкви, хранится серебряная подъ золотомъ ложка, которая принесена была въ даръ графинею. По пріѣздѣ своемъ въ Москву, графиня похоронила тѣло своего мужа въ тамошнемъ Георгіевскомъ монастырѣ.

Имя Головкина неразрывно соединено съ одной скромной личностью и напоминаетъ случай, бывшій въ близкое къ намъ время. Въ началѣ восьмисотыхъ годовъ, въ сѣверные предѣлы Якутскаго края, по случаю бывшей тамъ какой-то эпидемической болѣзни, посланъ былъ туда изъ Якутска докторъ Рислейнъ, истинный другъ человѣчества, любимый всѣми за его неутомимое вниманіе къ своимъ больнымъ и въ особенности за попеченіе о бѣдныхъ. Осмотрѣвъ разныя мѣста на пути своемъ, онъ пріѣхалъ въ Среднеколымскъ; время было зимнее, морозы стояли жестокіе. Помогая больнымъ, Рислейнъ, никогда неносившій теплыхъ сапоговъ, имѣлъ несчастіе отморозить ноги. Находясь въ такомъ горестномъ состояніи, несмотря на свои страданія, Рислейнъ приказывалъ носить себя въ носилкахъ по больнымъ и, помогая страждущимъ, онъ окончательно погубиль себя и умеръ въ страшныхъ мученіяхъ. Въ зимнюю пору, на глубокомъ сѣверѣ, очень затруднительно рыть могилы, но жители Среднеколымска вспомнили, что у нихъ остается пустымъ склепъ, гдѣ лежало тѣло графа Головкина, то туда и были положены останки бѣднаго врача.

Въ одно время съ графомъ Головкинымъ былъ осужденъ президентъ коммерцъ-коллегіи баронъ Менгденъ. Судьба занесла его еще сѣвернѣе Собачьяго острога—въ Нижнеко-

лымскъ, лежащій на самой окраинѣ тундры, въ 70-ти верстахъ отъ Ледовитаго моря, подъ 69 с. ш. Старожилы Нижнеколымска сохранили въ памяти своей, переданное ихъ отцами, что между ними жилъ баронъ; такъ до сихъ поръ они именуютъ изгнанника, а какой баронъ—этого не знаютъ. Мнѣ говорили, что въ иркутскомъ архивѣ есть дѣло о ссылкѣ барона Менгдена въ Нижнеколымскъ, но я, при всемъ стараніи, не могъ отыскать его. По свидѣтельству нижнеколымскихъ старичковъ, баронъ былъ привезенъ къ нимъ съ женою, добровольно раздѣлившею съ нимъ ссылку. При нихъ находились сынъ, дочь и сестра баронессы Менгденъ, Якобина, да съ собою они привезли служителя Іогана и дѣвушку Луизу. Баронъ Менгденъ былъ счастливѣе своего сосѣда Головкина тѣмъ, что ему была предоставлена полная свобода, съ воспрещеніемъ однакожъ выѣзда въ другія окрестныя зимовья; стражи при немъ никакой не было. Баронъ былъ большой хозяинъ. Мѣстные жители благодарятъ его за то, что онъ первый выписалъ въ Нижнеколымскъ нѣсколько головъ рогатаго скота и лошадей и тѣмъ положилъ основаніе этой важной отрасли хозяйства на далекомъ сѣверѣ. Правда, слишкомъ суровый климатъ не благопріятствовалъ разведенію скота въ большомъ количествѣ, но и тѣмъ, что имѣется тамъ, жители обязаны барону Менгдену. При своемъ хозяйствѣ, баронъ также занимался небольшою торговлею, и предметы, нужные для потребленія сѣверныхъ жителей, онъ получалъ изъ Якутска. Еще одно обстоятельство осталось въ памяти нижнеколымскихъ жителей: въ то время на это зимовье и окрестныя жилыя мѣста дѣлали частые набѣги Чукчи, но баронъ, своими распоряженіями, навсегда отучилъ дикихъ сосѣдей отъ нападеній. Какъ скоро Менгденъ узнавалъ о сборищѣ Чукчей, онъ отправлялъ съ людьми предводителемъ своего человѣка Іогана, имѣвшаго необыкновенно высокій ростъ и чрезвычайную силу. Находясь всегда впереди съ стягомъ въ рукахъ, онъ немилосердно побивалъ Чукчей, и послѣ многихъ схватокъ, оканчивавшихся съ большими потерями для Чукчей, они наконецъ уже не осмѣливались болѣе нападать на жителей Нижнеколымска. Баронъ Менгденъ прожилъ въ своемъ заточеніи до-

вольно долго и имѣлъ несчастіе пережить свое семейство; прежде всѣхъ умерла баронесса; за ней вскорѣ скончались дочь и служанка. Жители Нижнеколымска разсказываютъ, что въ тогдашнее время нашлись такіе святотатцы, которые, разрывъ могилы этихъ покойницъ, сняли съ ихъ рукъ золотыя кольца и запястья и при этомъ даже взяли и платье; но грабителей однакожъ разузнали и они были жестоко наказаны. По смерти отца сынъ получилъ позволеніе возвратиться въ Россію и вмѣстѣ съ нимъ выѣхали изъ Нижнеколымска сестра баронессы Якобина и служитель Іоганъ.

Въ 1743 году сослана была въ Якутскъ въ вѣчное заточеніе графиня Анна Бестужева, невѣстка извѣстнаго канцлера Бестужева, и сестра бывшаго вице-канцлера Михаила Гавриловича Головкина, опозоренная публично вмѣстѣ съ Лопухиною, женою генералъ-поручика Степана Лопухина, бывшею статсъ-дамою Елизаветы Петровны, вслѣдствіе участія ихъ въ заговорѣ, объ избраніи императоромъ Ивана Антоновича. Этимъ несчастнымъ жертвамъ, какъ извѣстно, на мѣстѣ казни были отрѣзаны языки. Въ бытность мою въ Якутскѣ въ 1839 году, я всячески старался разузнать объ обстоятельствахъ пребыванія тамъ Бестужевой; но, странное дѣло. объ ней очень не многое осталось на памяти у здѣшнихъ жителей. Между прочимъ, вотъ-что передалъ мнѣ почтенный архиваріусъ Старостинъ: У него была родственница, которая хорошо знала Бестужеву и очень часто посѣщала ее. По словамъ ея, хотя у Бестужевой и былъ отрѣзанъ конецъ языка, но она говорила такъ вразумительно, что вполнѣ можно было понимать ее. Бестужевой была предоставлена въ Якутскѣ совершенная свобода; она сама часто выѣзжала къ своимъ знакомымъ и у ней часто бывали гости; любила играть въ карты и много проигрывала; одѣвалась всегда богато и вообще жила довольно роскошно, потому что ей часто присылали изъ Россіи деньги. Проживъ въ Якутскѣ нѣсколько лѣтъ, Бестужева получила позволеніе возвратиться въ Россію. О ссылкѣ графини Бестужевой въ Восточную Сибирь я не нашелъ въ нашихъ архивахъ никакихъ свѣдѣній. Мнѣ также передали въ Якутскѣ, что въ одно изъ отдаленныхъ мѣстъ этой области была сослана и госпожа Лопухина; но и

*

объ ней я не нашелъ никакихъ слѣдовъ, кромѣ устнаго свидѣтельства. Не менѣе остается для меня загадочною личность какой-то Салтыковой, которая была сослана въ Олекминскую округу въ одно изъ зимовьевъ, лежащихъ на лѣвомъ берегу рѣки Лены. Старожилы разсказываютъ, что эта Салтыкова была привезена съ отрѣзаннымъ языкомъ, и что разговора ея почти нельзя было понимать. Салтыкова и умерла здѣсь въ изгнаніи. Послѣ ея смерти, урочище, гдѣ жила она, долго носило названіе зимовья Салтыковой; но такъ какъ тамъ кругомъ обитаютъ Якуты, то впослѣдствіи мѣсто это они переименовали въ Салтыкуль, гдѣ въ настоящее время находится станція.

Въ 1749 году былъ взятъ подъ стражу въ Москвѣ Бутырскаго полка поручикъ Іосафоръ Батуринъ. Преступленіе его состояло въ томъ, что онъ предложилъ свои услуги великому князю Петру Ѳедоровичу возвести его на престолъ во время правленія Елизаветы Петровны. Батурина сослали сначала въ Шлиссельбургъ. Послѣ многихъ лѣтъ заключенія своего въ этой крѣпости, онъ хотѣлъ убѣжать, но его поймали и отправили въ Камчатку, какъ каторжнаго, въ крѣпостныя работы. Батуринъ пробылъ въ Большерѣцкѣ нѣсколько лѣтъ. Въ спискѣ находящихся въ Камчаткѣ преступниковъ онъ показанъ въ послѣдній разъ въ 1770 году; послѣ того Батуринъ, какъ одинъ изъ главныхъ заговорщиковъ въ бунтѣ, составленномъ извѣстнымъ преступникомъ, бывшимъ польскимъ конфедератомъ Беньёвскимъ, участвовалъ въ завладѣніи казеннымъ судномъ и вмѣстѣ съ другими сообщниками, подъ предводительствомъ Беньёвскаго, уплылъ изъ Камчатки. Впослѣдствіи Батуринъ былъ убитъ на островѣ Формозѣ, во время нападенія Беньёвскаго на одно изъ китайскихъ селеній. Въ просьбѣ, поданной начальству сосланнымъ въ Большерѣцкъ Петромъ Ивашкинымъ, между прочимъ упоминается, что онъ много разъ предупреждалъ командира Нилова о томъ, что каторжные колодники, Полякъ Беньёвскій и Батуринъ, собираются для какихъ-то тайныхъ дѣлъ въ ночное время, и что ихъ должно содержать подъ крѣпкимъ карауломъ, но командиръ его не послушалъ и бунтъ совершился къ ущербу ея величества.

Въ спискѣ находящихся въ Камчаткѣ преступниковъ упоминается объ одномъ сосланномъ при Аннѣ Ивановнѣ въ анадырскій острогъ, но кто онъ такой, имени не означено, а только названъ великоважнымъ преступникомъ. Этого несчастнаго забросили дальше всѣхъ на самую окраину сѣверо-восточной Сибири. Впослѣдствіи, когда возникла переписка о всѣхъ находящихся въ Камчаткѣ и Охотской области преступникахъ, то изгнанникъ анадырскій отмѣченъ умершимъ. Говоря о мѣстахъ ссылки въ Якутской области, я долженъ также упомянуть, что сосѣдній киренскій острогъ и его Троицкій монастырь также имѣли свои тюрьмы для заключенія государственныхъ преступниковъ.

Осмотрѣвъ дѣла иркутскаго архива, я здѣсь нашелъ нѣсколько интересныхъ бумагъ о ссылкѣ разныхъ лицъ въ Восточную Сибирь. Изъ этихъ дѣлъ видно, что Иркутскъ имѣлъ одно и то же значеніе съ Тобольскомъ, т. е. это былъ только пересылочный пунктъ, откуда разсылались по дальнимъ мѣстамъ обширнаго края политическіе и другіе преступники, согласно назначенію тобольской губернской канцеляріи. Но собственно самъ Иркутскъ чрезвычайно рѣдко назначался мѣстомъ ссылки. Бывали примѣры, что начальство, на просьбы нѣкоторыхъ сосланныхъ, конечно въ видѣ большой милости, послѣ долгаго дальняго заточенія, разрѣшало жить въ Иркутскѣ. Такимъ образомъ здѣсь находились: какой-то изъ князей Долгорукихъ, Мусинъ-Пушкинъ, Волынскій (должно быть родственникъ казненнаго), два брата Гурьевы, бывшій флигель-адъютантъ Де-ла-Тосоньеръ, Хрущовъ и нѣкоторые другіе. Въ первое время, т. е. съ царствованія Петра I-го, въ Иркутскъ были также ссылаемы стрѣльцы и другіе уголовные преступники. Обширная острожная тюрьма занимала большое мѣсто на берегу рѣки Ангары и находилась противъ дома генералъ-губернатора, гдѣ нынѣ горное отдѣленіе и институтъ. Кромѣ этого помѣщенія, преступниковъ заключали также въ Вознесенскій монастырь, находящійся въ пяти верстахъ отъ Иркутска. Такъ-какъ монастырскій архивъ давно сгорѣлъ, то нѣкоторые слѣды о ссылкѣ преступниковъ можно встрѣтить въ старыхъ бумагахъ иркутскаго архива. Кромѣ письменныхъ свидѣтельствъ

въ Иркутскѣ мнѣ удалось собрать нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о ссылкѣ сюда нѣкоторыхъ личностей. Въ Иркутскѣ есть еще своя интересная лѣтопись, неизвѣстно кѣмъ веденная. Этой лѣтописи я видѣлъ три разные списка, которые хотя и сходны между собою, но между ними одинъ заключаетъ въ себѣ событія, изложенныя гораздо пространнѣе. Вотъ между прочимъ одно любопытное указаніе изъ лѣтописи.

«*Въ 1741 г.*, въ октябрѣ мѣсяцѣ, по разницѣ привезены въ Иркутскъ въ ссылку Артемія Волынскаго дѣти: дочь Анна, коя и пострижена въ Знаменскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, и сынъ Петръ, который въ 1742 году, по указу, увезенъ за Байкалъ море, въ Селенгинскъ.»

«*1742 г.* Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, по присланному указу, велѣно Волынскаго дѣтей—дочь Анну и сына Петра изъ Иркутска отпустить, а ежели дочь Анна пострижена, разстричь, которая разстрижена, и отбыли изъ Иркутска весною на судахъ.»

Кромѣ этихъ достовѣрныхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ мною изъ лѣтописи, въ Иркутскѣ я слышалъ отъ нѣкоторыхъ старожиловъ одно преданіе, которое и записано было въ книгу Н. Е. Тюменцовымъ, что будто бы въ Иркутскъ былъ сосланъ самъ Артемій Волынскій и что казнь совершена надъ куклой. Такому свидѣтельству конечно нельзя дать никакого значенія, ибо всѣмъ извѣстна публичная казнь несчастной жертвы Бирона. Покойный г. Тюменцовъ обстоятельство это, по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, объяснялъ такъ: что въ Иркутскъ былъ сосланъ одинъ изъ близкихъ родственниковъ казненнаго Волынскаго и что о ссылкѣ его есть въ иркутскомъ архивѣ особая бумага; но я однакожъ не нашелъ о немъ никакихъ свѣдѣній. Этотъ Волынскій слылъ въ городѣ за чародѣя, по самому обыкновенному случаю: у него была собака, которая изъ острога, гдѣ онъ содержался, бѣгала въ домъ его короткаго знакомаго, и тотъ, переписываясь съ Волынскимъ, посылалъ ему свои письма въ ошейникѣ собаки. Поэтому заключенный зналъ о всѣхъ новостяхъ и острожное начальство не постигало, какимъ образомъ Волынскій, не выходя изъ стѣнъ острога, разсказывалъ

подробно, что дѣлалось въ городѣ. Въ одно и то же время съ Волынскимъ содержался въ острогѣ какой-то неизвѣстный ссыльный, присланный безъ означенія имени. Впослѣдствіи велѣно его было изъ острога освободить и онъ, для пропитанія, поступилъ сторожемъ въ церковь св. Харлампія. Въ началѣ царствованія Екатерины II-й прислано было въ Иркутскъ предписаніе объ отысканіи нѣкоторыхъ сосланныхъ и между ними князя Долгорукова; когда объ этомъ было объявлено въ городѣ, то въ губернскую канцелярію явился сторожъ харлампіевской церкви, который предъявилъ начальству, что онъ есть тотъ самый князь Долгорукій, котораго отыскиваютъ. Прихожане церковные очень любили старика за его доброе поведеніе и никакъ не подозрѣвали въ лицѣ его сосланнаго князя Долгорукаго.

Въ подвѣдомственные Иркутску остроги: Братскій, Илимскій, Балаганскій и Тункинскій также въ прежнее время ссылали преступниковъ, особенно въ первыя два мѣста сослано много стрѣльцовъ, которые потомъ разселились на земляхъ нынѣшней Яндинской волости по правой сторонѣ рѣки Ангары.

Въ обширный Забайкальскій край вообще ссылали какъ-то меньше, и преступники содержались большею частію по острожнымъ тюрьмамъ. Главнѣйшими мѣстами заточенія были избраны Троицкій селенгинскій монастырь, Селенгинскъ и Успенскій нерчинскій монастырь. Существовали впрочемъ тюремныя помѣщенія и по другимъ острогамъ, какъ-то: въ Кабанскѣ, Итанцѣ, Баргузинѣ, Верхнеудинскѣ, Нерчинскѣ и Албазинѣ. Попавшихъ въ Забайкалье, крамольныхъ стрѣльцовъ болѣе ссылали въ дальнія Дауры въ Нерчинскъ и на Амуръ въ Албазинъ; раскольниковъ заточали въ монастыри, особенно въ селенгинскій. Между этими послѣдними въ Кабанскъ былъ сосланъ изъ самыхъ замѣчательныхъ по упорству ересіарховъ протопопъ Аввакумъ. Мнѣ разсказывалъ одинъ маститый старецъ слышанное отъ своего отца, что Аввакума изъ тюрьмы выпустили-было на волю, но онъ началъ ходить по селеніямъ прибрежно-байкальскимъ и приводить жителей въ свою секту, состоящую въ томъ, чтобы сожигать плоть свою ради Христа. Когда, вслѣдствіе

такого ученія, было нѣсколько примѣровъ самосожженія, то за это Аввакума отправили въ селенгинскій монастырь въ тюрьму; онъ провелъ на берегахъ Байкала болѣе пяти лѣтъ, но потомъ его увезли въ Россію и сослали въ Пустозерскій острогъ. Тамъ онъ опять началъ проповѣдывать о позволительности самосожженія, поносить церковь и священниковъ, его снова взяли и, по приговору гражданскаго суда, протопопъ Аввакумъ былъ сожженъ въ срубѣ. Г. Максимовъ, авторъ статьи «Одинъ годъ на сѣверѣ», въ бытность свою въ Иркутскѣ, между прочимъ передалъ мнѣ, что онъ во время своего путешествія по Архангельской губерніи, нечаянно пріобрѣлъ весьма интересную рукопись, писанную собственноручно Аввакумомъ. По ней г. Максимовъ дѣлаетъ заключеніе, что Аввакумъ былъ человѣкъ замѣчательнаго ума и отлично образованъ въ духовномъ смыслѣ того времени. Старожилы населенія Кабанскаго также передали мнѣ, что въ старое время много содержалось въ ихъ острожной тюрьмѣ такихъ преступниковъ, которыхъ никогда не выпускали. Но самымъ главнымъ мѣстомъ заточенія, какъ я сказалъ выше, былъ избранъ сосѣдній отъ Кабанска селенгинскій Троицкій монастырь, куда заточали преступниковъ по самымъ важнымъ винамъ, и что эти несчастные содержались въ отдѣльныхъ другъ отъ друга каютахъ и «въ заклёпныхъ желѣзахъ». Много тамъ погибло людей, сосланныхъ безъ показанія ихъ имени. Изъ отписокъ настоятелей монастыря видно, что время отъ времени они увѣдомляли начальство селенгинскаго острога о смерти безъимянныхъ колодниковъ. Мнѣ попались въ руки двѣ бумаги, гдѣ въ одной монастырское начальство доводитъ до свѣдѣнія, что неизвѣстные два преступника отъ долгаго сидѣнія сошли съ ума и вскорѣ потомъ умерли. Другая бумага такого содержанія,—по уничтоженіи тайной канцеляріи, велѣно было начальству селенгинскаго монастыря освободить всѣхъ своихъ заключенныхъ,—оказалось, что содержавшіеся тамъ колодники, какъ ихъ тогда именовали, всѣ померли, остался на-лицо только одинъ, бывшій Сибирскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Родіонъ Ковалевъ, сидѣвшій закованнымъ въ монастырской тюрьмѣ, отдѣльно отъ другихъ, болѣе двадцати пяти лѣтъ. Когда

выпустили изъ каюты этого несчастнаго мученика, то онъ оказался совершенно сумашедшимъ и почти ничего не говорилъ. Въ донесенiи настоятеля о таковомъ состоянiи Ковалева, этого страдальца велѣно было отдать на попеченiе роднымъ, если таковые окажутся. Эта была послѣдняя жертва монастырскаго заключенiя. Послѣ 1770 года туда уже болѣе не ссылали.

Я очень много расчитывалъ на старые документы селенгинскаго острога, ибо, какъ я выше упомянулъ, Селенгинскъ, до конца царствованiя Екатерины II, былъ главнымъ центромъ забайкальскаго управленiя. Въ селенгинскомъ архивѣ сохранилось большое количество старыхъ свитковъ перваго времени существованiя острога. Въ 1831 году, по распоряженiю министерства внутреннихъ дѣлъ, столбцы были потребованы въ Иркутскъ, оказалось старыхъ бумагъ нѣсколько бочекъ, а во время пути отъ Кабанска къ Посольскому монастырю, поѣздъ этотъ былъ захваченъ наводненiемъ р. Селенги, отъ котораго тогда очень пострадали жители прибрежьевъ Байкала и Селенги. Столбцы, понятые водою, такъ подмочило, что не было возможности спасти ихъ и они погибли совершенно. Относительно ссылки въ Селенгинскъ, я ограничусь только тѣмъ, что успѣлъ узнать въ бытность мою въ этомъ городѣ. Выше было упомянуто, что сюда былъ переведенъ на житье изъ Якутска гетманъ Демьянъ Многогрѣшный съ женою и сыномъ. Нельзя не замѣтить, отчего впослѣдствiи не помиловали его, хотя очень хорошо было извѣстно, что эта личность была только жертвою интригъ казацкихъ партiй. Старожилы доселѣ разсказываютъ переданное ихъ отцами о гетманѣ, въ особенности остались въ памяти набѣги Многогрѣшнаго на враждующихъ Монголовъ, которые его необыкновенно боялись и не рѣшались вступать въ бой, если видѣли впереди гетмана. Довольно долго существовалъ его небольшой домикъ на берегу р. Селенги; мутная рѣка, въ одинъ изъ своихъ разливовъ, оторвала землю и унесла его жилище, но воды Селенги не смыли памяти о гетманѣ, имя его до сихъ поръ живетъ между селенгинскими жителями. Мнѣ извѣстно еще одно обстоятельство о гетманѣ: дочь его Марина при жизни отца

вышла замужъ за сына Бейтона, извѣстнаго героя и защитника Албазина. Теперь разскажу я о другомъ гетманѣ, также сосланномъ въ Селенгинскъ, должно быть, въ началѣ царствованія царей Ивана и Петра Алексѣевичей. Лѣтъ семьдесятъ тому назадъ, на такъ-называемомъ *усть* стараго города Селенгинска, на песчаныхъ буграхъ, гдѣ существовалъ первый селенгинскій острогъ, нечаянно былъ отрытъ изъ земли деревянный крестъ, на которомъ изображено рѣзное распятіе Христа и на лѣвой сторонѣ его находится надпись славянскими буквами: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресеніе твое славимъ», а внизу написано: «строилъ Ятманъ Деятьевъ, въ лѣто отъ сотворенія міра 7198». Крестъ этотъ въ настоящее время хранится въ Селенгинскѣ въ нарочно-выстроенной для него часовнѣ и почитается между жителями чудотворнымъ. Мнѣ неизвѣстно, за-что былъ сосланъ въ Селенгинскъ гетманъ Деятьевъ, долго-ли онъ пробылъ въ ссылкѣ, былъ ли наконецъ прощенъ или умеръ въ заточеніи—этого не могли мнѣ разрѣшить и мѣстные старожилы. А между тѣмъ они удержали въ своей памяти, что Деятьевъ былъ очень умный человѣкъ и необыкновенно добрый; онъ помогалъ много бѣднымъ, очень любилъ ходить за больными и лечить своими лекарствами, за что и прослылъ знахаремъ. Болѣе этихъ свидѣтельствъ о ссылкѣ въ Селенгинскъ, по неимѣнію данныхъ, я ничего не могу сказать; равно я ничего не могу передать въ этомъ отношеніи о Нерчинскѣ и объ Успенскомъ нерчинскомъ монастырѣ, куда также ссылались преступники, но сколько мнѣ извѣстно, важныхъ политическихъ преступниковъ, въ описываемый мною періодъ времени, тамъ не было, исключая лицъ, сосланныхъ за уголовныя преступленія. Въ царствованіе Екатерины II за Байкалъ было сослано нѣсколько политическихъ преступниковъ, но объ нихъ я буду говорить въ особой статьѣ.

Представивъ по возможности о ссылкѣ въ Восточную Сибирь замѣчательныхъ лицъ тѣ свѣдѣнія, которыя были у меня подъ рукою, я снова оговорюсь, что указанія мои далеко не выражаютъ полнаго обзора объ этомъ интересномъ предметѣ и что, конечно, приведенныя мною личности состав-

ляютъ только нѣкоторую часть изъ того значительнаго числа людей, которые подверглись ссылкѣ.

Затѣмъ я представляю здѣсь выписку изъ двухъ дѣлъ о ссылкѣ графа де-Санти и Ивашкина съ его товарищами, извлеченную мною изъ дѣлъ иркутскаго губернскаго архива. Первое дѣло замѣчательно тѣмъ, что въ немъ ясно выражается всемогущая воля тогдашняго временщика князя Меньшикова, погубившаго многихъ, кто имѣлъ несчастіе, вслѣдствіе придворныхъ интригъ, подпасть его гнѣву. Въ числѣ жертвъ этого дикаго, необузданнаго произвола, любимца царей, имѣлъ несчастіе находиться и графъ де-Санти. Въ 1727 году, іюля 28, графа де-Санти, скованнаго по рукамъ и ногамъ, привезли въ тобольскую губернскую канцелярію въ сопровожденіи семи человѣкъ конвойныхъ. Несмотря на то, что преступниковъ возили очень быстро, безъ всякихъ на пути остановокъ, нельзя не замѣтить, что графа изъ Петергофа до Тобольска везли ровно мѣсяцъ; это конечно не скоро, но надо полагать, что неустройство дорогъ было причиною такой медленности. Графа де-Санти сдали тогдашнему тобольскому губернатору князю Долгорукову при письмѣ князя Меншикова изъ Петергофа, отъ 28 мая 1727 года.

Вотъ содержаніе этого письма, которое потомъ сибирскія власти не смѣли называть письмомъ, а ордеромъ князя Меншикова.

«Понеже де оберъ церемоніи местеръ графъ Сантіи явился «въ тайномъ дѣлѣ весьма подозрителенъ, того де ради Его «Императорское Величество указалъ отправить его изъ Мос-«квы въ Тобольскъ, а изъ Тобольска въ дальнюю сибирскую «крѣпость, подъ крѣпкимъ карауломъ и содержать тамо подъ «крѣпкимъ же карауломъ, дабы не ушелъ.»

Я не справлялся, есть ли въ полномъ собраніи законовъ высочайшій указъ о ссылкѣ де-Санти. Могло и не быть этого указа. Полновластный князь Меншиковъ, достигнувъ въ царствованіе Петра II-го до апогея своей власти, дѣлалъ все-что хотѣлъ, и конечно это былъ не первый его ордеръ. Подобныя продѣлки, въ ущербъ человѣчеству, къ несчастію совершались и гораздо позднѣе, такъ напримѣръ, въ

царствованіе Екатерины II-й, князь Потемкинъ по своимъ ордерамъ многихъ спровадилъ въ Восточную Сибирь; на памяти нашей жилъ въ Иркутскѣ нѣкто Шидловскій, который шестьдесятъ лѣтъ пробылъ въ ссылкѣ и, будучи за сто лѣтъ, получилъ свободу.

Обращусь нѣсколько назадъ. Я позабылъ сказать, что де-Санти изъ Петербурга привезли въ Москву и сдали московскому генералъ-губернатору князю Ромодановскому, который и отослалъ отъ себя графа въ Тобольскъ съ унтеръ-офицеромъ Аристовымъ, въ сопровожденіи шести солдатъ.

Какъ скоро привезенъ былъ въ Тобольскъ де-Санти, то князь Долгорукій, нисколько не медля, того же 28 мая, вслѣдствіе письма Меньшикова и по приговору тобольской губернской канцеляріи, отправилъ преступника, какъ сказано, крѣпко закованнымъ, подъ самымъ сильнымъ карауломъ, съ унтеръ-офицеромъ Зыковымъ и шестью солдатами на мѣсто изгнанія, въ дальній Якутскъ. Вмѣстѣ съ этимъ распоряженіемъ, воеводѣ якутскому предписано было, какъ скоро Зыковъ привезетъ де-Санти въ Якутскъ, сдать его начальству и затѣмъ содержать въ якутскомъ острогѣ подъ крѣпкимъ карауломъ, чтобы никуда не ушелъ, чернилъ и бумаги ему не давать и никого къ нему не пускать.

Въ такихъ случаяхъ въ то время были соблюдаемы большія офиціальности; чѣмъ болѣе было ступеней мытарствъ для преступника, тѣмъ лучше достигалась кара наказанія. Казалось, гораздо простѣе бы было прямо везти преступника въ назначенное мѣсто, но видно въ то время худо знали нашу обширную Сибирь и потому въ разсылкѣ важныхъ преступниковъ вообще полагались на тобольское начальство.

Сколько времени де-Санти просидѣлъ въ якутскомъ острогѣ, изъ дѣла не видно. Послѣ этого изъ якутскаго острога изгнанника перевезли въ Верхоленскій острогъ и хотя предписано было содержать его также подъ крѣпкимъ карауломъ, но судьба, какъ бы за долгое страданіе его, послала ему мгновенные проблески лучшей жизни. Неизвѣстно, по какому случаю, иркутскій вице-губернаторъ Сытинъ позволилъ де-Санти въ 1734 году бывать въ Иркутскѣ, гдѣ онъ

пользовался полною свободою и въ бытность свою тамъ женился на дочери умершаго съ приписью подъячаго Петра Татаринова, Прасковьѣ Петровнѣ. Но видно иркутскій вице-губернаторъ превысилъ свою власть, давъ такую свободу де-Санти. Въ Петербургѣ конечно узнали обо всемъ и того же 1734 года, іюля 5-го, въ Иркутскъ прислано было изъ тобольской губернской канцеляріи строжайшее предписаніе, немедленно отправить де-Санти изъ Верхоленска въ Средневилюйское зимовье, которое отстоитъ отъ перваго прямо на сѣверъ за 4000 верстъ. Но такъ какъ я выше сказалъ, что якутскій воевода Заборовскій увѣдомилъ иркутское начальство о невозможности послать туда де-Санти, за нахожденіемъ въ Средневилюйскомъ зимовьѣ великоважнаго преступника Фика, то и опредѣлено было сослать де-Санти въ Устьвилюйское зимовье «и содержать тамъ подъ крѣпкимъ карауломъ и никуда и ни для какихъ его нуждъ не отпускать и смотрѣть за нимъ крѣпко, чтобы онъ надъ собою чего нибудь не учинилъ, или куда бы не ушелъ, а также не давать ему ни чернилъ, ни бумаги и никого къ нему не подпускать.» Далѣе въ этомъ указѣ въ тобольской канцеляріи находится прелюбопытное продолженіе. «Такъ какъ при Санти находится служитель, то и его держать подъ крѣпкимъ же карауломъ и смотрѣть накрѣпко, чтобъ они не разговаривали между собою, а если случится, что Санти будетъ посылать служителя своего для покупокъ, то водить его въ городъ подъ крѣпкимъ карауломъ и чтобы тамъ онъ ни съ кѣмъ не смѣлъ разговаривать».

Мы спрашиваемъ, нужны ли были эти не умѣстно-строгія предосторожности, при той обстановкѣ, куда былъ сосланъ де-Санти и могъ ли служитель его ходить за покупками въ какой-то мнимый городъ, когда, на самомъ дѣлѣ, на мѣстѣ ссылки существовала одна только ветхая лачужка?

Супруга де-Санти не сопровождала своего мужа въ это дальнее заточеніе; послѣ брака имъ суждено было прожить вмѣстѣ только нѣсколько мѣсяцевъ; при новомъ несчастіи, она не рѣшилась слѣдовать въ дальній сѣверный край и осталась на житьѣ въ Иркутскѣ.

Чтобы показать, какъ жилъ въ своемъ новомъ заточеніи

въ Устьвилюйскѣ графъ де-Санти, я приведу здѣсь слова подпрапорщика Бѣльскаго, сторожившаго изгнанника вмѣстѣ съ восьмью солдатами, находящимися подъ его начальствомъ. Между прочимъ вотъ-что писалъ Бѣльскій: «а живемъ мы, онъ Сантіи, я и караульные солдаты въ самомъ пустынномъ краю, а жилья и строенія никакого тамъ нѣтъ, кромѣ одной холодной юрты, да и та ветхая, а находимся съ нимъ Сантіемъ во всеконечной нуждѣ, печки у насъ нѣтъ и въ зимнее холодное время еле-еле остаемся живы; отъ жестокаго холода хлѣбовъ не гдѣ испечь, а безъ печенаго хлѣба претерпѣваемъ великій голодъ, и кормимъ мы Сантія и сами ѣдимъ болтушку, разводимъ муку на водѣ, отчего всѣ солдаты больны и содержать караулъ не кѣмъ. А колодникъ Сантіи весьма дряхлъ и всегда въ болѣзни находится, такъ-что съ мѣста не встаетъ и ходить не можетъ».

Донесеніе это было писано подпрапорщикомъ Бѣльскимъ къ якутскому воеводѣ послѣ четырехлѣтняго нахожденія де-Санти въ Устьвилюйскомъ зимовьѣ. Нужно ли что̀ прибавлять къ этому ужасному положенію бѣднаго изгнанника; я спрашиваю, не то же ли это, что̀ венеціанскія пломбы, придуманныя западною инквизиціею, съ тою только разницею, что тамъ человѣчество задыхалось отъ удушающаго жара, а здѣсь оно леденѣло отъ нестерпимаго холода, заставлявшаго испытывать самыя томительныя муки?

Во время пребыванія въ Устьвилюйскѣ де-Санти, жена его просила иркутское начальство о дозволеніи отправиться въ Тобольскъ, для свиданія съ родными и испрошенія у нихъ какой-либо денежной помощи; объ этомъ снеслись съ тобольскимъ начальствомъ, которое съ своей стороны нашло невозможнымъ удовлетворить ея просьбѣ.

Дѣло о ссылкѣ де-Санти на этомъ и кончается. Для меня остается совершенно неизвѣстнымъ, долго ли пробылъ въ послѣднемъ своемъ заточеніи графъ де-Санти, былъ ли онъ прощенъ или погибъ въ безлюдной пустынѣ. Если принять въ соображеніе слова подпрапорщика Бѣльскаго, который описываетъ графа дряхлымъ старикомъ, больнымъ и почти недвигающимся, то можно заключить, что онъ долженъ былъ неминуемо погибнуть на мѣстѣ своей ссылки.

Но какой же этотъ графъ де-Санти, который показанъ въ спискѣ награжденныхъ деревнями въ 1744 году въ правленіе Елизаветы Петровны, неужели это тотъ самый, бывшій у насъ въ Сибири? Если это такъ, то выходитъ, что графъ де-Санти былъ прощенъ при восшествіи на престолъ Елизаветы Петровны и пробылъ въ своей ссылкѣ 14 лѣтъ.

Теперь разскажу я самую горестную исторію Ивашкина.

Этотъ несчастный человѣкъ пространалъ всю свою жизнь въ самой отдаленной ссылкѣ, и когда, въ преклонной старости, онъ услыхалъ слово помилованія, то просилъ объ одномъ, чтобы его оставили умереть въ заточеніи.

Вотъ очеркъ дѣла, по которому былъ обвиненъ Ивашкинъ и довольно подробныя свѣдѣнія о пребываніи его въ Восточной Сибири. Петръ Ивашкинъ принадлежалъ къ одной изъ лучшихъ дворянскихъ фамилій; онъ провелъ первые юношескіе года въ Парижѣ, гдѣ и получилъ свое образованіе. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ вступилъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ, гдѣ и состоялъ прапорщикомъ. Въ эту начальную пору своей молодости, Ивашкинъ, исполненный можетъ быть прекрасныхъ упованій въ своемъ будущемъ, имѣлъ несчастіе мгновенно испытать жестокій ударъ судьбы. Вотъ какъ это случилось: Ивашкинъ, Измайловскаго полка сержантъ Снафидинъ и камеръ-лакей императрицы Гурчаниновъ гдѣ-то вмѣстѣ были въ трактирѣ; подгулявъ тамъ, они имѣли неосторожность что-то сказать насчетъ императрицы Елизаветы Петровны; на ихъ несчастіе нашлись шпіоны, которые донесли о бывшемъ разговорѣ и можетъ быть еще въ преувеличенномъ видѣ. Разумѣется, ихъ тотчасъ-же взяли и заключили порознь въ крѣпость; дѣло ихъ продолжалось не долго. При слѣдствіи съ пыткою оказалось, что главнымъ виновникомъ этого дѣла былъ Гурчаниновъ, который въ свою очередь и пострадалъ болѣе всѣхъ. Въ 1742 году состоялся объ нихъ высочайшій указъ, по которому повелѣно было за великоважныя и злодѣйственныя вины, вмѣсто смертной казни, учинить всѣмъ троимъ жестокое наказаніе кнутомъ, вырвать ноздри и сверхъ сего у Гурчанинова, за произносимыя имъ великоважныя, непристойныя слова, отрѣзать языкъ. Для исполненія при-

говора по Указу, виновныхъ изъ Петербурга закованныхъ привезли въ Москву, гдѣ на Красной площади и совершена была надъ ними публичная казнь. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Ивашкинъ говоритъ, что послѣ наказанія, онъ полагалъ, что живъ не останется,—такъ жестоко его избили. За этимъ страшнымъ испытаніемъ начинается для Ивашкина и его товарищей цѣлый рядъ страданій, непрерывавшихся во всю горькую ихъ жизнь въ Восточной Сибири. Когда преступниковъ отправили изъ Москвы въ Тобольскъ за сильнымъ конвоемъ, то капралу Данилову дана была изъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, за подписью генерала Ушакова, особая инструкція. Ихъ велѣно было везти въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, отдѣльно одинъ отъ другаго и отнудь не подпускать къ нимъ никого изъ постороннихъ и самимъ конвойнымъ ничего съ ними не говорить. Препровожденіе Ивашкина съ двумя товарищами случилось въ самое холодное зимнее время. Изъ Тобольска Ивашкина едва живаго привезли въ Иркутскъ. Сопровождавшій его сержантъ Винокуровъ рапортомъ донесъ, что если изъ Иркутска повезутъ далѣе этого колодника, то онъ не перенесетъ дороги и умретъ. Вице-губернаторъ Лангъ поручилъ доктору討 Ваксману освидѣтельствовать больнаго. Ваксманъ сдѣлалъ съ своей стороны отзывъ, что Ивашкинъ одержимъ внутреннею болѣзнію и поэтому весь распухъ, да сверхъ того, отъ кандаловъ онъ имѣетъ язвы на рукахъ и ногахъ и что хотя Ивашкинъ просилъ пользовать его, но онъ не смѣетъ помочь такому важному преступнику. Однакожъ Ивашкина оставили въ Иркутскѣ впредь до выздоровленія и послѣ мѣсячнаго срока отправили сперва въ Якутскъ, а потомъ въ Охотскъ и Камчатку. По опредѣленію сибирской канцеляріи, Ивашкина велѣно содержать въ Большерѣцкѣ, Снафидина въ Нижнекамчатскѣ и Гурчанинова въ Охотскѣ. Хуже всѣхъ досталось въ удѣлъ последнему; онъ постоянно содержался въ острогѣ, между тѣмъ какъ Ивашкинъ и Снафидинъ пользовались свободою, но однакожъ состояли подъ присмотромъ. Очень интересна одна бумага о Гурчаниновѣ охотскаго начальника, въ которой онъ доноситъ, «что Гурчаниновъ, находясь въ острогѣ, проѣлъ всѣ свои деньги, которыя у него были, теперь поми-

раетъ съ голоду, а кормовыхъ ему не положено, пустить же его ходить по-міру онъ боится, чтобы колодникъ не разсказалъ въ народѣ тѣхъ словъ, за что онъ былъ сосланъ». Говоря о Гурчаниновѣ, еще замѣчу одно обстоятельство: когда этого преступника привезли въ Охотскъ, то одинъ изъ сопровождавшихъ его казаковъ имѣлъ несчастіе взять отъ Гурчановича письмо для передачи кому-то въ Якутскъ; объ этомъ узнали; началась переписка и сибирская тобольская канцелярія предписала: «казака, за передачу письма, высѣчь нещадно кнутомъ, дабы для другихъ не было повадно».

При ссылкѣ Ивашкина, ничѣмъ не обезпечили его существованія въ странѣ безхлѣбной и безлюдной; онъ даже не получалъ кормовыхъ денегъ, и, находясь въ крайнемъ состояніи, долженъ былъ кое-какъ трудами добывать себѣ насущный хлѣбъ и болѣе всего питался рыбою, которую ловилъ самъ; онъ также училъ дѣтей грамотѣ и часто исправлялъ должность дьячка, за что давали ему ржаную муку и другіе припасы. Несчастному Ивашкину, за проступокъ своей молодости, можетъ быть и не важный, пришлось поплатиться всею жизнію и умереть въ ссылкѣ. Въ 1787 году Камчатку посѣтилъ знаменитый графъ Лаперузъ; какъ французъ-путешественникъ, онъ обратилъ свое вниманіе на все болѣе замѣтное и познакомился со всѣми извѣстными личностями тогдашняго управленія и между прочимъ съ Ивашкинымъ. Выписываемъ то мѣсто, гдѣ Лаперузъ упоминаетъ объ изгнанникѣ: «Je témoignai à M-r Kasloff (тогдашній губернаторъ Камчатки) ma surprise de trouver le vieillard Ivaschkin au Kamtschatka, les relations anglaises annonçant qu'il avait enfin obtenu la permission d'aller habiter Okhotsk. Nous ne pûmes nous empêcher de prendre le plus vif intérêt à cet infortuné, en apprenant que son seul délit consistait dans quelques propos indiscrets tenus sur l'Impératrice Elisabeth, au sortir d'une partie de table, où le vin avait égaré sa raison; il était alors âgé de moins de vingt ans, officier aux gardes, d'une famille distinguée de Russie, d'une figure aimable, que le temps ni les malheurs n'ont pu changer: il fut dégradé, envoyé en exil au fond du Kamtschatka, après

avoir reçu le knout et avoir eu les narines fendues. L'Impératrice Cathérine, dont les regards s'étendent jusque sur les victimes des règnes qui ont précédé le sien, a fait grâce depuis plusieurs années à cet infortuné; mais un séjour de plus *de cinquante ans* au milieu des vastes forêts du Kamtschatka, le souvenir amer du supplice honteux qu'il a subi, peut-être un secret sentiment de haine pour l'injustice humaine qui a si cruellement puni une faute que les circonstances pouvaient excuser; ces divers motifs l'ont rendu insensible à cet acte tardif de justice et il se proposa de mourir en Sibérie. Nous le priâmes d'accepter du tabac, de la poudre, du plomb, du drap, et généralement tout ce que nous jugions lui être utile; il avait été élevé à Paris, il entendait encore un peu le français et il retrouva beaucoup de mots pour nous exprimer sa reconnaissance; il aimait M-r. Kasloff comme son père, il l'accompagnait dans son voyage par affection, et ce bon gouverneur avait pour lui des égards bien propres à opérer dans son âme l'entier oubli de ses malheurs».

Говоря о несчастіяхъ Ивашкина, невольно дѣлаешь вопросъ: отчего онъ не былъ прощенъ въ продолжительное царствованіе Екатерины II? Въ 1770 году Ивашкинъ подалъ просьбу иркутскому губернатору Нѣмцеву, въ которой просилъ перевесть его въ Иркутскую губернію, въ одно изъ хлѣбородныхъ мѣстъ. Что по этой просьбѣ вышло, изъ дѣла не видно; въ спискѣ преступниковъ, находящихся въ Камчаткѣ, Ивашкинъ былъ еще въ Большерѣцкѣ въ 1783 г. Послѣ своей тридцатипятилѣтней ссылки, когда Ивашкину уже было за 60 лѣтъ, проведенныхъ имъ въ постоянныхъ страданіяхъ и нуждѣ, ему наконецъ разрѣшена была свобода жить гдѣ онъ захочетъ; но изгнаннику, удрученному лѣтами и житейскимъ горемъ, невозможно было и подумать о переселеніи и онъ какъ милости просилъ оставить его въ Камчаткѣ. Ивашкинъ при этомъ выразился въ своемъ отзывѣ: «куда мнѣ ѣхать при моей дряхлости! я чувствую, что не переживу моего переселенія и умру на первомъ переѣздѣ». Наконецъ Ивашкина порадовали: по этой просьбѣ ему оказали милость, оставили въ Камчаткѣ, гдѣ и кончилась жизнь этого мученика.

Представивъ здѣсь эти два грозные примѣра ссылки, изумляющіе своими дикими размѣрами неестественнаго наказанія, я вывожу слѣдующее заключеніе:—какъ эти случаи, такъ и множество другихъ, выказываютъ самую грубую и невѣжественную сторону тогдашняго воззрѣнія на проступки людей. Послѣ наказанія въ Россіи, казалось бы, преступника слѣдовало, если это было нужно, сослать въ Сибирь въ одно какое–либо мѣсто, ужъ и это было бы для него тяжкимъ наказаніемъ. Но каково же, послѣ позора публичной казни, опять страдать, и страдать нескончаемо, въ дебряхъ Сибири, гдѣ несчастныхъ, по произволу одного какого нибудь временщика, или содержали вѣчно въ тюрьмѣ, или возили съ мѣста на мѣсто, или наконецъ бросали въ такой уголъ пустыннаго сѣвера, гдѣ убійственный климатъ добивалъ жизнь погибшаго человѣка. Вотъ эту-то сторону безконечной казни я и хотѣлъ выразить въ моей статьѣ, и увѣренъ, что не многимъ извѣстны были подробности тяжкихъ страданій людей, имѣвшихъ несчастіе попасть въ эту отдаленную страну.

И. СЕЛЬСКІЙ.

Иркутскъ.

Обманъ.

За цѣпь жемчужную, достойную плеча́
И шеи царственной, въ восторгѣ, Фаусти́на
Серебрянику Каю, сгоряча,
Дала милльонъ сестерцій... Два рубина,
Какъ-будто въ тотъ-же мигъ окрашены въ крови́,
Смыкали эту цѣпь напёрсную любви...
Но старый казначей былъ знатокомъ отмѣннымъ
И жѐмчугу, и камнямъ драгоцѣннымъ.
— «Императрица! если ты велишь,
Я отпущу милльонъ сестерцій негодяю,
А негодяй онъ — истинный — я знаю;
Всё ожереліе — подложное... гони-жь
Его скорѣе прочь, — и Кесарю — ни слòва.»
Промолвилъ казначей.
Да Кесаря другова,
Дослы́шливѣй, чѣмъ кесарь Галліэнъ,
И не́было тогда, и нѣтъ теперь такова:
Всё — у́ши у него, отъ потолка до стѣнъ.
И услыхалъ... Сенатскимъ приговоромъ
Объявленъ Кай мошенникомъ и воромъ,
И къ цирку присуждёнъ, на растерзанье львамъ,
И Кесарь приговоръ скрѣпилъ законно самъ...

—

Обрадовался Римъ!.. Давнò уже граждане
Квиритской кровію не тѣшили свой взоръ,

И не забавенъ былъ имъ смертный приговоръ:
Всё варвары одни, да христіане,
Кто съ гордою улыбкой, кто съ мольбой,
Встрѣчали въ циркѣ смерть, и съ ней вступали въ бой...

—

Но вотъ согра̀жданинъ, съ всемірными правами,
Погибнуть обречёнъ подъ львиными когтями!..

—

Какой нежданный случай!.. Въ Колизей,
Съ утра̀, всѣ выходы и входы осаждала
Несмѣтная толпа, и не ждало̀ся ей,
И вся она волной прибойной грохотала...

—

Но двери отперли́сь, и шумная толпа,
Сама-собой оглушена, слѣпа,
Снизалась въ нить головъ на мраморныхъ ступеняхъ
Амфитеатра...

—

Вотъ, на сглаженномъ пескѣ,
Въ предчувствіи послѣднихъ мукъ, въ тоскѣ,
Стои́тъ преступникъ самъ на трепетныхъ колѣняхъ;
Послѣдней блѣдностью одѣлося чело,
Послѣдняя слеза повисла на рѣсницѣ,
А Фебъ надъ нимъ летитъ, какъ будто-бы на зло̀,
Въ своей сверкающей горячей колесницѣ...

—

Ждутъ Кесаря... И въ ложу онъ вошёлъ,
И Фаустина съ нимъ; въ глазахъ ея томленье
И тайная мольба; но римскій произволъ
Казня, не миловалъ... Ещё одно мгновенье —
И дро̀гнулъ циркъ, и, заскрипѣвъ, снялась
Съ заржавленныхъ петлѐй желѣзная рѣшетка,
И на арену вылетѣлъ — каплунъ...

—

О!.. еслибъ Зевсъ сломилъ свой пламенный перунъ,
Иль потонула-бы харoновская лодка,
Наврядъ-ли были-бъ такъ сотрясены сердца̀
Всѣхъ зрителей, съ конца и до конца,
И не были-бы такъ изумлены и жалки

Отцы-сенаторы, фламины и весталки,
Съ опущеннымъ перстомъ... *)

—

— «Всё въ жизни — прахъ и тлѣнъ,
Отцы-сенаторы!» промолвилъ Галліэнъ
Зѣвнувъ, и выходя съ супругою изъ ложи:
— «Онъ обманулъ — ну-вотъ — и самъ обманутъ тоже»...

Л. МЕЙ.

1 іюля 1861 г.

---

*) Фламины — верховные жрецы. Весталки осуждали въ циркѣ на казнь, опуская внизъ большой палецъ правой руки.

АПОЛЛОНІЙ ТІАНСКІЙ.

АГОНІЯ ДРЕВНЯГО РИМСКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ ЕГО ПОЛИТИЧЕСКОМЪ, НРАВСТВЕННОМЪ И РЕЛИГІОЗНОМЪ СОСТОЯНІИ.

III.

(*Окончаніе.*)

За 4 года до Р. Хр. родился въ каппадокійскомъ городѣ Тіанѣ у богатаго гражданина Аполлонія сынъ, котораго назвали именемъ отца. Жизнь и дѣятельность этого Аполлонія произвели сильное впечатлѣніе на умы современниковъ, и потому самое рожденіе его было окружено разными чудесными сказаніями. Говорятъ, что Протей явился беременной матери Аполлонія и объявилъ ей, что она родитъ его, Протея; далѣе разсказывали, будто мать Аполлонія, повинуясь сновидѣнію, отправилась незадолго до своего разрѣшенія на лугъ рвать цвѣты, потомъ заснула на лугу, проснулась отъ пѣнія кружившихся надъ нею лебедей и тотчасъ послѣ своего пробужденія родила Аполлонія. Въ это самое время молнія упала на землю и потомъ съ земли снова поднялась къ небу. «Этимъ знаменіемъ, говоритъ Филостратъ, боги хотѣли обозначить и предсказать величіе этого человѣка, его возвышеніе надъ земнымъ, и приближеніе къ божеству». Мальчикъ, родившійся послѣ такихъ чудесныхъ предзнаменованій, былъ очень красивъ и рано обнаружилъ счастливыя умственныя способности. Когда ему минуло 14 лѣтъ, отецъ повезъ его въ Киликію, въ городъ Тарсъ, и отдалъ на воспитаніе ритору Эвтидему. Изъ Тарса Аполлоній переѣхалъ вмѣ-

стѣ съ своимъ учителемъ, съ согласія отца, въ городъ Эги; причину этого переѣзда Филостратъ объясняетъ тѣмъ, что Аполлонію не понравились нравы жителей Тарса, любившихъ роскошь и шумныя общественныя удовольствія. Видно, что біографъ хочетъ показать намъ, какъ въ отрокѣ заключались зародыши будущаго аскета; предположивъ себѣ такую цѣль, Филостратъ не боится натяжекъ и, коментируя факты, старается показать по возможности цѣльный характеръ. Его догадка о причинахъ переѣзда Аполлонія въ Эги очевидно носитъ на себѣ панегирическій характеръ. Мы возьмемъ только самый фактъ переѣзда, оставляя въ сторонѣ причины, которыя, во 1-ыхъ, не совсѣмъ сообразны съ возрастомъ Аполлонія, во 2-ыхъ высказаны у Филострата совершенно голословно и бездоказательно. Переѣхавъ въ Эги, Аполлоній сталъ слушать представителей разныхъ философскихъ ученій, платониковъ, стоиковъ, перипатетиковъ, и даже эпикурейцевъ; здѣсь стала развиваться въ немъ мистическая мечтательность, выразившаяся въ особенномъ сочувствіи его къ пиѳагореизму. Замѣчательно, что его поразили самыя идеи пиѳагореизма, а не живая личность учителя.

Учитель пиѳагоровой философіи, Эвксенъ изъ Иракліи на Понтѣ, самъ не исполнялъ преподаваемыхъ имъ нравственныхъ правилъ и жилъ какъ Эпикуреецъ; на молодаго, пылкаго Аполлонія ученіе Пиѳагора подѣйствовало очень сильно, тѣмъ болѣе, что онъ видѣлъ, какъ мало примѣняютъ его къ дѣйствительной жизни; ему пошелъ семнадцатый годъ, онъ былъ красавецъ собою, человѣкъ, полный энергіи и жизненной силы; рѣшимости въ немъ было много и онъ, съ полнымъ жаромъ юношескаго убѣжденія, положилъ себѣ цѣлью жизни воплотить въ своей личности идеалъ пиѳагорейскаго мудреца. Въ отношеніяхъ его къ Эвксену выразилась кроткая терпимость его личности; онъ былъ ему благодаренъ за передачу тѣхъ идей, которыя стали руководить его поступками, и при этомъ нисколько не приходилъ въ негодованіе отъ того, что самъ Эвксенъ живетъ не такъ, какъ велитъ жить проповѣдуемое имъ ученіе; онъ продолжалъ любить его какъ бывшаго учителя, выпросилъ у своего отца загородный домикъ съ садомъ и подарилъ его Эвксену: «живи ты здѣсь по-своему, сказалъ онъ ему, а я стану жить по обычаю Пиѳагора».

— Съ чего же ты начнешь? спросилъ Эвксенъ.

— Съ того, съ чего начинаютъ медики, отвѣчалъ Аполлоній. Очищая желудокъ, они однихъ предохраняютъ отъ болѣзни, а другихъ

вылечиваютъ. Гигіеническія предписанія прежде всего обратили на себя вниманіе Аполлонія и онъ рѣшительно отказался отъ мясной пищи, считая ее «нечистою и омрачающею умъ»; плоды и овощи и все, что предлагаетъ человѣку сама земля считалось чистымъ; вино, какъ напитокъ, добываемый изъ прекраснаго растенія, тоже чистое вещество, но оно противудѣйствуетъ спокойной работѣ мысли и омрачаетъ свѣтлый эѳиръ души. Откинувъ все лишнее въ пищѣ, Аполлоній измѣнилъ и одежду; онъ сталъ ходить босыми ногами, отказался отъ шерстянаго платья, приготовляемаго изъ животнаго матеріала, и ограничился льняною одеждою; онъ отростилъ волосы на головѣ и сталъ жить въ храмѣ, чтобы быть въ постоянномъ общеніи съ божествомъ. Онъ выбралъ для своего жительства храмъ Эскулапа и тутъ, для ознакомленія съ его характеромъ, любопытно разсмотрѣть, какое побужденіе заставило его поселиться въ храмѣ. Можно сдѣлать три предположенія: 1) или Аполлоній хотѣлъ дѣйствовать на народъ и съ этою цѣлью старался пріобрѣсти репутацію любимца боговъ 2) или онъ, какъ пылкій и вѣрующій юноша, ждалъ отъ боговъ дѣйствительныхъ откровеній и вѣрилъ въ ихъ святыню; 3) или наконецъ, онъ, какъ любознательный практическій медикъ, старался воспользоваться медицинскими секретами жрецовъ Эскулапа. Первое предположеніе всего менѣе выдерживаетъ критику. Все поведеніе Аполлонія во время его пребыванія въ Эги скромно, просто и естественно. Онъ не пророчествуетъ, не разсказываетъ о своихъ видѣніяхъ и только одинъ разъ проповѣдуетъ о нравственномъ характерѣ молитвы. Въ тѣхъ чертахъ его жизни, которыя приводитъ Филостратъ, выражается живой умъ Аполлонія и рѣдкая наблюдательность, но никакъ не даръ ясновидѣнія. Стало быть, въ то время, Аполлоній не уяснилъ себѣ цѣль своей дѣятельности настолько, чтобы для успѣшнаго ея достиженія употреблять безъ церемоніи обманъ и фокусничество; стало быть, его пребываніе въ храмѣ Эскулапа трудно объяснить желаніемъ обратить на себя вниманіе народной толпы. Вѣроятно, онъ искалъ для своей личности какого нибудь высшаго блага отъ соприкосновенія съ божествомъ, или какихъ нибудь спеціальныхъ свѣдѣній отъ постоянныхъ сношеній съ жрецами. Его красота и молодость, особенности его строгаго образа жизни обратили на себя вниманіе окрестныхъ жителей и они толпами потянулись въ храмъ Эскулапа; жрецамъ было необходимо, чтобы, отъ времени до времени, какое нибудь чудо освѣжало уваженіе массы къ ихъ божествамъ, и пото-

му они немедленно распустили слухъ, будто Эскулапъ сообщилъ имъ слѣдующее: «ему, Эскулапу, пріятно имѣть въ Аполлоніѣ свидѣтеля своихъ исцѣленій». Этотъ слухъ усилилъ притокъ богомольцевъ до такой степени, что, по увѣренію Филострата, у Киликійцевъ возникла поговорка: «куда спѣшишь? Не къ юношѣ-ли»? Достоинство, съ которымъ держалъ себя Аполлоній, его здравый умъ и замѣчательный тактъ въ обращеніи съ людьми усиливали то уваженіе, которое къ нему питали приходящіе посѣтители. Это уваженіе переходило постепенно въ суевѣрное благоговѣніе, потому что толпа въ своей любви и въ своей ненависти рѣдко умѣетъ останавливаться на половинѣ дороги. Умные совѣты и медицинскія предписанія Аполлонія стали принимать, безъ малѣйшаго на то повода съ его стороны, за внушенія божества, прорицанія. Общественное мнѣніе почти насильно выдвинуло его въ прорицатели; ему самъ народъ указалъ на свое суевѣріе; онъ внушилъ Аполлонію мысль воспользоваться имъ какъ средствомъ для обновленія его одряхлѣвшей нравственности. Самыя простыя событія его вседневной жизни, самыя незначительныя столкновенія его съ посѣтителями храма принимали въ глазахъ вѣрующаго народа физіономію чуда и превращались въ легенды, которыя были записаны сначала Максимомъ изъ Эгъ, а потомъ Филостратомъ. Однажды явился въ храмъ Эскулапа ассирійскій юноша, страдавшій водяною болѣзнью и между тѣмъ продолжавшій пьянствовать и вести распутную жизнь. Онъ усердно просилъ у Эскулапа исцѣленія и богъ явился ему во снѣ и сказалъ: «Если ты поговоришь съ Аполлоніемъ, то получишь облегченіе». Юноша отправился къ Аполлонію и спросилъ у него: «чѣмъ поможетъ мнѣ твоя мудрость? Эскулапъ приказалъ мнѣ обратиться къ тебѣ».

— Тѣмъ, отвѣчалъ Аполлоній, что для тебя теперь очень дорого. Вѣдь ты нуждаешься въ здоровьи?

— Конечно, отвѣчалъ юноша; Эскулапъ обѣщаетъ мнѣ здоровье и все не даетъ его.

— Не говори такъ, замѣтилъ Аполлоній; онъ даетъ здоровье тѣмъ, кто его желаетъ, а ты самъ, напротивъ того, помогаешь своей болѣзни. Ты живешь въ свое удовольствіе, наполняешь разными лакомствами промоченный и испорченный свой желудокъ и льешь такимъ образомъ въ воду помои. Юноша послушался совѣта Аполлонія и выздоровѣлъ, а Филостратъ, разсказывая это событіе самымъ наив-

нымъ образомъ, видитъ въ разумномъ медицинскомъ совѣтѣ голосъ божества [1]).

Въ другой разъ Аполлоній увидѣлъ на алтарѣ кровь многихъ, дорогихъ жертвенныхъ животныхъ, которыхъ священнослужители тутъ же раздирали на части; возлѣ этихъ приношеній стояли два богатые золотые сосуда, украшенные драгоцѣнными камнями. Аполлоній подошелъ къ жрецу: «Что это такое? спросилъ онъ. Должно быть, очень богатый человѣкъ, приноситъ богу эти дары? Жрецъ отвѣчалъ ему на это, что принесшій эти дары богаче всѣхъ жителей Киликіи вмѣстѣ взятыхъ, что онъ пріѣхалъ въ Эги наканунѣ и проситъ бога возвратить ему вытекшій глазъ, обѣщая принести еще больше даровъ, если богъ позволитъ ему проникнуть въ святилище».

Аполлоній опустилъ глаза въ землю и спросилъ: «какъ зовутъ этого человѣка?» Услышавъ его имя, онъ сказалъ: «по моему мнѣнію, этого человѣка не слѣдуетъ принимать въ святилище: онъ совершилъ преступленіе и болѣзнь его происходитъ отъ дурной причины; не добившись отъ бога никакой милости, онъ приноситъ великолѣпныя жертвы; это не дары, а отмаливаніе тяжелаго злодѣянія». Несмотря на рѣшительный тонъ рѣчи Аполлонія, въ немъ видны ясно умозаключенія, основанныя на наблюденіи внѣшней физіономіи фактовъ; видно даже, что Аполлоній самъ не думаетъ выдавать своего разсужденія за внушеніе свыше, но слова его оправдываются па дѣлѣ; оказывается, что богатый жертвователь имѣлъ любовную интригу съ своею падчерицею и что жена его выколола ему глазъ иголкою. Жрецъ Эскулапа объявляетъ, что богъ, явившійся ему во снѣ, приказалъ кривому просителю удалиться съ своими дарами, говоря, что онъ заслуживаетъ лишиться и другаго глаза. Изъ этого разсказа очевидно, что Аполлоній строгостью своихъ нравственныхъ убѣжденій имѣлъ вліяніе на поступки жреческаго сословія. Понимая его важность для процвѣтанія ихъ храма, жрецы дорожили его присутствіемъ; боясь смѣлаго слова обличенія со стороны пылкаго юноши, они не рѣшались ему противорѣчить; они не могли не подражать его неподкупной честности, потому что иначе слишкомъ не выгодно оттѣнили бы себя въ глазахъ народа. Подражая этой честности, жрецы терпѣли убытки; имъ пришлось, напримѣръ, отказаться отъ даровъ киликійскаго богача; чтобы наверстывать эти убытки, нужно было до-

[1]) Vit. Ap. I, 9.

бывать какъ можно больше выгоды изъ личности Аполлонія, бывшаго виновникомъ убытковъ, т. е., нужно было прокричать объ немъ, какъ о прорицателѣ и любимцѣ боговъ, чтобы его славою приманивать къ храму просителей и жертвователей.

Слова и поступки Аполлонія, сказанныя и сдѣланные имъ въ простотѣ сердечной, могли въ устахъ жрецовъ принимать самую фантастическую физіономію; народу это было любо, и потому легко могло случиться, что Аполлоній, скромный молодой человѣкъ, расположенный къ созерцательной жизни, былъ сдѣланъ прорицателемъ прежде, чѣмъ самъ онъ замѣтилъ въ себѣ какую нибудь наклонность мистифировать народъ и господствовать надъ его воображеніемъ. Но когда незамѣтно для него самого, поставили его, на пьедесталъ и произвели въ полубоги, онъ, не будучи въ состояніи и не желая отказываться отъ величія, котораго онъ не искалъ, принимая его, можетъ быть, при мистическомъ направленіи своего ума, за выраженіе воли божества, сталъ пользоваться имъ, какъ средствомъ благодѣтельно подѣйствовать на нравственность массы.

При этомъ онъ, согласно съ общимъ убѣжденіемъ древнихъ мыслителей, не считалъ за грѣхъ обманывать народъ для его же пользы. Если строгій и холодный мыслитель, Варронъ, прямо говоритъ, что народу нетолько полезно не знать многое существующее, но даже полезно вѣрить во многое несуществующее, то тѣмъ болѣе можно извинить пылкаго мистика, если онъ вдается въ фокусничество и шарлатанство, думая произвести этими средствами благодѣтельную нравственную реформу.

Сумму убѣжденій, выработавшихся въ его душѣ въ теченіи того времени, которое онъ пробылъ въ Эгахъ, Аполлоній вложилъ въ краткую рѣчь о силѣ молитвы и о жертвоприношеніяхъ. Эта рѣчь заключаетъ въ себѣ два важные факта умственной жизни Аполлонія: во-первыхъ эмансипацію отъ грубаго суевѣрія, т. е. отъ фетишизма, во-вторыхъ, поворотъ къ идеальному мистицизму. Какъ человѣкъ съ сильнымъ отъ природы эстетическимъ чувствомъ, Аполлоній воображаетъ себѣ боговъ — существами справедливыми и премудрыми, и потому доходитъ до того положенія, что всякая внѣшняя молитвенная просьба безполезна и почти грѣховна, какъ сомнѣніе въ премудрости или справедливости божества. Но отвергая молитву какъ просьбу какого нибудь желаемаго блага, онъ признаетъ необходимость молитвы, какъ изъявленія покорности передъ волею

высшихъ, безсмертныхъ и нравственно совершенныхъ существъ.— Аполлоній очевидно не проводитъ свою мысль до конца; въ процессъ его размышленія врываются чувство и фантазія, и онъ безусловно требуетъ отъ добродѣтельнаго человѣка молитвы и уваженія къ богамъ, не доказавши ихъ необходимости и уже подвергнувши сомнѣнію дѣйствительность и разумность просительной молитвы. Въ произнесенной имъ рѣчи было все, что нужно, чтобы понравиться народу и внушить ему благоговѣйное уваженіе къ оратору. Его идеи были настолько смѣлы, что могли показаться новыми, и между тѣмъ религіозное чувство настолько умѣряло и стѣсняло работу критической мысли, что слова Аполлонія не могли никого озадачить и испугать, какъ пугалъ и озадачивалъ неумолимо-послѣдовательный раціонализмъ эпикурейцевъ.

Между тѣмъ семейныя обстоятельства вызвали Аполлонія изъ Эгъ. У него умеръ отецъ и пришлось дѣлить оставленное наслѣдство съ старшимъ братомъ, человѣкомъ пьянымъ и развратнымъ. Аполлонію было въ то время 20 лѣтъ, а старшему брату 23 года и этотъ возрастъ освобождалъ его отъ опеки. Молодому мыслителю не хотѣлось оставить брата безъ нравственной поддержки и, чтобы пріобрѣсти надъ нимъ вліяніе, онъ уступилъ ему бо́льшую часть наслѣдства; боясь оскорбить его самолюбіе, онъ представилъ ему, что они могутъ быть полезны другъ другу взаимными совѣтами и убѣдилъ его такимъ образомъ выслушивать его наставленія; кончилось тѣмъ, что старшій братъ оставилъ свои дурныя привычки и сдѣлался порядочнымъ человѣкомъ; затѣмъ Аполлоній помогъ изъ своего имѣнія разнымъ бѣднымъ родственникамъ, и, покончивъ свои дѣла съ внѣшнимъ міромъ, обратилъ всѣ силы души на внутреннее самосовершенствованіе, какъ онъ понималъ его, согласно съ мечтательнымъ направленіемъ своего ума. Разсказъ Филострата объ отношеніяхъ Аполлонія къ брату [1]) можетъ возбудить противъ себя подозрѣнія. Объ этомъ братѣ ни прежде, ни послѣ не говорится ни слова; мы не знаемъ даже его имени; видны только развратныя привычки, очерченныя общими мѣстами и цифра лѣтъ, показывающая, что онъ старшій братъ Аполлонія; то и другое, можетъ быть, приведено для того, чтобы оттѣнить съ выгодной стороны личность героя, чтобы выставить его благоразуміе, его воздер-

¹) V, Ap. I, 13.

жаніе и великодушную щедрость. Сверхъ того, нужно же было показать, что аскетическія убѣжденія Аполлонія способны принести дѣятельную пользу и поставить на путь истины погибающаго человѣка.

II.

Раздавши родственникамъ большую часть своего имѣнія, Аполлоній продолжалъ совершенствоваться въ пиѳагорейскомъ образѣ жизни. Аскетизмъ его далеко оставилъ за собою тѣ предписанія, которыя преданіе относило къ Пиѳагору. Пиѳагоръ предписывалъ соблюденіе супружеской вѣрности, Аполлоній обрекъ себя на безбрачіе и отказался отъ наслажденія любви. Разсказъ Филострата объ этомъ рѣшеніи молодаго аскета заслуживаетъ довѣрія. Чтобы окончательно укрѣпиться въ мудрости, Аполлоній положилъ на себя обѣтъ молчанія и хранилъ его впродолженіи пяти лѣтъ. Этотъ обѣтъ не понимался въ буквальномъ смыслѣ слова древнѣйшими пиѳагорейцами. Пиѳагоръ, по словамъ Мейнерса [2]), принималъ въ свое общество людей, которыхъ онъ предварительно подвергалъ извѣстному испытанію, чтобы убѣдиться въ ихъ умственныхъ способностяхъ, въ ихъ нравственной твердости и въ ихъ умѣніи хранить тайну. Это испытаніе называлось временемъ молчанія, и позднѣйшіе пиѳагорейцы стали принимать это слово буквально; при общемъ аскетическомъ направленіи ихъ практической философіи, подвигъ долговременнаго молчанія сталъ считаться блестящею побѣдою духа надъ тѣломъ. Такъ понималъ его Аполлоній, обрекая себя на это чувствительное лишеніе. Время своего молчанія онъ провелъ въ Памфиліи и въ Киликіи; когда ему нужно было выразить свое мнѣніе, онъ обращался къ мимикѣ и, благодаря своей прекрасной наружности, часто однимъ движеніемъ руки или лицевыхъ мускуловъ производилъ на массу народа глубокое и прочное впечатлѣніе. Въ памфильскомъ городѣ Аспендѣ онъ, если вѣрить Филострату, успѣлъ укротить опасное волненіе. Аспендскіе богачи скупили весь хлѣбъ, заперли его въ свои анбары и хотѣли продавать его за границу по возвышенной цѣнѣ. Народъ сталъ терпѣть голодъ, и, полагая, что во всемъ виноватъ

---

[2]) Geschichte der Wissenschaf. in Griechenl. und Rom. Bd I. S. 452—454.

городской намѣстникъ, взбунтовался противъ него, принудилъ его искать убѣжища у подножія императорскихъ статуй, и окружилъ его, угрожая ему горящими головнями. Въ эту минуту неожиданно явился Аполлоній и спросилъ знаками: въ чемъ дѣло? Намѣстникъ отвѣчалъ, что онъ ни въ чемъ не виноватъ, что онъ вмѣстѣ съ народомъ терпитъ обиду и что онъ погибнетъ вмѣстѣ съ народомъ, если ему не позволятъ говорить въ свое оправданіе. Аполлоній обратился тогда къ народу и знакомъ попросилъ его успокоиться. Раздраженная толпа утихла и положила головни на жертвенники. Намѣстникъ собрался съ духомъ и назвалъ имена тѣхъ богачей, которые захватили въ свои руки всю хлѣбную торговлю. Граждане изъявили желаніе отнять у нихъ собранный хлѣбъ и пустить его въ продажу, но Аполлоній приказалъ привести этихъ монополистовъ на площадь и написалъ къ нимъ слѣдующее сильное воззваніе: «Аполлоній къ хлѣбнымъ торговцамъ города Аспенда. Земля общая мать всѣхъ людей; она справедлива. Вы же несправедливо сдѣлали ее вашею исключительною матерью. Если вы не исправитесь, я вамъ не позволю стоять на землѣ». Богачи испугались этого воззванія, тѣмъ болѣе, что окружающая ихъ толпа придавала своею грозною физіономіею страшный вѣсъ послѣднимъ словамъ Аполлонія. Они отперли свои анбары, наполнили хлѣбомъ городскіе рынки и въ успокоившемся городѣ снова водворилось довольство. Появленіе Аполлонія въ ту самую минуту, когда раздраженный народъ готовился растерзать на части намѣстника, составляетъ происшествіе чрезвычайно эффектное и не вполнѣ правдоподобное; что же касается до вмѣшательства Аполлонія въ отношенія между горожанами, то это вмѣшательство по духу своему вполнѣ соотвѣтствуетъ всей его послѣдующей дѣятельности. Онъ здѣсь является вдохновеннымъ защитникомъ бѣдной и притѣсненной черни и поборникомъ общиннаго права. И то и другое явленіе вытекаетъ изъ историческаго порядка вещей; пауперизмъ на протяженіи всей Римской имперіи бросался въ глаза самыми жалкими и возмутительными своими сторонами. Серьезному мечтателю, предположившему произвести нравственную реформу въ окружающемъ его обществѣ необходимо было противодѣйствовать этому явленію; увлекаясь непосредственнымъ чувствомъ, не имѣя ни основательнаго научнаго образованія, ни способности къ безсмертному мышленію, Аполлоній рѣшалъ вопросъ о пауперизмѣ съ-плеча и прямо бросался въ несбыточныя и оскорбительныя для личности человѣка утопіи ком-

мунизма. Въ воззваніи его къ богатымъ Аспендійцамъ выражена только мысль о томъ, что земля общая мать и кормилица всѣхъ людей, но эта мысль, какъ видно изъ употребленія ея въ этомъ воззваніи, не была простою риторическою побрякушкою. Въ ней выразилось глубокое убѣжденіе оратора и этому убѣжденію суждено было развиться и выработаться въ позднѣйшей дѣятельности Аполлонія. Когда кончилось время молчанія, Аполлоній рѣшился учить другихъ тѣмъ результатамъ, которые онъ выработалъ послѣ пятилѣтняго постояннаго и сосредоточеннаго мышленія. Главнымъ его предметомъ была религія и практическая нравственность; его любящей и страстной природѣ были почти недоступны сферы отвлеченнаго мышленія и діалектическое развитіе идеи для идеи постоянно оставалось ему чуждымъ. Его интересовало все то и только то, что имѣло живое отношеніе къ человѣку, что непосредственно и тѣсно было связано съ его потребностями и стремленіями, что обусловливало его поступки и отношенія къ жизни и къ обществу. На этомъ основаніи онъ былъ медикъ, проповѣдникъ, филантропъ, коммунистъ и демократъ. Его занимали и физическое здоровье человѣка и внутреннее, духовное довольство его и внѣшняя безопасность въ матеріальномъ и общественномъ отношеніи. Онъ рѣшалъ такимъ образомъ вопросы, относившіеся повидимому къ совершенно различнымъ сферамъ знанія и дѣятельности, не имѣвшіе между собою непосредственной связи, но соединявшіеся между собою въ одномъ высшемъ, многообъемлющемъ центрѣ, въ личности человѣка. Ассирійскому юношѣ онъ совѣтовалъ держать діэту, жрецамъ Эскулапа объяснялъ истинное, по его мнѣнію, значеніе молитвы, брату своему указывалъ на воздержный образъ жизни, аспендійскимъ монополистамъ доказывалъ необходимость человѣколюбія и нѣкотораго стѣсненія личныхъ интересовъ во имя благосотоянія народной массы. Съ этимъ практическимъ направленіемъ мыслительной дѣятельности Аполлонія гармонировалъ характеръ его изложенія. Онъ говорилъ просто, коротко и сильно, не гнался за кудреватыми украшеніями рѣчи, не вдавался въ діалектическія тонкости и не любилъ спорить съ своими слушателями. Языкъ его былъ правильный и чисто аттическій, но въ немъ не было замѣтно педантическихъ усилій отрѣшиться отъ всякихъ случайныхъ провинціализмовъ. Форма сама по себѣ не занимала его, и, какъ художнику, давалась ему въ руки сразу, безъ труда и усилія, облекая собою мысль и какъ бы сростаясь съ нею; онъ говорилъ короткими предложеніями, которыя Филостратъ называетъ ал-

мазными, и высказывалъ свою мыслъ смѣло, рѣшительно, безъ колебаній и безъ ограниченій. Догматическій тонъ его поученій становился смѣлѣе и повелительнѣе по мѣрѣ того, какъ возрастала его популярность и жизненная зрѣлость.

Одинъ софистъ спросилъ у Аполлонія почему онъ не излагаетъ свое ученіе въ формѣ изслѣдованія. «Дѣлалъ я это, отвѣчалъ Аполлоній, когда мальчикомъ былъ. Теперь мое дѣло не изслѣдовать, а учить тому, что я нашелъ».

— А какъ же, продолжалъ его собесѣдникъ, слѣдуетъ мудрецу говорить о научныхъ вопросахъ?

— Тономъ законодателя, отвѣчалъ Аполлоній. А законодатель, продолжалъ онъ, долженъ обязывать толпу къ исполненію того, что онъ самъ сознаетъ истиннымъ.

Въ этихъ словахъ заключается полное и догматическое оправданіе умственнаго деспотизма. Прославленный и возвеличенный окружающими посредственностями, даровитый юноша очевидно впадаетъ въ самообожаніе и начинаетъ вѣрить въ самого себя, какъ въ полное и непогрѣшимое воплощеніе абсолютной истины. Отъ этой самонадѣянной вѣры въ собственную личность не далеко до потребности сдѣлать эту вѣру общимъ достояніемъ массы и явиться вдохновеннымъ провозвѣстникомъ новой религіи. Такая цѣль обыкновенно поглощаетъ всѣ силы человѣка, онъ отказывается отъ матеріальнаго комфорта, отъ высшихъ наслажденій семейной жизни, отъ почестей, даже отъ вліянія на государственныя дѣла; но это внѣшнее смиреніе, это самоотреченіе скрываетъ въ себѣ самое пылкое самолюбіе, самое неограниченное стремленіе къ власти; отказываясь отъ внѣшняго блеска и отъ тѣлесныхъ наслажденій, восторженный мечтатель хочетъ самовластно господствовать надъ нравственнымъ сознаніемъ другихъ людей, распоряжаться ихъ совѣстью и произвольно управлять ихъ умами. Кто настолько поэтъ, чтобы предпочесть это высшее господство болѣе осязательнымъ и достижимымъ выгодамъ и наслажденіямъ, тотъ способенъ голосомъ собственнаго вдохновенія заглушить въ себѣ естественный голосъ нравственной совѣстливости и разборчивости въ средствахъ. Отдаленная, обширная цѣль до такой степени манитъ къ себѣ мыслящаго энтузіаста, что господство надъ міромъ его личныхъ убѣжденій и вѣрованій начинаетъ казаться ему единственнымъ средствомъ спасти гибнущее человѣчество; передъ такою цѣлью замолкаютъ мелкія возраженія совѣстливости. Что значитъ обмануть подложнымъ

чудомъ сотню ограниченныхъ зрителей? Что значитъ обставить себя блестящими аттрибутами шарлатанства? Эти мелочи ведутъ къ такимъ громаднымъ послѣдствіямъ, что вдохновенный реформаторъ не замѣчаетъ ихъ уклоненія отъ правды, а если и замѣтитъ, то только затѣмъ, чтобы пожалѣть объ ограниченности и закоснѣлости тѣхъ людей, для убѣжденія которыхъ нужно не разумное и живое слово истины, а чудесное, хотя бы случайное или искуственно приготовленное знаменіе. Отказавшись отъ своего родоваго имѣнія, рѣшившись не вступать въ бракъ и не знать женщинъ, испытавши силу своего характера пятилѣтнимъ молчаніемъ, Аполлоній созрѣлъ для роли религіознаго дѣятеля и самъ почувствовалъ свою зрѣлость. Человѣку необходимо имѣть въ жизни живой интересъ, а Аполлоній обставилъ себя такъ, что кромѣ вліянія надъ умами другихъ ему не оставалось ни позволительнаго наслажденія, ни разумной дѣятельности. За это наслажденіе и за эту дѣятельность онъ взялся съ полною энергіею и съ разсчитаннымъ искуствомъ. Прежде всего, онъ, вскорѣ послѣ истеченія пятилѣтняго срока молчанія, рѣшился отправиться въ дальнее путешествіе; побудительныхъ причинъ, заставившихъ его рѣшиться на это предпріятіе, можно насчитать очень много. Онъ ѣхалъ въ Индію, въ страну чудесъ, въ ту землю, изъ которой, по греческимъ преданіямъ, Египтяне добыли свою обширную мудрость, туда могла привлекать его природная любознательность, для которой тамъ было такъ много пищи и въ роскошной природѣ и въ своеобразной жизни людей; къ поѣздкѣ въ Индію могло побуждать его желаніе поучиться у индѣйскихъ и вообще у восточныхъ мудрецовъ таинствамъ медицины, астрологіи, физики и магіи. Каждый подобный секретъ могъ быть полезнымъ вспомогательнымъ средствомъ при утвержденіи новой религіи; наконецъ, Аполлоній вѣроятно хорошо понималъ, что долговременное отсутствіе и дальнее путешествіе придаетъ въ глазахъ народа особенный вѣсъ и особую занимательность личности рѣшившейся перенести труды и опасности переѣздовъ и столкновеній съ разнородными, полудикими племенами и національностями. Аполлоніемъ руководили вѣроятно всѣ три побужденія вмѣстѣ; онъ былъ поэтъ своего дѣла и добросовѣстно, съ искреннимъ жаромъ чувства искалъ истинной мудрости; онъ проповѣдывалъ народу то, что дѣйствительно считалъ живою правдою, и потому, желая учить другихъ, онъ сильно хотѣлъ учиться самъ и присматривался ко всему, что попадалось ему на глаза, прислушиваясь ко всякому разумному и честному совѣту. Но, съ другой стороны,

онъ справедливо считалъ себя выше толпы и не пренебрегалъ тѣми вспомогательными средствами, которыя могли служить посредниками между его ученіемъ и пониманіемъ народа; онъ не прочь былъ сдѣлать чудо, сказать пророческую двусмысленность и потому, конечно, желалъ усвоить себѣ техническую часть своего мистическаго званія. Страна чудесъ и мистицизма, Востокъ вообще и Индія въ особенности были ему необходимы какъ драгоцѣнные источники неизслѣдованныхъ матеріаловъ. Аполлоній предложилъ семи ученикамъ своимъ отправиться въ путь вмѣстѣ съ нимъ, но юноши вѣроятно болѣе своего молодаго наставника были привязаны къ матеріальному комфорту домашняго очага; они отказались и старались отговорить учителя отъ смѣлаго предпріятія. Учитель снисходительно выслушалъ ихъ увѣщанія и разошелся съ ними съ тою же мягкою и кроткою терпимостью, съ какою онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ разстался съ сластолюбивымъ Эвксеномъ. «Я посовѣтывался съ богами, отвѣчалъ онъ, и сказалъ вамъ, на что я рѣшился. Васъ я хотѣлъ испытать, достаточно ли вы сильны, чтобы принять участіе въ томъ, къ чему я чувствую призваніе. Въ васъ силы недостаетъ и потому живите счастливо и философствуйте; я же пойду туда, куда ведетъ меня мудрость и демонъ.» Онъ отправился изъ великой Антіохіи съ двумя служителями и поѣхалъ на Нинивію; въ этомъ городѣ къ нему присоединился Дамидъ, человѣкъ честный и довѣрчивый, склонный къ обожанію и способный идти на край свѣта съ человѣкомъ, произведшимъ сильное впечатлѣніе на его воспріимчивое чувство или на его игривую фантазію. Аполлоній безъ труда овладѣлъ этою личностью, рожденною быть прозелитомъ и съ наслажденіемъ сознающею свою нравственную и умственную нищету. Дамидъ беззавѣтно отдался даровитому энтузіасту и сознательно подчинился его умственному превосходству. Это былъ первый и самый ревностный сектаторъ аполлоніевой религіи. «Пойдемъ вмѣстѣ, Аполлоній, сказалъ онъ учителю; ты ступай по внушенію бога, а я буду слѣдовать за тобою. Ты увидишь, что и я способенъ принести пользу. Хоть не много знаю, однако знаю дорогу въ Вавилонъ и города по этой дорогѣ, по которой я недавно проѣзжалъ, и села, въ которыхъ есть много добра. Знаю я, наконецъ, языки варваровъ, сколько ихъ ни есть. Однимъ языкомъ говорятъ Армяне, а другимъ Мидяне и Персы, а третьимъ Кадузяне. Я всѣ эти языки знаю.»

— И я, другъ мой, возразилъ Аполлоній, знаю всѣ языки, хотя ни одному изъ нихъ не учился.

Дамидъ выразилъ свое изумленіе.

— Ты не удивляйся, продолжалъ мечтатель, понявъ свойство своего собесѣдника, что я знаю всѣ языки людей. Я и то знаю, что умалчиваютъ люди.

Ассиріянинъ Дамидъ сталъ молиться на Аполлонія, какъ на бога, и запоминая каждое его слово, написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ «Крохи» (ἐκπατνιδματα—то, что выпадаетъ изъ яслей или сваливается съ обѣденнаго стола), въ которомъ съ полною благоговѣйною вѣрою и съ возможною точностью передаются поступки и поученія Аполлонія. Этотъ трудъ Дамида составляетъ, по словамъ Филострата, главный и достовѣрнѣйшій источникъ его біографіи. Этому извѣстію Филострата можно охотно повѣрить, потому что иначе трудно было бы себѣ представить, какимъ образомъ умный, талантливый и образованный писатель 3-го вѣка по Р. Хр. съумѣлъ набрать такое множество неправдоподобныхъ, грубыхъ и, что всего важнѣе, неосмысленныхъ чудесъ. Только заимствованіе изъ простодушнаго и восторженнаго разсказа современника можетъ до нѣкоторой степени объяснить ихъ появленіе въ серьезномъ, дѣльномъ и умно составленномъ біографическомъ очеркѣ Филострата. Дамидъ дѣйствительно безъ всякаго разбора записывалъ все, что говорилъ и дѣлалъ Аполлоній. Дневникъ ихъ путешествія представляетъ даже въ передѣлкѣ Филострата такъ много безцвѣтныхъ подробностей, такъ много мелкихъ фактовъ и длинныхъ разсужденій, что мнѣ придется ограничиться самымъ короткимъ извлеченіемъ.

Съ довѣрчивымъ слушателемъ, подобнымъ Дамиду, Аполлоній могъ дѣлать, что ему было угодно; онъ могъ приписывать себѣ всевозможныя знанія и Дамидъ никогда не подвергалъ сомнѣнію его слова; дошло до того, что Аполлоній увѣрилъ своего спутника, будто онъ, Аполлоній, понимаетъ языки животныхъ. При всемъ томъ, на Аполлонія невозможно смотрѣть какъ на обыкновеннаго шарлатана, сравнивать его съ Александромъ Авонотихитомъ было бы крайне несправедливо. Аполлоній имѣлъ въ виду огромную, міровую задачу. Ему хотѣлось обновить религіозныя и нравственныя убѣжденія человѣчества и для этого было, по его мнѣнію, необходимо, поразить воображеніе современниковъ и увлечь ихъ за собою какъ толпу слѣповѣрующихъ и фанатически преданныхъ прозелитовъ. Александръ былъ фокусникъ, старавшійся обдѣлать свои дѣлишки, Аполлоній былъ мыслящій мечтатель, отказавшійся отъ всякихъ личныхъ наслажденій,

неискавшій своихъ выгодъ, и творившій по внутреннему вдохновенію, какъ истинный поэтъ и энтузіастъ. Надъ Дамидомъ онъ просто смѣялся, и его личность могла навести Аполлонія только на одно плодотворное размышленіе; онъ могъ, всматриваясь въ него, убѣдиться въ томъ, что суевѣріе есть могучій двигатель, который даже людямъ слабымъ и ничтожнымъ придаетъ много энергіи и силы переносить опасности и лишенія. Конечно, эти мысли могли только укрѣпить Аполлонія въ его желаніи дѣйствовать въ этомъ направленіи на умы современниковъ. Такъ и случилось. Мы увидимъ, что изъ своего путешествія въ Индію, Аполлоній, испробовавшій свои силы на Дамидѣ и другихъ приближенныхъ людяхъ, вернется въ отечество вполнѣ чудотворцемъ, неупускающимъ ни одного случая удивить толпу и возбудить въ ней трепетное благоговѣніе или шумный взрывъ восторга.

Мѣсто не позволяетъ мнѣ распространяться о путешествіи Аполлонія. Скажу коротко, что онъ побывалъ въ Вавилонѣ и въ Индіи, говорилъ съ магами и съ индѣйскими мудрецами, учился у нихъ нравственной философіи и естественнымъ наукамъ, и изумлялъ царей Востока своимъ безкорыстіемъ, неподкупною честностью и смѣлою откровенностью. Исторически достовѣрнаго въ разсказѣ Филострата о путешествіи Аполлонія искать невозможно; у біографа нашего чудотворца было очень много побудительныхъ причинъ, заставлявшихъ его подкрашивать истину; сверхъ того, единственнымъ источникомъ служила ему книга Дамида, которому никогда не приходило въ голову усомниться въ вѣрности словъ учителя или въ подлинности его чудесъ. Самъ Филостратъ въ своемъ біографическомъ очеркѣ преслѣдуетъ двѣ цѣли: во 1-хъ, онъ хочетъ представить образъ идеальнаго мудреца языческаго міра; во-2-хъ, какъ царедворецъ императрицы Юліи Домны, онъ желаетъ доставить своей августѣйшей покровительницѣ занимательное чтеніе. Обѣ эти цѣли допускаютъ и оправдываютъ отступленія отъ исторической вѣрности, произвольную пестроту красокъ и, порою, свободное творчество фантазіи. Перенося своего героя на богатую чудесами почву Востока, Филостратъ отрѣшаетъ свое повѣствованіе отъ всѣхъ требованій нетолько исторической критики, но даже простаго здраваго смысла. Его разсказъ любопытенъ какъ сказка, написанная въ концѣ втораго вѣка по Р. Х., но я теперь ищу не сказочнаго интереса, и потому позволяю себѣ прямо обратиться къ дѣятельности Аполлонія послѣ его возвращенія.

III.

Путешествіе Аполлонія принесло ему все, чего онъ отъ него ожидалъ; больше, по его понятіямъ, ему нечего было учиться; онъ побывалъ у мудрѣйшихъ людей земли и узналъ отъ нихъ, что онъ достигъ предѣловъ человѣческаго знанія; гордый этою идеею, довольный сознаніемъ собственной силы, онъ выступилъ смѣлымъ учителемъ человѣчества, и всѣ тѣ люди, съ которыми онъ приходилъ въ соприкосновеніе, стали преклоняться передъ его всевѣдѣніемъ и нравственною чистотою. Изложеніе Филострата, начиная съ четвертой книги, принимаетъ чисто панегирическій тонъ и подготовляетъ ту апоѳеозу, которою заканчивается все сочиненіе.

Когда Аполлоній и Дамидъ пріѣхали въ Эфесъ, за ними пошла цѣлая толпа народа; однихъ поражала мудрость Аполлонія, другихъ его красота, третьихъ его костюмъ и образъ жизни. Оракулы говорили о немъ народу и подготовляли его къ принятію мудреца и любимца боговъ. Многіе больные получили отъ божества приказаніе обратиться къ Аполлонію. Изъ разныхъ городовъ къ нему приходили депутаты просить его совѣта насчетъ основанія храмовъ или освященія статуй; Аполлоній больныхъ лѣчилъ, а на просьбы городовъ отвѣчалъ письмами, или отправлялся самъ по ихъ приглашенію и устроивалъ все, что имъ было нужно. Эти общія свѣдѣнія, высказанныя у Филострата [1]) довольно голословно, при самомъ началѣ IV книги, показываютъ намъ характеръ той дѣятельности, которой Аполлоній посвятилъ остальную часть своей жизни. Онъ принялъ на себя роль законодателя въ дѣлѣ религіозной догматики и практической нравственности и выполнилъ эту роль съ замѣчательнымъ искуствомъ и успѣхомъ. Эти важныя занятія не мѣшали ему обращать вниманіе на нужды и страданія отдѣльныхъ лицъ, и множество удачныхъ исцѣленій, конечно, увеличивали его популярность и довѣріе народа къ его божественному посланничеству. Филостратъ упоминаетъ о двухъ проповѣдяхъ, произнесенныхъ Аполлоніемъ въ Эфесѣ. Въ одной онъ говорилъ противъ роскоши и изнѣженности и совѣтовалъ Эфесянамъ обратиться къ серьезнымъ занятіямъ и къ работѣ мысли [2]). Въ другой онъ гово-

---

[1]) V. Ap. IV. 1. [2]) V. Ap. IV. 2.

рилъ въ пользу коммунизма, доказывая необходимость взаимнаго, дѣятельнаго милосердія. Рѣчь его была прервана незначительнымъ событіемъ. Много воробьевъ сидѣло на сосѣднихъ деревьяхъ, къ нимъ подлетѣлъ еще воробей, закричалъ, защебеталъ, и потомъ полетѣлъ куда-то прочь; остальные воробьи подняли тоже страшный крикъ, встрепенулись и полетѣли за первымъ; это обратило вниманіе слушателей Аполлонія и проповѣдникъ, видя ихъ разсѣянность, рѣшился воспользоваться этимъ перерывомъ, чтобы подкрѣпить свою идею новымъ доказательствомъ. — «Мальчикъ, сказалъ онъ, уронилъ мѣру пшеницы въ такомъ-то переулкѣ, подобралъ зерна и послѣ него осталось ихъ много на землѣ. Воробей, видѣвшій это, прилетѣлъ сюда, увѣдомилъ своихъ товарищей и пригласилъ ихъ раздѣлить съ нимъ обѣдъ». Большая часть слушателей побѣжали къ означенному мѣсту и возвратились съ возгласами изумленія, потому-что дѣйствительно увидѣли воробьевъ надъ зернами.—«Вотъ, видите ли, сказалъ тогда Аполлоній, какъ птицы заботятся другъ о другѣ, и какъ имъ пріятно дѣлиться между собою; а мы этого не хотимъ, когда мы видимъ, что одинъ даетъ что нибудь другимъ; мы упрекаемъ его въ неумѣренности, въ мотовствѣ и въ другихъ подобныхъ свойствахъ; кого онъ кормитъ, тѣхъ мы называемъ льстецами и приживальщиками, шутами. Послѣ этого намъ остается только запереться и, какъ птицамъ, которыхъ кормятъ на-убой, наѣдаться въ уединеніи, пока не лопнемъ отъ жира». Все, что можно сказать на основаніи этой рѣчи, состоитъ въ томъ, что Аполлоній умѣлъ говорить популярно, выбирая примѣры изъ вседневной жизни и придираясь къ каждому удобному случаю, чтобы подкрѣплять развиваемыя идеи чисто-практическими доказательствами, доступными массѣ слушателей. Сказать слово за бѣдняковъ, которыхъ вездѣ было много, и которые постоянно становились многочисленнѣе, — было дѣйствительно необходимо. Но нужно было поднять ихъ самихъ въ нравственномъ отношеніи; изнѣженность высшаго класса и грязное униженіе низшаго служили другъ-другу дополненіемъ. Стараясь своими рѣчами внушить богачамъ любовь къ умѣренному и простому образу жизни, стараясь возбудить въ нихъ чувство милосердія, Аполлоній, при всей своей мудрости, бралъ только одну сторону того соціальнаго вопроса, который онъ старался разрѣшить. Римская чернь и безъ-того жила милостынею, которую давало ему правительство; и безъ-того толпы кліентовъ получали съ барскаго стола подачку. Усиливая милосердіе высшаго класса,

можно было еще больше развратить низшій. Надо было возбудить въ пролетаріяхъ желаніе и дать имъ средства обходиться безъ милостыни. Для этого нужно было поднять и оживить въ нихъ чувство человѣческаго достоинства, а было ли это возможно? Сколько вѣковъ должно было пройдти, чтобы образовать среднее сословіе, живущее своимъ трудомъ и между тѣмъ свободное, огражденное закономъ отъ обидъ и притѣсненій, и способное выставлять изъ себя дѣльныхъ гражданъ и замѣчательныхъ людей! Нужно было, чтобы переработался весь историческій порядокъ вещей, чтобы перезрѣвшіе плоды римской цивилизаціи сгнили и удобрили собою новую почву, а этого, конечно, не могли сдѣлать или даже ускорить проповѣди утописта. На этомъ основаніи, мы можемъ обвинить Аполлонія только въ томъ, что онъ не понялъ истинныхъ потребностей своей эпохи и направилъ свои проповѣди не совсѣмъ туда, куда слѣдовало. Вѣрное направленіе могло бы обнаружить въ проповѣдникѣ замѣчательную проницательность и практичность взгляда, хотя, можетъ быть, не имѣло бы никакого вліянія на физіономію народной жизни.

Въ Смирнѣ Аполлоній проповѣдывалъ въ пользу гражданскихъ добродѣтелей и убѣждалъ народъ ревностно заниматься дѣломъ и добросовѣстно исполнять свои обязанности. Въ то время, какъ онъ говорилъ, изъ гавани, передъ глазами его слушателей, вышелъ въ море трехмачтовый корабль, на которомъ суетились и хлопотали матросы. «Вотъ граждане корабля, сказалъ Аполлоній; одни взялись за весла, другіе поднимаютъ и прикрѣпляютъ якоря; вотъ эти ставятъ паруса по вѣтру, а тѣ держатъ стражу на кормѣ и на носу. Если одинъ изъ нихъ не исполнитъ своей обязанности, или окажется неразсудительнымъ и незнающимъ дѣла, то у нихъ на кораблѣ выйдетъ неурядица и поѣздка будетъ неудачна. Если же они будутъ соперничать между собою и спорить въ томъ, чтобы ни одинъ не показался хуже другаго, то этотъ корабль благополучно войдетъ во всѣ гавани; все пойдетъ весело и счастливо, и ихъ осмотрительность будетъ имъ Посейдономъ хранителемъ». Опять тотъ же удачный пріемъ— взять темою рѣчи предметъ, попавшійся на глаза слушателя и показать на живомъ примѣрѣ приложеніе отвлеченной идеи. Между тѣмъ въ Эфесѣ показалась моровая язва, и народъ обратился къ Аполлонію съ мольбою прекратить бѣдствіе. Аполлоній по этому поводу сдѣлалъ чудо, которое вѣроятно придумано его біографами, чтобы поставить его на ряду съ Эпименидомъ и подобными ему древними закли-

нателями повальныхъ болѣзней. По первому призыву онъ явился въ Эфесъ и, увлекая за собою всю молодежь, прямо отправился на театральную площадь, гдѣ потомъ поставили статую Геркулеса защитника (ἀποτροπαῖος). Тамъ увидѣли они старика нищаго, одѣтаго въ лохмотья, съ котомкою за плечами и покрытаго грязью. Этого старика Аполлоній велѣлъ окружить и побить камнями. Эфесяне сначала колебались, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ суевѣріе пересилило жалость, и въ нищаго старика полетѣло нѣсколько камней. Довольно было начать, чтобы окончательно двинуть толпу; Эфесянамъ показался старикъ демономъ; въ его глазахъ они увидали какой-то зловѣщій огонь, и градъ камней размозжилъ мнимаго демона; его буквально засыпали камнями. Черезъ нѣсколько минутъ Аполлоній приказалъ отрыть трупъ убитаго старика и на его мѣстѣ оказалась большая убитая собака съ пѣною у рта и со всѣми признаками бѣшенства. Язва прекратилась и на мѣстѣ подвига Аполлонія поставили статую Геркулесу-защитнику. Подыскивать подобнымъ чудесамъ естественное объясненіе— трудно и безполезно. Привести его я считаю нужнымъ для того, чтобы показать, что не одно наивное вѣрованіе изобрѣтаетъ чудеса, а что многія придумываются сознательно и умышленно. Во-вторыхъ, любопытно знать, какого рода вымыслами писатель надѣялся возвеличить и прославить своего героя въ глазахъ читающей массы.

Оставивъ по себѣ благодарное воспоминаніе въ сердцахъ Малоазійцевъ, обозначая свой путь разными исцѣленіями и благодѣтельными чудесами, столь же достовѣрными, какъ уничтоженіе эфесской язвы, Аполлоній направился къ европейской Греціи, къ классической почвѣ эллинизма, на которой онъ еще не былъ ниразу въ жизни. По дорогѣ онъ съ жадною и всестороннею любознательностью осмотрѣлъ мѣстность древняго Иліона и совершилъ много безкровныхъ жертвоприношеній надъ предполагаемыми могилами убитыхъ Ахеянъ. Сочувствіе къ личности Ахилла побудило его провести ночь на его надгробномъ холмѣ. Пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы выставить себя существомъ, стоящимъ выше уровня человѣчества, Аполлоній далъ понять своимъ ученикамъ, что видѣлся съ тѣнью Ахилла. На другой день послѣ ночи, проведенной на могильномъ холмѣ, онъ подозвалъ къ себѣ ученика своего Антисѳена, уроженца острова Пароса. «Ты находишься въ связи съ Троею?» спросилъ онъ у него.

— Какъ же! отвѣчалъ юноша. Мои предки были Троянцы!

— Ты изъ рода Пріама? продолжалъ спрашивать учитель.

— Да, я отъ него веду свой родъ, отвѣчалъ съ достоинствомъ Антисѳенъ и считаю себя благороднымъ потомкомъ благородныхъ предковъ.

— Именно по этой причинѣ, сказалъ тогда Аполлоній, Ахиллъ запрещаетъ мнѣ имѣть съ тобою сношенія. Сегодня ночью онъ далъ мнѣ порученіе къ Ѳессалійцамъ, и я спросилъ у него, чѣмъ я еще могу угодить ему?—«Вотъ чѣмъ, отвѣчалъ онъ мнѣ: не принимай паросскаго юношу участникомъ твоей мудрости: онъ совершенный Пріамидъ и до сихъ поръ не перестаетъ хвалить Гектора».

Антисѳенъ принужденъ былъ удалиться. Аполлоній пожертвовалъ личностью молодаго и можетъ быть даровитаго ученика желанію или потребности порисоваться; эта грязная черта его жизни вѣроятно не вымышлена; она разсказана, какъ многіе другіе анекдоты о немъ, и въ ней не замѣтно желанія біографа произнести панегирикъ; равнодушный тонъ Филостратова разсказа показываетъ, что онъ просто переписалъ сырое извѣстіе, не вдумавшись въ него и не понявъ того, что оно можетъ бросить тѣнь на личность его героя. Это извѣстіе, кажется, принадлежитъ Дамиду и можетъ дать намъ понятіе о тонкомъ умѣ и замѣчательномъ житейскомъ тактѣ Аполлонія. Прогнавъ Антисѳена и намекнувъ такимъ образомъ о свиданіи съ Ахилломъ, онъ не сталъ говорить о немъ подробнѣе и молчалъ объ этомъ эпизодѣ до тѣхъ поръ, пока не лопнуло терпѣніе его учениковъ. Это поведеніе было такъ искусно расчитано, что выставило въ самомъ лучшемъ свѣтѣ и скромность Аполлонія, и его правдивость. Ученики были принуждены приступить къ нему съ распросами, и долгое ожиданіе возбудило въ нихъ живое любопытство и, распаливъ ихъ воображеніе, расположило ихъ къ довѣрчивому выслушиванію фантастическаго разсказа. Дамида особенно мучило любопытство. Окруженный своими учениками, Аполлоній плылъ по Эгейскому морю и съ своею обыкновенною, ровною веселостью говорилъ объ островахъ, попадавшихся по дорогѣ и разнообразившихъ веселый морской ландшафтъ. Дамидъ былъ чѣмъ-то встревоженъ, порицалъ все, что говорили другіе, прерывалъ начатыя рѣчи и мѣшалъ говорить другимъ, такъ что Аполлоній замѣтилъ это и захотѣлъ дать ему средства высказаться.

— Что съ тобою, Дамидъ, сказалъ онъ шутливымъ тономъ; что ты все прерываешь разговоръ? Или тебя укачало, или ты нездоровъ, что бесѣда наша тебѣ не нравится? Посмотри, какъ корабль нашъ

разсѣкаетъ море и какъ благополучно идетъ наша поѣздка! Что же тебя послѣ этого тревожитъ?

— А то, отвѣчалъ Дамидъ, что у насъ есть великій предметъ для разговора и что лучше обратиться къ нему, нежели распрашивать о старинѣ, которая всѣмъ извѣстна и надоѣла.

— Что жъ бы это былъ за предметъ, сказалъ Аполлоній, предъ которымъ все остальное кажется тебѣ излишнимъ?

— Ты имѣлъ свиданіе съ Ахилломъ, продолжалъ Дамидъ, и вѣроятно слышалъ много такого, чего мы не знаемъ. А ты этого не разсказываешь и не описываешь его наружности; вмѣсто этого ты на словахъ разгуливаешь по островамъ и строишь корабли.

— Хорошо, отвѣчалъ съ кроткою покорностью Аполлоній, я разскажу все, какъ было, лишь бы только вы не сочли это съ моей стороны хвастливостью.

Затѣмъ слѣдуетъ длинный разсказъ Аполлонія о свиданіи его съ Ахилломъ; приводить его я считаю излишнимъ. Любопытно только обратить вниманіе на тотъ наивный пріемъ, которымъ Филостратъ старается оградить Аполлонія отъ обвиненія въ магіи или некромантіи. «Я, говоритъ мудрецъ въ самомъ началѣ разсказа, не вырывалъ, подобно Одиссею, ямы и не привлекалъ тѣней кровью барановъ; чтобы бесѣдовать съ Ахилломъ, я прочиталъ молитвы, которыми индѣйскіе мудрецы учили меня умилостивлять героевъ и потомъ сказалъ: «О Ахиллъ, многочисленная толпа говоритъ, что ты умеръ; я этого не признаю, подобно Пиѳагору, прадѣду моей мудрости. Если правда на нашей сторонѣ, покажи мнѣ твой образъ. Мои глаза могутъ принести тебѣ пользу, если засвидѣтельствуютъ твое дѣйствительное существованіе.» Тогда произошло вокругъ холма слабое колебаніе и появился вызываемый призракъ. Какимъ образомъ появленіе тѣни Ахилла можетъ быть согласно съ пиѳагорейскимъ догматомъ переселенія душъ—этого Аполлоній не показалъ, и ученики не обратили вниманія на это неразрѣшенное противорѣчіе. Проѣзжая мимо острова Лесбоса, Аполлоній вышелъ на противоположный ему Эолійскій берегъ и принесъ умилостивляющую безкровную жертву погребенному здѣсь Паламеду. Опираясь на разговоръ съ Ахилломъ, онъ откопалъ въ его могилѣ статую, съ надписью: «божественному Паламеду,» поставилъ ее на томъ мѣстѣ, гдѣ она была зарыта и построилъ вокругъ нея храмъ, который Филостратъ видѣлъ собствен-

ными глазами [1]). Филостратъ не рѣшился бы лгать въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ его могъ уличить любой путешественникъ, и потому мы дѣйствительно можемъ принять, что при храмѣ Паламеда жило преданіе объ основаніи его Аполлоніемъ Тіанскимъ. Это конечно дастъ намъ понятіе о томъ, что слово Аполлонія дѣйствительно имѣло вѣсъ и значеніе, и что приказанія странствующаго проповѣдника исполнялись мѣстными жителями.

IV.

Корабль Аполлонія присталъ къ аѳинской гавани Пирею и столица греческаго духа, по словамъ Филострата, съ восторгомъ приняла азіатскаго прорицателя [2]). Наивно въ разсказѣ о его пріѣздѣ то обстоятельство, что всѣ узнавали его, никогда его не видавши, въ такомъ городѣ, въ который онъ въѣзжалъ въ первый разъ въ жизни. Когда онъ изъ Пирея направлялся къ городу, съ нимъ встрѣтились десять молодыхъ людей; протягивая руки къ Акрополю, они съ восторгомъ говорили: » клянемся тамошнею Аѳиною, мы шли къ Пирею съ тѣмъ, чтобы ѣхать къ тебѣ въ Іонію». Былъ день Эпидаврій, т. е. восьмой день элевзинскимъ мистерій, названный такъ въ честь эпидаврійскаго Эскулапа: Пріѣздъ Аполлонія отвлекъ вѣтряную аѳинскую молодежь отъ мистерій; Аполлоній былъ самою свѣжею современною новостью, и всѣ стремились къ нему и ждали отъ него проповѣди и чудесныхъ знаменій. Аполлоній понялъ, что это обстоятельство можетъ возбудить противъ него негодованіе аѳинскаго жречества и приказалъ своимъ обожателямъ принять участіе въ священнодѣйствіяхъ, говоря, что онъ самъ попроситъ себѣ посвященія, а что послѣ мистерій они опять сойдутся съ нимъ и нафилософствуются вдоволь. Уговоривъ ихъ такимъ образомъ, онъ отправился къ святилищу, но уже неблагопріятное впечатлѣніе было произведено и корпорація жрецовъ смотрѣла на него враждебно. Іерофантъ, т. е. главный жрецъ, объявилъ ему, что не имѣетъ права принимать чародѣя и отворять элевзинскую святыню человѣку, оскверненному сношеніями съ демонами. Аполлоній, видя, что надо спасать свое достоинство въ глазахъ вѣтряной толпы, передъ которою правъ тотъ, кто сказалъ послѣднее слово, отвѣчалъ рѣзкою дерзостью: Ты еще не упомянулъ самаго главнаго обвиненія, которое

---

[1]) V. Ap. IV. 13. [2]) V. Ap. IV. 17.

ты можешь мнѣ сдѣлать. Это то, что я знаю таинства лучше тебя самого. А я ѣхалъ сюда въ ожиданіи, что меня посвятитъ человѣкъ, который будетъ мудрѣе меня.

Слушателямъ понравился рѣзкій отвѣтъ Аполлонія, и они открыто выразили свое сочувствіе. Іерофантъ струсилъ и перемѣнилъ тонъ.

— Хорошо, сказалъ онъ, я тебя посвящу, потому что ты, кажется, человѣкъ мудрый.

Но Аполлоній уже не далъ іерофанту средства поправить сдѣланный промахъ и отвѣчалъ сухо:

— Меня примутъ въ мистеріи впослѣдствіи и посвятитъ меня такой-то.—Онъ назвалъ имя будущаго іерофанта и окружающая толпа конечно подивилась его предвѣдѣнію.—Кромѣ того, Филостратъ говоритъ положительно, что Аполлоній читалъ въ Аѳинахъ много лекцій философіи собственно для того, «чтобы опровергнуть ругательныя и безразсудныя рѣчи іерофанта[1]). Должно быть, эти безразсудныя рѣчи заставляли его задумываться и были близки къ истинѣ.—Изъ поученій Аполлонія, упоминаемыхъ у Филострата и произнесенныхъ прорицателеми въ Аѳинахъ, одно было направлено противъ изнѣженности нравовъ. Оно было произнесено въ театрѣ во время праздниковъ Діониса [2]), когда онъ увидѣлъ, что къ религіознымъ представленіямъ и пѣснямъ примѣшиваются звуки флейты, сладострастные танцы и балетныя позы.—Это рѣчь, какъ она воспроизведена у Филострата, носитъ на себѣ характеръ страстной импровизаціи и отличается отъ другихъ особенно сильнымъ воодушевленіемъ, которое могло быть до нѣкоторой степени искуственнымъ, потому что Аполлоній понималъ характеръ своихъ слушателей и зналъ, какъ на нихъ надо дѣйствовать.—Въ Аѳинахъ, въ Акрополѣ, въ театрѣ происходили довольно часто сраженія гладіаторовъ, на которыя народъ смотрѣлъ съ наслажденіемъ. «Дорогою цѣною, говоритъ Филостратъ, покупались прелюбодѣи, сводники, воры, мошенники, разбойники и другая подобная сволочь; ихъ всѣхъ вооружали и приказывали имъ сражаться.» Желая угостить Аполлонія всѣми удовольствіями своего города, Аѳиняне приглашали его посмотрѣть на эти игры, но Аполлоній съ отвращеніемъ отказался отъ ихъ предложенія и даже въ письмѣ къ аѳинскимъ гражданамъ выразилъ свое негодованіе противъ того, что они оскверняютъ нечистою и притомъ человѣческою кровью святыню Аѳины и Діони-

[1]) V. Ap. IV. 19. [2]) V. Ap. IV. 21.

са. [1]) Изъ исцѣленій, совершенныхъ Аполлоніемъ въ Аѳинахъ, Дамидъ упоминаетъ объ изгнаніи демона изъ одного богатаго юноши. Судя по тѣмъ симптомамъ, которые приводитъ самъ Дамидъ или Филостратъ, можно заключить, что болѣзнь юноши была однимъ изъ видоизмѣненій помѣшательства (mania petulans). Онъ смѣялся и плакалъ безъ видимой причины, громко говорилъ самъ съ собою и пѣлъ дикимъ голосомъ [2]).

Аполлоній выгналъ демона взглядомъ и словомъ; было ли то лѣченіе посредствомъ магнитизма, или біографы Аполлонія скрыли лѣкарства, употребляемыя имъ противъ душевнаго разстройства юноши, этотъ вопросъ рѣшать не возможно, да и безполезно. Самый актъ исцѣленія вѣроятно описанъ у Филострата такъ, какъ его поняли сами зрители. Аполлоній сталъ смотрѣть на юношу, засмѣявшагося некстати, во время серьезнаго разговора,—строгимъ и гнѣвнымъ взоромъ. Демонъ устами юноши сталъ кричать и стонать, какъ-будто его мучили; онъ поклялся оставить юношу въ покоѣ и не трогать впередъ ни одного человѣка. Аполлоній заговорилъ съ нимъ гнѣвнымъ голосомъ, какъ съ безстыднымъ и лживымъ рабомъ и приказалъ ему выдти съ видимымъ знакомъ. Демонъ отвѣчалъ: я опрокину ту статую, и указалъ рукою юноши на статую, стоявшую у ближняго портика. Статуя закачалась на пьедесталѣ и съ шумомъ свалилась на землю. Поднялся въ окружающей толпѣ взрывъ шумнаго удивленія. Между тѣмъ юноша какъ-будто проснулся изъ долгаго усыпленія, протеръ себѣ глаза и покраснѣлъ, увидя, что взоры всей толпы обращены на него. «Онъ возвратился къ прежнему своему тихому характеру, говоритъ Филостратъ, какъ-будто-бы онъ принялъ спасительное лекарство.» Вслѣдъ затѣмъ онъ отказался отъ роскоши и комфорта, посвятилъ себя философіи и сдѣлался ревностнымъ послѣдователемъ Аполлонія. Оставивъ Аѳины, Аполлоній пошелъ странствовать по Греціи, обнаруживая въ своихъ наблюденіяхъ любознательность образованнаго туриста и патріотизмъ истиннаго Грека. Мѣста сраженій Грековъ съ Персами, особенно то мѣсто, гдѣ погибъ Леонидъ, древніе храмы и оракулы, все, что было достойно вниманія, было имъ осмотрѣно и на каждомъ изъ этихъ мѣстъ онъ произнесъ какое-нибудь многозначительное изреченіе, которое тотчасъ же, съ любовью и съ благоговѣніемъ было отмѣчаемо Дамидомъ, и входило въ составъ его

---

[1]) V. Ap. IV. 22. [2]) V. Ap. IV. 20.

«Крохъ».—Въ Коринѳѣ Аполлоній познакомился съ циническимъ философомъ Дмитріемъ, и увлекъ его за собою, такъ что Дмитрій всей душою принялъ его ученіе и пошелъ за нимъ, какъ усердный и любознательный ученикъ. Ученики Дмитрія подражали примѣру учителя, [1]) и такимъ образомъ число послѣдоватей Аполлонія значительно увеличилось. Съ однимъ изъ учениковъ Дмитрія, съ Ликійцемъ Мениппомъ произошло такое приключеніе, которое дало Аполлонію поводъ сдѣлать необъяснимое и чисто сказочное чудо. Мениппа любила одна женщина иностраннаго происхожденія, и молодой человѣкъ, увлеченный ея красотою, хотѣлъ на ней жениться. Аполлоній узналъ, что эта женщина была эмпуза или ламія, т. е. злой духъ, питающійся человѣческимъ мясомъ; онъ пришелъ на свадебный пиръ, обличилъ эмпузу, заставилъ исчезнуть всѣ приготовленія обѣда вмѣстѣ съ поварами, виночерпіями и прислуживающими рабами, и освободилъ Мениппа изъ рукъ кровожаднаго призрака. Эта нелѣпая исторія очень подробно разсказана у Филострата и онъ признаетъ ее одною изъ главныхъ достопримѣчательностей жизни Аполлонія [2]). «Многіе, говоритъ онъ, знаютъ ее, потому что она произошла въ самой Элладѣ; но они слышали только, что онъ въ Коринѳѣ открылъ ламію; что̀ она сдѣлала, и насколько это дѣло относилось къ Мениппу, — этого они не знаютъ. Ее разсказываетъ Дамидъ, и я заимствовалъ ее изъ его извѣстій.»

Въ Олимпіи Аполлоній увидалъ посланниковъ изъ Лакедемона; они были одѣты такъ же роскошно, какъ и остальные Греки; волосы ихъ были умащены, борода обрита и вся ихъ наружность поразила строгаго философа чрезмѣрною изысканностью и женственностью. Аполлоній написалъ къ эфорамъ увѣщательное посланіе, совѣтуя имъ обратить серьезное вниманіе на нравственность гражданъ. Любопытно то, что Аполлонія особенно безпокоили женщины, состоявшія при баняхъ и обычай, вошедшій въ то время во всеобщее употребленіе,—уничтожать воскомъ волосы на всемъ тѣлѣ. [3]) Эфоры, по увѣренію Филострата, послушались его совѣта и ввели въ Лакедемонѣ прежнюю простоту нравовъ, возстановили гимнастическія школы и снова принудили гражданъ обѣдать за общественными столами. Аполлоній написалъ къ эфорамъ лаконическое письмо, въ которомъ выразилъ свое одобреніе:

---

[1]) V. Ap. IV. 25. [2]) V Ap. IV 25. [3]) V. Ap. IV. 26.

«Аполлоній привѣтствуетъ эфоровъ.»

«Мужамъ прилично не погрѣшать; благороднымъ—сознаваться въ своихъ погрѣшностяхъ».

Письмо коротко и величественно, но допустить возможность такого переворота актомъ правительственныхъ лицъ могъ только Филостратъ, которому нужно было, во что бы то ни стало, очертить всемогущество и высокую нравственную чистоту своего прославленнаго героя.—Какъ бы то ни было, популярность Аполлонія была велика и возрастала съ каждымъ днемъ, потому что каждый день былъ отмѣченъ какимъ нибудь краснорѣчивымъ словомъ поученія или поразительнымъ чудомъ. Однажды въ Олимпіи онъ говорилъ о мудрости, о храбрости, о воздержности и вообще о разныхъ добродѣтеляхъ. Стоя на порогѣ храма, говоря громкимъ, вдохновеннымъ голосомъ, онъ привелъ присутствующихъ въ благоговѣйное изумленіе. Бывшіе въ Олимпіи Спартанцы окружили его, въ присутствіи Зевса объявили его своимъ гостемъ, отцомъ своего юношества, устроившимъ ихъ образъ жизни, и украшеніемъ ихъ старости. Одинъ Коринѳянинъ, досадуя за что-то на Аполлонія, спросилъ насмѣшливымъ тономъ: » Не станете ли вы въ честь его праздновать теофаніи?» Уваженіе Лакедемонянъ къ Аполлонію было такъ сильно, что они не смутились этимъ рѣзкимъ вопросомъ, и выразили свою полную готовность объявить великаго мудреца богомъ. «Конечно, отвѣчали они, у насъ уже все приготовлено.»

Тутъ Аполлоній счелъ нужнымъ вмѣшаться въ дѣло. Ему такая демонстрація казалась опасною и онъ просилъ своихъ обожателей оставить это намѣреніе, чтобы не возбудить противъ него всеобщей зависти. Скромность Аполлонія не могла не понравиться и произвела самое благопріятное впечатлѣніе. Черезъ Тайгетъ Аполлоній прошелъ въ Спарту и тамъ правители стали спрашивать его совѣтовъ касательно вопросовъ богослуженія. Аполлоній отвѣчалъ на всѣ вопросы коротко и ясно и выражалъ постоянно полное сочувствіе къ законамъ Ликурга и вообще къ древнимъ спартанскимъ учрежденіямъ. Пробывъ нѣсколько времен въ Спартѣ, онъ отправился на югъ Пелопоннеза до Малеи, оттуда, ссылаясь на видѣнный имъ сонъ, проѣхалъ въ Критъ и наконецъ явился въ Римъ, гдѣ въ то время царствовалъ Неронъ.

V.

Въ первой части этой статьи я упоминалъ о томъ, что римскіе императоры не разъ воздвигали гоненіе на философовъ, на математиковъ и на колдуновъ. Самыя разнообразныя причины побуждали ихъ слѣдовать этой политикѣ. Ихъ безпокоили то политическій либерализмъ философовъ, то религіозное вольнодумство, то мистическое шарлатанство, прикрывавшееся наружностью мудреца. Извѣстно, что Тиверій, Калигула, Неронъ и Домиціанъ не разъ издавали противъ философовъ грозные указы и даже старались выгонять ихъ изъ Рима и изъ цѣлой Италіи. Если кто нибудь своими поученіями собиралъ вокругъ себя народъ, если въ Римѣ на площадяхъ и на улицахъ собирались толпы слушателей, то конечно подозрительное правительство императоровъ смотрѣло на эти собранія враждебно и недовѣрчиво. Въ то время, какъ Аполлоній приближался къ Риму, извѣстный стоикъ Музоній Руфъ былъ схваченъ императорскими агентами единственно за то, что его поученія находили себѣ въ народѣ живое сочувствіе. Этотъ арестъ подѣйствовалъ на всѣхъ прочихъ философовъ. Одинъ изъ нихъ Филолай спѣшилъ удалиться заблаговременно и въ бѣгствѣ своемъ встрѣтился съ Аполлоніемъ, направлявшимся къ Риму. Онъ наговорилъ ему и ученикамъ его о жестокости и преслѣдованіяхъ Нерона и слова его не остались безъ послѣдствій. Изъ 34 учениковъ Аполлонія съ нимъ вошли въ Римъ только 8 человѣкъ; остальные разсѣялись, не желая идти навстрѣчу явной опасности. Въ числѣ оставшихся находились Дамидъ, Мениппъ, избавленный Аполлоніемъ отъ эмпузы и какой-то Египтянинъ Діоскоридъ. Аполлоній здѣсь, какъ и вездѣ, показалъ себя человѣкомъ разсудительнымъ, кроткимъ и терпимымъ. «Я не стану бранить тѣхъ, кто насъ оставилъ, сказалъ онъ вѣрнымъ своимъ товарищамъ, но похвалю васъ, потому что вы мужи и люди равные мнѣ. Я не назову того трусомъ, кто ушелъ изъ страха передъ Нерономъ; но кто побѣдилъ этотъ страхъ, того я назову философомъ, того я научу всему, что самъ знаю» [1]. Въ длинной рѣчи, безъ сомнѣнія, сочиненной Филостратомъ, Аполлоній ободрилъ друзей своихъ, унизилъ

---

[1]) V. Ap. IV. 38.

тирановъ, упомянулъ о злодѣяніяхъ Нерона, убившаго родную мать, и наконецъ, помолившись богамъ, отважные философы вступили въ городъ. На другой день послѣ ихъ пріѣзда консулъ Телезинъ, извѣщенный городскими стражами о прибытіи людей, одѣтыхъ въ оригинальные костюмы, потребовалъ къ себѣ Аполлонія.

— Что это за одежда? спросилъ онъ.

— Она чиста, отвѣчалъ Аполлоній, и не взята отъ смертнаго существа.

— Въ чемъ состоитъ твое ученіе?

— Я учу обожать бога, правильно молиться ему и приносить жертвы. Аполлоній счелъ, какъ видно, полезнымъ, умалчивая о практической нравственности, обратить все вниманіе Телезина на догматическій характеръ своего ученія. Но Телезинъ былъ подозрителенъ и отъ него не легко было отдѣлаться.

— Философъ, замѣтилъ онъ, да развѣ есть хоть одинъ человѣкъ, который бы не зналъ этого?

— Очень многіе, отвѣчалъ Аполлоній. А кто знаетъ это какъ слѣдуетъ, тотъ сдѣлается еще лучше, если узнаетъ отъ болѣе мудраго человѣка, что поступаетъ правильно. Отвѣты Аполлонія такъ заинтересовали консула, что онъ, не рѣшившись спросить его имя, думая, что онъ желаетъ сохранить инкогнито, снова навелъ разговоръ на религіозныя убѣжденія. Аполлоній разсказалъ ему, что онъ молится слѣдующею простою молитвою: боги, дайте мнѣ то, что должно. Этими словами онъ проситъ, чтобы господствовала справедливость, чтобы не нарушались законы, чтобы мудрецы жили въ бѣдности, а другіе люди въ богатствѣ, не обижая ближнихъ. Ни о коммунизмѣ, ни о громкомъ обличеніи изнѣженности, балетнаго искуства и гладіаторскихъ игръ не было сказано ни слова. Аполлоній прекрасно сообразовался съ личностью своего собесѣдника, но притомъ такъ тонко, что самый ревностный фанатикъ, слыша его разговоры съ консуломъ, не могъ бы обвинить его въ двуличности или трусости. Благодаря своему житейскому такту, онъ совершенно расположилъ Телезина въ свою пользу, и разговоръ, начавшійся какъ формальный судебный допросъ, кончился полнымъ торжествомъ Аполлонія. Телезинъ отпустилъ его съ честью и обѣщалъ написать ко всѣмъ жрецамъ, чтобы они пускали Аполлонія въ храмы и сообразовались съ его распоряженіями и совѣтами. Аполлоній жилъ въ Римѣ, ходилъ изъ храма въ храмъ, училъ и проповѣдывалъ, располагая въ свою пользу на-

родъ и не возбуждая подозрительнаго вниманія правительства. Циникъ Дмитрій, человѣкъ болѣе пылкій и откровенный, позволилъ себѣ выходки противъ Нерона. Войдя въ гимназію, устроенную цезаремъ и снабженную роскошными термами, онъ обратился къ купающимся съ энергическою рѣчью, въ которой сталъ имъ доказывать, что теплая баня ослабляетъ тѣло и составляетъ лишній денежный расходъ. «Его не убили на мѣстѣ, говоритъ Филостратъ, только потому, что Неронъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа и въ голосѣ; Дмитрія потребовали однако къ преторіанскому префекту Тигеллину и за дерзкія слова выслали изъ Рима». [1]) Зная, что Аполлоній находился съ Дмитріемъ въ дружескихъ отношеніяхъ, за нимъ стали слѣдить; Аполлонію надо было быть вдвое осторожнѣе; онъ уже въ Азіи прослылъ прорицателемъ и потому каждое не совсѣмъ понятное изреченіе его запоминалось его ближайшими учениками, распускалось въ народѣ и потомъ примѣнялось къ первому важному событію, которое происходило въ городѣ или въ государствѣ. Аполлоній могъ совершенно неумышленно, въ полномъ невѣдѣніи, сдѣлать такое прорицаніе, за которое впослѣдствіи пришлось бы имѣть дѣло съ нероновой полиціей. Однажды во время солнечнаго затмѣнія грянулъ громъ. Аполлоній взглянулъ на небо и сказалъ: «что-то великое случится и не случится.» Черезъ три дня послѣ этого солнечнаго затмѣнія, Неронъ сидѣлъ за столомъ, съ кубкомъ въ рукѣ, и молнія вышибла у него изъ рукъ кубокъ, который онъ уже несъ къ губамъ. Всѣ рѣшили, что загадочныя слова Аполлонія были прорицаніемъ, и Тигеллинъ удвоилъ бдительность своихъ шпіоновъ, боясь и мудрости неизвѣстнаго иностранца и его вліянія на народъ. Скоро представился случай обвинить его въ оскорбленіи величества. У Нерона сдѣлался кашель; онъ охрипъ и потерялъ звучный голосъ, которымъ онъ чрезвычайно дорожилъ. Римскіе храмы наполнились людьми, молившими боговъ о выздоровленіи цезаря. Аполлонія приводило въ негодованіе ихъ раболѣпіе, но онъ сдерживалъ порывы возмущеннаго чувства и никому не выражалъ своего неудовольствія [2]). Когда онъ увидѣлъ, что это волнуетъ Мениппа и можетъ надѣлать ему хлопотъ, онъ посовѣтовалъ ему не сердиться на боговъ, взирающихъ съ удовольствіемъ на эти кривлянья глупцовъ. Эти слова были подслушаны и немедленно переданы Тигеллину. Разсказывая процессъ Аполлонія, Фи-

---

[1]) V. Ap. IV. 42. [2]) V. Ap. IV. 44.

лостратъ конечно не упустилъ случая вставить чудо. Когда обвинитель Аполлонія, погубившій уже многихъ подозрительныхъ правительству людей, вышелъ читать свое обвиненіе и развернулъ бумагу, то вмѣсто ожидаемыхъ уликъ и доказательствъ, вмѣсто изложенія дѣла оказалось пустое мѣсто; все, что было написано, исчезло безъ слѣда. Тигеллинъ не зналъ, что подумать и пригласилъ Аполлонія въ комнату тайныхъ совѣщаній.

— Кто ты такой? спросилъ онъ очень серьезно.

Аполлоній назвалъ себя по имени и по отчеству, объяснилъ, гдѣ онъ родился и съ какою цѣлью занимается философіею. Затѣмъ свиданіе его съ Тигеллиномъ и разговоръ разсказаны такъ неправдоподобно, что его не стоитъ и передавать. Аполлоній отшучивается и отыгрывается словами, говоритъ дерзко и своею смѣлостью запугиваетъ такого человѣка, предъ которымъ дрожали всѣ римскіе богачи и аристократы. Что Аполлоній говоритъ смѣло—неудивительно, хотя это и не совсѣмъ согласно съ его предъидущею осторожностью и сдержанностью; но что Тигеллинъ испугался этой смѣлости и выпустилъ его изъ рукъ—это очевидно выдумка Дамида или Филострата. Какъ бы то ни было, требовали ли Аполлонія къ Тигеллину или нѣтъ, по той или по другой причинѣ онъ отдѣлался отъ него такъ дешево, все равно; главное дѣло въ томъ, что онъ остался на свободѣ, и философствовалъ въ столицѣ міра до тѣхъ поръ, пока Неронъ, уѣзжая въ Грецію, не выгналъ изъ Рима формальнымъ указомъ всѣхъ философовъ безъ различія мнѣній и направленій. Во время своего пребыванія въ Римѣ онъ будто бы воскресилъ умершую молодую дѣвушку, которую несли уже для погребенія. Впрочемъ эта эту сказку даже Филостратъ не рѣшается разсказать безъ нѣкоторыхъ оговорокъ и ограниченій. Онъ, напр., догадывается, что смерть была только видимая, наружная, [1]) что-то въ родѣ летаргическаго сна. Онъ сознается откровенно, что ни самъ онъ, ни присутствовавшіе при этомъ событіи не могутъ рѣшить положительно, замѣтилъ ли въ этой дѣвушкѣ Аполлоній остатокъ жизни, укрывшійся отъ наблюдательности врачей, или вложилъ онъ въ нее уже вылетѣвшее дыханіе. Не мѣшаетъ при этомъ замѣтить, что кромѣ Филострата ни одинъ писатель древности не упоминаетъ объ этомъ чудесномъ событіи.

---

[1]) V. Ap. IV. 45.

Изъ Рима Аполлоній пошелъ на западъ, къ Геркулесовымъ столбамъ, чтобы видѣть Гадейру и приливъ и отливъ Атлантическаго океана. До него дошли также слухи о значительныхъ философскихъ познаніяхъ тамошнихъ жителей и онъ интересовался лично провѣрить эти извѣстія.

VI.

Личность Нерона и его распоряженія произвели на Аполлонія и его товарищей глубокое впечатлѣніе. Выѣхавши изъ Рима, они вздохнули свободнѣе, и, не боясь уже сыщиковъ и доносчиковъ, съ наслажденіемъ стали сообщать другъ другу свои замѣчанія насчетъ Рима и императора, отправившагося въ Олимпію удивлять Грековъ своимъ голосомъ. Одинъ изъ такихъ разговоровъ, отличающійся живою естественностью, приводитъ Филостратъ. Въ этомъ разговорѣ, происходящемъ въ Гераклонѣ, выражается раздражительная иронія, смѣняющаяся порою то открытымъ негодованіемъ, то искреннимъ сочувствіемъ къ угнетенному народу. Этотъ разговоръ [1]) замѣчателенъ по своей живости, и дѣлаетъ честь искуству Филострата, или той вѣрности, съ которою Дамидъ воспроизвелъ дѣйствительное событіе. Аполлоній съ неподдѣльнымъ юморомъ проводитъ въ немъ параллель между нашествіемъ Ксеркса и Нерона на Грецію и находитъ, что послѣднее принесетъ бѣднымъ Грекамъ больше горя и страданія. Ненависть Аполлонія къ Нерону выразилась не въ однѣхъ насмѣшкахъ. Намѣстникъ провинціи Бетики просилъ Аполлонія назначить ему свиданіе; Аполлоній согласился и, разговаривая съ намѣстникомъ, выслалъ всѣхъ своихъ учениковъ изъ комнаты; даже Дамидъ не слыхалъ, о чемъ они говорили; извѣстно только, что совѣщанія ихъ продолжались три дня, и что, прощаясь съ намѣстникомъ, Аполлоній обнялъ его и сказалъ ему: »прощай и помни Виндекса!« Изъ этихъ словъ Дамидъ заключаетъ, что бесѣда ихъ имѣла преимущественно политическій характеръ, и касалась Нерона. Виндексъ, начальникъ испанскихъ [2]) легіоновъ, готовилъ возмущеніе противъ Нерона, и очень можетъ быть, что краснорѣчіе и кудесничества Аполлонія сильно помогали ему произвести движеніе

---

[1]) V. Ap. V. 7. [2]) Dio Cass.

умовъ. Ни Дамидъ, ни Филостратъ не говорятъ положительно о политической роли Аполлонія; быть можетъ, причиною ихъ молчанія является скрытность и осторожность самого Аполлонія, нелюбившаго ни кому довѣрять свои планы. Скрытность же Аполлонія оправдывается многими разнородными обстоятельствами; во-1-хъ, таинственность была однимъ изъ средствъ подѣйствовать на умы; во-2-хъ, сдержанность въ политическомъ предпріятіи была положительно необходима; въ-3-хъ, никто изъ приближенныхъ Аполлонія не стоялъ съ нимъ наравнѣ по умственнымъ способностямъ и слѣд. не могъ вполнѣ понять и оцѣнить его планы. Таинственный какъ мистикъ, осторожный какъ умный заговорщикъ, гордый какъ даровитый человѣкъ, окруженный благоговѣющими посредственностями, — Аполлоній дѣлалъ свое дѣло, не торопясь, безъ суеты, и не чувствовалъ ни малѣйшей потребности дѣлиться съ кѣмъ бы то ни было своими соображеніями и надеждами. Зато ученики его сторожили каждое слово, случайно слетѣвшее съ губъ его, и давая ему произвольное толкованіе, несчетное число разъ прославляли его за мнимыя пророчества; часто обращались они къ нему съ вопросами о будущихъ политическихъ судьбахъ имперіи; тогда Аполлоній отвѣчалъ имъ какъ-попало, и потомъ они же сами излагали его отвѣтъ такъ, что онъ дѣйствительно оказывался въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что случалось на-дѣлѣ. Въ то время, какъ они плыли изъ Испаніи въ Сицилію, съ тѣмъ, чтобы оттуда переправиться въ Ливію, Дамидъ сильно интересовался исходомъ политическихъ совѣщаній Аполлонія съ намѣстникомъ; въ Сициліи они узнали о возмущеніи Виндекса и о несчастномъ исходѣ его предпріятія; вслѣдъ затѣмъ до нихъ дошли слухи о томъ, что въ разныхъ концахъ имперіи произошли возстанія и явились претенданты на императорскій престолъ; ученики Аполлонія съ полною вѣрою спросили у него, чѣмъ кончится дѣло и кому достанется господство?—«Многимъ Ѳиванцамъ» отвѣчалъ Аполлоній.—Ни одинъ Ѳиванецъ не сдѣлался римскимъ императоромъ, а между тѣмъ изреченіе Аполлонія все-таки было вмѣнено ему въ пророческую заслугу; поняли его такъ, что онъ сравниваетъ кратковременное господство Гальбы, Отона и Вителлія съ кратковременнымъ первенствомъ Ѳивъ въ ряду остальныхъ греческихъ государствъ. Въ Сициліи, по поводу огнедышащей горы Этны и связаннаго съ нею мѣстнаго преданія о томъ, что здѣсь лежитъ скованный титанъ Тифонъ, извергающій изъ себя пламя,—Аполлоній въ довольно пространномъ разсужденіи высказалъ своимъ ученикамъ взглядъ свой на миѳологію.

Самый важный моментъ приведеннаго мною разсужденія есть критика миѳовъ. Защищая разныхъ оракуловъ и жреческія преданія, Аполлоній относится довольно враждебно къ свободному вымыслу въ области миѳологіи и, подобно всѣмъ почти мыслителямъ древности, строго различаетъ теологію поэтовъ украшенную ихъ фантазіею, отъ теологіи государственной религіи, утвержденной существующими законами; все безнравственное и несогласное съ духомъ чистой философіи—Аполлоній относитъ насчетъ поэтовъ; это ихъ вымыселъ, по его мнѣнію, и отъ этого вымысла слѣдуетъ очистить догматическую часть религіи. Дидактическая поэзія безусловно вызываетъ къ себѣ его сочувствіе и, придавая особую цѣну нравоученію, онъ почти совершенно упускаетъ изъ виду эстетическій элементъ и красоту формы. Это происходитъ оттого, что Аполлоній чувствуетъ красоту, но не доводитъ своего эстетическаго чувства до яснаго сознанія, не формулируетъ себѣ своихъ эстетическихъ убѣжденій. Онъ любуется статуей Зевса олимпійскаго, преклоняется передъ величественнымъ образомъ Зевса, нарисованнымъ Гомеромъ; но при отвлеченномъ разсужденіи о миѳахъ онъ является пуристомъ и ставитъ разсудочныя созданія Эзопа выше живыхъ и роскошныхъ твореній сильной фантазіи южнаго человѣка. Гдѣ Аполлоній руководствуется непосредственнымъ чувствомъ, тамъ онъ обыкновенно не ошибается; гдѣ онъ пытается изъ внушеній чувства, провѣренныхъ критическою мыслью, построить теорію, тамъ у него оказываются промахи и погрѣшности, которые, впрочемъ, раздѣляетъ съ нимъ вся классическая древность. Враждебное отношеніе къ миѳамъ я замѣчалъ, говоря о Платонѣ и обсуживая нравственное вліяніе языческаго политеизма.

Изъ Сициліи Аполлоній отправился въ Грецію, былъ посвященъ въ элевзинскія мистеріи новымъ іерофантомъ, свидѣлся съ Дмитріемъ, жившимъ и учившимъ въ Аѳинахъ, объѣхалъ всѣ греческіе храмы и весною отправился въ Египетъ черезъ Хіосъ и Родосъ. Въ Александріи Аполлонія приняли съ радостью; едва онъ вышелъ на берегъ, ему представился случай показать свое ясновидѣніе; онъ встрѣтилъ двѣнадцать разбойниковъ, которыхъ вели на казнь и понялъ, что одинъ изъ нихъ былъ невиненъ; онъ просилъ повременить казнью и остановилъ ее настолько, что успѣлъ прибыть на лобное мѣсто всадникъ, который объявилъ прощеніе разбойнику, названному Аполлоніемъ. Это благодѣтельное чудо высоко поставило философа въ глазахъ Египтянъ, которые, по словамъ Филострата, вообще очень склонны къ благого-

вѣнію [1]). Въ первый же день послѣ своего пріѣзда Аполлоній вошелъ въ храмъ, и похвалилъ его устройство и украшенія; но кровавыя жертвы не понравились ему, и онъ выразилъ свое неодобреніе. Египетскій жрецъ спросилъ: на какомъ основаніи онъ самъ не совершаетъ такихъ жертвоприношеній?

— Скажи ты мнѣ, напротивъ, возразилъ Аполлоній, почему ты приносишь такія жертвы?

— Кто возьметъ на себя смѣлость, спросилъ жрецъ, исправлять обычаи Египтянъ?

— Всякій мудрецъ, побывавшій у Индѣйцевъ, отвѣчалъ Аполлоній.

Вслѣдъ затѣмъ онъ объявилъ свое желаніе сжечь въ честь божества изображеніе вола, сдѣланное изъ ладона; потомъ, въ то время, какъ это изображеніе таяло въ огнѣ, онъ сталъ присматриваться къ фигурѣ и цвѣту пламени, и когда жрецъ объявилъ ему, что самъ не видитъ въ этихъ знакахъ ничего высшаго и божественнаго, Аполлоній упрекнулъ его въ невѣжествѣ и невнимательности къ божественнымъ обрядамъ. За поученіемъ, касавшимся богослуженія, слѣдовала нравственная проповѣдь. Въ Александріи любимымъ увеселеніемъ народа были конскія скачки; онѣ подавали поводъ къ раздѣленію народа на партіи, къ ссорамъ и кровопролитнымъ схваткамъ; Аполлонія возмутила и пустота этой забавы и кровавыя ея послѣдствія; онъ говорилъ противъ нея въ храмѣ съ большимъ воодушевленіемъ; но насколько дѣйствительно было его поученіе, этого Филостратъ не упоминаетъ. Въ Александріи произошло, по словамъ Филострата, свиданіе между Аполлоніемъ и Веспасіаномъ, уже объявившимъ себя императоромъ и собиравшимся идти на Римъ противъ Вителлія. Это свиданіе описано съ такими античными подробностями, личность Аполлонія до такой степени остается вѣрна своему характеру, что трудно себѣ представить, чтобы она была положительно вымышлена Филостратомъ; съ другой стороны то обстоятельство, что ни Светоній въ жизни Веспасіана, ни Тацитъ въ исторіи не называетъ имени Аполлонія, подаетъ поводъ заподозрить разсказъ Филострата. Впрочемъ, можно найдти средство согласить одно съ другимъ. О пребываніи Веспасіана въ Египтѣ и даже о чудесномъ исцѣленіи слѣпаго черезъ его прикосновеніе говорятъ и Тацитъ и Светоній. Бывши въ Александріи, Веспа—

[1]) V. Ap. V. 24.

сіанъ конечно могъ имѣть сношенія съ мѣстными жрецами и философами; въ числѣ этихъ лицъ онъ могъ видѣть и Аполлонія; обративъ вниманіе на его свѣтлый умъ и обширныя знанія, онъ могъ говорить съ нимъ о положеніи и потребностяхъ государства и Аполлоній могъ высказать передъ нимъ свои политическія убѣжденія; такъ какъ, по извѣстію самого Филострата, совѣщанія Аполлонія съ Веспасіаномъ происходили не при Дамидѣ, то Дамидъ вѣроятно узнавалъ ихъ содержаніе по собственнымъ разсказамъ своего учителя и, записывая эти разсказы, конечно не желалъ смягчать или ослаблять то политическое значеніе, которымъ рисовался передъ нимъ Аполлоній. Конечно, еслибы Аполлоній былъ первымъ совѣтникомъ Веспасіана, о немъ упомянули бы историкъ Тацитъ и біографъ Светоній; конечно, еслибы Аполлоній никогда не видалъ Веспасіана, Филостратъ не выдумалъ бы безъ особенной необходимости цѣлаго ряда сценъ и совѣщаній, наполняющихъ собою 12 большихъ главъ его V-й книги. Особенной необходимости не видно уже потому, что, во-первыхъ, Аполлоній во все время разговоровъ съ Веспасіаномъ не дѣлаетъ ни одного замѣчательнаго чуда, а во-вторыхъ, политическія убѣжденія Аполлонія могли бы быть достаточно очерчены въ защитительной рѣчи его, приготовленной для произнесенія передъ Домиціаномъ. Стало-быть можно принять, что Аполлоній видѣлся съ Веспасіаномъ и говорилъ съ нимъ; степень уваженія Веспасіана къ нему, степень его вліянія на Веспасіана безспорно преувеличены. Но самыя политическія убѣжденія, выраженныя Аполлоніемъ, могутъ быть приняты за его дѣйствительную умственную собственность. Мы можемъ судить здѣсь только по внутреннимъ признакамъ, потому что нѣтъ никакихъ данныхъ, по которымъ мы могли бы контролировать Филострата; внутренняго же противорѣчія я не вижу и мнѣ кажется, что эти черты только полнѣе и яснѣе очерчиваютъ тотъ образъ, который, на основаніи предъидущихъ извѣстій Филострата, слагается въ умѣ читателя. Даже то обстоятельство, что Веспасіанъ дорожитъ мнѣніемъ Аполлонія, не должно вызывать въ читателѣ безусловное недовѣріе. Веспасіанъ не былъ еще вполнѣ императоромъ; ему предстояло еще бороться съ совмѣстникомъ; онъ долженъ былъ дорожить своею популярностью и не пренебрегать дешевыми средствами упрочить и усилить ее; онъ видѣлъ, что Аполлонія считаютъ чудотворцемъ и любимцемъ божества, что его поученія слушаютъ съ благоговѣніемъ и съ жаднымъ вниманіемъ; если не личное суевѣріе, то чистый политическій расчетъ могъ побудить его облас-

кать хваленаго мудреца, выразить ему свое уваженіе, и, чтобы польстить его самолюбію, попросить даже его совѣта въ такомъ важномъ дѣлѣ, которое, вѣроятно, давно было обдумано и рѣшено въ его умѣ. Веспасіану въ то время было 60 лѣтъ; онъ испыталъ придворную жизнь при Тиверіѣ, Калигулѣ, Клавдіѣ и Неронѣ, и слѣдовательно умѣлъ обращаться съ людьми и пользоваться обстоятельствами; ему было пріятно и выгодно дружески говорить съ Аполлоніемъ — онъ такъ и сдѣлалъ. Аполлоній тоже умѣлъ держать себя съ тактомъ и съ достоинствомъ; не унижаясь передъ Васпасіаномъ поспѣшною предупредительностью, не заискивая въ немъ, онъ умѣлъ понравиться ему своею мягкостью и практическою примѣнимостью своихъ совѣтовъ. Когда Веспасіанъ въѣзжалъ въ городъ, къ нему вышли навстрѣчу жрецы, правители Египта, начальники отдѣльныхъ номовъ, философы и толпа народа. Аполлоній, о которомъ въ то время говорила вся Александрія, остался въ храмѣ и, съ расчитаннымъ достоинствомъ, не сдѣлалъ самъ ни одного шагу, чтобы приблизиться къ властелину. Наслышавшись о его чудесахъ и видя, съ какимъ уваженіемъ смотритъ на него масса народа, Веспасіанъ подошелъ къ нему послѣ жертвоприношенія и сказалъ:

— Сдѣлай меня императоромъ!

— Я объ этомъ старался, отвѣчалъ ему Аполлоній. Я молилъ боговъ объ императорѣ справедливомъ, благородномъ, умѣренномъ, украшенномъ сѣдыми волосами и способномъ сдѣлаться отцомъ подданныхъ. Молясь такимъ образомъ, я молился о тебѣ.

На эти слова, произнесенныя спокойно и величественно, окружающая толпа отвѣчала громкимъ восклицаніемъ. Этого было довольно, чтобы показать Веспасіану популярность его собесѣдника; поговоривъ съ нимъ въ храмѣ, онъ взялъ его за руку и повелъ его къ себѣ во дворецъ. Передавать происходившіе тамъ разговоры, значитъ вдаваться въ историческій романъ и вѣрить на-слово разсказамъ Филострата. Упомяну только о тѣхъ мысляхъ Аполлонія, въ которыхъ выразились его политическія убѣжденія. Съ нимъ вмѣстѣ были у Веспасіана два философа: Діонъ и Эвфратъ, который впослѣдствіи сдѣлался его врагомъ и обвинителемъ. Оба эти мыслители совѣтовали Веспасіану возстановить республику, или, по крайней мѣрѣ, предоставить народу самому избрать себѣ образъ правленія. Веспасіанъ выслушалъ ихъ совѣты и обратился къ Аполлонію, который между тѣмъ наблюдалъ его

физіономію и замѣчалъ въ мускулахъ лица неудовольствіе и тревогу [1]); Аполлоній живымъ, практическимъ смысломъ понялъ потребности настоящей минуты, и не отвлекаясь отвлеченными теоріями, осязательно доказалъ Діону и Эвфрату непрактичность ихъ требованій. «Вы говорите, сказалъ онъ имъ, съ консуляромъ, съ человѣкомъ, привыкшимъ властвовать, съ человѣкомъ, который погибнетъ, если откажется отъ господства. Зачѣмъ ему отталкивать дары счастья? Почему не принять то, что приходитъ само-собою? За что его порицать, если онъ просто спрашиваетъ совѣта, какъ бы ему мудрѣе распорядиться съ тѣмъ, что у него въ рукахъ?...... Его окружаетъ цѣлое войско, вокругъ него множество копій, блескъ желѣзнаго оружія, сотни лошадей, а посмотрите, какъ онъ честенъ и умѣренъ, какъ способенъ выполнить то, что онъ замышляетъ. Пусть идетъ онъ по своему назначенію, мы проводимъ его добрымъ словомъ и будемъ обѣщать ему въ будущемъ еще большія блага! Вы не сообразили того, что у него двое взрослыхъ сыновей, что у каждаго изъ нихъ свое войско, и что они сдѣлаются его врагами, если онъ не пріобрѣтетъ для нихъ господства... Я съ своей стороны для себя не забочусь о правительствѣ потому; что живу подъ покровительствомъ боговъ; но я не хочу, чтобы стадо людей погибло за неимѣніемъ справедливаго и мудраго пастыря. Демократія при существованіи одного замѣчательнаго по добродѣтели человѣка превращается въ господство одного великаго лица; такъ точно и единодержавіе дѣлается народнымъ правленіемъ, если оно направлено ко всеобщему благу... Чего вы требуете? Чтобы человѣкъ, котораго признали императоромъ въ этихъ храмахъ, который вчера господствовалъ и выслушивалъ просьбы народа, — чтобы такой человѣкъ вдругъ возвратился въ частную жизнь, и объявилъ публично, что онъ принялъ господство въ припадкѣ безумія?! Приводя въ исполненіе свое намѣреніе онъ находилъ вездѣ усердныхъ и преданныхъ друзей и помощниковъ. Если онъ перемѣнитъ свое намѣреніе, онъ въ каждомъ изъ нихъ встрѣтитъ врага и противника». Затѣмъ Аполлоній высказалъ самому Веспасіану свои воззрѣнія на обязанности правителя: «Не считай богатствомъ то, что кладется въ казну; чѣмъ эти богатства, лучше груды песку? Не считай богатствомъ то, что приносятъ люди, сокрушающіеся при своемъ приношеніи. Мрачно и обманчиво золото, на которомъ лежатъ слезы. Чтобы употреблять богатство на благо, поддерживай нуждающихся, и

---

[1]) V. Ap. V. 35.

обезпечивай собственность богатыхъ. Бойся того могущества, которое даетъ тебѣ средства дѣлать, что хочешь; въ такомъ случаѣ ты употребишь это могущество благоразумно. Не срѣзывай высокихъ колосьевъ, возвышающихся подъ нивою; это — несправедливое ученіе; но истребляй враждебный образъ мыслей, какъ репьи на хлѣбной нивѣ; устрашай возмутителей порядка не наказаніемъ, а страхомъ наказанія. Пусть законъ господствуетъ и надъ тобою, государь; если ты будешь задумывать законы и для себя, то они будутъ мудро задуманы. Уважай боговъ болѣе прежняго, потому что ты получилъ отъ нихъ великіе дары и молишься имъ для полученія великихъ милостей. Въ томъ, что касается твоего тѣла, держи себя какъ частный человѣкъ... У тебя два сына и, какъ говорятъ, у нихъ благородныя наклонности. Наблюдай за ними, потому, что ихъ ошибки падутъ на твою отвѣтственность. Угрожай имъ тѣмъ, что ты не передашь имъ господства, если они не будутъ достойными людьми; пусть они смотрятъ на господство не какъ на наслѣдство, а какъ на награду добродѣтели. Разнородные пороки, господствующіе въ Римѣ подавляй постепенно и умѣренно; трудно сразу возстановить народную нравственность; должно постепенно пріучать умы къ порядку, исправляя одно — публично и открыто, другое,—незамѣтно. Умѣй сдерживать гордость рабовъ и вольноотпущенныхъ, которыхъ доставитъ тебѣ твой санъ; пріучи ихъ, чтобы они были тѣмъ скромнѣе, чѣмъ могущественнѣе ихъ господинъ. Скажу еще о правителяхъ, отправляющихся въ провинціи; я разумѣю не тѣхъ, которыхъ ты самъ будешь посылать, (потому, что ты конечно будешь давать эти мѣста достойнымъ людямъ), а тѣхъ, которымъ достаются провинціи по жребію. Я полагаю, что изъ выбранныхъ такимъ образомъ кандидатовъ слѣдуетъ посылать къ каждому народу того, кто съ нимъ близокъ или знакомъ; люди эллинскаго образованія должны господствовать надъ Эллинами; люди, получившіе римское воспитаніе, должны управлять племенами, говорящими на этомъ языкѣ.»

Въ этихъ совѣтахъ, равно какъ и въ томъ мнѣніи, которымъ Аполлоній возражалъ Эвфрату и Діону, ясно выразилась его умѣренность и практическій тактъ; не насилуя живой дѣйствительности во имя недостижимаго идеала, Аполлоній не хочетъ возстановленія республики, и видитъ невозможность полнаго и быстраго возстановленія падшей общественной нравственности; онъ требуетъ только отъ новаго правительства, чтобы оно честно и искренне желало общественнаго блага и ясно сознавало тѣ цѣли, къ которымъ оно будетъ стремиться. Тонъ Аполло-

ніевой рѣчи отличается чрезвычайно гармоническимъ сліяніемъ правдивости и почтительности; ораторъ хочетъ высказать всѣ свои убѣжденія, но онъ знаетъ, что говоритъ съ сильнымъ лицомъ, привыкшимъ къ господству, и что совѣты его только при особенной, пріятной формѣ могутъ быть приняты благосклонно и произвести прочное впечатлѣніе. По тому образу жизни, который постоянно велъ Аполлоній, его невозможно заподозрить въ желаніи изъ личныхъ видовъ подольститься къ императору; онъ въ немъ не нуждался и потому, если говорилъ съ нимъ особенно мягко и почтительно, то единственно для того, чтобы подѣйствовать на него педагогически; чтобы ободрить его на полезное дѣло и заставить выслушать смѣлое слово истины. Это умѣніе Аполлонія принаравливать свои убѣжденія къ потребностямъ времени и соразмѣрять свои слова съ личностью собесѣдника содѣйствовало его успѣху, потому, что избавляло его проповѣдническую дѣятельность отъ тѣхъ рѣзкостей, которыя возмущаютъ слушателей или ведутъ за собою броженіе умовъ; но это же самое свойство мѣшало Аполлонію произвести какой нибудь сильный переворотъ въ общественномъ сознаніи; его проповѣди выслушивались съ удовольствіемъ и съ благоговѣйнымъ вниманіемъ, но онѣ были такъ спокойны и такъ умно соображены съ обстоятельствами, что могли только навести слушателей на размышленія, а не бросить имъ въ душу какое нибудь пламенное и новое чувство. Аполлоній не былъ фанатикомъ; всесторонняя любознательность, пытливый умъ и спокойная ровность обращенія указываютъ въ немъ человѣка, составившаго себѣ законченное міросозерцаніе путемъ размышленія, человѣка съ твердыми убѣжденіями, старающагося передать эти убѣжденія другимъ людямъ, но дѣйствующаго такимъ образомъ не по внутреннему, слѣпому влеченію, не по внутренней потребности, а по обдуманному и сознательно принятому рѣшенію.

VII.

Пропускаю разсказъ Филострата о свиданіи Аполлонія съ египетскими отшельниками—мудрецами, и приступаю прямо къ послѣднему періоду его біографіи, къ преслѣдованіямъ, вынесеннымъ имъ въ царствованіе Домиціана.

По смерти Тита [1]) Римъ вспомнилъ времена Нерона и вспомнилъ ихъ почти съ сожалѣніемъ. Кровожадный и мрачный деспотизмъ Домиціана затмилъ собою все, что позволяли себѣ прежніе императоры. Объявивъ себя богомъ, Домиціанъ, послѣ знаменитой фразы: «dominus et deus noster sic fieri jubet», сталъ съ систематическою жестокостью и съ возрастающею подозрительностью преслѣдовать, какъ оскорбленіе святыни и какъ государственную измѣну, всякое неосторожно сказанное слово, всякое вольное выраженіе, которое могло быть перетолковано какъ протестъ противъ его безразсудныхъ распоряженій. Аполлонію въ то время было уже гораздо болѣе семидесяти лѣтъ; умѣренный образъ жизни сохранилъ его отъ дряхлости и помраченія умственныхъ способностей; онъ испыталъ въ жизни все, что могъ и хотѣлъ испытать, и жизнь конечно не должна была казаться ему безцѣннымъ сокровищемъ, тѣмъ болѣе, что онъ вѣрилъ въ будущее, свѣтлое возрожденіе, и, сознавая изящество собственной личности, не могъ бояться, чтобы душа его переселилась въ какое нибудь неразумное животное. Долголѣтняя, честная жизнь научила его уважать свое достоинство и гордо смотрѣть въ глаза всему, что можетъ принести съ собою неизвѣстное будущее; эта же долголѣтняя жизнь научила его тому спокойствію, которое давало ему право говорить своимъ ученикамъ и послѣдователямъ, что онъ не боится будущаго, потому что знаетъ и предвидитъ намѣренія судьбы. Онъ съ спокойнымъ достоинствомъ давалъ совѣты Веспасіану и сыну его Титу; съ тѣмъ же спокойнымъ достоинствомъ онъ выразилъ свое негодованіе противъ нелѣпостей Домиціана. Онъ не былъ ни политическимъ интригантомъ, ни рьянымъ демагогомъ и потому его протестъ не выразился ни въ заговорѣ, ни въ страстной рѣчи къ народу. Аполлоній просто не хотѣлъ стѣснять своего чувства и оно проявлялось публично, въ присутствіи друзей и враговъ, въ ироническихъ замѣчаніяхъ или въ вдохновенныхъ словахъ негодованія. Въ общихъ выраженіяхъ Филостратъ хочетъ показать, что Аполлоній хотѣлъ имѣть положительное вліяніе на существующій порядокъ вещей, что съ одной стороны онъ волновалъ массу [2]), съ другой имѣлъ постоянныя дружескія сношенія съ тѣми людьми, которыхъ онъ считалъ способными наслѣдовать Домиціану [3]). Но это очевидно общіе выводы самого Филострата; по крайней мѣрѣ тѣ факты, которые онъ приводитъ для

---

[1]) V. Ap. VI. 32. [2]) V. Ap. VII. 4. [3]) V. Ap. VII. 8.

ихъ подтвержденія, говорятъ совершенно другое и представляютъ Аполлонія не политическимъ дѣятелемъ, а просто благороднымъ человѣкомъ, нежелающимъ притворяться и слишкомъ гордымъ, чтобы сдерживаться. Мы видѣли, что Аполлоній въ разговорахъ съ Телезиномъ умѣлъ быть гибкимъ и уклончивымъ, что въ Римѣ при Неронѣ онъ обуздывалъ свой языкъ и заставлялъ своихъ учениковъ молчать или говорить умѣренно. Теперь же, при Домиціанѣ, Аполлоній какъ бы умышленно вызываетъ правительство на бой. Можетъ быть, лѣта сдѣлали его неуступчивымъ, можетъ быть, его дружескія отношенія съ Веспасіономъ и Титомъ пріучили его къ откровенности, можетъ быть, переходъ отъ Тита къ Домиціану былъ такъ крутъ и рѣзокъ, что старикъ не въ силахъ былъ скрывать горькое озлобленіе противъ настоящаго. Вѣрилъ ли Аполлоній въ свою счастливую звѣзду, или онъ искалъ мученической кончины, которая бы достойнымъ образомъ закончила его образцовую жизнь или же онъ просто, безъ всякаго расчета давалъ волю чувству, потому что не въ силахъ былъ сдержать его? Первое предположеніе всего вѣроятнѣе, потому что поступить по второму побужденію могъ только восторженный фанатикъ, а увлечься чувствомъ и забыть осторожность,—пылкій юноша, а не семидесятилѣтній старикъ, систематически учившійся владѣть собою. Аполлоній могъ вѣрить въ свою личность; вся его дѣятельность показываетъ ясно, что онъ былъ нетолько мистификаторъ, но и мистикъ; онъ заставлялъ вѣрить другихъ въ то, во что самъ твердо вѣрилъ; какъ средство убѣдить слушателей, или возвыситься въ ихъ глазахъ, онъ употреблялъ какой-нибудь разсказъ, которому самъ не могъ вѣрить, напр. разсказъ о бесѣдѣ съ Ахилломъ; но если онъ и не вѣрилъ въ дѣйствительность этой бесѣды, то твердо вѣрилъ въ ея возможность и потому собственно не говорилъ противъ своего убѣжденія, а только окрашивалъ міръ и его явленія въ тотъ цвѣтъ, который онъ по его мнѣнію, долженъ былъ имѣть, хотя самъ онъ, Аполлоній, и не видалъ предметовъ такого цвѣта.

Развитію этого убѣжденія, фаталистической вѣрѣ въ высшее и вѣчное значеніе своего *я* могли содѣйствовать многіе факты въ жизни Аполлонія: Неронъ заслуживаетъ его презрѣніе и падаетъ; Гальба, Отонъ и Вителлій не заботятся о его одобреніи и падаютъ одинъ за другимъ; достойный императорскаго сана Веспасіанъ обращается къ нему за совѣтомъ и оказываетъ ему уваженіе; какъ бы въ награду за это, онъ царствуетъ спокойно и умираетъ, любимый своими подданными, уми-

раетъ собственною смертью, оставляя престолъ своему сыну. Мистику не трудно было увидѣть высшую силу, управлявшую этими событіями и постоянно шедшую рука объ руку съ его собственными желаніями, поражавшую того, кого онъ осуждалъ, и возвышавшую того, на кого бы онъ самъ готовъ былъ указать съ любовью и съ уваженіемъ. Вѣря въ неизбѣжное торжество добра и разума надъ зломъ и нелѣпостью, видя въ себѣ воплощеніе высшей мудрости и полнѣйшей нравственной чистоты, Аполлоній долженъ былъ вѣрить въ божественность и въ непобѣдимость своего *я*. Онъ могъ серьезно думать, что для погибели Домиціана достаточно будетъ того, чтобы онъ, Аполлоній, вступилъ съ нимъ въ борьбу. Когда Дмитрій говоритъ Аполлонію, что онъ подвергаетъ себя страшной опасности, раздражая деспота, Аполлоній наивно спрашиваетъ: какая—жъ тутъ опасность [1])? Далѣе онъ говоритъ съ полнымъ убѣжденіемъ, въ которомъ было бы несправедливо видѣть притворство: «я утверждаю, что я не подвергаюсь ни малѣйшей опасности и не умру отъ тиранніи, хотя бы я самъ того хотѣлъ [2]). Тутъ Аполлоній просто напросто довѣряется своему предчувствію, потому что твердо увѣренъ, что въ его личности нѣтъ ничего случайнаго и неосмысленнаго, и что самыя инстинктивныя душевныя движенія, напр. предчувствія и сновидѣнія имѣютъ высшее значеніе и не способны обманывать. Самое же предчувствіе въ спокойномъ и здоровомъ организмѣ является свѣтлымъ и веселымъ, и Аполлоній сознательно предается ему, какъ Сократъ предавался внушеніямъ своего внутренняго демона. Вѣра въ собственную личность такъ глубоко проникаетъ собою весь нравственный составъ Аполлонія, что она выражается въ двухъ отдѣльныхъ актахъ, имѣющихъ другъ на друга сильное и необходимое вліяніе; первый изъ нихъ такъ же мало зависитъ отъ воли и сознанія Аполлонія, какъ и темпъ его пульса; это — веселый колоритъ его предчувствія. Второй уже не можетъ быть названъ простымъ инстинктомъ; это — вѣра въ это предчувствіе и рѣшимость сообразовать съ нимъ свои дѣйствія. Должно сознаться, что выходки Аполлонія противъ Домиціана были довольно безцѣльны и слѣдовательно не опасны; на нихъ могло обратить вниманіе только очень подозрительное правительство, мало надѣющееся на привязанность подданныхъ. Одинъ разъ въ театрѣ актеръ произнесъ стихи Эврипида, въ которыхъ поэтъ говоритъ, что

---

[1]) V. Ap. VII. 10. [2]) V. Ap. VII 14.

тираннія долго растетъ и разрушается быстро. Въ театрѣ сидѣлъ намѣстникъ Азіи, молодой консуляръ, извѣстный своею нерѣшительностью. Когда были произнесены эти слова, Аполлоній вскочилъ съ своего мѣста. — «Этотъ трусъ, сказалъ онъ, разумѣя намѣстника, не понимаетъ ни Эврипида, ни меня». Въ Малой Азіи было получено извѣстіе о томъ, что Домиціанъ очистилъ храмъ Весты и казнилъ трехъ весталокъ, нарушившихъ обѣтъ дѣвственности; Аполлоній публично въ храмѣ обратился къ солнцу съ слѣдующею молитвою: «О Геліосъ, очистись и ты отъ несправедливыхъ убійствъ, которыми теперь наполняютъ землю!»

Домиціанъ убилъ своего родственника Сабина и женился на его вдовѣ Юліи, которая, какъ дочь Тита, приходилась ему племянница. Въ Эфесѣ по случаю этого бракосочетанія происходило торжественное празднество. Аполлоній подошелъ къ алтарю и сказалъ: «О, ночь древнихъ Данаидъ, ты до сихъ поръ была единственная въ своемъ родѣ!»

Самый дѣйствительный протестъ состоялъ въ слѣдующемъ: Домиціанъ одновременно издалъ два указа; однимъ онъ запрещалъ оскоплять мужчинъ, другимъ приказывалъ уничтожить половину существующихъ виноградниковъ и запрещалъ насаживать новыя лозы [1]). Аполлоній выступилъ съ рѣчью въ собраніи Іонянъ: «Эти указы, сказалъ онъ, ко мнѣ не относятся. Изъ числа всѣхъ людей, я, можетъ быть, одинъ не нуждаюсь ни въ половыхъ органахъ, ни въ винѣ. Но этотъ странный человѣкъ не видитъ, что, щадя людей, онъ оскопляетъ землю [2])». Іоняне обратились къ Домиціану съ просьбою отмѣнить законъ о виноградникахъ и его дѣйствительно отмѣнили [3]). Хотя этотъ протестъ имѣлъ дѣйствительныя послѣдствія, но должно сознаться, что онъ не могъ быть опасенъ и что Домиціану не зачѣмъ было принимать противъ Аполлонія серьезныя мѣры. Мученичество Аполлонія могло бы только обратить на его личность вниманіе всей имперіи и возбудить всеобщее сочувствіе къ страданіямъ праведника. Но Домиціанъ думалъ не такъ, и когда до него дошло черезъ шпіоновъ извѣстіе о выходкахъ Аполлонія, онъ послалъ къ азіатскому намѣстнику приказаніе схватить его и прислать въ Римъ. По внѣшней формѣ своей нападки Аполлонія были, во-первыхъ, чрезвычайно дерзки, во-вторыхъ, для человѣка подозрительнаго и суевѣрнаго

---

[1]) Sueton. Vita Dom. 7. [2]) V. Ap. VI. 42. [3]) Sueton. V. Dom. 14.

они могли казаться или зловѣщимъ предсказаніемъ, или намекомъ на существующій обширный заговоръ. Одинъ разъ, Аполлоній взглянулъ на мѣдную статую Домиціана съ глубокимъ презрѣніемъ: «Ахъ ты безумецъ, сказалъ онъ, какъ мало ты понимаешь намѣренія Паркъ и рѣшенія судьбы. Тотъ, кому суждено царствовать, послѣ тебя оживетъ, еслибы тебѣ даже удалось убить его». Произнося эти слова въ окрестностяхъ Смирны, на открытомъ мѣстѣ, при многочисленныхъ слушателяхъ, Аполлоній прямо вызывалъ на бой Домиціана, потому что онъ могъ быть увѣренъ, что эти слова подслушаютъ и передадутъ, куда слѣдуетъ. Чувствуя, что отступать уже поздно, Аполлоній смѣло пошелъ впередъ и не дожидаясь ареста, самъ поѣхалъ въ Италію. Недалеко отъ Рима, въ мѣстечкѣ Дикеархіи (Путеоли), онъ видѣлся съ циникомъ Дмитріемъ и выслушалъ его совѣты бѣжать и укрыться въ какой нибудь землѣ, непринадлежащей Римлянамъ. На этотъ совѣтъ онъ отвѣчалъ, что считаетъ неблагороднымъ и недостойнымъ мудреца оставлять друзей своихъ въ опасности и не дѣлить съ ними до послѣдней минуты горя и радости. Друзьями своими, находившимися въ опасности, онъ называлъ Нерву, Салвидіона Орфита и Минуція Руфа. Всѣ они были страшны Домиціану, какъ люди честные и даровитые; всѣ они были удалены изъ Рима и жили въ изгнаніи, подъ опалою и подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ; Нерва былъ удаленъ въ Тарентъ, а Орфитъ и Руфъ на острова Средиземнаго моря. Въ лицѣ Аполлонія Домиціанъ думалъ вѣроятно найти узелъ всего заговора; бѣгство Аполлонія прямо указало бы на существованіе какого-то обширнаго замысла и тогда, можетъ быть, правительство серьезно принялось бы за тѣхъ подозрительныхъ людей, которые пока были только удалены изъ Рима. Возраженіе Аполлонія было основательно и ему, какъ честному человѣку, дѣйствительно нужно было принять на себя всѣ слѣдствія своего неосторожнаго поведенія въ Азіи. Несмотря на предостереженія Дмитрія, Аполлоній вошелъ въ Римъ. Дамидъ слѣдовалъ за нимъ, хотя сначала совѣты Дмитрія показались ему убѣдительными и онъ самъ сталъ уговаривать своего друга и учителя скрыться отъ преслѣдованій. Дамидъ пошелъ за Аполлоніемъ не по собственному убѣжденію, а по привязанности къ его личности. Учитель шелъ впереди, оставалось идти за нимъ, куда бы онъ ни повелъ. Аполлоній предложилъ ему остаться у Дмитрія, но Дамидъ отказался на-отрѣзъ и

сказалъ, что и онъ умѣетъ дѣлить съ друзьями труды и опасности [1]). Аполлоній взялъ его съ собою, но потребовалъ, чтобы онъ снялъ съ себя пиѳагорейскую одежду, которая могла подвергнуть его безполезнымъ опасностямъ. На это Дамидъ согласился и оба старика прибыли въ Римъ. Въ Римѣ у Аполлонія были друзья и защитники; его руку держалъ преторіанскій префектъ Эліанъ, человѣкъ благоразумный, нелюбившій безполезныхъ казней и смотрѣвшій очень вѣрно на личность Аполлонія. Ему хотѣлось спасти его и онъ говорилъ о немъ съ Домиціаномъ довольно откровенно, выказывая только къ Аполлонію большее пренебреженіе и совершенную холодность. «Эти софисты, государь, говорилъ онъ, народъ безпокойный и неосторожный, склонный къ пустой хвастливости; жизнь имъ надоѣдаетъ, они стремятся сами къ смерти и нарочно стараются раздражить людей, держащихъ въ рукахъ мечъ правосудія. На этомъ основаніи Неронъ вѣроятно не счелъ нужнымъ убить этого Аполлонія [2])». Когда Домиціанъ не унялся этими доводами и настоятельно потребовалъ ареста Аполлонія, тогда Эліанъ перемѣнилъ свою тактику; онъ самъ выказалъ полное усердіе и какъ только Аполлоній вошелъ въ Римъ, его схватили по приказанію префекта преторіанской гвардіи. Эліанъ повелъ его въ комнату тайныхъ совѣщаній, въ которой Аполлоній говорилъ уже съ Тигеллиномъ и тамъ начался между ними конфиденціальный разговоръ: «Тебѣ, сказалъ Эліанъ, ставятъ въ вину твою одежду и весь твой образъ жизни, и то, что тебя многіе обожали, какъ бога, и то, что ты въ Эфесѣ предсказалъ моровую язву. Говорятъ, что ты много высказывалъ противъ императора, и что иное было сказано келейно, а другое — публично, и многое было произнесено, какъ бы по внушенію божества. А самое тяжелое обвиненіе, по моему, совершенно не правдоподобно, потому что я знаю, что ты не терпишь даже крови жертвенныхъ животныхъ; императору же оно кажется самымъ вѣроятнымъ. Говорятъ, что ты имѣлъ свиданіе съ Нервою, принесъ жертву противъ императора, разрѣзалъ на части аркадскаго мальчика и этимъ жертвоприношеніемъ возбудилъ въ Нервѣ властолюбивые замыслы. Говорятъ, что это происходило ночью при свѣтѣ убывающей луны. Это самое важное обвиненіе, такъ что въ сравненіи съ нимъ всѣ остальныя совершенно ничтожны. Твой обвинитель нападаетъ на одежду, на образъ жизни и на даръ предвѣдѣ-

---

[1]) V. Ap. VIII. 15. [2]) V. Ap. VII. 16.

нія только потому, что видитъ въ этомъ отступленіи отъ естественнаго порядка вещей задатки той дерзости, которую ты будто бы обнаружилъ въ этомъ кровавомъ жертвоприношеніи. Ты долженъ приготовиться къ отвѣту на этотъ пунктъ, но рѣчь твоя не должна выражать пренебреженія къ личности императора». Аполлоній слышалъ уже отъ Дмитрія о главныхъ статьяхъ направленнаго противъ него обвиненія; характеръ этого обвиненія не могъ ни удивить, ни смутить его. Ему и прежде случалось слышать, что его принимаютъ за магика, а въ магіи человѣческія жертвы не составляли ничего необыкновеннаго. Іерофантъ элевзинскихъ мистерій на этомъ основаніи отказалъ ему въ посвященіи. Египетскіе мудрецы отзывались о философіи Индѣйцевъ какъ о видоизмѣненіи магіи [1]). Аполлоній могъ ожидать, что враги его именно на эту точку направятъ свои обвиненія. Онъ спокойно выслушалъ слова Эліана и объявилъ ему, что будетъ защищаться умѣренно, съ полнымъ уваженіемъ къ личности императора. Затѣмъ онъ отданъ былъ подъ стражу и отведенъ въ тюрьму вмѣстѣ съ Дамидомъ. Тутъ онъ разсказалъ ему весь свой разговоръ съ Эліаномъ; Дамидъ ободрился, а Аполлоній выразилъ еще разъ полную увѣренность свою въ торжество мудрости: «Какъ ты не понимаешь, сказалъ онъ Дамиду, что мудрость все побѣждаетъ, а сама совершенно непобѣдима?»

— Но вѣдь мы, попробовалъ-было возражать Дамидъ, попали къ безразсудному человѣку, который насъ не боится и даже не понимаетъ возможности насъ бояться.

— Ты, стало-быть, видишь, сказалъ Аполлоній, что онъ тщеславенъ и неразуменъ?

— Какъ же этого не видѣть! отвѣчалъ Дамидъ.

— А чѣмъ болѣе ты знаешь тирана, тѣмъ болѣе ты имѣешь основанія презирать его могущество, рѣшилъ Аполлоній. Эта твердость воли проявляется въ немъ не порывисто, какъ у фанатиковъ, а спокойно и ровно и кладетъ на его личность печать такого неотразимаго и искренняго величія, что враги и судьи его дѣйствительно могли останавливаться передъ нимъ въ безотчетномъ благоговѣніи, которое легко могло перейдти въ суевѣрный страхъ.—Въ тюрьмѣ Аполлоній держалъ себя бодро, и говорилъ съ своими товарищами по заключенію; ихъ всѣхъ было пятьдесятъ человѣкъ; многіе изъ нихъ падали духомъ и отчая-

---

[1]) V. Ap. VI. 10.

вались, думая о жестокости государя или вспоминая своихъ друзей и родственниковъ. Аполлоній утѣшалъ и ободрялъ ихъ, какъ умѣлъ, философскими разсужденіями о душѣ, которая заключена въ тѣло какъ въ тюрьму, и о всей земной жизни, которую можно считать продолжительнымъ и тяжкимъ изгнаніемъ. Потомъ онъ ободрялъ ихъ историческими примѣрами мудрецовъ и политическихъ дѣятелей, освобождавшихъ угнетенные народы или мужественно переносившихъ несправедливыя гоненія со стороны тирановъ [1]). Заключенные повеселѣли и ободрились; разсказы Аполлонія однихъ подкрѣпили, другихъ разсѣяли. При своей мрачной подозрительности, Домиціанъ постоянно наблюдалъ за Аполлоніемъ, и въ тюрьму, гдѣ онъ содержался, былъ посаженъ шпіонъ, чтобы подслушивать и запоминать его рѣчи, стараясь притомъ вызвать его на откровенность. Но Аполлоній слишкомъ хорошо знал людей, и вынесъ изъ жизни слишкомъ много проницательности, чтобы попасться на удочку Домиціана. Онъ узналъ въ мнимомъ узникѣ лазутчика, и, не показывая вида, что подозрѣваетъ что нибудь, былъ попрежнему бодръ и разговорчивъ, разсказывалъ о своихъ путешествіяхъ, описывалъ видѣнныя горы и рѣки, но не проронилъ ни одного слова, въ которомъ слышалось бы озлобленіе противъ Домиціана, или сильное политическое убѣжденіе [2]). Черезъ недѣлю, послѣ того, какъ онъ былъ взятъ подъ стражу, около полудня, Аполлоній былъ отведенъ во дворецъ къ императору, который желалъ познакомиться съ его личностью и посмотрѣть, какія мѣры нужно принять для изслѣдованія всего дѣла. Благодаря Эліану, Аполлоній былъ предупрежденъ наканунѣ о предстоящей аудіенціи и имѣлъ время собраться съ мыслями. Приготовить отвѣты онъ конечно не могъ, потому что самъ Эліанъ не могъ знать, какъ императору заблагоразсудится повести этотъ предварительный допросъ, но по крайней мѣрѣ онъ могъ подкрѣпить физическія силы и успокоить свой организмъ настолько, чтобы говорить съ Домиціаномъ ровно, умѣренно и спокойно. Такъ онъ и сдѣлалъ. Проведя ночь въ философскихъ размышленіяхъ и въ воспоминаніяхъ объ Индіи и тамошнихъ друзьяхъ своихъ, онъ подъ утро сказалъ Дамиду, что ему хочется уснуть. Дамидъ выразилъ свое изумленіе, говоря, что ему казалось бы напротивъ необходимымъ, чтобы Аполлоній подумалъ о предстоящемъ разговорѣ.—Какъ же я буду къ нему приготовляться, отвѣчалъ старый

---

[1]) V. Ap. VII. 26. [2]) V. Ap. VII. 27.

мудрецъ, когда я не знаю, о чемъ онъ будетъ спрашивать?—И не заботясь о будущемъ, онъ спокойно заснулъ.—На другой день, подходя къ дворцу въ сопровожденіи стражи, слѣдовавшей за нимъ въ почтительномъ отдаленіи, Аполлоній былъ попрежнему веселъ и спокоенъ; Дамидъ шелъ за нимъ, твердо рѣшившись идти за нимъ всюду, куда позволятъ. Видя толпу людей, ежеминутно тѣснившихся при входѣ во дворецъ, входившихъ и выходившихъ, Аполлоній сдѣлалъ остроумное и мѣткое сравненіе.—«Это похоже на баню, сказалъ онъ Дамиду; кто стоитъ на дворѣ, спѣшитъ войти, кто—тамъ внутри, спѣшитъ выйдти вонъ; первые еще не вымыты, вторые уже успѣли омыться.»—[1]) Свиданіе Аполлонія съ императоромъ происходило въ присутствіи одного Эліана. Дамида не пустили и онъ слышалъ о свиданіи этомъ уже отъ самого Аполлонія. Если дѣйствительно мы имѣемъ передъ глазами разсказъ самого Аполлонія, а не амплификацію Филострата, то этотъ разсказъ не дѣлаетъ чести ни правдивости, ни изобрѣтательности тіанскаго мудреца. Во-первыхъ, Домиціанъ принимаетъ его за бога и громко выражаетъ свое изумленіе, что даетъ поводъ Аполлонію сдѣлать довольно колкое замѣчаніе и похвалиться передъ императоромъ своимъ просвѣтленнымъ взоромъ, умѣющимъ отличать людей отъ безсмертныхъ. [2]) Во-вторыхъ, Аполлоній умышленно играетъ съ Домиціаномъ, возбуждаетъ въ немъ напряженное ожиданіе и потомъ разочаровываетъ его, говоря ему, вмѣсто страшнаго признанія, на которое расчитывалъ грозный правитель, самыя обыкновенныя и голословныя похвалы его врагамъ Нервѣ, Орфиту и Руфу. Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, императоръ произноситъ гнѣвную рѣчь, на которую Аполлоній отвѣчаетъ прямо ругательствами.

— Государь, говоритъ онъ, безчестно и беззаконно начинать изслѣдованіе дѣла, когда ты заранѣе убѣжденъ въ виновности подсудимаго или носить въ груди такое убѣжденіе, которое не основано на изслѣдованіи. Если ты такъ думаешь, то позволь мнѣ начать мою защитительную рѣчь въ такомъ видѣ: ты, государь, дурно расположенъ ко мнѣ, и поступаешь со мною несправедливѣе любаго сикофанта (клеветника); тотъ обѣщаетъ по крайней мѣрѣ доказать обвиненіе, а ты ему вѣришь, не выслушавъ его даже.

— Ты начинай свое защищеніе, какъ знаешь, отвѣчалъ тогда

---

[1]) V. Ap. VII. 31. [2]) V. Ap. VII. 32.

императоръ. Я самъ знаю, чѣмъ я кончу, и знаю, съ чего теперь начну.

Этими словами объясненіе кончилось. Аполлонію немедленно для посрамленія остригли волосы на головѣ и на бородѣ, и, нарушивъ такимъ образомъ его пиоагорейскій костюмъ, его заковали въ кандалы и отвели въ другую тюрьму, гдѣ содержались низкіе преступники. Кажется, изъ всего объясненія только и вѣрно переданы развязка да послѣднія слова Домиціана. Весь колоритъ предшествовавшей сцены неправдоподобенъ. Гдѣ же умѣренность Аполлонія, которую самъ онъ считалъ необходимою и которую предписывалъ ему доброжелатель его Эліанъ? Гдѣ же, съ другой стороны, свирѣпость Домиціана? Слова Аполлонія были положительною дерзостью, за которую, какъ за оскорбленіе величества, Домиціанъ имѣлъ полное право осудить Аполлонія на смерть. Казнить его немедленно было бы конечно не выгодно для императора, надѣявшагося добыть отъ него множество важныхъ признаній, но кто или какой расчетъ могъ помѣшать Домиціану подвергнуть его пыткѣ и допросить его такъ, какъ слѣдователи по дѣлу Пизонова заговора допрашивали Эпихариду? Домиціанъ не явился бы тутъ даже нарушителемъ закона, потому что обвиненный Аполлоній сдѣлался уже явнымъ преступникомъ, позволилъ себѣ дерзкія слова противъ священной особы римскаго «владыки и бога.» Благоговѣйное изумленіе Домиціана при видѣ вошедшаго Аполлонія не имѣетъ ни малѣйшаго психологическаго правдоподобія. Выказать подобное чувство, еслибы даже оно шевельнулось въ груди, было совершенно не кстати, потому что оботготвореніе Аполлонія въ Малой Азіи [1]) было одною изъ статей направленнаго противъ него обвиненія. Заподозрить Домиціана въ неумѣніи владѣть собою значитъ совершенно не знать его историческаго характера. Стоитъ посмотрѣть его біографію у Светонія или черты его характера у Тацита въ жизни Агриколы, чтобы видѣть, что въ искуствѣ притворяться и играть роль Домиціанъ не уступалъ самому Тиверію.—Въ тюрьмѣ, скованный по рукамъ и по ногамъ, Аполлоній все-таки твердо вѣрилъ въ благополучный исходъ своего дѣла. На третій день послѣ разговора Аполлонія съ Домиціаномъ, Эліанъ выхлопоталъ первому облегченіе судьбы, что также значительно противорѣчитъ рѣзкому характеру происходившаго объясненія. Съ Аполлонія сняли оковы и его снова перевели въ прежнюю, болѣе свѣт-

[1]) Ap. VII. 21.

лую и удобную тюрьму, въ которой общество было значительно лучше и приличнѣе. Нѣкоторыя личности узниковъ, сидѣвшихъ вмѣстѣ съ Аполлоніемъ въ этой тюрьмѣ, очерчены Филостратомъ; что касается до преступниковъ, заключенныхъ въ оковы, онъ не говоритъ о нихъ ни одного слова. Къ чести Дамида должно упомянуть, что онъ раздѣлялъ съ Аполлоніемъ заключеніе и сидѣлъ съ нимъ даже въ тюрьмѣ, въ которой содержались скованные преступники. Онъ дѣлалъ это по собственному желанію и вѣроятно съ позволенія Эліона; что́ это дѣлалось добровольно, видно изъ того, что Дамидъ по приказанію Аполлонія вышелъ изъ тюрьмы и пошелъ къ Дмитрію въ Дикеархію. Это случилось уже тогда, когда съ Аполлонія были сняты оковы, и когда онъ, переведенный въ прежнюю тюрьму, ожидалъ въ скоромъ времени допроса и суда. Прощаясь съ Дамидомъ, онъ сказалъ, что увидится съ нимъ въ окрестностяхъ Дикеархіи на берегу моря.

— Какъ же ты увидишься со мною спросилъ Дамидъ боязливо, живой или нѣтъ?

Аполлоній засмѣялся.

— По моему мнѣнію, я буду живъ; но ты примешь меня за воскресшаго, сказалъ онъ.

Дамидъ ушелъ, не смѣя вполнѣ вѣрить и не рѣшаясь сомнѣваться.

VIII.

Судъ надъ Аполлоніемъ разсказанъ также неправдоподобно, какъ и большая часть его столкновеній съ правительственными лицами; Филостратъ старается представить, что это дѣло казалось всему Риму чрезвычайно важнымъ; императоръ, говоритъ онъ, по словамъ своихъ приближенныхъ, наканунѣ не принималъ пищи и цѣлый день читалъ дѣловыя бумаги, возбуждавшія въ немъ гнѣвъ и негодованіе. [1]) Залъ суда былъ великолѣпно украшенъ, какъ будто въ немъ должна была происходить торжественная церемонія. Всѣ знатнѣйшія лица города были собраны, потому что императору хотѣлось обвинить Аполлонія въ присутствіи многихъ свидѣтелей [2]). И вдругъ столько приготовленій, сдѣланныхъ римскимъ богомъ Домиціаномъ пропадаютъ даромъ;

[1]) V. Ap. VIII. 1. [2]) V. Ap. VIII. 4.

всѣ его старанія и заботы не ведутъ ни къ чему и разсыпаются въ прахъ. Домиціанъ предлагаетъ Аполлонію четыре вопроса; Аполлоній отвѣчаетъ на нихъ совершенно голословно и далеко не почтительно; Домиціанъ безъ всякой причины говоритъ: «я освобождаю тебя отъ обвиненія, но ты останешься и мы поговоримъ съ тобою наединѣ!» Аполлоній не соглашается на это, позоритъ своихъ обвинителей и вообще сикофантовъ, смѣется надъ могуществомъ императора и исчезаетъ изъ собранія. Тѣмъ и кончается дѣло. Мнѣ кажется, самая нелѣпость этого разсказа свидѣтельствуетъ о его подлинности. Филостратъ выдумалъ бы вѣроятно что нибудь посскладнѣе. Тутъ видна рука Дамида, пишущаго со словъ Аполлонія. Аполлоній, у котораго обожаніе собственной личности сдѣлалось какою-то религіею, могъ себѣ представить, что на него смотритъ весь образованный міръ, что его святость устрашаетъ сильныхъ земли, что онъ силою своего взгляда и слова способенъ возбудить ужасъ и раскаяніе въ душѣ самаго закоснѣлаго злодѣя. Внезапное исчезновеніе Аполлонія изъ судилища, которое могло быть засвидѣтельствовано только Дамидомъ, очевидно не могло быть выдумано Филостратомъ. Это чудо такъ безцѣльно, такъ необъяснимо и такъ легко можетъ быть опровергнуто сличеніемъ этого извѣстія съ сказаніями современныхъ историковъ, что Филостратъ могъ написать его, только основываясь на письменномъ свидѣтельствѣ современника и товарища Аполлонія. Кто выдумываетъ факты, чтобы выставить историческую личность не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ она должна явиться безпристрастному изслѣдователю, тотъ конечно будетъ выдумывать такъ осторожно, чтобы было по крайней мѣрѣ трудно уличить его въ обманѣ. Кто выдумываетъ факты, какъ романистъ, тотъ будетъ выдумывать такъ, чтобы созданіе его фантазіи воплощало въ себѣ идею, чтобы въ сочиненныхъ чудесахъ было психологическое правдоподобіе и внутреннее единство мысли. Исчезновеніе Аполлонія неправдоподобно ни какъ историческій фактъ, ни какъ черта того идеальнаго характера, который начертанъ Филостратомъ. О неправдоподобіи чуда, какъ историческаго факта, не стоитъ и распространяться.

Объ отношеніи этого чуда къ личному характеру Аполлонія стоитъ сказать нѣсколько словъ. Этимъ чудомъ Аполлоній даетъ Домиціану полное право считать его чародѣемъ и разрушаетъ такимъ образомъ собственноручно благотворное вліяніе, произведенное на слушателей и зрителей его почтенною наружностью и мудрою рѣчью. Этимъ чудомъ, очень похожимъ на побѣгъ, Аполлоній оставляетъ своихъ дру-

зей, Нерву, Орфита и Руфа, въ очень непріятномъ и совершенно безващитномъ положеніи. Если позволительно исчезнуть изъ судилища, то почему же было постыдно и предосудительно скрыться до начала процесса? Все мученичество Аполлонія, при подобной развязкѣ, превращается въ безцѣльную, нелѣпую и возмутительную комедію, въ рядъ фокусовъ, изъ которыхъ ни одинъ не оправдывается и не объясняется никакою удовлетворительною причиною. Филостратъ не могъ сочинить такого факта, потому что почти невозможно представить себѣ такое нравственное воззрѣніе, которое могло бы назвать этотъ поступокъ честнымъ и разумнымъ. Филостратъ очевидно заимствовалъ его у Дамида, который въ простотѣ души записалъ то, что разсказалъ ему о судѣ Аполлоній. Аполлоній же съ своей стороны не могъ разсказать этого происшествія не вставивъ чуда. Ему хотѣлось провести свою господствующую идею о непобѣдимости добродѣтельнаго мудреца. Освобожденный вѣроятно по ходатайству Эліана, онъ представилъ все дѣло такъ, какъ будто бы какая нибудь высшая сила явилась къ нему на помощь и заставила Домиціана поступить вопреки собственному желанію и всякимъ политическимъ соображеніямъ. Какъ мистикъ, онъ и самъ могъ считать свое освобожденіе дѣйствіемъ высшей силы; какъ учитель мистицизма, онъ могъ изобразить собственное свое убѣжденіе въ увеличенномъ масштабѣ. Вотъ единственное возможное оправданіе той развязки, которую получаетъ процессъ Аполлонія, но это оправданіе принадлежитъ не Филострату, потому что Филостратъ, передавая всѣ эти чудеса, старается подъискать имъ естественное объясненіе; онъ высказываетъ предположеніе, будто Домиціанъ освободилъ Аполлонія потому, что въ рядахъ присутствующихъ придворныхъ и сановниковъ раздались восклицанія, выражающія полное сочувствіе къ личности стараго прорицателя [1]. Изъ этого комментарія можно заключить, что Филостратъ, воспользовавшись извѣстіемъ Дамида, постарался только облечь его въ красивую форму, не вдумался въ проведенное здѣсь міросозерцаніе и исказилъ истинный колоритъ разсказа Аполлонія. Аполлоній, мнѣ кажется, долженъ былъ разсказать исторію своего освобожденія такъ, чтобы оно не было и не могло быть объяснено естественнымъ развитіемъ слѣдствій изъ причинъ. Въ томъ и состоялъ весь эффектъ, вся особенность этого разсказа, что Аполлоній могъ сказать: я самъ не

---

[1]) V. Ap. VIII. 5.

сдѣлалъ ни шагу, не сказалъ ни слова, чтобы переубѣдить тирана; я говорилъ съ нимъ гордо и смѣло, какъ съ виновнымъ; за меня не заступался никто. и между тѣмъ я своею божественною личностью подѣйствовалъ такъ сильно, что поневолѣ онъ долженъ былъ оставить меня въ покоѣ. Я сказалъ, что освобожденіе Аполлонія было вѣроятно исходатайствована Эліаномъ и основываю это предположеніе на томъ обстоятельствѣ, что Филостратъ приводитъ длинную оправдательную рѣчь Аполлонія, рѣчь, которую ему не пришлось произнести, и которую Дамидъ вѣроятно съ обычнымъ благоговѣніемъ переписалъ въ свое сочиненіе. Изъ существованія этой рѣчи можно заключить, что обстоятельства складывались такъ, какъ бывало обыкновенно при уголовныхъ процессахъ того времени; въ назначенный день, обвиненный долженъ былъ выслушать обвиненіе, и потомъ защищаться или предоставить свою защиту оратору, выбранному имъ въ адвокаты. Что-то очевидно нарушило этотъ заведенный порядокъ; Аполлонія освободили, не выслушавъ даже его оправданія. Въ личности Доминіана не могло произойти внезапной перемѣны къ лучшему, стало-быть, эта перемѣна въ отношеніи къ Аполлонію была произведена кѣмъ нибудь изъ его приближенныхъ, вѣроятно Эліаномъ, который, какъ начальникъ высшей полиціи, могъ наконецъ убѣдить государя въ томъ, что заговоръ Нервы, Орфита и Руфа существуетъ только въ его воображеніи. Это предположеніе все объясняетъ. Успокоенный Эліаномъ, императоръ, для соблюденія формальностей, требуетъ къ себѣ на судъ Аполлонія, для виду предлагаетъ ему вопросы, не обращаетъ вниманія на кляузы его обвинителей, довольствуется его отвѣтами и оправдываетъ его, не выслушавъ оправданія. Этотъ неожиданный исходъ дѣла поражаетъ воображеніе Аполлонія; онъ отправляется въ Дикеархію къ Дамиду, еще болѣе проникается вѣрою въ судьбу и въ свою личность и съ своей точки зрѣнія разсказываетъ все дѣло, котораго скрытыя пружины могли быть сохраняемы въ глубокой тайнѣ по приказанію самого императора. Между тѣмъ возрастающая вѣра Аполлонія въ свое *я* еще болѣе возвышаетъ его личность въ глазахъ его біографовъ, Дамида и Филострата, такъ что апоѳеоза тіанскаго чудотворца является подъ конецъ восьмой книги естественнымъ результатомъ искренняго и восторженнаго благоговѣнія.

IX.

Буквально исполняя приказанія учителя, Дамидъ отправился въ Дикеархію и вмѣстѣ съ Дмитріемъ сталъ оплакивать свою разлуку съ Аполлоніемъ, не смѣя безъ ужаса думать объ исходѣ его процесса. Впрочемъ ему пришлось провести съ Дмитріемъ только однѣ сутки и сокрушеніе обоихъ друзей было не продолжительно. На другой день послѣ прибытія Дамида явился и Аполлоній. Дамидъ употребилъ на путешествіе отъ Рима до Дикеархіи три дня [1]), а Аполлоній, по праву мудреца и любимца боговъ,—нѣсколько часовъ; онъ исчезъ изъ судилища незадолго до полудня, а подъ вечеръ онъ уже былъ въ Дикеархіи. Объясненія этому чудесному путешествію не даютъ ни Аполлоній, ни Дамидъ, ни Филостратъ. Кто изъ нихъ авторъ этой небылицы, рѣшить трудно; всего вѣроятнѣе, что это событіе, находящееся въ связи съ исходомъ процесса, разсказана самимъ Аполлоніемъ и, по обыкновенію, безъ малѣйшей критики передано Дамидомъ. Свиданіе друзей произошло слѣдующимъ образомъ: Дмитрій и Дамидъ сидѣли на берегу моря и Дамидъ горько сожалѣлъ объ участи Аполлонія.

— Боже, говорилъ онъ, увидимся ли мы когда-нибудь съ великимъ другомъ нашимъ, говорилъ онъ, горюя.

— Увидитесь! Вотъ онъ, передъ вами, подхватилъ Аполлоній, подходя къ нимъ.

— Ты живъ? спросилъ Дмитрій. Если ты умеръ, мы не перестанемъ оплакивать тебя.

Аполлоній протянулъ ему руку.

— Возьми меня за руку, сказалъ онъ. Если я ускользну отъ тебя, я тѣнь изъ царства Персефоны, въ родѣ тѣхъ тѣней, которыхъ боги показываютъ огорченнымъ и унывающимъ смертнымъ. Если же я останусь и выдержу твое прикосновеніе, то убѣди Дамида въ томъ, что я живъ и не сбросилъ тѣла.

Тогда друзья, не зная предѣловъ своей радости, блосились обнимать его. Освобожденіе его казалось имъ до такой степени чудеснымъ, воображеніе ихъ было такъ разгорячено, что они готовы были повѣрить всякому разсказу Аполлонія. Чудесное могло быть только

---

[1]) V. Ap. VII. 41.

результатомъ чуда, и, пользуясь ихъ напряженною довѣрчивостью, Аполлоній черезъ Дамида украсилъ свою біографію еще однимъ необъяснимымъ для критики эпизодомъ. Дмитрій думалъ, что онъ былъ освобожденъ безъ суда; Дамидъ полагалъ, что онъ оправдался раньше назначеннаго срока; Аполлоній сказалъ, что онъ защищался, что онъ выждалъ назначенное время, и что за нѣсколько часовъ онъ былъ въ Римѣ, а теперь съ ними въ Дикеархіи. Дмитрій недоумѣвалъ: «какимъ же образомъ ты въ такое короткое время совершилъ такое далекое путешествіе»?

— Вѣрь всему, отвѣчалъ величественно Аполлоній, кромѣ сказки о баранѣ и о восковыхъ крыльяхъ.

Минута была удачно выбрана и слушатели повѣрили. Оказалось даже, какъ припомнилъ Дмитрій, что бывшій консулъ Телезинъ видѣлъ сонъ, предвѣщавшій Аполлонію торжество надъ врагами. Затѣмъ слѣдовалъ со стороны Аполлонія разсказъ о ходѣ процесса и этотъ разсказъ также не встрѣтилъ со стороны слушателей ни скептической улыбки, ни критическаго замѣчанія. Божественность Аполлонія была уже въ ихъ глазахъ дознаннымъ фактомъ и Дамидъ прямо и откровенно выразилъ это убѣжденіе [1]). Изъ Италіи Аполлоній съ Дамидомъ отправился въ Грецію и поселился въ Олимпіи, въ храмѣ Зевса; короткость его обращенія съ богами дошла дотого, что онъ, когда ему понадобились деньги, взялъ 1000 драхмъ изъ казны Зевса олимпійскаго. «Дай мнѣ 1000 драхмъ изъ зевсовыхъ денегъ, сказалъ онъ жрецу, если ты думаешь, что Зевсъ не разсердится».

— Еслибы онъ и разсердился, отвѣчалъ любезно жрецъ, то развѣ на то, что ты не берешь больше [2]).

Вся Греція съ восторгомъ привѣтствовала своего прорицателя, тѣмъ болѣе, что всѣ считали его погибшимъ, и что носились самые разнообразные слухи о той казни, которою извелъ его Домиціанъ [3]). Замѣчательно однако, что надъ нимъ попрежнему тяготѣло обвиненіе въ чародѣйствѣ; онъ отправился въ Віотію, чтобы побывать въ святынѣ Трофонія близъ Лебадеи, но жрецы не пустили его въ храмъ, и объявили народу, что волшебнику нельзя проникать въ святилище и вопрошать оракула. Оракулъ этотъ отдавался въ пещерѣ, которой отверстіе находилось въ холмѣ возлѣ храма. Вопрошающіе входили въ

---

[1]) V. Ap. VIII. 13. [2]) V. Ap. VIII. 17. [3]) V. Ap. VIII. 15.

эту пещеру съ медовыми пирогами, которыми они укрощали пресмыкающихся животныхъ, наполнявшихъ узкій и темный входъ святыни. Какая-то тайная сила втягивала ихъ въ пещеру; они внимали оракулу и потомъ земля выбрасывала ихъ наружу въ болѣе или менѣе далекомъ разстояніи отъ того мѣста, въ которомъ они вступили въ пещеру [1]). Аполлонію жрецы отказали въ позволеніи побесѣдовать съ Трофоніемъ, но Аполлоній не обратилъ вниманія на ихъ запрещеніе и самъ вошелъ въ пещеру въ своемъ философскомъ плащѣ. Богъ принялъ его очень ласково, держалъ его цѣлую недѣлю въ своей подземной обители и отпустилъ его съ книгою, въ которой было изложено философское ученіе Пиѳагора. Что касается до жрецовъ, оскорбившихъ Аполлонія отказомъ, то они увидѣли во снѣ разгнѣваннаго бога, который разбранилъ ихъ за непочтительное обращеніе съ мудрецомъ и любимцемъ боговъ [2]). Должно ли считать это приключеніе Аполлонія чистою выдумкою или можно отыскать въ немъ какую нибудь историческую основу? Послѣднее правдоподобнѣе, потому что Филостратъ упоминаетъ подробно о самой книгѣ, добытой отъ Трофонія; онъ говоритъ, что эта книга была впослѣдствіи поднесена императору Адріану вмѣстѣ съ нѣкоторыми письмами Аполлонія и хранится въ его любимомъ дворцѣ въ приморскомъ городѣ Анціумѣ [3]). Дѣйствительно существовало, стало-быть, преданіе о какой-то книгѣ, добытой Аполлоніемъ какимъ-то сверхъестественнымъ образомъ. Если припомнить, какимъ образомъ Магометъ доставилъ авторитетъ своему корану, то будетъ понятно то побужденіе, по которому Аполлоній пустилъ въ ходъ исторію о Трофоніѣ. Онъ уже былъ старъ, смерть была близка, и ему не хотѣлось, чтобы его ученіе погибло вмѣстѣ съ нимъ. Чтобы возвысить въ глазахъ народа его значеніе, чтобы упрочить его существованіе, онъ вздумалъ приписать ему высшее происхожденіе. Написать книгу философскихъ сентенцій и обставить разными поразительными подробностями моментъ ея появленія на свѣтъ было не трудно. Молва о новомъ чудѣ разнеслась въ народѣ, разростаясь и видоизмѣняясь по мѣрѣ своего распространенія. Жрецы Трофонія были рады прицѣпить новое чудо къ своей святынѣ, хотя нѣкоторыя подробности этого происшествія, повидимому, обличали ихъ невѣжество. Жрецы выставлялись несвѣдующими, но авторитетъ бога усиливается и слѣдовательно существенная выгода была соблюдена, — приращеніе числа поклонниковъ было

---

[1]) V. Ap. VIII. 19. [2]) V. Ap. VIII. 19. [3]) V. Ap. VIII. 20.

неизбѣжно. Такимъ образомъ, какая-нибудь хитрость Аполлонія, воспринятая вѣрующимъ духомъ народа, поддержанная толкованіями жрецовъ, могла дѣйствительно подать поводъ къ тому преданію о свиданіи его съ Трофоніемъ, которое Филостратъ самъ слышалъ отъ жителей Лебадеи [1]). Ученики Аполлонія собрались вокругъ него изъ Малой Азіи, съ острововъ Архипелага и изъ разныхъ городовъ Эллады; они при жизни своего учителя приняли имя Аполлоніанъ [2]). Между тѣмъ Домиціана убилъ Стефанъ, и Аполлоній, по разсказу Филострата, провидѣлъ это событіе въ ту самую минуту, въ которую оно совершилось въ Римѣ [3]). Извѣстіе о прорицательствѣ Аполлонія подтверждается Діономъ Кассіемъ [4]). Узнавши о вступленіи Нервы на императорскій престолъ, Аполлоній отправилъ къ нему въ Римъ Дамида съ какимъ-то важнымъ письмомъ и умеръ во время отсутствія своего друга. Аполлоній часто говорилъ: «старайся жить въ неизвѣстности; а если это невозможно, старайся по крайней мѣрѣ такъ умереть». Послѣднее желаніе Аполлонія было исполнено; даже Филостратъ не знаетъ, какъ онъ умеръ и не можетъ даже обозначить мѣста его кончины. Какъ и слѣдовало ожидать, о его смерти возникло нѣсколько преданій, которыя сходятся между собою въ томъ, что онъ вошелъ въ храмъ и оттуда исчезъ. По мнѣнію однихъ, это произошло въ Линдѣ, въ храмѣ Аѳины, по словамъ другихъ,—въ Критѣ въ храмѣ Артемиды Диктины. При той легкости, съ какою въ то время происходили апоѳеозы, было бы странно, еслибы любимецъ боговъ мудрецъ и прорицатель не былъ возведенъ въ боги послѣ своей таинственной кончины. Храмъ Аполлонія былъ построенъ въ Тіанѣ на томъ лугу, на которомъ, по преданію, его родила мать его, вышедшая рвать цвѣты по приказанію боговъ. Императору Авреліану, рѣшившемуся однажды жестоко наказать Тіанцевъ, явился во снѣ божественный Аполлоній и спасъ своихъ согражданъ отъ гнѣва правителя [5]). Императоръ Александръ Северъ въ своемъ *lararium* обожалъ Аполлонія Тіанскаго вмѣстѣ съ Орфеемъ [6]). Аполлонія обоготворили, а между тѣмъ ученіе его не нашло себѣ ни ревностныхъ послѣдователей, ни достойныхъ толкователей. Честный мистицизмъ его перешелъ въ шарлатанство, и Александръ Авонотихитъ служитъ самымъ яркимъ представителемъ этого выродившагося направленія. Прочнаго нравственнаго влія-

---

[1]) V. Ap. VIII. 20. [2]) V. Ap. VIII. 21. [3]) V. Ap. VIII. [4]) Dio Cass. LXVII. 15—18. [5]) *Vopiscus*. Vita Aureliani. 24. [6]) *Lampridius* Vita Al. Sev. c. 29.

нія ученіе Аполлонія не имѣло, потому что это была философія, а не религія. Дѣйствовать на массу оно не могло, потому что не говорило чувству, а обращалось почти исключительно къ мысли. Строгая серьезная личность Аполлонія могла внушить уваженіе, но, чтобы увлечь за собою сердца народа, она была слишкомъ холодна и замкнута, слишкомъ спокойна и безстрастна. Въ отношеніяхъ своихъ къ религіи онъ являлся консерваторомъ–эклектикомъ и потому его проповѣди вели за собою только временное возвышеніе народнаго усердія къ полузабытымъ святынямъ язычества. Реформировать принципъ существующей религіи Аполлоній не могъ; онъ, по примѣру всѣхъ древнихъ мыслителей, поддерживалъ существующее богослуженіе, оправдывалъ догматы и обряды, стараясь только подкладывать въ нихъ другой смыслъ, котораго не сознавала масса. Въ отношеніи къ вопросамъ практической нравственности, Аполлоній не далъ никакого общаго, руководящаго принципа; возставая противъ отдѣльныхъ уклоненій отъ нравственности, онъ не далъ новаго, лучшаго кодекса. Мудрость его оставалась замкнутою святынею и ни разу не спускалась до пониманія малыхъ силъ и нищихъ духомъ.

Д. ПИСАРЕВЪ.

Въ Іюльской книжкѣ въ ст. Аполлоній Тіанскій встрѣчается опечатка, вмѣсто А*нне*й Корнутъ—напечатано А*нпі*й Корнутъ.

ПОЛИТИКА.

Обзоръ современныхъ событій.

Миролюбивый тонъ Англіи. — Обѣдъ въ честь Ричарда Кобдена у лорда-мера.—Приготовленіе къ всемірной выставкѣ.—Можетъ ли современная Европа обойдтись безъ войны?—Значеніе войны.—Рескриптъ австрійскаго императора, закрывающій венгерскій сеймъ.—Протестъ Венгріи и неловкое поведеніе вѣнскаго кабинета.—Результатъ этого поведенія.—Междоусобная борьба въ Неаполѣ.—Злодѣйства реакціонистовъ въ Понтеландолфо. — Іезуитская система ихъ. — Антонелли, благословляющій римскихъ нищихъ противъ Виктора-Эммануила. — Послѣднее извѣстіе изъ Америки.—II. Праздникъ 15 августа въ Парижѣ.—Процессъ Эгьеня Араго и Миреса.—Новая книга Прудона—«La Guerre et la Paix».—Принципъ американской войны.— Римскій вопросъ и Пій IX. — Ссора кардинала де-Мерода, лейтенанта-полковника франко-бельгійскихъ зуавовъ, съ генераломъ де-Гойономъ.—Сходство послѣдняго съ капраломъ, отыскивающимъ міазмы подъ кроватью.

I.

Въ Лондонѣ, 17 іюля, у лорда-мера былъ данъ великолѣпный обѣдъ въ честь Ричарда Кобдена, принимавшаго самое дѣятельное участіе въ заключеніи торговаго договора между Англіей и Франціей. На этомъ обѣдѣ были представители всѣхъ націй, вожди манчестерской лиги, бельгійскіе и французскіе экономисты, люди различныхъ партій и убѣжденій, соединенные во имя одной соціальной идеи — свободы труда и взаимныхъ народныхъ отношеній. Это былъ праздникъ не одного Кобдена и его благородныхъ друзей, а всей Англіи,

которой въ XIX вѣкѣ принадлежитъ единственная и главная заслуга — эманципировать, вмѣстѣ съ идеей, и механическій трудъ человѣка отъ средневѣковыхъ привилегій и промышленной эксплуатаціи. Это великое дѣло, подобно всѣмъ другимъ капитальнымъ реформамъ Англіи, было начато народомъ; онъ поддержалъ его своимъ мнѣніемъ, сломилъ упорное противодѣйствіе правительства и если не вполнѣ окончилъ, то поставилъ его въ число неотразимыхъ современныхъ вопросовъ.

На этомъ обѣдѣ, говоря о заслугахъ манчестерской партіи, Брайтъ между прочимъ выразился такъ: «мы научили націю; мы обратили Роберта Пиля и побѣдили опозицію лорда Дерби. Итакъ одна реформа совершилась счастливо, но не считаете ли вы необходимымъ совершить и другую? Еслибъ спросили Англію, кто ея сосѣдъ? она отвѣчала бы: Франція. Но живутъ ли эти два народа какъ истинные сосѣди? Разумѣется, нѣтъ. Впродолженіе 125 лѣтъ (1690—1815 г.), Англія и Франція употребили не менѣе 65 лѣтъ на то, чтобъ имѣть случай разорвать другъ-друга на части. Постараемся не возобновлять подобнаго желанія. Есть люди, которыхъ глупость готова поддерживать между этими странами раздоръ, ненависть и войну; есть обстоятельства, которыя могли бы привести къ этому результату; но у Англичанъ есть нравственное чувство, способное отразить это столкновеніе. Мой другъ, мистеръ Кобденъ, сдѣлалъ первый шагъ къ измѣненію будущаго Англіи и Франціи».

Когда Брайтъ говорилъ въ пользу *мира* на одномъ концѣ города, на другомъ тому же *миру* строился величественный памятникъ нашего вѣка. На огромной долинѣ Кенсингтона работаютъ сотни тысячъ человѣческихъ рукъ надъ колоссальнымъ зданіемъ всемірной выставки, которая откроется въ будущемъ году, 1 мая. Въ этомъ зданіи будутъ собраны лучшія издѣлія европейскихъ фабрикъ и мануфактуръ, — все, что въ промышленной сферѣ создаетъ лучшаго геній настоящей эпохи. Какъ нѣкогда Греки стекались на олимпійскія равнины для соперничества и развитія физической силы, такъ современныя націи сойдутся въ Лондонѣ для сравнительной оцѣнки естественныхъ богатствъ и индустріальной дѣятельности. Это братскій союзъ народовъ, сближаемыхъ между собой принципомъ мира и матеріальной выгоды. Англія первая подала ему примѣръ и, какъ доказала прошлая всемірная выставка, вполнѣ угадала потребность нашего вѣка.

Но сочувствіе миру и прочному союзу народовъ составляетъ стремленіе не одной Англіи, а всей Европы. Англія только сильнѣе заявляетъ его, чѣмъ другія націи: и это понятно. Страна, которой интересы заключаются въ мирной промышленной дѣятельности, которой медленный, но вѣрный прогрессъ требуетъ спокойнаго развитія внутреннихъ силъ, которой огромная колоніальная система отвлекаетъ отъ метрополіи болѣе половины ея военныхъ средствъ, такая страна не можетъ не желать мира и международнаго братства. Скажу болѣе: для такой страны, какъ Англія, всякая война, на какомъ бы клочкѣ земнаго шара она ни происходила, дѣлается общественнымъ бѣдствіемъ или, по крайней мѣрѣ, нарушаетъ равновѣсіе ея интересовъ. Повидимому, какое отношеніе можетъ имѣть настоящая американская борьба къ британскому острову, а между тѣмъ она угрожаетъ тысячамъ ея фабрикъ банкротствомъ и нѣсколькимъ милліонамъ ремесленниковъ — нищетой и голодомъ. Недостатокъ хлопчатой бумаги, доселѣ добываемой съ американскаго юга, долженъ повести за собой упадокъ мануфактурнаго труда въ манчестерскихъ и ливерпульскихъ рабочихъ классахъ, а черезъ нихъ распространиться и на другія сословія. Кромѣ чисто–торговыхъ интересовъ, опасеніе за свои многочисленныя колоніи, порты, за преобладаніе на востокѣ, за безопасность купеческаго флага на всѣхъ извѣстныхъ моряхъ, — все это наклоняетъ Англію къ миру и заставляетъ ее искать дружескихъ сношеній съ народами. Наконецъ въ самомъ политическомъ организмѣ ея лежитъ принципъ, въ высшей степени благопріятный ея спокойному прогрессу. Страна, съ натянутой централизаціей, подобно Франціи, можетъ сохранить призракъ своего могущества только посредствомъ штыка и нарѣзной пушки; для такихъ націй необходима военная споліація, когда идетъ дѣло объ увеличенія народнаго богатства или о расширеніи внѣшнихъ предѣловъ. Англія идетъ другой дорогой; ея индивидуальная свобода и политическая система даютъ ей возможность подъ мирнымъ флагомъ совершать всесвѣтныя завоеванія, не проливая крови и не растрачивая даромъ пороху. Поэтому Англія съ помощію одного соціальнаго чувства дѣлаетъ то же или гораздо больше, что̀ для другихъ націй стоитъ разорительныхъ войнъ, открытыхъ разбоевъ, потери людей и денегъ, постоянной вражды и недовѣрія, питаемыхъ военнымъ деспотизмомъ.

Но какъ бы искренно ни желала манчестерская партія мира, какъ бы горячо ни стремилась къ нему Англія, есть ли у современной

Европы достаточныя гарантіи для того, чтобъ положить оружіе и обойдтись безъ войны? Вотъ вопросъ, и онъ не новый; надъ рѣшеніемъ его думали и правительства и публицисты; онъ былъ мечтой филантроповъ и философофъ, и послѣ страшныхъ опустошеній европейскаго континента доселѣ остается чистой иллюзіей. «Война необходима» — отвѣчаетъ намъ Италія, рѣшившая свой споръ съ Австріей на сольферинскихъ поляхъ. «Война необходима»—отвѣчаетъ намъ Америка, приступающая къ освобожденію Негровъ. «Война необходима»— отвѣчаетъ намъ вся Европа, укрѣпляя берега и границы новыми крѣпостями и содержа подъ ружьемъ болѣе четырехъ милліоновъ солдатъ. Я далекъ отъ того, чтобъ считать войну необходимымъ условіемъ человѣческихъ обществъ или возводить ее, подобно Прудону, въ божественный принципъ, но я не могу не признать ея фактической силы для нашего поколѣнія. Какъ непремѣнное зло по своимъ матеріальнымъ послѣдствіямъ, она въ то же время можетъ быть орудіемъ охраненія и пропаганды справедливѣйшихъ и благороднѣйшихъ убѣжденій человѣчества. Вѣроятно, настанетъ время, когда междоусобная рѣзня людей, доведенная въ нашу эпоху до такой утонченной системы, что одинъ выстрѣлъ нарѣзной пушки вырываетъ по пятидесяти человѣкъ изъ строя, что одна пороховая мина можетъ обратить въ кучу пепла и развалинъ цѣлый городъ, — вѣроятно такая рѣзня современемъ сдѣлается нетолько невозможной, но и немыслимой. «Угадай или я пожру тебя», кричалъ оивскій сфинксъ, бросаясь на смѣльчака, дерзнувшаго подойти къ его пещерѣ. «Угадай или я пожру тебя», говорили громъ и молнія, пока Франклинъ не открылъ громоотвода. «Угадай или я пожру тебя» — говоритъ эпидемія, ракъ, тифъ и тысячи другихъ болѣзней. Тотъ же ужасный крикъ издастъ и война, бросаясь на міръ и наполняя его грудами окровавленнаго мяса и размозженныхъ костей. Слѣдовательно вся тайна въ томъ, чтобъ угадать такія общественныя отношенія, при которыхъ война, какъ соціальное зло, становится невозможнымъ. Но какъ угадать ихъ — это глубокая проблемма будущаго, вытекающая изъ всѣхъ умственныхъ и матеріальныхъ открытій человѣческаго генія.

Но пока эта проблемма остается загадкой сфинкса для современнаго соціальнаго человѣка, война неизбѣжна. Источникъ ея скрывается не въ однихъ международныхъ отношеніяхъ, отравленныхъ ненавистью, угнетеніемъ, историческими предразсудками, произвольной размежевкой границъ, насильственнымъ сплоченіемъ противоположныхъ

народностей,—нѣтъ, источникъ ея таится гораздо глубже—въ самыхъ условіяхъ нашей общественной жизни. Къ сожалѣнію, мы такъ приглядѣлись, такъ привыкли къ нимъ, что не замѣчаемъ того внутренняго антагонизма, который происходитъ внутри насъ, въ нашихъ понятіяхъ, сословныхъ отношеніяхъ, въ экономическомъ распредѣленіи труда и капитала, въ пауперизмѣ, въ пролетаріатѣ, въ администраціи, въ законахъ,—во всемъ, чѣмъ мы дышимъ и живемъ каждую минуту. Еслибъ можно было стать на какую нибудь высокую гору и простымъ физическимъ глазомъ разсмотрѣть весь процессъ нашей жизни, со всѣми его причинами и слѣдствіями, тогда мы увидѣли бы, что наши улицы и поля съ утра и до вечера покрываются жертвами этой внутренней войны, что наши больницы, тюрьмы, площади казни, плантаціи и галеры стонутъ медленно умирающими, пораженными не въ открытомъ сраженіи, а въ самой общественной борьбѣ.

Изъ современныхъ событій мнѣніе наше всего лучше подтверждается положеніемъ Венгріи. Въ іюльской кн. Рус. Слова былъ представленъ очеркъ австрійской политики, произвольной относительно Мадяръ. Эта политика болѣе трехъ вѣковъ держитъ народъ въ постоянномъ революціонномъ состояніи, и гордіевъ узелъ ея можетъ быть разрубленъ только мечомъ. Теперь мы убѣждаемся, что такъ-называемый конституціонный дипломъ 20 октября былъ вынужденной уступкой, пробой національнаго пульса Венгріи, въ здоровьи которой хотѣлъ удостовѣриться вѣнскій кабинетъ. Онъ удостовѣрился, но едва ли въ свою пользу; онъ увидѣлъ, что силы Венгріи тѣ же, что̀ были въ 1848 году, но къ нимъ прибавилась новая опытность, новыя неудовольствія, оскорбленія и полное недовѣріе австрійскому правительству. Я даже не понимаю, какимъ образомъ политика Кауница и Меттерниха, всегда отличавшаяся замѣчательной ловкостью, на этотъ разъ какъ-будто уронила свою маску и растерялась отъ страха. Съ тѣхъ поръ, какъ собрался сеймъ въ Пестѣ, Венгрія ясно высказалась за свои права и прямо предъявила требованія на независимое внутреннее управленіе, съ своимъ парламентомъ и отвѣтственнымъ министромъ, съ своими комитатами и бюджетомъ. Австрія какъ-будто не хотѣла замѣчать, что̀ происходитъ въ Венгріи и рядомъ грубыхъ мѣръ вызвала опозицію къ открытому возстанію. Въ то время, когда сеймъ старался примирить интересы имперіи съ интересами своей страны, Австрія посылала войска для занятія мадярской земли, для сбора податей, для оскорбленія чести, спокой-

ствія и собственности мирныхъ гражданъ; австрійскіе офицеры врывались въ семейныя и общественныя собранія и, съ саблей въ рукѣ, требовали уваженія къ своему мундиру или повиновенія своимъ приказаніямъ; они пили, шумѣли и дозволяли себѣ публично издѣваться надъ народомъ. «И все это дѣлалось, какъ замѣчаетъ Times, не въ Африкѣ или Турціи, а въ самомъ сердцѣ Европы.» Провинціи громко жаловались на самоуправство и разбои австрійскихъ солдатъ, но Вѣна не хотѣла слышать этихъ жалобъ; отъ произвола она перешла къ угрозѣ и наконецъ рѣшилась распустить сеймъ. Баронъ Галлеръ явился въ Пестъ съ императорскимъ рескриптомъ, котораго содержаніе можно передать въ слѣдующемъ видѣ: 1, венгерскій сеймъ распускается на неопредѣленное время, т. е. когда будетъ угодно Франциску Іосифу снова созвать его; 2, никакое измѣненіе въ императорской конституціи не можетъ быть сдѣлано безъ согласія государственнаго совѣта Вѣны; 3, дипломы 20 окт. и 26 февраля остаются въ прежней силѣ,—слѣдовательно адресъ венгерскихъ палатъ уничтожается буквально; 4, если сеймъ не разойдется, то баронъ Галлеръ уполномочивается закрыть его вооруженной силой.

Представители Венгріи, получивъ этотъ рескриптъ, собрались въ тайный комитетъ и рѣшили предложить палатамъ составить протестъ и отправить его въ Вѣну. Протестъ, проэктированный энергической головой Деака, былъ принятъ единодушно парламентомъ. Мы приведемъ его здѣсь, чтобъ яснѣе видѣть, чѣмъ недовольна Венгрія и чего хочетъ Австрія: «Сеймъ, говорятъ представители Венгріи, поставленный въ необходимость дѣйствовать легально только на основаніи венгерской конституціи, не пренебрегъ ничѣмъ, чтобъ возстановить и вполнѣ упрочить это основаніе».

«А для того, чтобъ сеймъ былъ въ состояніи продолжить свою законную дѣятельность, прежде всего необходимо было дополнить его согласно предписаніямъ закона, чтобъ отмѣненныя постановленія и отвѣтственное министерство были возобновлены. Поэтому мы главнѣе всего настаивали на исполненіи этихъ мѣръ; но наши адресы, возвращаемые намъ, остались безъ послѣдствій. Такимъ образомъ сфера дѣятельности сейма ограничилась защитой правъ страны, защитой, на которую мы имѣемъ право и которую мы обязаны поддержать энергически, хотя наша власть и не вполнѣ сложилась».

«Высочайшій рескриптъ фактически разорвалъ нить парламентскихъ занятій, и въ то же время, нарушая основные трактаты, въ самой

сущности измѣнилъ нашу древнюю конституцію, стараясь ограничить дебаты сейма и поставить ихъ подъ вліяніе императорскихъ дипломовъ и патентовъ, которымъ слѣдовать намъ запрещено».

«Высочайшій рескриптъ увѣрилъ насъ, что императоръ не имѣетъ намѣренія возстановить нашу конституцію въ смыслѣ прагматической санкціи, которой мы должны остаться вѣрны. Мы не измѣнимъ своему убѣжденію, если вмѣсто того, чтобъ дополнить сеймъ, на основаніи закона и возстановить представительное правленіе, прибѣгнутъ къ закрытію палатъ, что противно предписаніямъ законовъ».

«Согласно 4 параграфу уложенія 1848 г. сеймъ не можетъ быть распущенъ прежде, чѣмъ министерство не отдастъ отчета за предыдущій годъ и не подвергнетъ бюджетъ на слѣдующій годъ утвержденію парламента».

«Это постановленіе не было и не могло быть выполнено безъ дополненія сейма и возстановленія отвѣтственнаго министерства; потому что нѣтъ законнаго правительства для представленія бюджета и нѣтъ вполнѣ организованнаго сейма для утвержденія его».

«Тотъ же законъ равно предписываетъ, чтобъ черезъ три мѣсяца послѣ закрытія палатъ, сеймъ собрался снова; если же онъ не будетъ созванъ по истеченіи этого срока, тогда еще разъ будетъ нарушено основное правило конституціи».

«*И такъ мы считаемъ себя вправѣ смотрѣть на всякое подобное распоряженіе, какъ на нарушеніе конституціи и какъ на продолженіе* абсолютной *системы, господствовавшей въ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ.* Мы не можемъ фактически сопротивляться насилію, но мы торжественно протестуемъ противъ подобныхъ поступковъ и объявляемъ, что Венгрія держится всѣхъ существующихъ законовъ, также постановленій 1848 года, которымъ остается вѣренъ и сеймъ. Всякое же распоряженіе власти, противное этимъ законамъ, мы примемъ за нарушеніе конституціи».

Изъ этого протеста видно, чего желаетъ Венгрія; она желаетъ независимаго внутренняго управленія, не стѣсняемаго вѣнской бюрократіей и военнымъ произволомъ; она оставляетъ, въ силу акта соединенія, одну главную прерогативу австрійской монархіи—территоріальное и политическое единство мадярской земли съ имперіей. Но Австрія смотритъ на дѣло совершенно иначе: она намѣрена удержать за собой прежнюю власть, располагать финансами и войскомъ Венгріи и въ то же время считать ее конституціонной страной. Не

имѣя въ своихъ рукахъ ни одной капитальной силы народа, что же можетъ представлять венгерскій парламентъ? Гдѣ его иниціатива и власть? Правда, онъ могъ, подобно французскимъ палатамъ, *говорить и разсуждать*, но не *дѣлать*, потому что органомъ дѣятельности попрежнему оставалось бы австрійское правительство. Это—самое неловкое противорѣчіе: не слѣдовало или открывать венгерскія палаты или, открывъ ихъ, надо было дать имъ дѣйствительную власть.

Это первая ошибка вѣнскаго кабинета.

Вторая ошибка его состояла въ томъ, что, давая Венгріи конституцію, нельзя было требовать отъ нея безусловнаго повиновенія своимъ предписаніямъ, иначе говоря, нельзя было сочинять представительную систему странѣ, которая нѣсколько вѣковъ пользовалась конституціоннымъ правомъ. Австрія должна была предвидѣть, что Мадяры не легко согласятся принять дипломъ 20 окт., вмѣсто своей исторической и строго національной хартыи. Они могли не имѣть никакой конституціи, никакой внутренней автономіи, какъ это было отъ 1848—1860 г.;—такое положеніе чисто исключительное, свойственное слабому побѣжденному передъ сильнымъ побѣдителемъ; но если имъ такъ или иначе предложено управляться самимъ парламентомъ, тогда надо возстановить его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ прежде. Вообразимъ, что Наполеонъ III, сдѣлавъ высадку въ Англію и ставъ въ головѣ ея управленія, вздумалъ бы передѣлывать англійскій парламентъ по образцу парижскаго законодательнаго корпуса; передѣлавъ его, онъ предписалъ бы соединенному королевству подчиниться новой власти и постараться забыть старую конституцію: такой поступокъ былъ бы двойнымъ насиліемъ народа, вызовомъ его къ кровопролитной борьбѣ за своя права и независимость.

Еще неизвѣстно, какъ австрійское правительство приметъ протестъ Венгріи; но всѣ эти формальности не измѣняютъ вопроса въ его глубинѣ. Относительное положеніе этихъ двухъ націй — очень ясное: или Австрія должна уступить требованіямъ Венгріи или споръ разрѣшится оружіемъ. И послѣдній фактъ гораздо вѣроятнѣе и ближе подходитъ къ направленію австрійской политики.

Но вотъ бѣда: война требуетъ денегъ, а денегъ нѣтъ у Австріи, и если не состоится ея заемъ въ Англіи, то придется пустить въ оборотъ картины Бельведера, рубашку Маріи Терезіи и ночной колпакъ Карла V. Прибѣгать же къ чрезвычайнымъ налогамъ было бы крайне нерасчетливо въ настоящее время... Вообще финансы Австріи напоми-

наютъ намъ миѳическую бочку Данаидъ, съ тѣмъ однакоже различіемъ, что бездонная сторона этой бочки гораздо шире верхней... Съ другой стороны и Венгрія не должна дремать: конечно, у нея много друзей: на ея сторонѣ общественное мнѣніе Европы, и даже внѣшнія благопріятныя обстоятельства, но ей нужны болѣе дѣйствительные союзники — Кроаты и Чехи. Вынимая мечъ для борьбы, надо быть готовымъ нетолько для отраженія, но и для побѣды...

Если въ Венгріи и Австріи двѣ враждебныя силы рано или поздно должны придти въ столкновеніе, то тѣ же силы въ Неаполѣ находятся въ полномъ разгарѣ войны, войны междоусобной, гибельной въ источникѣ своей идеи, грязной по примѣненію. Партія реакціонистовъ обратила свои набѣги въ каннибальское злодѣйство, примѣры котораго мы можемъ встрѣтить только въ мрачную эпоху среднихъ вѣковъ и у самыхъ варварскихъ племенъ. Шайки разбойниковъ, предводимыхъ, по свидѣтельству англійскаго корреспондента, католическими попами, нападаютъ на беззащитные города и села, и гуртомъ убиваютъ людей. «Нѣкоторые инсургенты, пишетъ корреспондентъ «Times'а», приблизились къ городу Понтеландолфо отъ Матезе и были очень радушно приняты жителями въ церкви Санъ-Донато, въ день храмоваго праздника. Священники, облаченные въ ризы, благословили Бурбонистовъ. Сопровождаемые музыкой и толпой народа, инсургенты, вошедшіе въ городъ, съ крикомъ: «да здравствуетъ Францискъ II! — Смерть Виктору-Эммануилу и Гарибальди!» — бросились на убійство и разрушеніе. Гвардейская казарма была атакована первая, портреты сардинскаго короля и Гарибальди были изорваны въ куски, а унтеръ-офицеръ національнаго отряда былъ разстрѣлянъ. Домъ богатаго гражданина, Перуджино, былъ ограбленъ и сожженъ, а хозяинъ убитъ и тѣло его брошено въ пламя; жена и слуга успѣли скрыться. Потомъ началась погоня за другими жертвами и другіе дома были зажжены; одинъ бѣдный монахъ былъ умерщвленъ единственно за то, что имѣлъ несчастіе походить на Виктора-Эммануила. И такимъ образомъ убійство и разбой продолжались втеченіе трехъ дней до тѣхъ поръ, пока отрядъ правильнаго войска не появился передъ городомъ.» (Times. Aug. 27.) Это звѣрство реакціонистовъ, если только подлый бандитъ можетъ быть названъ представителемъ какой бы то ни было реакціи, естественно возбудило чувство озлобленія и мести въ національныхъ солдатахъ; когда они увидѣли кровь и трупы своихъ товарищей на площадяхъ и улицахъ, то въ свою очередь бросились на

городскихъ жителей, увлеченныхъ измѣной нѣсколькихъ аббатовъ. Городъ былъ преданъ огню и продолжительнымъ бомбандированіемъ обращенъ въ кучу пепла. И послѣ трехдневнаго кровопролитія реакціонистовъ еще два дня продолжались страшныя убійства разсвирѣпѣвшаго королевскаго войска.

Точно такія же извѣстія доходятъ до Чальдини и изъ другихъ провинцій; но мы считаемъ достаточнымъ приведеннаго нами факта, чтобъ видѣть, въ какомъ ужасномъ состояніи находится южная Италія. И не надо забывать, что эти смуты, интриги, систематически разжигаемая ненависть происходятъ среди невѣжественнаго, испорченнаго и долго угнетаемаго народонаселенія. Нѣтъ ни одного нелѣпаго слуха, пущеннаго въ ходъ бѣглымъ солдатомъ или монахомъ, которому не повѣрилъ бы бѣдный житель неаполитанской деревни; нѣтъ ни одного средства, какъ бы оно низко ни было, которымъ бы не воспользовались вожди реакціи: подкупы, угрозы, обольщенія, шпіонство, отравы — все въ ходу и все облечено въ самую таинственную и іезуитскую методу. Нити этого заговора проведены отъ Марсели до Ватикана и отъ Ватикана до Неаполя. «Сотни людей, пишетъ «Times», хорошо вооруженныхъ и одѣтыхъ оставляютъ Римъ и небольшими толпами появляются тамъ и здѣсь. Ихъ нападенія, обыкновенно, направлены противъ беззащитныхъ мѣстъ; ихъ успѣхъ ограничивается нѣсколькими часами или днями грабежа и убійства; они имѣютъ много денегъ и щедро сыплютъ піастрами; они подкупаютъ крестьянъ и возбуждаютъ ихъ къ войнѣ. Нѣкоторые попы и неисправимые бурбонисты руководятъ этими полудикими шайками, развертываютъ бѣлое знамя, поютъ Te Deum и указываютъ имъ жертвы своего кроваваго мщенія.» Изъ этого ясно видно, что реакція лежитъ не въ самомъ Неаполѣ, не въ желаніи и намѣреніяхъ народа, а организована издали и ведется со всѣмъ искуствомъ темнаго генія іезуитовъ; повторяемъ, это цѣлая сѣть интригъ, собранныхъ католическимъ духовенствомъ во всѣхъ углахъ Европы. Мы желали бы знать, что сказало бы бфранцузское правительство, когда общественное мнѣніе потребовало бы отъ него отчетъ въ этихъ событіяхъ? не можетъ же оно отговориться незнаніемъ того, что изъ Марсели, прямо подъ носомъ префектуры, собираются комитеты и производится складка оружія и провіанта, отправляемыхъ неаполитанскимъ реакціонистамъ. Антонелли въ своемъ великолѣпномъ кабинетѣ, кладетъ кресты и

раздаетъ viaticum римскимъ нищимъ, посылаемымъ въ горы Абруццо Что же это значитъ?...

Единственное утѣшенiе, какое только мы можемъ предложить на этотъ разъ нашему читателю — это послѣднее извѣстiе, сейчасъ прочитанное мной, объ американскихъ дѣлахъ. Тамъ война проясняетъ свой принципъ: сѣверные штаты наконецъ убѣдились, что междоусобная борьба ведется не изъ-за юридическихъ или подъяческихъ формулъ конституцiи, а изъ-за рабства. Давно бы такъ! Иначе какой же смыслъ можетъ имѣть борьба, даже лишенная повода и вопроса для своего оправданiя? Недавно Линкольнъ утвердилъ постановленiе конгресса, что всѣ рабы, участвующiе въ войнѣ и переходящiе на сторону сѣверныхъ штатовъ, объявляются свободными. Такая мѣра стоитъ двухъ побѣдъ надъ плантаторами юга.

Г. Б.

II.

15-го августа Францiя празднуетъ день Успенiя Мадонны и великiй день Людовика Наполеона и династiи Бонапартовъ. Въ этотъ палящiй жаръ, когда солнце бросаетъ на насъ потоки огня, подобно огненному кратеру, невольно возникаетъ вопросъ: почему избрали этотъ день, для такого пышнаго празднества? Правда, въ народномъ вѣрованiи сохранилось преданiе, что въ этотъ день родилась Францiя. Мы не знаемъ, родилась-ли она 15 августа или 24 iюля, — въ день паденiя *Бастилiи*, или наконецъ въ день прокламацiи правъ человѣчества; но рожденiе ея ни въ какомъ случаѣ не совпадаетъ со днемъ рожденiя династiи Наполеона III. Многiе думаютъ, что и современной Францiи и Бонабарту было бы приличнѣе праздновать свое августѣйшее происхожденiе на свѣтъ 2-го декабря. Это былъ дѣйствительно торжественный день, памятный намъ не однимъ героизмомъ побѣжденныхъ. Подъ нависшими тучами пороховаго дыма, подъ холоднымъ зимнимъ вѣтромъ, на улицѣ св. Эвстахiя, мы, какъ теперь помнимъ, встрѣтили молодую дѣвушку, блѣдную, облитую кровью, съ рукой размозженной картечью; она умирала и едва слышнымъ голосомъ повторила нѣ-

сколько разъ: «нѣтъ, это день не смерти, а возрожденія Франціи». Не угадала милая героиня. Мы празднуемъ свое возрожденіе 15 августа....

И нынѣшній праздникъ удался намъ какъ нельзя больше. Его украшали флаги, тромпеты, паяцы театральные оффиціальные и другія представленія, смотры, пушечная пальба, пѣсенка Гортензіи про *кавалера Дюнуа, отъѣзжающаго въ Сирію*, съ аккомпаниментомъ длинныхъ тромбоновъ, толстыхъ саксонскихъ роговъ и барабаннаго боя, торжественная процессія изъ 10 сановниковъ и 1000 серьёзныхъ гражданъ. *Монитёръ*, по обыкновенію, предписалъ всѣмъ чиновникамъ присутствовать при *Te Deum*, съ шпагой на боку и въ небесно-голубомъ одѣяніи, въ видѣ символа голубиной чистоты души и сердца. Вандомская площадь попрежнему блестѣла высокой эстрадой, покрытой шелкомъ и бархатомъ и усѣянной тысячами зрителей самаго разноцвѣтнаго колорита. Здѣсь были и посланники, и банкиры, и толстокожіе буржуа, и ливрейные лакеи за спиной своихъ драгоцѣнныхъ маркизъ и баронессъ,—всѣ, кто можетъ за пять франковъ въ день предаваться царственному энтузіазму. Передъ этимъ самодовольнымъ и вполнѣ ликовавшимъ обществомъ маршировали и зуавы и гвардейскіе гренадеры, жирные, какъ степные буйволы, и тощіе линейные солдаты, смотрѣвшіе также угрюмо, какъ мрачная вандомская колонна. Ну, можно ли любить свою отчизну нѣжнѣе и искреннѣе, чѣмъ мы, Французы, ее любимъ? Между тѣмъ какъ въ Нормандіи сотни семействъ питаются одной травой и полусгнившей рыбой, между тѣмъ какъ въ Парижѣ шестьдесятъ тысячъ ремесленниковъ едва могутъ зарабатывать усиленнымъ трудомъ 3 франка въ день, мы бросаемъ сотни тысячъ на одну иллюминацію. Зато сколько блеску, шуму и огня! Какое благородное и возвышенное патріотическое чувство! 20,000 ракетъ лопаются въ воздухѣ, букетъ разсыпается на 300 цвѣтныхъ звѣздъ, 600,000 шкаликовъ освѣщаютъ сцену праздника, и все, что́ есть живаго, — все это высыпало и выползло на улицы и площади, чтобъ насладиться величественнымъ зрѣлищемъ.

Въ то время, какъ нашъ народный праздникъ въ честь Мадонны и династіи Бонапартовъ, обходится націи въ нѣсколько милліоновъ,— съ Этьеня Араго, директора французскихъ почтъ во время республики, взыскиваютъ сумму въ 500 фр. за то, что онъ въ продолженіе 3-хъ мѣсяцевъ, а именно съ 29 марта по 29 іюня, пользовался почтовою каретою по гражданскому списку ех-короля Людовика-Филиппа. Про-

цессъ начатъ господиномъ *де-Морни*, тѣмъ самымъ де-Морни, который такъ великодушно отказался отъ всѣхъ національныхъ почестей во время своего путешествія въ Россію, съ единственнымъ условіемъ выставить ему 800,000 фр. на издержки представленія, это тотъ самый де–Морни, который еще не успѣлъ стереть съ своего лица грязь, брошенную въ него процессомъ Миреса; это тотъ самый Морни, который преслѣдуетъ республиканскаго чиновника во имя гражданскаго списка Людовика-Филиппа? И надо видѣть услужливость нашихъ подъячихъ, которые, какъ голодные вороны, ожидающіе мертваго тѣла, бросились на эту кляузу. Лучшіе адвокаты короны – Десангле, Тролонгъ и другіе спѣшили завязать дѣло; но, не видя особенной выгоды отъ этого процесса, поручили его Форкаду-де-ла -Рокетъ. Намъ жалко этого молодаго и наивнаго юношу, только вчера появившагося на поприщѣ политической дѣятельности. —

Въ сущности вся эта юридическая продѣлка клонится къ тому, чтобъ имѣть случай унизить и очернить эпоху революціи и ея дѣятелей, а съ другой стороны возвысить безкорыстіе и честность мужей нашего времени. Но кого же хотятъ обмануть эти жалкіе «отцы отечества?» Неужели они думаютъ, что тактика іезуитовъ, этой зловредной саранчи, опустошившей все, что было лучшаго и плодоноснаго на нашей землѣ, что тактика ихъ еще не ясна для Франціи? При этомъ я не могу не вспомнить отвратительныхъ пасквилей Миркура. Когда полиціи второй имперіи нужно было обезоружить пропаганду соціалистовъ, она отыскала въ какомъ–то префектурномъ застѣнкѣ человѣка бездарнаго и грязнаго и, посадивъ его на привольное жалованье, заставила сочинять пасквили на уважаемыя имена. Но успѣла ли она, дѣйствительно, унизить въ нашемъ мнѣніи такихъ дѣятелей, какъ Прудона, Жоржъ–Сандъ, Таляндье и друг.? Нисколько! Мы столько же уважаемъ ихъ доселѣ, сколько презираемъ ихъ наемнаго клеветника.

Этьенъ Араго ведетъ свой процессъ очень скромно и самоувѣренно. Онъ разсказываетъ, что въ концѣ марта, устроивъ почтовое вѣдомство, онъ занимался составленіемъ штемпельныхъ почтъ, которыми мы пользуемся и по настоящее время. Что онъ дѣйствовалъ безкорыстно и былъ далекъ отъ всякаго злоупотребленія по своей службѣ, лучшимъ доказательствомъ того можетъ служить его добровольное отстраненіе отъ дѣлъ, когда онъ увидѣлъ, что вести ихъ добросовѣстно не было никакой возможности. Онъ вышелъ въ отставку въ то самое

время, когда президентъ явился на трибунѣ въ красной лентѣ и съ новымъ спискомъ своего псевдо-республиканскаго штата.

Теперь, за неимѣніемъ болѣе серьезныхъ событій, мнѣ слѣдовало бы одушевиться военнымъ восторгомъ и описать вамъ, если не въ поэмѣ, то въ прозѣ, шалонскіе и марсовскіе смотры; но я рѣшительно не поэтъ, тѣмъ менѣе такихъ высокихъ предметовъ, какъ пыль, конскій запахъ и марши нашихъ парадныхъ героевъ. Это дѣло Монитёра и его канцелярскихъ сонатъ, а я лучше скажу о новой книгѣ Прудона (La Guerre et la Paix). Появленіе этой книги, принятой за событіе въ нашемъ литературномъ мірѣ, произвело самое странное впечатлѣніе. Одни приняли ее за несомнѣнный признакъ окончательнаго умопомѣшательства ея автора; другіе, напротивъ, изумились глубинѣ и оригинальности его взглядовъ. Въ журналистикѣ и общественныхъ кружкахъ слышались самыя разнорѣчивыя сужденія pro и contra; сначала возстали противъ нея адвокаты, а потомъ критики, но еще доселѣ никто не произнесъ о ней послѣдняго и рѣшительнаго слова.

Книга Прудона, дѣйствительно, странная, но не по содержанію, а потому что она написана однимъ изъ замѣчательныхъ соціалистовъ Европы, отъ котораго мы привыкли ожидать новыхъ идей и строгаго философскаго анализа; было время, когда его произведенія потрясали парижскую публику и читались отъ Лондона и до Флоренціи съ одинаковымъ наслажденіемъ. «Война и миръ» представляетъ Прудона совершенно въ другомъ свѣтѣ. Авторъ возводитъ каннибальское людоѣдство въ священное право народовъ и кулаку болѣе сильнаго даетъ первое и главное мѣсто въ рѣшеніи судебъ человѣчества. «Да здравствуетъ война! говоритъ Прудонъ; она возвысила человѣка, едва вышедшаго изъ своей первородной грязи, до его величія и мужества; на трупѣ пораженнаго врага онъ въ первый разъ возмечталъ о славѣ и безсмертіи. Эта кровь, пролитая воинами, эта братоубійственная рѣзня пугаютъ наши филантропическія чувства; я боюсь, чтобъ эта мягкость не была признакомъ охлажденія нашей добродѣтели. Поддержать великій вопросъ въ героической борьбѣ, гдѣ честность и права соперниковъ равны, поддержать его съ опасностію жизни или смерти — что̀ же въ этомъ ужаснаго и особенно безнравственнаго? Война есть вѣнецъ жизни: и какимъ образомъ человѣкъ, существо разумное и свободное, можетъ благороднѣе окончить свое земное поприще?»

«Волки, львы, бараны и бобры не ведутъ войны; давно уже

этотъ фактъ обращаютъ въ сатиру противъ человѣческой породы. Но какъ же не поймутъ, что въ этомъ—то и заключается отличительная черта нашего превосходства? Еслибъ, напротивъ, природа сдѣлала изъ насъ существо исключительно промышленное и соціальное, а не воинственное, тогда мы съ перваго же дня низошли бы до состоянія скотовъ, назначеніе которыхъ ограничивается одной ассоціаціей; тогда мы, вмѣстѣ съ гордостью героизма, потеряли бы реформаціонную способность, самую плодотворную и удивительную изъ всѣхъ способностей. Замкнувшаяся въ чистую общину, наша цивилизація была бы стойломъ» и т. д.

Проходя этимъ лабиринтомъ блистательныхъ парадоксовъ и діалектическихъ миражей, можно подумать, что Прудонъ желаетъ возобновить эпоху Петра Пустынника и объявить всему человѣчеству крестовый походъ; но кто знаетъ автора близко, тотъ ни на одну минуту не усумнится, что онъ приведетъ читателя къ самому гуманному результату. И въ самомъ дѣлѣ книга оканчивается такъ: «человѣчество не хочетъ болѣе войны».

Изъ чего же, спрашиваемъ мы, Прудонъ заставилъ насъ прочитать пять огромныхъ главъ его сочиненія? Единственно изъ—за того, чтобъ доказать божественное право войны въ принципѣ и объяснить всю нелѣпость современной ея формы. Впрочемъ есть превосходныя страницы, достойныя его мастерскаго пера. Миѳъ Геркулеса разсказанъ увлекательно и вся экономическая часть книги напомнила намъ благороднаго и изгнаннаго мыслителя Франціи.

Обращаясь къ внѣшнимъ событіямъ, за предѣлами Франціи, я нахожу въ нихъ еще меньше логики, чѣмъ въ книгѣ Прудона.

Сѣверо—американская война въ полномъ разгарѣ. Кровавое пораженіе при Бульсъ—Рёнѣ и бѣгство сѣверной арміи покрываетъ безчестіемъ и побѣдителей и бѣглецовъ. Это хорошо! Если югъ имѣетъ какія—нибудь побудительныя причины къ борьбѣ, то это рабство Негра, промышленная хищность плантатора; между тѣмъ какъ сѣверъ не имѣетъ никакой; если югъ защищаетъ право кнута, то сѣверъ отстаиваетъ только таможенный уставъ, гдѣ черные рабы записаны подъ параграфомъ тюковъ и военной контрабанды. — Господа Янки, пора вамъ убѣдиться, что вы никогда не исчерпаете вашъ настоящій споръ, если только не хотите уничтоженія рабства. — Это

вашъ давнишній споръ, которому вы стыдитесь дать даже собственное названіе. Неужели же надо приставить ножъ къ горлу, чтобъ вы поняли наконецъ, въ чемъ дѣло? Вотъ оно — въ двухъ словахъ: «или рабство убьетъ васъ или вы убьете рабство». Другаго выхода вамъ нѣтъ, развѣ только Атлантическій океанъ зальетъ землю, оскверненную батогами и страданіями несчастнаго племени Африки....

Германія въ полной ажитаціи гимназистовъ. Коронуютъ бюсты Арминія, который, по новѣйшимъ открытіямъ исторіи, побѣдилъ нѣкоего Вара, французскаго маршала временъ Людовика XIV-го, коронуютъ бюсты Арндта, Беккера, Масмана, всѣхъ *пожирателей Французовъ* и на мѣстѣ битвы при Лейпцигѣ дѣлаютъ великолѣпныя приготовленія къ юбилею. Какъ жаль, что у Германіи нѣтъ въ настоящее время честнаго человѣка Гейне! Какое заблужденіе со стороны этихъ почтенныхъ друзей истины думать, что непріятель находится извнѣ, а не внутри ихъ страны, и воображать, что Французы презираютъ ихъ и даже не думаютъ о нихъ! Что́ Французы не думаютъ о Нѣмцахъ—это неудивительно; но удивительно то, что сами Нѣмцы мало думаютъ о себѣ. Вотъ уже болѣе сорока лѣтъ, какъ они мечтаютъ, обѣдаютъ, даютъ концерты въ честь германскаго единства. Теперь даже дочери министра Шверина носятъ шарфы національныхъ цвѣтовъ. Энтузіасты требуютъ то отъ принца Ернеста Саксенъ-Кобургскаго, то отъ Фридриха Вильгельма IV реставраціи Великой Германской имперіи. Превосходные люди! — Процессъ студента Беккера скоро начнется. — Большія приготовленія къ коронаціи прусскаго короля, церемоніалъ которой будетъ несравненно правильнѣе, чѣмъ церемоніалъ при коронованіи Фридриха Великаго: вотъ что́ значитъ научиться со временемъ!

Въ Венгріи ростетъ опозиція. Австрія угрожаетъ закрыть ея сеймъ вооруженной силой, потому что двѣнадцать милліоновъ Мадяръ не соглашаются съ мнѣніемъ десяти Нѣмцевъ, засѣдающихъ въ Рейхсратѣ. Не хорошо, очень не хорошо со стороны Венгерцевъ: ну какъ же можно думать, чтобъ одна лысая нѣмецкая голова не была умнѣе милліона мадярскихъ головъ!

Кроатскій сеймъ, оказавшій своимъ отдѣленіемъ отъ венгерскаго сейма такую важную услугу австрійскому правительству, нанесъ ему чувствительный ударъ своимъ отказомъ послать депутата въ Рейхсратъ, и своимъ рѣшеніемъ, что онъ будетъ считать измѣнникомъ того Кроата, который рѣшится засѣдать въ Вѣнѣ. Что дѣлать рейхсрату?

Все это однакожъ не мѣшаетъ эрцгерцогу Максимиліану уговаривать Англичанъ въ пользу новаго, проэктированнаго займа и объявить съ убѣдительною увѣренностью, что съ этихъ поръ Австрія будетъ конституціонная страна и, слѣдовательно, союзница Англіи.

Въ Италіи стоитъ та же грязь. Заемъ въ 350,000,000, предложенный новымъ королевствомъ, былъ принятъ весьма благосклонно, за исключеніемъ одного протеста со стороны бывшаго неаполитанскаго короля, предпринимающаго отъ своего имени заемъ въ 20 милліоновъ у богачей благороднаго сенъ-жерменскаго фобурга. Притомъ Францискъ II, желающій честно оплатить экспедицію Кіавоне и компаніи, продалъ императору Французовъ великолѣпные сады Фарнезе. Изъ этой суммы, вѣроятно, нѣкоторая доля пойдетъ на поддержаніе неаполитанской реакціи и на продовольствіе бандитовъ. Хотя Чальдини и нанесъ имъ самые жестокіе удары, но ему чрезвычайно трудно подавить окончательно внутреннія смуты, раздуваемыя то интригами Франціи, то христіанскимъ усердіемъ католическаго духовенства. Солдаты де-Гойона расположены такъ, что могутъ прикрывать отступленіе неаполитанскихъ инсургентовъ, а Антонелли и де-Меродъ продолжаютъ снабжать ихъ ружьями, треснувшими пушками, деньгами изъ церковной кассы св. Петра, реликвіями, крестами и кинжалами.

Ту же комедію созерцаемъ въ Римѣ. Не думаемъ, чтобъ Наполеонъ III изъ чистаго великодушія сталъ поддерживать папистовъ, своихъ враговъ, преслѣдующихъ его клеветами и обидами. Не думаемъ также, чтобъ онъ изъ одного удовольствія сталъ растравлять гноеточивую рану и усиливать безпорядокъ и волненіе въ этой несчастной землѣ, чтобы отравить желаніе единства, независимости и свободы и принудить ее, утомленную войною, броситься въ объятія его или Мюрата. Правда, въ политикѣ французскаго императора есть одна черта, очень ясно выступающая изъ хаоса его дѣйствій — истощать терпѣніе всѣхъ партій, вооружать ихъ другъ противъ друга и, когда онѣ устанутъ, воспользоваться ихъ враждой въ свою пользу. Какъ бы то ни было, но все, что происходитъ въ Римѣ, страшно вредитъ всей Италіи и возбуждаетъ чувство ненависти къ Франціи, въ единственномъ народѣ, обязанномъ намъ. Послѣднія выходки де-Гойона ссорятъ насъ съ общественнымъ мнѣніемъ всей Европы. Онъ рѣшился запретить Римлянамъ, подъ строжайшимъ наказаніемъ, праздновать 15-е августа и провозглашать имя императора Наполеона! — Вотъ короткое выраженіе этой политики

въ Италіи: «Если вы довольны мной и моимъ господиномъ, я васъ разстрѣляю!» говоритъ де-Гойонъ Римлянамъ.

Съ другой стороны, оскорбленный монсиньёромъ Меродомъ, этимъ фантастическимъ министромъ папы, де-Гойонъ отвѣчаетъ кардиналу парою превосходныхъ пощечинъ; но, не осмѣливаясь дать ихъ *въ самомъ дѣлѣ*, по случаю архіепископскаго сана, онъ ограничивается дать ихъ *морально*. Кардиналъ возражаетъ такъ: «я возвращаю вамъ эти пощечины, и съ процентами, но по-*христіански.*»—Французское правительство, обиженное такою дерзостью, приказываетъ опубликовать этотъ случай посредствомъ офиціальныхъ журналовъ, гдѣ громко было объявлено, что Франція выходитъ изъ Рима и предоставляетъ Пія IX его собственной несчастной участи. Но священная коллегія не устрашилась и этой угрозы: папа оставилъ на прежнемъ постѣ де-Мерида, который подалъ въ отставку только для виду. Тюильерійскій кабинетъ проглотилъ обиду и приказалъ монитёру обличить во лжи другіе журналы. Такимъ образомъ де-Гойонъ потерпѣлъ полное фіаско, а кардиналъ и лейтенантъ-полковникъ франко-бельгійскихъ зуавовъ восторжествовалъ.

Теперь де-Гойонъ принялся проповѣдывать снова, чтобы категорически убѣдить, *не взирая ни на что*, своихъ офицеровъ и солдатъ защищать священную особу папы и подавить революцію, которая ежеминутно угрожаетъ поднять голову. — Уничтожить революцію въ Римѣ! Этотъ господинъ кажется намъ двойникомъ того капрала, который, затворивъ окна и двери и заткнувъ каминъ, скомандовалъ своимъ подчиненнымъ такъ:

— Солдаты! слушать меня!

— Слушаемъ! отвѣчали четверо часовыхъ, въ полномъ вооруженіи.

— Лейтенантъ сказалъ мнѣ, что въ этой комнатѣ скрывается *міазмъ*; надо истребить ее, во что бы то ни стало. Перебрать всѣ доски, осмотрѣть кровати, сапоги и мебель и найдти этотъ проклятый *міазмъ* немедленно; потомъ привести ее ко мнѣ живой или мертвой, и я буду имѣть честь самъ раздѣлаться съ ней.

Подобно этому капралу, де-Гойонъ преслѣдуетъ врага тамъ, гдѣ его нѣтъ и покровительствуетъ ему тамъ, гдѣ онъ особенно силенъ.

Міазмъ Рима въ воздухѣ, а не подъ кроватью, господинъ де-Гойонъ.

ЖАКЪ ЛЕФРЕНЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ПАНЕГИРИСТЫ И ПОРИЦАТЕЛИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Опытъ историческаго оправданія Петра I-го противъ обвиненій нѣкоторыхъ современныхъ писателей. Карла Задлера. С. Петербургъ. 1861).

(статья третья и послѣдняя.)

Послѣ всего того, что мы сказали во второй статьѣ нашей, читатели—надѣемся—согласятся съ нами, что едва ли было бы справедливо называть Петра Перваго изобрѣтателемъ лютыхъ пытокъ и казней на Руси, какъ это дѣлаютъ мягкосердечные, но малосвѣдущіе люди, плѣненные и сбитые съ толку застѣночными розысканіями нашихъ новѣйшихъ изслѣдователей—обличителей. Не менѣе несправедливо было бы полагать (мягкосердечные, но малосвѣдущіе люди полагаютъ и это), что съ 1696 по 1725 годъ только въ злополучномъ отечествѣ нашемъ существовали колесованія, четвертованія, жженія огнемъ и тому подобные ужасы; во всемъ же остальномъ мірѣ преступниковъ гладили по головкѣ, или довольствовались въ отношеніи къ нимъ самыми легкими и кроткими исправительными мѣрами. Мы видѣли, каковы были эти легкія и кроткія мѣры въ западной Европѣ не только современно Петру, но и чрезъ много

лѣтъ послѣ него; мы видѣли, напримѣръ, какъ чинилъ судъ и расправу благодушный и прогрессивный австрійскій императоръ Іосифъ II, и если мы, по поводу всѣхъ этихъ *мекленбургскихъ* и *бамбаргскихъ инструментовъ, брауншвейгскихъ* и *испанскихъ сапоговъ, люнебургскихъ* и *мангеймскихъ стульевъ*, не называемъ гуртомъ всѣхъ западныхъ правителей, законодателей и судей кровожадными тиграми и гремучими змѣями; если мы, говоря о нихъ, не украшаемъ статьи своей междометіями ужаса и отвращенія съ надлежащимъ количествомъ восклицательныхъ знаковъ, то это—увы!—происходитъ, по всей вѣроятности, отъ нашего собственнаго жестокосердія и отъ недостатка въ насъ нѣжныхъ чувствованій, въ чемъ мы заранѣе уже рѣшились повиниться предъ благосклоннымъ читателемъ... [1])

---

[1]) Ко всему, сказанному нами о пыткахъ и казняхъ въ западной Европѣ, не лишнимъ считаемъ присовокупить еще слѣдующія свѣдѣнія, заимствованныя изъ интересной статьи г. Чебышева-Дмитріева: «О современномъ состояніи и задачахъ науки уголовнаго права» (Отечественныя Записки за 1860 г., № 10):

Въ Прусскомъ уложеніи (Allgemeines Landrecht für die Preussischen Staaten), изданномъ въ 1791 году, т. е. черезъ 65 лѣтъ послѣ смерти Петра Великаго, въ числѣ другихъ казней, было и сожиганіе, и колесованіе. Въ Англіи, въ теченіе XVII-го столѣтія (1602-1701), казнено было за одно колдовство 3192 человѣка. Въ той же Англіи, почти что ужъ въ наше время, съ 1820 по 1826 годъ, произнесено было 7656 смертныхъ приговоровъ, изъ числа коихъ: 714—за кражу барановъ, 865—за кражу лошадей и 1171—за кражу въ 40 шиллинговъ въ обитаемомъ домѣ. Въ Баваріи, между 1750 и 1756 годами, въ числѣ казненныхъ за волшебство, казнены были, *какъ вѣдьмы*, двѣ тринадцатилѣтнія дѣвочки. Въ Швейцаріи послѣдняя казнь за волшебство была въ 1785 году.

Неутѣшительны, конечно, всѣ эти свѣдѣнія,—а вѣдь все-таки г. Чебышевъ-Дмитріевъ не называетъ за это ни Швейцаріи, ни Баваріи, ни Пруссіи, ни Англіи странами дикими и варварскими, коснѣвшими въ глубочайшей тьмѣ невѣжества и звѣрства. Онъ очень хорошо понимаетъ, что это было бы въ высшей степени несправедливо и смѣшно, а потому безъ всякаго ненужнаго озлобленія группируетъ собранные имъ факты и за симъ развиваетъ ту мысль, что уголовныя законодательства всегда далеко отстаютъ отъ современной имъ цивилизаціи. И. г. Чебышевъ-Дмитріевъ поступилъ въ этомъ случаѣ какъ писатель, знающій и понимающій дѣло. Поступи онъ иначе, приди онъ въ благородное негодованіе и начни казнить старину за то, что она не походитъ на «*настоящее время, когда*» и пр., мы назвали бы его человѣкомъ, обладающимъ чрезвычайно нѣжною и впечатлительною душою, но посовѣтовали бы ему, ради собственнаго его блага, писать идилліи и любовныя повѣсти, а не юридическія статьи. То же самое можно и должно посовѣтовать историческимъ писателямъ, не принимающимъ въ соображеніе,

Да, мы съ прискорбіемъ сознались заранѣе, что намъ не удастся обнаружить ни той плѣнительной мягкости сердца, ни той восхитительной гуманности воззрѣній, которыми такъ привлекаютъ къ себѣ отечественную публику наши новѣйшіе изслѣдователи-обличители!.. Съ сокрушеніемъ упоминая объ этомъ еще разъ, мы все-таки не отступимъ отъ принятаго нами плана, все-таки не покинемъ намѣренія разсматривать «дѣла давно минувшихъ дней» съ точки зрѣнія *того* времени, а не нашего, хотя послѣднее было бы для насъ гораздо удобнѣе и выгоднѣе. Руководствуясь этимъ намѣреніемъ, мы чувствуемъ себя рѣшительно не въ силахъ съ безпощадной и неразборчивой суровостью обвинять Петра за пролитую имъ кровь, какъ чувствуемъ себя положительно неспособными обвинять его за то, что онъ не читалъ ни Фейербаха, ни Прудона, ни Жоржъ Занда, ни М. П. Погодина. Читать этихъ знаменитыхъ авторовъ и поучаться у нихъ мудрости и филантропіи—было бы, конечно, для Петра весьма не безполезно; но что-же дѣлать, если и Фейербахъ, и Прудонъ и Жоржъ Зандъ, и М. П. Погодинъ ниспосланы провидѣніемъ, для блага человѣчества, только въ наше время? Чинить судъ и расправу безъ пролитія крови, безъ висѣлицъ, плахъ, кнута и плетей—было бы, безъ всякаго сомнѣнія, несравненно пріятнѣе, нежели чинить судъ и расправу съ помощью этихъ неблаговидныхъ орудій; но что же дѣлать, если обстоятельства, среди которыхъ жилъ и дѣйствовалъ Петръ, требовали мѣръ крутыхъ и суровыхъ, а духъ вѣка всѣ эти мѣры вполнѣ оправдывалъ? Чѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, виноватъ Петръ, что существовалъ на свѣтѣ съ 1672 по 1725, годъ, а не позднѣе? Чѣмъ же виноваты семнадцатое и восемнадцатое столѣтія, что не походили на девятнадцатое?..

Но что же это, однако, были за обстоятельства, по силѣ которыхъ «великій преобразователь нашъ» долженъ былъ совершать свои преобразованія при такомъ страшномъ акомпаньеманѣ такихъ страшныхъ криковъ, воплей и стоновъ? Почему же, въ самомъ дѣлѣ, въ это

что духъ вѣка оказывалъ вездѣ и на всѣхъ свое неотразимое вліяніе, и что извѣстнаго рода обстоятельства заставляли нерѣдко самыхъ гуманныхъ людей дѣйствовать очень не гуманно. Не забывайте этихъ важныхъ условій при сужденіяхъ объ историческихъ дѣятеляхъ и ихъ дѣйствіяхъ, и приговоры ваши будутъ иногда строги, но никогда не будутъ безпощадны; главное же—приговоры ваши будутъ всегда согласны съ законами логики и здраваго смысла.

*

славное царствованіе такъ много работы было заплечнымъ мастерамъ, такая широкая сфера дѣятельности была кнуту, такъ полны были разные тайники и казематы всякаго рода арестантами? Въ такомъ ли положеніи засталъ Петръ русское общество, что въ него не возможно было провести ни одной мало-мальски человѣческой мысли, ни одного мало-мальски человѣческаго начала безъ угрозъ и насилія, или это общество—какъ увѣряютъ нѣкоторые мудрецы—и до Петра уже цвѣло роскошнымъ цвѣтомъ роскошнаго развитія и нисколько не нуждалось ни въ какихъ (въ особенности же, насильственныхъ) преобразованіяхъ и усовершенствованіяхъ?

Прежде, чѣмъ отвѣчать на эти вопросы, мы попросимъ позволенія у читателя представить ему небольшую выписку изъ одного не очень-то распространеннаго въ публикѣ сочиненія,—выписку, чтеніе которой можетъ объяснить весьма многое безъ всякихъ комментаріевъ. Сочиненіе, о которомъ мы говоримъ, именуется записками Ивана Аѳанасьевича Желябужскаго; записки эти повѣствуютъ о событіяхъ на Руси съ 1682 по 1709 годъ,—и вотъ, между прочимъ, какія картины рисуетъ намъ безхитростное перо правдиваго Ивана Аѳанасьевича:

«Въ 7192 (1683) году учинено наказаніе Петру Васильевичу сыну Кикину: бить кнутомъ передъ стрѣлецкимъ приказомъ за то, что онъ дѣвку растлилъ. Да и прежде сего онъ, Петръ, пытанъ на Вяткѣ за то, что подписался было подъ руку думнаго дьяка Емельяна Украинцова; а то дѣло нынѣ въ приказѣ большія казны.

«Въ 7193 (1684) году Ѳедосіи Филипповъ сынъ Хвощинскій пытанъ изъ Стрѣлецкаго приказа въ воровствѣ; и за то его воровство на площади чинено ему наказаніе: бить кнутомъ за то, что онъ своровалъ, на порожнемъ столбцѣ составилъ было запись; дѣло у него было съ Иваномъ Михневымъ въ московскомъ судномъ приказѣ; а то нынѣ дѣло въ стрѣлецкомъ приказѣ. Князю Петру Крапоткину чинено наказаніе передъ московскимъ суднымъ приказомъ: бить кнутомъ за то, что онъ въ дѣлѣ своровалъ, выскребъ и приписалъ своею рукою; а то нынѣ дѣло въ московскомъ судномъ приказѣ. Степану Коробьину учинено наказаніе: бить кнутомъ, а за то, что дѣвку растлилъ.

«Въ 7195 (1686) году биты батоги передъ холопьимъ приказомъ Никита Михайловичь сынъ Кутузовъ, да Нарышкинъ, за то, что они ручались по Касимовскомъ царевичѣ въ человѣкѣ.

«Въ 7196 (1687) году князь Яковъ Ивановъ сынъ Лобановъ-Ростовскій, да Иванъ Андреевичь сынъ Микулинъ ѣздили на разбой по Троицкой дорогѣ, къ Красной соснѣ, разбивать государевыхъ мужиковъ съ ихъ великихъ государей казною; и тѣхъ мужиковъ они разбили, и казну взяли себѣ, и двухъ человѣкъ мужиковъ убили до смерти. И про то ихъ воровство розыскивано, и по розыску онъ, князь Яковъ Лобановъ, взятъ съ двора и привезенъ былъ къ красному крыльцу въ простыхъ санишкахъ, и за то воровство учинено ему, князю Якову, наказаніе: битъ кнутомъ въ жилецкомъ подклѣтѣ, по упросу верховой боярыни и мамы княгини Анны Никифоровны Лобановой; да у него жъ, князя Якова, отнято за то его воровство безповоротно четыреста дворовъ крестьянскихъ; а человѣка его калмыка, да казначея за то воровство повѣсили. А Ивану Микулину за то учинено наказаніе: битъ кнутомъ на площади нещадно, и отняты у него помѣстья и вотчины безповоротно, и розданы въ раздачу, и сосланъ былъ въ ссылку, въ Сибирь, въ городъ Томскъ. Въ томъ же году учинено наказаніе Дмитрію Артамоновичу сыну Камынину: битъ кнутомъ передъ помѣстнымъ приказомъ за то, что выскребъ въ помѣстномъ приказѣ, въ межѣ съ патріархомъ.

«Въ 7197 (1688) году Богданъ Засѣцкій съ сыномъ кладены на плаху, и сняты съ плахи, биты кнутомъ нещадно и сосланы были въ ссылку; а помѣстья и вотчины розданы были въ раздачу безповоротно; дѣло у него было съ Петромъ Бестужевымъ. Въ томъ же году, въ земскомъ приказѣ, пытанъ Иванъ Петровъ сынъ Бунаковъ по челобитью боярина князя Василія Васильевича Голицына, для того, что онъ вымалъ у него, князя Василія, слѣдъ; съ пытки онъ рванъ, и не винился, и сказалъ: а землю для того въ платокъ взялъ и завязалъ, что ухватилъ его утинъ, и прежде сего то бывало, и гдѣ его ухватитъ, тутъ же землю онъ и беретъ. Въ томъ же году бывшій полковникъ Василій Кошелевъ, вмѣсто кнута, битъ батоги, за неистовыя слова, и сосланъ въ ссылку въ Кіевъ. Въ томъ же году пытанъ и казненъ, по извѣту Филиппа Сапогова, вѣдомый воръ и подыскатель московскаго всего государства, бывшій окольничій Ѳедька Щекловитый. А вѣдомый же воръ и собесѣдникъ его, Ѳедькинъ, полковникъ Сенька Рѣзановъ, битъ кнутомъ, и отрѣзанъ ему языкъ, и сосланъ въ ссылку; а иные товарищи ихъ, стрѣльцы Оброська съ товарищами, казнены; а иные ихъ товарищи сосланы въ ссылку.

«Въ 7199 (1690) году пытанъ и казненъ на площади вѣдомый

воръ и подыскатель московскаго государства, Андрюшка Ильинъ сынъ Безобразовъ, за то, что онъ мыслилъ злымъ своимъ воровскимъ умысломъ на государское здоровье: присылалъ къ Москвѣ отъ себя съ людьми своими граммату; а въ грамматѣ его написано къ женѣ его, что послалъ онъ съ людьми своими мельника да коновала,—и тебѣ-бъ, женѣ моей, поить ихъ и кормить, и всѣмъ снабдѣвать, и на выходы государскіе ихъ съ людьми посылать. И по розыску и извѣту тотъ мельникъ и коновалъ, за злой воровской умыселъ, сожжены на болотѣ. А вора Андрюшки Безобразова помѣстья и вотчины розданы въ раздачу безповоротно.

«Въ 7200 (1691) году казненъ на площади вѣдомой воръ и единомышленникъ князя Андрея Хованскаго, чернецъ Сильвестръ Медвѣдевъ, и Васька Иконникъ, также и иные товарищи ихъ.

«Въ 7201 (1692) году князю Александру Борисову сыну Крупскому чинено наказанье: битъ кнутомъ за то, что онъ жену убилъ. Въ томъ же году пытанъ черкасскій полковникъ Михаилъ Гадицкой въ государственномъ дѣлѣ. Съ пытки онъ ни въ чемъ не винился, очистился кровью и сосланъ въ ссылку. А который чернецъ на него доводилъ, казненъ въ черкасскомъ городѣ Батуринѣ.

«Въ 7202 (1693) году пытанъ въ стрѣлецкомъ приказѣ Леонтій Кривцовъ за то, что онъ выскребъ въ дѣлѣ, да и въ иныхъ въ разбойныхъ дѣлахъ; сосланъ въ ссылку. Въ томъ же году пытанъ и сосланъ въ ссылку Ѳедоръ Борисовъ сынъ Перхуровъ за то, что онъ подъячего убилъ. Въ томъ же году, въ приказѣ сыскныхъ дѣлъ, пытанъ дьякъ Иванъ Шапкинъ; съ подъячимъ своровали въ дѣлѣ въ приказѣ холопьяго суда. Въ томъ же году битъ батоги въ стрѣлецкомъ приказѣ Григорій Павловъ сынъ Языковъ за то, что онъ своровалъ съ площаднымъ подъячимъ, съ Яковомъ Алексѣевымъ, въ записи написали задними числами за пятнадцать лѣтъ; а подъячему, вмѣсто кнута, учинено наказаніе: битъ батоги на Ивановской площади и отставленъ. Въ томъ же году, въ Семеновскомъ, битъ кнутомъ дьякъ Иванъ Харламовъ. Въ томъ же году, въ стрѣлецкомъ приказѣ, пытанъ Владиміръ Ѳедоровъ сынъ Замыцкой въ подговорѣ дѣвокъ по язычной молвкѣ Филиппа Дивова. Земскаго приказа дьякъ Петръ Вязмитинъ передъ московскимъ суднымъ приказомъ положенъ на козелъ и, вмѣсто кнута, битъ батоги нещадно: своровалъ въ дѣлѣ, направежъ ставилъ своего человѣка вмѣсто отвѣтчикова. А то дѣло нынѣ въ московскомъ судномъ приказѣ.

«Въ ноябрѣ мѣсяцѣ (1693), передъ московскимъ суднымъ приказомъ, дворянинъ Иванъ Кулешовъ битъ кнутомъ за разныя лживыя сказки. Генваря во 2 день (1694), въ стрѣлецкомъ приказѣ, пытаны Коширяне, дѣти боярскіе, Михайла Баженовъ, Петръ да Θедоръ Ерлыковы за воровство. Марта въ 5 день битъ кнутомъ помѣстнаго приказа дьякъ Кирила Фроловъ передъ разрядомъ за то, что онъ золотые купилъ у подъячаго, у Глѣба Аθанасьева, безъ поруки; да тутъ же передъ разрядомъ битъ кнутомъ разрядный подъячій Глѣбъ Аθанасьевъ за то, что онъ покралъ золотые тѣ, которые было довелось дать, по указу великихъ государей, ратнымъ людямъ за послѣдній походъ. А въ распросѣ онъ, Глѣбъ, сказалъ, что онъ тѣ золотые носилъ на дворъ къ боярину къ Тихону Никитичу Стрѣшневу, къ женѣ его къ боярынѣ къ Екатеринѣ Богдановнѣ. А выписку закрѣплялъ думный дьякъ Перфилій Оловянниковъ, что тѣ будто золотые взнесены въ верхъ; и за то у него, Перфилья, отнято думное дьячество. Въ тѣхъ же числахъ явились въ воровствѣ по язычной молвкѣ стольники Владиміръ да братъ его Василій Шереметевы. Князь Иванъ Ухтомскій пытанъ; Левъ да Григорій Игнатьевы дѣти Ползковы—и они въ томъ дѣлѣ пытаны; Леонтій Шеншинъ пытанъ. Также явились и иные многіе. А языки на нихъ съ пытки говорили, Ивашко Звѣревъ съ товарищи: что на Москвѣ они пріѣзжали середи бѣла дня къ посадскимъ мужикамъ, и домы ихъ грабили, и смертное убійство чинили, и назывались большими. И Шереметевы освобождены были на поруки съ записьми и даны для береженія боярину Петру Васильевичу Шереметеву. И послѣ того языки ихъ казнены, Ивашко Звѣревъ съ товарищи.

«И того жъ 7203 (1694) года измѣнилъ изъ московскаго государства Θедоръ Яковлевъ сынъ Дашковъ; а поѣхалъ было служить къ польскому королю. И пойманъ на рубежѣ, и приведенъ въ Смоленскъ, и распрашиванъ; а въ распросѣ онъ передъ стольникомъ и воеводою, передъ княземъ Борисомъ Θедоровичемъ Долгорукимъ, сказалъ и въ томъ своемъ отъѣздѣ повинился. А изъ Смоленска присланъ къ Москвѣ, въ Посольскій Приказъ; а изъ Посольскаго Приказа свобожденъ для того, что онъ далъ Емельяну Украинцову двѣсти золотыхъ. Дьячій сынъ Константинъ Литвиновъ въ стрѣлецкомъ приказѣ битъ батоги за то, что онъ обманулъ было на посольскомъ дворѣ Грека: принесъ сто рублей мѣдныхъ денегъ вмѣсто серебряныхъ; а съ тѣмъ былъ приведенъ въ стрѣлецкій приказъ. Изъ того же приказа

вожены въ застѣнокъ люди Тимоѳея Кирилова сына Кутузова, два человѣка, въ томъ, что они били великихъ государей слесаря, и пару пистолей у него отняли. И въ застѣнкѣ тѣ люди подыманы на виску, да третій человѣкъ подыманъ же Петра Бестужева; а на пыткѣ они винилися, что того слесаря они били по приказу Тимоѳея Кутузова, и самъ онъ, Тимоѳей, его билъ и пару пистолей отнялъ [1])».

На этой картинѣ мы остановимся. Хорошенькаго по-немножку, говоритъ русская пословица, и хотя, въ настоящемъ случаѣ, *хорошенькаго*, взятаго нами у Желябужскаго, и не немножко, но читатели—надѣемся—не посѣтуютъ на насъ за длинноту нашей выписки. Эта выписка даетъ уже отчасти отвѣты на тѣ вопросы, которые мы только что сами себѣ предложили, и намъ остается добавить къ ней не очень-то много. Прежде, однакоже, чѣмъ это сдѣлать, мы не можемъ еще разъ не погоревать о нашемъ прискорбномъ жестокосердіи и недостаткѣ въ насъ нѣжныхъ чувствованій. Да и какъ же, въ самомъ дѣлѣ, не горевать объ этомъ? Вотъ мы привели теперь цѣлыхъ три страницы, биткомъ набитыя словами: «битъ кнутомъ», «битъ батоги», «отрѣзанъ ему языкъ», «сожжены на болотѣ», «подыманы на виску», «пытанъ и казненъ» и т. д.; мы привели цѣлыхъ три такихъ кровавыхъ страницы—и все-таки не приходимъ въ благородное негодованіе, и все-таки не восклицаемъ, подражая гуманному изслѣдователю-обличителю: «Сѣченье кнутомъ... сѣченье батогами... отрѣзыванье языка... сожиганіе на болотѣ... подыманіе на виску... и всюду кровь, кровь и кровь!.. Нельзя не сознаться, что дороговато стоило Россіи... правленіе царевны Софіи Алексѣевны и державныхъ братцевъ ея «скорбнаго главою» Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича!...»

Не восклицаетъ, впрочемъ, ничего подобнаго и Иванъ Аѳанасьевичъ Желябужскій, и это одно нѣсколько утѣшаетъ насъ при мысли о нашемъ жестокосердіи и недостаткѣ въ насъ нѣжныхъ чувствованій. «Желябужскій вѣдь (думаемъ мы) описываетъ современныя ему событія. Желябужскій могъ не разъ собственными глазами видѣть, какъ пороли кнутомъ и батогами, какъ подымали на виску, какъ отрѣзывали языкъ и пр. И Желябужскій все-таки разсказываетъ обо всемъ этомъ совершенно спокойно и хладнокровно, не прибѣгая ни къ междометіямъ, ни къ восклицательнымъ знакамъ, ни къ злой ироніи! Зна-

[1]) Записки Желябужскаго, с. 7, 9, 10, 11, 12, 13, 18, 19, 23 и 24.

читъ—Желябужскій еще жестокосерднѣе насъ, еще сильнѣе насъ страдаетъ недостаткомъ нѣжныхъ чувствованій. Это въ нашемъ положеніи очень отрадно!»

Присматриваясь къ дѣлу внимательнѣе, мы начинаемъ находить въ нашемъ положеніи еще болѣе отраднаго: мы начинаемъ думать, что причины, заставляющія и Желябужскаго, и насъ говорить спокойно и хладнокровно о пыткахъ и казнахъ,—совершенно одинаковы, и что мы едвали не поторопились обвинить и себя, и почтеннаго Ивана Аѳанасьевича въ жестокосердіи и недостаткѣ нѣжныхъ чувствованій. Иванъ Аѳанасьевичъ смотрѣлъ на все, совершавшееся вкругъ него, такъ, какъ смотрѣли на это всѣ его современники, думалъ, какъ думали они, чувствовалъ, какъ чувствовали они, порицалъ то, что̀ они порицали, одобрялъ то, что̀ они одобряли; мы всячески стараемся стать на ту же точку зрѣнія, чтобы имѣть возможность произнести сужденіе, согласное съ законами логики и здраваго смысла. Иванъ Аѳанасьевичъ не могъ поступать иначе, какъ поступалъ; намъ не слѣдуетъ поступать иначе, если мы не желаемъ, чтобы приговоры наши были нелѣпо-ошибочны и уморительно-смѣшны. Надлежитъ ли же намъ порицать: Желябужскаго за то, что онъ родился въ 1638 году, самихъ себя за̀ то, что мы имѣемъ намѣреніе разсматривать событія XVII и XVIII столѣтій съ точки зрѣнія того же времени, потому что иначе разсматривать событія эти невозможно?

Ставши же на точку зрѣнія Желябужскаго и его современниковъ, мы поневолѣ должны будемъ воздержаться отъ всякихъ междометій ужаса и отвращенія, отъ всякихъ восклицательныхъ знаковъ, отъ всякихъ гуманныхъ разглагольствованій. Съ точки зрѣнія 1861 года нетолько лютыя казни, но и батоги кажутся явленіями возмутительными, чудовищными, позорящими человѣчество; съ точки зрѣнія Ивана Аѳанасьевича и его современниковъ нетолько батоги, но и лютыя казни—явленія самыя обыкновенныя. Мы прочтемъ гдѣ нибудь: «бить кнутомъ,» «подыманъ на виску»—и сооружаемъ по этому поводу цѣлыя страницы, кипящія благороднѣйшимъ негодованіемъ, столь свойственнымъ кроткой и чувствительной душѣ; Иванъ Аѳанасьевичъ и его современники смотрѣли и на колесованіе, и на четвертованіе, и на сожиганіе живьемъ гораздо хладнокровнѣе, нежели мы смотримъ на искуснаго трагика, эффектно умерщвляющагося въ пятомъ актѣ *раз-*

дирательной трагедіи; что же касается до кнута, плетей и батоговъ, то на эти *ужасы* не обращали ужъ ровно никакого вниманія [1]). Кнутъ, плети и батоги—какъ уже замѣчено нами во второй статьѣ

---

[1]) Въ доброе старое время самыя лютыя истязанія мало того, что не производили никакого особеннаго, потрясающаго впечатлѣнія на зрителей, но даже самими истязуемыми переносились съ непонятнымъ, невѣроятнымъ для насъ терпѣніемъ и мужествомъ! Современники Петра Великаго оставили намъ по этому предмету нѣсколько въ высшей степени интересныхъ разсказовъ, и эти разсказы заставляютъ невольно согласиться съ мнѣніемъ, что *въ старинные годы люди были совсѣмъ не тѣ, что въ наши дни*... Глѣбовъ, напр., пытанный кнутомъ, раскаленнымъ желѣзомъ, горящими угольями, а потомъ на трое сутокъ привязанный къ столбу на доскѣ, убитой деревянными гвоздями, со всѣхъ этихъ пытокъ не сознался ни въ чемъ, не обвинилъ никого; посаженный же послѣ того на колъ въ третьемъ часу пополудни — умеръ только на другой день утромъ. (Донесеніе Плейера, Исторія царствованія Петра Великаго, соч. Н. Устрялова. Т. VI, с. 224). Кикинъ, колесованный медленно, съ промежутками, для усиленія его мученій, живъ былъ на колесѣ почти цѣлыя сутки (тамъ же). Нѣсколько подобныхъ разсказовъ находимъ мы и въ дневникѣ каммеръ-юнкера Берхгольца. Такъ, напр., Берхгольцъ разсказываетъ, что 2 октября 1722 года колесовано было трое дѣлателей фальшивой монеты. Они получили только по одному удару по каждой ногѣ и рукѣ и послѣ того были привязаны къ тремъ укрѣпленнымъ на щитахъ колесамъ. Одинъ изъ нихъ, старый и болѣзненный человѣкъ, умеръ въ тотъ же день; но два товарища его, люди еще молодые, совсѣмъ не походили на колесованныхъ: они вовсе не имѣли на лицахъ смертной блѣдности, а напротивъ были очень румяны и такъ весело на всѣхъ посматривали, какъ будто съ ними не случилось ровно ничего. «Но больше всего удивило меня то, говоритъ Берхгольцъ:—что одинъ изъ нихъ, хотя съ большимъ трудомъ, поднялъ однако свою раздробленную руку, висѣвшую между зубцами колеса (они только туловищемъ были привязаны къ колесамъ), отеръ себѣ рукавомъ носъ и опять сунулъ ее на прежнее мѣсто; мало того, запачкавъ нѣсколькими каплями крови колесо, на которомъ лежалъ лицемъ, онъ въ другой разъ, съ такимъ же усиліемъ, снова встащилъ ту же изувѣченную руку и рукавомъ обтеръ колесо.» (Дневникъ каммеръ-юнкера Берхгольца, ч. II, с. 282—284). Не менѣе терпѣнія, живучести и мужества обнаружили, по словамъ Берхгольца, два другихъ фальшивыхъ монетчика, казненныхъ 13 декабря 1722 года. Имъ влили въ горло растопленное олово и потомъ навязали ихъ на колеса. Одинъ изъ нихъ, которому олово прожгло шею насквозь, былъ живъ еще на другой день послѣ казни; другой, находясь на колесѣ, поставленномъ надъ землею немного выше человѣческаго роста, хваталъ еще рукою монету, привѣшенную къ колесу. (Тамъ же). Еще изумительнѣе фактъ сообщаемый тѣмъ же Берхгольцемъ о мужествѣ одного раскольника, сожженнаго живьемъ за то, что вышибъ палкой изъ рукъ архіерея, во время обѣдни, образъ и громко говорилъ, что почитаніе иконъ есть идолопоклонство, которое не слѣдуетъ терпѣть. Раскольника поставили на костеръ, сложенный изъ разныхъ горючихъ веществъ и желѣзными цѣпями привязали къ устроенному на немъ столбу съ поперечной на правой сторонѣ планкой, къ кото-

нашей—были необходимою принадлежностью русской жизни въ доброе старое время, ея характеристическимъ оттѣнкомъ, ея національнымъ букетомъ. Безъ кнута, плетей и батоговъ невозможно себѣ представить доброй старой Руси; а доброй старой Руси безъ кнута,

---

рой прикрѣпили его толстой желѣзной проволокой. Плотно обвивши потомъ насмоленнымъ холстомъ руку преступника вмѣстѣ съ палкой, служившей орудіемъ преступленія, зажгли сперва эту руку и дали одной ей горѣть до тѣхъ поръ, пока огонь не сталъ захватывать далѣе, и присутствовавшій при казни князь-кесарь Ромодановской не приказалъ поджечь костра. Во все это время раскольникъ не испустилъ ни одного крика; онъ совершенно спокойно глядѣлъ на свою горѣвшую руку (а горѣла она одна минутъ семь или восемь) и только тогда отвернулся въ другую сторону, когда дымъ сталъ ужъ очень ѣсть ему глаза и у него вспыхнули волосы. (Тамъ же).

Не менѣе характеристичный разсказъ о томъ, какъ выносили въ старину самыя жестокія муки, нашли мы у Корба въ его любопытномъ дневникѣ (Diarium itineris in Moscoviam etc., p. 207 et 208). Одинъ изъ стрѣльцовъ, принимавшій участіе въ заговорѣ, противъ Петра, вытерпѣлъ четыре самыхъ ужасныхъ пытки—и все-таки ни въ чемъ не сознался. Петръ, убѣдившись наконецъ въ безполезности истязаній, рѣшился прибѣгнуть къ другому средству. Онъ обласкалъ стрѣльца, поцѣловалъ его и сказалъ: «Я увѣренъ, что ты знаешь о покушеніи на мою жизнь. Ты наказанъ ужъ довольно; признайся же наконецъ въ своемъ участіи въ заговорѣ, признайся хоть изъ любви ко мнѣ, изъ любви, которую ты долженъ имѣть къ своему государю. Клянусь тебѣ Богомъ—по единой милости котораго я царь твой и государь—я не только прощу тебя, но еще, въ знакъ особеннаго моего благоволенія, пожалую тебя полковникомъ.» Царская ласка смягчила непоколебимаго стрѣльца. Съ него сняли оковы; онъ подошелъ къ царю, поцѣловалъ его и, сказавъ:» твоя милость для меня тяжелѣй всякой пытки»—сообщилъ ему все, что зналъ, о заговорѣ. Петръ не мало дивился тому, какъ это человѣкъ, упорно молчавшій при самыхъ жестокихъ истязаніяхъ, вдругъ совершенно перемѣнился отъ одного ласковаго слова; но тогда стрѣлецъ разсказалъ царю слѣдующее: нѣсколько человѣкъ ихъ составляли нѣкогда общество, въ которое принимали не иначе какъ испытавъ принимаемаго всевозможными истязаніями. Кто истязанія эти переносилъ легче, тому было больше почета и уваженія. Пытанный однажды принимался въ дѣлежъ всего имущества, дѣлившагося поровну; кто же желалъ большей доли и большаго значенія, тотъ долженъ былъ выдержать еще нѣсколько лишнихъ пытокъ и притомъ самыхъ лютыхъ. «Я выдержалъ десять пытокъ, говорилъ стрѣлецъ:—и былъ за то между своими набольшимъ. Кнутъ для меня ни почемъ; я не чувствую послѣ него никакой боли, и еслибъ я выдалъ своихъ товарищей—они придумали бы для меня истязанія несравненно сильнѣйшія. Таково, напр., прикладыванье къ ушамъ раскаленныхъ угольевъ или медленное капанье на выбритую голову самой холодной воды. Я, впрочемъ, переносилъ и это, и за это-то считался выше всѣхъ своихъ товарищей. Случалось, что желающіе вступить въ наше общество не выносили пробныхъ пытокъ. Такихъ, страшась измѣны, мы отравляли ядомъ, или убивали другими способами. Сколько мнѣ помнится, неспособныхъ вступить въ наше общество оказалось около

плетей и батоговъ невозможно было существовать. «Рабскій народъ рабско смірятіся и жестокостію власти воздержатіся въ повіновеніи любятъ. И яко же вси игры въ бояхъ и ранахъ у ніхъ (т. е. у Русскихъ) состоятся, тако бічевъ и плѣтей велікое у нихъ и частое есть употребленіе,» говоритъ Самуилъ Пуффендоръ [1]), и говоритъ сущую правду. Употребленіе *бічевъ и плѣтей* было у насъ, дѣйствительно, неимовѣрно *велікое и частое*, и трогательная прелесть этого *употребленія* была непосредственнымъ результатомъ милой патріархальности нашихъ старинныхъ отношеній, умилительнаго нашего смиренномудрія, кротости, терпѣнія, самодурства, непроходимаго невѣжества и тому подобныхъ свойствъ и качествъ, извѣстныхъ подъ названіемъ добродѣтелей и доблестей Россіянъ. Въ наше время побои преслѣдуются, какъ преступленіе, и даже освященныя закономъ тѣлесныя наказанія начинаютъ уже колебаться на своемъ вѣковомъ основаніи; въ доброе старое время побои проповѣдывались устами пасты-

---

четырехъ сотъ человѣкъ, и всѣ они нами отправлены на тотъ свѣтъ.» Такимъ образомъ этотъ стрѣлецъ вынесь десять самыхъ страшныхъ пытокъ: шесть отъ товарищей, да четыре отъ царя—и все-таки остался живъ. Петръ сдержалъ данное ему слово и пожаловалъ его въ полковники.

И много такихъ разсказовъ можно найти у разныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей, оставившихъ намъ свѣдѣнія о дѣлахъ и правахъ «давно минувшихъ дней.» Иностранцы въ особенности удивляются живучести и терпѣливости нашихъ соотечественниковъ и ихъ поразительному хладнокровію въ страшный *смертный часъ*. «Русскіе, кажется, вовсе не боятся смерти, говоритъ одинъ изъ этихъ иностранцевъ:—Примѣры этому можно видѣть здѣсь каждый день въ лицѣ осужденныхъ на смерть преступниковъ, которые идутъ на казнь, не обнаруживая ни малѣйшаго смущенія. Я видѣлъ самъ, какъ проводили нѣсколько такихъ преступниковъ съ кандалами на ногахъ, съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Проходя сквозь толпу, они кланялись народу съ словами: «прощайте, братцы!»—на что изъ народа отвѣчали имъ также: «прощайте!» Они преспокойно укладываютъ голову на плаху и умираютъ съ невыразимымъ мужествомъ» (Ettat présent de la grande Russie, par le capitaine Jean Perry. A la Haye. 1717. P. 226).

Читая разсказы Плейера, Берхгольца, Корба и др, невольно вѣришь всеобщимъ сѣтованіямъ о томъ, что родъ человѣческій замѣтно мельчаетъ и хилѣетъ; а съ симъ вмѣстѣ невольно приходишь къ убѣжденію, что съ людьми добраго стараго времени, дѣйствительно, слѣдовало обращаться совершенно иначе, чѣмъ съ нами.

[1]) Введеніе въ гісторію Европейскую чрезъ Самуила Пуфендорфія. На нѣмецкомъ языкѣ сложенное. Таже чрезъ Іоанна Фрідеріка Крамера на латінскій преложенное. Нынѣ же повелѣніемъ велікаго государя царя и велікаго князя Петра Перваго, всероссійскаго императора, на россійскій съ латінскаго преведенное. Въ Санктъпитербурхѣ. 1718. с. 407.

рей церкви, систематически поучавшихъ, какъ надлежитъ колотить женъ и дѣтей, слугъ и служанокъ, старыхъ и малыхъ, дабы «домъ свой по Бозѣ строить» и не дать душѣ своей погибнуть «въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ [1])». Въ наше время не всякій десятилѣтній мальчикъ перенесетъ спокойно и равнодушно десять ударовъ розогъ, хотя бы эти десять ударовъ были и самаго нѣжнаго свойства; въ доброе старое время двадцатилѣтній «Россіянинъ» ложился подъ батоги съ изумительнѣйшимъ самообладаніемъ, и если называлъ ихъ иногда *вещью нестерпимою*, то развѣ только съ точки зрѣнія философа Хомы Брута, т. е. когда батоги отпускались черезчуръ ужъ *въ большомъ количествѣ*. Въ наше время порядочная горничная не почтетъ за особенное счастіе супружеское сожительство съ человѣкомъ, имѣющимъ привычку *давать волю рукамъ;* въ доброе старое время русская женщина (всѣхъ сословій) говаривала: «кто кого любитъ, тотъ того лупитъ; коли мужъ не бьетъ, значитъ не любитъ,» —и, дѣйствительно,

---

[1]) Домострой, (гл. XXXIX, с. 69). Въ томъ же Домостроѣ находятся такого рода наставленія: «Воспитай дѣтище съ прещеніемъ и обрящеши о немъ покой и благословеніе. И не даждь ему власти въ юности, но сокруши ему ребра донележе растетъ, а ожесточавъ неповинетъ ти ся. Казни сына своего отъ юности его, и покоитъ тя на старость твою, и дастъ красоту души твоей. И не ослабляй бія младенца: аще бо жезломъ біеши его, не умретъ, но здравіе будетъ; ты бо бія его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти. Дщерь ли имаши: положи на нихъ грозу свою, соблюдеши я отъ тѣлесныхъ: да не посрамиши лица своего, да въ послушаніи ходитъ; да не свою волю пріимши сотворитъ тя знаемымъ твоимъ въ посмѣхъ и посрамитъ тя предъ множествомъ народа. Любя же сына своего, учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеселишися. Казни сына своего изъ млада, и порадуешися о немъ въ мужествѣ.» (гл. XVII, с. 34). Еще опредѣлительнѣе и прелестнѣе слѣдующее наставленіе Домостроя: «А только жены, или сына, или дщери, слово или наказаніе не имѣтъ, не слушаетъ, и не внимаетъ, и не боитца, и не творитъ того, какъ мужъ или отецъ, или мать учитъ,—ино плетью постегать, по винѣ смотря: а побить не передъ людьми, наединѣ; поучити да примолвити и пожаловати; а никакоже не гнѣватися ни женѣ на мужа, ни мужу на жену. А про всяку вину: по уху, ни по виденью не бити; ни подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ, ни посохомъ не колоть, ни какимъ желѣзнымъ или деревяннымъ не бить: кто съ сердца или съ кручины такъ бьетъ, многи притчи отъ того бываютъ: слѣпота и глухота, и руку и ногу вывихнутъ, и перстъ, и главоболіе, и зубная болѣзнь. А плетью, съ наказаніемъ, бережно бити: и разумно, и больно, и страшно, и здорово. А только велика вина и кручиновато дѣло, и за великое и за страшное ослушаніе и небреженіе—ино, соимя рубашку, плеткою вѣжливенько побить, за руки держа: по винѣ смотря, да поучивъ примолвити; а гнѣвъ бы не былъ; а люди бы того не видѣли и не слыхали; жалоба бы о томъ не была.» (гл. XXXIII, с. 67 и 68).

глубоко страдала, если мужъ ее не лупилъ.[1]) Въ наше время жестъ, *знаменующій* пощечину, перчатка, брошенная въ лице, почитаются оскорбленіемъ, требующимъ кроваваго удовлетворенія; въ доброе старое время народная мудрость гласила, что за всякимъ тычкомъ не

---

[1]) Не можемъ не привести здѣсь разсказа, превосходно характеризирующаго взглядъ русскихъ женщинъ добраго стараго времени на супружескую любовь. Одинъ итальянецъ женился на русской и жилъ съ нею нѣсколько лѣтъ мирно и согласно, никогда ее не бивши и не бранивши. Однажды она говоритъ ему: «За что ты меня не любишь?» — «Я люблю тебя,» отвѣчалъ мужъ и поцѣловалъ жену. —«Ты ни чѣмъ мнѣ не доказалъ своей любви,» сказала она.—«Чѣмъ же тебѣ доказать?» спросилъ онъ,—«Ты ни разу меня не билъ,» отвѣчала жена.—«Я этого не зналъ, сказалъ мужъ:—но если побои нужны, чтобъ доказать тебѣ мою любовь, то за этимъ дѣло не станетъ.» Скоро послѣ того онъ побилъ ее плетью и, дѣйствительно, замѣтилъ, что послѣ того жена стала къ нему любезнѣе и услужливѣе, чѣмъ прежде. Онъ побилъ ее въ другой разъ такъ, что она нѣсколько времени пролежала въ постелѣ, но однако не роптала и не жаловалась. Наконецъ въ третій разъ онъ поколотилъ ее дубиною такъ сильно, что она черезъ нѣсколько дней послѣ того умерла. Родные ея подали на мужа жалобу; но судьи, узнавши всѣ обстоятельства дѣла, сказали, что покойница сама виновата въ своей смерти. Мужъ не зналъ, что у русскихъ побои означаютъ любовь и хотѣлъ доказать, что любитъ сильнѣе, чѣмъ всѣ Русскіе: онъ не только изъ любви билъ жену, но и до смерти убилъ ее. (Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ, с. Н. Костомарова. Современникъ за 1860 г. № IV, с. 336). Отъ супружеской плетки и супружескихъ кулаковъ не должны были быть освобождаемы и русскія царицы, потому что, при вѣнчаніи, и ихъ поучали «какъ имъ жити: женѣ у мужа быти въ послушествѣ и другъ на друга не гнѣватися, развѣ нѣкія ради вины мужу поучити ея слегка жезломъ, занеже мужъ женѣ, яко глава на церквѣ.» (Котошихинъ, гл. I, II.) Много семейныхъ драмъ и трагедій разыгрывалось также въ слѣдствіе господствовавшаго на старой Руси обычая — свататься заочно и не видѣть въ лице будущей жены своей до совершенія брака. Случалось, напр., что кто нибудь сватался на дѣвушкѣ, зная ее только по имени, а она была «увѣчна очми, или рукою, или ногою, или чѣмъ нибудь худымъ, или глуха и нѣма.» Тогда родители показывали вмѣсто нея свахѣ или другую свою дочь, или «служащую дѣвку или вдову, назвавъ имянемъ инымъ и нарядя въ платье въ иное. А будетъ которая дѣвица ростомъ не велика, и подъ нее подставливаютъ стулы, потому что видится добродна, а на чемъ стоитъ—того не видѣть». Въ день брака, разумѣется, обманъ открывался, и тогда мужъ «умыслитъ надъ нею (женою) учинить, чтобъ она постриглась; а будетъ по доброй его волѣ не учинитъ, не пострижется, и онъ ее бьетъ и мучитъ всячески, и вмѣстѣ съ нею не спитъ, до тѣхъ мѣстъ, что она похочетъ постричися сама. А которой человѣкъ, видя свою жену увѣчную или несовѣстливу, отступя отъ нее, самъ пострижется, а иные мужья, или жены, много того чинятъ, велятъ отравами отравити.» (Котошихинъ, гл. XIII, стр. 10, 12)» Благоразумный читателю! восклицаетъ Котошихинъ, разсказавъ о милыхъ продѣлкахъ россій-

угоняешься, а за битаго двухъ небитыхъ даютъ,—и принципъ этотъ проводился въ жизни на всѣхъ ступеняхъ нашего общественнаго и частнаго быта. Словомъ, въ доброе старое время обращали вниманіе на одну физическую боль; нравственная же сторона тѣлеснаго наказанія или тѣлеснаго оскорбленія считалась ни во что, и князь М. М. Щербатовъ, говоря объ оригинальной привычкѣ Петра Великаго *исправлять* собственноручно проштрафившихся, совершенно справедливо замѣчаетъ слѣдующее:

«Сказалъ я о обвиненіи, что Петръ Великій, не разбирая ни роду, ни чиновъ, бивалъ приближающихъ къ нему. Не можетъ сіе въ нашихъ обычаяхъ, имъ же введенныхъ, не странно показаться, и многіе изъ насъ, конечно, восхотятъ скорѣе смертную казнь претерпѣть, нежели жить послѣ палокъ или плетей, хотя бы сіе наказаніе и священными руками, и подъ очами Божія помазанника было учинено. Всякой вѣкъ имѣетъ свои нравы, а вѣкъ тотъ, которой засталъ Петръ Великій и съ воспитанными въ коемъ людьми жилъ, былъ таковъ, что побои не инако, какъ по болѣзни почитали, не щитая ихъ себѣ въ безчестіе, хотя бы тѣ и кацкими руками (т. е. руками палача) были учинены. Колико находимъ мы въ Розрядныхъ книгахъ, что инаго, высѣкши плетьми, отсылали къ тому головою, съ кѣмъ мѣстничался, или инаго за какое неисполненіе приводили подъ висѣлицу и били чрезъ кацкія руки по щекамъ. Имянъ я ихъ не упоминаю, дабы не сдѣлать огорченія потомкамъ ихъ; но всѣ, которые хотя мало знаніе имѣютъ въ россійскихъ древностяхъ, въ истинѣ сей согласятся. А однако сіи тогда наказаніи не безчестили, и они по прежнему въ чины и должности употреблялись. То удивительно ли есть, что Петръ Великій, послѣдуя горячему своему обычаю, и когда съ таковаго воспитанія людьми, самъ воспитанію своему уступалъ? Они сами, претерпѣвшіе такія наказаніи, свидѣтели мнѣ суть, ибо мнѣ еще удалось многихъ изъ такихъ знать: былъ ли, хотя одинъ, которой бы за сіи побои пожаловался на Петра Великаго, или бы устыдился объ оныхъ сказать, или бы имѣлъ какое озлобленіе на него; но всѣхъ паче видѣлъ я исполненныхъ любовію къ нему и благодарностію; а сіе

скихъ родителей въ доброе старое время:—не удивляйся сему: истинная есть тому правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ московскомъ государствѣ; а такого у нихъ обычая не повелось, какъ въ иныхъ государствахъ, смотрити и уговариватися времянемъ съ невѣстою самому.»

и доказуетъ, что сей поступокъ не въ порокъ особѣ Петра Великаго должно приписать, но въ порокъ умоначертанію тогдашняго времени [1].»

То же самое, что князь Щербатовъ, говорятъ и иностранцы, писавшіе о Россіи и не мало дивившіеся способности «московитовъ» *почитать побои не инако, какъ по болѣзни* и, не краснѣя, показываться, послѣ батоговъ или кнута, въ какомъ угодно обществѣ. «Одной изъ причинъ, почему московиты не стыдятся нимало, совершая самыя скверныя продѣлки, пишетъ Перри: — можно предположить то, что, въ Россіи, люди, высѣченные батогами или кнутомъ—даже чрезъ палача—не почитаютъ этого нисколько безчестнымъ и нерѣдко впослѣдствіи достигаютъ самыхъ важныхъ и почетныхъ мѣстъ. Лишь бы были у нихъ деньги, на которыя можно купить такое мѣсто,—и они никогда не краснѣютъ отъ совершаемыхъ ими гадостей; когда же имъ напоминаютъ о полученномъ ими наказаніи, они съ важностью, имѣющею, повидимому, основаніемъ своимъ чувство набожности, отвѣчаютъ, что наказаніе приняли они за свои прегрѣшенія, прогнѣвавшія Бога и царя. А царь иногда ничего и не знаетъ объ ихъ скверныхъ продѣлкахъ [2].»

Разсказывая о томъ, какъ производилось наказаніе батогами, Перри замѣчаетъ, что при этомъ всегда наблюдалось слѣдующее: во 1-хъ, чтобы наказываемый, во все время экзекуціи, кричалъ: «виноватъ»; во 2-хъ, чтобы, по окончаніи экзекуціи, онъ поклонился въ ноги распоряжавшемуся наказаніемъ и поцѣловалъ у него руки и колѣни за то, что онъ не наказалъ его больнѣе [3]. Поклонникамъ нашей старины и это обыкновеніе, вѣроятно, покажется знаменующимъ добродѣтель и доблесть Россіянъ; но—говоря серьёзно—всѣ эти доблести и добродѣтели, равно какъ и всѣ вытекавшія изъ нихъ обыкновенія, требовали радикальной перекройки и передѣлки. Реформа была необходима, неизбѣжна; она носилась въ воздухѣ; она чуялась тамъ и сямъ въ робкихъ нововведеніяхъ и полумѣрахъ прежнихъ царей, и можно было впередъ сказать, что реформа будетъ крута, сурова и кровава...

---

[1]) Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра Великаго. Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ, 1860 г., ч. I, стр. 15 и 16.

[2]) Etat présent de la grande Russie, p. 208—212.

[3]) Ibid., p. 209.

И иной реформы не могло и быть при тѣхъ свойствахъ народа, при тѣхъ вѣрованiяхъ и обычаяхъ, при тѣхъ воззрѣнiяхъ и стремленiяхъ, понятiе о которыхъ старались мы дать нашимъ читателямъ всѣми предшествующими выписками, ссылками и разсказами. Много бы еще могли мы привести самыхъ *пикантныхъ* фактовъ въ пользу того мнѣнiя, что спертый и затхлый воздухъ до-петровской Руси положительно необходимо было освѣжить не русскаго устройства вентиляторами. Много бы еще могли мы сгруппировать самыхъ краснорѣчивыхъ аргументовъ, самымъ неопровержимымъ образомъ доказывающихъ необходимость петровской реформы; но во 1-хъ, мы полагаемъ, что и сказаннаго нами уже достаточно для того, чтобы нѣсколько разочаровать читателя въ невообразимой прелести нашего стариннаго быта; во 2-хъ, мы хотимъ говорить здѣсь вовсе не о необходимости петровской реформы (людей, еще сомнѣвающихся въ этой необходимости, мы можемъ лишь пожалѣть, посовѣтовавъ имъ обратиться къ хорошему врачу-психiатру, если только врачъ-психiатръ еще можетъ что нибудь для нихъ сдѣлать), а о томъ, что реформа эта едва-ли могла быть произведена иначе, какъ произвелъ ее Петръ Великiй. Говоря объ этомъ, мы не можемъ не обратиться еще разъ къ запискамъ Ивана Аѳанасьевича Желябужскаго, которыя должны послужить намъ однимъ изъ лучшихъ матерiаловъ въ подтвержденiе нашего мнѣнiя. Изъ выписки, сдѣланной нами изъ этихъ записокъ, читатель видѣлъ за что были биты кнутомъ и батогами, подымаемы на виску и пытаемы разными пытками всѣ эти князья Лобановы-Ростовскiе, Крапоткины, Ухтомскiе и Крупскiе, всѣ эти Шереметевы, Хвощинскiе, Языковы, Литвиновы, Дашковы, всѣ эти дворяне, стольники, полковники, дьяки, подъячiе и дьячьи сыновья,—словомъ, всѣ эти люди, принадлежавшiе, по большей части, или по рожденiю своему, или по общественному положенiю, къ числу аристократовъ, т. е. *лучшихъ* людей. Одинъ «своровалъ въ дѣлѣ: на порожнемъ столбцѣ составилъ было запись»; другой—тоже «въ дѣлѣ своровалъ: выскребъ и приписалъ своею рукою»; третiй—тоже «въ дѣлѣ своровалъ: въ записи написалъ заднимъ числомъ за пятнадцать лѣтъ»; четвертый—«дѣвку растлилъ»; пятый—«ѣздилъ на разбой, разбивать государевыхъ мужиковъ съ государевой казною»: разбивъ ихъ, отнялъ у нихъ казну и двухъ человѣкъ убилъ до смерти; шестой—подъячаго убилъ; седьмой—«на правежъ ставилъ своего человѣка вмѣсто отвѣтчикова»; восьмой—прiѣхалъ «середи бѣла дня къ посадскимъ мужикамъ, и домы ихъ грабилъ, и смертное убiй-

ство чинилъ, и назывался большимъ»; девятый — обманулъ Грека: «принесъ сто рублей мѣдныхъ денегъ вмѣсто серебряныхъ».

И били ихъ за это кнутомъ, и сѣкли ихъ батогами, и вздергивали ихъ на виску, — а они, послѣ того, какъ ни въ чемъ не бывало, съ багровыми спинами, но съ гордо-поднятыми головами, безстыдно показывали свои мѣдные лбы передъ добрыми людьми, съ достоинствомъ винились въ своихъ *прегрѣшеніяхъ, прогнѣвавшихъ Бога и государя,* униженно кланялись сильнымъ и знатнымъ, рабски подслуживались къ нимъ, снова выслуживались и вылѣзали на важныя и почетныя мѣста — и снова начинали *воровать въ дѣлахъ,* грабить и разбойничать, пока снова не попадались подъ кнутъ или подъ батоги, которые, уже разъ испробованные, въ другой разъ казались далеко не такъ страшны...

Какими же способами — спрашиваемъ мы, положа руку на сердце — можно было заставить этихъ людей исполнять свои обязанности добросовѣстно и честно, когда имъ недоступно было даже самое понятіе о чести? Какими внушеніями можно было подѣйствовать на нихъ, когда они самые *побои не инако, какъ по болѣзни почитали,* а болѣзнь ихъ медвѣжья натура ощущала только при баснословномъ количествѣ батоговъ и плетей? Какими мѣрами можно было прекратить или хоть нѣсколько ослабить весь этотъ административный и иной грабежъ, все это оффиціальное и неоффиціальное воровство и мошенничество, всѣ эти нахальные разбои въ глухую полночь и середи бѣла дня, по городамъ и по селамъ, по большимъ дорогамъ и по приказамъ? [1]) Что могло истребить безсмысленное суевѣріе и нераз-

[1]) О взяточничествѣ, столь роскошно процвѣтавшемъ въ судахъ до-петровской Руси, Котошихинъ сообщаетъ намъ слѣдующее: «Однако же хотя на такое дѣло положено наказаніе, и чинятъ о тѣхъ посулахъ крестное цѣлованіе съ жестокимъ проклинателствомъ, что посуловъ не имати и дѣлати въ правду, по царскому указу и по уложенію: ни во что ихъ (т. е. судей) вѣра и заклинателство, и наказанія не страшатся, отъ прелести очей своихъ, и мысли содержати не могутъ, и руки свои ко взятію скоро допущаютъ, хотя не сами собою, однако по задней лѣстницѣ чрезъ жену, или дочерь, или чрезъ сына, и брата, и человѣка, и не ставятъ того себѣ во взятые посулы, будто про то и не вѣдаютъ. Однако чрезъ такую ихъ прелесть приводитъ душа ихъ, злоиманіемъ, въ пучину огня негасимаго, и не токмо враждаютъ своими душами, но и царскою; взявъ посулы, облыгаютъ другихъ людей злыми словами, и не стыдятся того дѣлати потому: кто можетъ всегда приходити къ царю и видѣти часто отъ простыхъ людей?» (Гл. VII, 38). У него же можно найдти краткое, но весьма характеристичное свѣдѣніе о

дѣльное съ нимъ духовное отупѣніе, дикость понятій и дикость обычаевъ, грубость нравовъ и грубость быта?—Цивилизація? Но добродѣтельные Россіяне добраго стараго времени не брались и за букварь иначе, какъ изъ-подъ палки. Примѣръ иной, лучшей жизни иноземныхъ народовъ? Но Россіяне не шутя смотрѣли на иноземцевъ, какъ на проклятыхъ еретиковъ, отъ рожденія обреченныхъ геennѣ огненной, а себя весьма серьёзно почитали единственными въ цѣломъ мірѣ людьми, созданными по образу и подобію божію. Религія? Но религію Россіяне понимали какъ-то совершенно по-своему, видя ее исключительно въ постномъ маслѣ и кислой капустѣ по середамъ и пятницамъ, въ жертвоприношеніи грошевыхъ свѣчекъ любимымъ угодникамъ, да въ тщательномъ исполненіи разныхъ, полу-христіанскихъ, полу-языческихъ, обрядовъ — отъ поминовенія умершихъ гречневыми блинами въ родительскую субботу до безжалостнаго истребленія молодыхъ березокъ на Троицу и въ Духовъ день...

Словомъ, съ какимъ бы любовнымъ взглядомъ ни подступилъ изслѣдователь къ обозрѣнію доброй старой до-петровской Руси, — онъ наврядъ-ли сохранитъ этотъ взглядъ по окончаніи своей задачи, если

разбояхъ, бывавшихъ въ Москвѣ при погребеніи царей. «Горе тогда людемъ, будучимъ при томъ погребеніи, говоритъ Котошихинъ:—потому что погребеніе бываетъ въ ночи, а народу бываетъ многое множество, московскихъ и пріѣзжихъ изъ городовъ. А московскихъ людей натура небогобоязливая: съ мужеска полу и женска по улицамъ грабятъ платье и убиваютъ до смерти; и сыщется того дни, какъ бываютъ царю погребеніе, мертвыхъ людей, убитыхъ и зарѣзанныхъ, больши ста человѣкъ.» (Гл. I, 32).

О грабежахъ и разбояхъ, недававшихъ покоя московскимъ жителямъ, упоминаютъ и писавшіе о Россіи иностранцы. «Весь городъ наполненъ нищими и бродягами (говоритъ одинъ изъ этихъ иностранцевъ), которые лѣнятся работать и производятъ здѣсь такіе безпорядки, что выходить вечеромъ со двора одному очень небезопасно. Воры скрываются по угламъ улицъ, и когда завидятъ проходящаго—бросаютъ ему въ голову толстой палкой, называемой *дубиною*. Въ этомъ они такъ искусны, что очень рѣдко промахиваются и не убиваютъ своей жертвы на мѣстѣ. Самое опасное здѣсь время—масляница. На масляницу весь народъ пьянъ и точно въ какомъ-то безуміи. Такъ, напр., на масляницу, предшествовавшую моему прибытію въ Москву, найдено было на улицахъ шестьдесятъ труповъ убитыхъ людей, и я самъ, выѣзжая изъ Москвы, наткнулся на два трупа. Опасность удвоивается, и надобно уже быть очень осторожнымъ, когда царь уѣзжаетъ куда нибудь изъ города. Въ отсутствіе царя воры и разбойники становятся гораздо смѣлѣе, говоря: «Богъ высоко, государь далеко!» (Mémoires et anecdotes d'un ministre étranger résidant à Pétersbourg, concernant les principales actions de Pierre le Grand. A la Haye. 1737. P. 181 et 182)

*

только не захочетъ насиловать фактовъ и доказывать изумленному міру, что дважды два—три съ половиною. Суевѣріе, невѣжество, грубость, жестокость, насиліе, беззаконіе, лихоимство, неурядица, самоуправство во всѣхъ частяхъ управленія, отсутствіе торговли, промышленности, гражданственности, апатія, лѣнь, нетерпимость и нелѣпая гордость дикаря, непризнающаго ничего хорошаго у другихъ, нескладица вверху, нескладица внизу, нескладица по сторонамъ, нескладица въ головахъ—вотъ типическія черты русской жизни до Петра, вотъ печальная картина, открывающаяся взорамъ добросовѣстнаго изслѣдователя въ нашемъ «прекрасномъ далекѣ», картина, глядя на которую, съ грустью долженъ будетъ согласиться съ Самуиломъ Пуфендорфомъ, что «о нравахъ и о разумѣ народа россійскаго нічтоже воспоминати имѣемъ, еже бы съ велікою ихъ славою сопряженно было. Ніже бо Россіане тако суть устроенны и политичны яко же прочіи народы Европскіи. Въ писменахъ же столь неискусны суть, яко въ пісаніи и прочтеніи книгъ совершенство ученія полагаютъ. Паче же и самые священніцы толико суть грубы и всякаго ученія непричастны, яко токмо прочітовати едину и вторую божественнаго nісанія главу, или толкованіе Евангельское умѣютъ, больше же нічто же знаютъ. Зазорны же и невѣродержательны суть, свирѣпы и кровожаждущіе человѣцы, въ вещахъ благополучныхъ безчінно и нестерпимою гордостью возносятся; въ протівныхъ же вещахъ нізложеннаго ума и сокрушеннаго. Обаче сами о себѣ высоко мнящіи, ніже высокоуміе ихъ всякимъ, хотя и велікимъ почітаніемъ удоволітіся можетъ. Ко прибылѣ и ліхвѣ, хітростно собираемой, никій же народъ паче удобенъ есть. Рабскій народъ рабско смірятися и жестокостью власти воздержатіся въ повиновеніи любятъ. [1])»

Таково было положеніе народа, таково было состояніе общества, въ которомъ родился Петръ,—и тяжелыя, нерадостныя обстоятельства сопровождали его дѣтство и первую молодость. Эти обстоятель-

---

[1]) Введеніе въ гісторію Европейскую и проч. с. 407. Почти туже мысль высказываетъ и Котошихинъ въ слѣдующихъ краткихъ, но выразительныхъ словахъ: «Россійскаго государства люди породою своею спесивы и необычайные ко всякому дѣлу, понеже въ государствѣ своемъ наученія никакого добраго не имѣютъ и не пріемлютъ, кромѣ спесивства, и безстыдства, и ненависти, и неправды; и ненаученіемъ своимъ говорятъ многіе къ противности рѣчи, или скоростію своею къ подвижности, а потомъ въ тѣхъ своихъ словахъ времянемъ запрутся и превращаютъ на иные мысли.» (гл. IV, 24)

ства должны были, волею-неволею, закалить и ожесточить его душу. Эти обстоятельства должны были заставить его дѣйствовать именно такъ, какъ онъ впослѣдствіи дѣйствовалъ. Эти обстоятельства должны были неминуемо придать всѣмъ его дѣйствіямъ тотъ крутой, суровый характеръ, который людьми, одаренными прекраснымъ сердцемъ, но не вполнѣ соотвѣтствующею красотѣ сердца головою, почитается, несомнѣннымъ признакомъ врожденной лютости и кровожадности «великаго преобразователя нашего»...

Десятилѣтнимъ ребенкомъ Петръ былъ свидѣтелемъ событій, воспоминаніе о которыхъ не должно было изгладиться изъ его памяти цѣлую жизнь. Онъ былъ свидѣтелемъ одного изъ самыхъ ужасныхъ, одного изъ самыхъ кровавыхъ возстаній, на которыя только способна буйная, дикая, разнузданная и невѣжественная толпа; онъ былъ свидѣтелемъ одной изъ самыхъ яростныхъ вспышекъ давно таившейся злобы и ненависти,—вспышекъ, невозбуждающихъ въ зрителѣ никакого инаго чувства, кромѣ чувства ужаса и негодованія. Десятилѣтнимъ ребенкомъ Петръ столкнулся лицемъ къ лицу съ своимъ народомъ, и столкновеніе это должно было произвести на дѣтскую душу самое страшное, самое неблагопріятное впечатлѣніе. Ребенокъ—царь видѣлъ, какъ неистовствовали разъяренные стрѣльцы, какъ осаждали они царскій дворецъ, какъ взбирались на Красное крыльцо, какъ бродили по царскимъ покоямъ и сокровеннымъ теремамъ царицъ и царевенъ—пьяные, грозные, безчинные, съ засученными по локти рукавами, съ окровавленными руками и бердышами. Онъ видѣлъ, какъ въ страхѣ разбѣгались и прятались отъ нихъ бояре и царедворцы, какъ трепетала его мать и дяди, какъ полновластно, нагло и оскорбительно распоряжались стрѣльцы вездѣ, гдѣ только ни показывались. Онъ видѣлъ, какъ хватали они то того, то другаго изъ вельможъ, ругались надъ ними, мучили ихъ и вытаскивали на Красное крыльцо, крича радостными голосами волновавшейся на дворѣ толпѣ: «любо ли? любо-ли?»—«любо! любо!» гремѣла въ отвѣтъ толпа, и избитые, окровавленные вельможи стремглавъ летѣли съ крыльца на подставленныя копья. Онъ видѣлъ, какъ выволакивали потомъ обезображенные трупы убитыхъ на Красную площадь, съ насмѣшливыми криками: «ѣдетъ бояринъ, ѣдетъ думный! дайте дорогу!» Онъ видѣлъ, какъ разсѣкали эти трупы на части бердышами; онъ слышалъ, какъ немолчно гудѣлъ набатъ и грохотали барабаны, какъ грозно и единогласно требовали стрѣльцы выдачи царскаго дяди, Ивана Кирилловича Нарышкина, какъ объя-

вили они наконецъ, что не выйдутъ изъ Кремля и перебьютъ всѣхъ бояръ, если не получатъ требуемаго Нарышкина. Онъ видѣлъ, какъ убивалась его мать за милаго брата, какъ прятала его то туда, то сюда, какъ вдругъ вошла къ ней царевна Софія Алексѣевна и сурово сказала при всѣхъ находившихся тутъ боярахъ: «Брату твоему не отбыть отъ стрѣльцовъ. Не погибать же намъ всѣмъ за него.» Онъ видѣлъ, какъ пошла потомъ его убитая горемъ мать, вмѣстѣ съ суровой царевной, въ церковь Спаса за золотою рѣшеткою, какъ привели туда Ивана Кирилловича, какъ пріобщили его святыхъ таинъ, какъ въ эти страшныя минуты онъ былъ мужественъ и твердъ, какъ нѣжно утѣшалъ онъ плачущую сестру, говоря ей, что смерти не боится и желаетъ одного, чтобы его невинной кровью прекратилось кровопролитіе. Онъ видѣлъ, какъ взяла его мать изъ рукъ царевны образъ Богоматери, благословила имъ брата и, горько рыдая, упала на грудь его. Онъ видѣлъ, какъ, сопровождаемый царицею и царевною, съ святой иконою въ рукахъ, бодро вышелъ Иванъ Кирилловичъ изъ церкви; онъ слышалъ страшный, неистовый вопль, раздавшійся на дворѣ при появленіи Нарышкина; онъ видѣлъ, какъ настежъ распахнулись двери золотой рѣшетки, какъ бѣшено ринулись въ нихъ стрѣльцы, какъ вырвали они Ивана Кирилловича изъ объятій царицы и за волосы потащили его съ лѣстницы...

Петръ не могъ видѣть, какъ безчеловѣчно пытали несчастнаго въ Константиновскомъ застѣнкѣ,—но онъ, вѣрно, видѣлъ, какъ на Красной площади подняли дядю его, раздѣтаго до-нага, на копья и потомъ на мелкія части разсѣкли бердышами, а голову, руки и ноги воткнули на колья. Онъ видѣлъ послѣ того, какъ торжествовали стрѣльцы свою побѣду, какъ безцеремонно являлись они во дворецъ, нагло требовали себѣ наградъ и жалованья, оскорбляли бояръ и, пьяные, разгуливали съ своими стрѣльчихами по Кремлю и городу, крича, бранясь и распѣвая непристойныя пѣсни. Онъ видѣлъ, какъ все имъ покорялось, все передъ ними склонялось, все имъ уступало; онъ видѣлъ, какъ трепетала его мать при одномъ словѣ: «стрѣльцы,» какъ робѣли и терялись отъ страху бояре, какъ вездѣ господствовали смятеніе и неурядица—и какъ бодро и смѣло являлась передъ буйными толпами и объяснялась съ ними одна безстрашная сестра его, царевна Софія Алексѣевна, тайно подготовившая и устроившая всю эту кровавую трагедію...

Вслѣдъ за симъ дѣло дошло уже лично до Петра. Стрѣльцы изъ-

явили желаніе, чтобы Петръ и Іоаннъ царствовали вмѣстѣ, присовокупивъ, что «если кто тому воспротивится, они придутъ опять съ оружіемъ и будетъ мятежъ не малый.» Прекословить имъ никто не смѣлъ, и немедленно составленъ былъ соборъ, состоявшій изъ патріарха, властей и выборныхъ чиновъ отъ всѣхъ сословій. Соборъ опредѣлилъ: быть на престолѣ обоимъ братьямъ, послѣ чего патріархомъ торжественно совершено было въ Успенскомъ соборѣ благодарственное молебствіе съ возглашеніемъ многолѣтія благочестивѣйшимъ царямъ Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу. Братья-цари стояли въ соборѣ, на царскомъ мѣстѣ, рядомъ.

Все это было дѣломъ царевны Софіи Алексѣевны, и всѣмъ этимъ неутомимая царевна еще не ограничилась. По ея наущеніямъ и интригамъ, черезъ два дня послѣ благодарственнаго молебствія въ Успенскомъ соборѣ, стрѣльцы снова явились во дворецъ, прослышавъ будто бы о какихъ-то «смятеніяхъ въ государскихъ палатахъ,» проистекающихъ отъ распрей между царями. Смятенія и распри, разумѣется, были одною выдумкою изобрѣтательной Софіи Алексѣевны; но стрѣльцы, тѣмъ не менѣе, опредѣлили слѣдующее: «чтобы не было въ государскихъ палатахъ смятенія, сказали они:—да будетъ государь Іоаннъ Алексѣевичъ на своемъ отеческомъ престолѣ первымъ царемъ и учинитъ себѣ честь первенства, а Государь Петръ Алексѣевичъ вторымъ. Мы же, всѣхъ полковъ стрѣльцы и всѣхъ чиновъ люди, равно станемъ служить и прямить имъ». Больный «и скорбный главою» Іоаннъ Алексѣевичъ, вовсе недумавшій о власти, отвѣчалъ, что онъ первенства нежелаетъ,—«впрочемъ да будетъ воля Божія.»—«Въ томъ-то и воля Божія, сказали ему царевны-сестры:—выборные не собою говорятъ, но Богомъ наставляемы.»

Спорить съ стрѣльцами никто не смѣлъ, а потому вновь созванный соборъ опредѣлилъ: быть Іоанну Алексѣевичу первымъ царемъ, Петру Алексѣевичу вторымъ. Опредѣленіе это объявлено было стрѣльцамъ и всему народу, а за симъ снова совершено торжественное молебствіе въ Успенскомъ соборѣ «о усмиреніи и всякомъ благоденствіи въ россійскомъ государствѣ.» Петръ и Іоаннъ, принявъ поздравленіе духовенства, двора и всѣхъ чиновъ, изъявили стрѣльцамъ свою особенную царскую милость, жаловали ихъ къ рукѣ и угощали во дворцѣ по два полка ежедневно.

Но и этимъ не удовольствовалась еще царевна Софія Алексѣевна. Ей мало было того, что она всѣмъ распоряжалась и управляла тай-

комъ, изъ-за кулисъ: ей хотѣлось управлять и распоряжаться открыто, оффиціально, *de facto et de jure*. Клевреты ея хлопотали объ этомъ въ стрѣлецкихъ полкахъ неустанно, и хлопоты ихъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Черезъ два дня послѣ соборнаго опредѣленія, давшаго первенство Іоанну Алексѣевичу, стрѣльцы изъявили боярамъ желаніе, чтобы «правительство, ради юныхъ лѣтъ обоихъ государей, вручить сестрѣ ихъ.» Бояре, патріархи и сами цари обратились къ Софіѣ Алексѣевнѣ съ просьбами исполнить желаніе стрѣльцовъ. Софія Алексѣевна, съ неподражаемымъ сценическимъ талантомъ, долго не соглашалась принять на себя *бремя правленія*; бояре, патріархи и цари, побуждаемые страхомъ, долго ее объ этомъ просили — наконецъ упросили. Софія Алексѣевна дозволила докладывать себѣ о государственныхъ дѣлахъ; «для совершеннаго же во всемъ утвержденія и постоянной крѣпости», повелѣла во всѣхъ указахъ писать свое имя вмѣстѣ съ именами царей, съ титуломъ великой государыни, благовѣрной царевны и великой княжны Софіи Алексѣевны.

Первымъ дѣломъ великой государыни, благовѣрной царевны и великой княжны Софіи Алексѣевны было изъявленіе ея искреннѣйшей признательности стрѣльцамъ, столь дѣятельно способствовавшимъ устроенію ея благополучія. Жалованною грамматою, отъ имени царей, рѣзня, произведенная стрѣльцами, наименована была *побіеніемъ за домъ Пресвятыя Богородицы*, и въ честь этихъ новыхъ сподвижниковъ за Богородицу воздвигнутъ былъ на Красной площади, близь лобнаго мѣста, каменный столбъ, на которомъ прописаны были разныя вымышленныя преступленія несчастныхъ жертвъ кроваваго бунта; бунтовщиковъ же строжайше воспрещено называть бунтовщиками и измѣнниками. Кромѣ того, правительница даровала своей *надворной пѣхотѣ* (это названіе дано было ею стрѣльцамъ тотчасъ же послѣ мятежа) разныя льготы: прибавила жалованье, ограничила службу въ городахъ однимъ годомъ, простила недоимки, запретила полковникамъ употреблять стрѣльцовъ на свои работы и наказывать ихъ тѣлесно безъ царскаго разрѣшенія. Словомъ, надворная пѣхота была очень довольна правительницей, царевной Софіей Алексѣевной, а она въ свою очередь была очень довольна надворной пѣхотой.

Все это видѣлъ десятилѣтній Петръ, во всемъ, такъ или иначе, долженъ былъ принимать пассивное участіе, повинуясь волѣ крамольныхъ стрѣльцовъ и властолюбивой сестры, вертѣвшей братьями какъ ей было угодно. Онъ казался совершенно спокойнымъ среди ужасовъ

мятежа [1]); онъ, повидимому, съ готовностью и охотою исполнялъ всѣ требованія мятежниковъ; но преждевременно развитому, проницательному уму его было понятно очень многое, а видимое спокойствіе ребенка-царя—признакъ ранняго самообладанія и несокрушимо твердой воли—сулило въ будущемъ недобрые плоды.

Не прошло и мѣсяца послѣ рѣзни, учиненной въ Москвѣ стрѣльцами, и стрѣльцы снова явились героями новыхъ смутъ, и Петру снова довелось быть свидѣтелемъ событій, воспоминаніе о которыхъ не могло быть ни для кого пріятнымъ. Опять раздался необычный колокольный звонъ, опять заволновались передъ дворцемъ нестройныя толпы народа, и опять смятеніе и страхъ овладѣли сердцами бояръ и царедворцевъ. Слышалъ Петръ, по сторонамъ непонятныя рѣчи о требникахъ и служебникахъ, о семи и пяти просфорахъ, о крестахъ истинныхъ трисоставныхъ и крыжахъ латинскихъ двоечастныхъ, о старыхъ книгахъ и старой вѣрѣ. Видѣлъ онъ, вѣроятно, какъ тянулась черезъ Кремль странная процессія съ крестами, евангеліями, образами. Видѣлъ онъ, какъ у Краснаго крыльца разставляли аналои, покрывали ихъ пеленами, раскладывали на нихъ книги, зажигали свѣчи. Видѣлъ онъ, какъ толпами собирался къ этому мѣсту народъ, какъ взлѣзали на подмостки какіе-то дикаго вида люди и о чемъ-то съ жаромъ толковали, кривляясь и размахивая руками. Видѣлъ онъ, какъ вышелъ къ этимъ людямъ спасскій протопопъ, какъ чуть не убили его стрѣльцы, какъ брался народъ за каменья, какъ неистово, съ крикомъ, ринулась потомъ буйная толпа на Красное крыльцо и, встрѣтившись тутъ съ выходившими изъ грановитой палаты священниками, учинила драку, въ которой стрѣльцы крѣпко поколотили священниковъ. Слышалъ онъ, что въ грановитой палатѣ происходило шумное преніе о какомъ-то «премѣненіи церковномъ», что это преніе чуть не кончилось побоищемъ, и что сама правительница, царевна Софія Алексѣевна, была публично оскорблена бунтовщиками и принуждена была сойдти съ трона...

Слышалъ онъ также страшную вѣсть, что стрѣльцы снова соби-

---

[1]) Уже послѣ, лѣтъ черезъ 15 (т. е. послѣ стрѣлецкаго бунта), говоритъ г. Устряловъ:—разсказывали русскіе послы въ Голландіи одному миссіонеру, что среди убійствъ Петръ не обнаруживалъ ни малѣйшей перемѣны въ лицѣ. и своимъ безстрашіемъ изумилъ стрѣльцовъ». (Исторія царствованія Петра Великаго, т. I, с. 45).

раются идти въ Кремль съ барабанами, для убійствъ, говоря: «добромъ съ ними не раздѣлаешься; пора опять за собачьи шкуры приниматься...»

Все это, конечно, видѣлъ и слышалъ Петръ, и послѣдняя вѣсть, поразившая ужасомъ нетолько бояръ и царедворцевъ, но и самоё безстрашную правительницу, должна была произвести не очень-то пріятное впечатлѣніе и на десятилѣтняго ребенка-царя, уже имѣвшаго случай полюбоваться, какъ дѣйствуетъ его надворная пѣхота, когда примется за *собачьи шкуры*...

На этотъ разъ, впрочемъ, дѣло до шкуръ не дошло, и все кончилось однимъ страхомъ, да казнью главнаго дѣйствующаго лица въ диспутѣ о «премѣненіи церковномъ», разстриженнаго суздальскаго попа Никиты Пустосвята. Послѣ казни Никиты, стрѣльцы снова явились передъ дворцемъ и требовали головы многихъ бояръ, про которыхъ кто-то распустилъ слухъ, что они замышляютъ перевести стрѣлецкое войско. Бояре были въ ужасѣ; стрѣльцы бушевали двое сутокъ и успокоились только тогда, когда открытъ былъ настоящій виновникъ встревожившаго ихъ слуха. Слухъ этотъ распустилъ одинъ изъ татарскихъ князьковъ, Одышевскій царевичъ, злившійся на бояръ за скудость своего содержанія и за малую честь, которую оказывали ему въ Москвѣ. Злополучный царевичъ, въ угоду стрѣльцамъ, преданъ былъ пыткѣ, а потомъ четвертованъ.

Это, однакоже, умиротворило стрѣльцовъ очень не надолго, и они скоро снова зашумѣли по ложнымъ навѣтамъ другаго смутника, ярославца, посадскаго человѣка, поплатившагося тоже головою за свои сплетни. Не мало способствовалъ къ поддержанію мятежнаго духа въ надворной пѣхотѣ и самъ ея командиръ, князь Иванъ Андреевичъ Хованскій, другъ и главнѣйшій сообщникъ царевны Софіи Алексѣевны, съ которымъ, впрочемъ, она не замедлила разсчитаться далеко не по-дружески. Князь Иванъ Андреевичъ имѣлъ большое вліяніе на своихъ подчиненныхъ, и по первому слову его они готовы были идти на кого угодно. Разгоряченный однажды споромъ въ царской думѣ съ нѣкоторыми вельможами, неодобрявшими допущеннаго княземъ сбора съ дворцовыхъ волостей въ пользу стрѣлецкаго войска, Хованскій вышелъ къ стрѣльцамъ и сказалъ имъ: «Дѣти, знайте, что и мнѣ ужъ грозятъ бояре за то, что я желаю вамъ добра; и мнѣ стало дѣлать нечего. Какъ хотите, такъ и промышляйте». «Стрѣльцы же, говоритъ Сильвестръ Медвѣдевъ, оставившій намъ описаніе стрѣлецкаго

бунта:—паки оными князя Ивановыми словесами зѣло возмятошася, и гнѣвомъ кровожелательнымъ подвигошася, и совѣщашася съ нимъ, князь Ивановъ, ихъ царское величество всѣхъ въ домѣ ихъ царскомъ, и всѣхъ бояръ, и ближнихъ людей побити безъ остатку».

Правительство каждую минуту ожидало новаго мятежа и находилось въ постоянномъ страхѣ. Повинуясь этому страху, 19 августа (1682), въ праздникъ Донской Божіей Матери, царское семейство не рѣшилось участвовать, по обыкновенію, въ крестномъ ходѣ, въ Донской монастырь, а черезъ нѣсколько дней послѣ того удалилось въ село Коломенское. Бояре и придворные частію послѣдовали за царями, частію разъѣхались по своимъ деревнямъ, и кремлевскій дворецъ опустѣлъ. Москва, узнавъ про это, впала въ уныніе, чуя, что быть худу, быть бѣдамъ.

Въ Коломенскомъ, между тѣмъ, произошелъ страшный переполохъ. Вслѣдъ за прибытіемъ туда царскаго семейства, у дворцовыхъ воротъ нашли подметное письмо съ надписью: «вручить государынѣ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ». Писавшіе это письмо одинъ стрѣлецъ и два посадскихъ человѣка обвиняли князя Хованскаго и сына его Андрея въ намѣреніи учинить цареубійство и возмутить все государство. «Призывали они насъ къ себѣ въ домъ (писали доносчики) человѣкъ девять пѣхотнаго чина, да пять человѣкъ посадскихъ, и говорили, чтобъ помогали имъ доступити царства Московскаго, и чтобы мы научали свою братію вашъ царской корень известь, и чтобъ придти большимъ собраніемъ изневѣтъ въ городъ, и называть васъ, государей, еретическими дѣтьми, и убить васъ, государей, обоихъ, и царицу Наталію Кирилловну, и царевну Софію Алексѣевну, и патріарха, и властей; а на одной бы царевнѣ князю Андрею жениться, а достальныхъ бы царевенъ постричь и разослать въ дальніе монастыри; да бояръ побить: Одоевскихъ троихъ, Черкасскихъ двоихъ, Голицыныхъ троихъ, Ивана Михайловича Милославскаго, Шереметьевыхъ двоихъ, и иныхъ многихъ людей изъ бояръ, которые старой вѣры не любятъ, а новую заводятъ; а какъ то злое дѣло учинятъ, послать смущать во все Московское государство по городамъ и по деревнямъ, чтобъ въ городахъ посадскіе люди побили воеводъ и приказныхъ людей, а крестьянъ подучать, чтобъ побили бояръ своихъ и людей боярскихъ; а какъ государство замутится, и на Московское бы царство выбрали царемъ его,

князя Ивана, а патріарха и властей поставить, кого изберутъ народомъ, которые бы старыя книги любили [1])».

Письмо это произвело страшный эффектъ, и царское семейство, объятое ужасомъ, немедленно и поспѣшно уѣхало изъ Коломенскаго въ Савво-Сторожевскій монастырь, близь Звенигорода. Подметное письмо, очевидно, заключало въ себѣ доносъ вымышленный, ложный, «и тотъ ковъ видимо былъ сложенъ изъ природной политики боярина Милославскаго и сообщниковъ его», какъ говоритъ Матвѣевъ [2]); доносу этому едва ли вѣрила и сама правительница; но она, тѣмъ не менѣе, тотчасъ же разослала окружныя грамматы въ Москву, Владиміръ, Суздаль и другіе города, призывая «палатныхъ и всякихъ чиновъ ратныхъ людей» на защиту великихъ государей и ихъ царства. Въ этихъ грамматахъ царевна Софія Алексѣевна приписывала другу своему и согласнику князю Хованскому всѣ ужасы и неистовства, произведенные въ послѣднее время стрѣльцами, всю пролитую ими кровь, являясь такимъ образомъ сама чистою и непорочною, какъ голубица. Окружныя грамматы, написанныя краснорѣчиво и убѣдительно, произвели свое дѣйствіе: «палатные и всякаго чина ратные люди» поднялись отовсюду на защиту царей и царства; Хованскій же, по выраженію Андрея Артамоновича Матвѣева, «впалъ въ великое размышленіе».

Успокоенная и утѣшенная похвальною готовностью всякаго чина ратныхъ людей защищать царей и царство, правительница, для большей безопасности, рѣшилась переѣхать со всѣмъ царскимъ семействомъ изъ Савво-Сторожевскаго монастыря въ Троицко-Сергіевскую лавру, укрѣпленную гораздо надежнѣе. На этомъ пути, въ селѣ Воздвиженскомъ, царевна получила отъ князя Хованскаго письмо, въ которомъ князь, увѣдомляя ее о томъ, что въ Москву ѣдетъ сынъ малороссійскаго гетмана, спрашивалъ, какъ его принять. Это письмо тотчасъ же навело смѣтливую Софію Алексѣевну на великолѣпную мысль: она вознамѣрилась, воспользовавшись благопріятными обстоятельствами, выманить друга своего изъ Москвы, а выманивъ, распорядиться съ нимъ надлежащимъ образомъ. Задумано—сдѣлано: Софія Алексѣевна написала къ Хованскому очень милостивое письмо, хвалила его за вѣрную службу и ласково приглашала къ себѣ, для совѣщанія по малороссійскимъ дѣламъ.

---

[1]) Записки Сильвестра Медвѣдева, с. 42.

[2]) Записки Андрея Артамоновича графа Матвѣева, с. [illegible].

Князь Иванъ Андреевичъ хотя и «впалъ въ великое размышленіе», но, введенный, должно быть, въ заблужденіе ласковымъ письмомъ правительницы, поспѣшилъ исполнить ея волю. Съ небольшимъ количествомъ стрѣльцовъ выѣхалъ онъ изъ Москвы; а въ одно время съ нимъ, только другою дорогою, выѣхалъ и сынъ его Андрей Ивановичъ. Навстрѣчу имъ, между тѣмъ, высланъ былъ правительницею сильный отрядъ подъ начальствомъ боярина Лыкова. Верстахъ въ двадцати пяти отъ Москвы Хованскіе остановились и сдѣлали привалъ. Лыковъ, развѣдавъ, что свита князей очень невелика, внезапно окружилъ ихъ своими людьми, схватилъ безъ всякаго сопротивленія и отца, и сына, и подъ крѣпкимъ карауломъ привезъ ихъ въ село Воздвиженское.

Въ Воздвиженскомъ, на площади, уже готова была плаха, и ожидавшіе тутъ желанную добычу бояре тотчасъ же, безъ розыска и суда, произнесли обоимъ Хованскимъ смертный приговоръ, громогласно прочитанный дьякомъ при многочисленномъ стеченіи народа. Князь Иванъ Андреевичъ обвинялся въ своеволіи и превышеніи власти, въ растратѣ многой денежной казны къ отягощенію государства и народа, въ неправосудіи и жестокости, въ гордости и похвальбѣ, въ общеніи съ раскольниками, въ преслушаніи царскихъ указовъ, въ подущеніи стрѣльцовъ къ смутамъ,—словомъ, во множествѣ *воровскихъ и измѣнныхъ дѣлъ и злохитрыхъ замысловъ*. Князь Андрей Ивановичъ обвинялся... Богъ знаетъ въ чемъ. И тотъ, и другой хотѣли оправдываться, но ихъ и не думали слушать, «и хотя въ то время не прилучилося прямаго заплечнаго мастера, говоритъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ:—тотчасъ сыскавъ изъ стремяннаго полка стрѣльца, приказали ему немедленно тѣхъ князей Хованскихъ вершить, головы ихъ отсѣчь.»

И стрѣлецъ стремяннаго полка князей Хованскихъ вершилъ, головы имъ отсѣкъ. Казнь эта совершилась 17-го сентября, въ самый день тезоименитства правительницы, благовѣрной царевны Софіи Алексѣевны, которая, такимъ образомъ, сама себѣ поднесла въ день своего ангела весьма пріятный подарокъ...

Вѣсть о казни Хованскихъ и о сборѣ ратныхъ людей, стекающихся со всѣхъ сторонъ по царскому указу, произвела въ Москвѣ между стрѣльцами страшное волненіе. Они тотчасъ же ударили по всѣмъ слободамъ въ набатъ, схватили ружья, копья, разставили вездѣ крѣпкіе караулы, разобрали съ пушечнаго двора орудія и снаряды и заняли Кремль. Одни изъ нихъ говорили, что надобно *засѣсть*

Москву и тутъ защищаться; другіе хотѣли идти сами противъ ратныхъ людей и возмутить все государство. Шумной толпой пришли они въ Крестовую палату къ патріарху и требовали отъ него грамматъ въ украинскіе города, для того, чтобы служилые люди спѣшили къ нимъ на помощь. «Знай, говорили они патріарху:—если ты съ боярами мыслишь за-одно, убьемъ и тебя. Не пощадимъ никого.»

Патріархъ умолялъ бунтовщиковъ успокоиться и ожидать царскаго указа, старался дѣйствовать на нихъ то слезами, то убѣжденіями, и еле-еле успѣлъ удержать ихъ отъ какихъ нибудь безумныхъ поступковъ. Всю ночь толпились они въ Крестовой палатѣ, недоумѣвая, что предпринять. Одни кричали: «пойдемъ на бояръ;» другіе удерживали ихъ, говоря: «пождемъ еще.» По всему городу гудѣлъ набатъ и слышались дикіе, неистовые крики; вездѣ виднѣлись то яростныя, то испуганныя лица, и московскіе жители, вѣроятно, долго послѣ того вспоминали эту страшную сентябрьскую ночь...

На другой день, рано утромъ, прискакали въ столицу изъ Воздвиженскаго два стольника Зиновьевъ и Бахметевъ, съ царскими грамматами къ патріарху и къ надворной пѣхотѣ. Цари, извѣщая и патріарха, и надворную пѣхоту о причинахъ казни Хованскихъ, убѣждали стрѣльцовъ служить по обѣщанію, никакимъ прелестнымъ словамъ или лукавымъ письмамъ не вѣрить; опалы же и царскаго гнѣва не опасаться. Кажется, этого было достаточно; но и царскія грамматы не успокоили буйную надворную пѣхоту. Стрѣльцы все продолжали толпиться и шумѣть на улицахъ и, съ-часу-на-часъ ожидая прихода ратныхъ людей, укрѣпляли земляный городъ, выводили свои семейства изъ слободъ въ Кремль и Китай, забирали подъ караулъ всѣхъ, пріѣзжавшихъ въ Москву, безпрестанно стрѣляли изъ пушекъ и ружей и все еще не покидали намѣренія начать наступательныя дѣйствія, въ надеждѣ на то, что *ихъ* возьметъ.

Не видя, однакоже нигдѣ появленія непріятеля, бунтовщики нѣсколько успокоились и одумались, и объявили патріарху, что злыхъ умысловъ у нихъ никакихъ нѣтъ, что служить они готовы попрежнему, но что ихъ смущаетъ то обстоятельство, зачѣмъ цари-государи покинули Москву. «Цари-государи Москвы не покинули; они, просто, отбыли въ Троицкую лавру, потому что, сами вы знаете, въ это время издревле есть обычай творить въ лавру шествіе, къ памяти преподобнаго отца Сергія», отвѣчалъ патріархъ,—однакоже согласился дать знать царямъ о желаніи надворной пѣхоты, чтобъ ихъ царскія вели-

чества скорѣй возвратились въ столицу. Съ этой вѣстью отправленъ былъ въ Троицкую лавру архимандритъ Чудова монастыря, Адріанъ, съ стольникомъ Зиновьевымъ, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, должны были передать правительницѣ, чтобъ она береглась стрѣльцовъ, все еще помышляющихъ о походѣ на лавру, для избіенія бояръ.

Смиренная Троицкая обитель, между тѣмъ, приняла совершенно видъ грозной крѣпости, и ратные люди толпами стекались къ ней со всѣхъ сторонъ. Когда войска было уже достаточно, и опасаться стрѣльцовъ было нечего, великая государыня, благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна заговорила съ бунтовщиками посвоему и, въ отвѣтъ на ихъ требованіе о возвращеніи царей въ Москву, послала къ нимъ строгое повелѣніе, чтобы они «отъ смятетенія перестали, всполоховъ и страхованія въ Москвѣ не производили, за казнь Хованскихъ не вступались, потому что измѣна ихъ обнаружена розыскомъ и подлиннымъ свидѣтельствомъ; судъ же о милости и казни врученъ отъ Бога царямъ-государямъ; а стрѣльцамъ нетолько говорить, и мыслить о томъ не довелось». Патріарху же правительница повелѣла призвать стрѣльцовъ къ себѣ и объявить имъ, что, за мятежъ, царскаго гнѣва и опалы на нихъ нѣтъ и не будетъ,—только бы принесли они повинную и прислали въ лавру по двадцати человѣкъ лучшихъ людей отъ каждаго полка.

Повелѣніе это поразило мятежниковъ ужасомъ. Они полагали, что лучшихъ людей требуютъ у нихъ не на что иное, какъ на лютую казнь, а не исполнить воли правительницы не смѣли, слыша, что ратныхъ людей собралось у Троицкаго монастыря видимо-невидимо. Столько же робкіе и жалкіе среди неудачъ, сколько дерзкіе и нахальные въ минуты успѣха, стрѣльцы окончательно упали духомъ и, по словамъ очевидца (Медвѣдева), плакали какъ дѣти. Въ Москвѣ уже никто ихъ не боялся, а многіе въ глаза насмѣхались надъ ними и говорили имъ: «куда вамъ, мужикамъ, владѣть разумными людьми и указывать великимъ государямъ!» Потерявшіеся, уничтоженные стрѣльцы день и ночь толпились въ Крестовой палатѣ, умоляя о заступничествѣ того самаго патріарха, котораго еще такъ недавно грозились убить. Патріархъ успокоивалъ ихъ какъ могъ, и стрѣльцы рѣшились наконецъ отправить въ лавру требуемыхъ правительницею выборныхъ людей, но не иначе, какъ въ сопровожденіи знатнаго архіерея, который бы, въ случаѣ чего-либо, могъ ихъ защитить. Патріархъ отпустилъ съ выборными суздальскаго митрополита Иларіона.

Со страхомъ и трепетомъ покинули выборные Москву, а приблизившись къ Мытищамъ и вообразивъ, что тутъ ждетъ ихъ бояринъ Шеинъ съ войскомъ, для поимки и казни, струсили дотого, что чуть-было не вернулись назадъ. Страхъ ихъ еще усилился въ виду Воздвиженскаго, и оттуда нѣкоторые изъ стрѣльцовъ, дѣйствительно, вернулись въ Москву, разсказывая тамъ, что товарищи ихъ переказнены, что́, разумѣется, только усилило ужасъ въ полкахъ надворной пѣхоты.

Дѣло же ихъ обошлось очень благополучно. Правительница произнесла выборнымъ строгую рѣчь, въ которой слышались попеременно то гнѣвъ, то огорченіе. Выборные пали ницъ, во всемъ повинились и молили объ одной пощадѣ. За-симъ они подали письменную сказку, въ которой говорилось, что стрѣльцы служатъ, по примѣру отцовъ и дѣдовъ, безъизмѣнно; на царей и бояръ умысла у нихъ нѣтъ; а кто станетъ говорить на государей или ближнихъ людей злоумышленныя слова, тѣхъ будутъ приводить въ съѣзжія избы и держать до указу; побранныя пушки, порохъ и свинецъ у нихъ въ цѣлости; а которые полки назначены въ Кіевъ, тѣ на службу готовы. Похваливъ ихъ за это раскаяніе, правительница приказала имъ возвратиться въ Москву и объявить своимъ товарищамъ, что милосердые цари готовы ихъ простить, но только въ такомъ случаѣ, когда возстановится въ Москвѣ совершенное спокойствіе, захваченныя пушки съ снарядами возвращены будутъ на казенный дворъ, и всѣ полки надворной пѣхоты представятъ повинную челобитную за общею подписью. «Если же этого не исполните, сказала въ заключеніе царевна Софія Алексѣевна:—великіе государи пойдутъ на васъ съ безчисленнымъ воинствомъ, и тогда горе вамъ!»

Стрѣльцы на все согласились, и радость ихъ была безмѣрна. Получивъ, тоже черезъ выборныхъ, требуемую челобитную, правительница велѣла прочитать имъ статьи, на основаніи которыхъ даруется мятежникамъ царское нрощеніе, а потомъ приказала патріарху объявить это прощеніе всѣмъ полкамъ надворной пѣхоты съ приличнымъ торжествомъ. Патріархъ созвалъ стрѣльцовъ въ Успенскій соборъ, отслужилъ обѣдню, произнесъ приличное случаю назидательное слово, а засимъ прочиталъ милостивую царскую граммату и присланныя съ нею указныя статьи. Стрѣльцы выслушали ихъ внимательно, безропотно и на все изъявили полное согласіе. Послѣ того каждый полкъ подходилъ къ аналою, принималъ указныя статьи, клялся въ исполненіи ихъ надъ святымъ евангеліемъ, прикладывался къ рукѣ патріарха и ухо-

дилъ изъ церкви. Всѣ, повидимому, были совершенно довольны царскою милостью; а кто былъ доволенъ не совсѣмъ, тотъ, по крайней мѣрѣ, не смѣлъ ничѣмъ выразить своего неудовольствія. Словомъ, по пословицѣ, буйная надворная пѣхота оказалась блудливою какъ кошка и трусливою какъ заяцъ.

Москва понемногу успокоилась. Пересталъ гудѣть въ ней набатъ, перестали слышаться пушечные и ружейные выстрѣлы, и жизнь потекла въ столицѣ своей обычной чередой. Раскаявшіеся и утихшіе стрѣльцы не замедлили дать правительницѣ новое доказательство чистосердечнаго своего раскаянія: понимая, что каменный столбъ на Красной площади, сооруженный въ память перваго кроваваго бунта, не можетъ быть особенно пріятнымъ зрѣлищемъ для Софіи Алексѣевны, стрѣльцы (по тайному внушенію самой царевны) били челомъ о дозволеніи разломать этотъ столбъ, чтобы не было «отъ другихъ государствъ царствующему граду Москвѣ зазорно». Дозволеніе это дано было съ радостью, и позорный столбъ разрушенъ былъ до основанія, причемъ стрѣльцы разметали самый бутъ. Черезъ четыре дня послѣ этого, царское семейство вступило въ столицу, окруженное многочисленнымъ дворянствомъ, долженствовавшимъ, по волѣ правительницы, охранять царей-государей и весь царскій дворъ.

При видѣ этого вооруженнаго съ ногъ до головы дворянства, стрѣльцы смекнули, что имъ недурно было бы и еще чѣмъ-нибудь, кромѣ разрушенія позорнаго столба, выразить чистосердечность своего раскаянія. Съ этой цѣлью они отдали на волю государей и жалованныя грамматы свои, въ которыхъ произведенная ими рѣзня наименована была побіеніемъ за домъ Пресвятыя Богородицы, и правительница съ величайшимъ удовольствіемъ поспѣшила замѣнить эти грамматы другими, искусно придавъ совершенно иной видъ страшнымъ и гнуснымъ событіямъ. Съ прискорбіемъ упоминая объ этихъ событіяхъ, Софія Алексѣевна приписывала ихъ исключительно «злохитростному умышленію» князя Ивана Андреевича Хованскаго и сообщника его, раскольника Алексѣя Юдина. Торжественно оправдывая такимъ образомъ и самое себя, и надворную пѣхоту, правительница, именемъ государей, строго запретила называть стрѣльцовъ бунтовщиками и измѣнниками, но особенныхъ льготъ и милостей имъ не оказала, подтвердивъ только нѣкоторые прежніе по этому предмету указы. Вслѣдъ за симъ уничтожено было и самое названіе надворной пѣхоты, не могшее тоже

пробуждать особенно прiятныхъ и сладостныхъ воспоминанiй въ сердцѣ Софiи Алексѣевны...

Не разъ еще пытались и послѣ того искусившiеся въ прелестяхъ бунта стрѣльцы приниматься за прежнее; но правительница, уже разъ одолѣвъ мятежниковъ, безъ особеннаго труда подавляла всѣ ихъ попытки, при помощи новаго ихъ начальника, рѣшительнаго и твердаго думнаго дьяка Ѳедора Леонтьевича Шакловитаго, всею душею преданнаго интересамъ царевны. Такъ, напр., съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ по возвращенiи царей въ Москву, въ самый день Рождества Христова, нѣсколько стрѣльцовъ полка Павла Бохина пришли въ приказъ и нагло требовали перевода двухъ своихъ пятисотенныхъ. На слѣдующiй день взбунтовался весь полкъ, не желая выдавать одного изъ стрѣльцовъ, явнаго бунтовщика, Ивана Жаренаго. «Хоть насъ всѣхъ переказнятъ, Ивашки не выдадимъ!» кричали стрѣльцы; но Шакловитый, успѣвъ захватить и казнить пятерыхъ главныхъ зачинщиковъ, подавилъ мятежъ въ самомъ началѣ. Вслѣдъ за симъ онъ представилъ правительницѣ о необходимости принять болѣе рѣшительныя мѣры для водворенiя всеобщаго спокойствiя, именно-же совѣтовалъ: перебрать всѣ стрѣлецкiе полки, удалить изъ нихъ людей безпокойныхъ и неблагонадежныхъ, и оставить въ Москвѣ только тѣхъ, на которыхъ вполнѣ можно положиться. Правительница мѣру эту одобрила; неблагонадежные стрѣльцы переведены были на службу въ украинскiе города; мѣста ихъ заняли люди, преданные царевнѣ и Шакловитому, и спокойствiе, повидимому, утвердилось въ Москвѣ на самыхъ прочныхъ основанiяхъ.

Удаленiе изъ Москвы въ Коломенское, таинственное подметное письмо, извѣщавшее о намѣренiи бунтовщиковъ, «извести царскiй корень», убить царей, царицу, царевенъ, патрiарха, властей, возмутить весь народъ и «доступити царства Московскаго», бѣгство въ Савво-сторожевскiй монастырь, поспѣшный переѣздъ оттуда въ лавру, кровавая сцена въ Воздвиженскомъ, призывъ и сборъ ратныхъ людей, переговоры съ стрѣльцами, смуты и волненiя, непрекращавшiяся и послѣ усмиренiя мятежниковъ,—всѣ впечатлѣнiя этихъ событiй не легко должны были ложиться на сердце десятилѣтняго Петра, не веселыя мысли должны были порождать въ его дѣтской, но не дѣтски умной головѣ. Вѣчный мучительный страхъ—и за себя, и за близкихъ милыхъ людей, вѣчное томительное волненiе, вѣчная тоскливая тревога, вѣчное раздраженiе,—вотъ чувства, подъ влiянiемъ ко-

торыхъ прошелъ почти цѣлый годъ жизни ребенка-царя, и эти чувства не могли замереть въ немъ безслѣдно, не могли не сказаться впослѣдствіи при первомъ удобномъ случаѣ. Впечатлѣнія дѣтства и первой молодости глубоко и сильно западаютъ въ душу каждаго человѣка, отражаясь потомъ, болѣе или менѣе рѣзко, во всѣхъ его наклонностяхъ и поступкахъ; а въ своемъ дѣтствѣ и первой молодости Петръ былъ свидѣтелемъ не однихъ ужасовъ и тревогъ ознаменовавшихъ 1682 годъ. Не разъ еще и послѣ того была смущаема его бурная юность печальными, глубоко потрясавшими его событіями, и при каждомъ такомъ событіи, всегда и вездѣ красовались на первомъ планѣ крамольные стрѣльцы и властолюбивая, жестокосердная сестра, царевна Софія Алексѣевна...

Софія Алексѣевна, угомонивъ стрѣльцовъ, рѣшительно не хотѣла угомониться сама. Ее неотступно преслѣдовало желаніе *вѣнчаться на царство*, и, подстрекаемая этимъ страстнымъ желаніемъ, она ежеминутно была готова затѣять новый бунтъ, поведя этотъ бунтъ, разумѣется, такъ, чтобы жертвами его пали одни ненавистные, супротивные ей люди. Главнѣйшими сообщниками и дѣятельными пособниками царевны были: любимецъ ея, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, и Шакловитый. Голицыну Софія Алексѣевна признавалась во всемъ, повѣряла ему самыя сокровенныя свои тайны и не разъ, въ его присутствіи, подстрекала къ новому мятежу только-что усмиренныхъ ею же стрѣльцовъ; Шакловитый же безпрестанно твердилъ стрѣльцамъ о необходимости вѣнчать благовѣрную царевну на царство, подговаривая ихъ при этомъ къ избіенію преданныхъ Петру бояръ, къ умерщвленію царицы Наталіи Кирилловны, къ посягательству на жизнь самого Петра. Петръ былъ самымъ ненавистнымъ и супротивнымъ человѣкомъ для царевны и ея сторонниковъ, а потому на него и направлялись всѣ ихъ удары.

Первое явное посягательство Софіи Алексѣевны на царскую корону совершено было въ день заключенія мира съ Польшею, 26 апрѣля 1686 года. Въ этотъ день благовѣрная царевна торжественно наименовала себя, вмѣстѣ съ братьями, самодержицею всея Россіи, а дня черезъ три послѣ того изъ посольскаго приказа отправлены были уже во всѣ другія вѣдомства памяти съ новымъ титуломъ Софіи Алексѣевны, которымъ и стали величать ее во всѣхъ концахъ Россіи. Спорить съ новой *самодержицей*, имѣвшей въ рукахъ своихъ всю власть и силу, не могъ никто, и только одна царица Наталія Ки-

рилловна не въ состояніи была скрыть своего негодованія и съ огорченіемъ сказала теткамъ и сестрамъ Софіи: «Для чего учала она писаться съ великими государями обще? У насъ люди есть и того дѣла не покинутъ».

Неосторожныя слова Наталіи Кирилловны еще болѣе озлобили противъ нея и ея сына новую самодержицу, которая, съ этой самой минуты, обратила особенное свое вниманіе на преображенскій дворецъ, гдѣ обитали ненавистные ей братъ и мачиха. За ними велѣно было строго наблюдать; ихъ немногочисленныхъ доброжелателей и приверженцевъ преслѣдовали самымъ жестокимъ образомъ, а при случаѣ даже пытали, и пыталъ ихъ всегда самъ Шакловитый, собственноручно, въ Марьиной рощѣ. Шакловитый вообще былъ поклонникомъ мѣръ крутыхъ, рѣшительныхъ и не разъ говаривалъ Софіи Алексѣевнѣ, видя ея неудовольствіе на мачиху: «чѣмъ тебѣ, государыня, не быть, лучше царицу известь.» На ту же мысль наводилъ царевну и князь Василій Васильевичъ Голицынъ. «Для чего и прежде съ братьями ее не уходили? сказалъ онъ однажды:—ничего бы теперь не было».

А Петръ, между тѣмъ, необращая, повидимому, никакого вниманія на замыслы ковы и явную неприязнь къ себѣ сестры, занимался въ Преображенскомъ ученьемъ и играми,—тѣми играми, которыя дали впослѣдствіи Россіи европейски–организованную, побѣдоносную армію и невиданный дотолѣ на русскихъ моряхъ флотъ. Молодой царь, съ толпою разнаго званія сверстниковъ, формировалъ потѣшныя роты, дѣлалъ ученья, маневры, устроивалъ земляныя крѣпости и бралъ ихъ штурмомъ. Софія Алексѣевна сначала смотрѣла довольно равнодушно на забавы своего брата, съ презрѣніемъ называя Петра и его товарищей озорниками и конюхами; но когда число озорниковъ и конюховъ стало замѣтно возрастать со–дня–на–день, когда изъ потѣшныхъ ротъ вышли уже два солдатскихъ полка, Преображенскій и Семеновскій, когда съ земляныхъ укрѣпленій, воздвигнутыхъ озорниками и конюхами, грянулъ громъ пушечныхъ выстрѣловъ—*самодержица* пришла въ ужасъ и поняла, что потѣхи брата могутъ кончиться не совсѣмъ–то потѣшно. Петру въ то время шелъ уже пятнадцатый годъ, а по виду казалось гораздо больше.

Перепуганная царевна тотчасъ же поспѣшила внушить стрѣльцамъ, что ей грозитъ бѣда, и для этого прибѣгла къ испытанной уже ею и прежде недостойной мѣрѣ: къ подметному письму. Въ письмѣ этомъ, найденномъ на Лубянкѣ и принесенномъ къ Шакловитому стрѣлец-

кимъ пятисотеннымъ Елизарьевымъ, говорилось, что въ Казанскомъ соборѣ, за иконою Богоматери, хранится другое письмо, которое укажетъ, что́ дѣлать. За иконою Богоматери нашли, дѣйствительно, цѣлую тетрадь, заключавшую въ себѣ разныя непристойныя рѣчи про царевну и кончавшуюся воззваніемъ перебить всѣхъ бояръ, къ которымъ царевна милостива. Получивъ это извѣстіе, Софія Алексѣевна, съ свойственнымъ ей искуствомъ, притворилась ужасно испуганною и велѣла передать стрѣльцамъ, чтобъ они не выдали ее и брата ея, царя Іоанна Алексѣевича, «если откуда нибудь случится замѣшаніе». Стрѣльцы обѣщались не выдавать.

Обезпеченная съ этой стороны, Софія Алексѣевна устремила всѣ свои помыслы къ тому, чтобъ исполнить наконецъ завѣтное свое желаніе—вѣнчаться на царство. И въ этомъ дѣлѣ, разумѣется, необходима была помощь стрѣльцовъ, а потому, въ августѣ 1687 года, царевна обратилась прямо къ Шакловитому, прося его содѣйствія. «Провѣдай у стрѣльцовъ, какая будетъ отъ нихъ отповѣдь, еслибы я вздумала вѣнчаться царскимъ вѣнцомъ», сказала она, и Шакловитый съ охотою взялся за это дѣло. Въ случаѣ согласія стрѣльцовъ, Софія Алексѣевна хотѣла возложить на себя корону 1 сентября 1687 года, въ день новолѣтія.

Надежды ея, однакоже, были обмануты. Стрѣльцы далеко неединодушно изъявили готовность содѣйствовать благовѣрной царевнѣ, и въ полкахъ обнаружились въ высшей степени непріятныя для Софіи разномысліе и нерѣшительность. «Дѣло-то царственное, великое, говорило большинство стрѣльцовъ:—не челобитьемъ, а слезами намъ молить Бога, чтобы Господь сотворилъ по своей святой волѣ».—«Не было бы намъ какой бѣды, потому что о томъ люди многіе вѣдаютъ», говорили другіе, и только не многіе обнаруживали рѣшительную готовность помогать царевнѣ какими-угодно средствами.

О намѣреніяхъ Софіи Алексѣевны, между тѣмъ, дѣйствительно провѣдали «люди многіе», а въ томъ числѣ Наталія Кирилловна и патріархъ. Наталія Кирилловна громко изъявляла свое негодованіе; патріархъ вторилъ ей со всею ревностью человѣка, которому, въ случаѣ успѣха противной партіи, грозила потеря мѣста. Тогда царевна призвала къ себѣ ночью человѣкъ десять самыхъ надежныхъ стрѣльцовъ и сказала имъ: «зачинаетъ царица бунтъ съ братьями и съ княземъ Борисомъ Голицынымъ; да и патріархъ на меня посягаетъ. Чѣмъ бы ему уговаривать, а онъ только мутитъ».—«Для чего бы князя Бориса

и Льва Нарышкина *не принять*? отвѣчалъ на это Шакловитый:—можно бы *принять* и царицу. Извѣстно тебѣ, государыня, каковъ ея родъ и какова въ Смоленскѣ была: въ лаптяхъ ходила».—«Жаль мнѣ ихъ, возразила Софія Алексѣевна:—и безъ того ихъ Богъ убилъ». «Воля твоя, государыня, сказали въ заключеніе стрѣльцы:—что изволишь, то и дѣлай».

И стрѣльцы разошлись по домамъ, и рѣшительнаго все-таки ничего не воспослѣдовало. Цѣлыхъ два года послѣ того интриговали и мутили еще царевна и ея достойный сподвижникъ, старалсь всячески вооружить стрѣльцовъ противъ Петра и его матери, подстрекая ихъ къ мятежу соблазномъ грабежа, возбуждая въ нихъ злобу нелѣпыми выдумками, клеветами, обольщеніями и угрозами, заканчивавшимися всегда такого рода припѣвомъ Шакловитаго: «Всѣхъ насъ, говорилъ онъ своимъ подчиненнымъ, хотятъ перевести. Меня думаютъ высадить изъ приказа, а васъ разослать по городамъ. Царевну же Левъ Нарышкинъ и князь Борисъ Голицынъ называютъ дѣвкою и хотятъ выгнать. Безъ нея мы всѣ пропадемъ. А всѣмъ мутитъ царица».

Словомъ, царицу и ея сына старались всячески выставить самыми злыми врагами нетолько стрѣльцовъ, но и всего русскаго народа, и Шакловитый съ своими клевретами *не избирали выраженій*, говоря о Наталіѣ Кирилловнѣ и Петрѣ. Наталію Кирилловну называли они не иначе, какъ медвѣдицею; Петра прославили горькимъ пьяницею. «Его съ ума споили», говорили они, повторяя въ этомъ случаѣ слова царевны Софіи Алексѣевны:—«смотрите: наша государыня непрестанно Бога молитъ, а тамъ (т. е. въ Преображенскомъ) только на органахъ и на скрипицахъ играютъ».

Но стрѣльцы все-таки не поднимались!.. Не поднялись они даже и тогда, когда, для озлобленія ихъ, придумано было средство, которое, безспорно, дѣлаетъ великую честь изобрѣтательности Софіи Алексѣевны и Ѳедора Леонтьевича Шакловитаго, но едва-ли можетъ привлечь къ нимъ симпатію потомства. Средство это заключалось въ слѣдующемъ:

Въ іюлѣ 1688 года, одинъ изъ самыхъ близкихъ повѣренныхъ царевны, подъячій приказа Большой Казны, Матвѣй Шошинъ, нарядившись въ бѣлый атласный кафтанъ и боярскую шляпу, ѣздилъ по ночамъ на борзомъ конѣ по Земляному городу, сопровождаемый переряженными же стрѣлецкими капитанами Сапоговыми и рядовыми Тумою

и Вологдинымъ, и, представляя изъ себя боярина Льва Кирилловича Нарышкина, до-полусмерти билъ караульныхъ стрѣльцовъ при Мясницкихъ и Покровскихъ воротахъ, приговаривая: «Заплачу я вамъ за смерть братьевъ моихъ! Не то еще вамъ будетъ!» — «Полно бить, Левъ Кирилловичъ, говорили въ это время сообщники Шошина: — и такъ ужъ умретъ». Избитые, изувѣченные стрѣльцы приходили на другой день въ свой приказъ съ жалобами. Шакловитый самъ осматривалъ ихъ раны, показывалъ ихъ всѣмъ приходившимъ людямъ, давалъ стрѣльцамъ лекарства изъ царской аптеки, и съ притворнымъ сожалѣніемъ говорилъ: «да, будутъ и васъ таскать за ноги», намекая этими словами на то, какъ въ 1682 году выволакивали стрѣльцы на Красную площадь трупы Матвѣева и Нарышкиныхъ ([1]).

Не разъ и прямо подстрекалъ стрѣльцовъ Шакловитый на убійство Петра и его матери; не разъ, напримѣръ, подговаривалъ вышеупомянутаго Сапогова (сознавшагося въ этомъ впослѣдствіи при розыскѣ): «какъ пойдетъ царь Петръ въ походъ, бросить на пути ручныя гранаты, или украдкою положить ихъ въ потѣшныя сани, или зажечь ночью нѣсколько дворовъ въ Преображенскомъ, и во время смятенія умертвить государя [2])»; но судьба заботливо охраняла будущаго преобразователя Россіи, и всѣ злобы враговъ и ненавистниковъ его не привели ни къ чему...

И вотъ Петръ достигъ совершеннолѣтія, женился, готовился быть отцомъ и, болѣе, чѣмъ когда либо, чувствуя нестерпимый гнетъ беззаконной сестриной опеки, рѣшился, такъ или иначе, положить этому конецъ. Онъ и прежде уже вступался иногда въ нѣкоторыя правительственныя дѣла и не разъ негодовалъ на вмѣшательство въ нихъ сестры; но Софія не уступала ему ни шагу и всегда готова была прибѣгнуть къ какому-угодно средству, лишь бы удержать за собою власть. Теперь семнадцатилѣтній Петръ вознамѣрился дѣйствовать смѣлѣе и откровеннѣе, а Софія рѣшилась отвѣчать ему тѣмъ же...

Первое явное столкновеніе между братомъ и сестрой произошло 8 іюля 1689 года, въ день Казанской Божіей Матери. Въ этотъ день, по обычаю, существовавшему со временъ царя Михаила Ѳеодоровича, долженъ былъ быть крестный ходъ изъ Кремля въ Казанскій соборъ

---

[1]) Извѣтъ Сапоговыхъ, подтвержденный сознаніемъ самого Шошина и Шакловитаго. Исторія царствованія Петра Великаго, соч. Устрялова, т. II, с. 43.

[2]) Тамъ же, с. 46.

на Красную площадь. Петръ сказалъ сестрѣ, чтобы она въ ходъ не ходила; Софія Алексѣевна не послушалась, взяла образъ и торжественно понесла его въ процессіи. Петръ вспыхнулъ, не пошелъ за крестнымъ ходомъ и уѣхалъ изъ Москвы.

Возвращеніе изъ втораго крымскаго похода любимца царевны Софіи Алексѣевны, князя Василія Васильевича Голицына, еще болѣе усилило вражду между братомъ и сестрой. Петръ не соглашался на награды, назначенныя царевной Голицыну и другимъ бывшимъ съ нимъ въ походѣ воеводамъ, за ихъ мнимые подвиги и побѣды; изъявивъ же потомъ на это, по усильнымъ просьбамъ сестры, свое согласіе, не хотѣлъ видѣть ни Голицына, ни товарищей его, когда они явились въ Преображенское благодарить царя за царскую милость. Этотъ ударъ попалъ прямо въ любящее сердце царевны, и она въ тотъ же день, послѣ всенощной въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, собравъ вокругъ себя стрѣльцовъ, горько жаловалась имъ на царицу Наталію Кирилловну, всегда такимъ образомъ отвѣчавшую за сына, нападать на котораго прямо было не совсѣмъ ловко. «И такъ была бѣда, говорила Софія Алексѣевна,—да Богъ сохранилъ, а нынѣ опять бѣду зачинаетъ. Годны ли мы вамъ? Буде годны, вы за насъ стойте; а буде не годны, мы оставимъ государство».—«Воля ваша, отвѣчали стрѣльцы. Мы повелѣніе твое исполнять готовы. Что́ велишь дѣлать, то и станемъ».—«Ждите повѣстки», сказала царевна.

И Шакловитый съ своими клевретами снова неутомимо началъ распускать разныя клеветы и басни, всячески подстрекая стрѣльцовъ къ мятежу и кровопролитію. Дѣятельнѣйшимъ помощникомъ его въ этомъ дѣлѣ былъ приставъ Жукова полка, Алексѣй Стрижевъ. Стрижевъ не разъ угощалъ обѣдомъ пятисотенныхъ и пятидесятниковъ и настойчиво твердилъ имъ, что «государынѣ-царевнѣ смерть приходитъ: хотятъ ее убить; а безъ нея стрѣльцамъ будетъ худо». Пятисотенные и пятидесятники говорили, что надобно просить государей отъ имени всѣхъ полковъ о розыскѣ. «Такъ пойдетъ въ слухъ и въ стачки, возражалъ на это Стрижевъ: злодѣи царевны извѣстны; для-чего бы ихъ и не *принять*, если укажетъ государыня?»

Слухи о всѣхъ этихъ каверзахъ, грозившихъ самыми страшными послѣдствіями, дошли и до Петра. Петръ потребовалъ Стрижева въ Преображенское, но Шакловитый не далъ его. Тогда государь прика-

залъ арестовать самого Шакловитаго, но продержалъ его, однакоже, подъ карауломъ очень недолго.

Тѣмъ не менѣе, этотъ рѣшительный поступокъ Петра чрезвычайно испугалъ и встревожилъ Софію Алексѣевну. Она тотчасъ же пригласила къ себѣ во дворецъ нѣсколько наиболѣе *надежныхъ* стрѣльцовъ и сказала имъ: «долголь намъ терпѣть? Ужъ житья нашего не стало отъ Бориса Голицына, да отъ Льва Нарышкина. Царя Петра они съ ума споили; брата Іоанна ставятъ ни во что; комнату его дровами закидали. Меня называютъ дѣвкою, какъ будто я и не дочь царя Алексѣя Михайловича. Князю Василью Васильевичу хотятъ голову отрубить, а онъ добра много сдѣлалъ: Польскій миръ учинилъ; съ Дону выдачи бѣглыхъ не было, а его промысломъ и съ Дону выдаютъ. Радѣла я о всячинѣ, а они все изъ рукъ тащатъ. Можноль на васъ надѣяться? Надобны ль мы вамъ? А буде не надобны, мы пойдемъ себѣ съ братомъ гдѣ кельи искать».

И не разъ еще послѣ того собирала къ себѣ по ночамъ царевна стрѣльцовъ, наговаривала имъ на Петра и его мать, старалась озлобить стрѣльцовъ и вывести ихъ изъ себя разными выдумками, а напрощаньи давала имъ всегда рублей по двадцати пяти на человѣка. Клевреты же ея, между тѣмъ, распускали по Москвѣ слухъ о томъ, что «потѣшные конюхи» имѣютъ намѣреніе въ скоромъ времени напасть на кремлевскій дворецъ. Слуху этому, разумѣется, очень многіе вѣрили, и московскіе жители въ особенности волновались 6 августа, въ праздникъ Преображенія Господня, ожидая, почему-то, именно въ этотъ день какого-нибудь кроваваго событія. 6 августа, однакоже, прошло благополучно; а на слѣдующій день царевна Софія Алексѣевна рѣшилась наконецъ приступить къ исполненію давно задуманнаго дѣла, долженствовавшему освободить ее и отъ мачихи, и отъ брата, и отъ всѣхъ супротивныхъ людей...

7 августа, утромъ, царевна объявила, что пойдетъ, по обѣщанію, пѣшкомъ въ Донской монастырь и велѣла Шакловитому нарядить за нею, для безопасности, побольше стрѣльцовъ, объясняя это тѣмъ, что какъ ходила она нѣсколько дней тому назадъ въ Дѣвичій монастырь, то на Дѣвичьемъ полѣ, въ глазахъ ея, какіе-то неизвѣстные люди зарѣзали отставнаго конюха. Черезъ часъ послѣ того во дворцѣ заговорили, что въ Верху, въ царскихъ покояхъ, найдено подметное письмо, извѣщающее о намѣреніи потѣшныхъ конюховъ напасть, въ ночь на 8 августа, на дворецъ, для избіенія царя Іоанна Алексѣевича и всѣхъ

его сестеръ. То же извѣстіе передалъ подъ вечеръ стрѣлецкимъ приставамъ Шакловитый, приказавъ имъ собрать въ Кремль по сту человѣкъ изъ полковъ Стремяннаго, Рязанова, Жукова и Ефимьева, съ заряженными ружьями. Триста стремянныхъ стрѣльцовъ, сверхъ того, велѣлъ Шакловитый вывести на Лубянку, послѣ чего отправилъ верхами къ селу Преображенскому трехъ деньщиковъ своихъ, долженствовавшихъ слѣдить и дать знать въ надлежащее время—«куда пойдетъ царь Петръ».

Стрѣльцамъ различно объясняли причину ихъ внезапнаго сбора. Однимъ говорили, что ихъ наряжаютъ для сопровожденія царевны въ Донской монастырь; другимъ сказали, что они собраны для того, чтобы *построщать въ Преображенскомъ*; третьихъ увѣряли, что ночью въ Кремль непремѣнно будутъ потѣшные конюхи, «для какой-нибудь хитрости», и что необходимо, стало быть, защищать государя-царя Іоанна Алексѣевича и благовѣрную царевну Софію Алексѣевну. Настоящею же цѣлію сбора стрѣльцовъ было рѣшительное намѣреніе Софіи напасть на Преображенское и повершить дѣло *смотря по обстоятельствамъ*. Это знали лишь не многіе изъ стрѣльцовъ; не многіе этому и сочувствовали, и только человѣкъ пять, не болѣе, съ нетерпѣніемъ дожидались сигнала къ грабежу и кровопролитію. На первомъ планѣ тутъ стояли пятидесятники Никита Гладкій и Кузьма Чермный. Гладкій привязалъ уже веревку къ Спасскому набатному колоколу и заранѣе хвастался передъ товарищами, какъ онъ будетъ грабить патріаршую казну, и какъ перепугаетъ патріарха своимъ звѣрскимъ голосомъ; Кузьма Чермный твердилъ всѣмъ и каждому: «хотя всѣхъ уходимъ, а корня не выведемъ, пока не убьемъ медвѣдицы, старой царицы», и на возраженіе, что за мать заступится сынъ—съ злобой отвѣчалъ: «чего спускать и ему? Зачѣмъ стало?»

Замыслы царевны, однакоже, не удались. Нѣсколько стрѣльцовъ, «вспомнивъ Бога», рѣшились спасти царя Петра и извѣстить его обо всемъ, затѣваемомъ его недругами. Когда двое изъ этихъ стрѣльцовъ прибыли въ Преображенское, было уже около полуночи. Въ Преображенскомъ все было тихо и спокойно; Петръ спалъ крѣпкимъ сномъ, и никто изъ его «конюховъ» даже и не помышлялъ о нападеніи на Кремль. Государя немедленно разбудили, и стрѣльцы разсказали ему обо всемъ, что происходитъ въ Москвѣ, назвавъ при этомъ и главныхъ лицъ, «умышлявшихъ смертное убійство на великаго государя и на государыню царицу».

Внезапно пробужденный, пораженный разсказомъ стрѣльцовъ и страшно имъ перепуганный, Петръ, какъ былъ, въ одной рубашкѣ, босой, вскочилъ съ постели, бросился на конюшню, вскочилъ на лошадь и ускакалъ въ ближайшій лѣсъ. Туда принесли ему платье; онъ кое-какъ одѣлся, и стремглавъ понесся въ Троицкую лавру. Въ пять часовъ сдѣлалъ онъ шестьдесятъ верстъ, и въ шестомъ часу утра прискакалъ въ лавру, изнеможенный, разбитый, внѣ себя. Его почти-что безъ чувствъ сняли съ лошади, на рукахъ внесли въ монастырь и уложили въ постель. Съ слезами, съ рыданіями разсказалъ взволнованный царь настоятелю лавры о злодѣйскихъ замыслахъ царевны и стрѣльцовъ, и просилъ защиты. Вслѣдъ за Петромъ прибыла въ лавру перепуганная мать его съ его беременною женою; за ними явились бояре, придворные, потѣшные и стрѣльцы Сухарева полка.

Это событіе измѣнило рѣшительно весь ходъ дѣлъ. Узнавъ о бѣгствѣ младшаго царя, московскіе жители пришли въ ужасъ, а приверженцы Петра со всѣхъ сторонъ бросились въ лавру. Туда явился весь Сухаревскій полкъ, а капралъ потѣшныхъ, Лука Хабаровъ, успѣлъ скрытно, лѣсами, провезти въ монастырь пушки, мортиры и боевые снаряды. Смиренная обитель опять, какъ нѣкогда, въ 1682 году, приняла грозный видъ вооруженной крѣпости, и Петръ, чувствуя себя въ безопасности, сталъ дѣйствовать смѣло и рѣшительно, съ твердымъ намѣреніемъ уничтожить разомъ всѣ козни и пакости своихъ враговъ.

Бѣгство Петра и послѣдовавшія за нимъ событія болѣе всѣхъ, разумѣется, поразили царевну Софію Алексѣевну. Она поняла, что теперь дѣло ея плоховато, — и дѣло ея было, дѣйствительно, очень плоховато. Присутствіе духа и тутъ еще, впрочемъ, не вдругъ покинуло характерную и находчивую царевну: она все еще пробовала бороться съ братомъ, хитрила, грозила, подстрекала стрѣльцовъ къ бунту, пыталась дѣйствовать то насиліемъ, то кротостью и ласкою, съ неподражаемымъ искуствомъ разыгрывала роль несчастной жертвы и невинно оклеветанной добродѣтели; наконецъ рѣшилась отправиться лично въ лавру — мириться съ Петромъ. Для Софіи Алексѣевны не мыслима была жизнь безъ власти и могущества, и ради этихъ неоцѣненныхъ благъ она готова была на все.

Но и поѣздка въ лавру не привела царевну ни къ чему. Въ десяти верстахъ отъ монастыря, въ селѣ Воздвиженскомъ, полномъ не-совсѣмъ-то пріятными для Софіи Алексѣевны воспоминаніями о казни

Хованскихъ, остановилъ царевну комнатный стольникъ Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ и объявилъ ей волю государя, чтобы она «въ монастырь не ходила». «Конечно, пойду», отвѣчала на это Софія Алексѣевна; но, вслѣдъ за Бутурлинымъ, прибылъ изъ лавры бояринъ князь Троекуровъ и возвѣстилъ благовѣрной царевнѣ, что если она, не внимая царскому указу, явится въ монастырь, то съ нею «поступлено будетъ нечестно».

Задыхаясь отъ бѣшенства, вернулась Софія въ Москву и, тотчасъ же созвавъ къ себѣ въ Верхъ наиболѣе преданныхъ ей стрѣльцовъ, горько жаловалась имъ на брата и его приверженцевъ, украшая, по обыкновенію, свои жалобы разнообразными изобрѣтеніями своей пылкой творческой фантазіи. «Чуть меня не застрѣлили, говорила царевна: —Въ Воздвиженскомъ прискакали на меня многіе люди съ самопалами и луками. Я насилу ушла и поспѣла къ Москвѣ въ пять часовъ. Затѣваютъ Нарышкины съ Лопухиными извести царя Іоанна Алексѣевича; и до моей головы доходитъ. Соберу полки и буду имъ говорить сама. Вы послужите намъ и къ Троицѣ не уходите. Я вамъ вѣрю. Кому и вѣрить, какъ не вамъ, старымъ? Пожалуй, и вы побѣжите? Цѣлуйте лучше крестъ.» За симъ она привела сама стрѣльцовъ къ присягѣ и въ заключеніе сказала имъ: «А если побѣжите, — животворящій крестъ васъ не допуститъ. Письма же, какія будутъ изъ похода, у съѣзжихъ избъ не читать, а приносить въ Верхъ».

Но уже всѣ эти отчаянныя уловки, всѣ эти каверзы и хитрости были напрасны. Законныя требованія, законныя распоряженія Петра одерживали явно верхъ, и царевнѣ Софіѣ Алексѣевнѣ оставалось только ожидать болѣе или менѣе непріятной развязки такъ долго и дотолѣ такъ успѣшно игранной ею траги-комедіи. Число ея партизановъ и приверженцовъ замѣтно рѣдѣло, а число партизановъ и приверженцевъ ненавистнаго брата замѣтно прибывало. Стрѣльцы толпами передавались въ Преображенское; передались вслѣдъ за ними и служилые иноземцы, подъ начальствомъ генерала Гордона; а въ заключеніе—взятъ былъ наконецъ и Шакловитый. Шакловитый, преданный пыткѣ, разсказалъ обо всемъ, что затѣвалось противъ младшаго царя, и результатомъ его показаній было письмо Петра къ Іоанну, письмо рѣшившее участь Софіи. Сообщивъ вкратцѣ брату въ этомъ письмѣ о преступныхъ замыслахъ сестры, Петръ заканчивалъ свое посланіе такими словами: «А теперь, государь - братецъ, настоитъ

время нашимъ обоимъ особамъ Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, понеже пришли есми въ мѣру возраста своего; а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей, съ нашими двѣмя мужескими особами въ титлахъ и въ расправѣ дѣлъ быти не изволяемъ; на то бъ и твоя бъ, государя моего брата, воля склонилася, потому что учала она въ дѣла вступать и въ титлахъ писаться собою безъ нашего изволенія; къ тому же еще и царскимъ вѣнцомъ, для конечной нашей обиды, хотѣла вѣнчаться. Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ, тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ! Тебѣ же, государю–брату, объявляю и прошу: поволь, государь, мнѣ отеческимъ своимъ изволеніемъ, для лучшія пользы нашей и для народнаго успокоенія, не обсылаясь къ тебѣ, государю, учинить по приказамъ правдивыхъ судей, а неприличныхъ перемѣнить, чтобъ тѣмъ государство наше успокоить и обрадовать вскорѣ. А какъ, государь–братецъ, случимся вмѣстѣ, и тогда поставимъ все по мѣрѣ; а я тебя, государя–брата, яко отца, почитать готовъ. А о иномъ къ тебѣ, государю, приказано словесно донести вѣрному нашему боярину, князю Петру Ивановичу Прозоровскому. И противъ сего моего писанія и словеснаго приказу учинить мнѣ отповѣдь. Писавый въ печалѣхъ братъ вашъ царь Петръ здравія вашего желаю и челомъ бью [1])».

«Скорбный главою» Іоаннъ во всемъ согласился съ братомъ, и вслѣдъ за письмомъ Петра вышелъ царскій указъ, повелѣвавшій исключить имя Софіи Алексѣевны изъ всѣхъ актовъ, въ которыхъ оно дотолѣ писалось вмѣстѣ съ именами государей. Послѣ того, царевну попросили оставить кремлевскій дворецъ и переселиться въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ ей отведены были хорошо убранныя кельи, назначены большая прислуга и все необходимое для комфортабельной жизни. Шакловитый и двое главнѣйшихъ сообщниковъ его, изъ стрѣльцовъ, были казнены; князь Василій Васильевичъ Голицынъ сосланъ въ ссылку [2]).

---

[1]) Исторія царствованія Петра Великаго, соч. Устрялова, т. II, с. 73 и 79.

[2]) Въ дѣлѣ Голицына и Шакловитаго Петръ обнаружилъ свойства, далеко не похожія на тѣ, которыя стараются придать ему его обличители и порицатели. Голицынъ не былъ подвергнутъ розыску, не взирая на всѣ старанія о томъ его враговъ; а Шакловитаго пытали только одинъ разъ. Многіе дворяне убѣдительно просили царя приказать пытать Шакловитаго въ другой разъ, всенародно, на площади, для открытія всѣхъ его сообщниковъ; но Петръ

Прошло восемь лѣтъ. Петръ былъ за границей, высматривая и изучая тамъ все, что могло быть полезнымъ для начинавшей уже перерождаться Россіи,—и вотъ вдругъ, какъ громъ, поражаетъ его извѣстіе, что на Москвѣ опять тревога; что поднимаются опять стрѣльцы, и уже цѣлыми полками; что опять мутитъ и строитъ ковы властолюбивая, злорадная сестра. Дѣло, вообще, было не шуточное...

Царевна Софія Алексѣевна рѣшительно не могла угомониться въ спокойныхъ, комфортабельныхъ, но все-таки напоминавшихъ ей тюрьму кельяхъ Новодѣвичьяго монастыря. Ее томило воспоминаніе о тѣхъ прекрасныхъ, золотыхъ дняхъ, когда предъ нею, какъ предъ *самодержицею всея Россіи*, все склонялось, трепетало и покорствовало; ее душила злоба къ ненавистному брату, лишившему ея обѣтованной власти, и она зорко присматривалась ко всему, происходившему по сторонамъ, питая твердое намѣреніе, при первомъ же удобномъ случаѣ, выйдти снова на сцену, и возлагая, какъ и прежде, все свое упованіе на *вѣрныхъ* стрѣльцовъ...

Надежды ея въ этомъ отношеніи были весьма основательны. Стрѣльцы были очень недовольны новыми порядками и новымъ царемъ и съ величайшею непріязнью смотрѣли на все, что онъ ни дѣлалъ. Петръ требовалъ отъ нихъ настоящей солдатской службы, знанія дѣла, дѣятельности, дисциплины; а избалованные стрѣльцы привыкли служить кое-какъ, привыкли къ распущенности, къ разгулу, къ своеволію, къ теплымъ избамъ, къ жирнымъ щамъ, къ промысламъ и къ торговлѣ,—словомъ, къ образу жизни, вовсе непохожему на солдатскій. Петръ не щадилъ за Россію и собственной жизни; а стрѣльцы, во время осады Азова, не разъ постыдно бѣгали изъ траншей при непріятельскихъ вылазкахъ; въ рѣшительныя же минуты медленно и не охотно двигались впередъ вслѣдъ за солдатами. Преимущество послѣднихъ бросалось въ глаза Петру на каждомъ шагу, во всемъ и вездѣ, и онъ, разумѣется, не могъ не обнаруживать своего явнаго предпочтенія полкамъ новаго устройства, полкамъ «иноземнаго строя»; а стрѣльцы приписывали это слѣпой, предосудительной любви государя ко всему *бусурманскому*, злобились на него, роптали, проклинали

объявилъ челобитчикамъ, чтобы они не въ свое дѣло не мѣшались, и что показанія Шакловитаго достаточно обнаружили виновныхъ. Равнымъ образомъ онъ не хотѣлъ предавать смертной казни ни Шакловитаго, ни его сообщниковъ, и согласился на это лишь по настоянію патріарха.

всѣ его нововведенія и затѣи и говорили, что «царь къ стрѣльцамъ немилосердъ и началъ вѣровать въ Нѣмцевъ.»

Царь, дѣйствительно, вѣровалъ въ Нѣмцевъ и не вѣровалъ въ стрѣльцовъ, потому что иначе и поступать не слѣдовало. Благоразумное недовѣріе Петра къ стрѣльцамъ выразилось передъ отъѣздомъ его за границу тѣмъ, что онъ не рѣшился оставить ихъ безъ себя въ Москвѣ, весьма основательно опасаясь за безопасность столицы. Кромѣ того, ему необходимо было сосредоточить значительныя силы на границахъ: на югѣ, противъ Турокъ и Татаръ; на западѣ, противъ Польши. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, шесть стрѣлецкихъ полковъ, изъ числа девяти, бывшихъ въ азовскомъ походѣ, отправлены были съ бояриномъ Шеинымъ къ устьямъ Дона; остальные три, вмѣстѣ съ другими полками, не ходившими подъ Азовъ, назначены частью въ Бѣлгородъ, частью въ Сѣвскъ и Брянскъ; зимовавшіе же въ Азовѣ четыре полка: Козлова, Черпаго, Чубарова и Гундертмарка, по смѣнѣ ихъ полками Шеина, приказано было перевести на литовскую границу, въ Великія Луки, для подкрѣпленія арміи князя Михаила Григорьевича Ромодановскаго. Въ Москвѣ, такимъ образомъ, остались однѣ стрѣльчихи съ стрѣльчатами.

Стрѣльцы были чрезвычайно какъ недовольны этими распоряженіями и громко роптали и на царя, и на бояръ, и въ особенности, на Нѣмцевъ, считая ихъ главными виновниками «всенароднаго отягощенія.» Сильнѣй другихъ роптали четыре полка, назначенные на литовскую границу; но до весны 1698 года этотъ ропотъ былъ единственнымъ выраженіемъ ихъ неудовольствія. Весной же 1698 года дѣло приняло иной оборотъ, и въ Москвѣ внезапно явились бѣглецы изъ всѣхъ четырехъ полковъ, въ числѣ 175 человѣкъ. Бѣглецы эти объявили, что ушли изъ полковъ «отъ безкормицы», жаловались на разныя притѣсненія, а за симъ объявили рѣшительно, что до просухи на службу не пойдутъ. Начальникъ стрѣлецкаго приказа, князь Троекуровъ, думалъ было подѣйствовать на бунтовщиковъ строгими выговорами и угрозами; но стрѣльцы не обращали на слова своего начальника ни малѣйшаго вниманія, говорили съ нимъ «невѣжливо», кричали, буянили и выпровожены были изъ Москвы только силою, послѣ упорнаго сопротивленія. Стрѣльцы завели съ высланными противъ нихъ семеновскими солдатами и помогавшими солдатамъ посадскими людьми отчаянную драку, отбивались ножами и призывали народъ къ бунту. Ихъ все-таки осилили; но кратковременное пребы-

ваніе ихъ въ Москвѣ имѣло самыя важныя послѣдствія. Стрѣльцы приходили въ столицу вовсе не «отъ безкормицы,» какъ говорили боярамъ—правителямъ и князю Троекурову: они являлись звать на царство царевну Софію Алексѣевну, которой и успѣли передать черезъ одну стрѣльчиху «челобитную о стрѣлецкихъ нуждахъ.» Обрадованная царевна отвѣчала на это возмутительнымъ воззваніемъ къ стрѣльцамъ на Великія Луки, доставленнымъ по назначенію тоже черезъ стрѣльчиху. Воззваніе это было такого рода:

«Вѣстно мнѣ учинилось (писала Софія Алексѣевна), что вашихъ полковъ приходило къ Москвѣ малое число, и вамъ бы быть въ Москвѣ всѣмъ четыремъ полкамъ, и стать подъ Дѣвичьимъ монастыремъ таборомъ, и бить челомъ мнѣ идти къ Москвѣ противъ прежняго на державство. А если бы солдаты, кои стоятъ у монастыря, къ Москвѣ отпускать не стали, и съ ними бы управиться, ихъ побить и къ Москвѣ быть; а ктобъ не сталъ пускать съ людьми своими или съ солдаты, и вамъ бы чинить съ ними бой. [1])»

Кромѣ этого, для скорѣйшаго возбужденія стрѣльцовъ къ бунту, распущенъ былъ между ними, стараніями той же благовѣрной царевны Софіи Алексѣевны, слухъ, что «государя за моремъ не стало», а царевича чуть было не извели бояре. «Въ то число, какъ было бояре хотѣли государя царевича удушить (въ такихъ словахъ передавали стрѣльцамъ нелѣпую клевету), его подмѣнили, и платье его на другаго надѣли, и царица узнала, что не царевичь; а царевича сыскали въ иной комнатѣ. И бояре ее, царицу, по щекамъ били.» Въ заключеніе всего, Софія Алексѣевна послала на имя пятидесятниковъ и десятниковъ всѣхъ четырехъ полковъ, стоявшихъ на литовской границѣ, еще другое письмо, которое вручено было стрѣлецкимъ бѣглецамъ уже на пути ихъ въ Великія Луки, въ 40 верстахъ отъ Москвы, стрѣльчихою Еремеевою. Въ письмѣ этомъ коротко и ясно говорилось: «Нынѣ вамъ худо, а впредь будетъ еще хуже. Идите къ Москвѣ. Чего вы стали? Про государя ничего не слышно.»

Словомъ, царевна Софія Алексѣевна распорядилась, по обыкновенію своему, молодцомъ, и съ замираніемъ сердца ожидала результатовъ своихъ убѣдительныхъ воззваній. Результаты обнаружиться не замедлили.

Стрѣлецкіе бѣглецы, вернувшись въ Великія Луки, повсюду раз-

---

[1]) Исторія царствованія Петра Великаго, соч. Устрялова, т. III, с. 159.

несли вѣсть о смерти государя и о намѣреніи бояръ удушить царевича. Полки заволновались, и стрѣльцы въ одинъ голосъ заговорили о томъ, чтобъ идти къ Москвѣ, перебить бояръ, разорить нѣмецкую слободу, перерѣзать Нѣмцевъ и разграбить всѣ богатые домы. «Наживемъ же мы по шапкѣ денегъ», кричали они, съ восторгомъ помышляя о предстоявшемъ грабежѣ; но дѣйствительно подпялись къ Москвѣ не прежде іюня 1698 года. 2 іюня пришло повелѣніе изъ Розряда: полчанъ Новгородскаго полка, пѣшихъ и конныхъ, распустить; боярину и воеводѣ (князю Ромодановскому) быть въ Москву, а стрѣлецкимъ полкамъ стоять до указу: одному въ Вязьмѣ, другому въ Бѣлой, третьему въ Ржевѣ-Володиміровой, четвертому въ Дорогобужѣ. Стрѣльцовъ же, бѣгавшихъ въ Москву, велѣно было, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, сослать въ ссылку, на вѣчное житье.

Объявивъ по полкамъ, гдѣ кому назначено быть, князь Ромодановскій потребовалъ къ розрядному шатру осужденныхъ на ссылку бѣглецовъ, для того, чтобъ отдать ихъ присланному изъ Москвы дворянину Григорію Микулину. Они явились по требованію, но Микулину не дались, стали драться дубьемъ и дрекольемъ и, столпившись передъ дворомъ своего полковника, кричали: для чего не читаетъ имъ бояринъ царскаго указа? Указъ былъ прочитанъ. Въ концѣ этого указа говорилось, что «государь всѣ полки жалуетъ и милостиво похваляетъ за то, что они за воровъ не стоятъ, и впредь бы не стояли.» Слова эти произвели страшное волненіе. Стрѣльцы подняли громкій крикъ и стали бранить указъ, говоря: «писали де его, удумавъ, бояре; о государѣ же не слышно, гдѣ онъ нынѣ.»—«Пойдемъ къ Москвѣ! заголосили потомъ уже разъярившіеся мятежники:—умремъ другъ за друга! Бояръ перебьемъ, Кокуй вырубимъ; а какъ будемъ на Москвѣ, насъ и чернь не выдастъ.» И стрѣльцы бросились по дворамъ разбирать ружья и копья, и давно уже тлѣвшаяся искра бунта вспыхнула вдругъ яркимъ пламенемъ...

Развязка этой драмы произошла, какъ извѣстно, подъ стѣнами Воскресенскаго монастыря. Смѣлые и дерзкіе, пока не встрѣчали ни преградъ, ни сопротивленія, стрѣльцы послѣ перваго же мѣткаго залпа царской артиллеріи смѣшались, оробѣли, упали духомъ, и дѣло ихъ было проиграно. Еще за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ грозная и страшная толпа предстала жалкою, безоружною, просящею о помиловании передъ лицемъ строгихъ судей,—и начались кровавые розы-

ски и казни, жестокость которыхъ отнюдь не слѣдуетъ относить къ Петру, потому что Петра въ то время и въ Москвѣ-то не было.

Петръ въ то время былъ въ Вѣнѣ и готовился ѣхать въ Италію. Вѣсть о стрѣлецкомъ возстаніи, такъ неожиданно нарушившая его мирную и дѣятельную заграничную жизнь, такъ непріятно перевернувшая вверхъ-дномъ всѣ его планы и предположенія, поразила его страшно. Все долженъ былъ онъ припомнить въ эту минуту: и ужасныя сцены 1682 года, и мученическую смерть близкихъ милыхъ ему людей, и томительныя чувства страха, униженія, негодованія, волновавшія тогда его дѣтское сердце, и переполохъ во дворцѣ, и суматоху въ городѣ, и бѣгство изъ столицы, и свою отчаянную ночную скачку въ Троицкую лавру, и горькія, тяжелыя, обидныя слезы передъ смущеннымъ настоятелемъ лавры и перепуганными монахами,—и все, все, что̀ такъ долго помрачало дни его дѣтства и первой молодости, все, что̀ такъ болѣзненно поражало его въ самыя чувствительныя струны его впечатлительнаго сердца. «Францъ Яковличъ! Я отправлюсь въ Москву и отомщу казнями, вполнѣ достойными преступленій. Пощады никому не будетъ!» сказалъ Петръ Лефорту, получивъ извѣстіе о стрѣлецкомъ бунтѣ, и слова эти вполнѣ намъ понятны, и царь, по нашему мнѣнію,—мало того, что не могъ, но даже не долженъ былъ въ то время думать о пощадѣ...

І. ШИШКИНЪ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Стихотворенія А. С. Хомякова. Москва. 1861. in 8° (стр. 148). Цѣна 75 к. с.

Теперь покончена уже вражда между такъ-называемыми западниками и славянофилами, «вражда, происходившая главнѣйшимъ образомъ отъ обоюднаго непониманія стремленій той и другой стороны.» Теперь противники могутъ хладнокровнѣе выслушивать другъ-друга; они даже отыскали нѣчто общее, нѣчто родственное между собою, согласились во всѣхъ болѣе *жизненныхъ* пунктахъ и, увидѣвъ, что враждовать-то въ сущности вовсе и не изъ чего было, миролюбиво протянули другъ-другу руки. Правда, еще по-временамъ раздаются противные возгласы, сопровождаемые цѣлымъ концертомъ словъ: чушь, дичь, белиберда, но самый предметъ спора пересталъ интересовать и публику и литературу. Прежнее славянофильское направленіе, уступивъ болѣе раціональнымъ и строгимъ требованіямъ мысли, какъ-будто сробѣло; оно потеряло не только нравственную, но и матеріальную силу. Въ самое короткое время изъ его стана выбыли передовые дѣятели. Имена Кирѣевскаго, Аксаковыхъ, Хомякова лучше всего свидѣтельствуютъ этотъ грустный фактъ. И странно: всѣ они сошли въ могилу именно въ ту самую пору, когда стремленія ихъ, выяснившіяся съ полною рельефностью, были приняты образованнымъ большинствомъ, когда должно было произойдти примиреніе враждовавшихъ сторонъ. Хомяковъ былъ одинъ изъ представителей нашихъ славянофиловъ: онъ оказалъ существенныя заслуги, какъ своей партіи, такъ и общему нашему дѣлу; онъ представляетъ собой такое явленіе, мимо котораго нельзя пройдти, не задумавшись. Къ сожалѣнію, въ настоящее время у насъ нѣтъ еще полнаго собранія его сочиненій, по которымъ бы мы могли вполнѣ прослѣдить его литературную дѣятельность; передъ нами лежатъ теперь стихотворенія его, и пока мы поневолѣ должны ограничиться только ихъ разборомъ.

Хомяковъ—поэтъ славянства.

Мы тотчасъ же спѣшимъ разъяснить нѣсколько эту фразу, сказанную общимъ опредѣленіемъ. Если хотите, «поэтъ славянства,» въ безусловномъ смыслѣ этого слова будетъ черезчуръ уже много для такого стихотворнаго дарованія, какъ хомяковское. Проще и ближе будетъ, если мы скажемъ, что онъ былъ поэтъ славянофильства-

истолкователь его вѣрованій и стремленій. И только въ нѣсколькихъ, очень немногихъ своихъ произведеніяхъ, онъ выходитъ изъ границъ этого узкаго кругозора и возвышается до общеславянскаго чувства. О нихъ же мы будемъ говорить нѣсколько ниже. Г. Лонгиновъ напрасно въ своей статьѣ, по поводу вышедшихъ стихотвореній Хомякова, обвиняетъ критику прежнихъ лѣтъ, т. е. Бѣлинскаго, въ ложной и несправедливой оцѣнкѣ дарованія покойнаго нашего поэта. Г. Лонгиновъ, забитый мертвой буквой литературной статистики, не въ состояніи понять ни критики, ни осужденнаго имъ поэта. Мы совѣтовали бы г. Лонгинову продолжать ставить свои рубрики, вести сравнительную таблицу авторскихъ именъ, чиновъ, произведеній—это дѣло совершенно по силамъ его, но не браться за оцѣнку литературныхъ эпохъ и дѣятелей: для этого, кромѣ памяти и здраваго смысла, еще необходимо свѣжее чувство, котораго вообще недостаетъ нашимъ гробовщикамъ на кладбищѣ россійской словесности. Надутая статья его о Хомяковѣ не-только не опровергаетъ желчные отзывы Бѣлинскаго, но еще болѣе внушаетъ къ нимъ довѣрія: въ нихъ неизмѣримо больше правды, чѣмъ въ мыльныхъ пузыряхъ, къ сожалѣнію, привилегированнаго рецензента «Русскаго Вѣстника.»

Мы не споримъ, что въ словахъ Бѣлинскаго было слишкомъ много оскорбительной насмѣшки, но эта насмѣшка, хотя и очень больно направленная въ личность Хомякова, относилась болѣе къ идеѣ славянофиловъ, и была вызвана упорной борьбой Бѣлинскаго противъ направленія, къ которому принадлежалъ уничтожаемый имъ писатель, и которое въ числѣ своихъ адептовъ держало господъ, весьма склонныхъ къ теперешней аскоченщинѣ. Положимъ, что истинные представители славянофильства никогда и не признавали *своими* этихъ адептовъ бурачковскаго мрака; но, во-первыхъ, они не боролись съ ними, и слѣдовательно ничѣмъ не заявляли своего отреченія отъ нихъ; во-вторыхъ, у этихъ послѣднихъ были нѣкоторые принципы, весьма сходные съ принципами чистаго славянофильства; и наконецъ, въ-третьихъ, слѣпая вражда двухъ лагерей въ то время мѣшала еще вглядѣться другъ въ друга и распознать обоюдно настоящія истинныя стороны отъ чуждыхъ и ложныхъ; поэтому желчь и гнѣвъ Бѣлинскаго оставались совершенно законны. Мы можетъ быть равнодушны къ интересамъ этой борьбы, потому что она утратила для насъ свою живую сторону, но требовать того же равнодушія отъ Бѣлинскаго,—это значитъ требовать отъ человѣка съ плотью и кровью рыбьяго

темперамента. Что же касается до опредѣленія таланта Хомякова въ эстетическомъ отношеніи, то Бѣлинскій былъ совершенно правъ, назвавъ его «*головнымъ поэтомъ*». Дѣйствительно, каждое стихотвореніе его отличается какъ бы заранѣе заданной темой, извѣстной мыслью, на которую, какъ–будто по заказу, написано оно. Изъ этого опредѣленія мы можемъ исключить самое незначительное число его произведеній, въ которыхъ онъ становится хотя и *головнымъ*, но *истиннымъ* поэтомъ и за эти–то произведенія мы и придали ему эпитетъ «поэта славянства». «Г. Хомяковъ, какъ болѣе свободный отъ всякаго внутренняго, непосредственнаго стремленія версификаторъ, говоритъ о немъ Бѣлинскій, *выбралъ* для своихъ стихотворскихъ занятій предметы гораздо выше. Пушкинъ, напримѣръ, не выбиралъ, потому что поэтъ по призванію, поэтъ великій, *лишенъ нетолько права, даже возможности выбирать предметы для своихъ пѣснопѣній и давать своимъ твореніямъ произвольное направленіе:* источникъ его вдохновенія есть его собственная натура, а его натура есть цѣлый, въ самомъ себѣ замкнутый міръ, который рвется наружу; задача поэта, вывести наружу, объектировать въ поэтическихъ образахъ свой собственный, внутренній міръ, сущность своего собственнаго духа. *Г. Хомякову нельзя было не выбирать, онъ не былъ поэтомъ и ему было все равно, что бы ни пѣть.* Онъ не долго думалъ и рѣшился посвятить свои посильные труды на гимны статей до–петровской Руси. Намѣреніе похвальное, хотя и лишенное всякаго художественнаго такта, потому что живое, современное всегда ближе къ сердцу поэта. Чтобъ довершить ошибку направленія, г. Хомяковъ рѣшился въ современной Россіи видѣть старую Русь. Не дивитесь, читатели: для Хомякова это было гораздо легче, нежели для насъ съ вами; люди простые, мы всѣ вещи или видимъ такъ, какъ онѣ суть, или если не можемъ увидѣть ихъ въ настоящемъ свѣтѣ, не считаемъ нужнымъ представлять ихъ въ ложномъ. Кто одаренъ способностью глубокаго, страстнаго убѣжденія, кто алчетъ и жаждетъ истины, тотъ можетъ заблуждаться; но ему — когда онъ сознаетъ свою ошибку, есть оправданіе въ ней: это страданіе всего его существа, потому что онъ убѣждается всѣмъ своимъ существомъ, и умомъ, и сердцемъ, и плотію, и кровію. Кто же напротивъ одаренъ счастливою способностью свободнаго выбора во всемъ, тому легко убѣждаться въ чемъ ему угодно и настолько времени, насколько ему заблагоразсудится, на годъ, на два, или на цѣлую

жизнь, потому что вѣдь это прихоть или расчетъ ума, а не убѣжденіе, спокойное дѣйствіе головы, а не страстное сотрясеніе всей органической системы».

Бѣлинскій зналъ Хомякова какъ посредственнаго поэта и вдобавокъ поэта изъ чуждаго лагеря, но не зналъ его какъ человѣка, какъ дѣятеля своего направленія, какъ упорнаго работника и служителя своей идеи. Эта идея, какъ показываетъ намъ вся жизнь, вся умственная дѣятельность главы славянофильства, не была для него дѣломъ свободнаго и потому легкаго выбора; это была не прихоть или расчетъ ума, какъ говорилъ Бѣлинскій, а напротивъ того, повторяя его же слова, убѣжденіе, страстное сотрясеніе всей органической системы. Это была задача, идеалъ всей жизни человѣка, его плоть и кровь. И это такъ: человѣкъ всю жизнь свою сурово, почти аскетически служившій своему дѣлу, положимъ, хотя бы это дѣло была даже пустая мечта, человѣкъ, горячо вѣрившій въ свой идеалъ, убѣжденный въ его истинѣ, — такой человѣкъ можетъ иногда приходить въ восторженный экстазъ, хоть это былъ бы даже экстазъ бичующихъ себя факировъ или сибирскихъ шамановъ, можетъ возвышаться порою до высокаго поэтическаго вдохновенія. Правда, у Хомякова слишкомъ не много произведеній, отмѣченныхъ именно этимъ вдохновеніемъ, но, тѣмъ не менѣе, они есть, тѣмъ не менѣе онъ возвышался иногда, быть можетъ, въ самые лучшіе и счастливѣйшіе или самые трагическіе моменты своего служенія идеѣ до этихъ поэтически-вдохновенныхъ экстазовъ и, несмотря на то, что былъ чисто человѣкъ головы, но подъ вліяніемъ ея творилъ порою истинно художественные образы. Повторяемъ еще разъ: такихъ именно произведеній у нашего поэта мало, но за нихъ-то именно мы и называемъ его, быть можетъ для нѣкоторыхъ господъ и черезчуръ уже, громкимъ именемъ — «поэта славянства».

Дѣятельность каждаго поэта непремѣнно вноситъ собою въ исторію литературы, во-первыхъ, болѣе или менѣе характеристику самаго времени, въ которое жилъ и писалъ поэтъ; во-вторыхъ, характеризуетъ и самую личность поэта. Прослѣдимъ же теперь эту дѣятельность въ Хомяковѣ, какъ въ явленіи весьма недюжинномъ въ исторіи нашей литературы, и посмотримъ, какъ начинаютъ проявляться въ этомъ человѣкѣ его задушевныя убѣжденія, и вообще, изъ какихъ убѣжденій сложилась въ нравственномъ отношеніи эта замѣчательная личность. Мы сдѣлаемъ это настолько, насколько позволятъ намъ

самыя данныя, оставленныя покойнымъ писателемъ, и особенно его стихотворенія — благо, они подъ руками! такъ какъ другаго пока еще ничего не издано.

Прежде чѣмъ выразились въ поэтической дѣятельности Хомякова его славянскія стремленія, въ ней уже полно и всецѣло отразился теизмъ. И замѣчательно: этотъ элементъ не покидалъ его до конца его жизни; нѣтъ почти ни одного стихотворенія, въ которомъ бы хоть гдѣ-нибудь, хоть какъ нибудь, то мелькомъ, то съ полною силой, не высказался онъ, и его-то въ своей дѣятельности Хомяковъ вносилъ повсюду. Хотя это обстоятельство и ставитъ его въ ряду весьма благочестивыхъ людей, однако нельзя не замѣтить, что оно сильно вредило ему самому въ пониманіи русскаго народа, потому что ставило его порою въ неправильное отношеніе къ характеру и кореннымъ свойствамъ его народности. Свое внутреннее созерцаніе, свои внутреннія свойства, относящіяся къ тому элементу, о которомъ мы говоримъ, онъ, — конечно, и самъ того не подозрѣвая, — переносилъ и на народъ. Мы никакъ не оправдываемъ этого навязыванія своихъ теистическихъ свойствъ и воззрѣній той великой массѣ, въ которой эти самыя свойства и стремленія никакъ и никогда не составляли перваго (въ смыслѣ *главнаго*) начала, а всегда стояли наравнѣ со всѣми остальными духовно-жизненными свойствами и стремленіями ея — какъ и у всѣхъ другихъ народовъ. Мы, повторяемъ, никакъ не оправдываемъ этого въ Хомяковѣ, хотя и понимаемъ его навязываніе. Оно происходитъ, ни болѣе ни менѣе, какъ отъ добродушнаго и, слѣдовательно, отчасти наивнаго свойства извѣстныхъ натуръ — переносить свои личныя симпатіи и свои духовныя особенности ко всему внѣшнему, къ чему особенно стремятся помыслы и любовь такого рода натуръ. А эти самыя свойства и стремленія Хомякова, какъ видно и изъ его стихотвореній, и изъ его философско-богословскихъ статей, всегда составляли неотъемлемое, коренное свойство его нравственной натуры, какъ бы его нравственную плоть и кровь. Послѣ этого, конечно не мудрено, если онъ, уже по самой природѣ своей, глубоко сочувствуя этимъ теистическимъ элементамъ, непосредственно переносилъ ихъ и на народъ, которому онъ такъ симпатизировалъ. Каждый идеалистъ по большей части не разумѣетъ своего идеала такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, въ жизни, въ дѣйствительности, а всегда, какъ-то невольно, разумѣетъ его отмѣченнымъ тѣми самыми свойствами, которыя составляютъ лучшее достояніе его собственной духовной натуры — его высшую вѣру.

Эту-то вотъ самую вѣру и навязывалъ Хомяковъ русскому народу. И дѣйствительно, загляните въ его стихотворенія—вы ни одного изъ нихъ не найдете, къ которому не подмѣшались бы эти личныя воззрѣнія автора, даже въ тѣхъ, которыя мы признаемъ лучшими по ихъ глубоко-поэтической концепціи и за которыя готовы назвать его поэтомъ славянства; даже и въ тѣхъ, говоримъ мы, не могъ отрѣшиться онъ отъ вѣчно-присущаго ему элемента. Никакъ и нигдѣ не отнесется онъ просто и прямо къ народу и его насущнымъ, жизненнымъ потребностямъ, а всегда вмѣшаетъ сюда свой теизмъ и выведетъ непремѣнно какое-нибудь религіозное назиданіе. Напримѣръ, обращаясь къ Россіи во время ея послѣдней восточной войны, онъ не говоритъ о ней прямо: «Вставай страна моя родная *за братьевъ!*» (Какъ видите, онъ глядѣлъ на дѣлѣ, какъ идеалистъ); нѣтъ, онъ прежде всего дѣлаетъ такого рода воззваніе:

Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ,
Тебѣ далъ силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слѣпыхъ, безумныхъ, буйныхъ силъ.

И потомъ, сказавши ей: вставай за братій—«Богъ тебя зоветъ», онъ вступаетъ въ наставительный тонъ и дѣлаетъ ей назиданіе:

Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело.
Своихъ рабовъ Онъ судитъ строго...

И далѣе:

О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорѣй омой
Себя водою покаянья,
Да громъ двойнаго наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой!
Съ душой колѣнопреклоненной,
Съ главой, лежащею въ пыли,
Молись молитвою смиренной,
И раны совѣсти растлѣнной,
Елеемъ плача исцѣли!

Россія ему всегда рисовалась не иначе, какъ великою, могущественною и лучезарною и главную ея силу, залогъ ея благоденствія онъ полагалъ не иначе, какъ въ смиреніи. Въ только-что приведенномъ нами стихотвореніи, онъ выступаетъ передъ нею какъ обличитель и наставникъ—по большей части, и всегда относился онъ къ ней въ томъ же родѣ и духѣ. Такъ, напримѣръ, возьмемъ его извѣстное стихотвореніе: «Гордись! тебѣ льстецы сказали». Сказавъ, что «всякій духъ гордыни безплоденъ», а «злато не вѣрно» и «сталь хрупка», онъ говоритъ, что крѣпокъ одинъ лишь только «ясный міръ святыни» и сильна только «молящихся рука» и вслѣдъ затѣмъ продолжаетъ:

И вотъ, за то, что ты смиренна,
Что въ чувствѣ дѣтской простоты,
Въ молчаньи сердца сокровенна,
Глаголъ Творца пріяла ты, —
Тебѣ Онъ далъ свое призванье,
Тебѣ онъ свѣтлый далъ удѣлъ:
Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ;
Хранить племенъ святое братство,
Любви живительный сосудъ,
И вѣры пламенной богатство
И правду, и безкровный судъ,
Твое все то, чѣмъ духъ святится,
Въ чемъ сердцу слышенъ гласъ небесъ.

И точно такимъ же образомъ вездѣ Россія является у него идеаломъ благочестія, за отсутствіе котораго онъ даже укоряетъ Англію, что, переходя должный предѣлъ, становится даже весьма комичнымъ. Мы каждый разъ не можемъ удержаться отъ улыбки, когда попадутся намъ на-глаза слѣдующія строки, въ которыхъ поэтъ обращается къ Англіи:

Но за то, что ты лукава,
Но за то, что ты горда,
Что тебѣ мірская слава
Выше божьяго суда;
Но за то, что церковь божью
Святотатственной рукой

Приковала ты къ подножью
Власти суетной, земной:
Для тебя, морей царица,
День придетъ — и близокъ онъ —
Блескъ твой, злато, багряница,
Все пройдетъ, минетъ, какъ сонъ;
Громъ въ рукахъ твоихъ остынетъ,
Перестанетъ мечъ сверкать,
И сыновъ твоихъ покинетъ
Мысли ясной благодать... (?!!?)

И какъ бы вы думали, къ чему все это приведетъ, къ какимъ благимъ послѣдствіямъ? Какой результатъ получится изъ всей этой кутермы, которой, по пророчеству Хомякова, предстоитъ быть въ Англіи? — Результатъ самый благодатный и существенно-полезный для *смиренія:*

И другой странѣ смиренной,
Полной вѣры и чудесъ,
Богъ отдастъ судьбу вселенной,
Громъ земли и гласъ небесъ!

Это провозвѣстіе вызываетъ только горькую улыбку сожалѣнія о цѣломъ рядѣ заблужденій, въ которыя впадалъ такой умный, талантливый и такъ широко-развитый человѣкъ...

Но нельзя сказать, чтобы это было *слѣпое* поклоненіе Востоку и тѣмъ болѣе поклоненіе въ ущербъ Западу (если только для Запада можетъ быть какой-нибудь ущербъ отъ этого). Г. Шевыревъ, тотъ, напримѣръ, взялъ прямо да и раздѣлался съ Западомъ по-свойски: «ты, молъ, братецъ, ни гроша не стоишь, потому, весь прогнилъ и никогда съ тебя ничего путнаго не было да и не будетъ,—убирайся, значитъ, къ чорту!» — ну, и дѣло съ концомъ! — Западъ ничего и пикнуть не смѣетъ передъ г. Шевыревымъ. Хомяковъ, напротивъ, относился къ этому немилому имъ старцу нѣсколько иначе: онъ грустно мечталъ о немъ и болѣлъ о немъ сердцемъ, хотя въ то же время вышеприведенное обращеніе его къ «лукавой и неблагочестивой Англіи», въ своемъ родѣ стоитъ шевыревскаго «убирайся, братецъ, — прогнилъ!» Мы говоримъ теперь объ одномъ изъ болѣе удачныхъ его стихотвореній:

О, грустно, грустно мнѣ! Ложится тьма густая
На дальнемъ Западѣ, *странѣ святыхъ чудесъ:*
Свѣтила прежнія блѣднѣютъ, догорая,
И звѣзды лучшія срываются съ небесъ.

Вы видите, что въ сочувствіи его къ Востоку не лежало слѣпой ненависти закоренѣлаго старовѣра къ Европѣ. Для насъ это стихотвореніе болѣе важно, чѣмъ можетъ показаться это съ перваго взгляда; а важно оно именно потому, что весьма осязательно показываетъ намъ взглядъ главы славянофильства на Европу и его собственное, личное отношеніе къ европейскому міру. Взгляните, что говоритъ онъ дальше въ этомъ же самомъ стихотвореніи:

А какъ прекрасенъ былъ тотъ Западъ величавый!
Какъ долго цѣлый міръ, колѣна преклонивъ,
И чудно озаренъ его высокой славой,
Предъ нимъ безмолвствовалъ, смиренъ и молчаливъ!
Тамъ солнце мудрости встрѣчали наши очи,
Кометы бурныхъ сѣчъ бродили въ высотѣ,
И тихо, какъ луна, царица лѣтней ночи,
Сіяла тамъ любовь въ невинной красотѣ;
Тамъ въ яркихъ радугахъ сливались вдохновенья
И вѣры огнь живой потоки свѣта лилъ...
О, никогда земля отъ первыхъ дней творенья
Не зрѣла надъ собой столь пламенныхъ свѣтилъ!

Но, увы! это прекрасное сочувствіе поэта вызываетъ Западъ не настоящій, а Западъ прошлый, Западъ, — прежнія свѣтила котораго блѣднѣютъ догорая и звѣзды лучшія срываются съ небесъ». Что же причиной такого несочувствія къ Западу настоящаго времени главы славянофильства? — Опять-таки то, что теперь тамъ не льетъ будто бы свѣта «живой огнь вѣры». Idée fixe нашего поэта преслѣдуетъ его вездѣ неотступно! А вотъ и конецъ этого стихотворенія:

Но горе! вѣкъ прошелъ, и мертвеннымъ покровомъ
Задернутъ Западъ весь! Тамъ будетъ мракъ глубокъ...
Услышь же гласъ судьбы, воспрянь въ сіяньи новомъ,
Проснися дремлющій Востокъ!

Понятно, что именно въ этомъ стихотвореніи пришлось не по душѣ Бѣлинскому и за что напалъ онъ на него самымъ ѣдкимъ

сарказмомъ; но все-таки въ этомъ стихотвореніи отразились довольно осязательно тайныя и пламенныя надежды поэта на прогрессъ Россіи, къ которой онъ смѣло взываетъ: «проснися дремлющій Востокъ!» Тутъ видны его завѣтныя желанья и стремленія, хоть и то опять-таки надо сказать: онъ любилъ Россію, какъ крайній идеалистъ, какою-то аскетически-мистическою любовью; онъ жилъ посреди ея какъ-будто съ завязанными глазами, или какъ-будто она была для него «нѣкое царствіе, нѣвкоторое государствіе, гдѣ живутъ мужики богатые, гребутъ золото лопатами.» Насъ даже странно поражаетъ въ немъ порою это ничѣмъ необъяснимое отсутствіе практическаго взгляда на жизнь русскаго человѣка и возможность писать гимны, въ которыхъ онъ, правда, хоть и тревожилъ иногда нашъ вѣковой, дѣдовски-богатырскій сонъ, но по большей части призывалъ матушку Русь къ такимъ подвигамъ и такимъ дѣламъ, о которыхъ ей въ то время, и во снѣ-то даже не снилось! Мы нарочно приведемъ здѣсь нѣсколько подобныхъ примѣровъ;—пусть читатели прочтутъ и обсудятъ сами. Эти примѣры и безъ пояснительныхъ коментаріевъ довольно-таки краснорѣчиво выдаютъ сами себя. Вотъ вамъ первый, который вы уже впрочемъ знаете; это тѣ самые стихи, въ которыхъ онъ призываетъ Россію 1840 года хранить племенъ святое братство, и правду, и безкровный судъ», вмѣстѣ съ пролитіемъ сіянія вѣры «обнять всѣ народы своею любовію» Въ пьесѣ, слѣдующей за этимъ стихотвореніемъ, поэтъ опять сулитъ Россіи славную будущность: онъ говоритъ, что всѣ народы притекутъ успокоиться на ея лоно:

И вокругъ знаменъ отчизны
Потекутъ они толпой
Къ жизни духа, къ духу жизни,
Возрожденные тобой! (т. е. Россіей).

Но вотъ, раскрываете вы книгу на стихотвореніи «Орелъ.» Этотъ «Орелъ» опять-таки представитель Россіи. Вотъ что Хомяковъ говоритъ этому орлу:

Высоко ты гнѣздо поставилъ,
Славянъ полуношныхъ орелъ,
Широко крылья ты расправилъ,
Глубоко въ небо ты ушелъ!

Лети, но *въ горнемъ морѣ свѣта*,
Гдѣ силой дышащая грудь
Разгуломъ вольности согрѣта,
О младшихъ братьяхъ не забудь!

Затѣмъ поэтъ пересчитываетъ страданіе этихъ братій и тѣ большія пространства, по которымъ разсѣяны эти страдальцы, и снова обращается къ представителю старшихъ братій «Орлу»:

И ждутъ окованные братья,
Когда же зовъ услышатъ твой,
Когда ты крылья, какъ объятья,
Прострешь надъ слабой ихъ главой...
О, вспомни ихъ, орелъ полночи!
Пошли имъ звонкій твой привѣтъ,
Да ихъ утѣшитъ въ рабской ночи
Твоей свободы яркій свѣтъ.

Вглядитесь пристальнѣе во всѣ строки приведенныхъ нами примѣровъ, не замѣчаете ли вы во всемъ этомъ крайняго идеализма на-половину свѣтлаго, хотя и наивно-юношескаго, а на-половину аскетически-мистическаго? Повсюду одинъ только идеализмъ, и притомъ крайній идеализмъ! И опять-таки, послѣ всего этого, приходится повторить то же самое, что мы уже нѣсколько выше говорили, а именно: что главная ошибка Хомякова, которую онъ вносилъ въ свое замѣчательное по глубинѣ и вѣрности пониманіе народа и народности нашей, заключалась въ его личномъ теизмѣ, который онъ навязывалъ народу и который относительно этого народа весьма часто вводилъ его въ заблужденія. Бѣлинскій лучше и правильнѣе Хомякова понималъ народъ, хотя понималъ его болѣе своимъ геніальнымъ, инстинктивнымъ чутьемъ, чѣмъ изученіемъ. А у Хомякова было изученіе; и тѣмъ-то страннѣе, повторяемъ, читать у него строки подобныя только-что приведеннымъ нами примѣрамъ. Спора нѣтъ, что онъ глубоко любилъ народъ и Россію, но любилъ какъ крайній идеалистъ, создавая себѣ постоянныя блестящія иллюзіи, въ силу которыхъ дѣйствительная Россія стала въ его созерцаніи какимъ-то обаятельнымъ и доселѣ невиданнымъ идеаломъ, доступнымъ ему одному. Блаженъ поэтъ, который можетъ создать себѣ такіе идеалы и успокоиться надъ ними...

Однако глубоко и крѣпко вѣровалъ Хомяковъ въ могучую силу этого «орла» — примѣромъ тому опять послужатъ намъ нѣсколько стиховъ изъ различныхъ его стихотвореній. Сѣвернаго «орла» онъ считалъ старшимъ, вокругъ котораго должны были сгруппироваться младшіе. Одинъ изъ таковыхъ примѣровъ мы уже имѣли случай привести читателю—это именно были тѣ строки, гдѣ поэтъ говорилъ о славянскихъ народахъ:

И вокругъ знаменъ отчизны
Потекутъ они толпой
Къ жизни духа, къ духу жизни,
Возрожденные тобой.

Вотъ вамъ теперь другой примѣръ, который заимствуемъ мы изъ стихотворенія, написаннаго имъ въ 1831 году.—Здѣсь уже его завѣтная мысль выразилась вполнѣ рельефно; здѣсь ужъ мы видимъ, къ чему стремились надежды и желанія поэта и его политическія убѣжденія. Вотъ эти строки:

И взоръ поэта вдохновенный
Ужъ видитъ новый міръ чудесъ...
Онъ видитъ: — гордо надъ вселенной,
До свода синяго небесъ
Орлы славянскіе взлетаютъ
Широкимъ, дерзостнымъ крыломъ,
Но мощную главу склоняютъ
Предъ старшимъ сѣвернымъ орломъ.

Конечно, подобныя убѣжденія, быть можетъ, приносили не малую честь ему, какъ пламенному патріоту, но надо сознаться, что, въ отношеніи исконнаго общеславянскаго характера политическаго быта, они были совершенно ошибочны. Въ этомъ случаѣ, какъ славянистъ, Хомяковъ былъ далеко не правъ, хотя, какъ русскій патріотъ, онъ ничего не вызываетъ сказать противу себя.

Мы говорили, что онъ повсюду вносилъ съ собою свой неизмѣнный, вѣчно присущій ему элементъ теизма и, надо сознаться, этотъ элементъ иногда и не оставался въ немъ сухъ и схоластически-дидактиченъ: силою своего пламеннаго вѣрованія въ этотъ элементъ поэтъ нашъ умѣлъ иногда возводить его до истинной поэзіи. Мы на-

мѣрены представить здѣсь два образчика подобнаго опоэтизированія,— образчики чрезвычайно замѣчательные, въ особенности первый, по своей идеѣ и образности, очень удачно выполненной. Называется это стихотвореніе:—«Звѣзды».

Въ часъ полночный, близь потока,
Ты взгляни на небеса:
Совершаются далеко
Въ горнемъ мірѣ чудеса.
Ночи вѣчныя лампады,
Невидимы въ блескѣ дня,
Стройно ходятъ тамъ громады
Негасимаго огня.
Но впивайся въ нихъ очами —
И увидишь, что вдали,
За ближайшими звѣздами,
Тьмами звѣзды въ ночь ушли.
Вновь вглядись — и тьмы за тьмами
Утомятъ твой робкій взглядъ:
Всѣ звѣздами, всѣ огнями
Бездны синія горятъ.
Въ часъ полночнаго молчанья,
Отогнавъ обманы сновъ,
Ты вглядись душой въ писанья
Галилейскихъ рыбаковъ, —
И въ объемѣ книги тѣсной
Развернется предъ тобой
Безконечный сводъ небесный
Съ лучезарною красой.
Узришь — звѣзды мыслей водятъ
Тайный хоръ свой вкругъ земли;
Вновь вглядись — другія всходятъ,
Вновь вглядись — и тамъ, вдали,
Звѣзды мыслей, тьмы за тьмами
Всходятъ, всходятъ безъ числа,
И зажжется ихъ огнями
Сердца дремлющая мгла.

Сколь-бы ни были мы сами, лично, несогласны съ убѣжденіями покойнаго поэта, но, говоря откровенно, не можемъ не уважать ихъ;

они заслуживаютъ дань полнаго уваженія себѣ уже тѣмъ только, что были такъ глубоки и такъ искренни. Они составляли плоть и кровь его, его нравственную жизнь, и, какъ знать, безъ нихъ, быть можетъ, и Хомяковъ не былъ бы тѣмъ, чѣмъ теперь онъ есть для насъ... Быть можетъ, только эта разумная и крѣпкая вѣра и помогла ему такъ твердо и неуклонно идти по тому пути, которымъ пройдена имъ цѣлая жизнь и на которомъ оставилъ онъ послѣ себя глубокій слѣдъ въ исторіи нашей литературы. И сколь бы ни были значительны его ошибки и заблужденія, про нихъ прямо и смѣло можно сказать только одно,—и это именно то, что всѣ они были искренни. И потому, право, «кто такъ вѣрилъ и такъ любилъ много, тому и отпустится много.» Вѣры же, самой пламенной, чистой и искренной никакъ нельзя отвергать въ Хомяковѣ: теплота и поэтичность только-что приведеннаго нами стихотворенія достаточно ручаются за это. Да мало того: возьмите вотъ вы другое стихотвореніе,—по формѣ болѣе дидактическое, прочтите и вникните въ него—и, увѣряемъ васъ, и тамъ вы найдете столько теплоты, столько вѣры въ свое убѣжденіе, столько энергіи и самаго пламеннаго энтузіазма, что невольно поставите его въ рядъ немногихъ лучшихъ произведеній Хомякова. И странно: только у него одного (въ этихъ немногихъ, лучшихъ вещахъ), не распадались современныя мысли и требованія съ духомъ его теизма, а напротивъ, изъ совокупленія ихъ выходило нѣчто стройное, законное и жизненно-органически-цѣлое. Хотите доказательствъ?—Извольте, вотъ вамъ въ параллель къ первому образчику и второй:

«Мы родъ избранный,» говорили
Сіона дѣти въ старину.
«Намъ божьи громы осушили
«Морей волнистыхъ глубину.

«Для насъ Синай одѣлся въ пламя,
«Дрожала горъ кремнистыхъ грудь,
«И дымъ, и огнь, какъ божье знамя,
«Въ пустыняхъ намъ казали путь.

«Намъ камень лилъ воды потоки,
«Дождили манной небеса;
«Для насъ законъ, у насъ пророки,
«Въ насъ божьей силы чудеса!»

Не терпитъ Богъ людской гордыни,
Не съ тѣми Онъ, кто говоритъ:
«Мы соль земли, мы столпъ святыни,
«Мы божій мечъ, мы божій щитъ!»

Но съ тѣми Онъ, кто звуки слова
Лепечетъ рабскимъ языкомъ,
И, мертвенный сосудъ живаго,
Душою мертвъ и спитъ умомъ.

Но съ тѣми Богъ, въ комъ божья сила,
Животворящая струя
Живую душу пробудила
Во всѣхъ изгибахъ бытія.

Онъ съ тѣмъ, кто гордости лукавой,
Въ слова смиренья не рядилъ,
Людскою не хвалился славой,
Себя кумиромъ не творилъ.

Онъ съ тѣмъ, кто духа и свободы
Ему возноситъ ѳиміамъ.
Онъ съ тѣмъ, кто всѣ зоветъ народы
Въ духовный міръ, въ господень храмъ!

Хомяковъ не былъ поэтъ, въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ поэта Бѣлинскій. Мы, съ своей стороны, совершенно согласны съ опредѣленіемъ нашего критика и потому вовсе не думаемъ ставить Хомякова въ ряду ни съ однимъ изъ нашихъ даже второстепенныхъ поэтовъ. Въ мірѣ русской поэзіи ему принадлежитъ уединенное и совершенно особенное, свое собственное мѣсто. Поэзія не была для него главнымъ и исключительнымъ дѣломъ; проявленія ея въ немъ были не что иное, какъ избытокъ силъ и способностей этой богато-развившейся натуры; это была уже такъ-сказать роскошь въ его тяжелыхъ трудахъ въ его публицистической и учено-литературной дѣятельности. Онъ, по натурѣ своей, скорѣй былъ призванъ стоять главою партіи, быть могучимъ дѣятелемъ *жизни*, а не поэзіи, идти во главѣ какого бы то ни было движенія—соціальнаго или литературнаго; это былъ вполнѣ живой и кипуче-дѣятельный организмъ, центръ, вокругъ котораго сгруппировались люди партіи. Онъ могъ бы быть для насъ, для дѣла русской народности, тѣмъ, чѣмъ былъ

Вячеславъ Ганка для западнаго славянства;—и, по мѣрѣ силъ своихъ, онъ честно и пламенно стремился быть тѣмъ же. Отсюда-то и вытекаетъ этотъ аскетизмъ своего служенія идеѣ, и этотъ аскетизмъ есть не что иное, какъ смиреніе передъ этою великою идеей; имъ-то именно и выражалось то пламенное служеніе своему долгу, которое ни что въ мірѣ не могло бы поколебать. И дѣйствительно, этотъ суровый, аскетическій взглядъ простираетъ онъ на все, даже на то, что мы назвали роскошью его умственной дѣятельности,—на свое вдохновеніе, на свою поэзію. «Лови минуту вдохновенія», говоритъ онъ, обращая это воззваніе къ самому себѣ:

Восторговъ чашу жадно пей,
И сномъ лѣниваго забвенья
Не убивай души своей!
Лови минуту! — пролетаетъ
Какъ молньи яркая струя,
Но годы многіе вмѣщаетъ
Она земнаго бытія.
Но если разъ душой холодной
Отринешь ты небесный даръ,
И въ суетѣ земли безплодной
Потушишь вдохновенья жаръ;
И если разъ, въ безпечной лѣни,
Ничтожность міра полюбивъ,
Ты свяжешь цѣпью наслажденій
Души бунтующій порывъ, —
Къ тебѣ поэзіи священной
Не снидетъ чистая роса
И предъ зѣницей ослѣпленной
Не распахнутся небеса;
Но сердце бѣдное изсохнетъ,
И нива прежнихъ думъ твоихъ
Какъ степь безводная заглохнетъ
Подъ терномъ помысловъ земныхъ.

Да, въ этомъ выразился какой-то суровый аскетизмъ своего служенія дѣлу поэзіи; да нетолько къ одной поэзіи, а, повторяемъ, ко всякому дѣлу, которому отдавалъ нашъ дѣятель свои духовныя и жизненныя симпатіи; этотъ аскетизмъ проводитъ онъ слишкомъ далеко, даже въ самую жизнь, которая никакъ не была для него чѣмъ-то

отрѣшеннымъ отъ его моральной дѣятельности, а напротивъ, стройно и строго сливалась съ нею въ одно органическое цѣлое. Въ жизни его всегда былъ слышенъ, говоря его же стихомъ, «смертнаго горѣ парящій духъ»—и это-то стремленіе съ своей стороны также способствовало проведенію въ жизнь этого аскетическаго взгляда.

«Подвигъ есть и въ сраженьи,
Подвигъ есть и въ борьбѣ, —
Высшій подвигъ въ терпѣньи
Любви и мольбѣ»,

говоритъ онъ, и хотя эти слова относятся къ 1859 году, т. е. къ предпослѣдней его дѣятельности, однако та же самая строго-суровая и неуклонная мысль была послѣдовательно проведена черезъ всю его жизнь; а за это, какъ хотите, нельзя не отдать человѣку дань полнаго уваженія.

И вотъ, въ доказательство того, что это былъ аскетизмъ человѣка жизни, а не сухаго формалиста и мертвеца, человѣка, какъ мы уже говорили, всегда готоваго на борьбу за свои, и жизненныя, и духовныя, и соціальныя, убѣжденія и интересы, аскетизмъ человѣка, стоявшаго во главѣ цѣлой партіи, и вѣчно преданнаго служенію одной завѣтной своей идеѣ; однимъ словомъ, суровое отреченіе живаго человѣка отъ всего излишняго и ложнаго, во имя жизни и принципа, — мы приведемъ здѣсь одинъ небольшой его отрывокъ. Въ то время, когда Пушкинъ, гремя апаоемою «Клеветникамъ Россіи,» грозно допрашивалъ ихъ: «О чемъ шумите вы, народные витіи»?—вотъ что писалъ Хомяковъ:

Внимайте голосъ истребленья!
За громомъ громъ, за крикомъ крикъ!
То звуки дальняго сраженья,
Къ нимъ слухъ воинственный привыкъ.
Вотъ ружей звонкіе раскаты,
Вотъ пѣшей рати мѣрный шагъ,
Вотъ натискъ конницы крылатой,
Вотъ пушекъ ревъ на высотахъ,
И крикъ торжествъ, мнѣ крикъ знакомый,
И смерти стонъ, мнѣ плачъ родной...
О, замолчите, битвы громы!

Остановись кровавый бой!
Потомства пламеннымъ проклятьямъ
Да будетъ преданъ тотъ, чей гласъ
Противъ Славянъ славянскимъ братьямъ
Мечи вручилъ въ преступный часъ!
Да будутъ прокляты сраженья,
Одноплеменниковъ раздоръ,
И перешедшей въ поколѣнья
Вражды безсмысленный позоръ;
Да будутъ прокляты преданья,
Вѣковъ исчезнувшихъ обманъ,
И повѣсть мщенья и страданья,
Вина неисцѣлимыхъ ранъ!

Мы представили своимъ читателямъ характеръ дѣятельности Хомякова настолько полно, насколько позволили намъ это сдѣлать его стихотворенія, въ которыхъ отразился этотъ характеръ. Дѣятельность Хомякова, какъ мы и говорили уже, была такого рода, что о ней можно еще много и много-таки поговорить, потому что она возбуждаетъ собою не одинъ жизненный и важный вопросъ; — самая личность его, въ связи съ этою многостороннею дѣятельностью, является личностью крайне интересною, достойною полнаго вниманія, симпатіи и уваженія. При первой возможности, когда выйдетъ въ свѣтъ полное собраніе его сочиненій, мы надѣемся воротиться къ личности А. С. Хомякова и его дѣятельности; а теперь, въ заключеніе, приводимъ два стихотворенія, изъ лучшихъ, которыя вышли изъ-подъ его пера и которыя, по нашему разумѣнію, даютъ ему право на имя поэта славянства. Вотъ первое изъ нихъ:

Вставайте! Оковы распались
Проржавѣла старая цѣпь!
Ужъ Нилъ и Ливанъ взволновались,
Проснулась Сирійская степь!

Вставайте, славянскіе братья,
Болгаринъ, и Сербъ, и Хорватъ!
Скорѣе другъ къ другу въ объятья,
Скорѣй за отцовскій булатъ!

Скажите: «намъ въ старые годы
«Въ наслѣдство Господь даровалъ

«И степи, и быстрыя воды,
«И лѣсъ, и ущелія скалъ!»

Скажите: «мы люди свободны, —
«Да будетъ свободна земля,
«И горы, и глуби подводны,
«И долы, и лѣсъ, и поля!

«Мы вольны, мы къ битвѣ готовы,
«И подвигъ нашъ честенъ и святъ:
«Намъ Богъ разрываетъ оковы,
«Намъ Богъ закаляетъ булатъ!»

Смотрите, какъ мракъ убѣгаетъ,
Какъ мѣсяцъ двурогій угасъ!
Смотрите, какъ небо сіяетъ
Въ торжественный утренній часъ!

Какъ ярки и радости полны
Свѣтила грядущихъ вѣковъ!..
Вскипите-жъ, славянскія волны!
Проснитеся, гнѣзды орловъ!

Это одно изъ самыхъ удачныхъ, самыхъ лучшихъ и вполнѣ художественно законченныхъ стихотвореній Хомякова. Это даже, готовы сказать мы, не стихи, а одинъ смѣлый, могучій и широкій порывъ страстной души, разбившей свои оковы; это страстный призывъ къ своимъ угнетеннымъ братіямъ. И повѣрьте, для того, чтобы родить такое стихотвореніе, надо быть или такимъ поэтомъ, каковъ былъ Пушкинъ, или человѣкомъ страдающимъ и распинающимся за свою вѣчно-неизмѣнную идею, какимъ именно и былъ Хомяковъ,—иначе бы оно и не имѣло своей отличительной, характерной черты—этого зажигающаго свойства. Познакомивъ читателя съ однимъ изъ такихъ произведеній Хомякова, мы приведемъ здѣсь и другое, которое уже будетъ послѣднимъ въ нашей статьѣ. Вотъ оно:

Беззвѣздная полночь дышала прохладой,
Крутилася Лаба, гремя подъ окномъ;
О Прагѣ я съ грустною думалъ отрадой,
О Прагѣ мечталъ, забываяся сномъ.

Мнѣ снилось: лечу я: орелъ сизокрылый
Давно и давно-бы въ полетѣ отсталъ,
А я, увлекаемъ невидимой силой,
Все выше и выше взлеталъ.

И съ неба картину я зрѣлъ величаву:
Въ убранствѣ и блескѣ весь западный край,
Мораву, и Лабу, и дальнюю Саву,
Гремящій и синій Дунай.

И Прагу я видѣлъ, и Прага сіяла,
Сіялъ златоверхій на Петчинѣ храмъ,
Молитва славянская громко звучала
Въ напѣвахъ, знакомыхъ минувшимъ вѣкамъ.

И въ старой одеждѣ святаго Кирилла
Епископъ на Петчинъ всходилъ,
И слѣдомъ валила народная сила,
И воздухъ былъ полонъ куреньемъ кадилъ.

И клиръ, воспѣвая небесную славу,
Звалъ милость господню на западный край,
На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На шумный и синій Дунай.

Вотъ гдѣ съ такою глубокой полнотой и такъ поэтически высказались самыя задушевныя грезы поэта—его панславистическія стремленія и убѣжденія! Бѣлинскій не призналъ въ эстетическомъ отношеніи эту пьесу,—мы признаемъ ее, и признаемъ именно за этотъ могучій, широкій порывъ, какую-то особенную отвагу и силу, за этотъ блескъ фантазіи и блескъ образа, въ сущности совершенно простаго, по тѣмъ не менѣе блестящаго и рельефнаго, и наконецъ за эту силу вѣры въ свой идеалъ, положенную въ нее. Здѣсь отразился весь Хомяковъ, съ его нѣсколько суровымъ, мистически-фантастичнымъ міромъ, съ его внутреннимъ аскетизмомъ, съ его живою и пламенною любовію къ славянству и вѣрою въ него; однимъ словомъ, — весь онъ, со всѣми его заблужденіями, о которыхъ мы говорили выше, и со всѣми его симпатичными и блестящими сторонами. Да, мы признаемъ эту пьесу въ ея поэтическомъ и жизненномъ значеніи! Она для насъ есть апотеоза, главный фокусъ стремленій поэта, которымъ невозможно было не сочувствовать съ ихъ соціальной и политической стороны. Это—

пѣсня славянства и—пусть говоритъ кто что́ хочетъ,—мы будемъ утверждать только одно: что Хомяковъ сталъ въ ней истиннымъ поэтомъ и преимущественно, какъ мы назвали его, — «поэтомъ славянства».

ВС. К—ОВСКІЙ.

Воспоминаніе о В. В. Ганкѣ. И. И. Срезневскаго. С.-Петербургъ. 1861.

Воспоминаніе о В. В. Ганкѣ. Академика П. Дубровскаго. С.-Петербургъ. 1861.

Еще недавно писали, что петербургская академія наукъ представляетъ что-то въ родѣ нѣмецкой колоніи, основанной Петромъ I почти въ одно время съ кунсткамерой, для «*многихъ нужныхъ наукъ и ремеслъ*»: и академія и кунсткамера впродолженіе полутора вѣка остались въ томъ же видѣ, какъ устроилъ ихъ царскій библіотекарь Блументростъ. Еще недавно говорили, что труды нашей академіи имѣютъ такое же отношеніе къ обществу, къ народу, какое они имѣли бы, еслибъ вмѣсто нашихъ академиковъ работали ученые на островѣ Таити или на берегахъ Туниса; давно уже упрекаютъ ее въ томъ, что она систематически противодѣйствовала живымъ направленіямъ, вызываемымъ духомъ времени и литературнымъ движеніемъ, что при Петрѣ I она раздавала свои кресла «людямъ потребнымъ», а потомъ всѣмъ, кому болѣе посчастливилось сѣсть на нихъ, что С. Ширинскаго-Шихматова она возвела въ ученый чинъ, а Пушкина поставила наравнѣ съ Бор. Өедоровымъ. Все это, конечно, нѣсколько странно, но неужели въ самомъ дѣлѣ виной всему Нѣмцы, еслибъ даже въ академіи и не было ни одного Русскаго? Въ теченіе 136 лѣтъ своего существованія она имѣла гораздо болѣе своихъ собственныхъ дѣя-

телей, чѣмъ иностранныхъ, но послѣ Ломоносова на кого же она можетъ указать съ особеннымъ удовольствіемъ? И почему тѣ же самые Нѣмцы, которые такъ спокойно засыпаютъ у насъ на академическихъ креслахъ, неутомимо работаютъ въ Англіи или Америкѣ? Почему они тамъ стараются какъ можно скорѣе выучиться говорить на языкѣ той страны, съ которой соединяютъ свою скитальческую судьбу, а у насъ не рѣдко разучиваются даже своему родному слову? Надо полагать, что эта разница вовсе не зависитъ отъ племенныхъ или другихъ внѣшнихъ условій, а скрывается въ болѣе глубокомъ источникѣ... Мы совершенно раздѣляемъ мнѣніе, что Нѣмецъ по преимуществу рутинеръ, формалистъ, любитель цеха и бюрократіи, но въ немъ есть одна драгоцѣнная способность—необыкновенно быстро сливаться съ той народностью, которая подчиняетъ его своему вліянію; и если эта народность настолько сильна, чтобъ соскоблить съ Нѣмца его національную шелуху, онъ скорѣе, чѣмъ кто нибудь, дѣлается полезнымъ и образованнымъ космополитомъ. Это фактъ, доказанный германскими эмиграціями во всѣхъ частяхъ свѣта. Къ сожалѣнію, наши руссофилы такъ слабы внутреннимъ содержаніемъ жизни, такъ мало сознаютъ и цѣнятъ себя, что готовы считать пріѣздъ всякаго Нѣмца чуть—чуть не нашествіемъ Аларика или Одоакра. «Народность гибнетъ отъ иноземщины!» кричатъ они въ источный голосъ, какъ—будто народность составляетъ что—нибудь въ родѣ капусты или очищенной водки, которыя можно съѣсть или выпить. Будьте спокойны, господа, никто не отниметъ у васъ ни языка, ни національнаго характера, ни Нѣмецъ, ни Французъ не повредятъ вашей наукѣ и развитію, если только вы сами, дѣйствительно, выработали такія общечеловѣческія свойства, которыя заставляютъ уважать себя всякаго, кому вы отворите двери въ свое общество. Но вы мало ихъ имѣете, и потому боитесь иностраннаго вліянія...

Къ удовольствію нашего читателя, принадлежитъ ли онъ къ поклонникамъ г. Погодина, или къ любителямъ *Камаринскаго*, на этотъ разъ мы имѣемъ дѣло не съ Нѣмцами, а съ кровными нашими соотечественниками, г.г. Срезневскимъ и Дубровскимъ. «Воспоминанія» ихъ о Ганкѣ явились какъ нельзя больше кстати; въ то время, какъ *свистуны* обвиняли академію въ ея олимпійскомъ равнодушіи къ нашимъ умственнымъ интересамъ, являются въ свѣтъ сочиненія двухъ академиковъ и, конечно, лучше всего опровергаютъ обвиненіе... Академики первые вспомнили о Ганкѣ, первые обратили наше вниманіе

на эту почтенную могилу. Чего же больше? Можно ли быть современнѣе истинно–ученому мужу подъ 63° сѣверной широты? Сочиненія сихъ мужей носятъ одно и то же названіе, говорятъ объ одномъ и томъ же человѣкѣ съ одинаковымъ уваженіемъ и, если не ошибаюсь, съ одинаковымъ талантомъ..... Такое явленіе въ нашей литературѣ можно назвать даже роскошью. Иной, пожалуй, подумаетъ, что они какъ–будто обрадовались находкѣ такого предмета для своихъ книжекъ, какъ кончина добраго Ганки; но нѣтъ: въ каждой строчкѣ ихъ положено столько сочувствія покойному славянисту, что я едва не прослезился надъ одной страницей, гдѣ говорится, что «Денница», издаваемая г. Дубровскимъ, имѣла несчастіе померкнуть послѣ двухъ лѣтъ своего лучезарнаго сіянія, и померкнуть по «независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ». Признаюсь, давно я, бѣдный рецензентъ, не чувствовалъ такого умиленія отъ чтенія русской книги, какъ пробѣгая «Воспоминаніе» г. Дубровскаго. Боже мой! — думалъ я, что̀ это за прелестное воспоминаніе! — и за что̀ бы ни взялся нашъ академикъ — за изданіе ли «Денницы», за составленіе ли русской азбуки для польскаго языка, за оцѣнку ли Мицкевича и его произведеній, вездѣ и во всемъ онъ съумѣетъ и просвѣтить и согрѣть своего читателя....

Уважая, въ качествѣ критика, степень интереса разбираемыхъ мною сочиненій, я долженъ сначала сказать о «Воспоминаніи» г. П. Дубровскаго. Съ первыхъ же строкъ авторъ предупреждаетъ насъ, что онъ «нѣкогда *близко зналъ* покойнаго и находился съ нимъ въ *постоянной* перепискѣ.» Отъ близкаго знакомства мы, конечно, вправѣ ожидать новыхъ, болѣе или менѣе интересныхъ свѣдѣній о Ганкѣ, мы вправѣ надѣяться, что г. П. Дубровскій сообщитъ намъ нѣсколько характеристическихъ фактовъ, освѣщающихъ личность чешскаго патріота. Но ничего подобнаго нѣтъ въ тощемъ «Воспоминаніи» автора, и чѣмъ дальше я читалъ его, тѣмъ болѣе убѣждался, что г. Дубровскій также *близко* былъ знакомъ съ Ганкой, какъ самъ Ганка — съ Москвой, которую онъ впрочемъ никогда не видѣлъ. Разсказывая о жизни Ганки, близкій его знакомый не передалъ намъ ни одной черты, ни одной іоты изъ своихъ собственныхъ наблюденій, а, разложивъ передъ собой книгу, изданную въ Прагѣ въ 1839 г., вырвалъ изъ нея нѣсколько біографическихъ данныхъ, и тѣмъ заключилъ свой очеркъ. Кажется, близкому знакомому можно было подѣлиться болѣе живыми и интересными свѣдѣніями. Вотъ, напримѣръ, г. Лавровскій, пробывшій въ Прагѣ самое короткое время, успѣлъ позна-

комиться съ Ганкой настолько, чтобъ постоянно сидѣть съ нимъ рядомъ въ театрахъ и концертахъ, и потомъ сообщить намъ хоть слѣдующую черту, подмѣченную имъ въ *панъ-библіотекарѣ* Пражскаго Музея. «Вниманіе русскаго правительства, говоритъ г. Лавровскій, цѣнилъ Ганка чрезвычайно высоко, и хоть это вниманіе направлено было, большей частію, если не всецѣло, исключительно на него, но понималъ онъ его не въ исключительномъ, ни даже въ узко-народномъ смыслѣ: покойный наслаждался и гордился имъ, какъ *патріотъ славянскій*, пользующійся вниманіемъ единственнаго славянскаго правительства. Не любя вообще отличій внѣшнихъ, онъ считалъ обязанностью украшаться орденами русскими и дорогими подарками членовъ нашей Императорской Фамиліи. Въ праздники у него постоянно красовались ордена св. Анны и св. Владиміра, въ настоящихъ ихъ размѣрахъ; въ дни будничные онъ носилъ металлическую дощечку, на которой, на золотыхъ цѣпочкахъ, были прикрѣплены тѣ же ордена въ уменьшенномъ объемѣ. При посѣщеніи общественныхъ мѣстъ, гдѣ господствовала народность чешско-славянская, какъ-то: театра, концертовъ, бесѣдъ, В. В. надѣвалъ всегда и драгоцѣнные перстни на руку, вдѣвая, въ то же время, въ видѣ запонки, на манишку и великолѣпный брилліантовый перстень Императора Александра Павловича. Правая рука его блестѣла тогда брилліантами и другими дорогими разноцвѣтными каменьями, и онъ любилъ давать ей въ такихъ случаяхъ то положеніе, при какомъ каждый, вблизи сидѣвшій или не вдалекѣ проходившій, могъ видѣть ее». (См. Воспоминаніе о Ганкѣ. И. Срезневскаго, стр. 29). Итакъ мы видимъ, что Ганка любилъ показывать русскіе ордена и брилліанты *изъ всеславянскаго патріотическаго чувства*, и этимъ открытіемъ мы обязаны г. Лавровскому, а г. Дубровскій, близко знакомый съ чешскимъ археологомъ, не передалъ намъ даже такого свѣдѣнія.

Затѣмъ г. Дубровскій дополняетъ свое «Воспоминаніе» письмами Ганки, которыя, повидимому, напечатаны съ той цѣлью, чтобъ познакомить читателя съ литературными взглядами чешскаго славяниста. Нѣтъ сомнѣнія, что литературная переписка всего лучше воспроизводитъ внутреннюю физіономію умственнаго дѣятеля: здѣсь онъ откровеннѣе разоблачаетъ свои достоинства и недостатки, яснѣе выражаетъ свои убѣжденія и часто нехотя проговаривается въ томъ, чего не желалъ бы открыть публикѣ. Это своего рода задушевное признаніе, въ которомъ дружба или симпатія освобождаетъ языкъ отъ излишнихъ

стѣсненій, столь обыкновенныхъ въ литературной дѣятельности. Лично мы были бы рады перечитать всѣ письма Ганки, нетолько къ бывшему редактору Денницы, но даже къ сторожу пражскаго музея, если только Вячеславъ Вячеславичъ писалъ ему,—къ его портному, которому онъ заказывалъ платье; но, во всякомъ случаѣ, мы охотно прочитаемъ ихъ только тогда, когда они не лишены какого-нибудь интереса; иначе, какое намъ дѣло до всякаго бумажнаго лоскутка, оставленнаго Ганкой позади его и неимѣющаго ровно никакого значенія нетолько литературнаго, но даже каллиграфическаго? Къ сожалѣнію, переписка Ганки съ г. Дубровскимъ принадлежитъ къ этому послѣднему разряду. Какъ я ни старался найдти въ ней что-нибудь наставительное или занимательное, но, при всемъ моемъ усердіи, я не отыскалъ ни одной строчки, достойной вниманія общества, которому передаетъ ее типографскій станокъ; я даже думаю, что она издана совершенно не затѣмъ, чтобъ вспомнить о Ганкѣ, а затѣмъ, чтобъ самому автору напомнить о себѣ, или, какъ говоритъ старая англійская пословица, потереться около почтеннаго имени. Притомъ мы вовсе не видимъ, чтобъ г. Дубровскій находился въ *постоянной* перепискѣ съ г. Ганкой, какъ онъ увѣряетъ насъ выше: В. В. жилъ семьдесятъ лѣтъ, а г. Дубровскій переписывался съ нимъ только пять лѣтъ, и въ эти пять лѣтъ получилъ только четырнадцать писемъ. Правда, онъ говоритъ, что «многія изъ нихъ затерялись», но если они были также бѣдны внутреннимъ содержаніемъ, какъ помѣщенныя въ «Воспоминаніи», то намъ остается пожалѣть только о томъ, что они не затерялись всѣ сполна вмѣстѣ съ портфелемъ г. издателя ихъ. Изъ этого впрочемъ вовсе не слѣдуетъ, чтобъ мы не дорожили вообще кореспонденціей Ганки; мы увѣрены, что онъ оставилъ въ ней значительную долю своей доброй и симпатичной души, но оставилъ тамъ, гдѣ онъ чувствовалъ себя дѣйствительно *близкимъ* той личности, къ которой писалъ.

Вотъ самое содержаніе писемъ къ г. Дубровскому, которое я сообщу здѣсь въ общемъ ихъ результатѣ.

1842 г. 30 іюня. Въ этомъ письмѣ Ганка проситъ г. Дубровскаго прислать ему копію проекта славянской академіи. Самая замѣчательная вещь въ этомъ письмѣ та, что Ганка написалъ по-русски; *изъ матушки-Москвы*, и это отмѣчено нашему вниманію г. Дубровскимъ. Іюля 3.—Ганка сожалѣетъ, что *Пушкинъ убитъ въ то время, когда началъ заниматься краледворской рукописью*. Здѣсь г. Дубровскій поставилъ вопросительный знакъ, и только. Дальше

Ганка сѣтуетъ на г. Дубровскаго за то, что онъ въ его журналѣ вмѣсто буквы ё пишетъ *о*. Еще дальше—и это самое любопытное письмо — Ганка увѣдомляетъ, что Копитаръ *донесъ его* правительству про реймское евангеліе въ религіозномъ и политическомъ отношеніи.

1843 г. октября 5. Ганка смѣется, что Полякъ Витвицкій терпѣть не можетъ слова *нарѣчіе*, потому что оно московское. Ноября 16.—Ганка сообщаетъ г. Дубровскому, что «Нѣмцы всѣми неправдами хотятъ убѣдить насъ, что мы такіе же Нѣмцы, какъ и они, и Нѣмцами должны остаться», и т. д.

1845 г. Этотъ годъ заключается двумя письмами, изъ которыхъ въ первомъ извѣщаетъ Ганка, что онъ написалъ небольшую книгу: «Начала священнаго языка Славянъ», а во второмъ о томъ, что онъ опять началъ свои чтенія въ университетѣ о церковно-славянскомъ языкѣ.

Вотъ все, что есть самаго интереснаго въ перепискѣ Ганки съ г. Дубровскимъ; теперь слѣдуютъ еще семь писемъ, въ которыхъ говорится исключительно о «Денницѣ», или, какъ выражается чешскій ученый, о «милой Денницѣ». Я не стану передавать здѣсь содержанія этихъ писемъ, и смѣю увѣрить читателя, что въ нихъ еще меньше литературнаго интереса, чѣмъ въ первыхъ.

Изъ всего этого намъ остается заключить, что Ганка или былъ чрезвычайно скроменъ въ своей частной кореспонденціи или не находилъ съ г. Дубровскимъ болѣе занимательныхъ предметовъ для взаимнаго обмѣна идей и чувствъ.

«Воспоминаніе» г. Срезневскаго, читанное имъ въ академіи наукъ, исполнено не столько литературныхъ и ученыхъ доблестей, сколько гражданскихъ и патріотическихъ. Пересказавъ біографію Ганки и по дорогѣ коснувшись упадка чешской національности, г. академикъ выражается такъ: «Окончательное паденіе народности чешскаго народа, когда-то въ XIV—XVII в. славнаго своею высокою образованностью, было ожидаемо, какъ событіе, рѣшенное судьбою. И оно, вѣроятно, совершилось бы ни для кого незамѣтно, еслибы не явились люди, *успѣвшіе честно соединить обязанности гражданъ Австрійской имперіи* съ обязанностями сыновъ родной отчизны, и мирно, тихо, вѣрнымъ путемъ повести народъ къ нравственному оживленію, къ такому оживленію, которое и самому правительству австрійскому

должно было давать все болѣе силъ для развитія благосостоянія имперіи, умножая число образованныхъ и честныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ». (Стр. 8). Прочитавъ это мѣсто разъ, я ничего не понялъ въ немъ; потомъ прочиталъ въ другой разъ и посмотрѣлъ на обложку книги, чтобъ убѣдиться, дѣйствительно ли подписана она именемъ г. Срезневскаго и озаглавлена «Воспоминаніе» о В. В. Ганкѣ? и когда я убѣдился, что это такъ,—тогда мнѣ оставалось разъяснить, не сказано ли это просто ради реторической фигуры или по особенному увлеченію къ прелестной исторіи австрійскаго правительства. Какъ бы то ни было, но я совершенно растерялся отъ такого неожиданнаго заключенія. Еслибъ оно было высказано Бахомъ или Гайнау, тогда для меня было бы все понятно; но какимъ образомъ одинъ изъ поборниковъ славянскихъ интересовъ, другъ Ганки, могъ проговориться такъ неловко,—этого я совершенно не беру въ толкъ. Что же это за люди, которые спасли Чехію отъ паденія, потому что умѣли честно соединить обязанности Австрійской имперіи съ обязанностями сыновъ родной отчизны? Доселѣ никто не сомнѣвался въ томъ, что стремленія Австріи діаметрально противуположны стремленіямъ славянскаго міра, что все, что называлось честнымъ и доблестнымъ на языкѣ вѣнской полиціи или министерства, все то не имѣло и не могло имѣть никакой нравственной связи съ чешскою или венгерскою народностью. Здѣсь всегда было то же самое историческое положеніе, какое мы видѣли, до 1859 года, въ Италіи, опутанной австрійскими тенетами. Вѣдь было бы странно, напримѣръ, назвать Гарибальди честнымъ гражданиномъ Австріи и въ то же время вождемъ италіянскаго движенія. Никто также не станетъ отрицать и того общеизвѣстнаго факта, что благосостояніе Австрійской имперіи не имѣетъ ничего общаго съ благосостояніемъ подвластныхъ ей Славянъ.

Но филологія иначе разсуждаетъ о возрожденіи народовъ, потерявшихъ свою политическую свободу вслѣдствіе историческихъ несчастій; она думаетъ завоевать ихъ независимость съ помощію старыхъ рукописей и фоліантовъ, вмѣсто пушекъ и доблестной гражданской отваги, примѣрами которой такъ богата современная Италія. Говоря о значеніи Ганки, г. Срезневскій ставитъ его въ числѣ тѣхъ немногихъ дѣятелей, которые участвовали въ оживленіи чешскаго народа. Но въ чемъ же состояло это оживленіе?» Изучать отечественныя древности всякаго рода, говоритъ г. Срезневскій, отыскивать ихъ, внушать всякому чувство уваженія къ нимъ и обязанность ихъ сбереженія, описывать ихъ и изда-

вать такъ, чтобы они становились все болѣе извѣстными и понятными по значенію, привлекать и приготовлять къ этой работѣ силы молодыхъ людей,—вотъ—что задалъ себѣ Ганка на жизненную работу, задалъ еще прежде чѣмъ окончилъ университетскій курсъ, и при этомъ рѣшеніи остался навсегда». (Стр. 13). Прекрасно! Я уважаю заслуги Ганки и еще больше цѣню его хорошія свойства какъ человѣка, но все—таки я не понимаю, какъ онъ могъ содѣйствовать оживленію Чехіи? Во—первыхъ, въ наше время всѣмъ и каждому извѣстно, что чѣмъ болѣе народъ уважаетъ свои преданія, чѣмъ сильнѣе любитъ ихъ, тѣмъ медленнѣе совершается его прогрессивное движеніе. Такой народъ походитъ на библейскую старуху, жену Лота, которой было запрещено оглядываться назадъ, подъ опасеніемъ обратиться въ соляной столпъ..... Исторія, не какъ пропаганда извѣстныхъ нравственныхъ началъ, а какъ наука, направленная къ образованію національнаго чувства, реактируетъ общество и, вмѣсто оживленія, часто хоронитъ его подъ своими роскошными панегириками и патріотическимъ самоуслажденіемъ. Нигдѣ, конечно, историческая старина не имѣетъ такой обаятельной силы, какъ на востокѣ, и востокъ гніетъ подъ вліяніемъ своего преданія... Притомъ, исторія имѣетъ дѣло съ свободными народами, и только имъ вправѣ отводить мѣсто на своихъ страницахъ. Возьмемъ самые высшіе результаты какихъ только можно было ожидать отъ дѣятельности Ганки: положимъ, что онъ вмѣсто 40 лѣтъ просидѣлъ бы въ пражскомъ музеѣ 400 лѣтъ; положимъ, что онъ издалъ бы всевозможныя рукописи чешской письменности, научилъ бы всѣхъ пражскихъ дѣвушекъ говорить по-русски, распространилъ бы повсемѣстную любовь къ древностямъ; положимъ, что онъ заставилъ бы каждаго Чеха помнить наизусть всю краледворскую рукопись; но что́ же изъ этого слѣдовало бы? Неужели оживленіе чешскаго народа? Все это, конечно, прибавило бы къ его умственному капиталу нѣсколько новыхъ крохъ; можетъ быть, даже обратило бы болѣе внимательный взглядъ на его жалкую историческую судьбу; но не воскресило бы утраченную независимость, при которой только и возможна здоровая народность. Кажется, для всѣхъ ясно, какъ можно оживить Чехію,—для этого необходимо оторвать ее отъ мертваго тѣла Австріи, а это дѣло требуетъ гораздо больше, чѣмъ изданія старыхъ рукописей: оно по плечу только Геркулесу, который, какъ извѣстно, повѣсилъ за ноги своего педагога и съ горя установилъ олимпійскія игры. Мы не остановились бы на этомъ пунктѣ такъ долго, еслибъ

не видѣли, что наши историки часто впадаютъ въ умилительную идиллію и требуютъ отъ своей науки того, чего она никогда не давала и не въ состояніи дать.

Р. Р.

Ходатайство г. Костомарова по дѣламъ Сковороды и г. Срезневскаго.

Съ даровитыми людьми часто случаются въ жизни самыя странныя, самыя противурѣчивыя съ ихъ настоящимъ призваніемъ уклоненія,—уклоненія, которыя стараешься себѣ объяснить и такъ, и эдакъ, чтобы только какъ нибудь оправдать талантливаго человѣка; нѣтъ, не удается!.. уклоненіе все такъ и остается самимъ собою, страннымъ, и неумѣстнымъ и даже очень досаднымъ для посторонняго глаза, который въ даровитомъ человѣкѣ прежде всего привыкъ видѣть передъ собою только блестящія стороны его настоящаго призванія. Такъ, часто случается, что хорошій, замѣчательно-талантливый музыкальный исполнитель вздумаетъ вдругъ взяться за композиторское перо истаго маэстро; такъ, часто хорошій водевильный комикъ вздумаетъ вдругъ ни съ того, ни съ сего одрапироваться въ плащъ Гамлета или мантію Отелло;—ну, что же выходитъ? Нуль, такъ-таки круглый, голый нуль и больше ничего! Ну и жаль бѣдняжекъ;—вотъ все, что только и можно сказать о нихъ. Но сами-то бѣдняжки часто думаютъ объ этомъ совершенно иначе. Это-то вотъ послѣднее обстоятельство всего грустнѣе, потому что тутъ какъ ужъ ты ни доказывай бѣдняжкѣ, что дважды-два—четыре, и онъ все-таки будетъ упорно отвѣчать тебѣ: стеариновая свѣчка!

То же самое случается иногда и въ ученомъ мірѣ. И здѣсь очень часто приходится напоминать старую крыловскую истину:

«Бѣда, коль сапоги тачать начнетъ пирожникъ,
А пироги печи сапожникъ.

И намъ бы очень не хотѣлось примѣнить ее къ г. Костомарову, ученыя заслуги и талантъ котораго мы такъ глубоко уважаемъ; но... дѣлать нечего: волей—неволей, а примѣнить нужно, потому что г. Костомаровъ безъ всякой посторонней помощи, потрудился *самъ* примѣнить ее къ себѣ въ своей статейкѣ: «Слово о Сковородѣ» (Основа. кн. VII.). Почтенному профессору чрезвычайно не понравилась моя рецензія, въ іюльской книжкѣ «Русскаго Слова,» о сочиненіяхъ Григорія Савича Сковороды. Чтожъ дѣлать! вкусы бываютъ разные: г. Костомарову нравится Григорій Савичъ, а я нахожу его и послѣ начальническаго выговора Николая Ивановича, ни болѣе ни менѣе, какъ семинарской тупицей, какихъ порождала тысячами кіевская бурса прошлаго вѣка. И мнѣніе это я нетолько не беру назадъ, но, прочитавъ еще разъ сочиненія Сковороды, убѣждаюсь въ своемъ приговорѣ сильнѣе, чѣмъ прежде. Повторяю, что Григорій Савичъ былъ тупица нетолько для XVIII вѣка, но даже для XV христ. эры, потому что здравый смыслъ измѣряется не исторической критикой, а здравымъ же смысломъ человѣка. Но Николай Ивановичъ, находясь подъ вліяніемъ сильнаго раздраженія, едва понятнаго для насъ, рѣшился проучить меня не на шутку. Онъ сдѣлалъ самое энергическое воззваніе къ общественному мнѣнію, предъявивъ ему, что вотъ—де одинъ свистунъ *обиждаетъ* публично Сковороду и Срезневскаго.

Но позвольте, уважаемый профессоръ, усомниться въ одномъ, очень обыкновенномъ обстоятельствѣ: не случилось ли съ вами того же, что иногда случается съ солнцемъ, т. е. малаго затмѣнія?

Осмѣливаюсь разобрать ваши обвиненія по пунктамъ. а) Въ нашей текущей литературѣ,—начинаетъ г. Костомаровъ,—случается, что писатель, особенно рецензентъ какой нибудь выходящей книги, *произноситъ рѣшительнымъ тономъ знатока сужденія и даже осужденія надъ предметами, которыхъ не изучалъ, надъ которыми прежде не думалъ, которыхъ вовсе не знаетъ.*»

Вы совершенно правы: это точно *иногда* случается въ нашей литературѣ и даже въ нашей наукѣ. Мы даже знаемъ одинъ примѣръ, который конечно и вамъ знакомъ отчасти. Не вспомните ли вы одинъ замѣчательный споръ между двумя русскими учеными, изъ которыхъ одинъ, не зная литовскаго языка, рѣшился на основаніи его не рецензіи написать, и построить цѣлую теорію нашего происхожденія отъ Жмуди. А потомъ нашелся какой—то г. Летгола, который доказалъ этому ученому, что онъ принялся за дѣло наобумъ, не по—

нимая ни того языка, ни тѣхъ словъ, на которыя онъ такъ крѣпко опирался, защищая свою теорію. Что же изъ этого слѣдуетъ? Во-первыхъ то, что не одни скромные рецензенты, но «столпы науки» часто попадаются въ-просакъ; а во-вторыхъ, что надо всегда помнить два стиха крыловской басни:

Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучшель на себя, кума, оборотиться

и впредь осторожнѣе произносить свои выговоры да и не дѣлать ихъ такимъ безапелляціонно-генеральскимъ тономъ авторитета, какой берете на себя вы, почтеннѣйшій г. Костомаровъ. Ну, а теперь пойдемте далѣе:

в) «Сверхъ того, у насъ стало входить въ обычай,—продолжаетъ г. Костомаровъ,—печатно бросать грязью въ дѣятелей мысли и слова, оскорблять ихъ личность, не считая необходимымъ даже сколько нибудь объяснять—какой поводъ подали эти лица такъ презрительно обращаться съ ними. Быть можетъ, нѣкоторые думаютъ, что они этимъ творятъ поклоненіе призраку гласности? По нашему мнѣнію, отозваться неуважительно, хотя бы и слегка — вскользъ—о какой либо личности въ печати, мы вправѣ или тогда, когда эта личность была прежде обличена достаточно и поражена невыгоднымъ приговоромъ общественнаго мнѣнія, или-же когда мы сами представляемъ несомнѣнныя доказательства ея виновности передъ судомъ общества.»

Смѣемъ увѣрить г. Костомарова, что никогда и нигдѣ и никакъ мы не позволяли и не позволимъ себѣ бросить грязью ни въ одного *дѣйствительно* полезнаго дѣятеля *слова и мысли*, потому что считаемъ это преступленіемъ и противъ общества, и противъ своего посильнаго служенія ему, и противъ своей собственной совѣсти. Отнестись же неуважительно о мертвомъ адептѣ мертвой схоластической буквы всегда считаемъ себя въ полномъ правѣ, потому что для насъ понятна только живая сторона науки, которая имѣетъ здоровую связь съ народомъ и его истинными интересами. Наука, какъ и все въ жизни, имѣетъ свою рутину, свои бѣлила и румяна, и если въ ней нѣтъ животворнаго союза съ тѣмъ обществомъ, которому она служитъ, то какимъ бы титуломъ ее ни величали—академическимъ или университетскимъ, все-таки она останется рутиной, а не наукой. Да лучшій примѣръ—вы сами, г. Костомаровъ.—Извините, что

мы такъ прямо рѣшаемся выбрать васъ примѣромъ! Вы принадлежите университету, и занимаете одну изъ его каѳедръ: — скажите по чести: случалось ли вамъ замѣчать разницу не говорю уже относительно вниманія и любви, а просто относительно количества слушателей въ вашей аудиторіи въ сравненіи съ нѣкоторыми другими. Если вамъ случалось также подмѣчать то чувство, съ какимъ стремилась къ вамъ масса добровольныхъ слушателей, то вы насъ поймете очень хорошо, и—не знаю, смягчите ли нѣсколько свое обвиненіе противъ насъ въ киданіи грязью, но, смѣю думать, согласитесь со мною въ моемъ правѣ, какъ лица принадлежащаго обществу, предпочитать живаго дѣятеля науки и слова мертвому служителю мертвой буквы. Мы осмѣлимся замѣтить вамъ, что вы напрасно берете на себя не собственную вамъ роль ходатая по чужимъ дѣламъ или, чтобы выразиться нѣсколько деликатнѣе, адвоката за г. Срезневскаго. Вы говорите, что г. Срезневскій оказалъ услуги языкознанію—слѣдственно, нечего вамъ отнимать у него права протеста, который онъ весьма удобно могъ бы написать и самъ. Положимъ, что вы защищаете Сковороду по чувству письменнаго и историческаго родства, но за что же вы приплели сюда и г. Срезневскаго? А разъ, принявъ на себя подобную обязанность, вы должны были серьезно справиться съ *дѣйствительностью* его филологическихъ заслугъ. Онѣ, можетъ быть, кажутся вамъ подвигами Гримма и Гумбольдта; но вы ужасно ошибаетесь: вся учено-литературная дѣятельность г. Срезневскаго представляется намъ, простымъ свистунамъ, чѣмъ-то въ родѣ взбитаго крема, прежде пріятнаго, но если положить его въ ротъ, то отъ него ровно ничего питательнаго не остается.... Вы ли предупредите насъ или мы васъ въ оцѣнкѣ этой дѣятельности, но смѣю увѣрить васъ, что въ результатѣ правда будетъ на нашей сторонѣ. Во всякомъ случаѣ, намъ грустно видѣть васъ защитникомъ не науки, а рутины какъ вы поступили въ настоящемъ случаѣ....А вѣдь это уже и не хорошо для такого независимаго и живаго дѣятеля слова, какимъ мы всегда привыкли считать васъ. Берегитесь вступленія, г. Костомаровъ! Шагъ перехода отъ свободнаго художника къ цеховому научныхъ дѣлъ мастеру—очень опасный въ глазахъ общества, тѣмъ болѣе, что для васъ лично онъ можетъ быть и совершенно незамѣтнымъ, особенно при вашей раздражительности....

Кстати, о раздражительности! Вѣдь это она затемнила вашу память настолько, что вы позабыли даже нѣчто въ моей рецензіи и

сдѣлали мнѣ совершенно несправедливый упрекъ. Вы говорите, что я привелъ имя г. Срезневскаго на-ряду съ именемъ издателя ханжеской газеты не потому, что г. Срезневскій подписался на Сковороду— «иначе зачѣмъ же вы пощадили библіотеку харьковскихъ студентовъ, которая подписалась на десять экземпляровъ», прибавляете вы. А вотъ въ томъ-то и сила, что я и не думалъ щадить ее: она у меня тутъ-какъ-тутъ, на-ряду съ гг. Данилевскимъ, Срезневскимъ и Аскоченскимъ и даже всѣ ея 10 экземпляровъ не позабыты. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, вамъ стоило только заглянуть въ мою статью—но увы! раздражительность помѣшала! А согласитесь, въ дѣлѣ ходатайства по чужимъ дѣламъ раздражительность и забывчивость (хотя бы и неумышленныя) качества совершенно неподходящія и даже вредныя.

Теперь о Сковородѣ. Привожу опять по пунктамъ ваши дальнѣйшія обвиненія:

a) Вы считаете его *народнымъ* и изумляетесь нашей дерзости въ постановкѣ двухъ вопросительныхъ знаковъ противъ этого слова.

b) Вы говорите, что на всемъ пространствѣ отъ Острогожска до Кіева во многихъ домахъ висятъ его портреты.

c) Имя его, по свидѣтельству вашему, извѣстно очень многимъ изъ неграмотнаго народа; его всѣ знаютъ въ Малороссіи и Украйнѣ.

d) Странствующіе пѣвцы и монастырскіе служки (какъ свидѣтельствуетъ самъ издатель) усвоили нѣкоторыя изъ его пѣсенъ. Нѣкоторыя изъ нихъ вошли въ собраніе галицкихъ пѣсенъ Вацлава зъ Олеска и Жеготы Паули, безъ сознанія самихъ собирателей, что эти пѣсни сочинены Сковородою.

e) Значеніе писателя прошедшаго времени, говорите вы, измѣряется или по эстетическому достоинству, или *по его вліянію на свой вѣкъ, по степени, въ какой онъ выражаетъ направленіе, нравственное состояніе окружающей его среды, по вмѣстимости въ немъ умственныхъ требованій и вкуса современниковъ*, и на основаніи всего этого, вы защищаете Сковороду, приписывая ему всѣ только-что означенныя достоинства.

Пока довольно и этихъ пунктовъ. Мы должны отвѣчать вамъ на нихъ, и, для большей отчетливости, намѣрены отвѣчать также по пунктамъ:

a) Очень жаль, если вся «схоластическая ерунда и семинарская мертвечина Сковороды», какъ мы назвали ее въ нашей рецензіи, извѣстна народу. Это, впрочемъ, еще нисколько не говоритъ въ пользу того, чтобы благоговѣть передъ нею или, по малой мѣрѣ, допускать

ее. Мало ли что есть у народа дурнаго? И неужели же не надо стараться искоренять изъ среды народа все это дурное, на томъ только основанiи, что оно сдѣлалось *народнымъ?* Такимъ образомъ есть у парода и кабакъ, и Иванъ Яковлевичъ, и Маѳуша, и «гадательный царь Соломонъ,» и даже отчасти «Домашняя Бесѣда,» и множество самыхъ мрачныхъ издѣлiй тупаго невѣжества, ханжества, суевѣрiя и мрачнаго изувѣрства. Такъ, по-вашему, все это надо оставлять въ народѣ на томъ основанiи, что оно привилось къ нему? Остановитесь, г. Костомаровъ! Пощадите себя! Вспомните, куда вы идете и за что вы ратуете?

b) Портреты Сковороды висятъ во многихъ домахъ. Мы знаемъ, что точно также во многихъ домахъ висятъ портреты и Бовы—королевича и Аники—воина и многихъ героевъ въ пылу размалеванныхъ сраженiй съ бусурманами. Это еще ровно ничего не доказываетъ. Портреты этихъ героевъ могутъ пользоваться равной степенью извѣстности съ портретомъ Григорiя Савича Сковороды. Но развѣ размалеванныхъ охрою и сурикомъ героевъ вы назовете черезъ это народными? Если такъ, то вы, г. Костомаровъ, слишкомъ безразлично-щедры на эпитетъ: *народный*, съ которымъ надо обращаться какъ можно осторожнѣе и скупѣе.

c) Имя Сковороды извѣстно по всей Малороссiи, — имя Петра Зряхова, какъ автора «Битвы Русскихъ съ Кабардинцами или прекрасной магометанки, умирающей на гробѣ своего супруга», патрiотической повѣсти съ куплетами, романсами, пѣснями, танцами и бубномъ, съ барабаннымъ боемъ, маршами и пушечными выстрѣлами— пользуется гораздо большею и болѣе лестною популярностью на всемъ огромномъ пространствѣ Россiи —

От Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды —

и все—таки это не мѣшаетъ господину Петру Зряхову быть тупоумнѣйшимъ изъ мертвыхъ, а его произведенiю — безобразнѣйшей белибердой, какую когда-либо печаталъ типографскiй станокъ.

d) Пѣсни Сковороды поются слѣпцами. Согласны. Но вѣдь и у насъ поются народомъ пѣсни разныхъ господъ, по таланту равныхъ Сковородѣ. Какой-нибудь солдатскiй или фабричный хоръ пѣсенниковъ пропоетъ-себѣ пѣсню:

Расприкрасная сталица
Славный городъ Питинбурхъ —
Шолъ по Невскому пришпехту
Самъ съ перчаткой расуждалъ —

а досужіе слушатели подхватили—и пошла гулять пѣсня по народу. Чтожъ изъ того, что она стала «*народною*»? Очень грустно, и больше ничего; тѣмъ болѣе, что весьма удобно могла бы и не быть *народной*. Въ народъ переходитъ множество пѣсенъ такимъ образомъ и мы ужъ не говоримъ здѣсь о лучшихъ изъ нихъ, какъ напримѣръ мерзляковская: «Среди долины ровныя: или цыгановская: «Не шей ты мнѣ, матушка». Нѣтъ ничего особеннаго въ томъ, что пѣсни Сковороды перешли къ слѣпцамъ. Сковорода отличался огромною симпатіей къ монастырскимъ обитателямъ; посреди ихъ складывалъ свои безобразныя вирши; чернецы подхватывали эти велемудрыя канты и воспѣвали ихъ; слѣпцы-нищіе, распѣвающіе зачастую различныя порожденія схоластическаго мрака, что мы доказывали уже однажды *), переняли ихъ непосредственно отъ монаховъ—вотъ вамъ и источникъ *народности* пѣсенъ Сковороды. Да вотъ въ чемъ вопросъ: это ли еще нужно разумѣть подъ словомъ народная пѣсня. Каждый опытный собиратель поостерегся бы придать ей этотъ эпитетъ. Въ томъ еще нѣтъ ничего мудренаго, что ее поютъ слѣпцы: зачастую пѣсня, принадлежащая слѣпцамъ, калѣкамъ перехожимъ, не принадлежитъ еще народу и поэтому позвольте намъ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, и несогласиться еще съ вами относительно народности Сковороды. Мы рѣшительно и упорно остаемся при своемъ прежнемъ мнѣніи.

д) Вы хотя и голословно, однакоже съ рѣшительностью авторитета увѣряете насъ, что Сковорода имѣлъ вліяніе на свой вѣкъ, что онъ выражаетъ собою направленіе, нравственное состояніе окружающей его среды, вмѣщаетъ въ себѣ умственныя требованія и удовлетворяетъ вкусу своихъ современниковъ. Хорошо-съ. Если это такъ, то каковы же должны были быть малороссы, — современники Григорія Савича, когда въ немъ одномъ вмѣщались всѣ ихъ нравственныя и умственныя требованія? О, почтеннѣйшій г. Костомаровъ, помилуйте, вѣдь вы говорите напраслину почти-что на цѣлую націю! Мы, съ своей стороны, нас-

*) См. Русское слово. № 1—1861 Отдѣлъ русской литературы. Сборникъ духовныхъ русскихъ стиховъ Варенцова.

только уважаемъ малорусскую народность и малорусское общество того времени, что беремъ на себя смѣлость рѣшительно неповѣрить вамъ въ этомъ. Намъ неизвѣстна жизнь Сковороды, но сколько мы можемъ судить по извѣстнымъ намъ твореніямъ «украинскаго философа», то— повторяемъ открыто—подобнаго тупоумія и бурсацской мертвечины намъ пока еще нигдѣ не приводилось читать. За какихъ же идіотовъ должны мы будемъ считать малороссовъ—современниковъ Сковороды, если онъ былъ ихъ геній? Нѣтъ, г. Костомаровъ, не ожидали мы отъ васъ такой странной опромѣтчивости въ приговорахъ, опромѣтчивости, ведущей васъ къ напраслинѣ на цѣлое поколѣніе народа! Мы всегда надѣялись встрѣтить въ васъ болѣе уваженія къ тому дѣлу, за которое вы ратуете, мы ждали отъ васъ болѣе уваженія къ здравому смыслу малороссійской націи!

Впрочемъ, быть можетъ, вы были черезчуръ раздражены смѣлостью «школьника», который позволилъ себѣ пораздразнить нѣсколько гусей;—о, въ такомъ случаѣ мы понимаемъ васъ совершенно!

Теперь же поведемъ мы съ вами рѣчь вотъ о чемъ: вы говорите, будто я вообразилъ себѣ, что Сковорода преслѣдовалъ умственную и гражданскую свободу, тогда какъ онъ говоритъ о *злой волѣ.* Вотъ именно этотъ-то рабскій аскетизмъ намъ и не понравился; его-то мы тутъ и разумѣли, хотя быть можетъ и нѣсколько неясно высказали свою мысль въ рецензіи. Вѣть эта сковка воли ведетъ человѣка къ совершенно рабскому, даже идіотическому подчиненію своего *я* какимъ-то изувѣрски-мистическимъ, мрачнымъ пугаламъ, заставляетъ человѣка удаляться отъ всего живаго и приводитъ наконецъ къ добровольнымъ истязаніямъ плоти индѣйскихъ факировъ. А мы—грѣшные люди, признаемся,—мы любимъ и лелеемъ столькоже плоть, сколько и духъ и потому-то показали этотъ рабскій аскетизмъ въ вашемъ Григоріѣ Савичѣ Сковородѣ.

Что́ же касается до того, что онъ, по вашимъ словамъ, былъ поборникомъ свободы въ сферѣ религіозной, то мы изъ произведеній его рѣшительно не видимъ этого; а что́ онъ являлся, опять-таки по вашимъ же словамъ, поборникомъ свободы нравственной и гражданской, то мы вамъ можемъ сказать на это, что подобнаго поборника мы видимъ и въ наши дни въ лицѣ г. Аскоченскаго; но не знаемъ, какъ вамъ, а намъ такъ рѣшительно противны эти поборники, предлагающіе нравственную и гражданскую свободу въ принципѣ мрачнаго изувѣрства и смотрящіе на нихъ сквозь призму отжившаго, схола-

стическаго и мистически-темнаго ученія, отъ котораго давнымъ-давно отреклось все живое и мыслящее нетолько нашего времени, но даже и времени вашего Сковороды.

Теперь—еще одно послѣднее сказанье—и мы совершенно покончимъ расчетъ съ вами. Болѣе всего намъ понравились у васъ слѣдующія заключительныя строки:

«На васъ, г. Вс. К—овскій, возгласы какого-то читателя имѣютъ дѣйствіе холодной души, а на насъ чтеніе вашей рецензіи производитъ дѣйствіе отвратительнаго запаха невѣжества и школьническаго нахальства».

Скажите на-милость, почтеннѣйшій профессоръ, что приходится отвѣчать на эти пропитанныя тономъ литературно-генеральскаго презрѣнія слова мнѣ, простому рядовому въ батальонѣ россійской словесности?—одно только:

Виноватъ, Ваше Превосходительство!!!

А въ душѣ съ сокрушеніемъ и болью подумать, что, къ сожалѣнію, приходится намъ разочаровываться еще въ одномъ свѣжемъ и здоровомъ дѣятелѣ, который вдругъ съ самодовольствіемъ облекаетъ свои плечи въ блестящія старческія украшенія. Это замѣтилъ и не я первый: г. Мордовцевъ уже предупредилъ меня. Все это очень грустно.

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

Моимъ критикамъ.

Sine ira...

II.

Чтобы удобнѣе спорить съ моими противниками, мнѣ нужно найти точку, въ которой мы сходимся. Г. Антоновичъ отозвался довольно мирно о моей практической философіи, слѣдовательно я считаю себя вправѣ принять, что онъ, несогласный со способомъ построенія ея, согласенъ по крайней мѣрѣ съ ея выводами. Г. Писаревъ не сдѣлалъ и этой уступки; онъ напротивъ говоритъ, что «въ области нравственной философіи наши взгляды діаметрально противуположны»; въ его статьѣ о современной схоластикѣ я нахожу одинъ только принципъ, къ которому могу привязать мое построеніе, но этого принципа мнѣ довольно: онъ говоритъ: «Старайтесь жить полной жизнію...» Для него жизнь, не связанная ни идеалами, ни особыми цѣлями, есть основный пунктъ. «Если наука и искуство мѣшаютъ жить,» говоритъ онъ... «такъ и Богъ съ ними, мы ихъ знать не хотимъ...» Объ этихъ результатахъ потомъ, но пока начинаемъ съ самаго принципа.

«Старайтесь жить полной жизнію...» Надѣюсь, что это изрѣченіе нельзя понять иначе, какъ: берегите и уважайте въ себѣ всѣ зародыши силъ, способностей, качествъ, которыя въ васъ есть; не уродуйте себя въ угоду *принятымъ* правиламъ жизни, *принятому* міросозерцанію, или моднымъ привычкамъ (*). Но физіологія и психологія одновременно утверждаютъ, что всякій органъ или способность, для того, чтобы не заглохнуть, требуютъ заботы, ухода, упражненія. Если я не буду упражнять мускулы руки, она ослабѣетъ; если я не буду

(*) При этомъ замѣчу, что напрасно г. Писаревъ заподозрилъ меня въ чрезмѣрномъ уваженіи къ аскетизму. Въ выпискѣ, которую онъ приводитъ, доказывается лишь одно: отъ начала: *наслаждайся*, можно дойти нетолько до *человѣчнаго* взгляда на нравственность, но и до уродливо-односторонняго взгляда на нее—до аскетизма. Я бы указалъ г. Писареву мѣсто въ моей другой брошюрѣ, гдѣ это высказано полнѣе, но онъ ее вѣроятно и читать не станетъ, а г. Антоновичъ мнѣ положительно запретилъ ссылаться на мои же статьи, сказавъ, что я всегда найду у себя доказательство противурѣчащимъ взглядамъ.

упражнять мысль, она потеряетъ способность останавливаться на предметахъ для ихъ совѣстливаго изученія, потеряетъ гибкость, необходимую для перехода отъ одного ряда понятій къ другому, потеряетъ критическую силу, съ помощью которой отличаетъ предразсудокъ въ нее вложенный, и собственное предположеніе, отъ убѣжденія, обслѣдованнаго со всѣхъ сторонъ. И такъ требованіе *жить полною жизнію* заключаетъ въ себѣ, по необходимости, условіе: *развивай самъ себя.* Если я не буду развивать себя, то, какъ мнѣ очень хорошо извѣстно, часть моихъ силъ и способностей заглохнетъ, извратится и я буду жить все болѣе одностороннею, неполною жизнію. Поэтому всестороннее развитіе есть для меня необходимое слѣдствіе желанія жить полной жизнію. Это моя *нравственная обязанность.* Я бы сказалъ: это *цѣль* моей жизни; это *человѣчный идеалъ*, къ которому я стремлюсь въ процессѣ жизни; идеалъ, который я стараюсь осуществить, но вполнѣ никогда не осуществляю, а потому требованіе развитія остается всегда существующимъ. Но г. Писаревъ не хочетъ ни *цѣли*, ни *идеала.* Хорошо: я буду избѣгать здѣсь употребленія этихъ словъ; но дѣло отъ этого не измѣнится. Или *полная жизнь* и *обязанность развиваться*, или никакой обязанности и жизнь неполная, односторонняя, скудѣющая и въ своихъ проявленіяхъ и въ своихъ побужденіяхъ. Выбирайте.

Но выборъ давно сдѣланъ г. Писаревымъ. Вступая на литературное поприще, принимаясь за серьозныя статьи, онъ очевидно желаетъ уяснить читателямъ современныя требованія отъ человѣка образованнаго, отъ гражданина общества, отъ литератора, отъ мыслителя, и прежде всего, онъ ихъ уясняетъ конечно самъ для себя. Онъ говоритъ себѣ: вотъ такъ-то поступать, писать, говорить и мыслить *слѣдуетъ*, а такъ *не слѣдуетъ.* Слѣдуетъ такъ поступать, писать, говорить и мыслить, потому что это сообразно съ тѣмъ понятіемъ (чуть не сказалъ: идеаломъ), который я себѣ составляю объ образованномъ человѣкѣ, литераторѣ, мыслителѣ. Если я напишу противное своему убѣжденію, то я этимъ уроню себя въ своихъ глазахъ, изуродую свой взглядъ на честнаго писателя. Если такой-то господинъ пишетъ сегодня не то, что писалъ вчера, то онъ не удовлетворяетъ моимъ требованіямъ отъ послѣдовательнаго, дѣльнаго мыслителя. Я буду стараться быть послѣдовательнѣе его; буду стараться взглянуть вѣрнѣе на предметъ; только съ этимъ условіемъ я разовью и свою собственную мысль и мысль моихъ читателей.» Конечно, всѣ эти разсужденія являются не въ видѣ связнаго ряда силлогизмовъ, логическихъ умозаключеній, но въ

цѣпи, многія звѣнья которой остаются безсознательными или немедленно забытыми. Тѣмъ не менѣе это обыкновенный логическій процессъ, которымъ писатель приходитъ къ тому, чтобъ написать свои мысли для публики—конечно устраняя всякія постороннія, нелитературныя побужденія, о которыхъ здѣсь говорить было бы, какъ я думаю, вовсе не кстати.

И такъ г. Писаревъ собственнымъ своимъ процессомъ литературной дѣятельности выбираетъ *развитіе*, какъ *требованіе* отъ человѣка, что совершенно согласно съ его принципомъ *жить полною жизнію*. На этомъ началѣ мы сходимся.—Мы еще сходимся на томъ, что развитіе человѣка должно быть полное, не одностороннее. Я назвалъ это *человѣчностью* и сказалъ, что она есть *совокупленіе* (не смѣшеніе) *всѣхъ главныхъ отраслей дѣятельности въ жизни одной личности*; г. Писаревъ видитъ человѣчность въ *цѣльной личности, развившейся безъискуственно и самостоятельно, не сдавленной служеніемъ идеаламъ*...Тутъ мнѣ кажется различіе болѣе въ словахъ, чѣмъ на дѣлѣ. Нравственный идеалъ (какъ я понимаю его) не есть нѣчто внѣшнее, искуственно привитое человѣку, но представленіе совершенно самостоятельно вырабатывающееся изъ условій его природы, жизни, исторической обстановки и т. д. Въ такомъ случаѣ служить идеалу, это—высшая самостоятельность, потому что вся личность человѣка въ ея особенности, въ ея желаніяхъ, гармонирующихъ наилучшимъ образомъ между собою, вошла въ идеалъ, къ которому человѣкъ стремится. Человѣкъ сдавленъ, когда онъ служитъ *чужому* идеалу, имъ не выработанному, не пережитому, не вошедшему въ его плоть и кровь; это—*идолопоклонство*. Но собственный идеалъ не давитъ, потому что воплощеніе его въ дѣло есть наслажденіе, и если оно не доставляетъ наслажденія, то мы напрасно называемъ этотъ идеалъ *своимъ*. Правда, разнообразныя влеченія человѣка представляются ему иногда, какъ отрицанія его идеала, т. е. онъ не можетъ свести свои желанія *въ частности*, въ одно стройное цѣлое съ тѣмъ, чѣмъ онъ желалъ бы быть *вообще*. Тутъ или недостатокъ силы мысли, или патологическое состояніе. Желанія, естественно присущія человѣку, не отрицающія начала справедливости, всегда могутъ быть примирены съ идеаломъ личности, хотя они часто противурѣчатъ *общепринятому* идеалу кружка, къ которому принадлежитъ личность. Но она имѣетъ не только право, но и обязанность быть *собою*, т. е. вносить въ воплощаемый ею идеалъ тѣ осо-

бенности, которыя ее отличаютъ отъ другихъ, а не поклоняться по рутинѣ общественному идеалу.—Но есть желанія патологическія, прямо противурѣчащія нашему представленію о собственномъ и чужомъ достоинствѣ, желанія, возникающія временно, въ минуты особеннаго возбужденія, и которыя мы порицаемъ, какъ только возбужденіе наше прошло. Сюда относятся всѣ злоупотребленія своею силою, способностями, положеніемъ, во вредъ, въ оскорбленіе другихъ личностей, и нѣкоторыя желанія, прямой вредъ которыхъ для насъ самихъ намъ совершенно ясенъ, но которыя въ данную минуту становятся въ насъ преобладающими побужденіями, такъ что мы готовы забыть всѣ естественныя и неизбѣжныя послѣдствія нашего увлеченія. Эти патологическія желанія *должны* быть предметомъ нашей постоянной борьбы, и г. Писаревъ навѣрное не считаетъ ихъ удовлетворенія *полной* жизнію. Если человѣкъ, въ минуту ослѣпленія страстью, готовъ ударить другаго человѣка, даже неправаго въ отношеніи къ первому,—если мужчина, въ скотскомъ возбужденіи, хочетъ изнасиловать слабую дѣвушку—вѣроятно г. Писаревъ первый скажетъ: это не должно, это не слѣдуетъ, это оскорбленіе человѣческаго достоинства, это преступленіе. Онъ можетъ такъ говорить только во имя нѣкотораго представленія (или идеала) человѣческаго достоинства, во имя нѣкоторой обязанности, нарушеніе которой есть преступленіе.—Во всякомъ случаѣ онъ долженъ признать эти побужденія патологическими и требовать, чтобы человѣкъ противъ нихъ боролся, какъ отъ больнаго требуютъ борьбы съ его желаніями, несоотвѣтствующими требованіямъ діэты.

И такъ я полагаю, что схожусь съ моими критиками въ требованіи отъ человѣка *цѣльнаго развитія* всѣхъ сторонъ жизни, и ставлю на первое мѣсто, согласно съ ними—*жизнь* въ ея цѣлостномъ гармоническомъ развитіи, т. е., какъ можно бы выразиться по моему мнѣнію, воплощеніе въ дѣйствіе стройнаго, *своеобразнаго*, самостоятельно выработаннаго идеала человѣческой личности. Отсюда я начинаю мое построеніе.

Человѣкъ долженъ жить *полной* жизнію и *цѣльной* жизнію. Процессъ жизни заключаетъ: воспринятіе явленій доходящихъ до сознанія, т. е. *знаніе;* группировку этихъ явленій различнымъ образомъ, сообразно законамъ мысли и фантазіи—т. е. *творчество;* наконецъ внесеніе помощью дѣйствій во внѣшній міръ своего внутренняго міра мысли и фантазіи, преобразованнаго въ міръ желаній, т. е. *жизнен-*

ную дѣятельность, въ тѣсномъ смыслѣ. Требованіе *полной* жизни есть требованіе одновременнаго развитія въ себѣ *знанія*, *творчества* и *жизненной дѣятельности*. Требованія *цѣльной* жизни есть требованіе соглашенія творчества и дѣятельности со знаніемъ, требованіе *философской системы*, охватывающей всѣ три начала въ одно стройное цѣлое.

Послѣднее требованіе есть требованіе, естественно вытекающее изъ природы человѣка, необходимо имъ поставленное, а потому можно сказать, что *философствованіе* есть общечеловѣческая принадлежность, наравнѣ съ потребностью знаній, съ даромъ слова, съ художественнымъ наслажденіемъ. Человѣкъ узнаетъ и расширяетъ свои знанія по необходимости, но онъ можетъ лишь *стремиться* къ *учености*; онъ естественно говоритъ, но весьма немногіе *владѣютъ словомъ* вполнѣ; точно также всѣ философствуютъ по необходимости, но немногіе достигаютъ до цѣльной, стройной и самостоятельно-продуманной системы философіи (заимствованной или своей—все равно) (*).

Какъ же приступить къ построенію правильной философской системы? Конечно, знаніе должно быть ея основою и руководителемъ. Но она должна пополнять факты знанія гипотезами, для того, чтобы обнять всѣ эти факты и создать изъ нихъ стройное цѣлое. Гипотезы должны ограничиваться при этомъ необходимымъ.—Я полагаю, что во всемъ предыдущемъ мои критики могутъ со мною согласиться, и что они сами своею системою стараются достичь тѣхъ же цѣлей.

Но построеніе системы совершенно отдѣланной во всѣхъ ея частностяхъ есть цѣль, къ которой стремится исторія философіи, не имѣя надежды скоро ея достигнуть. Главная задержка здѣсь заключается въ самыхъ пробѣлахъ знанія. Въ одномъ мѣстѣ факты неоспоримы и тѣсно связаны; въ другомъ весьма вѣроятны, но раздѣльны и требуютъ гипотетической связи; въ третьемъ они такъ разсѣяны, что всякая гипотеза дѣлается весьма искуственною связью. Конечно и въ этомъ случаѣ точка исхода должна быть тамъ, гдѣ фактъ неоспоримый, неизбѣжный, представляется самъ собою. Чѣмъ факты разрозненнѣе, тѣмъ

(*) Полагаю, что этимъ я достаточно отвѣчаю на многочисленныя ироническія выходки, разсѣянныя въ разныхъ журналахъ и газетахъ о моемъ открытіи, будто всѣ мы—философы. Философствуютъ сознательно или безсознательно всѣ, и въ томъ числѣ всѣ мои критики, но до того, чтобы сдѣлаться философами, многимъ также далеко, какъ г. Розенгейму до поэта—а я вѣрю что и онъ способенъ сочувствовать поэзіи.

они должны быть болѣе отодвинуты отъ философскаго начала. Наконецъ положенія самыя спорныя, по современному состоянію науки или по природѣ человѣческаго духа неподлежащія ясному изслѣдованію, должны оставаться въ той дали, которая допускаетъ скептическое отношеніе философа къ разсматриваемымъ вопросамъ.

Человѣческая дѣятельность есть по моему мнѣнію тотъ основный фактъ, съ котораго можно и слѣдуетъ начать, потому что все остальное подъ нее подходитъ какъ частный случай, все познается, создается и совершается *для насъ* лишь помощью ея.—Я не вижу и здѣсь причины моимъ критикамъ со мною несогласиться, потому что одинъ изъ нихъ ставитъ въ начало *полную жизнь*, что вовсе недалеко отъ человѣческой дѣятельности; другой говоритъ, что матеріализмъ беретъ цѣльнаго человѣка, не раздѣляя его. Я именно и хочу начать съ этого безспорнаго цѣльнаго человѣка, который преимущественно проявляется въ своей разнообразной дѣятельности.

Человѣкъ въ его цѣлости есть необходимое начало, неизбѣжная точка исхода человѣческаго мышленія; чрезъ всю его жизнь проходитъ положеніе: я могу поставить себѣ цѣль, могу къ ней стремиться и достигнуть ея. Эта цѣль представляется ему какъ предметъ, который должно изучить, какъ художественный идеалъ, который надо воплотить, какъ нравственный идеалъ, который надо осуществить. Но послѣднее побужденіе охватываетъ оба первые: какъ частные идеалы нравственной дѣятельности становятся предъ мыслію человѣка идеалы *ученаго* и *художника* и онъ себѣ говоритъ: постараюсь изслѣдовать вопросъ какъ *надлежитъ* совѣстливому ученому; постараюсь воплотить образъ мною созданный въ произведеніе искуства, какъ *надлежитъ* художнику сознающему требованія красоты.... Можетъ быть мои критики мнѣ возразятъ, что ни одинъ ученый, ни одинъ художникъ *такъ* не формулируетъ свою дѣятельность: онъ чувствуетъ потребность дѣйствовать и дѣйствуетъ, не заботясь объ *обязанностяхъ* ученаго и художника.—Конечно, они большею частью не относятся съ такимъ самоизслѣдованіемъ къ своей дѣятельности, но тѣмъ не менѣе подчиняютъ ее именно этому принципу, сознательно или безсознательно. Ученый напалъ на новое соображеніе, новый взглядъ въ наукѣ, онъ нашелъ вѣроятнымъ новый фактъ; смотрите, съ какимъ стараніемъ онъ повѣряетъ свое открытіе, какъ тщательно устраняетъ возможныя ошибки; мало того: онъ старается дать своему открытію самую простую, самую краткую форму, ищетъ удобнѣйшій методъ по-

вѣрки, доказательства, даже послѣ того, какъ истина факта для него сдѣлалась неоспоримою. Почему это? потому что онъ носитъ въ себѣ идеалъ своего знанія: ему хотѣлось бы знать всѣ факты вполнѣ достовѣрно и въ самой простой формѣ доказательства, въ самой тѣсной связи ихъ между собою.—Во имя этого идеала онъ стремится пополнить, отдѣлать, округлить свои знанія.

Итакъ требованіе повѣрки знанія, самой строгой критики является какъ необходимое условіе истиннаго пониманія достоинства *знающаго* человѣка, какъ нравственное слѣдствіе начальнаго принципа человѣческой дѣятельности въ ея полнотѣ. *Сомнѣніе*, методъ Декарта, составляетъ исходный пунктъ повѣрки знанія; затѣмъ онъ переходитъ въ критическій методъ Канта, раздробляющійся съ одной стороны на методы наведенія, подведенія, вѣроятнѣйшаго заключенія, систематическаго опыта и т. под. смотря по роду знанія; съ другой стороны критика обращается въ діалектическій методъ Гегеля (*), и такимъ образомъ, поочередно мѣняя свое оружіе для опредѣленія *достовѣрнаго*, *вѣроятнаго*, *невѣроятнаго* и *призрачнаго* знанія, наука уясняетъ свои дѣйствительныя пріобрѣтенія.

Безусловное сомнѣніе, которое я здѣсь поставилъ исходнымъ пунктомъ, повидимому несогласно съ *каноникою* матеріализма, какъ выражается г. Писаревъ. Онъ ставитъ положеніе: *очевидность есть лучшее ручательство дѣйствительности*. Но я позволю себѣ усомниться, какъ въ томъ, чтобы всѣ матеріалисты приняли безусловно это положеніе, такъ и въ томъ, чтобы самъ г. Писаревъ допускалъ его неограниченно. Вѣдь, если допустить это положеніе, то мы бы должны были оставить систему Коперника и вернуться къ неподвижности земли, которая вполнѣ очевидна для всякаго-незнающаго началъ астрономіи; то же положеніе требуетъ и допущенія дѣйствительности

(*) Когда г. Страховъ обвинялъ меня въ недостаткѣ метода, то я понималъ о чемъ онъ говоритъ. Онъ съ своей точки зрѣнія вѣритъ въ одинъ безусловный методъ, годный всегда и вездѣ. Но въ статьѣ г. Антоновича упрекъ о методѣ мнѣ положительно непонятенъ. Ужъ не нашли ли матеріалисты всеобщаго метода, научной панацеи? Они-то должны бы ясно сознавать, что каждая наука, даже часто часть науки имѣетъ свой методъ, неприложимый къ другимъ знаніямъ. А внѣ опредѣленія безспорности или вѣроятности фактовъ знанія нѣтъ методовъ. Философія не даетъ ни одного новаго факта и не повѣряетъ ихъ; поэтому обще-философскаго метода быть не можетъ. Логика, Психологія имѣютъ свои методы или выработываютъ ихъ постепенно, но это отдѣльныя науки.

привидѣній, чудесъ, сообщеній съ міромъ миѳическихъ существъ, потому что все это совершенно очевидно—для визіонеровъ, а если мы не испытали ничего подобнаго, это еще не причина отвергать фактъ, какъ мы не отвергаемъ землетрясеній и походовъ Александра Македонскаго, хотя не были свидѣтелями ни того, ни другаго. Такъ какъ конечно я считаю современныхъ матеріалистовъ знающими астрономію, не визіонерами и не вѣрующими въ визіонерство, то отвергаю положеніе г. Писарева объ очевидности, какъ выведенное изъ нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ и неумѣстно обобщенное.

И такъ начало познанія есть сомнѣніе, или, точнѣе, вопросъ, съ которымъ человѣкъ обращается ко всему доходящему до его свѣдѣнія: точно ли оно таково, какимъ онъ его получаетъ? Человѣкъ составляетъ всю массу того, что имъ сознано, изъ свидѣтельствъ, полученныхъ имъ отъ другихъ людей, изъ результатовъ собственныхъ наблюденій внѣшняго міра, изъ результатовъ своего мышленія надъ всѣмъ, полученнымъ имъ извнѣ. Онъ относится сначала съ одинаковымъ сомнѣніемъ ко всѣмъ этимъ тремъ источникамъ познанія; одинаково допускаетъ возможность трехъ предположеній: можетъ быть, всѣ свидѣтельства мнѣ сообщенныя ложны? можетъ быть, внѣшнія впечатлѣнія мною получаемыя призрачны? можетъ быть, моя мысль и процессъ моего сознанія не соотвѣтствуютъ дѣйствительности? Но поставивъ эти предположенія, легко замѣтить, что они находятся въ тѣсной связи: если послѣднія два справедливы, то первое слѣдуетъ само собою, потому что свидѣтельства другихъ лицъ основаны на тѣхъ же источникахъ внѣшняго наблюденія и размышленія, которые я только-что призналъ сомнительными. Послѣднія два предположенія также слѣдуютъ одно изъ другаго: если всѣ внѣшнія впечатлѣнія призрачны, то мое мышленіе, питаясь этимъ призрачнымъ матеріаломъ, конечно даетъ мнѣ не дѣйствительные результаты. Если мой процессъ сознанія и мышленія не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то мои внѣшнія впечатлѣнія ложны, потому что они только тогда имѣютъ для меня значеніе, когда сознаны мною, а для этого они проходятъ чрезъ искажающую среду, слѣдовательно доходятъ до меня въ видѣ призраковъ. На этомъ пунктѣ я остановиться не могу, если хочу познавать. Это всеобщее сомнѣніе искажаетъ одну мою жизненную дѣятельность, именно познаніе, и потому, во имя сохраненія цѣльнаго человѣческаго достоинства, заключающаго познаніе, я *сознательно* ставлю три гипотезы, соотвѣтствующія тремъ источникамъ познанія: *Мой процессъ мысли не обман-*

чивъ; внѣшнія впечатлѣнія мои не призрачны; всѣ люди могутъ одинаково воспринимать внѣшнія впѣчатлѣнія и мыслить. Я руководствуюсь этими тремя гипотезами до тѣхъ поръ, пока онѣ служатъ познанію, но скоро, прилагая ихъ, замѣчаю, что онѣ имѣютъ весьма различное значеніе. Чужое свидѣтельство можетъ мнѣ дать фактъ, прямо противуположный собственному воспріятію; мои два воспріятія могутъ быть непримиримы; необходимый результатъ моего мышленія надъ предыдущими фактами можетъ не совпадать съ чужимъ свидѣтельствомъ или съ собственнымъ впечатлѣніемъ. Встрѣчается *противорѣчіе.* Оно есть отрицаніе познанія и служитъ ограниченіемъ моимъ гипотезамъ. Внѣшнія впечатлѣнія настолько лишь непризрачны, насколько они непротиворѣчивы между собою и логическому процессу мысли: поэтому, и *только* поэтому сонныя грезы, горячечныя видѣнія, оптическіе обманы зрѣнія и т. д. признаются призрачными. Воспріятія людей и процессъ ихъ мышленія настолько лишь одинаковы, насколько они развили органы внѣшняго воспріятія, правильнаго мышленія, насколько они изощрили свои чувства, ознакомились съ методами научной повѣрки наблюденій, наконецъ привыкли къ *критикѣ* мысли.

Такъ мы переходимъ отъ начальнаго процесса познанія, отъ сомнѣнія разрѣшающагося гипотезами, къ строго-научному построенію— къ *критикѣ* источниковъ познанія. Этотъ переходъ въ исторіи новой философіи совершился ученіемъ Канта. Онъ перенесъ споры изъ области реальнаго міра въ область мысли и замѣнилъ критикою мысли въ различныхъ ея проявленіяхъ, догматическія разсужденія о самихъ предметахъ, какъ дѣйствительно существующихъ внѣ области мысли. Предполагаю моихъ критиковъ настолько знакомыми съ его сочиненіями (хотя по книгѣ Куно Фишера), чтобы не повторять его разсужденіе (*). Вопросъ при переходѣ къ критической точкѣ зрѣнія совсѣмъ

(*) Г. Антоновичъ обвинилъ меня въ поклоненіи авторитетамъ, и посмѣялся надо мной съ своимъ обыкновеннымъ остроуміемъ, за то, что, говоря о *возможности* сомнѣнія въ реальности внѣшняго міра, я ссылался на *многихъ мыслителей достойныхъ этого имени.* Я не хочу думать, чтобы писатель, столь опытный въ журнальномъ дѣлѣ, не понялъ, что нельзя всѣхъ цитировать, не удлинняя чрезъ мѣру своихъ статей и что объ доказательствахъ много разъ приведенныхъ весьма часто говорится въ общихъ словахъ. Это я считаю лишь ловкой (хотя не совсѣмъ благовидной) выходкой, назначенной для увеселенія неопытныхъ читателей. Надо же разнообразить журнальную статью. Тутъ же г. Антоновичъ восклицаетъ: да что это за глупая логика, которая

не въ томъ, существуютъ ли дѣйствительно явленія, предметы, и т. д., или существуетъ только наша мысль о нихъ. Дѣло въ томъ, что *для насъ* существуютъ лишь мыслимые предметы и нашей критикѣ подлежатъ они только въ нашей мысли. Дѣло въ томъ, что мы должны въ процессѣ нашей мысли изучать тѣ искаженія, которыя мы невольно вносимъ въ то, что познаемъ, и которыя составляютъ главную причину ошибокъ нашего знанія. Дѣло въ томъ, что могутъ быть въ ряду сознанныхъ нами предметовъ такіе, которые созданы только нашей мыслію, и внѣ ея не соотвѣтствуютъ ничему. Между тѣмъ какъ предметы, хотя и существующіе, но не входящіе въ процессъ нашей мысли, вовсе не имѣютъ никакого значенія для нашего знанія. Для *антропологической* точки зрѣнія, гдѣ человѣческая дѣятельность на первомъ мѣстѣ, все познаваемое должно быть разсмотрѣно не само въ себѣ, но по отношенію къ нашему познаванію и, съ этой точки зрѣнія, мы во всѣхъ предметахъ внѣшняго міра находимъ только процессъ нашего сознанія. Мы убѣждаемся, что есть состояніе духа, гдѣ реальные предметы имѣютъ для насъ призрачный колоритъ, есть такія состоянія, въ которыхъ сами предметы нами сознаваемые призрачны, и потому говоримъ: сознаніе предмета не есть еще доказательство его дѣйствительнаго существованія. Это можетъ быть бредъ, сонъ, оптическій обманъ или субъективный процессъ. Еслибы наши сновидѣнія переносили насъ каждую ночь въ одну и ту же обстановку, и не заключали въ себѣ самыхъ явныхъ несообразностей, то мы бы съ трудомъ могли отличить реальную нашу жизнь отъ призрачной. Реальный міръ потому для насъ реаленъ, что онъ въ нашихъ воспріятіяхъ представляетъ отсутствіе противорѣчій. Этотъ логическій критерій не нравится г. Антоновичу: онъ говоритъ, что отсутствіе противорѣчій не есть еще доказательство дѣйствительности чего бы то ни было. Правда; *метафизически* мы можемъ сомнѣваться и тогда, когда не видимъ въ фактѣ никакого противорѣчія, и даже не предполагаемъ его, но *антропологически*, для насъ, пока противорѣчіе не предполагается,

---

не можетъ доказать того, что у ней передъ носомъ (т. е. реальнаго міра)? Дѣйствительно должно быть логика глупа, что прилагаетъ свои разсужденія къ внѣшнему міру, созидая естествознанія, а не доказываетъ существованія того, къ чему прилагаетъ свои разсужденія, что, слѣдовательно, лежитъ внѣ ея. Да ужъ кстати бы и математику назвать глупою. Вѣдь она не можетъ доказать существованія тѣлъ, ихъ движенія, а прилагаетъ свои вычисленія къ движенію тѣлъ и создаетъ—механику. Глупая логика! глупая математика! зато г. Антоновичъ—*очень уменъ*.

фактъ реаленъ. Сомнѣніе есть уже предполагаемое противорѣчіе съ какимъ нибудь знаніемъ, построеніемъ или вѣрованіемъ. Но сознаніе противорѣчія есть процессъ мышленія, слѣдовательно начальные факты знанія, то, что мы не можемъ не признать дѣйствительнымъ въ себѣ, это наша мысль. И потому въ основаніи *знанія* лежитъ *дѣйствительность процесса познанія*.

Тутъ дѣлаю небольшое отступленіе, чтобы отразить довольно важное обвиненіе г. Антоновича. Оно возвращается не разъ подъ различными формами, и заключается въ томъ, что я предполагаю то, что хочу доказать: такъ въ вопросѣ: я хочу знать, что̀ такое философія, я скрылъ, что̀ мнѣ было нужно, и потомъ показалъ его какъ найденное; говоря, что мы судимъ обо всемъ по отсутствію противорѣчій, я въ то же время ввожу наблюденіе, чтобы убѣдиться въ томъ, что доступно лишь наблюденію; наконецъ полагая въ первый принципъ *дѣйствительность процесса сознанія*, я предполагаю весь реальный міръ, всѣ процессы во мнѣ происходящіе, свое *я* и т. д. Обвиненіе это я считаю потому важнымъ, что при весьма маломъ знакомствѣ нашей публики съ науками, носящими названіе философскихъ, обвиненіе это имѣетъ много привлекательнаго, и г. Антоновичъ вѣроятно поставилъ его съ полнымъ убѣжденіемъ въ его истинности. Но болѣе внимательное вниканіе въ процессъ знанія вѣроятно помѣшало бы ему взводить на меня напраслину.

Первымъ принципомъ въ наукѣ или въ философской системѣ вовсе не называется такое начало, которое бы ничего не предполагало, и по очень простой причинѣ: потому что такихъ безпредположительныхъ принциповъ вовсе нѣтъ. Всякая наука, всякое построеніе имѣетъ въ своемъ основаніи предположеніе всего сущаго, выдѣленіе изъ всего этого части, нужной въ данномъ случаѣ, выдѣленіе въ этой части нѣкоторыхъ свойствъ, и наконецъ полученіе такого положенія, съ котораго начинается самое построеніе науки или системы. Когда математика говоритъ: *число разлагается на части и составляется изъ частей*, то въ этомъ начальномъ положеніи заключается цѣлый міръ предметовъ, помощью которыхъ мы доходимъ до понятій о числѣ, о частяхъ, цѣломъ и т. д. Точно также и еще по большей причинѣ философское построеніе *предполагаетъ* все сущее и въ этомъ во всемъ ищетъ начала, положенія, которое бы заключало все предполагаемое. Изъ ничего нельзя ничего и получить. Вопросъ, который ставитъ себѣ философская система, есть не построеніе изъ ничего, но открытіе на-

чала, заключающагося во всемъ сущемъ, слѣдовательно *генетически*— предполагающаго все сущее, *логически* — предполагаемаго всѣмъ сущимъ. Дѣйствительность нашего сознанія есть *генетическій результатъ* критики всего сущаго, потому что, лишь имѣя все сущее, такъ какъ оно есть, мы можемъ дойти до этого положенія; но она есть въ то же время *логическій принципъ* всего сущаго, потому что мы ничего не можемъ мыслить, познавать, изучать, не предполагая, что наше сознаніе дѣйствительно совершается. То же самое можно сказать объ наблюденіяхъ противополагаемыхъ принципу противорѣчія. «Зачѣмъ вы закрывали глаза», спрашиваетъ г. Антоновичъ, когда я на своихъ бесѣдахъ хотѣлъ отличить свѣтъ объективный отъ субъективнаго, «вы могли бы сидѣть на мѣстѣ и мыслить». Въ этомъ случаѣ г. Антоновичъ сталъ на очень старую точку зрѣнія: онъ какъ бы противополагаетъ мысль человѣка внѣшней дѣятельности. Еслибы въ моей мысли не рисовался рядъ воспринятыхъ представленій, реальныхъ или призрачныхъ, то я бы вовсе не мыслилъ, потому что не объ чемъ было бы и мыслить. Мои представленія я сравниваю для отысканія возможнаго противорѣчія; для этого я могу ихъ наблюдать или производить надъ ними опыты; первое ограничивается дѣятельностью внутреннею, второе присоединяетъ и внѣшнюю; т. е. въ послѣднемъ случаѣ я въ процессъ мысли вовлекаю явленія, которыя *для моей мысли* соотвѣтствуютъ внѣшнему міру (иногда и они могутъ быть призрачны: такъ во снѣ я гляжу, слушаю, ощупываю и результаты этихъ опытовъ не реальны). Наблюденія и опыты суть именно орудія моей мысли для повѣрки присутствія или отсутствія противорѣчія въ моихъ представленіяхъ и моя внѣшняя дѣятельность есть воплощеніе моего внутренняго міра въ явленія внѣшняго. Одно неразрывно съ другимъ и одно зависитъ отъ другаго. Еслибы я не мыслилъ, то не дѣйствовалъ бы; я мыслю для дѣйствія; точно также, еслибы я не разсуждалъ по началу противорѣчія, то не производилъ бы ни одного опыта, и еслибы не умѣлъ производить опытовъ, то вѣроятно бы не дошелъ и до сознанія, что начало противорѣчія можетъ служить повѣркою реальности явленій и предметовъ. Только недостатокъ вниманія можетъ привести къ положенію, что, говоря о разнообразіи наблюденій, я забываю принципъ сужденія по отсутствію противорѣчій. Всѣ мои органы, какъ тѣ, помощью которыхъ я познаю міръ внутренній, такъ и направленные на міръ внѣшній, служатъ одинаково моей мысли, въ ея вопросахъ, и отрекаться отъ употребленія какого бы

то ни было органа познанія, это—уродовать свою мысль, съуживать ея міръ. Подобное же разсужденіе можно приложить и къ третьему подобному же обвиненію, приведенному выше, и я надѣюсь, что г. Антоновичъ, прочтя внимательно предыдущее, не станетъ повторять обвиненій, къ которымъ если и подала поводъ неясность моего изложенія, то тѣмъ не менѣе которыхъ легко было бы избѣжать, вдумавшись въ вопросъ.

Зато здѣсь мнѣ приходится упомянуть о другомъ обвиненіи, которое мнѣ совершенно непонятно со стороны именно г. Антоновича. Всѣ выстрѣлы своего остроумія направляетъ онъ на мое выраженіе, что процессъ сознанія можетъ быть личный или *безличный*. Какъ могъ я допустить послѣднее?—Очень просто. Я уже объявилъ, что я *скептикъ* въ метафизикѣ и сущность вещей признаю недоступною розысканіямъ человѣка; поэтому я считаю одинаково пустыми предположеніями слѣдующія: личность человѣка, его *я* (по спиритуалистамъ *душа* его) есть нѣчто самостоятельное, для котораго жизненный процессъ есть акцидентъ; или: существуетъ самостоятельно нѣчто безличное (по идеалистамъ—*безусловное* или *безусловное я*), которое только совершаетъ необходимый для него процессъ сознанія въ случайныхъ личностяхъ; или: существуетъ нѣчто безличное и безсознательное, для котораго процессъ сознанія есть случайный результатъ, получаемый въ извѣстныхъ мѣстахъ пространства, вслѣдствіе особыхъ свойствъ безличнаго начала (вещества), а человѣческое *я* есть случайная волна на океанѣ вещества. Замѣчательно, что послѣднее мнѣніе о безличности процесса сознанія принадлежитъ именно *матеріалистамъ*. Можетъ быть г. Антоновичъ какъ нибудь иначе понимаетъ сознаніе и человѣческое *я*, расходясь съ представителями своего лагеря, точнѣе другихъ, поставившими этотъ вопросъ, но онъ долженъ настолько знать литературу разныхъ оттѣнковъ *своего* лагеря, чтобы согласиться, что я говорю правду; еще весьма недавно объ этомъ шелъ жестокій споръ между Фортлаге и Ноакомъ. Для матеріалистовъ тѣло человѣка есть автоматическое совокупленіе частицъ вещества, обладающее способностью, данныя впечатлѣнія передѣлывать въ соотвѣтственную внѣшнюю дѣятельность. Въ автоматѣ—человѣкѣ дѣятельность можетъ быть иногда сопровождаема *сознаніемъ*, также какъ нагрѣваніе въ иныхъ случаяхъ сопровождается свѣтовыми, электрическими и другими явленіями. Конечно, въ этомъ случаѣ сознаніе только проявляется въ данномъ мѣстѣ вещества, но никакъ не составляетъ личнаго процесса: оно при-

надлежитъ веществу, наравнѣ съ другими его свойствами. Какъ матеріалистъ, г. Антоновичъ долженъ былъ знать это мнѣніе; какъ писатель, знакомый съ исторіей идеализма, онъ долженъ былъ знать, что и въ этомъ ученіи тоже процессъ сознанія безличенъ. Въ такомъ случаѣ для него мое выраженіе *личный или безличный процессъ* должно было быть понятно. Выражаясь длиннѣе, т. е. не формулируя, но описывая мысль, я бы могъ замѣнить слова: «процессъ сознанія, личный или безличный, дѣйствительно совершается», слѣдующими: «какого бы вы ни были мнѣнія о происхожденіи сознанія, будете ли вы спиритуалистомъ, матеріалистомъ или идеалистомъ (что́ мнѣ все равно, потому что я смотрю скептически на метафизическія построенія), во всякомъ случаѣ вы должны признать со мною, что вы дѣйствительно сознаете то, что вы сознаете, и еслибы вы усомнились въ дѣйствительности вашего сознанія, то не могли бы нетолько быть спиритуалистомъ, матеріалистомъ или идеалистомъ, но не могли бы имѣть какое бы то ни было познаніе». Я до сихъ поръ не знаю, чѣмъ объяснить насмѣшки г. Антоновича надъ выраженіемъ, которое именно для него должно быть вполнѣ понятно: я бы понялъ, еслибы на меня напали за это спиритуалисты.

Возвращаюсь къ моему построенію. Я объяснилъ, какъ полагаю, достаточно, что принципъ дѣйствительности процесса сознанія есть основный философскій принципъ не генетически, но логически. Не останавливаюсь на второмъ принципѣ—*реальности внѣшняго міра*, такъ какъ объ немъ спора нѣтъ, но перехожу къ третьему—къ принципу скептицизма въ метафизикѣ, на который опирается двойственное построеніе философіи природы и философіи духа. Здѣсь я встрѣчаю главныя обвиненія противъ меня, и *послѣднія*, на которыхъ я остановлюсь.

Во-первыхъ, нападеніе заключается въ томъ, что, будучи врагомъ гипотезъ, я начинаю съ гипотезъ: *сознаніе дѣйствительно*, *міръ внѣшній реаленъ*, *процессъ познаванія тождественъ для всѣхъ людей*. Отвѣчаю: я врагъ *лишнихъ* гипотезъ, которыя не нужны и потому вредны. Безъ необходимыхъ гипотезъ не можетъ обойтись ни одна система; мнѣ остается доказать, что предыдущія гипотезы необходимы. Для этого достаточно сказать: нѣтъ ни одного мыслителя, который бы не чувствовалъ необходимости этихъ самыхъ гипотезъ и не предполагалъ ихъ, большею частью не говоря ни слова объ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ: вы написали какое нибудь разсужденіе: значитъ вы принимаете, что вашъ процессъ мысли дѣйствителенъ, что люди, для кото-

торыхъ вы пишете, и предметы, для того служащіе, реальны, и что вы можете заставить понять себя, т. е., что другіе сознаютъ и разсуждаютъ подобно вамъ. Все это такъ просто и ясно, что даже совѣстно повторять предыдущее. Я хотѣлъ лишь указать на необходимыя условія всякаго философскаго построенія, не доказываемыя, недопускающія доказательства, но тѣмъ не менѣе обусловливающія всякую умственную дѣятельность. Весьма невѣроятно, чтобы г. Антоновичъ былъ настолько невнимателенъ къ собственному и чужому мышленію, чтобы не замѣтить, что безъ указанныхъ гипотезъ никто не обходился, не обходится и не обойдется. Отчего же онъ меня въ нихъ упрекаетъ? или это тоже журнальное украшеніе статьи?

Перехожу къ самому важному пункту, неясность котораго для г. Антоновича мнѣ совершенно понятна, потому что я выразился о немъ довольно кратко, полагая, можетъ быть, ошибочно, что читатель, знакомый съ философскимъ языкомъ, пойметъ меня. Г. Антоновичъ не понялъ, обрушилъ на мою голову достаточное количество прозаическихъ, самыхъ любезныхъ эпиграммъ, и даже приплелъ стихи, приличные случаю. Всякій выражается такъ, какъ привыкъ, и если г. Антоновичъ находитъ, что остро и прилично писать тономъ, которымъ пишетъ, это его дѣло, и характеристично для кружка, въ которомъ онъ развился и дѣйствуетъ. Отвѣчая моимъ критикамъ по случаю дѣла, которое считаю важнымъ нетолько для себя, но и для современнаго общества вообще, я не могу выбирать лицъ, съ которыми бы желалъ входить въ литературные споры, но считаю своею обязанностью отвѣчать всякому, спорящему во имя честнаго принципа, каковъ бы ни былъ тонъ его статей.

Выходя изъ цѣльной дѣятельной человѣческой личности, я нашелъ, что одна дѣятельность человѣка есть—*познаніе*, и, разбирая ея условія, пришелъ къ условію дѣйствительности сознанія и реальности внѣшняго міра. Теперь философское построеніе требуетъ связи между моею мыслію, признанною за дѣйствительную, и внѣшнимъ міромъ, признаннымъ за реальный. Особенность этой связи зависитъ отъ философской точки исхода. Для меня эта связь опредѣляется своимъ отношеніемъ къ человѣческой дѣятельности. Мысль человѣка имѣетъ двоякое отношеніе къ реальному міру. Она воспринимаетъ его теоретически, какъ познаваемый міръ; она входитъ въ него практически, какъ въ немъ дѣйствующая. Внѣшняя дѣятельность служитъ опорою и повѣркою знанія. какъ знаніе—опорою и предположеніемъ для внѣшней дѣятельно-

сти. Все, что обусловливаетъ познаніе и практическую дѣятельность, составляетъ существенно важный пунктъ въ философіи; все расширяющее знаніе и дѣятельность должно быть ею тщательно разработано; все недоступное знанію и неимѣющее вліянія на практическую дѣятельность—должно составлять ея самую маловажную заботу. Къ первымъ пунктамъ философія должна относиться *догматически*, ко вторымъ *критически*, къ послѣднемъ *скептически*. Оставляя въ сторонѣ практическую дѣятельность, остановлюсь на теоретической, такъ какъ о ней только говорилъ г. Антоновичъ. Мы видѣли *принципы*, обусловливающіе знаніе, и къ которымъ человѣкъ относится догматически. Все остальное знаніе представляетъ приложеніе критики. Она, для каждаго отдѣла знанія, отыскиваетъ приличный методъ повѣрки фактовъ, и раздробляется для различныхъ наукъ на различные методы, но тутъ въ особенности важны два обстоятельства. Причины ошибокъ, которыя должно устранить, заключаются какъ въ условіяхъ собиранія фактовъ и ихъ группировки, такъ еще въ условіяхъ мышленія. Факты внѣшняго и внутренняго міра, собираемые въ науки, необходимо связаны между собою и мы ихъ собираемъ, отыскивая эту необходимую связь. Но съ другой стороны процессъ нашего мышленія совершается также по необходимымъ законамъ и мы всякій фактъ нашего представленія вводимъ въ необходимо присущія намъ логическія отношенія, эстетическіе образы, философскія построенія. Всякій фактъ въ нашемъ представленіи задаетъ намъ двоякій вопросъ: отъ какихъ внѣшнихъ явленій онъ произошелъ? къ какому процессу нашего мышленія онъ относится? Первое опредѣляетъ значеніе этого факта въ нашемъ знаніи реальнаго міра; второе—его мѣсто въ нашемъ мыслимомъ мірѣ. Оба вопроса необходимы. Первый требуетъ для своего рѣшенія различныхъ научныхъ методовъ, о которыхъ мы говорили; послѣдній—почти исключительно діалектическаго метода Гегеля. Собраніе отвѣтовъ на вопросы перваго рода, относимые къ всѣмъ возможнымъ фактамъ, представляетъ намъ всѣ явленія природы въ цѣльномъ кругѣ, другъ отъ друга зависящія, другъ друга обусловливающія, другъ въ друга переходящія и въ этомъ видѣ составляющія *философію природы*. Собраніе отвѣтовъ на вопросы втораго рода, опять-таки относимые ко всѣмъ фактамъ, представляетъ намъ все сущее, какъ строимое нами по необходимому процессу нашего мышленія, какъ связанное этимъ процессомъ въ систематическое цѣлое, и въ этомъ цѣломъ составляющее *философію духа*. Оба рода вопросовъ относительно фактовъ нашего представленія, не придуманы нами

нарочно, но составляютъ необходимое условіе точнаго знанія. Чтобъ избѣжать призрачныхъ предположеній, невѣрныхъ наведеній, мы должны строго обращать вниманіе на то и другое. Слѣдовательно также необходимо стремиться къ построенію философіи природы, т. е. міра, какъ самостоятельнаго круга явленій, гдѣ человѣкъ есть одна переходная точка, такъ и философіи духа, т. е. міра, какъ процесса мысли въ ея развитіи. То и другое очень трудно, дѣлается лишь урывками, по частямъ, и врядъ ли когда будетъ вполнѣ достигнуто; но философія, округляющая все, еще не конченное наукою, уже теперь можетъ указать на эти два построенія какъ цѣли знанія.

Все предъидущее есть опять-таки не придуманныя теоріи, но условія, сами-собою выходящія изъ требованій надлежащаго знанія предмета. Не думаю, чтобы мыслители разныхъ школъ, какое бы ни было ихъ вѣрованіе, отвергли справедливость указанія двойственности вопроса, получаемаго изъ каждаго факта представленія, и потому не знаю, почему бы г. Антоновичу не согласиться, что подобные вопросы точно задаются, отвѣты имъ ищутся, и изъ собранія отвѣтовъ, еслибы они получились удовлетворительно, или гипотетически, составятся два представленія міра: во-первыхъ, какъ источника сознанія и дѣятельности человѣческой, во-вторыхъ, какъ результата человѣческаго мышленія. Первое сходно съ тѣмъ требованіемъ, которое ставятъ матеріалисты, но разнится отъ матеріалистическаго построенія тѣмъ, что причины явленій отыскиваются всегда въ предшествовавшихъ явленіяхъ, никогда въ силахъ и свойствахъ вещества. Второе сходно съ системою идеалистовъ, но отличается отъ нея тѣмъ, что въ мыслимомъ мірѣ мы ищемъ не дѣйствительный міръ, а дѣйствительный процессъ мысли о мірѣ.

Но затѣмъ всѣ догматики задаютъ вопросъ: какое же дѣйствительное отношеніе *по сущности* между реальнымъ міромъ и мыслію человѣка? Кто кого произвелъ? Есть ли человѣческая дѣятельность необходимый результатъ или свободная сила, по произволу пересоздающая міръ? Что́ такое человѣческое *я?* Нѣчто самостоятельное или волна безличнаго океана? Что́ изъ всего упомянутаго существенно (субстанціально) и что́ случайно (акцидентально)? и т. д. — Отвѣты на эти вопросы не имѣютъ никакого значенія для человѣческой дѣятельности и никакой роли въ человѣческомъ знаніи; я полагаю, что они ему вовсе недоступны. На основаніи такого значенія этихъ вопросовъ съ антропологической точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія человѣка какъ дѣйствующаго и понимающаго, я полагаю, что къ нимъ

можно отнестись *скептически*, т. е. оставить ихъ въ сторонѣ, не считать нисколько важнымъ, которое изъ метафизическихъ рѣшеній соотвѣтствуетъ дѣйствительности; такимъ образомъ я избѣгаю всякаго догматическаго положенія внѣ человѣка, положенія, которое, какъ показано въ первой статьѣ, ведетъ необходимо къ невозможности построенія практической философіи, слѣдовательно лишаетъ систему одной изъ существеннѣйшихъ ея частей.

Можно ли допустить философскую систему, которая бы относилась скептически къ метафизическимъ вопросамъ?—Полагаю, что можно. Системы, рѣшающей всѣ вопросы одинаково строго, не было, да вѣроятно и не будетъ. Каждая система смотрѣла на одни вопросы какъ на существенные, другіе считала важными для себя, а къ нѣкоторымъ оставалась совершенно хладнокровною, т. е. допускала для нихъ возможность различныхъ рѣшеній безъ вліянія на сущность системы; иначе говоря, она относилась къ этимъ вопросамъ *скептически*. Правду сказать, что большею частію именно вопросы метафизическіе считались существенными; въ вопросахъ же относительно человѣческой дѣятельности вообще и человѣческаго познанія въ особенности допускалось разногласіе. Мыслители большею частію искали истину не *для человѣка*, а съ точки зрѣнія, отрѣшенной отъ его существованія. Время отъ времени являлись скептики, уличавшіе предъидущихъ мыслителей, что они отъ человѣческой точки зрѣнія отрѣшиться не въ состояніи и, начиная веществомъ, бытіемъ, богомъ, безусловнымъ, гипостасируютъ въ этихъ существахъ *человѣческое* пониманіе. Но эти критики оставались безплодными. Начиналась снова работа данаидъ метафизики съ другой точки зрѣнія, или скептицизмъ останавливался на элементарной точкѣ зрѣнія всеобщаго *сомнѣнія*, отрицая всякое построеніе и всякую дѣятельность. Мнѣ кажется, что рядъ ученій послѣднихъ вѣковъ достаточно подготовилъ вопросъ, чтобы можно было поставить его надлежащимъ образомъ. Догматическія точки зрѣнія въ метафизикѣ осуждаютъ себя тѣмъ, что не могутъ дать правильнаго построенія человѣческой дѣятельности; онѣ ведутъ къ индифферентизму въ этикѣ; чисто-антропологическая точка зрѣнія ведетъ къ скептицизму въ метафизикѣ. Изъ этихъ двухъ воззрѣній кажется и выбирать нечего, тѣмъ болѣе, что самая жизнь рѣшаетъ дѣло: постоянныхъ индифферентистовъ въ этикѣ *нѣтъ* и быть *не можетъ*, между тѣмъ какъ всѣ догматики дѣйствуютъ практически, какъ совершенные скептики въ метафизикѣ, допускающіе для себя

полную возможность произвольнаго поставленія цѣлей, ихъ достиженія и т. д. Поэтому я становлюсь на чисто-антропологическую точку зрѣнія, т. е. опредѣляю догматически принципы, обусловливающіе человѣческое знаніе и человѣческую практическую дѣятельность, требую критическаго разбора вопросовъ знанія и этики, чтобы устранить односторонность. Такимъ образомъ получаю требованіе построенія философіи природы, философіи духа и требованіе *человѣчной* дѣятельности. Затѣмъ обращаюсь къ вопросамъ метафизики и ограничиваюсь тѣмъ, что даю имъ мѣсто въ философіи духа, а объ ихъ дѣйствительномъ рѣшеніи говорю: мнѣ все равно; можетъ быть оно такъ, можетъ быть иначе; я этого не знаю, не могу знать, да и не хочу, потому что это *послѣдніе* вопросы знанія и дѣятельности, не имѣющіе никакого прямаго вліянія на процессъ послѣднихъ. *Вѣрьте* чему угодно; можетъ быть и я, какъ частный человѣкъ, болѣе склоненъ *вѣрить* одному метафизическому рѣшенію, чѣмъ другому; но это дѣло частное, и до построенія философской системы вовсе не касается; лишь проповѣдники стараются внушить другимъ свое *вѣрованіе;* лишь неразвитый умъ смѣшиваетъ вѣрованіе съ убѣжденіемъ; а мыслитель долженъ внести въ свое построеніе только свое *убѣжденіе*. Полагаю, что я высказался довольно ясно, чтобы можно было понять меня, если *захотятъ* еще это сдѣлать.

Еще одно замѣчаніе. Не знаю, почему г. Антоновичъ полагаетъ, что я хотѣлъ построить безусловно вѣрную систему *на всѣ времена.* Я этого никогда не думалъ. Всѣ системы соотвѣтствуютъ требованіямъ своего времени, но есть такія, которыя хотятъ сдѣлать невозможное для даннаго времени. Система Декарта и Канта, каждая въ свою эпоху, схватили вѣрно современный вопросъ и потому достигли обширнаго вліянія, стали необходимыми звѣньями всякаго развитія. Теперь, мнѣ кажется, очередь антропологическаго начала, которое высказано по частямъ и въ своихъ главныхъ требованіяхъ во множествѣ сочиненій, но едва ли было построено въ полную систему, и проведено во всѣхъ своихъ частностяхъ. Г. Антоновичъ мнѣ говоритъ, что его всѣ допускаютъ, но различно понимаютъ его. Я согласенъ, что это слово нынче часто употребляется, но большею частью, какъ маска для другихъ началъ, не ставя на первое мѣсто вопроса: что такое *для человѣка* его дѣятельность, его знаніе, его вѣрованіе? какой дѣйствительный смыслъ словъ, которыя повторяются въ томъ или другомъ ученіи? Только ставъ на эту точку зрѣнія, мы дѣлаемъ антропологію философскою системою.

Я сказалъ уже, что отвѣчу только на главныя возраженія моихъ критиковъ, оставивъ въ сторонѣ многое, что расширило бы безъ мѣры мой отвѣтъ. Я постараюсь на остальныя замѣчанія отвѣтить *дѣломъ*, т, е. съ большею ясностью и опредѣлительностью высказать при случаѣ мое мнѣніе, такъ, чтобы устранить по возможности недоразумѣнія. Это я сдѣлаю, если удастся, въ энциклопедическомъ словарѣ (*). Теперь кончаю статью, которую, признаюсь, писалъ съ большою неохотою. Для большинства читателей она представляетъ мало интереса: что̀ ему за дѣло, какіе аргументы правдоподобнѣе? Ищетъ ли оно въ журналахъ убѣжденія или пріятнаго препровожденія времени? Если послѣдняго, то, конечно, мои критики имѣютъ неоспоримое преимущество передо мною. Прочтутъ ли и мои критики эти страницы съ тѣмъ спокойствіемъ и вниманіемъ, которыя необходимы для оцѣнки словъ человѣка съ нами несогласнаго? или одинъ скажетъ: дичь! другой: пустое словопреніе! Но статья кончена, и — довольно...

Споръ этотъ мнѣ былъ тѣмъ болѣе непріятенъ, что я на него смотрю какъ на междуусобную войну. У меня съ моими критиками одни и тѣ-же практическія требованія, одни и тѣ-же враги, одни и тѣ-же затрудненія. Если г. Писаревъ полагаетъ, что русскому характеру всего роднѣе матеріализмъ, то я думаю, что онъ ошибается: русскій скептически смотритъ на всѣ метафизическіе вопросы и для него самая приличная система та, которая броситъ за бортъ весь этотъ историческій хламъ, и займется построеніемъ человѣческаго знанія и человѣческой дѣятельности. Спорить о веществѣ и духѣ — дѣйствительно схоластика въ наше время, гдѣ требованія человѣка такъ разнообразны. Вмѣсто того, чтобы утверждать или отрицать существованіе того, чего нельзя ни изслѣдовать, ни повѣрить, покажите только, какимъ путемъ мышленіе человѣка приходитъ къ понятію, соотвѣтствующему словамъ, *вещество* и *духъ*. Это будетъ дѣйствительное пріобрѣтеніе, а все остальное — пустое словопреніе. — — — Сражайтесь, господа, во имя вашихъ вѣрованій противъ другихъ, болѣе туманныхъ или совершенно нелѣпыхъ вѣрованій; но не выставляйте ваши вѣрованія послѣднимъ словомъ науки и не смотрите съ презрѣніемъ на тѣхъ, которые болѣе скромнымъ, усидчивымъ трудомъ развертываютъ од-

(*) Съ однимъ укоромъ г. Антоновича не могу не согласиться. Онъ упрекнулъ меня, что я надавалъ множество обѣщаній; и это справедливо: я былъ на нихъ неумѣренъ. Что изъ обѣщаннаго удастся мнѣ выполнить—не знаю, но постараюсь сдѣлать все, что могу.

ну за другою страницы человѣческаго мышленія, осторожно подвигаются впередъ, чтобы не оступиться, тщательнымъ разборомъ словъ отдѣляютъ призраки отъ реальнаго событія и воспитываютъ *убѣжденное* меньшинство, въ то время, когда вы боретесь съ противниками за *увлекающееся* большинство.

Въ уваженіи человѣческаго достоинства и науки, во враждѣ со всѣмъ, что оскорбляетъ первое, что мѣшаетъ развитію послѣдней, я считаю себя союзникомъ моихъ критиковъ. Я уважаю ихъ вѣрованіе, какъ всякое другое, если оно искренно; болѣе другаго, потому что оно проще и безвреднѣе другихъ; но я не могу считать его годнымъ для философскаго построенія, не могу сочувствовать вопросамъ, которые мнѣ кажутся давно пережитыми и нестоющими серьезнаго вниманія, между тѣмъ какъ на очереди вопросъ о человѣческомъ достоинствѣ; а его оскорбляютъ даже тѣ, которые должны бы быть его первыми защитниками; на очереди вопросъ о человѣческомъ знаніи; а съ какимъ пренебреженіемъ съ нимъ обращаются на каждомъ шагу... Оскорбить противника, бросить ему въ пылу спора въ глаза искаженные факты, сплоченные эфемерною гипотезою, — это ежедневныя продѣлки... Въ чемъ же заключается наше уваженіе къ достоинству человѣка, къ его знанію?

Повторяю, я смотрю на мой споръ съ моими критиками какъ на междуусобную войну, и потому съ тяжелымъ чувствомъ началъ и кончаю эту статью. Наши общіе противники могутъ порадоваться....

П. ЛАВРОВЪ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ГУСТАВЪ ЭМАРЪ И ЕГО РОМАНЫ.

1) Арканзасскіе охотники. 2) Пограничные бродяги. 3) Вольные Стрѣлки. 4) Честное сердце. 5) Главный вождь Араукань. 6) Искатель слѣдовъ. 7) Степные разбойники. 8) Законъ Линчъ (*). 9) Большая шайка Флибустьеровъ. 10) Золотая лихорадка. 11) Курумилла. 12) Мѣткая пуля. 13) Проводникъ.

1) Les Trappeurs de l'Arkansas 1 vol. 2) Les Rodeurs de Frontiéres 1 vol. 3) Les Francs-Tireurs 1 vol. 4) Le Coeur Loyal 1 vol. 5) Le Grand Chef des Aucas 2 vol. 6) Le Chercheur de Pistes 1 vol. 7) Les Pirates des Prairies 1 vol. 8) La Loi de Lynch 1 vol. 9) La Grande Flibuste 1 vol. 10) La Fiévre d'or 1 vol. 11) Curumilla. 12) Balle-Franche 1 vol 13) L'Éclaireur 1 vol.

Невыразимый характеръ грандіозности и могучей жизни лежитъ на Америкѣ. Ея дѣвственные громадные лѣса, прорѣзанные исполин-

(*) Въ степяхъ Америки господствуетъ правило: око за око, зубъ за зубъ, кровь за кровь. Это правило составляетъ основаніе закона Линчъ; судьями бываютъ присутствующіе при обвиненіи преступника, по возможности менѣе заинтересованные въ его наказаніи. Законъ этотъ названъ такъ потому, что, по мнѣнію однихъ, первый началъ примѣнять его ферморъ Линчъ; по мнѣнію же другихъ, онъ обязанъ своимъ названіемъ испорченному слову *light* (свѣтъ), потому что въ концѣ XVIII столѣтія преступниковъ, осужденныхъ на основаніи этого закона, вѣшали на фонарныхъ столбахъ.

скими рѣками, ея безконечныя степи, населенныя бизонами и дикими лошадьми, ея высокія горы съ неисчерпаемыми рудниками—все представляетъ великолѣпныя данныя для блестящей будущности ея жителей. Три племени раздѣляютъ Америку: англо-саксонское, испано-американское и краснокожее. Различіе интересовъ, взглядовъ, обычаевъ—все ставитъ ихъ въ непріязненное положеніе другъ къ другу. Колонизація Сѣверо-Американцевъ постоянно встрѣчаетъ препятствія со стороны Испанцевъ и краснокожихъ. Испано-американское племя, развращенное инквизиціоннымъ католицизмомъ и жаждой золота, въ междоусобіяхъ ищетъ улучшенія своей участи и постепенно теряетъ свою территорію передъ натискомъ Сѣверо-Американцевъ и краснокожихъ. Послѣдніе, уступая на сѣверѣ, торжествуютъ на югѣ. Безсильные остатки сѣверныхъ общинъ (tribus) гибнутъ жертвами крѣпкихъ напитковъ, заразительныхъ болѣзней и превосходства европейскаго оружія; но могущественное племя Команчей устояло противъ соблазна водки и рома и потому успѣшнѣе борется съ приливомъ европейскаго населенія, а воинственная федерація Арауканъ угрожаетъ поглотить остатки испанской колонизаціи.

Эта постоянная борьба, эти контрасты, это широкое поле, открытое индивидуальной дѣятельности, дающее возможность выказать вполнѣ всѣ силы ума и воли, это сопоставленіе человѣка лицемъ къ лицу съ природой представляютъ богатыя данныя для романиста. Куперъ, капитанъ Мейнъ-Рейдъ (Mayne-Reid), Ферри справедливо прославились на этомъ поприщѣ. Романы ихъ расходились десятками тысячъ экземпляровъ; казалось, мудрено было соперничать съ ними; казалось предметъ былъ исчерпанъ; но Густавъ Эмаръ умѣлъ найти новыя тѣни, новыя стороны въ однообразной жизни пустыни.

«Удаленный въ теченіи многихъ лѣтъ отъ цивилизованнаго міра, онъ жилъ съ Индійцами въ степяхъ и раздѣлялъ опасности и труды ихъ кочевой жизни. Скваттеръ, охотникъ, тенетчикъ, гамбузино, онъ исходилъ Америку во всѣхъ направленіяхъ; сочиненія его представляютъ скорѣе картину его жизни, чѣмъ романъ; онъ описываетъ то, что видѣлъ; онъ жилъ и страдалъ вмѣстѣ съ лицами своихъ разсказовъ; никто лучше его не въ состояніи поднять покровъ, скрывающій странные обычаи Индійцевъ степей (пампасовъ) и кочующихъ ордъ, пробѣгающихъ во всѣхъ направленіяхъ обширныя степи Америки».

Таково мнѣніе большей части французской публики и журналистики. Разсмотримъ, насколько справедливо оно. Разбираемые нами

романы составляютъ три серіи: главный эпизодъ первой освобожденіе Техаса (*); второй — экспедиція графа Руссе-Бульбона (**), третьей—попытки одного индійскаго шефа къ соединенію и возрожденію разсѣянныхъ племенъ (***). Эти главные эпизоды перемѣшаны съ другими менѣе важными. Набѣги Индійцевъ, похищенія, преслѣдованія, муки плѣнниковъ, бѣгство, сраженія — составляютъ у Густава Эмара, какъ и у его соперниковъ на романическомъ поприщѣ, необходимую принадлежность каждаго произведенія. Американскій прогрессъ совершается съ помощью оружія. Съ заступомъ въ одной рукѣ и съ карабиномъ въ другой подвигаются скваттеры. Бродяги, охотники, авантюристы—всѣ, кто не ужился въ обществѣ, кто ищетъ свободы—всѣ бѣгутъ въ степи. Разумѣется, большая часть этихъ людей отличается крайней неразвитостью и необузданностью страстей и потому часто совершаютъ поступки, возмущающіе нравственное чувство; но по этимъ образчикамъ нельзя судить о цѣломъ народѣ. Г. Эмаръ имѣлъ дѣло съ разнымъ сбродомъ Сѣверо-американскихъ Штатовъ и Испанцевъ и по нимъ дѣлаетъ заключеніе о цѣлой націи. Вообще удаленіе отъ цивилизованнаго міра не послужило въ пользу развитія его сужденія. Какъ человѣкъ много видѣвшій, онъ судитъ часто вѣрно, но по первому взгляду, не стараясь вникнуть въ связь между причинами и слѣдствіями. Сужденіе о національностяхъ должно произноситься чрезвычайно осторожно, а г. Эмаръ нисколько не затрудняется въ своихъ приговорахъ. Онъ остается вѣренъ своему характеру Француза–бонапартиста и ни во что ставитъ другія націи, хотя самъ упрекаетъ въ томъ своихъ соотечественниковъ. Вотъ–что говоритъ онъ объ Американцахъ: «Мы утверждаемъ, мимоходомъ, что нѣтъ въ свѣтѣ народа суевѣрнѣе Сѣверо-Американцевъ... Они въ настоящее время по крайней мѣрѣ также невѣжественны и грубы, какъ были ихъ предки (****). Онъ (генералъ Бустаменте) не могъ думать, чтобъ эти изгнанники (outlaws), эти фанатическіе сектаторы, выброшенные изъ Европы, эти обогатившіеся купцы мечтали въ Америкѣ о всемірной монархіи — безумная утопія, которой приложеніе будетъ имъ нѣкогда стоить потери этой, такъ называемой національности, которой они гордятся, и которая

(*) Первые четыре романа.
(**) Вторые семь.
(***) Мѣткая Пуля.
(****) Погр. Брод. 230—231.

*

на дѣлѣ не существуетъ (*). Ни одинъ изъ американскихъ народовъ не любитъ денегъ болѣе жителя Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Золото для него все; чтобъ достать деньги, онъ пожертвуетъ родными и друзьями безъ угрызеній совѣсти и безъ жалости. Это онъ изобрѣлъ эгоистическую и низкую, безсердечную пословицу, показывающую ясно характеръ народа: «время есть деньги». Требуйте чего угодно у Сѣверо-Американца, онъ вамъ дастъ, но попробуйте занять у него даже долларъ, онъ наотрѣзъ откажетъ, какъ бы велики ни были одолженія, которыя вы оказали ему (**). Вообще г. Эмаръ невыгодно думаетъ о деньгахъ. «Нельзя безнаказанно слышать слово «золото», безпрерывно звучащее въ вашихъ ушахъ, какъ-бы вы крѣпки ни были. Въ этихъ звукахъ есть какое-то могущественное, безмѣрное, непонятное притяженіе, которое усиливаетъ корыстолюбіе и пробуждаетъ всѣ дурные инстинкты (***)». Этотъ взглядъ ясно показываетъ, что отъ автора нельзя надѣяться вѣрнаго изображенія отношеній американской колонизаціи къ Испано-мексиканцамъ и краснокожимъ. Конечно, жадность Американцевъ къ землямъ заставляетъ ихъ употреблять средства далеко небезукоризненныя, прикрываясь маской законности. Конечно, при покупкѣ земель совершаются самые безсовѣстные обманы; но не надо забывать, что центральное правительство Сѣверо-Американскихъ Штатовъ было всегда противъ этихъ злоупотребленій, но оно не могло воспрепятствовать отдѣльнымъ штатамъ, чтобы они не издавали стѣснительныхъ для краснокожихъ законовъ; сверхъ того просторъ, даваемый въ штатахъ индивидуальной дѣятельности, естественно, доставляетъ возможность къ неправильнымъ поступкамъ; но этотъ же самый просторъ служитъ источникомъ величія и богатства этого государства. Съ другой стороны Индійцы не хотятъ ни жить какъ жили ихъ предки, ни принять европейской цивилизаціи, ни заняться земледѣліемъ, считая это занятіе унизительнымъ для свободнаго человѣка. Всѣ эти обстоятельства дѣлаютъ сужденіе объ отношеніяхъ народностей чрезвычайно сложнымъ, а узкость и исключительность народнаго взгляда мѣшаетъ правильно судить. Къ несчастью, г. Эмаръ не избѣгъ этой черты общей американскимъ романистамъ. Даже Мейнъ - Рейдъ не избѣжалъ этого недостатка:

(*) Великій вождь Арауканъ. Т. I стр. 256.

(**) Честное сердце, 28.

(***) Курумилла, 103.

онъ въ патріотическомъ порывѣ увѣряетъ, что Сѣверо-Американцы ведутъ войны только для того, чтобъ повсюду водворить порядокъ и свободу, трудъ и благоденствіе. Менѣе другихъ этотъ квасной патріомтизъ замѣтенъ у Купера. Сатирическое направленіе помѣшало ему быть одностороннимъ, зато узкій пуританизмъ, представленный имъ какъ идеалъ, наводитъ скуку. Мы не говоримъ здѣсь о вѣрности воспроизведенія, мы говоримъ только о сочувствіяхъ автора, для опредѣленія значенія его произведеній. Мы вовсе не ставимъ романъ на ту низкую степень, на какую привыкли его ставить нѣкоторые творцы многоученыхъ статей, поражающихъ обиліемъ цитатъ и сухостью. Мы признаемъ великое значеніе его въ настоящую эпоху популяризаціи идей. Романъ—это самая удобная форма, въ которой онѣ проникаютъ въ массу, и потому въ романѣ мы должны быть строже въ воззрѣніяхъ автора, чѣмъ въ какомъ либо другомъ родѣ произведеній. Вотъ почему прежде чѣмъ приступить къ анализу произведеній Густава Эмара, мы сочли необходимымъ сказать нѣсколько словъ о его точкѣ зрѣнія. Впрочемъ г. Эмаръ нисколько не скрываетъ своей исключительности: онъ простираетъ ее дотого, что оправдываетъ даже ненависть къ иностранцамъ.

«Если мы захотимъ обвинять, сколько именъ можемъ мы перечислить, сколько тѣней вызвать въ подтвержденіе нашего мнѣнія, (о вѣроломствѣ Мехиканцевъ), не считая благороднаго и несчастнаго Руссе-Бульбона и пылкаго и великодушнаго Лапюльяда, низко принесенныхъ въ жертву гнусному мехиканскому предубѣжденію, составляющему основу политики этого несчастнаго народа и которое его погубитъ *не черезъ ненависть къ иностранцамъ — чувство благородное и національное*, но черезъ ненависть къ Европейцамъ... non pas la haine de l'etranger, sentiment noble et national, mais par la haine des Europeens (*)...

Разумѣется, при такихъ воззрѣніяхъ Французы, по мнѣнію г. Эмара, лучшій народъ, онъ сожалѣетъ только о неспособности ихъ колонизировать, потому что, надутые своей національностью, они не хотятъ сдѣлать ни малѣйшей уступки обычаямъ, вѣрованіямъ, нравамъ народовъ, съ которыми имъ приходится временно жить; считая ихъ ниже себя по уму и цивилизаціи, Французъ проходитъ мимо ихъ съ иронической улыбкой, съ насмѣшливымъ взглядомъ, пожимая презри-

(*) Золотая лихорадка.

тельно плечами на все, что видитъ вокругъ себя, ни въ чемъ не отдавая себѣ отчета, предпочитая сарказмъ доброму уроку (*).

Эти свойства, къ которымъ, не во гнѣвъ г. Эмару, слѣдуетъ прибавить страсть къ бюрократіи и военно-полицейскому деспотизму, естественнымъ образомъ объясняетъ ненависть Мехиканцевъ и неудачу экспедиціи Руссе—Бульбона. Но оставляя въ сторонѣ политическія воззрѣнія г. Эмара, мы найдемъ въ его произведеніяхъ много достоинствъ. Выбравъ одинъ предметъ съ Куперомъ и Мейнь-Рейдомъ, онъ въ нѣкоторыхъ сценахъ по необходимости сходится съ ними, но зато въ другихъ представляется совершенно оригинальнымъ. Уступая Куперу въ художественности, онъ превосходитъ его въ истинѣ изображеній типовъ охотниковъ. Знаменитый Соколиный Глазъ американскаго романиста представляетъ исключеніе, художественно-созданный образъ, но не типъ: онъ слишкомъ идеаленъ, слишкомъ честенъ и добродѣтеленъ, чтобъ быть типомъ; въ Валентинѣ Гюльоа, (Guillois) (одномъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ второй серіи) гораздо болѣе человѣческаго: онъ доступнѣе намъ; онъ возбуждаетъ въ насъ болѣе сочувствія. Еще болѣе жизни въ охотникахъ третьей серіи. (Belle-Franche и Bon-Affût). Но что особенно удалось г. Эмару—это изображенія степныхъ разбойниковъ и Индійцевъ, особенно послѣднихъ: никто, ни Куперъ, ни Мейнь-Рейдъ, не проникали такъ глубоко въ жизнь ихъ, никто изъ нихъ не давалъ столько подробностей объ ихъ нравахъ и обычаяхъ. Новый типъ Индійца, думающаго освободить свою родину, встаетъ передъ нами. Ната – Отаннъ (**), воспитанникъ Бильо-Варення, мечтаетъ о соединеніи разрозненныхъ трибъ. Европейское образованіе XVIII вѣка и инстинкты дикаря борятся въ немъ. Европейцы и шефы трибъ мѣшаютъ ему. Наконецъ, послѣ безчисленныхъ усилій, онъ успѣваетъ овладѣть фортомъ Мекензи, но падаетъ тотчасъ же жертвой интриги своихъ соотечественниковъ, увлекая въ своемъ паденіи Бильо—Варення (***). Онъ погибаетъ и причины его паденія выставлены такъ наглядно, что у читателя не остается ни

(*) Золотая лихорадка, 231.

(**) Сѣрый медвѣдь.

(***) До сихъ поръ большинство думало, что Бильо-Вареннъ умеръ на островѣ Санъ-Доминго въ 1819 году, и что записки его, изданныя четыре года спустя, подложны. Г. Эмаръ увѣряетъ, что онъ пишетъ не романъ, а исторію; время дѣйствія относится къ 1834.—Какъ жаль, если этотъ фактъ не созданіе его фантазіи, что онъ не опровергъ общепринятаго мнѣнія.

минуты сомнѣнія, что онъ не могъ не пасть и что возрожденія Индійцы должны ждать не отъ оружія, а отъ цивилизаціи и смѣшенія племенъ, тѣмъ болѣе, что Испано-американцы предпочитаютъ краснокожихъ женщинъ, а Индійцы—бѣлыхъ,—другаго способа мы не видимъ. Кромѣ высказанныхъ выше причинъ мѣшаетъ соединиться индійскихъ трибамъ привычка слѣдовать непосредственному чувству. Какъ ни законно и ни разумно оно, только въ общемъ дѣлѣ слѣдовать ему нельзя. Валентинъ спасъ жизнь Черному Коту, одному изъ начальниковъ Апаховъ, и тотъ въ благодарность за это измѣняетъ своему племени въ минуту битвы (*). Подобная же исторія повторилась при осадѣ французской колоніи соединившимися Апахами и Команчами: послѣдніе по личнымъ отношеніямъ своего вождя къ бѣлымъ, нетолько оставили своихъ союзниковъ, но еще напали на нихъ во время приступа (**). Сколько намъ помнится, этотъ типъ въ такой полнотѣ встрѣчается только у г. Эмара; легкій очеркъ подобной личности сдѣлалъ Мейнъ-Рейдъ въ романѣ «Охотникъ за волосами» и Габріэль Ферри въ романѣ: «Косталь Индіецъ; но Ель-Соль, хотя путешествовавшій по Европѣ и учившійся въ университетѣ, является однимъ изъ второстепенныхъ лицъ въ шайкѣ Европейцевъ, отправившейся освобождать дочь Сегэна (Охотника за волосами) и желанія его ограничиваются словами; Косталь же дѣйствуетъ отдѣльно и также служитъ бѣлымъ; мечты его ограничиваются желаніемъ вызвать нимфы, которая знаетъ всѣ золотые пріиски; съ помощью ея онъ надѣется обогатиться и возвратить свободу своимъ соотечественникамъ. Слѣдовательно въ обоихъ случаяхъ дѣло оканчивается фразами, тогда какъ у г. Эмара мы видимъ индійскаго вождя въ дѣйствіи.

Вообще типы людей, стремящихся освободить отечество, удаются ему лучше другихъ: таковъ донъ Тадео де Леонъ, глава Мрачныхъ Сердецъ (Coeurs Sombres) тайнаго общества въ Хили; таковъ Ягуаръ, поборникъ независимости Техаса, таковъ графъ Пребуа Крансе (Руссе Бульбонъ); послѣдній представляетъ типъ французскаго авантюриста-флибустьера. Пораженный несчастіемъ, потерявъ жену и дѣтей въ одинъ изъ набѣговъ краснокожихъ, онъ посвящаетъ жизнь свою возрожденію Соноры. Охотникъ, гамбузино, погонщикъ воловъ, начальникъ экспедиціи, онъ ведетъ жизнь полную приключеній и наконецъ

(*) Законъ Линчъ.
(**) Шайка флибустьеровъ.

погибаетъ жертвой коварства мехиканской политики. Осужденный быть разстрѣляннымъ, онъ не хочетъ замарать чистоты своихъ принциповъ бѣгствомъ, и безтрепетно падаетъ подъ пулями противниковъ. Г. Эмаръ лично зналъ графа Руссе-Бульбона и участвовалъ въ его экспедиціи. Глубокимъ сочувствіемъ къ несчастному начальнику дышетъ каждое слово его: онъ старается оправдать его во всемъ, онъ видитъ въ немъ какого-то полубога и въ заключеніи восклицаетъ: «тѣмъ, которые скажутъ мнѣ, что графъ Пребуа-Крансе былъ авантюристъ, я отвѣчу: а что такое былъ Гернандо Кортецъ наканунѣ покоренія Мехики? «Совершенно справедливо! Но, во-первыхъ, Руссе-Бульбонъ вовсе не идеалъ; въ немъ были свои недостатки; въ томъ числѣ нелѣпое чванство своимъ происхожденіемъ отъ аристократическаго рода—черта совершенно неприличная освободителю народовъ; во-вторыхъ, мы думаемъ, что освобождать народы насильно нельзя, что, если допустить противное правило, то этимъ значитъ дать слишкомъ большой просторъ честолюбію; тогда явятся искусники, которые, подъ видомъ освобожденія народа, займутся его покореніемъ. Эмаръ самъ понимаетъ это. Вотъ что говоритъ онъ: «какъ бы ни казался низокъ народъ, какимъ бы ни былъ онъ на самомъ дѣлѣ въ глазахъ своихъ тирановъ, онъ можетъ быть увѣренъ, что какъ скоро всѣ дѣйствующія силы его сосредоточатся въ твердой и неизмѣнной рѣшимости жить свободнымъ или умереть, онъ можетъ быть увѣренъ, повторяемъ мы, что онъ нѣкогда возстанетъ отъ своихъ пораженій, явится побѣдителемъ и возрожденнымъ кровью мучениковъ, которые пали въ высокой борьбѣ свободы противъ неволи». Руссе-Бульбонъ былъ изъ числа ихъ. Сверхъ политическихъ соображеній, одной изъ главныхъ причинъ неуспѣха экспедиціи, были личныя отношенія его къ генералу Гуерреро (Янецу) губернатору Соноры, у котораго онъ похитилъ сердце дочери. Янецъ думаетъ смертью графа излѣчить страсть дочери, но она не переживаетъ казни своего друга и умираетъ вмѣстѣ съ нимъ. Это вѣрный образъ Испанки: Испанка вся страсть. Воображеніе работаетъ у ней неутомимо; католицизмъ поддерживаетъ это настроеніе; палящіе лучи солнца, сладострастный воздухъ, напоенный тысячами ароматовъ—навѣваютъ невольно на душу любовные сны. Эта страстность, эта порывистость дѣлаютъ Испанку способною на величайшія пожертвованія и на величайшія преступленія. Пограничная жизнь, полная тревогъ и опасностей, развиваетъ еще болѣе смѣлость и предпріимчивость. Пограничныя женщины ни въ чемъ не уступаютъ мужчинамъ: съ карабиномъ въ рукѣ онѣ безтре-

нетно защищаютъ свои жилища; онѣ не страшатся проникать въ таинственную глубь дѣвственныхъ лѣсовъ и въ безпредѣльныя степи; неутомимо, наравнѣ съ мужчинами, мчатся онѣ на полуукрощенныхъ лошадяхъ или дѣлаютъ усиленные переходы въ теченіи нѣсколькихъ дней. Типъ этотъ представленъ г. Эмаромъ въ Анджелѣ дочери Янеца'и Бѣлой Газели (*). Впрочемъ послѣдняя представляется скорѣй исключеніемъ: до такой степени жажда мщенія заглушаетъ въ ней всѣ чувства. Это скорѣе примѣръ, до чего можетъ достигнуть страсть въ неразвитой натурѣ, подъ этимъ огненнымъ небомъ. Получивъ въ свою власть убійцъ отца и матери, она съ наслажденіемъ присутствуетъ при исполненіи страшнаго приговора, произнесеннаго надъ ними на основаніи закона Линчъ. Приговоръ этотъ состоялъ въ томъ, что у одного изъ убійцъ (Краснаго Кедра) рѣшили зарѣзать дочь, повѣсить сына, участника его преступленій, а самого Краснаго Кедра скальпировать и потомъ повѣсить; другаго-же убійцу Амброзіо положили скальпировать, повѣсить подъ мышки, вымазать медомъ и оставить на съѣденіе птицъ и насѣкомыхъ. Бѣлая Газель, дядя ея и Индійцы до конца остаются при исполненіи этого страшнаго мученія, продолжавшагося двадцать два часа. Вы ужасаетесь, читатель, вы содрогаетесь, вы готовы приписать всѣ эти ужасы разнузданной фантазіи романиста. Но увы, онъ правъ: такихъ исключеній, какъ Бѣлая Газель, очень много; индійскія женщины сами играютъ часто роль палачей и изобрѣтаютъ самыя утонченныя пытки; это не могло не имѣть вліянія на пограничныхъ жителей; тѣмъ болѣе, что мстительность составляетъ характеристическую черту испано-мехиканскаго племени, развиваемую еще болѣе отсутствіемъ правосудія въ странѣ и случайностями полукочевой жизни. Рѣдкій не имѣетъ права жаловаться на грабительство краснокожихъ или ихъ бѣлыхъ союзниковъ: одинъ потерялъ стадо, у другаго сожгли ферму, у третьяго похитили дѣтей или жену. Пораженный въ сердце, пограничный житель дѣлается звѣремъ. Мщеніе становится конечною цѣлью его жизни. Джемсъ Уаттъ, (Scalpeur Blanc) Сынъ крови (Blood's Son) представляютъ выраженіе подобныхъ личностей. Какъ ни удачно изображены они г. Эмаромъ, но нельзя не замѣтить, что они слишкомъ однообразны: одинъ выходитъ повтореніемъ другаго. Этимъ-же недостаткомъ страдаютъ цѣлыя сцены: происшествія одного романа повторяются въ другомъ, также какъ и объясненія индійскихъ

(*) Курумилла, Степ. Разб. и Законъ Линчъ.

обычаевъ. Раздѣляя свои романы на серіи, авторъ, естественно, долженъ былъ имѣть въ виду, что купившій одинъ романъ пріобрѣтетъ и остальные. Къ чему-же тогда ненужныя повторенія? Тоже однообразіе или лучше сказать недостаточность замѣтна въ изображеніи быта низшихъ класовъ Мехики и Хили. Въ этомъ отношеніи очерки г. Ферри гораздо выше; онъ съ большею подробностью представилъ намъ ихъ типы и обычаи, тогда какъ г. Эмаръ далъ одинъ только вполнѣ очерченный образъ: Кухареса (*). Но всѣ эти недостатки не мѣшаютъ г. Эмару быть однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ французскихъ писателей. Разумѣется, о сравненіи съ Куперомъ нечего и думать; онъ уступаетъ даже Мейнъ-Рейду въ разнообразіи типовъ, въ описаніи природы и охоты, въ чемъ даровитый капитанъ неподражаемъ и можетъ соперничать съ знаменитымъ Одюбономъ, но зато онъ превосходитъ обоихъ въ изображеніи Индійцевъ. Здѣсь на каждомъ шагу видны: огромная опытность и замѣчательная наблюдательность. Очень жаль, что г. Эмаръ не изложилъ своихъ приключеній и замѣтокъ въ формѣ мемуаровъ; эта форма также доступна для массы, а между тѣмъ избавляетъ автора отъ необходимости прибѣгать къ помощи воображенія; тѣмъ болѣе это жалко, что въ дарованіи г. Эмара правда дагеротипная преобладаетъ надъ правдой художественной. Таковы въ общихъ чертахъ его произведенія. Почему-же они пользуются такимъ успѣхомъ? почему нѣкоторые изъ нихъ имѣли по пяти изданій въ самое короткое время? Неужели вопросъ краснокожихъ выдвинулся на первое мѣсто? Къ несчастію, нѣтъ! Причина успѣха г. Эмара заключается совершенно въ другомъ. Неблагопріятныя обстоятельства совершенно убили литературу во Франціи. Ни одного замѣчательнаго дѣятеля не является на литературномъ поприщѣ, тогда какъ военное не перестаетъ украшаться даровитыми личностями. Нація упоевается военною славою и газетными статьями; она ищетъ наслажденій, которыя заставили-бы ее забыть о внутреннихъ бѣдствіяхъ; она чуждается серьезной умственной работы и въ разнообразіи и запутанности приключеній, въ возбужденіи воображенія, въ потрясеніи нервовъ находитъ лучшія достоинства романа. Вотъ почему, въ кругу этой золотой посредственности г. Эмаръ является одной изъ звѣздъ первой величины и ужъ, безъ всякаго сомнѣнія, гораздо выше какаго-нибудь г. Ено, получающаго кресты за успѣхи въ литературѣ.

(*) Шайка Флибустьеровъ.

Романы г. Эмара какъ нельзя лучше удовлетворяютъ современную Францію, увлекающуюся внѣшнею обстановкой. Она живо напоминаетъ того помѣщика, который на замѣчаніе прикащика, что дѣла идутъ дурно, отвѣчаетъ: «зачѣмъ ты, братецъ, говоришь, что дѣла въ хозяйствѣ идутъ скверно? Я, братъ, знаю это безъ тебя, да у тебя рѣчей нѣтъ другихъ что-ли? Ты дай мнѣ позабыть это, не знать этого, тогда я счастливъ». — И Франція забывается въ то время, когда всходитъ заря новаго дня и народная дѣятельность кипитъ вездѣ съ удвоенною силой.

В. ПОПОВЪ.

ИСТОРІЯ ГЕОГРАФІИ. КАРЛА РИТТЕРА.

Geschichte der Erdkunde und der Entdeckungen. Vorlesungen von Carl Ritter. Herausgegeben von H. A. Daniel. Berlin, Reimer. 1861.

Вотъ книга, достойная быть переведенною на всѣ языки и читанною всѣми людьми, занимающимися изученіемъ географіи,—книга, которая должна быть на первомъ планѣ въ виду у всякаго, кто приступаетъ къ наукѣ и желаетъ имѣть путеводителя въ этомъ обширномъ лабиринтѣ. Никогда еще исторія открытій по части землевѣдѣнія не излагалась болѣе простымъ и въ то же время болѣе ученымъ образомъ. По всей вѣроятности, не скоро какой нибудь другой писатель подаритъ насъ сочиненіемъ, отличающимся такою же простотою и такими же грандіозными размѣрами. Карлъ Риттеръ умеръ, а подобные люди не скоро находятъ себѣ достойныхъ преемниковъ.

Книга, изданная профессоромъ Даніэлемъ, безспорно принадлежитъ Риттеру. Кто имѣлъ счастіе слушать лекціи этого геніальнаго человѣка, безъ сомнѣнія, узнаетъ въ этомъ сочиненіи его нѣжную и трогательную рѣчь, его возвышенную простоту, его глубокія мысли, высказываемыя будто случайно, его слова, очерчивающія цѣлую эпоху или цѣлую страну. Эта книга свидѣтельствуетъ о пламенной любви Риттера ко всѣмъ путешественникамъ и географамъ древности, о его

дѣтской благодарности Страбону, Геродоту, Птоломею, Марко-Поло и всѣмъ великимъ изслѣдователямъ нашей планеты. Читая ее, видишь самого автора, этого высокаго, благороднаго старца, съ его спокойною поступью, съ его кроткими маленькими глазами, съ его нѣжною улыбкою на устахъ и съ его обширнымъ челомъ, осѣняемымъ мягкими сѣдыми волосами. Безъ сомнѣнія, г. Даніэль, какъ великій географъ, легко могъ въ этомъ сочиненіи выставить свою собственную личность подлѣ тѣни Риттера; но онъ очевидно ограничился пересмотромъ текста и исправленіемъ фразъ, записанныхъ со словъ великаго ученаго и иногда заключавшихъ въ себѣ темныя мѣста. Будемъ же благодарны за такое уваженіе къ произведенію наставника!

Ни одинъ поэтъ, а тѣмъ болѣе ни одинъ ученый не понималъ лучше Риттера жизни, заключающейся въ исторіи. Для него, какъ и для всякаго, кто не увлекается мелкою будничною суетою, человѣчество представлялось существомъ, котораго годы опредѣляются послѣдовательностью поколѣній и котораго кризисы и болѣзни разрѣшаются переселеніями и кровавыми стычками народовъ. Сначала оно не знаетъ ни себя, ни своего жилища, но потомъ приходитъ въ сознаніе и знакомится съ планетой, которая служитъ для него мѣстомъ пребыванія. Долго оно блуждаетъ наудачу: воспоминаніе о первыхъ путешествіяхъ теряется въ мракѣ тысячелѣтій; но въ продолженіе тридцати послѣднихъ вѣковъ земля изслѣдована во всѣхъ отношеніяхъ, и теперь человѣчество смотритъ на природу взглядомъ, исполненнымъ сознанія. Эти-то великіе переходы человѣка отъ одного полуострова и отъ одного материка на другой полуостровъ и на другой материкъ Риттеръ заставляетъ насъ совершать снова. Будемъ же слѣдовать за нимъ, не какъ раболѣпные ученики, робко выступающіе по слѣдамъ своего учителя, но какъ спутники, умѣющіе иногда отступать отъ проложенной колеи.

Исторія успѣховъ географіи есть въ то-же время исторія человѣчества. Сначала различныя племена дѣлаютъ отдѣльныя открытія, довольствуясь изслѣдованіемъ своей территоріи. Они уносятъ съ собою тайну своихъ путешествій, когда ихъ разсѣетъ мечъ побѣдителя, и не оставляютъ никакихъ другихъ слѣдовъ странствованія, кромѣ камней и сомнительныхъ іероглифовъ. Они умираютъ, какъ-будто никогда не жили: степь покрываетъ пескомъ, будто саваномъ, воспоминаніе о ихъ существованіи. Потомъ являются завоеватели, пролагающіе себѣ дорогу мечемъ и оставляющіе за собою длинный слѣдъ крови и огня; они

обозначают свои открытія грудами развалинъ и пирамидами изъ человѣческихъ головъ. За этими кровожадными завоевателями слѣдуютъ другіе, болѣе искусные, которые видятъ въ побѣжденныхъ не жертвы, но рабовъ, способныхъ работать для ихъ собственной пользы. Затѣмъ являются народы торговые, которые уважаютъ свободу другихъ націй и пользуются ею для выгодъ торговли. Наконецъ любовь къ знанію начинаетъ проникать въ умы нѣкоторыхъ людей; эти люди предпринимаютъ странствованія по свѣту для изученія его чудесъ и законовъ его существованія. Здѣсь уже является наука землевѣдѣнія. Успѣхи ея, сначала медленные и сомнительные, часто прерываются ужасами войны, насиліями фанатизма и человѣческою слабостью. Но ненависть исчезаетъ современемъ, а природа остается вѣчно юною, и когда люди прекращаютъ свои раздоры, они прибѣгаютъ къ ея лону, какъ дѣти къ лону своей матери, которая всегда готова показать имъ свои грандіозныя сокровища.

Риттеръ ничего не говоритъ о нашихъ предкахъ Аріанахъ: исторія умалчиваетъ о нихъ, а тѣ незначительныя свѣдѣнія, какія археологи могли извлечь изъ мрака временъ относительно происхожденія и странствованій этого народа, болѣе носятъ на себѣ характеръ легенды, нежели печать истины.

Что касается Индусовъ, пораженныхъ чудесами своей родины и постоянно бывшихъ свидѣтелями богатства тропической природы, то они, слишкомъ проникнутые чувствомъ жизни, были чужды пониманія опредѣленныхъ формъ. Географія для нихъ состояла изъ космогоніи; они не имѣли того геометрическаго чутья, которое даетъ возможность раздѣлять страну опредѣленными линіями и чертить карты съ опредѣленными контурами. Для нихъ доступны были идеи, но не осуществленіе ихъ во времени. Теоріи этого народа отличаются блескомъ возвышенныхъ истинъ и теперь еще нашимъ знаменитымъ географамъ не мѣшало бы изучать Ведамы, чтобы видѣть, какъ Индусы широко понимали жизнь земли.

Любители безплодныхъ номенклатуръ, принимающіе географію за репертуаръ словъ, должны были бы хорошенько вдуматься въ теорію Индусовъ, которая представляетъ міръ лотосомъ, распустившимся на водахъ. Обѣ Индіи составляютъ цвѣтъ этого растенія; разсѣянные по океану острова—только-что раскрывшіеся бутоны, а отдаленные материки—листья, стелющіеся на тихой поверхности водъ. Гаты и Нильгери представляютъ тычинки этого громаднаго цвѣта, посреди кото-

раго возвышается величественный Гималай, священный пестикъ, гдѣ развиваются сѣмена новаго міра. Человѣкъ, подобно маленькимъ насѣкомымъ, которыя въ вѣнчикѣ розы находятъ для себя вселенную, строитъ незамѣтные города подлѣ медовыхъ сосудцевъ этого растенія и иногда распускаетъ свои крылья, чтобы отъ вѣнчика Индіи перелетѣть надъ поверхностью водъ къ полураскрывшимся бутонамъ Мадагаскара или Сокоторы. Что касается до стебля, то онъ исчезаетъ въ глубинѣ морей и скрываетъ свои корни въ безпредѣльномъ пространствѣ.

За этимъ народомъ, который смотритъ на міръ изумленнымъ взоромъ, слѣдуютъ народы, склонные къ анализу.

Карлъ Риттеръ, котораго нѣжную душу съумѣла подчинить себѣ партія піэтистовъ въ Берлинѣ, счелъ нужнымъ помѣстить имя Евреевъ въ главѣ списка народовъ, оставившихъ первые достовѣрные географическіе памятники. Впрочемъ, онъ признаетъ, что Евреи ничего не могли узнать сами собою и что они всѣ свои познанія заимствовали отъ народа, жившаго по берегамъ Нила и занимавшагося измѣреніемъ и воздѣлываніемъ земли. Египтяне, отличавшіеся умомъ сухимъ, твердымъ и точнымъ, какъ очертаніе ихъ горизонта, чертили карты и планы для раздѣленія своихъ провинцій и полей, періодически наводняемыхъ Ниломъ. Знаменитая классификація народовъ, представленная въ книгѣ Бытія, есть не что иное, какъ списокъ націй, покоренныхъ Сезострисомъ! Болѣе трехъ тысячъ лѣтъ тому назадъ, этотъ страшный завоеватель проникъ на югъ до горъ Абиссиніи, на сѣверъ до Дона къ странѣ Колхійцевъ и Скиѳовъ, къ предѣламъ Европы и Азіи; въ Малой Азіи онъ подчинилъ себѣ Ликіянъ и Іонянъ; моремъ его армія достигла устьевъ Ганга и тамъ опустошила прибрежные города. Гранитныя плиты въ храмахъ Ѳивъ содержатъ повѣсть объ этихъ побѣдахъ и открытіяхъ, въ видѣ іероглифовъ, барельефовъ и рисунковъ; онѣ показываютъ намъ различныя племена, бѣлыя, черныя, красныя, въ ихъ различныхъ костюмахъ; представляютъ безконечные ряды животныхъ тѣхъ странъ, куда проникалъ мечъ побѣдителя: жирафовъ, слоновъ, львовъ; на нихъ изображены деревья и плоды Индустана и отдаленной Ливіи; здѣсь же мы знакомимся съ нравами и цивилизаціею всѣхъ этихъ народовъ. Это для насъ самыя древнія лѣтописи. Подобно тому, какъ мы для опредѣленія первобытныхъ обитателей нашей земли, изучаемъ слѣды исчезнувшихъ животныхъ породъ на камняхъ нашихъ горъ, такъ въ гранитныхъ плитахъ, воздвигнутыхъ въ храмахъ Египта, мы отыскиваемъ исторію первыхъ

открытій, о которыхъ человѣчество отдало себѣ отчетъ. Но кто и когда намъ скажетъ, сколько крови стоили эти памятники, которые мы стараемся разобрать съ дѣтскимъ благоговѣніемъ?! Къ тому-же наука Египтянъ развѣ не была монополіею жрецовъ? Другіе завоеватели также опустошали міръ и оставляли по себѣ барельефы, надписи и статуи, которые должны были свидѣтельствовать потомству о ихъ кровавыхъ дѣлахъ. Но всѣ эти блистательные подвиги королей Ниневіи и Вавилона теперь забыты, и клинообразныя письмена, передъ которыми блѣднѣютъ ученые, до сихъ поръ ничего не открыли серьёзнаго; было бы, дѣйствительно, странно вѣрить объясненіямъ Ролинсона (Rawlinson) и многихъ другихъ, которые въ этихъ надписяхъ видятъ только стихи и парафразы стиховъ еврейской библіи.

Послѣ этихъ дикихъ географовъ, которые изслѣдовали міръ съ мечемъ въ рукѣ, явились Финикіяне, построившіе въ одно и то-же время два Тира и два Арада, по одному на Средиземномъ морѣ и по одному на Персидскомъ заливѣ. Они могли посылать свои корабли ко всѣмъ прибрежнымъ странамъ на востокъ и на западъ. Этотъ промышленный народъ снабжалъ роскошные дворы Азіи предметами, нужными для ихъ роскоши; онъ доставлялъ золото изъ Индіи, серебро съ Пиреней, янтарь, болѣе цѣнный, нежели золото, цинкъ съ острововъ Касситеридскихъ, жемчугъ и слоновую кость, духи и пряности, драгоцѣнное дерево, обезьянъ и заморскихъ звѣрей, любимыхъ праздными людьми, рабовъ мужескаго и женскаго пола, которыхъ бѣдствіе служило украшеніемъ роскоши великихъ міра сего. Подстрекаемые алчностью, Финикіяне и ихъ потомки Карѳагеняне болѣе всѣхъ другихъ народовъ содѣйствовали изслѣдованію земли. Въ качествѣ мирныхъ торговцевъ они посѣтили всѣ страны, опустошенныя завоевателемъ Сезострисомъ. Они узнали берега Чернаго моря и Колхиду; Средиземное море, нѣкогда казавшееся Египтянамъ безпредѣльнымъ, было для этихъ мореходцевъ бассейномъ, съ опредѣленными границами. Проѣхавъ страшные врата Геркулеса, они вошли въ бурный океанъ, обогнули мысъ, извѣстный до сихъ поръ подъ именемъ Финистерре, конца земли, пробрались въ лабиринтъ Сорлингскихъ острововъ, всегда обуреваемый вѣтрами, и, отыскивая драгоцѣнный янтарь, проникли въ Сѣверное и Балтійское моря, такъ часто покрытыя туманами, что долгое время эти воды считались студенистыми. Въ Южномъ океанѣ они также дѣлали большія открытія. Они посѣщали Малабарскій берегъ, берега восточной Африки. Они открыли Великій

океанъ, окружающій землю своими волнами, одна изъ ихъ флотилій, отправленная фараономъ Нехао (600), совершила путешествіе вокругъ Африки. Выѣхавъ изъ Суэса, она вошла въ Средиземное море чрезъ Геркулесовы столпы. Но это открытіе, которое въ то время было гораздо труднѣе, нежели открытіе Америки Христофоромъ Колумбомъ, 2100 лѣтъ спустя, было такъ велико, что не могло быть понято современниками и не могло повести къ практическимъ результатамъ; оно было забыто міромъ и объ немъ сохранились только темные іероглифы, написанные рукою Нехао, но еще не разобранные нашими новѣйшими учеными.

Если многія открытія Финикіянъ и Карѳагенянъ остались неизвѣстными, то въ этомъ должно винить нетолько невѣжество и варварство другихъ сосѣднихъ народовъ, но и завистливость, которая заставляла этихъ предпріимчивыхъ торговцевъ хранить въ тайнѣ географическое положеніе своихъ отдаленныхъ рынковъ. Отличаясь жадностью, корыстолюбіемъ, хитростью, эгоизмомъ, и дикая какъ волны, несмотря на свою роскошь и цивилизацію, пуническая раса хотѣла сохранить для себя монополію торговли. Эти промышленники предавали смерти всякаго иностранца, узнававшаго ихъ промышленные пути и въ особенности всякаго Финикіянина, выдававшаго ихъ тайну. Они старались погрузить въ море всякій иностранный корабль, проѣзжавшій Геркулесовы столпы. Страбонъ разсказываетъ, что одинъ карѳагенскій капитанъ, видя, что за нимъ въ проливѣ слѣдуетъ римское купеческое судно, рѣшился разбить свой корабль о скалу, чтобы вовлечь въ погибель слѣдившаго за нимъ соперника. Поэтому-то съ Финикіянами и Карѳагенянами случилось то же, что̀ и съ Португальцами въ позднѣйшую эпоху. Благодаря своей скрытности, они иногда лишали себя славы своихъ собственныхъ открытій. Но если ихъ исторія въ значительной части потеряна, то имъ мы обязаны, что̀ теперь можемъ разсказать исторію другихъ націй, бывшихъ ихъ преемниками. Вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ различными народами, говорившими на различныхъ языкахъ, они принуждены были представлять одни и тѣ-же звуки одними и тѣми-же знаками. Такимъ образомъ изобрѣтены были фонетическія письмена, безъ которыхъ человѣку, быть можетъ, никогда бы не удалось овладѣть землею. Все, что основали Финикіяне и Карѳагеняне, исчезло. Ихъ богатства сдѣлались добычей другихъ націй; ихъ государства превратились въ пустыни; Тиръ, Сидонъ, Арадъ, другой Тиръ, на берегу Персидскаго залива,

Кароагенъ, Елеатъ, Езіонъ, Габеръ теперь представляютъ однѣ развалины или даже совершенно сравнены съ землею; но, благодаря фонетическимъ письменамъ, Греки могли наслѣдовать науку погибшихъ народовъ, и обширныя открытія Семитовъ Тира и Кароагена не были потеряны для свѣта.

По счастію, Греки были болтливый народъ: то̀, что они знали, они перелагали въ пѣсни, записывали въ книги, передавали ученикамъ, торжественно объявляли толпѣ, собиравшейся на агорѣ. Ихъ занимало все: исторія варваровъ такъ-же, какъ ихъ собственная, описаніе отдаленныхъ странъ такъ-же, какъ описаніе чудесъ ихъ собственной родины. Знаніе чужихъ краевъ не было болѣе монополією жрецовъ и торговцевъ: оно принадлежало всѣмъ многочисленнымъ Грекамъ, собиравшимся на Кориноскихъ или Олимпійскихъ играхъ, чтобы восторгаться вдохновенными пѣснями Иліады или книгами Геродота, посвященными девяти музамъ.

Каждое изъ военныхъ или торговыхъ предпріятій Грековъ прославлялось пѣвцами и историками: оно не записывалось на камняхъ іероглифами, какъ въ Өивахъ, и не передавалось тайно сенату, какъ въ Тирѣ или Кароагенѣ, но оно разсказывалось самому народу. Великій Гомеръ странствуетъ изъ города въ городъ и подъ звуки лиры воспѣваетъ кровавую борьбу Грековъ съ Троянцами на равнинахъ Иліона. Гезіодъ, Софоклъ и многіе другіе поэты прославляютъ отважное предпріятіе аргонавтовъ, пустившихся въ неизвѣданное море Колхиды, чтобы овладѣть драгоцѣннымъ золотымъ руномъ въ этой странѣ, нѣкогда богатой и многолюдной и которая была однимъ изъ средоточій древней цивилизаціи.

Хотя Греки тогда имѣли менѣе точныя понятія о формѣ материковъ и о пространствѣ морей, нежели Финикіяне, но эти понятія были лучше всѣхъ познаній Тира: они передавались такъ, что производили на людей прочное впечатлѣніе, и эхо греческой поэзіи переходило изъ вѣка въ вѣкъ, возбуждая умы, воодушевляя поэтовъ, поощряя путешественниковъ и ученыхъ.

Но настало время, когда Греки пошли по слѣдамъ Финикіянъ, далеко за предѣлы своего маленькаго полуострова и сосѣднихъ морей. Милезійцы, Фокіяне посылали свои суда въ Сицилію, къ берегамъ Галліи, въ Испанію и даже за Геркулесовы столпы. Въ своихъ путешествіяхъ въ Херсонесъ Таврическій и въ Колхиду они дотого свыклись съ опасностями Чернаго моря, что прозвали его гостепріим-

нымъ, εὔξεινος, тогда какъ прежде оно имѣло противоположное название ἄξεινος, до серебряныхъ рудниковъ Тартесса. Геродотъ, простой торговецъ, заслужившій впослѣдствіи имя отца географіи, посѣтилъ Вавилонію, Персію, Верхній Египетъ и оставилъ намъ книгу, написанную съ рѣдкой, трогательной простотой и содержащую безцѣнный разсказъ объ его путешествіяхъ и бесѣдахъ съ вавилонскими и египетскими поэтами. Питеасъ, предпринявшій путешествіе съ чисто-ученою цѣлью, отважно проникъ въ море, считавшееся студенистымъ и растилавшееся подъ туманною атмосферою сѣвера; онъ достигъ Ultima Thule (Шетланда или Норвегіи); первый открылъ свѣту существованіе полярнаго круга, гдѣ солнце описываетъ свою орбиту на небѣ въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ, не скрываясь за горизонтъ; изучалъ приливъ и отливъ воды, и научнымъ образомъ объяснилъ это явленіе. Но онъ былъ слишкомъ великъ для своего времени и не могъ избѣгнуть обвиненія во лжи со стороны своихъ невѣжественныхъ современниковъ и со стороны еще болѣе невѣжественнаго римско-католическаго потомства.

Въ то самое время, когда Питеасъ извлекалъ тайны земли изъ страшнаго мрака сѣвернаго моря, Александръ Македонскій, во главѣ своей арміи, отправлялся къ свѣтлымъ странамъ юга. Безъ всякаго сомнѣнія, его подстрекали нетолько грубая страсть мести и завоеваній, но и любовь къ путешествіямъ и желаніе узнать знаменитую Вавилонію, роскошный дворъ Персіи и баснословныя страны, орошаемыя Индомъ. Дѣйствительно, Македоняне поспѣшили видѣть все разомъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ они пробѣгаютъ Египетъ и Ливійскую степь, переходятъ черезъ снѣжныя горы Паропамисса, переправляются черезъ Индъ, проникаютъ въ пустыни Гедрозіи и заходятъ въ центръ Азіи, въ Согдіану и Бактріану. Ихъ посланники посѣщаютъ блистательные города, расположенные на берегахъ Ганга, а адмиралы, плавая по Индійскому океану и Персидскому заливу, наблюдаютъ на крайнемъ востокѣ приливъ и отливъ въ то самое время, когда Питеасъ открываетъ это явленіе на другомъ концѣ древняго міра. Впечатлѣніе, произведенное открытіемъ Индіи и другихъ восточныхъ странъ, на пламенное и художественное воображеніе Грековъ, было гораздо значительнѣе того, какое произвело впослѣдствіи открытіе Новаго свѣта на необразованные умы Европейцевъ, погруженныхъ еще въ настоящее варварство. Походъ Александра былъ для Грековъ созданіемъ новой земли: міръ человѣка внезапно для нихъ увеличился. На краю

вновь видѣнной страны возвышался другой Олимпъ, вчетверо или впятеро выше Олимпа Греціи. Изумленнымъ взглядамъ представились равнины, съ удивительнымъ плодородіемъ, орошаемыя великолѣпными рѣками и обитаемыя безчисленными народами; баснословныя животныя и растенія вдругъ, будто изъ міра фантазіи, перешли въ дѣйствительность. Пальмы, съ ихъ безчисленными плодами, доставляющія человѣку пищу и удовлетворяющія всѣмъ его насущнымъ потребностямъ, хлопчато-бумажное дерево, шелкъ, приготовляемый гусеницами, величественные бананы, пряности и медикаменты, производящіе на человѣческій организмъ быстрое и изумительное дѣйствіе; потомъ слоны, тигры, священныя коровы, громадные муравьи и, наконецъ, огромные многолюдные города, пагоды съ сотнею куполовъ, идолы съ сотнею рукъ, факиры, висящіе на крючкахъ, цари, покрытые драгоцѣнными каменьями, — все это развѣ не чудеса, способныя воспламенить самое холодное воображеніе. Изумленіе Грековъ было безъ границъ, и, чтобы сдѣлать свидѣтельство Неарха и другихъ спутниковъ Александра достойнымъ довѣрія, требовалось вторичное открытіе Индіи.

Дѣло Македонянъ, бывшее не что иное, какъ проявленіе духа Греціи, продолжалось долго: царство ихъ разрушилось, но духъ и учрежденія Грековъ сохранились въ завоеванныхъ странахъ. Египетъ и Сирія сдѣлались землями исключительно греческими; Бактріана, Согдіана и другія страны центральной Азіи, превращенныя теперь въ степи, впродолженіе многихъ вѣковъ сохраняли драгоцѣнное сокровище цивилизаціи, пришедшей къ нимъ съ запада; до временъ Цезаря короли пароянскіе заслуживали названія фильгелленовъ и умѣли цѣнить трагедіи Еврипида. Еще теперь, до пятидесяти городовъ, носящихъ имя Александра и основанныхъ имъ: Александрія, Скандеранъ, Искендеръ, Кандагаръ и др., доказываютъ, насколько вліяніе Грековъ было продолжительнѣе вліянія Финикіянъ. Селевкиды далеко проникли въ Индію; Птоломеи посылали своихъ путешественниковъ въ верхнюю Абиссинію, на Слоновый мысъ (Гардафуй), на рѣку Нигеръ, недавно открытую вновь, и къ источникамъ Нила, которыя отыскиваются еще до настоящаго времени. Пока путешественники расширяли предѣлы извѣстнаго міра, ученые изучали географическіе законы уже знакомыхъ частей земли. Капитанъ корабля, Гиппаль, торговавшій съ прибрежными жителями Индустана, открылъ послѣдовательность пассатныхъ вѣтровъ; Эратосѳенъ (Eratosthenes) измѣрялъ градусъ земли отъ Александріи до Сіены; наконецъ Гиппархъ Никейскій, величайшій астрономъ древно-

сти, начертилъ сѣть градусовъ долготы и широты и отыскивалъ на небѣ точки, посредствомъ которыхъ можно было бы опредѣлить положеніе всѣхъ мѣстностей на землѣ. Съ этихъ поръ астрономія и географія подаютъ другъ–другу руку. Благодаря звѣздамъ, мореплаватель можетъ направить свой путь на морѣ, караванъ путешествовать по безпредѣльнымъ степямъ, а ученый отыскивать точки, обозначенныя въ таблицахъ Птоломея.

Хотя Греція и ея колоніи давно уже лишены были своей политической автономіи, но продолжительности ихъ цивилизаціи мы обязаны двумя величайшими географами нашей эры, Страбономъ и Птоломеемъ. Страбонъ, современникъ первыхъ кесарей, не могъ бы написать своей большой географіи, еслибъ римскіе легіоны не подчинили своему оружію множество отдаленныхъ странъ. Кромѣ того, онъ самъ посѣтилъ большую часть Римской имперіи, отъ Марсели до Арменіи и отъ Понта Эвксинскаго до Ливійскихъ степей. Отъ своихъ родственниковъ, занимавшихъ различныя мѣста при дворѣ Митридата, онъ узналъ множество странъ, совершенно неизвѣстныхъ Римлянамъ, берега Каспійскаго моря, Албанію и Бактріану. Многія изъ его книгъ образцовыя, въ особенности тѣ, въ которыхъ описываются Испанія, Италія, Греція, Архипелагъ и Персія. «Ни одинъ изъ новѣйшихъ географовъ», говоритъ Риттеръ, «не изобразилъ Италіянскій полуостровъ болѣе грандіознымъ образомъ, какъ Страбонъ».

Клавдій Птоломей, другой Грекъ, рожденный въ Пелузѣ, въ Египтѣ, отмѣтилъ на своихъ географическихъ таблицахъ множество отдаленныхъ странъ, которыя Римлянамъ не были извѣстны даже по имени. Онъ обозначилъ положеніе болѣе пятидесяти мѣстностей на островѣ Taproбane (Цейлонѣ), указалъ на Мальдивскій архипелагъ, зналъ острова Зондскіе, Яву, Зунду, Бантамъ; упомянулъ объ Уральскомъ хребтѣ, на сѣверномъ материкѣ; Волга (Rha) и рѣка Желтая, въ Китаѣ, также были ему извѣстны. Въ Африкѣ, онъ указываетъ на страны, которыя до сихъ поръ покрыты для насъ тайной.

Можно сказать, что въ отношеніи географіи, а также астрономіи и другихъ наукъ, переселеніе варваровъ началось со вторженія Римлянъ. Этотъ воинственный народъ, увлекаемый страстью къ завоеваніямъ, прошелъ весь извѣстный тогда міръ, чтобы поработить его оружіемъ; но онъ самъ не изслѣдовалъ завоеванныхъ странъ, а предоставлялъ это своимъ рабамъ, Грекамъ. Лишенные всякаго торговаго духа, Римляне опредѣляли предѣлы своихъ открытій границами пора–

бощенныхъ провинцій. Они мало заботились о названіи народовъ и городовъ, о высотѣ горъ, о длинѣ рѣкъ и о красотѣ портовъ, лишь бы подати накоплялись въ aerarium'ѣ; нерѣдко даже они забывали вносить въ свои историческіе памятники мѣста своихъ побѣдъ. — Подобнымъ же образомъ въ позднѣйшее время Русскіе въ Сибири въ продолженіе болѣе пятидесяти лѣтъ получали дань отъ племенъ, живущихъ у Амура, и не знали ни имени ихъ, ни жительства. — Не дѣлая сами никакихъ изслѣдованій, Римляне уничтожали однимъ ударомъ, или задушали мало-по-малу народы, которые могли бы продолжать изученіе земли для собственной пользы: Кароагенянъ, Массиліотовъ, Сицилійцевъ, Грековъ, жителей Малой Азіи. Можно было думать, что великій Римъ, желая увѣрить себя въ томъ, что ему принадлежитъ весь міръ, добровольно оставался въ невѣдѣніи относительно народовъ и странъ, находившихся за предѣлами его владѣній. Онъ даже не старался узнать, откуда брались шелковыя ткани и драгоцѣнные каменья, удовлетворявшіе требованіямъ его роскоши; изысканныя яства, стоившія нѣсколько тысячъ сестерцій его Апиціямъ; хищныя животныя и атлетическіе рабы, терзавшіе другъ-друга на его аренахъ. Римъ до такой степени занятъ былъ своей славой, что ему не было дѣла до остальнаго міра; его географы были только компиляторы. Одинъ Тацитъ изъ нихъ великъ, и тотъ оставилъ бѣглое, но удивительное описаніе Германіи.

Хотя Римляне ничего не сдѣлали въ пользу географіи, но еще существовали греческія книги и въ библіотекахъ хранились свѣдѣнія обо всѣхъ открытіяхъ, совершенныхъ Греками, когда имперія, подобно дряхлому старцу, мало-по-малу охватываемому холодомъ смерти и ожидающему свой конецъ, увидѣла постепенно приближавшееся паденіе столицы. Великая матерь народовъ (*vagina gentium*) извергала на западный міръ безчисленныя орды варваровъ, которые подобно бурному потоку нахлынули на римскія провинціи, стали разорять ихъ, разбивать войска, уничтожать города. Слѣды цивилизаціи исчезали: дома и памятники уступали мѣсто шатрамъ дикарей. Отвратительные Гунны расположились у самыхъ воротъ Рима. Пока одни варвары извнѣ осаждали вѣчный городъ, другіе, называвшіе себя христіанами и скрывавшіеся въ низшихъ слояхъ общества, разоряли храмы, убивали ученыхъ, рвали и жгли книги, истребляли Александрійскую библіотеку, въ уничтоженіи которой впослѣдствіи невинно обвинялся Омаръ. Надъ цивилизованнымъ міромъ воцарилась глубокая ночь невѣжества и варвар-

ства. Нѣкоторыя книги еще уцѣлѣли въ отдаленныхъ городахъ; но явились монахи, которые, подъ предлогомъ сохраненія этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ ученой древности, начали ихъ списывать, искажали ихъ смыслъ, оскверняли ихъ на тысячу ладовъ и, составивъ изъ нихъ нелѣпую путаницу лжи, стали украшать миніатюрными рисунками и капительными буквами. Счастливы тѣ пергамены, которые спаслись отъ разрушительныхъ зубовъ этихъ алчныхъ крысъ!

Надо было все передѣлать; все, что уже было открыто, приходилось снова открывать; географія должна была быть создана вновь, такъ-же какъ народы и ихъ учрежденія. Быть можетъ, то было къ счастію новаго міра, что еще сохранился остовъ Римской имперіи. Преданіе, подобно нити Аріаны въ обширномъ лабиринтѣ Креты, дозволило впослѣдствіи находить, одну за другою, всѣ страны, изслѣдованныя древними. Христіанскіе миссіонеры, движимые не желаніемъ торговли и не любовью къ наукѣ, а желаніемъ распространенія новаго божественнаго ученія, начали скитаться по землямъ, принадлежавшимъ прежде Римской имперіи. Пока ихъ силы были незначительны, они для подчиненія варваровъ не прибѣгали къ другому оружію, кромѣ краснорѣчія, убѣжденія и преданности своему дѣлу. Такимъ образомъ, св. Гоаръ, воздѣлыватель виноградной лозы, распространялъ христіанскую вѣру на берегахъ Рейна, св. Августинъ крестилъ Саксонцевъ въ Англіи, св. Коломбанъ и св. Галлъ учили христіанскимъ догматамъ Бургундцевъ и Гельветовъ, Бонифацій проповѣдывалъ Фризамъ. Но когда впослѣдствіи христіанство вооружилось мечемъ и палицей, оно поспѣшило употребить это оружіе въ дѣло во славу Всевышняго. Карлъ Великій предоставилъ Саксонцамъ Виттекинда выборъ между смертью и крещеніемъ. Страшные меченосцы маріенбургскіе съ оружіемъ въ рукахъ проповѣдовали христіанское ученіе и нигдѣ во имя религіи не было пролито столько человѣческой крови, сколько въ этомъ уголку земли. А между тѣмъ, несмотря на эти мѣры, христіанство не достигло даже крайнихъ предѣловъ Европы: до сихъ поръ Лапландцы и Самоѣды почти всѣ язычники, не говоря уже объ остаткахъ разныхъ другихъ древнихъ племенъ, сохранившихъ фетишизмъ подъ наружнымъ лоскомъ христіанства. Въ другихъ частяхъ свѣта, проповѣдники новаго ученія проникли въ Абиссинію, Арменію и, быть можетъ, за предѣлы этихъ странъ; но наука ничего не пріобрѣла отъ этихъ путешествій, которыя какъ-будто совершались въ области мечтаній: дотого извѣстія объ нихъ шатки и темны! Несмотря на шумъ сраженій, страшное безмолвіе

царитъ надъ этой мрачною эпохой; люди измельчали, и для нихъ стало слишкомъ просторно въ обширномъ римскомъ мірѣ; то, что совершалось въ одномъ концѣ его, не имѣло отголоска въ другомъ. Отдаленныя открытія христіанскихъ проповѣдниковъ оставались легендами для христіанъ Галліи и Германіи. Теперь, когда наши ученые собрали всѣ факты христіанской эпопеи въ такъ-называемыхъ *Acta Sanctorum*, содержащихъ болѣе 30,000 біографій, мы въ этомъ огромномъ собраніи едва можемъ найдти нѣсколько второстепенныхъ географическихъ указаній. Какой постыдный переходъ отъ Тацита и Страбона!

Но пока христіане, находившіеся еще въ варварскомъ состояніи, вооруженною рукою распространяли христіанство на холодномъ сѣверѣ, новая религія внезапно возникла на жаркомъ полуостровѣ Аравіи. Правовѣрные столпились вокругъ знамени Мухаммеда, цѣлый народъ, воодушевленный неукротимой вѣрой, нахлынулъ на міръ, провозглашая имя единаго Бога. Побѣда распространялась какъ пламя пожара. Омаръ овладѣваетъ Персіей и Сиріей, Амру—Египтомъ; вскорѣ Парѳія, Бактріана, всѣ страны по ту сторону Инда, Триполисъ, Карѳагенъ, Мавританія, Испанія подчиняются закону Магомета. Менѣе, чѣмъ въ сто лѣтъ, Аравитяне, вышедшіе изъ степей, неизвѣстныхъ остальному свѣту, основали свои царства и распространили свою религію отъ устьевъ Инда до вратъ Геркулеса. И эти побѣды, быстрыя какъ молніи, не были безплодны какъ побѣды меченосцевъ и многихъ другихъ христіанскихъ рыцарей, которые оставили исторіи только длинную повѣсть кровопролитія и убійствъ. Великіе во всемъ, проповѣдники мусульманскаго ученія были также проповѣдниками искуствъ и наукъ: они всюду основывали школы и университеты, и столицы ихъ калифовъ, Багдадъ, Ширазъ, Дамаскъ, Александрія, Фецъ, Марокко, Гренада, дѣлались средоточіемъ просвѣщенія, откуда безпрестанно отправлялись ученые для изслѣдованія міра. Имѣя отъ природы склонность къ путешествіямъ, къ собранію географическихъ свѣдѣній и къ торговлѣ, Аравитяне расширяли область науки такъ-же быстро, какъ и свое политическое господство. Въ Ливіи они проникли далѣе Птоломеевъ и, преслѣдуя христіанъ до оазисовъ Сахары, а, быть можетъ, и до береговъ Нигра, постепенно углубляются въ самый центръ материка. На сѣверѣ, подвластные имъ Туркоманы отправляются на саняхъ въ страну снѣга и мрака (terra caliginis), въ страшную Сибирь. На востокѣ они отыскиваютъ страну солнца и вторично открываютъ Индію, этотъ чудесный край, съ его блистательными сокровищами, которыя,

вслѣдствіе порабощенія Сиріи Римской имперіей, въ продолженіе тысячелѣтія были потеряны для Европы. Махмудъ Газневидъ переправляется черезъ Гифазъ, передъ которымъ остановился великій Александръ, и основываетъ новое царство на берегахъ Ганга. Еще передъ тѣмъ арабскіе завоеватели открыли возвышенность Тибета и воевали съ туземными жителями Буддистами. Мусульманскіе мореплаватели, о которыхъ въ сказкахъ *Тысячи и одной ночи* разсказывается множество чудныхъ исторій, изслѣдовали Индійскій океанъ и открыли Софалу, Момбазъ, Мадагаскаръ, Мозамбикъ и землю Кафровъ (Gebir). Эти мореплаватели вели торговлю съ островомъ Цейлономъ, древнимъ Тарробане, и плавали въ архипелагѣ Зондскихъ и Молукскихъ острововъ; они обращали Малайцевъ въ свою вѣру, и уже около 850 года имѣли своего кадія (консула) въ Кан-Фу, недалеко отъ устья Янтсе-Кіанга, на сѣверѣ отъ нынѣшняго города Нинг-По. Между тѣмъ какъ миссіонеры, завоеватели, промышленники, мореплаватели отправлялись отъ одного конца древняго свѣта на другой, географы переходили отъ одного двора къ другому и отъ одной мечети къ другой и разсказывали все, что̀ видѣли чудеснаго въ продолженіи своей странической жизни.

Нельзя отрицать, что въ періодъ своего существенно-религіознаго движенія магометане принесли болѣе пользы дѣлу прогресса, нежели современные имъ христіане. Цивилизація тѣхъ и другихъ развивалась параллельно: одна мрачная, узкая, суровая, безпрестанно подвергавшаяся грубымъ промахамъ со стороны монаховъ, другая — быстрая, честолюбивая, исполненная жизни и вѣры въ самое себя и пламенной любви къ наукамъ и искуствамъ. Какое огромное превосходство представляютъ подвиги Альмамуна, Алфергани, Истахри, Абульфеды въ сравненіи съ темными легендами, помѣщенными въ такъ-называемыхъ Acta Sanctorum! Тогда какъ монахи-лѣтописцы разсказывали о чужихъ краяхъ одни нелѣпыя чудеса, наука Аравитянъ обнимала половину стараго свѣта. Ученые мусульмане дѣлаютъ открытія нетолько въ пространствѣ, но и въ вѣкахъ минувшихъ; они похищаютъ у христіанскихъ народовъ, этихъ естественныхъ наслѣдниковъ Греціи и Рима, честь изученія древнихъ рукописей, переводятъ Аристотеля, Страбона, и долго христіане запада знали Птоломея только подъ арабскимъ именемъ Бадолема. Правда, что въ продолженіе первыхъ вѣковъ своихъ побѣдъ, мусульмане чувствовали такое отвращеніе къ этимъ *кафрамъ Европы*, что не хотѣли изучать ихъ страны. Но наконецъ лю-

бовь къ наукѣ одержала верхъ надъ этимъ чувствомъ; географъ Эдризи, одинъ изъ нашихъ главныхъ авторитетовъ относительно славянскихъ древностей, описываетъ большую часть Европы. Ему извѣстны были Швеція, Финляндія, Исландія, тогда какъ христіане, съ своей стороны, знали въ Азіи или центральной Африкѣ только вымышленное государство отца Іоанна. Ежегодныя странствованія въ Мекку замѣчательнымъ образомъ содѣйствовали распространенію географическихъ свѣдѣній въ странахъ мусульманскихъ. Многочисленные караваны каждый годъ отправлялись изъ Бохары, Самарканда, изъ глубины Персіи, изъ внутренней Африки, изъ страны Магребъ и мало-по-малу возрастали, по мѣрѣ приближенія къ священному городу. Когда они достигали своей цѣли, они терялись въ цѣломъ морѣ людей, пришедшихъ со всѣхъ концовъ свѣта и представлявшихъ самую разнообразную смѣсь языковъ, костюмовъ и нравовъ; казалось, весь родъ человѣческій стекался сюда для свиданія. *Хаджи*, пріѣзжавшіе видѣть священный городъ пророка, не забывали во время путешествія своихъ матеріальныхъ интересовъ; они приносили съ собою товары своихъ отдаленныхъ странъ; мѣняли слоновую кость на шелкъ, ткани на драгоцѣнные каменья, сандальное дерево на золотой песокъ. Въ то же время поэты передавали въ своихъ пѣсняхъ чудныя повѣсти, которыя до сихъ поръ восхищаютъ насъ въ сказкахъ тысячи и одной ночи; люди серьезные разсказывали о своихъ приключеніяхъ въ странахъ сѣвера и юга; ученые мѣнялись книгами. Такимъ образомъ наука правовѣрныхъ мало-по-малу распространялась по всему обитаемому міру. Въ Европѣ, напротивъ, несмотря на ея внѣшнее единство и на теоретическое господство вѣчнаго города, свѣдѣнія, сравнительно, оставались безъ движенія; жители разныхъ сосѣднихъ государствъ не сходились между собою и знакомились только на поляхъ битвы.

Эти обѣ цивилизаціи развивались одна подлѣ другой. Онѣ не могли жить въ мирѣ и согласіи между собою. Сильнѣйшая изъ нихъ, цивилизація магометанская, первая напала на свою соперницу. Она овладѣла Испаніей, Сициліей, вторглась во внутренность Франціи, основала страшныя крѣпостри на горахъ Лигуріи и даже на альпахъ Савойи. Потомъ, въ свою очередь, подвергшись нападенію въ одномъ изъ своихъ священныхъ городовъ, Іерусалимѣ, она защищалась геройски и наконецъ одержала верхъ въ этой великой борьбѣ. Вслѣдствіе страшныхъ стычекъ послѣдователей Христа съ послѣдователями Магомета, приверженцы той и другой религіи знакомились другъ съ другомъ,

вопреки взаимной ненависти, и отъ этого увеличилась сумма человѣческихъ знаній. Ученые той и другой стороны могли бросить синтетическій взглядъ на оба міра, находившіеся въ борьбѣ. Какъ всегда бываетъ, обѣ цивилизаціи, назначенныя впослѣдствіи соединиться въ одно цѣлое, начали съ того, что нападали другъ на друга съ яростью.

Аравитяне, эти люди, исполненные воображенія, успѣли овладѣть міромъ и собрать вокругъ себя почти всѣ живыя силы прогресса, единственно благодаря своему энтузіазму. Когда ихъ оставилъ этотъ божественный огонь, когда они перестали быть фанатическими мусульманами, жизнь мало-по-малу стала входить въ болѣе тѣсные предѣлы. Успѣхъ началъ покидать ихъ оружіе; господство ихъ въ Африкѣ и Азіи замѣнилось господствомъ Турокъ, Татаръ и Мамелюковъ, этихъ дикихъ ордъ, состоявшихъ изъ наемниковъ и рабовъ, слѣдовавшихъ за ними, какъ гіены и шакалы за львами. Послѣ многихъ вѣковъ изумительныхъ побѣдъ, неслыханнаго торжества и блистательной цивилизаціи, Аравитяне снова увидѣли себя въ степяхъ своихъ предковъ такими же бѣдными и жалкими, какими были прежніе обитатели этихъ пустынь. Ихъ могущество исчезло, какъ сонъ. Между тѣмъ, какъ народы европейскіе, освободившись отъ ихъ религіознаго фанатизма, стали проявлять пытливый умъ и настойчивый характеръ, свойственные индо-германо-кельтическому племени, и смѣло пошли по пути открытій, Аравитяне, которыхъ сила заключалась въ воспламененномъ воображеніи, лишившись своего восторженнаго состоянія, снова начали впадать въ восточную апатію. Тамъ, гдѣ они приходили въ соприкосновеніе съ Европой, они являлись представителями упадка минувшихъ временъ. Внутри Азіи вліяніе ихъ цивилизаціи сохранилось долѣе. Въ XV вѣкѣ султанъ Улугъ-Бекъ въ знаменитомъ городѣ Самаркандѣ собиралъ артистовъ, астрономовъ и географовъ и построилъ великолѣпнѣйшую въ мірѣ обсерваторію. Столѣтіе спустя, великіе Моголы, Баберъ и Акбаръ, также окружили себя учеными и велѣли составить географію Индіи. Но мало-по-малу любовь къ цивилизаціи, бывшая слѣдствіемъ вліянія Аравитянъ, совершенно погасла въ этой части свѣта. Только въ Африкѣ еще магометанство распространялось съ успѣхомъ. Благодаря неоспоримому своему превосходству, Аравитяне содѣйствовали развитію Негровъ. Они имъ дали свою религію, пріучили ихъ къ торговлѣ и познакомили съ искуствами, ремеслами и началами наукъ. Безъ сомнѣнія, ихъ вліяніе и теперь еще значительнѣе нашего въ дѣлѣ цивилизаціи этого обширнаго материка. Въ то

время, какъ наши промышленники покупаютъ несчастныхъ рабовъ цѣлыми тысячами и воспитываютъ ихъ ударами кнута, а наши миссіонеры съ великимъ трудомъ обращаютъ въ христіанство нѣсколько отдѣльныхъ личностей, которыя при всемъ томъ въ сущности остаются язычниками, цѣлые народы, живущіе въ обширныхъ государствахъ, принимаютъ ученіе пророка. Мусульманскій прозелитизмъ, овладѣвъ Нигриціей, начинаетъ распространяться на гвинейскомъ берегу и въ южной Африкѣ. Безъ благодѣтельнаго вліянія цивилизаціи Аравитянъ, показавшихъ намъ дорогу, наши путешественники, ѣдущіе съ ученою цѣлью, никогда не могли бы открыть внутреннія страны Африки и пріобрѣсти множество важныхъ свѣдѣній о земляхъ еще неизвѣстныхъ.

Въ Европѣ паденіе магометанства началось въ ту эпоху, когда націи, получивши настоящую организацію, не могли уже быть уничтожаемы варварами и когда онѣ большею частію освободились отъ страшнаго гнета средневѣковыхъ предразсудковъ. Тогда явилось нѣсколько ученыхъ, достойныхъ принять въ наслѣдство свѣдѣнія, завѣщанныя народами востока. Въ нѣкоторыхъ избранныхъ умахъ желаніе расширить кругъ своихъ познаній замѣнило прозелитизмъ. Между Генуезцами, Венеціанцами, Французами стали являться люди, предпринимавшіе путешествіе единственно съ цѣлью обогатить сокровищницу человѣческихъ свѣдѣній и за морями и степями посѣтить неизвѣстныхъ жителей нашей планеты.

Но уже одинъ народъ, увлекаемый страстью къ завоеваніямъ и любовью къ приключеніямъ, сдѣлалъ множество открытій, въ высшей степени важныхъ и которыя большею частію остались неизвѣстными. Это были Норманны, отважные мореплаватели, которые безъ страха разъѣзжали по бурному сѣверному морю, слѣдя за полетомъ священныхъ птицъ. Алчные, безчеловѣчные, они являлись на всѣхъ берегахъ западной Европы, принося съ собою убійство и пожаръ. Они завоевали Англію и Ирландію, осадили Парижъ, овладѣли Нормандіею, которая потомъ сохранила ихъ имя, ограбили берега Андалузіи и полуострова Италіи, открыли острова Ферререкіе и Шетландскіе, основали колонію на Ледяномъ островѣ (Исландіи), узнали берега Гренландіи въ концѣ IX столѣтія, а около конца X послали туда цѣлый флотъ изъ 35 кораблей съ многочисленнымъ населеніемъ; кромѣ того, открыли Страну виноградныхъ лозъ (Winland), т. е. берега Массачусета, Коннектикута и Род-Эйланда (Rhode-Island) въ такую эпоху, когда въ этихъ земляхъ, впослѣдствіи населенныхъ *краснокожими* Индѣй-

цами, а потомъ *блѣднолицыми* Европейцами, еще обитали Эскимосы. Но эти огромныя открытія, сдѣланныя за пять вѣковъ до Колумба, должны были погибнуть почти безъ отголоска. Въ 1383 году въ Норвегію прибылъ послѣдній корабль изъ Гренландіи, съ извѣстіемъ о смерти послѣдняго епископа туземныхъ колонистовъ. Назначили новаго епископа, но корабль, на которомъ онъ отправлялся, остановленъ былъ льдами и долженъ былъ возвратиться. Съ этихъ поръ прекратилось всякое сообщеніе между сѣверною Европой и полярною Америкой. Быть можетъ, жители Гренландіи погибли отъ холода и голода, быть можетъ, они были убиты Скреллингерами (Эскимосами) или краснокожими Индѣйцами. Они не оставили никакихъ слѣдовъ своего существованія; сохранился только разсказъ объ ихъ колонизаціи въ исландскихъ хроникахъ и руническій камень *Writing rock* на берегу Таунтона въ Род-Эйландѣ. Неизвѣстныя Колумбу, путешествія этихъ отважныхъ мореплавателей узнаны были только учеными изслѣдователями нашей эпохи. Подобно тому, какъ легенда всегда предшествуетъ наукѣ, такъ открытія сомнительныя и отдаленныя, кажущіяся сновидѣніемъ, всегда предшествуютъ открытіямъ, которымъ рукоплещутъ вѣка. Справедливость требовала бы, чтобы всѣ герои раздѣляли свою славу съ неизвѣстными мучениками.

Три четверти земнаго шара уже были открыты, съ одной стороны Аравитянами, а съ другой Норманнами, а народы Европы все еще были погружены въ глубокое невѣдѣніе относительно странъ, находившихся за предѣлами древней Римской имперіи. Только свободныя италіянскія республики, эти цвѣтущія общины, далеко превосходившія въ цивилизаціи древній Римъ, и доставлявшія уже Европѣ поэтовъ и артистовъ, стали посылать своихъ промышленниковъ и мореходцевъ для возобновленія изслѣдованій земли. Нужны были посредники для доставленія пряностей и другихъ сокровищъ Индіи европейскимъ богачамъ, которые никогда совершенно не отставали отъ употребленія этихъ предметовъ роскоши. Долгое время Аравитяне владѣли монополіей этой торговли. Хотя всякое сообщеніе съ невѣрными считалось оскверненіемъ для христіанъ, но христіанскіе промышленники Генуи, Амальфи и Венеціи внимали голосу личныхъ интересовъ и, крестясь и дѣлая заклинанія, охотно принимали роскошные товары востока въ обмѣнъ за свои ефимки. Между тѣмъ религіозный фанатизмъ весьма затруднялъ и часто дѣлалъ опасными этого рода сообщенія. Надо было избрать другой путь для достиженія обширнаго рынка Индіи. Константинополь

въ то время былъ столицею христіанской имперіи, преданной внутреннимъ безпорядкамъ и интригамъ дипломатіи, такъ же, какъ мусульманское царство, возникшее впослѣдствіи на томъ же мѣстѣ. Генуэзцы, Пизанцы, Венеціанцы и Флорентинцы основали въ этомъ городѣ свои конторы и складочные магазины для торговли съ крайнимъ востокомъ. Они заключали условія съ народами, жившими на границахъ византійской имперіи, и посылали ихъ караванами въ центральную Азію. Постоянно слѣдя за всѣми народными движеніями, происходившими въ этой части свѣта, они ловко дѣлались союзниками побѣдителей и, благодаря помощи Чингисхана и его страшныхъ преемниковъ, открыли для себя дорогу въ Китай. Здѣсь они поражены были видомъ цѣлаго моря людей, котораго шумъ, неизвѣстный западу, едва доходилъ до остальнаго міра отдаленными отголосками. Это открытіе долгое время хранилось въ тайнѣ заинтересованными торговцами. Монахъ Плано-Карпини, которому мы обязаны первымъ описаніемъ путешествія по Монголіи, представляетъ только маловажныя свѣдѣнія объ этихъ отдаленныхъ странахъ. Фламандскій монахъ Рубруквисъ (Rubruquis Ruysbroek), проникнувшій въ Караколлу, въ столицу великаго Могола, гораздо болѣе распространяетъ область географическихъ свѣдѣній; но честь обогащенія владѣній науки этими обширными странами принадлежитъ Венеціанцу Марко-Поло, жившему въ концѣ XIII столѣтія. Въ продолженіе четверти вѣка онъ прошелъ Китай, частію какъ предводитель войска, частію какъ посланникъ императора Кутлей-Хана. Онъ помогалъ соединенію двухъ царствъ Катая (Kataï) и Ма-Чина (Ma-Chin) въ обширную имперію, которая теперь распадается на части, разрушаясь подъ бременемъ собственной тяжести. Марко-Поло услышалъ о великомъ архипелагѣ японскомъ и только буря помѣшала ему пристать къ этимъ островамъ. Онъ плавалъ посреди зондскаго архипелага и посѣтилъ чудные острова, неизвѣстные тогда христіанской Европѣ: Яву, Суматру, Борнео, Целебесъ; совершилъ экспедицію въ Тибетъ и царство Пегу (Pegu), собралъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о Бенгаліи, зналъ даже островъ Мадагаскаръ и отдаленныя страны Негровъ. Когда Марко-Поло возвратился на родину, ему столько приходилось разсказывать и столько чудесъ описывать народовъ, что соотечественники его прозвали *Signor Millione*; справедливѣе названіе Геродота среднихъ вѣковъ, данное ему въ настоящее время. Сочиненія этого путешественника, искаженныя монахами-переписчиками, какъ и всѣ сочиненія, хранившіяся въ ихъ монастыряхъ, написаны съ величествен-

ной простотой и доказываютъ строгую правдивость и огромную наблюдательность автора.

Торговый путь въ Китай посѣщался въ то время и Венеціянцами и Генуэзцами и другими Италіянцами. Вслѣдствіе происковъ при дворѣ Константинополя, Генуэзцы, почти господствовавшіе въ этомъ городѣ, закрыли Босфоръ своимъ соперникамъ и захватили монополію на Черномъ морѣ. Во многихъ мѣстахъ и теперь еще видны остатки укрѣпленныхъ зâмковъ, построенныхъ на мысахъ для сохраненія этого владычества. Главнымъ складочнымъ мѣстомъ Генуэзцевъ была Тана, па Азовскомъ морѣ. Отсюда они отправляли свои караваны, обходившіе Каспійское море и проникавшіе через Татарію и Монголію въ Китай, гдѣ закупали золото, драгоцѣнные каменья, лакъ, фарфоръ, чай, шелковыя ткани, хлопчатую бумагу, разныя рѣдкости и пряности, привозимыя изъ Индіи и съ Молукскихъ островов. Въ половинѣ XIV вѣка Флорентинецъ Бальдуччи Пеголетти описываетъ этотъ путь, часто посѣщавшійся въ то время, а теперь совершенно закрытый для нашихъ путешественниковъ. Монополія Генуэзцевъ еще существовала, когда явился Тамерланъ, истребитель народовъ, пролагавшій себѣ дорогу мечомъ. Тогда орды татарскія овладѣли прибрежными мѣстами Эвксинскаго Понта, разорили торговыя конторы и прекратили всякое сообщеніе съ отдаленнымъ востокомъ через Татарію. Путь этотъ закрытъ до настоящаго времени.

Изгнанные изъ Константинополя, Венеціянцы заключили союзъ съ султанами Египта, къ великому соблазну, но и къ не менѣе великой выгодѣ остальнаго христіанскаго міра. Для нихъ открылись врата древней Александріи и вмѣстѣ съ тѣмъ путь через Суэзскій перешеекъ, болѣе благопріятный для торговли, нежели путь между морями Чернымъ и Каспійскимъ. Товары Индіи доставлялись теперь непосредственно через Аравійскій заливъ. Владѣя Кретой и Кипромъ, Венеціянцы господствовали въ восточной части Средиземнаго моря и могли обезпечить себѣ исключительную монополію торговли съ Индіею. Огромныя богатства стекались въ могущественный городъ лагунъ. Венеція основывала свои конторы въ большей части Европы: въ Англіи, во Фландріи, въ Ганзейскихъ городахъ. Ея обширная торговля содѣйствовала распространенію свѣдѣній и служила двигательницей цивилизаціи. Художники и ученые, наперерывъ другъ передъ другомъ, старались прославить царицу Адріатики. Ея мореплаватели начертили знаменитые *портуланы*, служившіе гидомъ для моряковъ на всѣхъ

извѣстныхъ прибрежьяхъ, а *несравненный космографъ* Фра–Мауро нарисовалъ свои великолѣпныя географическія карты. На этихъ картахъ, значительно превосходившихъ древнія, изображены были три континента Стараго свѣта, со всею свитою острововъ, разсѣянныхъ по водамъ. Со всѣхъ сторонъ открывалось море, приглашавшее мореплавателей дополнить быстро увеличивавшуюся область открытій.

На такой призывъ откликнулись Португальцы. Страна ихъ не велика, но расположена чрезвычайно удобно, будто посреди моря, за столпами Геркулеса; она какъ–будто служитъ порогомъ для океана. Благодаря компасу, этому чудному орудію, которое прованскіе и итальянскіе моряки, по всей вѣроятности, наслѣдовали отъ Аравитянъ, Португальцы отважно пустились въ открытое море. Занятые кровавымъ крестовымъ походомъ противъ мусульманъ марокскихъ, они сначала довольствовались тѣмъ, что, съ мечомъ въ рукѣ, изслѣдовали берега Мавританіи; но вскорѣ, поощряемые знаменитымъ принцемъ Генрихомъ, превратившимъ искуство мореплаванія въ настоящую науку, они смѣло направили свой путь въ безпредѣльную даль океана. Въ 1418 году Гонзалесъ Зарко открылъ островъ Порто–Санто, который, быть можетъ, Аравитяне уже знали; потомъ Португальцы высадились на прелестной Мадерѣ, и затѣмъ узнали острова Азорскіе, одинъ за другимъ. Въ 1433 году капитанъ Гиліанезъ (Gilianez) проѣхалъ мимо мыса Боядора, который долгое время извѣстенъ былъ подъ названіемъ *Cap non plus ultra*; позднѣе, Венеціянецъ Кадаморто, состоявшій въ португальской службѣ, миновалъ Зеленый мысъ и проѣхалъ сначала вдоль береговъ Сенегала, а потомъ, во время втораго путешествія, вдоль береговъ Гамбіи. Уже Канарскіе острова были открыты уроженцами Дьеппа и присоединены къ королевству Кастильскому, а туземные жители истреблены въ видахъ уничтоженія язычества. Такимъ образомъ, погибли Гуанхи, эти замѣчательные люди, представлявшіе, быть можетъ, единственный остатокъ первобытнаго племени. Прежде язычники торжествовали каждую свою побѣду кровавыми жертвоприношеніями на алтарѣ своихъ боговъ, а теперь Испанцы, болѣе ревностные въ дѣлахъ религіи, приносили въ жертву цѣлый народъ во славу своей Мадонны. Въ то же время на берегу Африки началась постыдная торговля Неграми, которой суждено было существовать долго и которая до сихъ поръ не уничтожена окончательно. Въ-продолженіе четырехъ вѣковъ главный предметъ вывоза изъ Африки должны были составлять люди.

До смерти принца Генриха, Португальцы уже успѣли открыть Гвинею отъ Золотаго берега до Перцоваго. Послѣ того духъ предпріимчивости ихъ на-время нѣсколько ослабѣлъ, въ-особенности вслѣдствіе уступки торговой монополіи компаніи Эльмины (Elmina); но толчекъ, данный географическимъ изслѣдованіямъ, былъ такъ силенъ, что, послѣ кратковременной остановки, открытія начались снова. Между тѣмъ, какъ послы португальскіе отправлялись во внутренность Африки отыскивать отца Іоанна и посѣщали Тамбукту, мореплаватели открыли острова: Св. Ѳомы и Фернандо–По; потомъ, благодаря усовершенствованію астролябіи Нѣмцемъ Мартиномъ Бегаймомъ (Behaim), Діего Камъ (Cam) снялъ на карту берега Конго. Наконецъ въ 1486 году Вароооломей Діазъ миновалъ, не замѣтивъ, южный мысъ Африки, присталъ къ востоку отъ него и проникъ до рѣки Rio Infante, извѣстной теперь подъ названіемъ Большой рыбной рѣки, Great Fisch River. Возвращаясь въ Португалію, онъ наконецъ открылъ высокій мысъ, отдѣляющій Индійскій океанъ отъ Атлантическаго. То былъ мысъ Бурный, съ тѣхъ поръ названный мысомъ Доброй Надежды.

Счастливое предзнаменованіе! Средніе вѣка кончались съ ихъ суевѣріемъ и ужасами; наступало новое время, и это явленіе сопровождалось быстрыми успѣхами въ области открытій. На западѣ новый міръ въ лучезарномъ блескѣ будто поднялся изъ волнъ; на востокѣ, прелестная Индія, часто открывавшаяся и часто терявшаяся, снова показалась Европейцамъ. Въ первый разъ, корабль бороздилъ океанъ отъ одного міра до другаго. Пока человѣкъ овладѣвалъ пространствомъ, онъ торжествовалъ также надъ временемъ; рукописи, вывезенныя изъ Константинополя, открыли ему древній міръ Греціи, и новая цивилизація могла вступить въ сношенія съ цивилизаціями минувшими, несмотря на отдѣлявшіе ихъ вѣка варварства. Какъ-будто въ ознаменованіе этихъ побѣдъ науки, Гутенбергъ изобрѣлъ книгопечатаніе.

На этомъ блистательномъ моментѣ мы остановимся вмѣстѣ съ Риттеромъ. «Теперь», говоритъ онъ, своимъ простымъ, скромнымъ языкомъ, «пространства неизвѣданной земли уменьшаются все болѣе и болѣе. Передъ нами открываются снѣжныя горныя вершины и озера внутренней Африки. Материкъ Австраліи вскорѣ изслѣдованъ будетъ во всѣхъ направленіяхъ. Не далеко то время, когда географическія изслѣдованія будутъ состоять не столько въ отыскиваніи новыхъ земель,

сколько въ подробномъ изученіи уже извѣстныхъ странъ. Для этого изученія намъ еще много предстоитъ труда.»

Но прежде всего слѣдуетъ уничтожить войну и религіозный фанатизмъ, соединить въ одну націю изслѣдователей дикіе народы, уничтожаемые теперь безпощадно, и водворить между ними свободу, христіанское ученіе, христіанскую любовь и цивилизацію, условіе, безъ котораго наука лишена будетъ всякаго живаго интереса! Какихъ огромныхъ результатовъ можно еще ожидать, когда наконецъ между нами водворится миръ и когда люди соединятся для изслѣдованія нашей матери-земли, столь достойной любви!

Э. РЭКЛЮ.

[illegible]

[illegible] ... составъ ...

СМѢСЬ.

Русскій театръ.

Въ прошломъ году, на этомъ мѣстѣ, [illegible] «Русскаго Слова», присту[illegible] къ критическому обозрѣнію драматической дѣятельности и театраль[illegible] сезона 1858—1859 года, я замѣтилъ, что [illegible]

[illegible]

СМѢСЬ.

Русскій театръ.

Въ прошломъ году, въ август. книжкѣ «Русскаго Слова», приступая къ критическому обозрѣнію драматической дѣятельности за театральный сезонъ 1859—1860 года, я замѣтилъ, что въ жизни народовъ бываютъ эпохи, когда значеніе театра получаетъ особенную важность, что въ настоящее время мы вступаемъ именно въ эту эпоху. До сихъ поръ наша сцена была въ рукахъ образованныхъ сословій мѣстомъ развлеченія, отдыха, потѣхи; обстановка ея съ каждымъ десяткомъ лѣтъ совершенствовалась, а цѣль и средства ея остались тѣ же, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; она удовлетворяла всевозможнымъ потребностямъ, но никогда не имѣла въ виду первой своей задачи—истинно художественнаго воспитанія народа. Ее употребляли какъ пропаганду такъ—называемыхъ патріотическихъ чувствъ, торжественнаго лиризма; изъ нея дѣлали органъ распространенія извѣстныхъ принциповъ, но она никогда не относилась къ обществу, какъ великая школа его развитія, нетолько эстетическаго, но и умственнаго. Для такой цѣли нашему театру недоставало двухъ силъ — свободной дѣятельности драматическаго искуства и болѣе вѣрнаго взгляда на его значеніе.

Въ этомъ отношеніи литература была счастливѣй. Она пользовалась сравнительно болѣе широкимъ кругомъ мысли и вліянія,

и потому всегда стояла выше драматическаго искуства. Мы не можемъ отказать нѣкоторымъ драматическимъ произведеніямъ нашихъ писателей въ стремленіи къ серьёзному содержанію. Онѣ затрогивали тѣ жизненные вопросы, которые поочередно возникали въ нашемъ обществѣ вслѣдствіе неотразимыхъ требованій духа времени. Такъ «въ Горькой Судьбинѣ» г. Писемскій положилъ въ основаніе своей драмы борьбу стараго порядка съ новымъ — борьбу не́заглушимаго чувства нравственной свободы съ чувствомъ долга, навязаннаго намъ дряхлымъ порядкомъ вещей, отживающимъ свое послѣднее время. Такъ въ «Грозѣ» г. Островскій вывелъ на сцену тотъ всеподавляющій семейный деспотизмъ, который до сихъ поръ еще глубоко лежитъ въ основаніи взаимныхъ отношеній лицъ русской семьи, парализируя въ извѣстной средѣ всякое индивидуальное развитіе. Несмотря на рѣзкіе недостатки этой піэсы, указанные нами въ прошлогоднемъ разборѣ ея, «Гроза» вызвала большое сочувствіе и воспользовалась замѣчательнымъ успѣхомъ преимущественно потому, что близко коснулась одного изъ вопросовъ, начинающихъ тревожить современное русское общество. На ту же тему написалъ и г. Чернышевъ драму «Отецъ семейства». И эта піеса, собственно по той же причинѣ, обратила на себя вниманіе публики, хотя видимо не отличалась ни литературными, ни сценическими достоинствами.

Къ сожалѣнію, во все послѣднее время тѣмъ только и ограничилась драматическая дѣятельность нашей литературы. Въ театральный сезонъ 1860—1861 года мы уже не видѣли ни одной піесы съ серьёзнымъ содержаніемъ. Русская сцена, потерявъ даровитаго дѣятеля — Мартынова, отнятаго у насъ смертію въ ту самую минуту, когда высокое дарованіе его достигло полнаго своего развитія, — облеклась въ нравственный трауръ и въ теченіи цѣлаго года находилась въ крайнемъ запустѣніи. Цѣлый годъ пробавлялась она почти одними переводами нелѣпыхъ французскихъ мелодрамъ, неимѣющихъ ни къ русской жизни, ни къ русскому драматическому искуству никакихъ отношеній. Оригинальныхъ піесъ явилось крайне мало. Да и тѣ, по отсутствію разумной мысли и художественнаго взгляда, представляются явленіемъ весьма неутѣшительнымъ. Первой изъ нихъ была піеса г. Островскаго «Старый другъ лучше новыхъ двухъ», — картины изъ московской жизни. Въ ноябрской книжкѣ «Русскаго Слова» былъ представленъ подробный разборъ этого произведенія, слабѣйшаго изъ всѣхъ произведеній г. Островскаго, въ которомъ рѣшительно нѣтъ ни-

какой мысли, ни одна сцена не освѣщена и не осмыслена никакой идеей. Вслѣдъ за ней явилась піеса новаго драматурга г. Николая Потѣхина, въ первый разъ представшаго предъ публикой съ комедіей «Дока на доку нашелъ». Объ этой комедіи мы тоже отдали полный отчетъ въ январской книжкѣ «Рус. Слова», показавъ всю несостоятельность ея внутренняго и внѣшняго содержанія. Потомъ дано было народное представленіе «Чему быть, тому не миновать, или не по носу табакъ», соч. Погосскаго. Это не драма и не комедія, а нѣчто въ родѣ дивертисмента,—рядъ сценъ, связанныхъ самою избитою интригой, съ пѣніемъ, пляскою и благодѣтельнымъ помѣщикомъ. Мы и не упомянули бы о ней, еслибъ она не принадлежала перу писателя, отъ котораго публика вправѣ была ожидать чего–нибудь лучшаго.

Въ заключеніе сезона, за нѣсколько дней до окончанія его, представлена была вторая комедія г. Потѣхина «Быль молодцу не укоръ». Она имѣла мѣньше успѣха сравнительно съ первой піесой этого автора, и публика на этотъ разъ была совершенно права: г. Потѣхинъ не оправдалъ даже и тѣхъ умѣренныхъ ожиданій, которыя возбудилъ въ снисходительнѣйшей части любителей Александринскаго театра своимъ первымъ произведеніемъ. Новая комедія его принадлежитъ къ разряду тѣхъ посредственныхъ произведеній, которыя увольняютъ критика отъ подробнаго ихъ разбора. Прослѣдить сцена–за–сценой развитіе трехъ дѣйствій ея съ эпилогомъ — было бы съ нашей стороны злоупотребленіемъ терпѣнія читателей; тѣмъ болѣе, что она напечатана въ послѣдней книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ». Мы считаемъ не лишнимъ только сказать, что она написана на самую избитую тему: молодой богатый человѣкъ, принадлежащій по своему положенію къ свѣтскому обществу, влюбился въ швею изъ магазина, и воспылалъ такою къ ней страстію, что даже обѣщалъ на ней жениться; но, покоряясь волѣ отца, долженъ былъ оставить любовницу и жениться на графинѣ Побѣсиной. Извѣстивъ объ этомъ бѣдную швею письмомъ, молодой человѣкъ прислалъ ей десять тысячъ рублей серебромъ. Обманутая дѣвушка оскорбилась до глубины души, взяла деньги и бросила ихъ въ каминъ. Этотъ поступокъ дотого возмутилъ хозяйку магазина — женщину злую и корыстолюбивую, что она тотчасъ же выгнала изъ дому гордую швею, а та рѣшилась, и любовнику и хозяйкѣ, отомстить «своимъ позоромъ», и сдѣлалась — камеліей.

Этотъ родъ мщенія, конечно, очень оригиналенъ. Мы даже ничего не скажемъ и противъ его достовѣрности: мало-ли что̀ бываетъ на свѣ-

тѣ! — но предшествующій ему фактъ — сожженіе денегъ — представляется намъ черезчуръ доблестнымъ поступкомъ для нашего меркательнаго поколѣнія. Г. Потѣхинъ, повидимому, человѣкъ очень гуманный, готовый ратовать за бѣдныхъ швей до послѣдней капли крови. Такъ и кажется, что еслибъ его воля — онъ всѣхъ молодыхъ богатыхъ людей въ Петербургѣ переженилъ бы на бѣдныхъ швеяхъ. Все это очень хорошо и мы вполнѣ уважаемъ его благородную тенденцію; но зачѣмъ же навязывать дѣйствительной жизни такія черты, хотя бы и гуманныя, какія на самомъ дѣлѣ могутъ существовать только въ нашей фантазіи? Положимъ, что изъ десяти тысячъ петербургскихъ гризетокъ одна — и то сомнительно — и рѣшилась бы бросить въ огонь десять тысячъ рублей, посланныхъ ей измѣнившимъ любовникомъ, то такая героиня была бы исключеніемъ, а драма имѣетъ дѣло не съ исключеніями, а съ общими типами. Ея цѣль состоитъ не въ томъ, чтобъ обманывать насъ надосугѣ придуманными идеалами, а въ томъ, чтобъ вѣрнѣе и конкретнѣе представить дѣйствительную жизнь. Истинный художникъ не имѣетъ надобности сочинять тѣ или другія положенія жизни, онъ беретъ ихъ такъ, какъ они есть, но беретъ шире и глубже, чѣмъ они доступны пониманію массы. Въ этомъ отношеніи г. Потѣхинъ также далеко стоитъ отъ настоящаго художника, какъ отъ истиннаго поэта бѣдный версификаторъ, нанизывающій стихи и рифмы, подобно ткацкой машинѣ, безъ всякаго внутренняго участія въ своемъ издѣліи. Далѣе, рѣзко бросается въ глаза другой недостатокъ піесы г. Потѣхина. Высшая среда нашего общества, изъ которой онъ любитъ брать дѣйствующія лица своихъ произведеній, есть для него terra incognita. По всему видно, что онъ плаваетъ въ этой средѣ какъ рыба въ чужой водѣ. Въ комедіи его урожденная графиня Побѣсина, изъ ревности, заставляетъ своего мужа быть у нея сидѣлкой; вмѣстѣ съ тѣмъ влюбляется въ извѣстнаго капельмейстера садоваго оркестра, вышиваетъ ошейники для пуделя своего возлюбленнаго и, чтобы обратить на себя его вниманіе, ѣздитъ на музыку одѣтая въ платье тѣхъ цвѣтовъ, какіе на ошейникѣ. Кажется, мы не ошибемся, если скажемъ, что г. Потѣхинъ свѣдѣнія свои о современной общественной жизни заимствуетъ, преимущественно, изъ фельетоновъ, и, полагаясь на ихъ сказанія, наивно вѣритъ, что въ окрестностяхъ Петербурга въ самомъ дѣлѣ существуетъ въ одномъ садовомъ оркестрѣ такой удивительный капельмейстеръ, который взмахомъ смычка очаровываетъ своихъ слушательницъ до вышиванія ошейниковъ его

пуделю. Г. Потѣхинъ очень не любитъ наше великосвѣтское общество за его эгоизмъ, безсердечность, пустоту и ничтожество. Въ этомъ онъ, конечно, правъ, и мы никакъ не винимъ его, что этою нелюбовью проникнуты обѣ его комедіи; но тѣмъ болѣе мы должны замѣтить ему, что, выводя на сцену небылицы въ лицахъ, онъ плохо служитъ своей идеѣ, если только не побирается идеями у другихъ. Главный же недостатокъ его въ томъ, что онъ одной головой работаетъ надъ своими драмами, составляя ихъ по напередъ заданнымъ темамъ. Оттого онѣ холодны и плохо сшиты; въ нихъ можно найдти хорошія отдѣльныя сцены, но нѣтъ цѣлаго, изъ котораго бы свободно и стройно вытекали второстепенныя части, т. е. нѣтъ того, что̀ называется поэтическимъ талантомъ. Впрочемъ это еще не бѣда; Богъ съ нимъ, съ г. Потѣхинымъ. У насъ есть и другіе писатели.... но крайне не утѣшительно то, что на нашей сценѣ въ послѣднее время болѣе чѣмъ когда нибудь чувствуется запустѣніе. А между тѣмъ именно теперь русскій театръ и долженъ бы получить особенное значеніе и важность.

Но что̀ же мѣшаетъ русскому театру возвыситься до болѣе чистой и разумной сферы искуства? Что̀ удерживаетъ его на той степени запустѣнія, которое болѣе или менѣе чувствуется всѣми? Что̀ препятствуетъ нашимъ писателямъ обращать свою дѣятельность на развитіе драматической литературы, сообразно требованіямъ новаго времени? Отчего драма г. Писемскаго, увѣнчанная академіею наукъ уваровскою преміей, не удостоилась принятія на сцену Александринскаго театра? Отчего г. Погосскій, писатель съ большимъ дарованіемъ, выступивъ на драматическое поприще, ограничился сценическимъ представленіемъ въ родѣ дивертисмента?

Много есть причинъ, обусловливающихъ крайне рѣдкое появленіе на русскомъ театрѣ піесъ, интересующихъ общественное вниманіе. Въ числѣ ихъ, конечно, занимаетъ не послѣднее мѣсто трудность написать піесу, которая бы удовлетворяла требованіямъ новой критики и ожиданіямъ современнаго общества. Теперь не то-что прежде, когда и водевили г.г. Ленскаго и Каратыгина выдерживали безчисленное множество представленій, когда мы умилялись до слезъ Велисаріемъ или Парашей Сибирячкой, когда стихотворныя комедіи г. Григорьева находили своихъ поклонниковъ, стекавшихся толпою созерцать его житейскія школы. Теперь мы требуемъ отъ драматическихъ произведеній прежде всего той художественной правды, которая исключаетъ ложные сценическіе эффекты, преобладавшіе въ сочиненіяхъ писателей прош-

лой эпохи. Мы требуемъ воспроизведенія дѣйствительной жизни, требуемъ разумнаго ея пониманія и хотимъ видѣть на сценѣ живыя лица, а не каррикатурныя копіи человѣческихъ образовъ, поставленныя на драматическія ходули. Здѣсь кстати замѣтить, въ обществѣ иногда высказывается мнѣніе, что сочиненія прежнихъ писателей, если по содержанію и должны быть поставлены ниже произведеній новѣйшей литературы, то имѣютъ надъ ними преимущество по формѣ и обработкѣ собственно внѣшней стороны. Мы съ этимъ никакъ несогласны: во-первыхъ, потому, что соотвѣтствіе идеи съ формою если и не всегда достигается вполнѣ нынѣшними писателями, то тѣмъ не менѣе оно существуетъ въ той или другой степени. Если вникнуть въ ихъ произведенія—скорѣе сдѣлается яснымъ, что у нашихъ новыхъ литературныхъ дѣятелей не содержаніе надъ формой, а форма преобладаетъ надъ содержаніемъ. Комедіи и драмы г. Островскаго представляютъ достаточное тому доказательство: не отличаясь ни глубиной, ни силою мысли, онѣ возбудили къ себѣ сочувствіе, воспользовались огромнымъ успѣхомъ, убили предшествовавшія имъ сценическія произведенія и всѣмъ этимъ обязаны преимущественно внѣшней сторонѣ. Живая, вѣрно снятая съ дѣйствительности рѣчь дѣйствующихъ лицъ г. Островскаго и яркій очеркъ ихъ внѣшняго положенія составляютъ главное достоинство его піесъ, и безъ всякаго сомнѣнія принадлежатъ болѣе формѣ, чѣмъ содержанію. Тѣмъ же путемъ идутъ и другіе наши драматурги. Посильное стремленіе къ искренности и правдѣ представляется ихъ отличительною чертой, главною задачей и цѣлью, и всего болѣе отражается на формѣ. Въ какой степени достигается подобная цѣль—это уже зависитъ отъ большей или меньшей степени таланта. Литературнымъ дѣятелямъ нашего времени, пожалуй можно отказать въ силѣ дарованія сравнительно съ ихъ предшественниками, но ставить ихъ ниже, собственно, по формѣ ихъ произведеній, было бы несправедливо.

Другая причина, останавливающая лучшихъ нашихъ писателей на пути драматической дѣятельности, представляется въ томъ затруднительномъ положеніи, въ какомъ оказывается всякая піеса, написанная съ цѣлью удовлетворить требованіямъ серьёзнаго содержанія и художественной правды. Для того, чтобы подобное драматическое произведеніе могло имѣть успѣхъ и сдѣлать на публику впечатлѣніе, чтобы истинныя достоинства его, при представленіи не были парализированы, необходимы полнота и отчетливость сценическаго исполненія. А этого-то и нельзя ожидать отъ нашей современной сцены. Она къ этому не

привыкла, можетъ быть, потому, что въ теченіе многихъ лѣтъ и не предстояло особенной въ томъ надобности: въ прежнее время писались піесы съ очевиднымъ расчетомъ на талантъ кого либо изъ знаменитыхъ артистовъ, сочинялась главная роль по мѣркѣ этого таланта и авторъ могъ оставаться совершенно покойнымъ насчетъ успѣха и впечатлѣнія. Тогда, очень не рѣдко, огромнымъ успѣхомъ пользовались драмы, въ которыхъ изъ-за актера почти не видно, и даже совсѣмъ не видно было автора, какъ напримѣръ, въ комедіи «Незнакомые знакомцы» и многихъ другихъ, гдѣ покойный Мартыновъ силой своего дарованія, независимо отъ автора, вызывалъ восторженныя рукоплесканія публики. Но Мартынова уже нѣтъ на сценѣ. Кромѣ него, въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ оставили театръ Каратыгинъ, двѣ сестры Самойловы, Орлова, и такимъ образомъ мы лишились лучшихъ представителей русскаго драматическаго искуства. Въ настоящее время, наши артисты далеко не звѣзды первой величины и, къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ нихъ перешли уже за предѣлы лучшей поры своей сценической дѣятельности. Теперь у насъ нѣтъ никого, кто бы на однихъ своихъ плечахъ могъ вынести успѣхъ цѣлой піесы. Отсутствіе ансамбля всегда было главнымъ недостаткомъ русскаго театра, всегда мѣшало полнотѣ художественнаго наслажденія, а теперь недостатокъ этотъ выдвинулся на первый планъ, въ особенности, при представленіи піесъ серьёзнаго содержанія.

Но кромѣ всего этого, еще есть одно обстоятельство, которое, въ связи съ изъясненными причинами, въ значительной степени отбиваетъ охоту у нашихъ писателей пробиваться на сцену съ своими произведеніями. Это-образовавшійся вотъ уже пять лѣтъ литературно-театральный комитетъ для предварительнаго разсмотрѣнія піесъ, даваемыхъ на русскомъ театрѣ. Ему предоставлено безусловное право суда и приговора надъ произведеніями всѣхъ писателей, поступающими на сцену. До 1856 года піесы представлялись прямо въ театральную дирекцію, разсматривались тамъ, и если были найдены удобными къ представленію, препровождались въ правительственную цензуру, въ которой опять разсматривались, и потомъ уже, съ дозволенія цензуры, разрѣшались къ представленію. Кажется, этого было очень достаточно для огражденія сцены отъ вторженія неудобопредставляемыхъ сочиненій. Если при началѣ учрежденія этого литературнаго комитета имѣлось въ виду очистить театръ отъ піесъ неудовлетворительнаго содержанія, и такимъ образомъ избавить публику отъ зѣвоты и излишнихъ слезъ въ театрѣ, то

цѣль эта во все время существованія комитета, къ сожалѣнію, не была достигнута: на сценѣ русскаго театра въ послѣдніе пять лѣтъ появилось никакъ не меньше плохихъ піесъ, чѣмъ прежде. Намъ кажется, что лучшее средство достигнуть подобной цѣли заключается въ развитіи соревнованія между писателями, которое скорѣе можно уничтожить, чѣмъ возбудить мѣрами ненужныхъ стѣсненій. Эстетическій судъ долженъ принадлежать публикѣ, въ особенности относительно драматическихъ произведеній. Одно прочтеніе, которымъ обыкновенно долженъ ограничиваться при разсмотрѣніи піесъ литературно-театральный комитетъ, не можетъ дать ему возможности опредѣлить даже, съ приблизительною только вѣрностію, будущій успѣхъ или неуспѣхъ піесы, при сценическомъ ея представленіи, потому что все это преимущественно зависитъ отъ таланта артистовъ, участвующихъ въ представленіи, отъ исполненія ролей и болѣе или менѣе тщательной постановки піесы. Не рѣдко случается, что одна и та же піеса, будучи дана на разныхъ театрахъ, на одномъ почти падала, и, послѣ одного, или двухъ представленій, исчезала со сцены, а на другомъ производила восторгъ и повторялась много разъ къ полному удовольствію публики. Такіе случаи не одинъ разъ на нашей памяти повторялись на петербургскомъ и московскомъ театрахъ. Кто поручится, что въ числѣ сочиненій нашихъ драматическихъ писателей, подвергавшихся суду и приговору литературно-театральнаго комитета, не было отнято у публики ни одной піесы, достойной представленія? Эстетическій судъ очень труденъ. Литературно-театральный комитетъ, существующій въ настоящее время, едва ли можетъ представить какую-либо гарантію въ вѣрности своихъ рѣшительныхъ приговоровъ. Мы не знаемъ, изъ какихъ литературныхъ авторитетовъ состоитъ этотъ комитетъ, изъятый отъ всякой апелляціи, но намъ очень хорошо извѣстно, что никто изъ нашихъ драматическихъ писателей, никто изъ критиковъ, составившихъ себѣ имя и значеніе въ русской литературѣ, не имѣетъ чести принадлежать къ числу лицъ, которымъ ввѣренъ судъ надъ сценическими произведеніями и предоставлено право непогрѣшимаго приговора. Само-собою разумѣется, что писателямъ, пользующимся вниманіемъ публики и имѣющимъ хоть нѣкоторое право на сознаніе чувства собственнаго достоинства, не можетъ быть лестнымъ подвергать свои произведенія на судъ лицъ, въ достаточномъ призваніи которыхъ къ эстетической критикѣ могутъ возникать болѣе или менѣе основательныя сомнѣнія. Намъ кажется, что драматическая наша литература и вообще русскій

театръ едвали бы потеряли что нибудь, обратившись, въ дѣлѣ принятія піесъ на сцену, къ тому порядку, который существовалъ до 1856 года. Но еслибы и признано было нужнымъ продлить и упрочить дальнѣйшее существованіе литературно-театральнаго комитета, то желательно было бы, чтобъ онъ состоялъ изъ лицъ, избранныхъ самими писателями.

Ко всѣмъ этимъ затрудненіямъ присоединяется еще неопредѣленность правъ собственности драматическихъ писателей. У насъ стоитъ только піесѣ разъ быть представленною на какомъ либо театрѣ—и она тотчасъ же дѣлается общимъ достояніемъ всѣхъ содержателей провинціальныхъ сценъ и можетъ быть играна безъ всякаго участія автора въ поспектакльныхъ сборахъ, приносимыхъ принадлежащимъ ему произведеніемъ. Разъединеніе нашихъ литературныхъ дѣятелей на небольшіе кружки, чуждые одинъ другому, и происходящій отъ того недостатокъ сближенія между ними, служатъ причиною, что со стороны писателей до сихъ поръ не было никакихъ попытокъ къ опредѣленію юридическихъ правъ авторской собственности на драматическія произведенія.

Впрочемъ, въ недавнее время, кажется, сдѣланъ первый шагъ къ сближенію лицъ, дѣйствующихъ на поприщѣ драматической литературы и искуства. Въ прошедшемъ году у нѣкоторыхъ нашихъ литераторовъ возникла мысль составить драматическое общество. Мысль эта встрѣтила большое сочувствіе. Къ литераторамъ присоединились многіе любители искуства, и зарождающееся общество, желая утвердить свое существованіе на прочномъ основаніи, приступило къ составленію проэкта устава. Сколько намъ извѣстно, общество учреждается съ цѣлію: способствовать распространенію правильныхъ понятій о драматическомъ искуствѣ, заботиться объ успѣхахъ произведеній драматической литературы и доставлять средства къ артистическому развитію тѣмъ изъ среды любителей искуства, которые захотятъ образовать свое дарованіе. Въ видахъ достиженія этой цѣли, между прочимъ предполагается: чтеніе въ собраніяхъ общества сценическихъ произведеній и вообще сочиненій, написанныхъ въ драматической формѣ, или относящихся къ теоріи и критикѣ драматическаго искуства; назначеніе премій за лучшія драматическія сочиненія, устройство домашнихъ сценическихъ представленій и публичныхъ спектаклей съ благотворительною цѣлью. Преимущественно имѣя въ виду способствовать развитію *русской* драматической литературы, об-

щество допускаетъ въ свои спектакли однѣ оригинальныя піесы. Исключеніе изъ этого правила дѣлается только для твореній знаменитѣйшихъ иностранныхъ драматурговъ. Всѣ произведенія французской мелодраматической и водевильной школы, наводняющія нашъ современный театръ, рѣшительно устраняются изъ спектаклей, устраиваемыхъ обществомъ.

Вотъ главныя изъ тѣхъ началъ, которыя общество полагаетъ въ основаніе своихъ будущихъ дѣйствій. Нѣтъ сомнѣнія, что оно можетъ оказать большія заслуги драматическому искуству и имѣть значительное вліяніе на развитіе и усовершенствованіе русскаго театра. До сихъ поръ если у насъ и устраивались спектакли любителей, если въ публикѣ и распространилось къ нимъ, особенно въ прошлый сезонъ, видимое сочувствіе — то они не имѣли и не могли имѣть никакого значинія для искуства, потому что устраивались безъ всякой общей мысли, безъ всякихъ отношеній къ преслѣдованію разумной цѣли, и единственно стремились къ тому, чтобы доставить публикѣ одно пріятное развлеченіе. Спектакли драматическаго общества, какъ видно изъ предположеній его, должны имѣть болѣе серьёзный характеръ, и, въ связи съ чтеніями, вести къ достиженію цѣли развитія въ публикѣ эстетическаго вкуса и правильныхъ объ искуствѣ понятій.

Въ какой степени возникающее общество осуществитъ свои предположенія, дѣйствительно ли окажетъ заслуги драматическому искуству, поможетъ ли русскому театру стать въ то положеніе, въ которомъ онъ могъ бы удовлетворять современнымъ требованіямъ общества, — все это покажетъ время. А между тѣмъ нельзя не пожалѣть о настоящемъ состояніи нашего театра, непредставившаго намъ въпродолженіи минувшаго сезона ничего, что бы заслуживало вниманія общественной мысли, или отвѣчало ея ожиданіямъ.

В. ИВАНОВЪ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Исторія современныхъ лѣтописей и внутреннихъ обозрѣній.—Литературныя упражненія на канатѣ —Фейерверкъ на Елагиномъ островѣ.—Народное просвѣщеніе въ Россіи.—Крестьянское дѣло.—О пользѣ, которую могутъ извлечь помѣщики отъ передачи своихъ земель въ распоряженіе правительства.—О безпорядкахъ въ западныхъ губерніяхъ.—О мѣрахъ правительства по этому поводу.—Статистическія данныя изъ отчета по управленію царствомъ Польскимъ за 1859 г.—Народонаселеніе. — Общественное устройство и народное образованіе въ царствѣ: число тюрьмъ и число содержащихся въ нихъ; число училищъ и учащихся.—Дѣятельность варшавскаго цензурнаго комитета.—О неподвижности нашего общества.—Положеніе объ акцизѣ съ табаку. — По поводу ожиданія разрѣшенія курить на улицахъ. — О трактирныхъ заведеніяхъ. — Надежда на то, что Петербургъ и Москва въ трактирномъ отношеніи скоро сравняются съ Парижемъ и Лондономъ.—Семь комнатъ отъ жильцовъ со столомъ отнынѣ суть трактирныя заведенія.—Возведеніе вслѣдствіе этого Шарлоттъ Карловнъ и Амалій Ивановнъ въ достоинство трактирщицъ.—Музыка въ трактирахъ.—Часы съ курантами, какъ остроумное средство для примиренія строгости закона съ общественной потребностью. —Трактиры для извѣстныхъ кружковъ общества, т. е. для литераторовъ, художниковъ, артистовъ и т. п. — Постоялые дворы. — Московскіе серебрянники. — Оставитъ ли насъ Китай, подобно Индійцамъ? — Нѣкоторыя разсужденія о томъ, справедливо ли укорять общество въ безнравственности.—Двигатели нашего общества. — Значеніе въ этомъ дѣлѣ нашей литературы.—Безденежье и торговый застой. — Учрежденіе кредитнаго общества.

Было время, когда въ русскихъ журналахъ не было ни *современныхъ лѣтописей*, ни *внутреннихъ обозрѣній*; публика читала одни лишь повѣсти, романы, стихотворенія, критическія и т. п. статьи, и была довольна этимъ; а желавшіе познакомиться съ ходомъ нашего законодательства и администраціи читали сенатскія вѣдомости, подвергая прочитанное своему собственному глубокомысленному анализу. Такъ-какъ на подобныя занятія, по принятому большинствомъ чита-

ющей публики обыкновенію, преимущественно посвящались часы изъ послѣобѣденнаго отдыха, когда человѣкъ бываетъ въ особенности настроенъ на снисходительность, миролюбіе и даже абсолютный оптимизмъ, то, естественно, сенатскія вѣдомости для ихъ читателей сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ усладительнаго опіума или романтической поэзіи Жуковскаго; но русскіе журналисты въ послѣдніе годы своей дѣятельности окончательно нанесли ударъ такому невинному препровожденію времени какъ послѣобѣденное чтеніе сенатскихъ вѣдомостей, и самоличное разсужденіе каждаго изъ читателей о прочитанномъ: они, журналисты, взяли на себя трудъ говорить *кое-что* въ своихъ журналахъ о внутреннихъ законодательныхъ и административныхъ явленіяхъ, извѣстныхъ преимущественно изъ сенатскихъ вѣдомостей сообщающихъ о томъ, что́ творится въ русскомъ царствѣ. Такимъ образомъ въ русскихъ журналахъ появились особые отдѣлы подъ названіемъ *современныхъ лѣтописей и внутреннихъ обозрѣній.* Отдѣлы эти начали писаться *до-обѣда,* и *сенатскія вѣдомости* начали быть читаемы сотрудниками журналовъ тоже *до-обѣда;* все это, естественно, способствовало къ тому, что взглядъ на *содержимое* сенатскими вѣдомостями сталъ значительно измѣняться: итвѣстно, что человѣкъ на тощій желудокъ дѣлается немного скептикомъ и мозгъ его дѣйствуетъ свободнѣе и неподкупнѣе, чѣмъ въ часы послѣобѣденнаго отдыха, когда человѣкъ, какъ мы сказали выше, безусловно дѣлается оптимистомъ. Мы чувствуемъ, что начинаемъ вдаваться въ метафизику, которая, пожалуй, можетъ вызвать со стороны взыскательнаго читателя упрекъ и за парадоксальность: «вѣдь, по—вашему, выходитъ, что самый здравый взглядъ на вещи у тѣхъ, кто вовсе не обѣдаетъ?» можетъ замѣтить читатель; положительнаго отвѣта на это замѣчаніе мы не беремся дать, а скажемъ, что дѣйствительно думаемъ, что у тѣхъ людей, которымъ не удается вовсе *обѣдать,* а только *поѣсть* когда и чѣмъ Богъ послалъ, долженъ быть чрезвычайно *трезвый* взглядъ на вещи.... Впрочемъ это не относится прямо къ нашему предмету: мы пишемъ исторію нашихъ *внутреннихъ обозрѣній* и *современныхъ лѣтописей* и должны быть послѣдовательны. Публика, читая *современныя лѣтописи* и *внутреннія обозрѣнія,* убѣдилась, что излагаемыя въ нихъ разсужденія совершенно новы въ сравненіи съ тѣми, которыя возникали самобытно въ средѣ привычныхъ читателей сенатскихъ вѣдомостей, и что вообще воззрѣнія журналовъ на окружающія вещи

гораздо *трезвѣе* и *глубже*; такимъ образомъ возникло сочувствіе и нѣкоторое довѣріе публики къ названнымъ нами отдѣламъ; но это не долго продолжалось: въ означенныхъ *отдѣлахъ* мало-по-малу начали переставать *отдѣлывать* прямо, а стали болѣе заниматься эквилибристикой по канату (о чемъ подробнѣе мы скажемъ ниже), и публика испытала положеніе нашей прародительницы Еввы, искушенной зміемъ; журналисты сыграли роль змія, а выдуманные ими отдѣлы сдѣлались *запретнымъ плодомъ*. Всѣ должны были болѣе или менѣе потерять: одни—своего значенія и силы, другіе—удовольствія, замѣнившаго собою чтеніе сенатскихъ вѣдомостей. Одинъ только зеленокожій «Русскій Вѣстникъ» (молодо—зелено) не унывалъ, и, подобно Ною, выпускавшему изъ своего ковчега голубку, на размокшую и орошенную землю, выпустилъ свою *современную лѣтопись* даже отдѣльно отъ журнала; но Ной былъ счастливѣе г. Каткова: голубка подала благую вѣсть пославшему ее, а *современная лѣтопись* принесла г. Каткову черное извѣстіе, что самый «Русскій Вѣстникъ», благочестивый родитель «Современной Лѣтописи», вовсе не нуженъ русской публикѣ со всѣми своими глубоко-учеными статьями; вслѣдствіе чего, какъ говорятъ, «Русскій Вѣстникъ» намѣренъ перестать разсыпать *бисеръ* своей мудрости передъ русской публикой, ограничившись съ будущаго года изданіемъ *одной современной лѣтописи*. Но и эта послѣдняя, преданная исключительно минутнымъ политическимъ интересамъ (а не идеѣ) Европы, начинаетъ терять для русской публики, какъ и всѣ *современныя лѣтописи* нашихъ журналовъ, свой интересъ, и, вѣроятно не замедлитъ потерять его окончательно, если не послѣдуетъ общей модѣ, имѣющей свой важный смыслъ, модѣ—плясанія по канату.

Не даромъ на минувшей мануфактурной выставкѣ красовались канаты русской мануфактуры; не даромъ мы торгуемъ канатами съ Европой, преимущественно предъ прочими отраслями торговли. Не даромъ искусно-натянутый канатъ сдѣлался ареной, по которой публично расхаживаютъ *съ балансомъ* многіе изъ нашихъ журналовъ. Мы далеки отъ того, чтобы абсолютно одобрить журнальное хожденіе по канату, но въ нашемъ быту признаемъ очень полезными подобные литературные *пріемы*, какъ напримѣръ пріемы «Современника», въ особенности обличаемаго нашими доморощенными доктринерами въ привязанности къ *канату*.

Но намъ пора заняться предметами, избранными для настоящей нашей «Лѣтописи».

22 іюля на Елагиномъ островѣ данъ былъ казенный фейерверкъ. Всѣ фейерверки, спускаемые у Излера, въ Павловскѣ и проч., подлежатъ вѣдѣнію нашего фельетониста — «Темнаго человѣка»; но этотъ фейерверкъ мы сочли принадлежностью «Современной Лѣтописи». Будь мы въ особенномъ расположеніи говорить подробно объ избираемыхъ для лѣтописи предметахъ, мы распространились бы о томъ, на какой высокой степени стоитъ у насъ фейерверочное искуство, о томъ, какое экономическое и политическое значеніе имѣетъ фейерверкъ, и наконецъ, въ чемъ заключается прямая общественная польза отъ художниковъ и исполнителей фейерверочнаго дѣла; но мы оставляемъ все это на собственное усмотрѣніе читателя, а ограничимся только отчетомъ объ исполненіи фейерверка 22 іюля. Въ иные годы эти фейерверки, въ видахъ общественной нравственности и покоя, исполняемы были *засвѣтло*, такъ-что присутствовавшая безплатно публика могла лишь видѣть клубы бѣлаго дыма и слышать оглушительный трескъ ракетъ, бураковъ и т. п.; нѣтъ сомнѣнія, что общественная нравственность отъ этого выигрывала, потому что многочисленныя толпы расходились по домамъ часамъ къ 9, и на самомъ Елагиномъ островѣ, равно какъ и на всѣхъ дорогахъ, ведущихъ къ нему, все обстояло тихо и благополучно; но *искуство*, безспорно, проигрывало: что̀ можно, напримѣръ, выразить мѣломъ на бѣлой же стѣнѣ? Современный прогрессъ, естественно, протестуетъ противъ такого порядка, и вотъ нынѣ фейерверкъ спущенъ былъ въ-потьмахъ, слѣдовательно—въ полномъ блескѣ; парашютовъ, бураковъ, ракетъ было безчисленное множество; шуму и грому было столько, что едва ли на древне-римскихъ праздникахъ бывало такъ великолѣпно. Что хорошо—то хорошо. А какъ возвышаютъ народный духъ подобныя зрѣлища! Вы, провинціальный читатель, коренной житель какой нибудь Судогды, Балахны, Нерехты и т. п., никакъ не можете вообразить себя похожимъ на древняго Римлянина; а житель Петербурга, присутствовавшій на общественныхъ фейерверкахъ, легко можетъ себя представить гражданиномъ древняго Рима временъ Ювенала. Но мы подробнѣе будемъ говорить впослѣдствіи вообще о классической жизни и о классическомъ образованіи, къ которому многіе у насъ питаютъ сочувствіе.

Народное просвѣщеніе въ Россіи съ 28 минувшаго іюня находится въ рукахъ новаго министра, адмирала графа Путятина, назначеннаго на мѣсто г. Ковалевскаго.

Одной изъ любопытныхъ сторонъ нашей исторіи могла бы быть исторія нашего просвѣщенія, прослѣженная параллельно съ исторіей дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія. Многимъ можетъ показаться страннымъ, что мы раздѣлили эти два понятія: *наше народное просвѣщеніе* и собственно *дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія.* Мы находимъ, что дѣйствительно этихъ двухъ понятій соединять не слѣдуетъ, потому что образованіе народа столько же зависитъ отъ идей времени, отъ литературы, отъ международныхъ сближеній и т. п., сколько и отъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ, принимаемыхъ министерствомъ. Въ послѣднемъ случаѣ интересъ заключается собственно въ томъ, чтобы знать, какихъ системъ держались каждый изъ министровъ относительно народнаго просвѣщенія, какія преслѣдовали цѣли и насколько достигали ихъ. Подобный историческій очеркъ былъ бы безусловно интересенъ для русской публики, и надо сожалѣть, что въ нашей литературѣ предметъ этотъ остается нетронутымъ.

Но перейдемъ къ крестьянскому дѣлу. Событія, начавшіяся такъ грозно въ центрѣ Россіи—на Волгѣ, утратили свой первый характеръ вмѣстѣ съ распространеніемъ ихъ изъ *центра* по *окружности*: волненія крестьянъ были во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ существуетъ крѣпостное право. Мѣры правительства, принятыя противъ этихъ волненій смягчили наружныя проявленія недоумѣнія и несбывшихся ожиданій и стремленій ихъ. Затѣмъ остается изыскать средства къ тому, чтобы нетолько наружная, но и нравственная оппозиція бывшихъ крѣпостныхъ поселянъ ослабѣла и прекратилась. Въ первомъ случаѣ цѣль достигается, по принятому обыкновенію, силой; во второмъ необходимы моральныя средства, хотя надо сознаться, что изобрѣтеніе этихъ средствъ крайне трудно.

Отмѣна первобытнаго крѣпостнаго права и отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, вытекающія изъ положеній, естественно, должны будутъ измѣнить всѣ экономическія условія страны и болѣе всего значеніе и отношеніе *труда* и *капитала* и вообще условія производства и торговли. Что касается до крестьянъ, то ихъ отношенія къ землѣ, труду и производству, естественно, не могли пострадать отъ новыхъ узаконеній, но положеніе и интересы помѣщиковъ требуютъ новыхъ условій, которыя должны будутъ выработаться изъ новаго порядка. У помѣщиковъ въ перспективѣ вольный трудъ и тѣ непреодолимыя препятствія къ раціональному хозяйству, которыя вы-

текаютъ изъ вновь-слагающихся экономическихъ условій. Производство хлѣба находилось преимущественно въ рукахъ нашихъ помѣщиковъ, и нельзя сказать, чтобы и прежде не имѣло сильной конкурренціи во всемъ земледѣльческомъ классѣ, который все-таки производитъ болѣе того, что необходимо для домашняго употребленія; при новомъ же порядкѣ вещей вольнонаемный трудъ, достающійся теперь въ удѣлъ помѣщику, становится еще болѣе въ конкурренцію съ личнымъ трудомъ крестьянина, неимѣющимъ еще у насъ абсолютной цѣнности вслѣдствіе малаго требованія на трудъ и вслѣдствіе естественнаго предпочтенія употреблять свой личный трудъ для себя, не продавая его промышленнику-землевладѣльцу, кикимъ является всякій землевладѣлецъ, не исключая и помѣщика; такимъ образомъ земледѣльческіе интересы помѣщика начинаютъ зависѣть отъ новыхъ условій, при которыхъ невозможно получать прежнимъ путемъ тѣхъ же доходовъ, какіе получались донынѣ. Все это, конечно, не можетъ относиться ко всѣмъ мѣстностямъ безъ исключенія; но тамъ, гдѣ новый *порядокъ* отразился именно такъ, какъ мы сказали, оказалась необходимость въ другихъ системахъ хозяйства,—требующихъ затратъ капитала, машинъ, удешевляющихъ трудъ, новыхъ пріемовъ и т. п., и конечно, не всѣ помѣщики нашли себя достаточно приготовленными къ этому какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Первой и почти-общей попыткой со стороны помѣщиковъ удержать за собою возможно-наибольшее полученіе дохода было предложеніе крестьянамъ тотчасъ же перейти на оброкъ; иначе нельзя было и ожидать, потому-что обязательный трудъ, какія бы ни были принимаемы мѣры къ выполненію его, не могъ послужить хорошимъ средствомъ для полученія дохода; но оброкъ, получаемый съ крестьянъ, составляетъ только одну половину помѣщичьяго дохода, замѣнившую барщину; другая же предполагается съ той части земель, которыя, за надѣломъ крестьянъ, остаются у помѣщика. Вотъ этотъ-то доходъ и составляетъ камень преткновенія въ нашемъ современномъ хозяйствѣ; онъ-то и составляетъ заботу каждаго помѣщика и на немъ-то отразились всѣ условія новаго порядка. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя не составляютъ какого-либо исключенія, и о которыхъ мы замѣтили выше, полученіе дохода съ помѣщичьихъ земель могло быть совершено посредствомъ вольнонаемнаго труда; но едва ли получаемый съ крестьянъ оброкъ можетъ быть достаточенъ какъ оборотный капиталъ землевладѣльца, и съ другой стороны—едва ли доходъ,

ожидаемый съ помѣщичьихъ земель, будетъ равняться расходу, въ-особенности, если къ крестьянскому оброку помѣщику приходится присоединять еще значительную трату денегъ, въ видѣ оборота, для воздѣлки своихъ земель.

Хотя теперь нѣтъ еще достаточно данныхъ для того, чтобы дѣлать какія-либо положительныя заключенія о будущности нашего сельскаго хозяйства, но мы находимъ возможность сдѣлать предположеніе, что собственно-помѣщичьи хозяйства возможны при одномъ лишь условіи—употребленіи значительныхъ оборотныхъ капиталовъ на машины и усовершенствованныя орудія и при введеніи раціональныхъ сельско-хозяйственныхъ системъ, разумѣется, разумно-примѣненныхъ къ особенностямъ страны. Однимъ словомъ, помѣщичьи хозяйства, по нашему мнѣнію, возможны тогда лишь, если для веденія ихъ будутъ употребляемы вещественный и нравственный капиталы—деньги и знаніе. Въ какой степени мы богаты и тѣмъ, и другимъ, это особый вопросъ, при разрѣшеніи котораго, впрочемъ, является одно утѣшеніе, что и деньги, и знанія можно пріобрѣтать, когда ихъ бываетъ мало, и что всегда человѣкъ стремится достигнуть именно того, чего у него нѣтъ, слѣдовательно и русскіе землевладѣльцы авось когда-нибудь добьются до сознанія своихъ нуждъ. Но все это — отдаленное будущее, теперь?... Теперь — пора предположеній, и подъ вліяніемъ этого мы рѣшаемся изложить здѣсь нѣсколько мыслей по предмету устройства тѣхъ помѣщичьихъ земель, для выгоднаго воздѣлыванія которыхъ нѣтъ ни оборотныхъ капиталовъ, ни соотвѣтственныхъ знаній, ни благопріятныхъ мѣстныхъ условій. А такихъ имѣній едва ли не большая часть въ Россіи.

Гдѣ потребность въ землѣ вызоветъ раздробленіе большихъ владѣній на мелкіе участки и выгодную для владѣльца продажу ихъ, для заведенія фермъ и простыхъ мелкихъ хозяйствъ, крестьянамъ и людямъ другихъ сословій, которые, несомнѣнно, должны явиться вслѣдствіе права владѣть всѣмъ населенными имѣніями,—тамъ, конечно, нормальный порядокъ возникнетъ самъ-собою: земли перейдутъ въ руки людей, которые, пріобрѣтая ихъ, будутъ знать и свои средства, и свое призваніе къ хозяйству; но у насъ много такихъ помѣщичьихъ имѣній, гдѣ никто не нуждается въ землѣ: ни крестьяне—вслѣдствіе того, что они въ довольствѣ надѣлены землею и что мѣстныя условія вообще не способствуютъ выгодному занятію земледѣліемъ; —ни люди другихъ сословій, которые, естественно, будутъ искать себѣ

земель именно въ мѣстностяхъ, представляющихъ наиболѣе выгодныя условія хозяйства. Такія имѣнія большею частію огромны, доходы съ нихъ поддерживались донынѣ только барщиной, и, при условіяхъ, слагающихся нынѣ, при новомъ порядкѣ вещей, не представляютъ для владѣльцевъ никакого раціональнаго способа для выручки дохода. Причиной этого, конечно, недостаточность населенія и всѣ аттрибуты этой отличительной особенности многихъ мѣстъ Россіи;—преодолѣть же это—внѣ силъ владѣльца.

Передвиженія населенія въ Россіи совершались свободно до прикрѣпленія помѣщичьихъ крестьянъ къ землѣ, а съ этого времени, также и со введеніемъ народныхъ переписей и паспортовъ, передвиженія эти остановились и дѣлались не иначе, какъ по приглашенію правительства. Перемѣняя мѣста поселенія, народъ ощупью искалъ себѣ мѣстностей наиболѣе надѣленныхъ природой, и еслибы передвиженія эти не встрѣтили препятствій, народонаселеніе въ Россіи распредѣлилось бы нормально, естественно. Потребность въ нормальномъ распредѣленіи населенія осталась и теперь таковой же, какъ она была и во времена Бориса Годунова; но условія измѣнились совершенно: почти-кочевой, бродячій народъ переселяется легче, нежели привыкшій уже волей иль неволей къ осѣдлости; да и отношенія къ частному лицу, владѣющему землею, не совсѣмъ могутъ располагать крестьянъ къ поселенію на помѣщичьихъ земляхъ—они всегда предпочтутъ земли казенныя, общественныя, не говоря уже объ участкахъ, которые могутъ быть пріобрѣтаемы крестьянами въ собственность, конечно, въ мѣстностяхъ густо населенныхъ. Такимъ образомъ, большеземельныя помѣщичьи имѣнія въ центральной и въ—особенности въ южной Россіи, должны будутъ оставаться подъ вліяніемъ этихъ невыгодныхъ для нихъ условій въ теченіи неопредѣленно-продолжительнаго времени, тогда—какъ географическое положеніе этихъ имѣній несравненно выгоднѣе для переселенцевъ, нежели тѣ отдаленныя пустыни Сибири и приволжскія степи, которыя заселяются вслѣдствіе инниціативы правительства. Изъ всѣхъ сословій колонизировать можно только однихъ крестьянъ-земледѣльцевъ, и правительство дѣлаетъ это часто съ успѣхомъ, особенно если принять въ соображеніе численность переселенцевъ, отправившихся по приглашенію правительства въ Сибирь, въ теченіи послѣдняго двадцатипятилѣтія, т. е. со времени учрежденія министерства государственныхъ имуществъ, и еще недавно—въ степи Самарской и Симбирской губерній. Переселенцы эти

исключительно государственные крестьяне, которые вообще въ Россіи населены гуще, нежели крестьяне помѣщичьи. Крѣпостное право препятствовало, между прочимъ, правильному распредѣленію населенія въ Россіи; теперь, въ свою очередь, будутъ продолжать препятствовать этому большія земельныя владѣнія, остающіяся у помѣщиковъ, отъ произвола которыхъ зависитъ дозволеніе или недозволеніе новыхъ поселеній на ихъ земляхъ, тогда—какъ регуляція населенія въ странѣ должна бы зависѣть отъ общихъ экономическихъ условій страны, измѣняющихся постоянно съ теченіемъ времени и событій. Напримѣръ, образованія городовъ изъ помѣщичьихъ имѣній не могутъ совершаться свободно, несмотря ни на какія экономическія условія. Общіе интересы страны, какъ-то желѣзныя дороги, требующія извѣстной густоты населенія, торговая и всякая промышленная и фабричная дѣятельность, въ усиленіи которыхъ мы нуждаемся, какъ въ видахъ равновѣсія нашей заграничной торговли, отразившейся крайне—неблагопріятно на состояніи нашихъ финансовъ, такъ и въ видахъ собственно внутренняго довольства; однимъ словомъ все, что слѣдуетъ вмѣстѣ съ цивилизаціей, все это взываетъ къ предупрежденію всякихъ препятствій, которыя могутъ задерживать прогрессивное движеніе начатыхъ преобразованій.

Мы думаемъ, что нынѣшній годъ и два-три послѣдующихъ убѣдятъ многихъ помѣщиковъ средней и южной Россіи, обладающихъ большимъ количествомъ земель, что земли эти въ рукахъ правительства скорѣе могли бы принести существенную пользу и для владѣльцевъ. Пріобрѣтеніе земель правительствомъ за деньги, конечно, не можетъ имѣть мѣста, какъ за обиліемъ земель, находящихся въ распоряженіи правительства, такъ и по нераціональности самаго принципа пріобрѣтенія правительствомъ земельной собственности; но передача земель въ распоряженіе правительства *навсегда,* съ условіемъ уплаты владѣльцу дохода, до выкупа земель въ пользу земледѣльческихъ общинъ, когда правительство найдетъ это для себя выгоднымъ, — не представляетъ неудобства и невозможности.

Распредѣленіе населенія собственно государственныхъ крестьянъ во всей Россіи, посредствомъ приглашенія ихъ къ поселенію на этихъ земляхъ, по нашему мнѣнію, могло бы принести огромную и общую пользу. Получивъ въ свое вѣдѣніе земли, правительство могло бы обратить ихъ въ надѣлъ именно тому классу, который въ этомъ нуждается, и получать за земли доходъ по кадастру, удерживая, конеч-

но, извѣстный процентъ на расходы, и предоставляя остальное владѣльцу въ видѣ ренты постоянной, или долговременной. Здѣсь важно было бы то, что земли не принадлежатъ частному лицу: только уже поэтому желающихъ поселиться на нихъ будетъ больше.

Нѣтъ сомнѣнія, что доходъ съ земель въ первое время не можетъ быть хорошимъ, но уплачивая владѣльцу земли minimum дохода, опредѣленный собственно въ первые годы, правительство могло бы впослѣдствіи уравнять будущими доходами первыя уплаты, которыя притомъ могли бы быть произведены бумагами въ родѣ облигацій, предположенныхъ для выкупа помѣщичьихъ земель крестьянами.

Для правительства было бы только задачей, которую необходимо исполнить, это—переселеніе крестьянъ; все остальное, т. е. опредѣленіе дохода по кадастру и расчетъ съ владѣльцемъ, не можетъ уже представлять никакихъ трудностей.

Съ возвышеніемъ дохода съ земель, естественно, возвышается и цѣнность ихъ; такимъ образомъ, возможна впослѣдствіи выгодная продажа земель общинамъ, или въ личную собственность переселенцамъ, для вознагражденія владѣльца капиталомъ; разумѣется, цѣна, которую владѣлецъ согласенъ будетъ получить за земли вмѣсто ренты, должа быть опредѣлена заранѣе. Но мы, изложивъ общія мысли по этому предмету, находимъ излишнимъ вдаваться въ частности, которыя опредѣлить вполнѣ возможно такъ или иначе.

Офиціальныя и газетныя извѣстія о событіяхъ по крестьянскому дѣлу исключительно относились къ однимъ крестьянамъ, о крестьянкахъ же, или, какъ у насъ говорятъ, о «бабахъ», не было сказано ни слова, между тѣмъ безучастность женщинъ во всякомъ общественномъ дѣлѣ немыслима; притомъ же женщина вообще впечатлительнѣе мужчины, слѣдовательно и чувства антипатіи или симпатіи у женщинъ выражаются ярче; уклончивость и гибкость или хитрость женщины сообщаютъ особый характеръ всякой женской оппозиціи; поэтому, мы находимъ, что было бы весьма любопытно знать о степени участія женщинъ въ крестьянскихъ волненіяхъ и вообще о впечатлѣніи, произведенномъ на нихъ Положеніями о крестьянахъ; это бросило бы нѣсколько свѣту на темный силуетъ русской женщины, вообще воспроизведенной весьма слабо въ нашей литературѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что впечатлѣніе Положеній на «бабъ» не могло сопровождаться такими же явленіями, какъ у мужиковъ; но, напримѣръ, парижскія поассардки всегда принимаютъ свойственное имъ

участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Мы слышали, что наши «бабы», неотличавшіяся прежде вообще наклонностью къ протесту, сдѣлались теперь самыми неугомонными протестантками противъ привычекъ стараго крѣпостнаго права, гдѣ онѣ еще остаются. Каждая продерзость управителя, бурмистра и т. п., напримѣръ, ударъ палкой или прутомъ, составляющій скорѣе обиду, оскорбленіе, нежели наказаніе, — немедленно обжалывается мировому посреднику, которые очень часто посѣщаются особами женскаго пола, пришедшими пѣшкомъ верстъ за 25—40, для того только, чтобы принести жалобу на продерзость управителя. Черта хорошая! Если дѣйствительно, чувство собственнаго достоинства и наклонность къ легальности проявляется у «бабъ», то можно надѣяться, что и «мужики» послѣдуютъ ихъ примѣру.

Читателямъ конечно уже извѣстно о безпорядкахъ, происходившихъ въ Варшавѣ. Мы не говорили о нихъ, потому-что намъ пришлось бы повторять официальныя извѣстія, сообщаемыя ежедневными журналами. Послѣднія официальныя извѣстія объ этомъ заключались въ попыткѣ къ какому-то народному торжеству 31 прошедшаго іюля, противъ которой приняты были бывшимъ п. д. намѣстника, генералъ-адъютантомъ Сухозанетомъ, предупредительныя мѣры.

Въ нѣкоторыхъ западныхъ губерніяхъ Россіи, гдѣ, какъ извѣстно, польскій элементъ значителенъ, также обнаружились безпорядки по поводу которыхъ и послѣдовали распоряженія правительства: объ учрежденіи полицейскихъ судовъ въ западныхъ губерніяхъ, и о порядкѣ объявленія какихъ-либо мѣстностей въ западныхъ губерніяхъ на военномъ положеніи. Мы извлекаемъ изъ этихъ положеній тѣ мѣста, которыя наиболѣе опредѣляютъ ихъ сущность и значеніе:

«Комитетъ министровъ, выслушавъ внесенныя управляющими министерствами внутреннихъ дѣлъ и юстиціи предположенія относительно мѣръ для прекращенія обнаружившихся въ Западномъ краѣ безпорядковъ, находилъ, что послѣднія событія въ Царствѣ Польскомъ отозвались въ нѣкоторыхъ изъ западныхъ губерній имперіи рядомъ явленій, которыя носятъ характеръ сочувствія къ той эпохѣ, когда этотъ край, составляющій издревле достояніе Россіи, находился временно въ составѣ Польскаго Королевства. Хотя явленія эти не представляютъ, отдѣльно, особой важности, бывъ чужды историческимъ преданіямъ и дѣйствительному расположенію умовъ коренной части мѣстнаго народонаселенія, и порождаются единственно систематическимъ образомъ дѣйствій злонамѣренныхъ подстрекателей, которые искусно волнуютъ

воображеніе и питаютъ мечтательныя стремленія праздной и легкомысленной части населенія, тѣмъ не менѣе, при частомъ повтореніи и продолжительной безнаказанности, они могутъ произвести броженіе умовъ и нарушить общественный порядокъ, сохраненіе котораго составляетъ обязанность каждаго твердаго и благоустроеннаго правленія. Имѣя въ виду, что преслѣдованіе обнаружившихся въ Западномъ краѣ манифестацій доселѣ входило въ область административныхъ мѣръ, всегда болѣе или менѣе подверженныхъ обвиненію въ произволѣ, по мнѣнію комитета, представляется необходимымъ подчинить проступки, обнаруживающіе недоброжелательство къ правительству и нарушеніе общественнаго спокойствія, разбирательству въ судебнополицейскомъ порядкѣ, который, въ предѣлахъ строгой законности, можетъ соединять въ себѣ быстроту и несложность формъ дѣлопроизводства.»

Вслѣдствіе сего комитетъ и составилъ «Временное Положеніе о полицейскихъ судахъ, учреждаемыхъ въ нѣкоторыхъ западныхъ губерніяхъ», заключающее въ себѣ, между прочимъ, слѣдующіе пункты: Воспрещаются всякаго рода публичныя заявленія желаній и стремленій, направленныхъ противъ существующаго правительственнаго порядка. На семъ основаніи воспрещается публичное пѣніе гимновъ и пѣсенъ, выражающихъ эти желанія и стремленія; публичное ношеніе условныхъ отличительныхъ знаковъ, которымъ придается это значеніе, и ношеніе коихъ полиціею не дозволено; публичныя денежныя складки и сборы, безъ предварительнаго разрѣшенія полиціи, въ пользу лицъ, подвергшихся правительственнымъ взысканіямъ; нанесеніе оскорбленій и причиненіе угрозъ лицамъ, нежелающимъ участвовать въ вышеозначенныхъ заявленіяхъ или дѣйствіяхъ, и, наконецъ, всякое оказаніе неуваженія или противодѣйствія, а тѣмъ болѣе нанесеніе оскорбленій должностнымъ лицамъ, обязаннымъ предупреждать и прекращать подобные безпорядки.» За нарушеніе этихъ правилъ опредѣляются денежныя взысканія и аресты. Лица женскаго пола не присуждаются къ личному аресту, кромѣ случаевъ, когда арестъ назначается вмѣсто денежнаго штрафа. Денежные штрафы, опредѣляемые на основаніи Положенія, вносятся обвиненными въ теченіе семи дней; въ случаѣ же неуплаты въ этотъ срокъ штрафа взысканіе производится съ движимаго имущества, а при недостаткѣ движимаго съ недвижимаго имущества обвиненнаго. За несовершеннолѣтнихъ дѣтей, жительствующихъ у родителей или родственниковъ, отвѣчаютъ сіи послѣдніе. Въ случаѣ несостоятельности признанныхъ виновными къ уплатѣ всего, или ча-

сти денежнаго взысканія, они подвергаются временному тюремному заключенію, на срокъ отъ одного мѣсяца до одного года. Продолжительность сего заключенія опредѣляется судомъ, по соображеніи съ состояніемъ обвиненнаго, возрастомъ его и другими обстоятельствами, предшествовавшими или сопровождавшими его проступокъ. За проступки болѣе важные или сопряженные съ особыми обстоятельствами, присвоивающими имъ значеніе политическихъ преступленій, виновные подвергаются дѣйствію общихъ уголовныхъ законовъ, и въ отношеніи къ нимъ предоставляется главнымъ мѣстнымъ начальствамъ принимать соотвѣтствующія тѣмъ обстоятельствамъ особыя мѣры предосторожности. Производство дѣлъ о проступкахъ противъ порядка управленія и общественнаго спокойствія, для всѣхъ сословій сосредоточивается въ полицейскихъ судахъ, составляющихъ первую степень суда для дѣлъ сего рода. Суды эти на первый разъ учреждаются, по усмотрѣнію главнаго мѣстнаго начальства, въ губернскихъ городахъ, при находящемся въ губернскомъ городѣ уѣздномъ судѣ. Присутствіе полицейскихъ судовъ первой степени состоитъ изъ трехъ членовъ: уѣзднаго судьи, одного изъ засѣдателей уѣзднаго суда и члена, коммисара; по назначенію отъ правительства уѣздный стряпчій присутствуетъ при всѣхъ засѣданіяхъ полицейскаго суда. Ревизія дѣлъ, поступающихъ изъ полицейскихъ судовъ, производится въ апелляціонныхъ полицейскихъ судахъ, составляющихъ вторую степень суда и учреждаемыхъ въ городахъ Вильнѣ и Кіевѣ. Въ суды эти назначаются для присутствованія, одинъ изъ председателей судебныхъ палатъ, одинъ изъ товарищей председателей сихъ палатъ и одинъ изъ совѣтниковъ губернскаго правленія, по назначенію генералъ-губернатора. Надзоръ за сими судами лежитъ на обязанности виленскаго и кіевскаго губернскихъ прокуроровъ, при личномъ наблюденіи ихъ самихъ, или одного изъ губернскихъ стряпчихъ, по ихъ избранію. Руководствуясь общими постановленіями о поводахъ къ начатію уголовныхъ дѣлъ, полицейскіе суды предварительно постановляютъ, по каждому отдѣльному случаю, заключеніе о томъ: представляется ли достаточный поводъ къ призыву къ суду обвиняемыхъ въ обнаруженномъ или заявленномъ проступкѣ. Призывъ обязателенъ, если въ пользу онаго будетъ членъ-коммисаръ, или уѣздный стряпчій. Приговоры постановляются на основаніи доказательствъ и уликъ. Показанія отъ чиновъ полицейскаго управленія отбираются подъ присягою только тогда, когда сего потребуютъ подсудимые; въ противномъ случаѣ безприсяжное показаніе чиновъ поли-

ціи признается равносильнымъ присяжному показанію свидѣтелей, за исключеніемъ только начальниковъ полиціи, по донесеніямъ коихъ начато дѣло. Отъ нихъ ни въ какомъ случаѣ не отбирается свидѣтельскихъ показаній. Подсудимый обязанъ объявить, доволенъ ли рѣшеніемъ или нѣтъ, а для того, чтобы не могъ пропустить срока на обжалованіе, на выдаваемой ему копіи съ рѣшенія означается день предъявленія письменнаго приговора, равно и день, въ который оканчивается срокъ на подачу апелляціоннаго отзыва. Рѣшенія полицейскихъ апелляціонныхъ судовъ признаются окончательными, и могутъ быть отмѣнены не иначе, какъ Высочайшею властію.

Въ постановленіи «О правилахъ, при объявленіи какихъ-либо мѣстностей западныхъ губерній на военномъ положеніи» говорится: Вслѣдствіе постоянно возрастающихъ въ западныхъ губерніяхъ безпорядковъ, Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть составить въ комитетѣ министромъ правила на случай необходимости объявить на военномъ положеніи какія-либо мѣстности означенныхъ губерній. Во исполненіе Высочайшей воли, сообразивъ существующія въ законахъ постановленія, относительно правъ, предоставляемыхъ главнокомандующимъ арміями, въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, комитетъ нашелъ необходимымъ: 1) Предоставить главнымъ начальникамъ западныхъ губерній особыя права. Но какъ изъ числа западныхъ губерній, Витебская, Могилевская и Минская не подчинены генералъ-губернаторамъ, то, не присоединяя ихъ къ ближайшимъ генералъ-губернаторствамъ, что̀, по отдаленности сихъ городовъ отъ Вильны и Кіева, при настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, было бы крайне-неудобно и послужило бы къ обремененію генералъ-губернаторовъ, кругъ дѣйствій которыхъ и безъ—того весьма обширенъ, комитетъ признавалъ болѣе удобнымъ, при объявленіи какихъ-либо мѣстностей Витебской, Могилевской и Минской губерній на военномъ положеніи, назначать въ означенныя губерніи временныхъ военныхъ губернаторовъ, съ подчиненіемъ имъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, гражданскихъ губернаторовъ. II. Разрѣшить генералъ-губернаторамъ самимъ объявлять на военномъ положеніи мѣстности, которыя они сочтутъ нужнымъ, не испрашивая на то Высочайшаго разрѣшенія. Для мѣстностей же, объявленныхъ *на военномъ положеніи*, установить слѣдующія правила, исполненіе которыхъ возлагается на генералъ-губернаторовъ и временныхъ военныхъ губернаторовъ: 1) главный начальникъ края, т. е. генералъ-губернаторъ или

временный военный губернаторъ, можетъ удалять отъ должностей чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ, поставляя сіи послѣднія лишь въ извѣстность о томъ; 2) главный начальникъ края можетъ отрѣшать и предавать суду всѣхъ, безъ изъятія, чиновъ земской и градской полиціи; 3) всѣ жители и чиновники, воинскіе и полицейскіе, подвѣдомы военному суду; 4) въ объявленной на военномъ положеніи мѣстности, всѣ, безъ изъятія, обвиняемые въ измѣнѣ, бунтѣ, явномъ неповиновеніи воинскимъ и гражданскимъ начальствамъ, или склоненіи другихъ къ этимъ преступленіямъ, хотя бы и не произошло возмущенія, въ насиліи, разбоѣ, убійствѣ, грабежѣ и зажигательствѣ подлежатъ военному суду, который приговариваетъ виновныхъ къ наказанію на основаніи полевыхъ военно-уголовныхъ законовъ; 5) главный начальникъ края утверждаетъ приговоры военныхъ судовъ и приказываетъ приводить ихъ въ исполненіе; 6) главный начальникъ края въ объявленную на военномъ положеніи мѣстность назначаетъ, по своему усмотрѣнію, военнаго начальника; 7) военный начальникъ обязанъ содержать жителей въ совершенномъ повиновеніи, препятствовать вреднымъ подстрекательствамъ, или изъявленію наружнаго неуваженія къ правительству и мѣстнымъ властямъ; 8) военный начальникъ удаляетъ изъ мѣстности, объявленной на военномъ положеніи, всѣхъ иностранцевъ, праздно-проживающихъ и подозрительныхъ людей; 9) военный начальникъ высылаетъ людей, неимѣющихъ постоянныхъ занятій, или средствъ къ жизни, въ мѣсто ихъ рожденія, или приписки, а иностранцевъ, неимѣющихъ узаконенныхъ видовъ, за границу. За сокрытіе означенныхъ людей, виновные подвергаются отвѣтственности, какъ за неповиновеніе. 10) Въ объявленной на военномъ положеніи мѣстности: а) воспрещается собираться, безъ нужды, на улицахъ и площадяхъ. По требованію полицейскихъ и военныхъ властей, всякія скопища должны немедленно расходиться, а въ случаѣ неисполненія сего послѣ трехъ предварений, одного за другимъ сдѣланныхъ, скопища разсѣеваются силою; б) изъ процессій дозволяются только установленныя церковью; но и объ этихъ духовенство должно предварять полицію, для принятія, благовременно, мѣръ къ предупрежденію безпорядковъ; в) всякія собранія въ публичныхъ или частныхъ домахъ, которыя будутъ признаны вредными мѣстною властію, должны быть немедленно прекращаемы; г) лавки, шинки, кофейныя и другія подобныя заведенія, по распоряженію мѣстнаго начальства, запираются въ установленное время; д) мѣстная полиція и военные патрули вправѣ останавливать

тѣхъ, которыхъ признаютъ подозрительными, и обращать ихъ къ военной власти; и е) въ—случаѣ сопротивленія, воинская сила, вынужденная употребить оружіе, не подвергается отвѣтственности за послѣдствія. III. По невозможности исчислить всѣ мѣры, къ которымъ ведетъ военное положеніе, жители предваряются, что всякій безпорядокъ долженъ непремѣнно вызвать экстренныя и энергическія мѣры противъ всякаго участника въ безпорядкѣ. — Означенное положеніе комитета Его Императорское Величество удостоилъ разсмотрѣнія и утвержденія 5-го сего августа.

Здѣсь находимъ кстати сдѣлать нѣкоторыя извлеченія изъ отчета по управленію Царствомъ Польскимъ за 1859 г.

Все населеніе Царства Польскаго въ 1859 году составляло 4,764,000 душъ обоего пола; сравнительно съ предъидущимъ годомъ число жителей уменьшилось на 25 тысячъ, что, какъ объяснено въ отчетѣ, произошло отъ неточнаго исчисленія народонаселенія въ предъидущихъ годахъ по нѣкоторымъ губерніямъ. Число женщинъ въ Царствѣ превышаетъ число мужчинъ на 170 тысячъ. По вѣроисповѣданіямъ — большинство составляютъ римско—католики, число которыхъ простирается до 3,600,000; православныхъ считается 4,856; затѣмъ наибольшая цифра принадлежитъ Евреямъ, которыхъ считается въ Царствѣ около 600 тысячъ. Городское населеніе составляетъ около 1,150,000; остальные же 3,600,000 суть поселяне. На каждую тысячу душъ приходится по 14 фабричныхъ работниковъ и по 22 ремесленника; купцовъ всего въ Царствѣ Польскомъ 265, въ томъ числѣ въ Варшавѣ 185; общая сумма торговыхъ оборотовъ по привозу и отпуску товаровъ составляетъ 30 милліоновъ рублей.

Общественное благоустройство и народное образованіе выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: тюремъ 109, число содержавшихся въ нихъ было — 58,643; учебныя заведенія: медико—хирургическая академія 1, учащихся 290; варшавскій благородный институтъ 1, учащихся 183; институтъ сельскаго хозяйства 1, учащихся 153; варшавская реальная гимназія 1, учащихся 1,226; варшавская художественная школа 1, учащихся 110; затѣмъ — число мѣстныхъ уѣздныхъ училищъ, реальныхъ, спеціальныхъ школъ, воскресныхъ ремесленныхъ, первоначальныхъ училищъ и т. п. простирается до 1,432, число учащихся — мужескаго пола 54,000, женскаго 27,000, итого 82,000, въ томъ числѣ 45,000 дѣтей мѣщанъ.

Дѣятельность цензурнаго комитета выражается: разсмотрѣніемъ

39,000 сочиненій, выписанныхъ изъ-за границы, и представленныхъ къ печати рукописей и книгъ 339.

Дѣятельность земледѣльческаго общества, состоявшаго въ 1859 г. изъ 2,536 членовъ, ознаменована учрежденіемъ разныхъ сельско-хозяйственныхъ заведеній и изысканіемъ мѣръ къ поощренію ремеслъ и распространенію образованія между поселянами.

Наибольшее число церквей принадлежитъ римско-католическому вѣроисповѣданію; ихъ было 2,157, монастырей мужскихъ — 150, женскихъ 36.

Въ настоящей «Лѣтописи» мы сообщаемъ, между прочимъ, нѣсколько важныхъ правительственныхъ постановленій, обнародованныхъ въ теченіи одного лишь мѣсяца. Дѣятельность и энергія правительства вполнѣ доказываютъ неусыпныя его заботы о благѣ и спокойствіи страны; еслибы и со стороны общества обнаружилась подобная же энергія и дѣятельность, — движеніе къ прочному и истинному прогрессу было бы несомнѣнно. Но что можно сказать о современномъ состояніи нашего общества? Оно неподвижно, слабо своими нравственными силами и далеко отъ того уровня, на которомъ стоитъ современная идея стремленія къ истинному прогрессу. Наша эпоха особенно отличается попытками къ лучшему, и нельзя сказать, чтобы наше общество было строго консервативно, но оно неподвижно,—вотъ въ чемъ его недостатокъ, которымъ, конечно, нельзя будетъ похвалиться въ исторіи нашей эпохи. Правда, что у народовъ не замѣчается особенной заботливости о своей исторіи; но помимо всякаго историческаго интереса есть интересы живые въ современныхъ общественныхъ стремленіяхъ, и не преслѣдовать ихъ значитъ не цѣнить ихъ и отказываться отъ нихъ.

Одновременно съ утвержденіемъ положенія объ акцизѣ съ питей, о проектѣ котораго мы говорили въ предъидущей лѣтописи, опубликованы положенія: объ акцизѣ съ табаку и о трактирныхъ заведеніяхъ.

По поводу перваго изъ этихъ положеній, въ указѣ сената говорится, между прочимъ, что, несмотря на увеличеніе потребленія табаку въ имперіи, доходъ казны отъ налога на этотъ предметъ не увеличивается соразмѣрно съ потребленіемъ. Поэтому слѣдуетъ предполагать, что новый уставъ объ акцизѣ съ табаку имѣетъ именно

цѣлью возвышеніе дохода казны съ этого предмета. Сущность устава заключается въ указаніи правилъ для фабрикаціи и продажи табаку въ разныхъ его видахъ и въ разныхъ мѣстахъ, въ опредѣленіи штрафовъ и взысканій за нарушеніе установленныхъ правилъ, и въ увеличеніи акциза, который долженъ возвысить и продажную цѣну продукта; такъ напримѣръ, вмѣсто 23 к. пачка папиросъ будетъ стоить 25 к. и т. д.

Наблюденіе за исполненіемъ вновь постановленныхъ правилъ, опредѣляющихъ всѣ мельчайшія подробности въ порядкѣ приготовленія и торговли табакомъ, возлагается на особое управленіе, которое подчиняется министерству финансовъ. Надзоръ распредѣляется на округи и дистанціи. Округъ составляется изъ одной или нѣсколькихъ смежныхъ губерній; дистанціи опредѣляются, смотря по степени табачнаго производства и дѣлятся на дистанціи 1 и 2 разряда. На первый разъ учреждается 7 округовъ: с.-петербургскій, московскій, прибалтійскій, югозападный, новороссійскій, малороссійскій и саратовскій. Табакъ изъ одного округа въ другой не иначе можетъ быть вывозимъ, какъ съ-вѣдома табако-акцизнаго начальства; въ противномъ случаѣ нарушитель отвѣчаетъ какъ за корчемство.

Чиновники управленія, открывъ злоупотребленія сами непосредственно, или по доносамъ частныхъ лицъ, или по сообщеніямъ полиціи, представляютъ собранныя свѣдѣнія на разсмотрѣніе и рѣшеніе мѣстной казенной палаты.

Взысканія за нарушеніе правилъ объ акцизѣ съ табаку какъ производителями, фабрикантами и торговцами, такъ и чиновниками положены довольно строги, хотя заключаются въ штрафахъ и лишеніи права производства и продажи, кромѣ чиновниковъ, которые подвергаются обыкновеннымъ взысканіямъ по уложенію о наказаніяхъ за нарушеніе обязанностей службы.

Многіе ожидали, что со введеніемъ въ дѣйствіе положенія объ акцизѣ, послѣдуетъ и дозволеніе свободнаго куренія на улицахъ, подобно тому, какъ это допущено вездѣ въ Европѣ, въ видахъ доставленія удобства публикѣ и въ видахъ увеличенія дохода казны, на которое всегда можно расчитывать при увеличеніи самаго потребленія. Но, едва ли ожиданія эти не напрасны; наше правительство желаетъ достигнуть цѣли увеличенія дохода совершенно другими путями: посредствомъ неусыпнаго надзора, чрезъ своихъ чиновниковъ, за производителями, фабрикантами и торговцами. «Да и какъ въ самомъ дѣлѣ дозволить курить

на улицахъ?» думаютъ люди, ставящіе выше всего, во что бы то ни стало, охраненіе наружныхъ формъ псевдо—уваженія къ своей личности. Хотя отъ куренія и не можетъ быть никакого вреда общественной безопасности, но это представляется съ извѣстной точки зрѣнія обычаемъ безправственнымъ: какъ напримѣръ, молодой человѣкъ будетъ курить передъ старикомъ, конторщикъ предъ своимъ патроновъ, столоначальникъ предъ директоромъ и т. д. будетъ ли это приличнымъ?.. А если, напримѣръ, дозволить куреніе только въ экипажахъ, что̀ впрочемъ и не воспрещено, то будетъ завидно всѣмъ состоящимъ по инфантеріи.

Гигіенисты утверждаютъ, что куреніе папиросъ, развившееся исключительно въ Россіи отъ дороговизны сигаръ и отъ необходимости, вслѣдствіе недозволенія курить на улицахъ, курить «на скорую руку» крайне вредно для здоровья; но гигіенисты не подтвердили своего заключенія статистическими данными по этому предмету. Мы же съ своей стороны полагаемъ, что можетъ быть и россійское табаководство выиграло бы отъ преимущественнаго употребленія на улицахъ собственно сигаръ, которые большинствомъ, конечно, потреблялись бы изъ русскаго, а не изъ гаванскаго и не изъ *турецкаго* табаку; но и это тоже не болѣе какъ соображеніе; а развитіе торговли съ Турціей табакомъ есть уже фактъ полезный, если не прямо русскимъ интересамъ, то по крайней мѣрѣ въ массѣ международныхъ сношеній.

Если уставъ объ акцизѣ съ табаку не оправдалъ ожиданій поборниковъ вольнаго куренія на улицахъ, — за то положеніе о трактирныхъ заведеніяхъ, имѣющее войти въ дѣйствіе съ 1 января 1863 г. вмѣстѣ съ уставомъ объ акцизѣ питей, — превосходитъ всякія ожиданія: въ 6 пунктѣ общихъ положеній говорится: «число трактирныхъ заведеній не ограничивается.» Можно ожидать, что Петербургъ и Москва въ трактирномъ отношеніи вскорѣ сравняются съ Парижемъ и Лондономъ. Опираясь на сдѣланное въ уставѣ опредѣленіе о томъ, что̀ такое—трактирное заведеніе, мы беремся доказать, что и въ настоящую минуту въ Петербургѣ и Москвѣ неисчислимое количество трактирныхъ заведеній, и несравненно болѣе числа вывѣсокъ, обозначающихъ кличку и мѣстонахожденіе каждаго трактирнаго заведенія. Въ примѣчаніи къ первому пункту «общихъ положеній» говорится, между прочимъ, что трактирными заведеніями считаются не одни трактиры, гостиницы, харчевни, кофейни и т. п., но и всѣ меблированныя квартиры болѣе *шести* комнатъ, отдаваемыя въ столицахъ отъ одного хозяина со столомъ. Такимъ образомъ, всѣ

устарѣвшія Шарлотты Карловны, Амаліи Ивановны и т. п. промышляющія отдачею меблированныхъ комнатъ, которыя, вслѣдствіе дробленія ихъ различными перегородками, всегда почти превышаютъ означенное число въ одной квартирѣ,—суть содержательницы трактирныхъ заведеній. А ихъ, какъ извѣстно, въ Петербургѣ по нѣскольку въ каждомъ домѣ. Мирное и безотчетное управленіе своими заведеніями миновалось съ новымъ положеніемъ для всѣхъ содержателей и содержательницъ меблированныхъ квартиръ болѣе шести комнатъ; теперь они должны будутъ платить акцизъ и признать надъ собой начальство, въ лицѣ полиціи, которая обязана наблюдать нетолько за свѣжестью припасовъ, предлагаемыхъ во всѣхъ трактирныхъ заведеніяхъ, но и даже за тѣмъ, чтобы всѣ трактирныя заведенія имѣли таблицу о цѣнахъ на всѣ предметы, для свѣдѣнія постояльцевъ и посѣтителей.

Вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ значенія трактирныхъ заведеній расширены и права ихъ: въ 4 пунктѣ «общихъ положеній» предоставляется содержателямъ трактирныхъ заведеній имѣть, кромѣ билліардовъ, которые и теперь дозволены, разныя дозволенныя закономъ игры, а равно музыку, и только въ харчевняхъ не дозволяется игра въ карты. Музыка, по нынѣ дѣйствующему положенію, запрещена для трактирныхъ заведеній, и чтобы имѣть музыку, т. е. органъ, нужно было непремѣнно сверху выставить часы, (куранты) чтобы *музыку* можно было назвать боемъ часовъ. Это было истинно-русскимъ способомъ примиренія закона съ потребностью, и нельзя сказать, чтобы было не остроумно: и законъ былъ исполненъ, и «овцы были цѣлы.»

Можно надѣяться, что со введеніемъ въ дѣйствіе новаго положенія о трактирахъ, они измѣнятся къ лучшему, примутъ болѣе семейный характеръ, характеръ извѣстнаго кружка, иначе говоря, будутъ специализироваться. Акцизъ на трактиры, вслѣдствіе уравнительной раскладки между ними всего акциза, опредѣленнаго со всѣхъ заведеній въ городѣ, будетъ теперь не обременителенъ, такъ что трактиръ будетъ въ возможности содержаться хорошо и въ такомъ случаѣ, если онъ устроенъ не на большую ногу; слѣдовательно сдѣлаются возможными трактиры, предназначаемые исключительно для людей извѣстнаго кружка, извѣстныхъ занятій и т. п. Напримѣръ, возможенъ и даже необходимъ трактиръ для художниковъ, артистовъ, литераторовъ, который былъ бы пунктомъ общенія людей, имѣющихъ одинакіе интересы и занятія; и можно надѣяться, что найдутся антрепренеры для удовлетворенія этой потребности.

Постоялые дворы и съѣстныя лавочки для народа не относятся къ числу трактирныхъ заведеній, и ограничиваются лишь продажей съѣстныхъ припасовъ, не имѣя права торговать крѣпкими напитками, и даже не имѣютъ права держать чай. Конечно, такихъ заведеній будетъ очень мало въ Россіи, потому что всѣ предпочтутъ содержать трактирныя заведенія, имѣющія право торговать и крѣпкими напитками и чаемъ.

Постоялые дворы и корчмы, безъ права продажи питей, вовсе избавлены отъ платежа акциза.

Наблюденіе за порядкомъ и благочиніемъ въ трактирныхъ заведеніяхъ возлагается на полицію, которая налагаетъ и штрафы за нарушеніе содержателями заведеній правилъ.

Въ числѣ послѣднихъ общественныхъ новостей, оставшихся особенно-замѣченными, было извѣстіе о злоупотребленіяхъ московскихъ серебрянниковъ; сообщали также, что и въ Петербургѣ водятся эти грѣшки. Въ Россіи, куда обильно высылались эти полусеребряныя издѣлія, можетъ быть, еще долго не замѣтили бы изобрѣтеннаго московскими мастерами способа удешевлять серебро; но Китайцы, которые получали, въ обмѣнъ на чай, большую часть московскихъ серебряныхъ издѣлій, какъ говорятъ, первые замѣтили, что прежнее серебро, получаемое ими изъ Россіи, было гораздо лучше; это, разумѣется, повело къ тому, что на серебрянныя издѣлія перестали мѣнять чай. Будетъ ли это имѣть какія либо неблагопріятныя послѣдствія на кяхтенскую торговлю—въ скоромъ времени должно оказаться.

Было время также, что нашъ прикаспійскій край велъ весьма значительную торговлю съ Индѣйцами, которые имѣли въ Астрахани богатые торговые дома, но какъ скоро они увидѣли разницу между русскимъ купцомъ или астраханскимъ армяниномъ и англійскимъ негоціантомъ,—тотчасъ обратились къ послѣднимъ. Неужели и Китайцы, эти единственные потребители нашихъ мануфактурныхъ произведеній, оставятъ насъ? Тогда намъ ничего не придется продавать за границу китайской стѣны, а покупать все на деньги, начиная отъ лайковыхъ перчатокъ до бархату, едвали будетъ возможно.

Всѣ эти факты наводятъ насъ на вопросъ: справедливо ли укорять общество за шаткость нравственныхъ началъ, или, лучше сказать, за ту безнравственность, слѣды которой остаются на всемъ нашемъ прошедшемъ, также какъ лежатъ и на нашемъ настоящемъ? Укоръ этотъ былъ бы столько же справедливъ, сколько, напримѣръ, было бы

справедливо укорять табунъ степныхъ лошадей, занесшійся въ безплодные и безводные концы своей степи. Пожалуй, за лошадей еще можно обвинять стерегущихъ ихъ, но въ человѣческихъ обществахъ и подобное обвиненіе не можетъ быть вполнѣ справедливымъ, потому что общественные двигатели суть члены одного и того же организма, который называется обществомъ, и члены слабѣйшіе относительно числа. Что можетъ регулировать общественную нравственность и что, въ дѣйствительности, регулируетъ ее? Это неразрѣшимый вопросъ въ отношеніи къ русскому обществу. Общественная среда не хранитъ въ себѣ нравственно социальныхъ принциповъ; уровень умственнаго развитія не опредѣляетъ ихъ; литература наша, этотъ главнѣйшій и основный регуляторъ общественной нравственности, не отвѣчаетъ на требованія общества, хотя, можетъ быть, и въ силахъ была бы отвѣтить. Вообще наша литература, и въ особенности наши журналы, стоятъ ниже общества, которое заявило себя хоть тѣмъ, что требуетъ отъ литературы того, чего она не можетъ ему дать. Говорить же о причинахъ ослабленія инициативы въ литературѣ мы не будемъ, какъ о предметѣ болѣе или менѣе извѣстномъ читателямъ нашихъ газетъ и журналовъ.

Безденежье, застой въ торговыхъ дѣлахъ и недостатокъ общественнаго и частнаго кредита, удручающіе хронически и съ возрастающей силой, нашу торговлю, сдѣлались уже довольно скучной темой въ нашихъ газетахъ; но къ несчастію эти безконечные толки и споры не объясняютъ общей причины, безъ которой подобное явленіе и не мыслимо. Еслибы уяснена была причина, можетъ быть, оказались бы и средства къ устраненію ея. Оптимизмъ выручаетъ многихъ вѣрящихъ, что все это временно, скоропреходяще и т. п. Но гдѣ же эти золотыя надежды, которыя успокоиваютъ нашихъ оптимистовъ?...

Мы находимъ, что по этому предмету нашимъ экономистамъ предстоитъ къ разрѣшенію одинъ важный вопросъ, который можно разрѣшать, пожалуй, и помимо уясненія главной причины нашего обѣднѣнія;—это: въ какой степени важна для Россіи ея внѣшняя торговля и теряетъ ли собственно что нибудь страна, если она только лишается возможности покупать то, безъ чего можетъ обойтись? Если, напримѣръ, наши денежныя торговыя дѣла дойдутъ до того, что мы будемъ покупать въ Европѣ вдесятеро менѣе того, что покупали прежде, назадъ тому лѣтъ 7—8,—то будетъ ли въ этомъ вредъ? Отъ разрѣшенія этого вопроса существенно зависитъ и то настроеніе, съ

которымъ мы должны смотрѣть на близкое будущее нашей внѣшней торговли.

Въ заключеніе скажемъ, что комитетъ мануфактурной выставки не довелъ еще до свѣдѣнія публики о результатахъ его дѣятельности по части обсужденія предметовъ, бывшихъ на выставкѣ. Изъ отчета комитета мы надѣемся сообщить что нибудь о значеніи нашихъ произведеній въ отношеніи внѣшняго сбыта.

Для облегченія кредита здѣсь въ С.-Петербургѣ предположено было, уже болѣе года, основать кредитное общество при городскомъ управленіи. Теперь уставъ этого общества утвержденъ и заключается въ слѣдующемъ: общество образуется для производства ссудъ, подъ залогъ приносящихъ постоянный доходъ или имѣющихъ постоянную цѣнность недвижимыхъ имуществъ, находящихся въ чертѣ города; дѣйствія общества начнутся какъ скоро предъявится къ залогу имуществъ на два милліона рублей по городской оцѣнкѣ; общество можетъ выдавать ссуды и подъ имущества, заложенныя въ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, или у частныхъ лицъ, съ переводомъ долга на имя общества, если учрежденія и кредиторы на то согласны; въ ссуду выдается три четверти оцѣночной суммы; ссуды производятся *облигаціями* общества; общество взимаетъ съ заемщиковъ и само платитъ по выпущеннымъ имъ облигаціямъ по $4^1/_2$ процента въ годъ; ссуды выдаются подъ деревянные дома на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ, а подъ каменныя зданія, огороды, сады и пустопорожнія земли—на 26 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ; заемщики, сверхъ процентовъ на занятую сумму, вносятъ: ежегодно на погашеніе ея по ссудамъ перваго рода — 5%, втораго 2%, ежегодно же полпроцента и единовременно полпроцента на расходы по управленію общества и на составленіе запаснаго капитала; послѣ каждыхъ десяти лѣтъ производится выкупъ облигацій по тарифу, на сумму не менѣе той, какая подлежитъ погашенію по расчету выданныхъ ссудъ; облигаціи принимаются по подрядамъ и могутъ быть закладываемы въ государственномъ банкѣ и его конторахъ, на основаніи устава общества.

Примѣняясь къ уставу этого общества, могли бы быть основаны подобныя же и въ болѣе или менѣе населенныхъ городахъ Россіи, въ особенности гдѣ есть *достаточные* приказы общественнаго призрѣнія, которые могли быть для обществъ тѣмъ же, чѣмъ для с.-петербургскаго кредитнаго общества—государственный банкъ.

[illegible] мы должны смотрѣть на близкое будущее нашей [illegible] практики.

Въ заключенiе скажемъ, что комитетъ, [illegible] не довелъ еще до свѣдѣнiя публики о результатахъ его дѣятельности по части [illegible]. [illegible]

Для облегченiя [illegible] въ С.-Петербургѣ, первоначально было, [illegible] общество при городскомъ управленiи. Теперь [illegible] въ заключенiе [illegible]

[illegible]

[illegible] общества.

[illegible]

ФЕЛЬЕТОНЪ.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Плачъ въ станѣ русской журналистики.—Литературный шабашъ.—Фантастическая сцена. — Сонъ наяву. — Приказъ, отданный въ нѣкоторыхъ журналахъ: сидѣть смирно и не смѣяться. — Обвинители свистуновъ.— Четвертакъ, пропавшій въ редакціи Русскаго Вѣстника. — Русская рѣчь и ея пѣсня. — Г. Громека или лежачаго не бьютъ. — Нашествіе свистопляски — Легенда XIX вѣка. — Униженный и оскорбленный фельетонистъ. — Плат. Кусковъ, раскрывающій свое инкогнито передъ Русскимъ Вѣстникомъ. — Что лучше: стихи или проза г. Кускова? — Неудовольствіе г. Старчевскаго и моя «дума». — Тузъ — прогрессистъ. — Великосвѣтская барыня. — Фрина — двѣ фрески. — Русскій туристъ и наши Хлестаковы въ Парижѣ. — Тальма Александринскаго театра. — Настоящее русскаго театра. — Будутъ-ли русскія чиновницы заниматься торговлей? — Титулярная совѣтница и ея протестъ. — Приближеніе осени и передвиженіе Петербурга. — Нѣчто о начинкѣ Губернскихъ Вѣдомостей. — Глуховскій городничій и одесскіе *рысаки* (терминъ). — Зубной врачъ въ Кіевѣ и еще кое-что о дерптскомъ университетѣ. *Коммерческій геній.*

Вотъ уже болѣе года съ задняго крыльца нѣкоторыхъ нашихъ изданій раздается жалобный плачъ о современной литературѣ. Какъ наёмныя плакальщицы на востокѣ, которыхъ приглашаютъ для плачевнаго колорита похоронъ, многіе журнальные запѣвалы громко съ всхлипываніемъ вопятъ: гибнетъ, гибнетъ литература! Пала наша журналистика! Все кончено!..

— Гдѣ жъ бѣда? откуда? отчего падаетъ журналистика? спрашиваетъ удивленный читатель. И вотъ сквозь громкое рыданіе онъ

слышитъ негодующій откликъ: фельетонисты—вотъ ея язва!.. Нашествіе фельетонистовъ, съ знаменемъ отрицанія, съ мертвящей шуткой, съ убійственной насмѣшкой—вотъ наша кара, наше несчастіе... За этимъ слѣдуетъ градъ самыхъ не изящныхъ ругательствъ.

Принадлежа къ породѣ этихъ злосчастныхъ фельетонистовъ, къ породѣ, о допотопномъ значеніи которой, кажется, скоро выйдетъ особое ученое сочиненіе г. Лохвицкаго, я начинаю прислушиваться, чтобы понять весь смыслъ обвиненія и характеръ самыхъ проступковъ фельетонистовъ. Нужно же, наконецъ, прослушать весь этотъ плачъ Іереміевъ нашего времени. Да,

Исайя живъ и живъ Іеремія!..

И вотъ я слушаю, я присутствую на этомъ мрачномъ шабашѣ журнальнаго заклинанія. Занавѣсъ подымается и передо мной открывается точь–въ–точь первая фантастическая сцена изъ Макбета, разъигрываемая при новой обстановкѣ.

На мрачномъ темномъ фонѣ появляются три угрожающія тѣни... Затѣмъ слѣдуетъ страшная сцена, достойная Шекспира:

Тѣни сходятся и начинаютъ погребальную пляску, схватившись руками.

Тѣнь 1-я.

Смерть идетъ,
Громъ реветъ!
Ночь и мгла!
Смерть поётъ...

Тѣнь 2-я.

Кто поётъ
Вѣсти зла?

Тѣнь 3-я.

Черный котъ!

Тѣнь 2-я.

Громъ реветъ!
Тучи рветъ
Вѣтра стонъ...

Тѣнь 3-я.

Сгинь и сгинь,
Пропади
Фельетонъ!

Всѣ вмѣстѣ:

Пропади, пропади фельетонъ!
(танецъ прекращается)

Тѣнь 1-я.

Бѣда идетъ, бѣда!
Летала я.....

Тѣнь 2-я.

Куда?

Тѣнь 1-я.

Въ журнальный адъ,
Гдѣ въ каждомъ—грѣхъ
Казнитъ сто-кратъ
Мертвящій смѣхъ.
Гдѣ судятъ ложь
И злобы смрадъ,
Гдѣ новыхъ ложъ
Открылся рядъ.
Отъ эпиграммъ
Пощады нѣтъ...

Тѣнь 2-я.

О, срамъ! О, срамъ!..

Тѣнь 3-я.

Позоръ газетъ!..

Тѣнь 2-я.

Скорѣй сбирайтесь дружно въ рядъ!
Казнить, казнить мы ихъ должны:
Готовьте зелье имъ и ядъ...

Тѣнь 3-я.

А какъ зовутъ ихъ?

Тѣнь 1-я.

Свистуны!

Общій хоръ.

Мяукни котъ!
Сова завой!
Свистокъ идетъ:
Готовьтесь въ бой.
Мракъ свѣтъ гони,
Ломайся лѣсъ!
Прогрессъ, прогрессъ
Похорони!
(Тѣни исчезаютъ).

Что эта за сцена? спроситъ, пожалуй, какая нибудь добрая наивная душа. Вѣдь это бредъ! Вѣдь это во снѣ развѣ приснилось! Пожалуй и сонъ это, но сонъ наяву, господа!

I had a dream, which was not all a dream....

Эти тѣни — не призраки изъ шекспировскаго Макбета, но три намъ всѣмъ знакомыя изданія, совершающія передъ нами въ настоящую минуту свои заклинанія.

Голоса эти — не призраки: —

— Вы всѣ, фельетонисты, раздается голосъ изъ Москвы, хуже Аскоченскаго: вы съ нимъ одного поля ягоды. Вы — стыдъ и ужасъ нашихъ дней...

Вотъ и другой голосъ изъ Москвы, поющій дискантомъ: «Памфлеты, памфлеты губятъ нашу журналистику. Наступаетъ всемірный потопъ, гдѣ гибнутъ авторитеты, исторія, тонетъ политическая экономія и Кокоревъ, Кавуръ и Юркевичъ тонутъ... Все гибнетъ и лишь одни фельетонисты наполняютъ ковчегъ нашъ... Горе, горе!»..

Но и петербургская журналистика не отстала, и тамъ въ одномъ древнемъ журналѣ раздается такое причитаніе:

— Мертвящая *шутка* овладѣла всей литературой. На развалинахъ увлеченій (?) воздвигся мрачный жертвенникъ, у котораго собрались вылѣзшія изъ щелей мошки и букашки, и взявшись за руки занялись свистоплясской и другими современными искуствами. Вальпургіева ночь наступила!...

Казалось бы, зачѣмъ такъ волноваться отъ появленія какихъ-то мошекъ и букашекъ, а между тѣмъ волненіе сдѣлалось сильное. Но что же ихъ такъ возмущаетъ, что тревожитъ ихъ сонъ и убиваетъ хладнокровіе? Понять этого рѣшительно невозможно.

Нападая на то, что при журналахъ открылись теперь фельетонные листки, гдѣ разные свистуны въ стихахъ и прозѣ смѣются надъ тѣмъ, что смѣшно, эти же самыя изданія открыли у себя журнальныя антресоли и тоже принялись свистѣть, да еще какъ свистѣть!..

— Не улыбайся, кричатъ они, не смѣй смѣяться и шутить: это возмутительно...

— Почему же?

— Потому, что въ настоящее время, когда столько живыхъ вопросовъ и т. д. и т. п., намъ не до шутокъ...

— Да помилуйте, господа, что вы говорите? Вѣдь дѣло у насъ всегда было и будетъ, и критика и политика будутъ; вѣдь дѣла общественныхъ реформъ всегда и вездѣ идутъ своей дорогой, но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобъ мы не смѣли смѣяться, когда вы говорите или дѣлаете глупости. Вѣдь въ Европѣ, въ Англіи, напримѣръ, кажется нѣтъ застоя, а «Пончъ» и другія газеты находятъ же время шутить и смѣяться... Откуда же явилась у васъ эта австрійская благопристойность, это нѣмецкое жеманство или жеманство провинціальныхъ русскихъ барышень, которыя, находясь въ обществѣ, боятся лишній разъ улыбнуться. Нужно рѣшительное непониманіе всего комическаго въ жизни, чтобъ не разсмѣяться отъ словъ тѣхъ неулыбающихся господъ, которые проповѣдуютъ о несвоевременности шутокъ и смѣха «въ настоящее время, когда и т. д.» Пора же наконецъ понять, что это школьное риторство, перенесенное въ литературу прямо изъ семинаріи. Вѣдь журналъ—не синагога, не капище какое нибудь... Если вы мудрецъ, философъ,—въ журналѣ для васъ есть почетный уголъ, почетное мѣсто, гдѣ вы можете не улыбаться, говорить о возвышенныхъ предметахъ высокимъ слогомъ и вполнѣ наслаждаться своимъ величіемъ. Вамъ отдали лучшее помѣщеніе, а вы въ своемъ озлобленіи нападаете на фельетонъ, которому отводятъ квартиру на заднемъ дворѣ журнала и начинаете съ нимъ войну... Вѣдь это вашему степенству не прилично!.. Вѣдь это зависть, наконецъ... Сами же вы толкуете, что время пришло страдное, серьезное и въ то же время начинаете фельетонныя полемики, которыя вамъ, говоря откровенно, не подъ силу... Пишите же, мудрствуйте, трактуйте о

возвышенныхъ предметахъ—и, главное, не провирайтесь. Если же проврется какъ нибудь, тогда ужъ, извините, въ фельетонъ непремѣнно попадете и какой нибудь свистунъ (они такіе уже озорники по природѣ) воздастъ вамъ должное въ прозѣ, а не то пожалуй еще... и въ стихахъ... Если же васъ это такъ обижаетъ, если вы имѣете и амбицію такую важную, да и притомъ чинъ крупный, то не разрѣзывайте этихъ шуточныхъ отдѣловъ, этихъ ненавистныхъ фельетоновъ. Что́ для васъ фельетоны? Но вотъ что странно: получая новую книжку журнала, эти важные господа, люди мысли и дѣла, прежде всего бросаются на фельетонъ и жадно читаютъ его... Любопытство у нихъ сильное... Притомъ же чувствуя за собой нѣкоторые грѣшки, они сами чувствуютъ, что отъ свистуновъ не уйдутъ и какъ разъ попадутъ въ хронику прогресса «Искры» или въ «полемическія красоты» Чернышевскаго. Вотъ это-то ихъ и бѣситъ, бѣситъ то сознаніе, что свистуны-то сильнѣе ихъ и какъ разъ попадутъ въ больное мѣсто, а мѣстъ больныхъ, какъ на зло же, много... Ну, вотъ тутъ-то они и теряютъ все свое хладнокровіе, всю свою солидность и начинаютъ неравную игру. И всегда въ этой игрѣ такіе солидные и многоученые господа, будь-то хоть самъ г. Юркевичъ или Громека, проиграютъ, хоть сами и поносятъ свистуновъ за ихъ необразованность и невѣжественность. Вѣдь свистунамъ этимъ, господа, даръ ихъ тоже богами данъ. Смѣхъ вѣдь не шутка. Вы сами на себѣ можете замѣтить, что смѣяться, такъ чтобъ смѣхъ имѣлъ и силу и мѣткость—очень не легко. Не удалось вамъ смѣяться—вы и принялись за брань. Брань дѣйствительно вышла крупная.

Обвинивъ свистуновъ въ поклоненіи мертвящей шуткѣ и въ глумленіи надъ всѣми благородными увлеченіями, суровые плакальщики далеко перещеголяли ихъ въ своихъ журнальныхъ буллахъ. Осуждая за рѣзкость, они сами принялись въ—перегонку произносить такія ругательства, что за нихъ сдѣлалось стыдно... Изъ этого полемическаго цвѣтника постараюсь теперь собрать одинъ букетъ: вотъ—такъ благоуханья пойдутъ!

Раскрываю любой журналъ прошлаго мѣсяца и читаю:

«Отсутствіе всякаго реальнаго содержанія, всякихъ дѣйствительныхъ движеній въ умѣ и въ душѣ, вмѣстѣ съ подавляющимъ обиліемъ готовыхъ выраженій для всякаго чувства и для всякой мысли; вотъ оно, это хлестаковство, которое царствуетъ въ нашей литературѣ. Поневолѣ приходится ждать какого нибудь катаклизма, который снесъ

бы весь этотъ хламъ съ нашихъ нивъ и возвратилъ бы имъ какое нибудь плодородіе. Наши журнальные борзописцы только и знаютъ, что потѣшаются надъ г. Аскоченскимъ и его *Домашней Бесѣдой* (успокойтесь—и надъ вами точію также потѣшаются), а оглянулись бы нѣкоторые на себя или на товарищей. Еще вопросъ, кто смѣшнѣе, онъ-ли, съ своимъ грубымъ цинизмомъ, или кто нибудь изъ этихъ раздушенныхъ фертовъ, выступающихъ манерною походкой и сыплющихъ вычурныя фразы. Это Хлестаковы... Да, хлестаковство—нашъ общественный недугъ... *Между Хлестаковыми есть еще порода такихъ, которые зовутъ себя демоническими натурами. Такихъ молодцовъ дѣйствительно нельзя не побаиваться. Зарѣзать они не зарѣжутъ, но не кладите вашего четвертака плохо*»... (Рус. Вѣст. № 5. Замѣтки).

Что это такое? Ясно, что личность. Иначе нельзя и понять такую фразу: кто-то въ московской редакціи и, вѣроятно, изъ сотрудниковъ похитилъ съ конторки четвертакъ, а она, благо есть случай, взяла да и гласности предала такой поступокъ, дѣйствительно гадкій. По весьма остроумному замѣчанію одного петербургскаго журнала въ Русскомъ Вѣстникѣ, не въ первый разъ такіе случаи. Прошлый годъ она жаловалась на то, что у нея книгу какую-то похитили, а теперь вотъ и съ четвертакомъ та же исторія... Но вѣдь это все домашнія дѣла. Вольно же имѣть сотрудниковъ такой плохой нравственности!.. Зачѣмъ же тутъ литературу-то примѣшивать, ея катаклизмъ предсказывать? Положимъ, украденный четвертакъ, дѣйствительно, жалко: все-таки деньги, но къ чему же при этомъ восклицать:

«Вотъ наша литература, наша критика, наши фельетоны!.. (тамъ же, стр. 22). Вы въ полиціи объ этомъ объявите, въ полицейскихъ вѣдомостяхъ напечатайте, а литературу оставьте въ покоѣ.

Пусть фельетоны наши вялы
И наша критика мелка,
Пусть разбиваетъ идеалы
Съ цинизмомъ дерзкая рука;
Пусть намъ докажутъ безъ софизма
Замоскворѣцкіе умы,
Что доведемъ до катаклизма
Литературу нашу мы,
Что мы безсильны и не зорки...

Все это такъ, все это такъ,
Лишь намъ понять нельзя никакъ:
Кто виноватъ, что изъ конторки
У васъ украли четвертакъ!

—

Пускай «Свистокъ» и свистопляска
Сидятъ у васъ бѣльмомъ въ глазу.
Но вы, таинственная маска,
За что вдругъ подняли грозу?
За что сулите гнѣвъ и ковы,
Негодованія полны?
И мнятся тамъ вамъ Хлестаковы,
Гдѣ ротъ разинутъ свистуны?
Нѣтъ, вы рѣшительно не зорки...
И насъ винить нельзя никакъ,
Что изъ редакторской конторки
У васъ украденъ четвертакъ!

Вотъ такіе-то домашнія дрязги и мелкія сплетни вноситъ въ литературу журналъ, который въ то же время самъ громко вопіетъ противъ хлестаковства, въ ней распространившагося. Какъ это понять?.. Да, точно

Есть многое въ редакціяхъ московскихъ,
Чего не объяснить всѣмъ нашимъ мудрецамъ...

На нѣкоторое время разстанемся съ Русскимъ Вѣстникомъ и заглянемъ въ другую московскую редакцію. Какъ луна есть спутникъ земли, такъ и Русская Рѣчь есть спутникъ Русскаго Вѣстника, несмотря на видимое разногласіе этихъ двухъ журналовъ. Русская Рѣчь также недавно заявила свое неудовольствіе и разгромила петербургскую журналистику на чемъ свѣтъ стоитъ. На брань, самую тяжелую, настоящую московскую, она не поскупилась.

Русская Рѣчь пародируетъ совершенно Русскій Вѣстникъ и также увѣряетъ, что всѣ почти наши журналы стали походить на Домашнюю Бесѣду. Вѣдь извѣстное дѣло: одинъ дастъ мотивъ, а любители тотчасъ пойдутъ перепѣвать его на разные лады. «Рѣчь» тоже начала перепѣвать на такую тему:

«Куча живыхъ общественныхъ вопросовъ попрежнему лежитъ неразсмотрѣнною и неподвергнутою никакой обработкѣ; но литературѣ

какъ будто не до нихъ: въ ней стало обнаруживаться какое-то странное, всеотрицающее направленіе съ замѣчательнымъ преобладаніемъ памфлетнаго характера. *Извѣстной* свободы мнѣній, о которой всегда хлопотало цивилизованное человѣчество и *извѣстное* проявленіе которой (въ какомъ это смыслѣ стоятъ здѣсь слова: *извѣстный*, *извѣстное*?) въ русской журналистикѣ наша публика привѣтствовала съ такою радостію, какой у насъ почти уже нѣтъ. (Какъ это: есть памфлеты, а свободы мнѣній нѣтъ? Напр. самое мнѣніе Русской Рѣчи развѣ не свободное?). У насъ отпадаетъ всякая охота (не велика вѣрно охота) говорить о томъ, о чемъ можно и должно бы говорить.

Если говорить можно и должно, такъ кто же запрещаетъ говорить вамъ, Русская Рѣчь, на то вы и Русская Рѣчь. Всякій *порядочный человѣкъ* (въ смыслѣ comme il faut—что-ли?), непривыкшій чтобъ съ его именемъ обращались какъ съ именемъ шута или паяца, не можетъ безъ страха (вотъ какъ!) высказать свое мнѣніе ни въ одномъ русскомъ журналѣ, (рѣшительно непонятно, какимъ образомъ порядочный человѣкъ, побоится высказать какую нибудь порядочную мысль въ любомъ журналѣ? Кто такихъ мыслителей рядитъ въ шуты?), гдѣ статью его назовутъ «ерундою», «ерундищею и т. п.» (назовутъ дѣйствительно, если она такая, не прогнѣвайтесь) если же можно, то не упустятъ случая *запустить свою грязную руку и въ самую душу автора* и поворочаютъ въ ней своими пальцами все, что авторъ, какъ человѣкъ, считаетъ своею святынею и хранитъ отъ прикосновенія *дружескихъ рукъ съ запачканными ногтями.*

Негодующіе анти-памфлетисты въ своемъ озлобленіи и не замѣчаютъ, кажется, до какой граціи выраженій они доходятъ. Грязныя руки съ запачканными ногтями! Очень хорошо, г. Пересвѣтовъ! Очень хорошо!..

Больше дѣлать выписокъ изъ статьи г. Пересвѣтова (Р.Р. № 60) я не буду: и этого довольно.. Кромѣ брани, въ его рѣчи ничего нѣтъ новаго: та же семинарская закваска съ бурсацкимъ уставомъ: сидѣть смирно, говорить высокимъ слогомъ и не смѣть улыбнуться. Всѣ эти господа, выдумавъ себѣ эту формулу, прячутся за нее и изъ-за угла начинаютъ отрицать самое отрицаніе нашего времени,

У нихъ всегда одна и та же пѣсня:

Въ настоящее время, когда...
И такъ далѣе...

Міръ покинуть должна навсегда
Аномалія.
Передъ нами вопросы встаютъ
Для рѣшенія,
Силы юныя мощнаго ждутъ
Вдохновенія,
Жизни новой восходитъ звѣзда
Надъ Италіей...
Въ настоящее время, когда...
И такъ далѣе...

—

Насъ благія на дѣло зовутъ
Начинанія,
А повсюду встрѣчаемъ мы судъ
Отрицанія.
Ради шутки убійственной—грѣхъ
Всѣми косится,
И надъ міромъ поруганнымъ—смѣхъ
Всюду носится.
Да погибнетъ же ваша вражда,
Вакханалія
Въ настоящее время, когда...
И такъ далѣе...

Хотѣлъ-было я, для довершенія этого trio, почерпнуть кое-что изъ лѣтописи г. Громеки на любимую его тему: о фельетонѣ «внѣ фельетона», но признаюсь, теперь на него и рука не подымается. Въ «Полемическихъ красотахъ» его и безъ того сильно обидѣли... Богъ съ нимъ!.. Г. Громека, какъ настоящій хроникеръ, былъ подверженъ хронической слабости пѣть о «мертвящей шуткѣ вѣка»... и получилъ теперь довольно хорошій урокъ отъ Современника. Почтенный авторъ «о полиціи внѣ полиціи» дотого недавно увлекся въ своемъ гнѣвѣ, что всѣхъ литераторовъ назвалъ «мазуриками», а сказавши это, еще болѣе растерялся и началъ всѣхъ увѣрять, что онъ не то хотѣлъ сказать, что его не поняли... Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ не поняли.

Бранитесь же, господа, негодуйте, проклинайте, но сознайтесь откровенно, что тѣхъ людей, которыхъ вы называете шутами, гаерами, литературными турманами,—сознайтесь, что вы ихъ боитесь, очень боитесь,

этихъ «балаганныхъ плясуновъ». Вы очень хорошо знаете, что эти шуты для васъ опасны: вѣдь иная шутовская шапка, право, стоитъ гораздо дороже вашего спальнаго колпака или иной ученой кабинетной ермолки. Право, такъ!.. Повторяю, вы это очень хорошо знаете, и потому для васъ эти свистуны, эти фельетонисты нетерпимы, какъ удушливый кошмаръ, какъ заноза въ вашемъ собственномъ тѣлѣ.

Будучи, къ вашему особенному неудовольствію, подверженъ неисправимой привычкѣ очень часто обращаться къ стихамъ и къ риѳмѣ, я и на этотъ разъ бросаю прозу и пропою вамъ одну легенду.

Нашествіе свистопляски.

(легенда XIX ст.)

Что́ за волненье въ рядахъ журналистики?
Жалкій, испуганный видъ!..
Жертвенникъ пустъ и журнальные мистики
Бросили скитъ.

—

Туники смятыя, лица печальныя,
Очи тревогой горятъ,
Стонутъ и плачутъ витіи журнальные
Всѣ за-урядъ.

—

Хроники въ траурѣ; сонная критика
Къ намъ нагоняетъ тоску,
Лиры не тронуты, даже, взгляните-ка,
Смолкъ и «Куку»...

—

Гдѣ же ихъ жажда труда и опасности,
Гдѣ ихъ походы за дамъ,
Даже погасъ передъ статуей гласности
Вдругъ ѳиміамъ.

—

Что жъ ихъ тревожитъ? игра-ли фантазіи?
Слава-ли сводитъ съ ума?
Или холера идетъ къ нимъ изъ Азіи,
Или чума?

—

Иль, наконецъ, имъ грозитъ наводненіе,
Новый всемірный потопъ?...
Нѣтъ! ихъ иное пугаетъ сомнѣніе,
Хмуритъ ихъ лобъ.

—

Ужасъ наводитъ чума азіатская,
Страшенъ холеры возвратъ,
Но имъ мученіе послано адское
Хуже въ сто-кратъ.

—

Врагъ ихъ явился подъ гаерской маскою!
Нѣтъ отъ бѣды оборонъ...
Имя жъ ея (хоть зовутъ свистоплясскою)
Есть «Легіонъ»!

—

Ходитъ она, словно тѣнь неотвязная,
И, потѣшая народъ,
Ловитъ все пошлое, все безобразное,
Ловитъ и бьетъ.

—

Что́ бъ ни увидѣла, что́ бъ ни замѣтила,
Пусть лишь сфальшивитъ гдѣ звукъ,—
Такъ эпиграммою прямо и мѣтила,
Дерзкая, вдругъ!

—

Мысль, ужъ преданьемъ давно освященную,
Нужно, такъ смотришь, казнитъ,
Даже Буслаева—личность ученую
Не пощадитъ.

—

Всѣхъ отрицаетъ: Громеку, Юрьевича, —
Идоловъ нѣтъ ей нигдѣ,
И съ булавою Бовы-Королевича
Ходитъ вездѣ.

—

Жрецъ журналистики пляской скандальною
Назвалъ ту пляску съ тѣхъ поръ,
И похоронную пѣснь, погребальную
Пѣлъ хроникёръ.

—

Пѣлъ онъ протяжно,—жрецы жъ, снявъ сандаліи,
Древнихъ молили боговъ,
Чтобъ не смущалъ этотъ свистъ вакханаліи
Старческихъ сновъ.

—

Дни проносилися... но до Юпитера
Путь и далекъ и тернистъ,
И не смолкалъ на Невѣ, среди Питера
Говоръ и свистъ.

Но довольно пока объ этомъ. Мнѣ остается только сдѣлать одну оговорку: многіе, пожалуй, скажутъ, что, будучи самъ фельетонистомъ, я беру поэтому сторону моихъ собратій. Но это была бы чистая клевета. Въ семьѣ, господа, не безъ урода, и я очень радъ, что имѣю теперь случай указать на одинъ такой примѣръ и именно указать вамъ на фельетониста одного изъ лучшихъ нашихъ журналовъ и именно журнала «Времени». Но фельетонистъ этотъ не изъ обижающихъ, а, по собственному его признанію, изъ обижаемыхъ. «Меня всѣ обижаютъ,» говоритъ онъ плачевнымъ голосомъ. «Я униженный и оскорбленный»...

Фельетонистъ этотъ самыхъ странныхъ свойствъ, самаго болѣзненнаго, плаксиваго темперамента. Напр., читаетъ онъ слѣдующее мѣсто въ стихотвореніи г. Полонскаго:

И надъ пепельной грудой камней,
Изъ-за темнозеленыхъ вѣтвей
Поднималась статуя. Вѣка
На лицѣ пощадили черты
Первобытной ея красоты —
И была лишь отбита рука,
Да обтесаны складки одеждъ
Безпощадной рукою невѣждъ.

Ну, что есть особеннаго въ этихъ стихахъ? Самый тонкій цѣнитель поэзіи, самый отчаянный *фетишистъ* (отъ слова *Фетъ*) не найдетъ въ этихъ строкахъ ничего поразительнаго. Но фельетонистъ «Времени», приводя эти стихи, прослезился и готовъ долго рыдать, потому что, по его словамъ, эти строки полны такой святой тоски, та-

кого праведнаго упрека, такого *небесно-прозрачнаго горя* (?!) и. т. д. Къ такому набору фразъ, и набору притомъ до извѣстной степени искреннему, способны только одни чувствительныя сердца, однѣ такъ называемыя *поэтическія натуры*. Мы, напримѣръ, простые смертные, видимъ въ этихъ строкахъ гладкіе, и, пожалуй, музыкальные стихи, а поэтическія натуры находятъ въ нихъ и святую тоску, и праведный упрекъ, и даже *небесно-прозрачное горе*...

Такія «поэтическія натуры» есть вездѣ, даже въ простомъ народѣ. Стоитъ, напримѣръ, деревенская старуха и слушаетъ чтеніе назидательной книги. Стоитъ, склонивъ лице на ладонь, и горько плачетъ.

— Бабушка! А понимаешь ты, что́ читаютъ? спросите вы ее.

— Гдѣ, батюшка, понять... Мы люди темные, неученые....

— Такъ о чемъ же ты плачешь, бабушка?.

— Да какъ же не плакать! Читаетъ-то больно жалостливо...

Вѣдь это тоже поэтическая натура!..

Далѣе фельетонистъ нашъ разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ однимъ мошенникомъ, который съ циническою откровенностью разсказывалъ ему о своихъ грязныхъ похожденіяхъ. Простой человѣкъ отвернулся бы отъ такого негодяя съ презрѣніемъ, но на «поэтическую натуру» онъ иное произвелъ дѣйствіе. Фельетонистъ въ самомъ цинизмѣ этого мерзавца съумѣлъ найти и святую тоску и праведный упрекъ и воскликнулъ даже: » *чувствуете-ли вы, сколько было въ этомъ человѣкѣ хорошаго!*

Русскій Вѣстникъ, прочитавъ этотъ фельетонъ, не хотѣлъ понять особенныхъ свойствъ его автора, а мѣряя все по своему масштабу, написалъ чуть не цѣлый трактатъ о наглости бѣднаго фельетониста и назвалъ его Тряпичкинымъ. Къ чему такая безполезная суровость? Такого господина можно прослезить, умилить, растрогать, а угрожать ему безполезно. Такъ вѣдь и случилось. Едва прогремѣло проклятіе Русскаго Вѣстника, какъ передъ его трибуной явился «униженный и оскорбленный» фельетонистъ. Хотя Русскому Вѣстнику не было никакого дѣла, кто именно писалъ фельетонъ, но вдругъ слышитъ плачъ Платона Кускова, на старый мерзляковскій мотивъ:

> Тронитесь жертвою судебъ
> (Такъ онъ Каткова умоляетъ),

— Зачто вы меня обижаете? пишетъ онъ. Я, Платонъ Кусковъ, безнаказанно оскорбляемый всѣми, кого поименно и называть не слѣ-

дуетъ... Не правда-ли, какъ много въ этихъ строкахъ слезъ, «праведнаго упрека» и «святой тоски!»..

«Униженный и оскорбленный» фельетонистъ продолжаетъ:

— «Вы, можетъ быть, думали, что авторъ этой статьи какой-нибудь Голіафъ новѣйшей литературы, привыкшій къ поклоненію, который распѣтушится пуще васъ, услышавъ сравненіе свое съ Тряпичкинымъ, да и хватитъ въ отвѣтъ вамъ что нибудь такое, что́ ужъ потомъ родится вопросъ, кому прежде нужно просить извиненія передъ публикой. А передъ вами Платонъ Кусковъ, который нисколько не обижается этимъ. (Милый, добрый Пл. Кусковъ!). Ну чтожъ? Тряпичкинъ, такъ Тряпичкинъ. Я, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ Тряпичкинъ...

О, безпощадный, суровый Русскій Вѣстникъ! Видите-ли, какъ вы обидѣли г. Кускова? до слезъ довели...

Тронитесь жертвою судебъ!...

Свой плачъ Пл. Кусковъ заключаетъ слѣдующимъ признаніемъ: «Вы, вѣроятно, никакъ не рѣшились бы, даже ради истины, начать ругать меня вмѣстѣ съ тѣми господами, которые вотъ ужъ полтора года все хлопочутъ, доказать что я говорю совсѣмъ не о нихъ въ своемъ *пророческомъ* (пророческомъ? вотъ какъ!) стихотвореніи Комары да мухи», а о дѣйствительныхъ комарахъ, въ саду летающихъ, и что это плохое стихотвореніе, что́ я и безъ нихъ знаю...

Униженіе паче гордости, г. Кусковъ! Вы напрасно такъ дурно отзываетесь о своихъ произведеніяхъ. У васъ есть стихи удивительные, оригинальные и я первый поклонникъ вашей музы. Два послѣднія ваши стихотворенія я даже знаю наизусть. Вы рѣшительно русскій Гейне. Вотъ напр. одна піеска. Что́ за свѣжесть такая!

Послѣ бури.

Посмотри, какъ стихла буря,
Посмотри, какъ горы эти,
Поднимаяся надъ нами,
Мрачно тонутъ въ лунномъ свѣтѣ;

Какъ *въ прорѣху* черной тучи
Ясно смотритъ мѣсяцъ полный,

И подъ нами *лижутъ* камни
Успокоенныя волны, —

Лижутъ нехотя, угрюмо,
Пѣнясь въ воздухѣ стемнѣвшемъ,
Точно все забыть не могутъ
Распри съ вѣтромъ усмирѣвшимъ...

Я такъ увлекаюсь теперь новизной этого мотива, что невольно дѣлаюсь подражателемъ г. Кускова. Надѣюсь, что это не обидно? Вотъ мое скромное подражаніе.

ПОСЛѢ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ

ДОКА НА ДОКУ НАШЕЛЪ. — Н. ПОТѢХИНА.

(Воспоминаніе объ Александринскомъ театрѣ).

Посмотри изъ этой ложи,
Посмотри, какъ дама эта
Принести велѣла мужу
Ей аршату изъ буфета,

Какъ въ прорѣху за кулисой
Чей-то глазъ глядитъ на франтовъ
И смычки въ оркестрѣ лижутъ
Струны скрипокъ музыкантовъ,

Лижутъ съ яростью, и всѣ мы
Всей душой внимаемъ «Нормѣ»,
А за сценой чьи-то ножки
Пробѣгаютъ по платформѣ.

Но другое стихотвореніе г. Кускова—это верхъ смѣлости, верхъ совершенства! Послушайте:

Я люблю тебя, ребенокъ,
Безконечною любовью,
И блаженство въ ней вкушаю
Всей душей своей и кровью.

—

Оттого-то такъ и страшно
Мнѣ, при мысли, что такою
Ты мое большое счастье
Держишь дѣтскою рукою.

—

Оттого-то такъ и плачу
Я въ томленьи сладострастья...
Что́, когда неосторожно
Разобьешь мое ты счастье?..

Видите-ли, въ чемъ дѣло?—поэтъ любитъ, и любитъ не женщину, а ребенка. У поэта есть счастье, и такое большое счастье, что онъ опасается, удержитъ ли его ребенокъ своею дѣтскою рукою. Вслѣдъ за этимъ дѣлается уже совершенно понятнымъ стихъ:

Оттого-то такъ и плачу
Я въ томленьи сладострастья...

Вотъ-такъ смѣлый образъ, да притомъ еще въ какой граціозной формѣ!.. Здѣсь я и подражать не посмѣлъ... Нѣтъ, г. Кусковъ, не печальтесь: вы замѣчательный поэтъ!

Одинъ, довольно пріятный фактъ въ нашей общественной жизни, и именно любопытство, съ которымъ большинство слѣдитъ за политическимъ движеніемъ Европы, недавно былъ встрѣченъ съ большимъ неудовольствіемъ г. Старчевскимъ въ его новомъ объявленіи объ ежедневномъ изданіи Сына Отечества. Нашелъ о чемъ горевать! Если это дѣйствительно правда, то и слава Богу! Но г. Старчевскій не такъ думаетъ и сожалѣетъ, что мы никакъ не можемъ разстаться съ Италіей, какъ съ *безконечнымъ кошмаромъ*... Странное сожалѣніе!.. Бѣда, напротивъ, тогда, когда нами овладѣетъ прежняя спячка, азіатская апатія... Нѣтъ, меня-такъ всегда радовала эта италіаманія, и я воспѣлъ ее въ посильной элегіи.

ДУМА.

Послѣ долгихъ наблюденій я
Заключить могъ на-вѣрнякъ,
Что всѣ мы, безъ исключенія,
Итальянскаго движенія

Наблюдаемъ каждый шагъ.
Спала гидрой съ насъ апатія,
Страстью въ жилахъ кровь зажглась,
Непонятная симпатія
Къ вамъ, далекіе собратія,
Пробудилась разомъ въ насъ.

—

Видѣлъ часто, въ каждомъ мѣстѣ я,
Дома, въ людяхъ, межъ гостей,
Какъ читаютъ съ благочестіемъ
Иностранныя извѣстія
На столбцахъ вѣдомостей.
Всѣ — и фатъ съ двумя проборами,
И угрюмый бюрократъ,
Офицеръ, гремящій шпорами,
Правовѣдъ, дивящій спорами, —
За газетами сидятъ.

—

Въ ресторанъ зайдешь — названія
Итальянскія у блюдъ,
И скажу, для указанія:
Разъ, въ одной семейной банѣ я
Итальянскій зрѣлъ этюдъ.
Въ клубѣ, въ циркѣ и на балѣ я
Встрѣтилъ толки лишь одни:
Гарибальди, да Италія,
Да Капуя, и т. д.
Вотъ—что слышно въ наши дни.

—

Все предъ оперой волнуется:
Тамберликъ войдетъ лишь въ дверь —
Рукоплещутъ всѣ въ поту лица;
Самой модной стала улица
Итальянская теперь.
Всѣ Кавура біографію
Покупаютъ нарасхватъ,
Даже я свою Агафію
Посвящаю въ географію,
Просвѣщаю не-впопадъ.

—

Оттого-то наша критика,
Журналистика слаба,
Что повсюду — разсудите-ка —
Занимаетъ насъ политика
И Италіи судьба.
Даже, слѣдуя той маніи,
Дѣти малые во снѣ,
Видя бѣдствія Кампаніи,
Всѣ лепечутъ безъ сознанія:
«Папа, папа»! въ тишинѣ.

Но не умиляйтесь очень, господа, передъ этимъ, не очень вѣрьте въ этотъ итальянскій кошмаръ, какъ выражается редакторъ «Сына Отечества». Позвольте вамъ спачала разсказать одинъ или два факта изъ исторіи нашего прогресса, а потомъ уже и умиляйтесь, пожалуй, если придетъ охота.

Въ одномъ великолѣпномъ домѣ живетъ. . ну... хоть Тузъ назовемъ его. При домѣ находится огромный тѣнистый садъ, постоянно пустой и запертый. Объ этомъ садѣ дѣйствительно можно сказать, что онъ

Пріютъ задумчивыхъ дріадъ,

потому что однѣ только дріады допускались туда безъ позволенія, и то больше по незнанію миѳологіи. И такъ этотъ дѣвственный садъ всегда сторожилъ евнухъ, и только одна пыль осмѣливалась садиться на роскошныя скамейки поставленныхъ по сторонамъ густолиственныхъ аллей и дорожекъ.

Недавно къ управляющему этимъ домомъ съ садомъ пришелъ съ просьбой одинъ бѣдный чиновникъ, жившій поблизости и проситъ позволенія гулять иногда въ саду его больной и беременной женѣ.

Управляющій отказалъ ему и совѣтывалъ прямо обратиться къ самому хозяину.

И вотъ, въ одно прекрасное утро чиновникъ отправляется къ Тузу.

— Что вамъ угодно? грозно спросилъ Тузъ посѣтителя, презрительно окидывая его взоромъ съ головы до ногъ.

— Я къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой: я сосѣдъ вашъ, живу поблизости...

Тузъ въ нетерпѣніи качалъ головой.

— У меня больная и беременная жена, торопился кончить проситель, и я прошу у васъ разрѣшенія гулять ей иногда въ вашемъ саду.

Для Туза такая обыкновенная просьба показалась довольно дерзкой: какъ? какой нибудь писецъ хочетъ, въ самомъ дѣлѣ, гулять въ его паркѣ! Но Тузъ прогрессистъ и потому ему не ловко высказать задушевную мысль свою.

— Для чего же больной женщинѣ гулять? глупо замѣтилъ онъ.

— По предписанію доктора, ей необходимо ходить и дышать свѣжимъ воздухомъ, а другаго сада кромѣ вашего поблизости нѣтъ...

— Хорошо, я объ этомъ подумаю... приходите на слѣдующей недѣлѣ.

Чиновникъ ушелъ. Черезъ недѣлю пришелъ снова. Въ недѣлю, думаетъ, вѣрно рѣшилъ такой сложный вопросъ.

Тузъ его встрѣтилъ слѣдующей фразой:

— Я согласенъ дозволить вашей женѣ гулять въ моемъ саду, только прежде всего вы должны представить мнѣ медицинское свидѣтельство въ томъ, что ваша жена дѣйствительно больна...

И такое подъяческое крючкотворство, такія мелкія и грязненькія придирки мы встрѣчаемъ не въ какомъ нибудь земскомъ судѣ, гдѣ чиновникъ получаетъ иногда 4 р. с. въ мѣсяцъ жалованья, а въ роскошномъ домѣ господина, наслаждающагося пѣнками жизни. И такой-то Тузъ дѣлаетъ прижимки, достойныя какого нибудь сторожа или дворника... А еще прогрессистомъ слыветъ!..

Но вотъ гомерическій подвигъ одной великосвѣтской дамы,—этотъ еще лучше. Еслибъ эту невскую Минерву вы увидѣли гдѣ нибудь въ литерной ложѣ въ оперѣ, или въ роскошной каретѣ вы—бъ сочли ее за самое воплощеніе женственности и граціи, за идеалъ неподвижнаго, недосягаемаго величія. Но мы посмотримъ ее поближе и проводимъ хоть до... купальни. Однажды эта пышная дама пошла въ частную купальню, куда ходила въ извѣстные назначенные часы.

День былъ жаркій, невская вода тепла и любительница купанья просидѣла въ ваннѣ долѣе назначеннаго часа. Вдругъ раздается въ купальню стукъ и женскій голосъ проситъ отворить дверь:

— Теперь мой часъ: отворите...

Идеальная дама знала, кто стучитъ, но молчала и дверь не отпирала.

Снова стукъ, просьба—и снова молчаніе.

Наконецъ легкая задвижка отъ напора слетѣла, въ купальню вошла новая посѣтительница.

И вотъ тутъ-то разъигралась сцена.

Великосвѣтская дама, какъ Венера, вышедшая изъ морской пѣны, выскочила изъ воды, и въ первородномъ костюмѣ Евы бросилась на незваную гостью и на дѣлѣ спѣшила доказать, что тутъ

Безсильны слова, одни кулаки лишь всесильны...

Да, эти граціозныя, нѣжныя ручки сложились въ кулаки и... удары посыпались. Эманципація великосвѣтскихъ женщинъ высказалась вполнѣ.

И такъ посыпались удары, за ними послѣдовали пронзительные крики побиваемой. Сбѣжался народъ и, думая, что въ ваннѣ кто нибудь тонетъ, блюстители порядка толкнули дверь и предъ ними открылась эта неожиданная картина: водяная нимфа, съ распущенными косами, въ позѣ римскаго гладіатора.

Лиру мнѣ дайте, ради Бога, лиру!.. здѣсь невозможна проза, рѣшительно невозможна. Рады вы или нѣтъ, а я начинаю:

Фрина.

(Двѣ фрески.)

I.

Когда-то видѣли Аѳины,
Какъ въ пышный храмъ
Въ покровахъ бѣлыхъ образъ Фрины
Предсталъ жрецамъ.

—

Въ развратѣ новомъ, какъ блудница
Обличена,
Ей иль топоръ или темница
Присуждена.

—

Всѣ ждали казни для примѣра...
Палачъ ужъ тутъ..
И вотъ аѳинская гетэра
Явилась въ судъ.

—

Бѣлѣли мраморные боги
Изъ-за колоннъ,

Сошлись жрецы, одѣвшись въ тоги,
Со всѣхъ сторонъ.

—

Читали въ ихъ толпѣ безстрастной
Всѣ приговоръ,
И надъ блудницею прекрасной
Висѣлъ позоръ.

—

Встаютъ жрецы, какъ смерть суровы...
Толпа ждала...
Но Фрина вдругъ свои покровы
Разорвала.

—

И безъ одеждъ, раскрывъ все тѣло,
Нѣма, безъ словъ
Она съ презрѣньемъ посмотрѣла,
Въ глаза жрецовъ.

—

И помнятъ древнія Аѳины,
Какъ въ оный часъ,
У всѣхъ судей богини Фрины
Вся кровь зажглась.

—

И передъ нею лицемѣры
Склонились въ-прахъ,
И палъ и млѣлъ у ногъ гетэры
Ареопагъ.

—

II.

Съ тѣхъ поръ столѣтья миновали,
Жрецы тѣ спятъ,
Но въ наши дни мы Фринъ видали
На новый ладъ.

—

Ихъ жизнь блестящая, безъ пятенъ,
Суровъ ихъ взглядъ,
И Фрины древней непонятенъ
Для нихъ развратъ.

—

Онѣ и въ мысляхъ не преступны,
Свой помня санъ;
Онѣ для смертныхъ недоступны,
Какъ самъ Монбланъ.

—

Въ толпѣ людей онѣ актрисы,
И не для насъ,
Но мы заглянемъ за кулисы
На этотъ разъ.

—

Въ купальню дамскую (такъ было)
Вошла жена,
И торсъ свой пышный погрузила
Въ Неву она.

—

Но ужъ пора... прошелъ купанья
Урочный часъ, —
Вдругъ слышенъ стукъ и восклицанье:
«Пустите насъ!»

—

И гостья новая предстала...
Но съ гостьей той
Она, отбросивъ покрывало,
Вступила въ бой.

—

Раздался крикъ... разбой! покража!
Народъ вопитъ, —
И вдругъ въ купальню вторглась стража...
Ужасный видъ!

—

Тамъ безъ одеждъ, безъ кринолина
Дралась жена,
Какъ та плѣнительная Фрина,
Обнажена.

—

—«Зачѣмъ вы здѣсь? вонъ, прочь невѣжды!»
Произнесла,
И облекать себя въ одежды
Тутъ начала.

Недавно встрѣтился я съ однимъ изъ нашихъ туристовъ, постоянно странствующаго по Европѣ и только-что пріѣхавшаго изъ Парижа.

— Знаете-ли, сказалъ онъ мнѣ между прочимъ, гдѣ всего лучше можно узнать русскаго человѣка, во всю ширину его натуры? гдѣ? Бьюсь объ закладъ, что не угадаете.

— Отвѣчу вамъ словами Жоржъ-Занда, который говоритъ, что если мы желаемъ узнать человѣка хорошенько, то должны пожить вмѣстѣ съ нимъ гдѣ нибудь въ деревнѣ. Я тоже самое думаю.

— Это, пожалуй, и правда, но только къ намъ, Русскимъ, это нейдетъ, и особенно теперь.

— Такъ гдѣ же?

— Вы удивитесь: за границей. Дома русскій человѣкъ, и особенно наши аристократы, не развернутся такъ. Они постоянно сдерживаютъ свои инстинкты, свои побужденія: то мѣшаютъ границы приличія, мода мѣшаетъ, роковое слово «не принято», а нынче вотъ гласность явилась, да обличителей много развелось, ну, знаете, и нельзя душу-то отвести. Развѣ только иногда, не выдержитъ, съ рельса сорвется... Но это очень рѣдко.

— А за границей?

— А за границей онъ совершенно какъ дома. Представьте себѣ, что я только за границей и познакомился хорошо съ своими земляками...

— Ну, что жъ это за звѣрь такой русскій человѣкъ? спросилъ я, улыбаясь.

— Есть звѣри разные. Есть и славные, есть и отвратительные. Это длинная исторія. Больше всего за границей отличаются наши Хлестаковы... Тамъ имъ полная свобода, особенно во Франціи. Французамъ типъ этотъ тоже очень съ-родни.

— А Англичанамъ?

— Нѣтъ, эти напротивъ, — тамъ все Чичиковы. Но, кстати о русской хлестаковщинѣ.

Хотите, я вамъ разскажу одинъ презабавный случай, котораго я былъ свидѣтелемъ?

— Пожалуйста.

— Встрѣтилъ я какъ-то въ Парижѣ трехъ-четырехъ земляковъ, петербургскихъ знакомыхъ; между ними былъ одинъ бывшій актеръ Б—ъ. Мы всѣ, странствуя по городу, наконецъ отправились на знаменитое кладбище Père Lachaise. Гидъ мнѣ предложилъ свои услуги

и повелъ меня показывать могилы разныхъ знаменитостей. Спутники мои остались назади. Гидъ неутомимо водилъ меня отъ одной гробницы къ другой, отъ могилы Беранже до памятника Альфреда Мюссе... и. т. д. Однимъ словомъ, я видѣлъ всю покойную французскую литературу.

Наконецъ мы подходимъ къ могилѣ Тальмы. Гидъ, предполагая, что я, какъ варваръ (le cosaque), ничего не смыслю, началъ разрисовывать мнѣ біографію знаменитаго трагика.

— Это былъ знаменитый артистъ временъ Людовика XVIII, докладывалъ онъ мнѣ какъ новость. Его игру пріѣзжали смотрѣть со всѣхъ концовъ Европы. Это была гордость нашего театра, слава Франціи и т. д. и. т. д.

— Прошлый годъ, продолжалъ онъ, могилѣ Тальмы пріѣзжалъ поклониться вашъ знаменитый русскій артистъ, который въ Россіи пользуется такой же славой и почетомъ, какъ нашъ незамѣнимый трагикъ.

— Кто жъ это такой? спрашивалъ я съ удивленіемъ.

— Вотъ здѣсь онъ написалъ свое имя, говоритъ гидъ, указывая на памятникъ, котораго всѣ стѣнки были исписаны всевозможными именами.

Я наклонился, и по указанію гида прочелъ Это было имя нашего спутника, отставнаго актера Б—а. Я чуть не расхохотался.

— Кто же вамъ сказалъ о знаменитости русскаго Тальмы? спрашивалъ я гида.

— Я удостоился чести слышать это отъ него самого, съ гордостью замѣтилъ гидъ.

Въ это время подошли къ намъ мои спутники, а съ ними и нашъ Хлестаковъ. Я указалъ на него гиду. Хлестаковъ понялъ, что попался и, кажется, готовъ былъ провалиться сквозь землю. Эффектъ былъ полный...

Отъ театральнаго Хлестакова переходъ къ самому театру недалекъ, и мнѣ хочется сказать о немъ два слова — и два слова весьма печальныхъ. Въ послѣднее время русская сцена страшно обѣднѣла и теперь ея скудный репертуаръ состоитъ, большею частію, изъ русскихъ піесъ временъ очаковскихъ или Нестора Кукольника и изъ переводныхъ драмъ съ кровавой завязкой и развязкой. При такой пустотѣ содержанія, драматическія выкройки Н. Потѣхина мы считаемъ уже за пріятную новость. Что же за причина такой бѣдности? Отсутствіе сценическихъ дарованій писателей для сцены? Частію можетъ

быть и это, но частію и другія причины. Мы знаемъ, напримѣръ, двѣ новыя, прекрасныя піесы, которыми могла бы оживиться русская сцена, но которыя не будутъ поставлены на театръ. Первая изъ нихъ: народная драма «Мининъ» — г. Островскаго, вторая «Дѣло» комедія — г. Сухово-Кобылина. Авторъ «Свадьбы Кречинскаго» въ своемъ новомъ произведеніи затронулъ очень живой вопросъ нашего времени. Комедія эта скоро будетъ напечатана, но на сценѣ мы ее не увидимъ .. Тема піеса такая: по дѣлу Кречинскаго идетъ слѣдствіе. Такъ какъ извѣстный солитеръ былъ данъ Кречинскому дочерью Муромцева, то дѣло принимаетъ сложный характеръ. Чтобъ выгородить Кречинскаго, ему предлагаютъ всю вину сложить на Лидочку и обвинить ее въ воровствѣ бриліанта, но Кречинскій, какъ мошенникъ comme il faut, съ отвращеніемъ отказывается отъ такой гнусной продѣлки. Расплюевъ же, не пренебрегающій никакими средствами, соглашается и путаетъ въ исторію дочь Муромцева. На эту-то тему и развивается вся піеса.

Оперы русской у насъ тоже нѣтъ. Наши россійскіе оперные пѣвцы восхищаютъ патріотовъ-меломановъ тѣмъ, что пародируютъ итальянскихъ пѣвцовъ въ «Трубадурѣ» и «Риголеттѣ», гдѣ гг. Сѣтовъ и Майкова въ каррикатурѣ представляютъ намъ Тамберлика и Лагруа.

Для зимняго сезона у насъ готовятся двѣ новости, и то иностранныя. Къ намъ приглашена съ своей труппой Ристори и пріѣдетъ ставить свои оперы Верди. Въ Александринскомъ же театрѣ насъ попрежнему будутъ подчивать драматическою вермишелью Полеваго и Кукольника, съ десертомъ французско-коломенскихъ водевилей. И то хорошо....

Недавно состоялось новое постановленіе, разрѣшающее женамъ служащихъ чиновниковъ заниматься торговлею. Польза такого постановленія очевидна, если только она примѣнима къ быту нашихъ чиновниковъ. Но въ томъ-то и бѣда, что для большинства чиновнаго міра такое нововведеніе покажется немыслимымъ. Этотъ бѣдный классъ, постоянно нуждающійся, любитъ гордиться своей чиновничьей кокардой и считаетъ унизительнымъ для себя промѣнять ее на свободное право торговаго человѣка.—«Я, говоритъ, чиновникъ, а онъ торгашъ». Подите, попробуйте предложить какой-нибудь закоренѣлой чиновницѣ

заняться торговлей и открыть лавку, да она вамъ за это глаза всѣ выцарапаетъ.

Какъ-то разъ я довольно осторожно завелъ рѣчь объ этомъ предметѣ съ одной чиновницей, имѣющей пятерыхъ дѣтей и которой мужъ получаетъ 20 р. сер. въ мѣсяцъ жалованья.

Я объявилъ ей о новомъ постановленіи.

Барыня (замѣтьте прежде всего, что она барыня) поднялась.

— Нѣтъ ужъ, батюшка, до такого дѣла ни одна порядочная чиновница не унизитъ себя.

— Да развѣ торговля дѣло унизительное?

— Да, какъ же: плутовство, мошенничество... Вотъ вчера я пошла въ лавку (тутъ цѣлое вводное предложеніе, которое я опускаю).

— Такъ ведите честную торговлю... этого всѣ и хотятъ...

— Нѣтъ, батюшка, благороднымъ людямъ не слѣдъ за прилавкомъ сидѣть, да папиросы или муку продавать... Мой мужъ титулярный совѣтникъ...

И титулярная совѣтница забросала меня цѣлой кучей доводовъ о безнравственности тѣхъ чиновниковъ, которые сдѣлаются торговыми людьми...

Такихъ титулярныхъ совѣтницъ вы встрѣтите на каждомъ шагу. Эти почтенныя особы, вѣроятно, съ ужасомъ прислушиваются теперь къ общему движенію и горько поютъ свои жалобныя пѣсни на подобный мотивъ:

Время настало, ей Богу, престранное!
Міръ — точно лѣсъ...
Вкругъ о гуманности рѣчи туманныя,
Споръ за прогрессъ!

—

Всѣхъ заѣдаетъ любовь къ деревеньщинѣ,
Чванится хамъ.
Просто, житья нѣтъ порядочной женщинѣ!
Горе и срамъ!.

—

Въ гости пріѣдешь — все пища скоромная
Какъ у Татаръ.
Драться захочешь — прислуга наемная...
Просто, базаръ!..

—

Санъ, родъ старинный теперь не замѣтятся,
Чина не чтутъ,
Будь хоть дѣйствительной статской совѣтницей, —
Мимо пройдутъ.

—

Тутъ же идеи явилися новыя:
Просятъ всѣхъ насъ,
Чтобы мы лавки открыли фруктовыя,
Или лабазъ.

—

Намъ, *благороднымъ*, сидѣть за прилавками?!..
Намъ торговать?!..
Нѣтъ! прогрессистовъ всѣхъ надо булавками
Намъ истерзать.

Да, этотъ фанатизмъ добровольной нищеты, эта корпорація чиновнаго міра—фактъ весьма печальный... Впрочемъ, нищенство разное бываетъ, и попадаются иногда такіе нищіе, отъ помощи и содѣйствія которыхъ не отказалось бы любое акціонерное общество.

Очень недавно, въ Москвѣ, въ Срѣтенскую часть доставленъ былъ за прошеніе милостыни отставной чиновникъ К. При осмотрѣ найдено было при немъ заемныхъ писемъ, выданныхъ ему отъ разныхъ лицъ, на 79,000 руб. ассигн., билетъ, выданный на его имя изъ конторы московскаго коммерческаго банка на 42,070 р. сер. и наличными деньгами болѣе 6,000 р. сер. *).

По справкамъ оказалось, что этотъ нищій—богачъ нанималъ для жилья уголъ, съ платою по 75 к. с. въ мѣсяцъ и съ утра до ночи не бывалъ дома; въ пищу онъ употреблялъ куски чернаго черстваго хлѣба, которые приносилъ съ собою. Еслижъ въ приносимыхъ кускахъ попадался бѣлый хлѣбъ, то онъ продавалъ его. Вся его движимость состояла изъ рубища, которое онъ носилъ, и ветхой рогожи. По отзыву этого Плюшкина, онъ имѣетъ трехъ сыновей и двухъ дочерей, но гдѣ они живутъ — не знаетъ.

---

*) По послѣднимъ извѣстіямъ оказывается, что вся сумма благосостоянія К. равняется четыремъ стамъ руб. тысячамъ серебромъ.

Ред.

Осень, осень идетъ къ намъ... Воздухъ сталъ холоднѣе, ночи темнѣе... Зелень желтѣетъ, деревья роняютъ увялые листья, Старчевскій объявляетъ подписку на будущій годъ—всѣ, рѣшительно всѣ признаки осени. Петербургъ, въ ожиданіи тріумфальнаго шествія дачниковъ съ обозами, съ мебелью и домашнимъ скарбомъ, освѣтился газомъ. А съ дачъ начинаетъ погонять холодъ и дожди; туманъ, какъ матовый абажуръ закрываетъ отъ глазъ и солнце и всѣ красоты невской природы. Дачники гримасничаютъ и со вздохомъ сбираются въ городъ. Пусть сбираются... Я же, какъ обитатель богоспасаемаго Полюстрова, еще не тороплюсь. Я хочу присутствовать при погребеньи нашего лѣта, и несмотря на всѣ невзгоды осени съ ея ядовитыми поцалуями, какъ истый романтикъ, буду еще жить въ средѣ полюстровскихъ чиновниковъ, которые живутъ въ своихъ деревянныхъ палаткахъ вплоть до заморозковъ...

Тонетъ день въ закатѣ аломъ,
Воздухъ сыръ, но въ Тиволи,
Жизнь считая идеаломъ,
Я дрожу подъ одѣяломъ,
Полонъ мира и любви.

—

Пусть мнѣ холодно въ постели,
Въ тѣлѣ дрожь и зубъ стучитъ,
Пусть ужъ, ровно двѣ недѣли,
Въ окна, съ крыши, въ щели, въ двери
Дождь струится и бѣжитъ;

—

Но, во имя романтизма,
Получить я не боюсь,
Съ хладнокровіемъ дендизма
Боль шальнаго ревматизма,
Лихорадку, или флюсъ.

На этотъ разъ довольно толковать о Петербургѣ, хочется говорить о чемъ нибудь другомъ, говорить хоть о губернскихъ вѣдомостяхъ, груды которыхъ я сейчасъ только пересмотрѣлъ. Удивительное дѣло! Въ провинціяхъ теперь жизнь широко закипѣла дѣятельность началась, сыраго матеріалу для разработки гибель, а между тѣмъ гу-

бернскія газеты, какъ и въ старые годы, толкуютъ только о состояніи погоды, да о пріѣхавшихъ и выѣхавшихъ изъ города!

Беру, напримѣръ, наудачу любую газету. Предо мной 65 № Харьковскихъ губернскихъ вѣдомостей, въ которомъ читаю слѣдующее любопытное извѣстіе: «27 іюня скончалась жена бывшаго командира квартирующаго въ Харьковѣ полка, Софія Бонтанъ, урожденная Берская, а 29 числа совершено перенесеніе тѣла усопшей изъ квартиры въ католическую церковь. Опечаленный мужъ утратилъ въ ней прекрасную жену, а дѣти лишились въ ней заботливой и нѣжной матери (точь-въ-точь надпись съ любаго памятника). Вѣроятно, ея роднымъ и отдаленнымъ знакомымъ пріятно будетъ знать, что покойница, будучи вдали отъ своей родины, пользовалась здѣсь искреннимъ расположеніемъ и вниманіемъ всѣхъ знавшихъ ее. Прахъ почившей отъ квартиры до католической церкви несли на своихъ плечахъ офицеры и знакомые; стеченіе народа было очень большое»...

Далѣе идетъ еще лучше:

«Не всѣмъ суждено въ продолженіе земной жизни совершать великія дѣла и славные подвиги (еще-бы!), но не каждому удается и такъ жить, чтобы послѣ смерти твоей, многихъ и очень многихъ заставить невольно чувствовать, что они потеряли существо близкое, родное по душѣ... Такая заслуга передъ обществомъ имѣетъ высокую цѣну»...

Къ-чему это надгробное слово въ газетѣ? Къ-чему такая повѣстка по всей Россіи? Можетъ быть Софья Бонтанъ была и прекрасная особа, и слезъ достойна, но для чего же редакція вѣдомостей такъ компрометируетъ имя почтенной жены и печатно пародируетъ могильныя надписи съ старыхъ памятниковъ! Вѣдь такими упражненіями въ слогѣ занимаются нынче одни только гробовщики... Нѣтъ, не о мертвыхъ вамъ писать нужно, а о живыхъ: о живыхъ вопросахъ вашихъ, о живыхъ людяхъ... Есть у насъ живые мертвецы и ихъ—то вамъ нужно отпѣвать въ вашихъ газетахъ. За субъектами также вѣдь дѣло не станетъ.

Вотъ хоть Глуховскій городничій (Кіевск. губ) чѣмъ не субъектъ? Онъ всюду занимателенъ, куда бы-ни явился. Былъ, напримѣръ, актъ въ глуховскомъ уѣздномъ училищѣ, актъ, составленный по стародавней програмѣ, т. е.

Отмѣнно скучный, очень длинный,
Нравоучительный и чинный,
Во вкусѣ милой старины.

Въ первомъ ряду сидѣли городскія власти далѣе родители и родственники учениковъ, нѣсколько чиновниковъ и два студента.

И вотъ открывается торжество. Одинъ изъ учениковъ начинаетъ какой-то длинный монологъ, но вдругъ, въ самомъ разгарѣ его рѣчи, по залѣ раздается громкій голосъ городничаго:

Эй ты, Соломка!

И вотъ изъ заднихъ рядовъ выскакиваетъ квартальный и торопливо бѣжитъ къ градоправителю. Тутъ, во всеуслышанье, начинается у нихъ бесѣда о какихъ-то полицейскихъ распоряженіяхъ. Торжество училища оскорблено, праздникъ учениковъ нарушенъ, но городничему до этого и дѣла нѣтъ. Одно слово — городничій! И публика, и начальство училища должны молчать, на томъ основаніи, что это градоначальникъ. Дѣйствительно, городничій въ своемъ городѣ — сильная особа. Какъ его можно обойти приглашеніемъ!

Ужъ въ уѣздахъ такъ бываетъ,
Вы хотите-ль, не хотите-ль,
А повсюду засѣдаетъ
Впереди градоправитель.
И на актѣ, и на балѣ
(Заведенъ такой обычай)
Мы вездѣ тебя встрѣчали,
Городничій, городничій!

—

Почитаемый въ уѣздѣ,
Встрѣченъ всюду ты со славой,
У крыльца-ли при разъѣздѣ,
Иль за будкой предъ заставой.
На обѣды, на крестины
Приглашаемъ изъ приличій,
Ты заступникъ всѣхъ единый,
Городничій, городничій.

—

Оттого-то въ залѣ классной
Ты, скучая, крикнешь громко,

И тебѣ съ улыбкой ясной
Подаетъ докладъ Соломка.
И потомъ, отъ этой дряни,
Отъ рѣчей, отъ скучныхъ спичей,
Кончивъ завтракъ, на диванѣ
Спишь ты сладко, городничій.

А вотъ извѣстіе и изъ Одессы, сообщенное однимъ *литераторомъ обывателемъ*, извѣстіе, доказывающее намъ о повсемѣстномъ распложеніи (лѣто было очень жаркое) Хецневичей и Вергеймовъ.

Въ Одессѣ, въ публичномъ саду, за столомъ сидѣли двѣ дамы, ужинали, и не подавали никакого повода къ дерзостямъ. Неподалеку за другимъ столомъ сидѣли нѣсколько молодыхъ людей, и вели разговоръ, повидимому, касавшійся дамъ. Вдругъ двое изъ нихъ встали и быстро подошли къ дамамъ, причемъ одинъ рекомендовалъ другаго. На такую дерзость отъ незнакомыхъ людей одна изъ дамъ принуждена была замѣтить, что люди, которые оскорбляютъ женщинъ, могутъ поплатиться за это. Казалось бы, что довольно такого замѣчанія, чтобы понять ошибку, или оставить, по крайней мѣрѣ, обиженныхъ дамъ. Но Хецневичей этимъ не испугаешь. Тотчасъ послѣ этого общество одесскихъ рысаковъ обступило несчастныхъ женщинъ и старалось нанести имъ возможно больше оскорбленій. Одинъ изъ болѣе шумѣвшихъ рысаковъ кричалъ дамамъ, Богъ знаетъ почему:

— Мы вѣдь не въ Австріи, а въ Россіи!

Потомъ вся эта ватага усѣлась за столъ, гдѣ сидѣли дамы, потребовали шампанскаго, и, поставивъ передъ ними откупоренную бутылку, съ словами:

— Voila, mesdames, prenez de la champagne,—ушли.

Увы! напрасно преслѣдуетъ гласность этихъ господъ, напрасно посыпаютъ ихъ персидскимъ порошкомъ обличенія!—клопы все продолжаютъ кусаться... Какія же лѣкарства нужны для нихъ?.. Но

Еще одно послѣднее сказанье
И лѣтопись окончится моя..

Одна бѣдная дѣвушка, швейцарская подданная, Луиза Броссенъ, живущая въ Кіевѣ, страдая долго зубною болью, пришла искать помощи у зубнаго врача, *Шварца*. Когда врачъ ей вырвалъ зубъ, она

вынула 1 р. и предложила ему. Врачъ грубо ей замѣтилъ, что этого мало и потребовалъ 3 р.

— Я бѣдная дѣвушка, отвѣтила ему г-жа Броссенъ, и не могу столько заплатить вамъ; притомъ же я не имѣю съ собой денегъ больше 1 рубля.

— Если вы не можете заплатить 3 р. с., то нечего было и приходить ко мнѣ. Не слушая ее, онъ требовалъ денегъ и наконецъ рѣшилъ на томъ, что онъ пошлетъ за нею на домъ человѣка, которому она обязана будетъ отдать 3 р. с. Такъ и случилось, и гуманный врачъ отнялъ у бѣдной женщины ея послѣднія деньги. О, времена! о, нравы!..

Въ прошломъ мѣсяцѣ, въ своихъ замѣткахъ, я упоминалъ, между прочимъ о корпораціяхъ дерптскаго университета. Теперь же, заключая дневникъ свой, я, пользуясь любопытнымъ письмомъ по этому поводу г. Манассеина, приведу изъ него нѣкоторые интересные отрывки:

«Давно составилось мнѣніе, будто бы дерптскій университетъ лучше другихъ русскихъ университетовъ. Не знаю, насколько способствовало такому мнѣнію наше прежнее самоуниженіе передъ Нѣмцами. Но не подлежитъ сомнѣнію, что мнѣніе это и до сихъ поръ коренится въ нѣкоторой части нашего общества. Твердо убѣжденный, что оно, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ случаѣ, ошибочно, я не берусь однако опровергать его: задача слишкомъ большая. Я только попробую разсказать кое-что о бытѣ здѣшнихъ студентовъ.

«Первое, что поражаетъ свѣжаго человѣка, попавшаго изъ Россіи въ общество дерптскихъ студентовъ, — это корпоративный духъ, такъ сродный древнимъ нѣмецкимъ университетамъ. Но въ Германіи онъ ужъ начинаетъ уступать требованіямъ времени; здѣсь же онъ еще въ большомъ ходу. Что такое корпорація?—Это совершенно замкнутый кружокъ съ своими уставами и обычаями. Чтобы показать, какія мысли лежатъ въ основѣ корпораціи, довольно привести названія четырехъ, существующихъ въ Дерптѣ: Курляндская, Лифляндская, Рижская и Эстляндская. Каждый вновь поступающій студентъ получаетъ приглашеніе поступить въ которую-нибудь изъ нихъ, съ обязанностью исполнять правила корпораціи. Онъ въ теченіи двухъ первыхъ семестровъ считается фуксомъ, значеніе котораго всего лучше характеризуется прежде употреблявшейся поговоркой, что фуксъ ist ein Stück Fleisch ohne Sinn und Verstand. На этомъ основаніи всякій старшій буршъ имѣетъ право учить его уму-разуму, т. е. дѣлать съ нимъ почти

все, что ему угодно; а въ былое время фуксы состояли даже на посылкахъ. Фуксъ *непремѣнно* долженъ посѣщать Fechtboden (фехтовальную залу), чтобы имѣть возможность за первую обиду искать удовлетворенія путемъ дуэли. Отказавшійся отъ вызова считается опозореннымъ, а потому неудивительно, что дуэли бываютъ часто. Здѣсь даже вызываютъ на дуэль, чтобъ отдѣлаться отъ излишней навязчивости пьянаго. Du bist gefordert, говоритъ трезвый. Schön, отвѣчаетъ пьяный— и на слѣдующій день объясненіе»...

«Корпораціи до такой степени разъединили здѣшнихъ студентовъ между собой, дотого увлекли ихъ своими интересами, что при здѣшнемъ университетѣ нѣтъ ничего, что существуетъ теперь при каждомъ русскомъ университетѣ: ни общей кассы, ни воскресныхъ школъ, ни дароваго приготовленія въ студенты или въ гимназію, ни общей читальной комнаты, ничего подобнаго.

«Притомъ онѣ ввели въ ходъ самыя странныя понятія — даже собственное достоинство, благодаря имъ, понимается, подъ-часъ, какъ-то *особенно*. Убѣжать отъ педеля, когда онъ хочетъ за что-нибудь цитировать къ проректору, расчитывая на неизвѣстность своей фамиліи, — не считается безчестнымъ. Мнѣ приходилось быть свидѣтелемъ того, какъ сдѣлавшіе какой-нибудь проступокъ отвѣчали на всѣ допросы просто отрицаніемъ факта, — даже находились господа, которые рѣшались на фальшивое свидѣтельство, чтобы подтвердить отрицаніе товарища.

«Кромѣ небольшаго числа Нѣмцевъ, постоянно протестовали противъ корпорацій студенты-Поляки. Имъ наконецъ удалось достигнуть того, что ихъ послѣ безчисленныхъ споровъ оставили въ покоѣ, даже дозволили имъ въ случаѣ столкновеній выбирать для дуэлей пистолеты, т. е. уступили имъ въ главномъ, уничтожили возможность дуэли, такъ какъ Нѣмцы не охотники до пистолетовъ.

«Менѣе счастливы были Русскіе. Они заразились нѣмецкимъ духомъ и вмѣсто протеста создали свою корпорацію—рутенію съ цвѣтами, коммершами, дуэлями и проч. Она существовала, если не ошибаюсь, до 1856 года. Со времени ея распаденія начались постоянныя распри между Русскими и Нѣмцами. Дѣло доходило до того, что всѣ корпораціи осаждали одного Русскаго въ его квартирѣ, съ намѣреніемъ его побить. Говорятъ, онъ былъ въ-самомъ-дѣлѣ не правъ, зато другой, ни въ чемъ невиноватый, поплатился страшно: его избили

очень больно. Нравы, какъ видно, не отличались (4 года тому назадъ!) особенною нѣжностію.

«Теперь въ Дерптѣ около 15 русскихъ студентовъ, но они уже отрѣшились отъ мысли учредить корпорацію. Напротивъ того, они потребовали, подобно Полякамъ, чтобы имъ позволили жить какъ имъ хочется. Но не легко рѣшаются корпораціонеры на уступки: прошло 10 мѣсяцевъ, а корпораціи все еще не дали положительнаго отвѣта; хорошо впрочемъ и то, что пока еще ихъ не отлучили. Они завели кассу, а главное, положили начало русской библіотекѣ. До сихъ поръ въ Дерптѣ почти не было возможности достать нетолько русскій журналъ, но даже что-нибудь изъ нашихъ лучшихъ авторовъ. Правда, въ здѣшней студенческой муссѣ получаются, какъ слышно, *Русскій Вѣстникъ* и *Русскій Инвалидъ*, но, во-первыхъ, чтобы быть членомъ клуба, нужно платить по 5 р. въ годъ, а во-вторыхъ, нельзя быть при этомъ отлученнымъ или кандидатомъ въ оные. Есть еще здѣсь небольшое общество, выписывающее на собираемую сумму (по 5 р. съ члена) 5 журналовъ, но тамъ довольно трудно дождаться очереди. Русскіе студенты собрали около 50 р. Сумма ничтожная, но благодаря тому, что редакціи *Времени*, *Русской Рѣчи*, *Московскихъ Вѣдомостей* и *Отечественныхъ Записокъ* выслали свои изданія даромъ, а *Русское Слово*, *Искра* и *Современникъ* уступили часть подписной цѣны, они нетолько получаютъ 7 журналовъ, но надѣются къ концу года выписать нѣсколько хорошихъ сочиненій на русскомъ языкѣ. Важнѣе всего, что они рѣшились сдѣлать свою библіотеку общедоступной: книгами можетъ пользоваться всякій, хотя бы и не студентъ, платя кто что можетъ. Другой дѣятельности не замѣтно. Говорятъ, впрочемъ, что къ зимѣ здѣсь откроется русская воскресная школа. Да кромѣ того нѣкоторые изъ русскихъ студентовъ занимаются въ безплатной будничной школѣ для дѣвочекъ».

Я думалъ уже кончить свой листокъ, какъ снова приходится взяться за перо.

Мнѣ случилось на этихъ дняхъ узнать одну преоригинальную спекуляцію, гдѣ безсовѣстность и дерзость доведены до своеобразной геніальности: вѣдь геніальность, говорятъ, есть смѣлость въ высшей степени.

Запутанное и сложное дѣло этой продѣлки коммерческаго генія постараюсь разсказать короче. Къ одному редактору *толстаго* журнала, располагающаго большими денежными средствами, является, года

два тому назадъ, *коммерческій геній* и убѣждаетъ перваго дать ему на обзаведеніе типографіи 25,000 р. сер.

— Вы, говоритъ, дайте мнѣ 25,000 р. сер. и печатайте въ моей типографіи, въ счетъ моего долга, свой журналъ, по дешевой цѣнѣ. Для васъ это выгодно, а мнѣ даетъ возможность менѣе чѣмъ въ пять лѣтъ выплатить долгъ свой...

Редакторъ согласился на предложеніе, не предполагая, что спекуляторъ, взявъ у него деньги, будетъ пѣть ему:

Ужъ я золото хороню, да хороню...

Дѣйствительно, дѣло сначала будто бы и пошло... На чужія деньги была заведена типографія, машины выписаны изъ-за границы, словолитня открыта... Однимъ словомъ, — помѣщеніе отличное и типографія великолѣпная. По условію, журналъ печатался въ счетъ долга, тамъ же...

Но вдругъ нашъ коммерческій геній началъ запутываться въ своихъ дѣлахъ: долги росли кругомъ, кредитъ былъ потерянъ и въ конторкѣ только остался одинъ запахъ потраченнаго капитала. Работники, не получая долго денегъ за работу, начали оставлять типографію, портили шрифтъ и грозили растащить по винтамъ всѣ машины. Разумѣется, при такомъ ходѣ вещей журналъ печатался неаккуратно; наконецъ работа совершенно была прекращена и печатаніе ежемѣсячнаго изданія должны были перенести въ другую типографію.

Что было дѣлать обманутому заимодавцу съ коммерческимъ геніемъ? Но коммерческій геній не потерялся (на то онъ и геній) и сдѣлалъ редактору предложеніе — взять опустѣвшую типографію въ залогъ невыплаченнаго капитала.

Дѣлать было нечего — и залогъ былъ принятъ. Но хозяинъ чужой типографіи пошелъ еще дальше, и съ довѣренными лицами совершилъ такую сдѣлку: отдалъ имъ типографію на аренду съ тѣмъ, чтобы за это ежегодно изъ его долга вычитать 4,200 р. сер.

Когда отсутствовавшій редакторъ-издатель возвратился изъ-за границы, то нашелъ дѣло въ такомъ положеніи:

1) *Типографія, заведенная на его же собственныя деньги, находится у него и въ залогѣ и въ арендѣ.*

2) *Аренда, не принося никакого дохода, (она стоитъ запертой и не имѣетъ никакихъ работъ) приноситъ одинъ убытокъ, потому что требуетъ присмотра и большаго помѣщенія.*

3) *Вмѣсто ежегоднаго дохода съ аренды и полученія процентовъ съ своихъ 25,000 р. с. онъ еще за аренду обязанъ каждый годъ изъ этой суммы вычитать по 4,200 р. с.*

Общій выводъ тотъ, что заимодавецъ чрезъ нѣсколько лѣтъ (3 года) нетолько не получаетъ свои 25 тысячъ, но, лишаясь этихъ денегъ, по условіямъ аренды, лишается даже типографіи, которую *коммерческій геній* имѣетъ полное право взять назадъ, когда по контракту не будетъ болѣе состоять должникомъ.

— Дѣло, кажется, чистое, благородное! думаетъ *коммерческій геній*, совершивъ свой подвигъ.

— Совершенно благородное! Не такъ ли, господа?

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 31.

(Іюль 1861 года).

Матчъ Колиша съ Андерсеномъ.—Три партіи этого матча. — Одна изъ десяти партій, игранныхъ Колишемъ одновременно противъ разныхъ членовъ ливерпульскаго клуба.—Двѣ игры Зуле съ Гиршфельдомъ.—Руководство къ изученію шахматной игры, соч. кн. С. Урусова (статья 16-я и послѣдняя). — Рѣшеніе задачъ. — Задачи. — Корреспонденція.

На дняхъ получено изъ Лондона важное шахматное извѣстіе: между Андерсеномъ и Колишемъ разыгранъ матчъ; побѣда осталась за Андерсеномъ. Неторопитесь впрочемъ выводить изъ этого факта невыгодное для Колиша заключеніе; условія и результатъ матча—какъ мы сейчасъ увидимъ,—таковы, что вопросъ объ относительной силѣ обоихъ состязателей остается нерѣшеннымъ.

Замѣтимъ сперва, что Колишъ уже не въ первый разъ состязается съ Андерсеномъ; прошлой зимой, когда послѣдній пріѣзжалъ на нѣкоторое время въ Парижъ, они довольно часто играли то въ домѣ графа Кушелева-Безбородко, то въ Café de la Régence, и перевѣсъ былъ на сторонѣ венгерскаго игрока. Правда, тогдашнія ихъ партіи не имѣли никакой оффиціальности (Андерсенъ упорно отказывался отъ серьезнаго состязанія), но все-же онѣ обнаружили,

что Колишъ ни въ какомъ случаѣ не уступаетъ, по крайнѣй мѣрѣ, въ искусствѣ своему знаменитому противнику. Теперь, по случаю назначеннаго въ Бристолѣ конгресса британской шахматной ассоціаціи,—о которомъ мы говорили подробно въ прошломъ Листкѣ, — Андерсенъ находится въ Англіи и тутъ, стараніями членовъ Лондонскаго клуба, устроенъ былъ помянутый матчъ. Такъ какъ время до конгресса оставалось уже немного, то и постановлено, что участь борьбы рѣшается четырьмя выигранными партіями. Бой начался 30-го Іюля н. с. Недѣлю спустя онъ былъ уже оконченъ: Андерсенъ выигралъ четыре партіи, Колишъ три, ничьихъ двѣ. И такъ, побѣдитель считаетъ за собою только одну лишнюю партію, но если бы даже онъ выигралъ всѣ четыре, то и это, какъ справедливо замѣчаетъ Стаунтонъ, не служило бы еще доказательствомъ рѣшительнаго превосходства его надъ противникомъ. Очевидно, что вопросъ объ относительной силѣ такихъ игроковъ какъ Андерсенъ и Колишъ, не можетъ быть рѣшенъ матчемъ въ четыре партіи. Изъ игоръ этого матча мы имѣемъ пока еще только три: первую, третью и четвертую.

ПАРТІЯ № 195.

СИЦИЛІЯНСКІЙ ДЕБЮТЪ.

(Первая игра матча).

	Колишъ. (Бѣлые).	Андерсенъ. (Черные).			
1)	e2 — e4	c7 — c5	9)	0 — 0	f8 — d6
2)	g1 — f3	e7 — e6	10)	d1 — f3 (1)	0 — 0
3)	d2 — d4	c5 — d4°	11)	b1 — c3	c6 — e5
4)	f3 — d4°	g8 — f6	12)	f3 — e2	a7 — a6
5)	f1 — d3	b8 — c6	13)	a1 — d1	f8 — e8
6)	c1 — e3	d7 — d5	14)	d3 — f5	c8 — d7
7)	e4 — d5°	e6 — d5°	15)	f5 — d7°	d8 — d7°
8)	h2 — h3	h7 — h6	16)	d4 — f3	a8 — d8 (2)

17)	g1 — h1 (3)	d6 — b8 (4)	32)	h3 — h4	b8 — f4
18)	f3 — e5°	e8 — e5°	33)	e3 — b3	d5 — d7
19)	f2 — f4	e5 — e8	34)	h4 — g5°	f4 — g5°
20)	e2 — d3	d7 — d6	35)	f2 — h2	e8 — g8
21)	e3 — d4	f6 — e4	36)	g4 — e4°	f7 — f6° (9)
22)	c3 — e4°	d5 — e4°	37)	b3 — d3 (10)	f6 — g6
23)	d3 — g3	d6 — f8	38)	h2 — g2	d7 — c6
24)	g3 — e3 (5)	f7 — f5	39)	e4 — g4	g8 — e8
25)	f1 — g1 (6)	d8 — d7	40)	h1 — g1	e8 — e1 +
26)	d1 — f1	d7 — f7	41)	g1 — f2	e1 — h1
27)	g2 — g4	f5 — g4°	42)	d3 — e4 (11)	c6 — e4°
28)	g1 — g4°	g7 — g5 (7)	43)	g4 — e4°	g5 — h4 +
29)	f4 — f5	g8 — h7 (8)	44)	e4 — h4°	g6 — g2° +
30)	f5 — f6	f8 — d6	45)	f2 — g2°	h1 — h4°
31)	f1 — f2	d6 — d5		и бѣлые сдаются.	

Примѣчанія къ партіи № 195.

(1) Кажется не совсѣмъ основательно: ферезь легко можетъ быть принужденъ къ отступленію.

(2) До сихъ поръ игра не представляетъ особенно интересныхъ комбинацій, но въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи она становится чрезвычайно занимательна.

(3) Брать ферзеву пѣшку конемъ повело бы къ потерѣ ладьи за мелкаго офицера, а именно: 17. $\frac{c3 - d5°}{f6 - d5°}$ 18. $\frac{d1 - d5°}{e5 - f3° +}$ 19. $\frac{e2 - f3°}{d6 - h2 +}$ 20. $\frac{g1 - h2°}{d7 - d5°}$.

(4) Этотъ ходъ очень важенъ; его непосредственная цѣль — защита ферзевой пѣшки, которая теперь, послѣ того какъ бѣлый король занялъ клѣтку бѣлаго цвѣта, можетъ быть взята безопасно.

(5) Угрожая завоевать ладью за слона посредствомъ d4 — c5

(6) Приготовленіе къ смѣлой, хорошо задуманной атакѣ на непріятельскаго короля.

(7) Смѣлый и неожиданный ходъ.

(8) Брать пѣшку f5 ладьею было бы нехорошо по причинѣ 30. $\frac{e3 - b3 +}{}$.

(9) Тонкій и совершенно вѣрно расчитанный ходъ.

(10) Брать ладью невозможно: черные дадутъ шахъ ферземъ на d1, вынуждая бѣлаго короля отступить на g2; за тѣмъ шахъ на вскрышу и партія бѣлыхъ проиграна.

(11) Вслѣдствіе этого хода бѣлые теряютъ ладью за слона.

ПАРТІЯ № 196.

СИЦИЛІЯНСКІЙ ДЕБЮТЪ.

(Третья игра матча).

	Колишъ. (Бѣлые.)	Андерсенъ. (Черные.)			
1)	e2 — e4	c7 — c5	12)	a1 — d1	d6 — c7
2)	g1 — f3	e7 — e6	13)	f1 — e1 (1)	d8 — d6
3)	d2 — d4	c5 — d4°	14)	d4 — f3	a7 — a6 (2)
4)	f3 — d4°	g8 — f6	15)	e3 — h6°	e8 — e1° +
5)	f1 — d3	b8 — c6	16)	d1 — e1°	g7 — h6°
6)	c1 — e3	d7 — d5	17)	d2 — h6°	f6 — e4
7)	e4 — d5°	e6 — d5°	18)	h6 — h5	f7 — f5 (3)
8)	0 — 0	f8 — d6	19)	c3 — d5° (4)	d6 — d5°
9)	h2 — h3	h7 — h6	20)	d3 — e4°	d5 — d7
10)	b1 — c3	0 — 0	21)	e4 — d5 +	g8 — g7 (5)
11)	d1 — d2	f8 — e8	22)	h5 — g5 +	и черные сдаются.

Примѣчанія къ партіи № 196.

(1) Дебютъ игранъ съ обѣихъ сторонъ чрезвычайно внимательно. Въ настоящій моментъ бѣлые могли бы пріобрѣсти сильную, но рискованную атаку, еслибъ вмѣсто чѣмъ играть ладью, помѣнялись конями, а затѣмъ взяли пѣшку королевской ладьи слономъ.

(2) Не лучше ли бы было двинуть ферзеву пѣшку на d4?

(3) Теперь чернымъ нѣтъ спасенья. Вмѣсто настоящаго хода лучше всего было бы играть c8 — e6; но и тутъ игра ихъ была бы крайне затруднительна.

(4) Очень хорошо.

(5) Брать слона столь же гибельно: матъ не позже трехъ ходовъ.

ПАРТІЯ № 197.

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

(Четвертая игра матча).

	Андерсенъ. (Бѣлые).	Колишъ. (Черные).			
1)	f2 — f4	e7 — e6	17)	b1 — d2	e6 — e5
2)	g1 — f3	d7 — d5	18)	g2 — g3	d5 — d4 [2]
3)	e2 — e3	c7 — c5	19)	f4 — e5°	d7 — e5°
4)	f1 — b5 +	b8 — c6	20)	f3 — e5°	d6 — e5°
5)	b5 — c6° +	b7 — c6°	21)	d2 — f3	e5 — f6
6)	c2 — c4	c8 — a6	22)	e3 — d4°	c5 — d4°
7)	b1 — a3	f8 — d6	23)	b2 — d4°	f6 — d4°
8)	0 — 0	g8 — f6	24)	f3 — d4°	c6 — c5
9)	b2 — b3	0 — 0	25)	e1 — e8°	f8 — e8°
10)	c1 — b2 [1]	f6 — e8	26)	d4 — f5°	a6 — b7
11)	d1 — c2	f7 — f5	27)	c2 — f2 [3]	h7 — h6
12)	a1 — e1	e8 — f6	28)	d3 — d4	c5 — d4°
13)	a3 — b1	d8 — a5	29)	f2 — d4°	e8 — e2
14)	b2 — c3	a5 — c7	30)	f5 — h6° +	g8 — h7
15)	d2 — d3	a8 — e8	31)	f1 — f7	и бѣлые выигрываютъ.
16)	c3 — b2	f6 — d7			

Примѣчанія къ партіи 197.

(1) Въ играхъ спертыхъ этотъ ходъ очень важенъ; настоящая партія служитъ хорошимъ тому поясненіемъ.

(2) Жертва пѣшки не совсѣмъ основательна, но Колишу надоѣла кажется оборонительная тактика и онъ рѣшается во что бы то ни стало развернуть игру.

(3) Неотразимо! Если черные сдѣлаютъ теперь тотъ ходъ, на который они расчитывали играя слона на b7, т. е. 27. c7 — c6, то бѣлые отвѣтятъ 28. f5 — c7+ и матъ въ два хода.

ПАРТІЯ № 198.

ЗАЩИТА ДВУМЯ КОНЯМИ.

	Колишъ. (Бѣлые).	Стилль. (Черные).
1)	e2 — e4	e7 — e5
2)	g1 — f3	b8 — c6
3)	f1 — c4	g8 — f6
4)	d2 — d4	e5 — d4°
5)	0 — 0	f8 — c5 (1)
6)	e4 — e5	d7 — d5
7)	e5 — f6°	d5 — c4°
8)	f1 — e1 +	c8 — e6 (2)
9)	f3 — g5	d8 — d5 (3)
10)	b1 — c3	d5 — f5
11)	g2 — g4	f5 — g6 (4)
12)	g5 — e6°	f7 — e6°
13)	e1 — e6° +	e8 — f7
14)	c3 — d5	c5 — d6
15)	f6 — g7°	f7 — e6°
16)	g7 — h8° Ф.	a8 — h8°
17)	d5 — f4 +	d6 — f4°
18)	c1 — f4°	e6 — d7
19)	f4 — g3	d7 — c8
20)	b2 — b3	c4 — b3°
21)	a2 — b3°	h7 — h5
22)	g4 — h5°	h8 — h5°
23)	d1 — f3	h5 — h8
24)	f3 — f4	g6 — h7
25)	b3 — b4	c6 — b4°
26)	a1 — a7°	c8 — b8
27)	a7 — a4	b4 — c6
28)	f4 — c1	b7 — b6
29)	c1 — b1	b8 — c8
30)	b1 — b5	c6 — b8
31)	a4 — c4	h8 — g8
32)	b5 — b6°	g8 — g7
33)	b6 — e6 +	c8 — d8
34)	e6 — f6 +	d8 — c8
35)	f6 — f8 +	и бѣлые выигрываютъ.

Примѣчанія къ партіи № 198.

(1) Такое точно положеніе получается изъ одного весьма обыкновеннаго варіянта шотландскаго гамбита, а именно: 1 $\frac{e2-e4}{e7-e5}$ 2 $\frac{g1-f3}{b8-c6}$ 3 $\frac{d2-d4}{e5-d4°}$ 4 $\frac{f1-c4}{f8-c5}$ 5 $\frac{0-0}{g8-f6}$, тоже и въ giuoco piano при 4 $\frac{0-0}{}$ 5 $\frac{d2-d4}{}$.

(2) Дурно съиграно; слѣдуетъ уходить королемъ на f8, какъ мы уже не разъ имѣли случай замѣчать.

(3) Брать пѣшку вело къ потерѣ офицера, а именно: 9 $\frac{}{d8-f6°}$ 10 $\frac{g5-e6°}{f7-e6°}$ 11 $\frac{d1-h5}{}$ и за тѣмъ беретъ слона. Но и при настоящемъ ходѣ чернымъ трудно обороняться.

(4) Брать пѣшку и въ этотъ разъ было бы опасно: 11 $\frac{}{f5-f6}$ 12 $\frac{c5-d5}{f6-d8}$ 13 $\frac{e1-e6+}{}$ и т. д.

ПАРТІЯ № 199.

ЗАЩИТА ДВУМЯ КОНЯМИ.

(Играна въ Берлинѣ въ февралѣ 1860 г.)

	Гиршфельдъ. (Бѣлые).	Зуле. (Черные).			
1)	e2 — e4	e7 — e5	27)	a1 — f1	e6 — g5
2)	g1 — f3	b8 — c6	28)	c4 — d3	g7 — e6
3)	f1 — c4	g8 — f6	29)	h2 — f3	g5 — f3°
4)	d2 — d3	f8 — c5	30)	f1 — f3°	e6 — g5
5)	c2 — c3	d7 — d6	31)	h4 — g5°	h6 — g5°
6)	0 — 0	0 — 0	32)	f3 — h3+	h7 — g7
7)	b2 — b4	c5 — b6	33)	g1 — g3	f8 — h8
8)	a2 — a4	a7 — a6	34)	c2 — g2	a8 — c8
9)	c1 — g5	h7 — h6	35)	h3 — h8°	c8 — h8°+
10)	g5 — h4	c8 — g4	36)	g3 — h3	h8 — h3°+
11)	h2 — h3	g4 — h5	37)	g2 — h3°	d7 — e6
12)	b1 — d2	g7 — g5	38)	h3 — g2 (2)	e6 — b3
13)	h4 — g3	d8 — d7	39)	g2 — c2	b3 — c2°
14)	d1 — c2	g5 — g4	40)	d3 — c2°	d6 — d5
15)	h3 — g4°	d7 — g4°	41)	h1 — g2	g6 — e4°+
16)	g1 — h1	g8 — h8	42)	c2 — e4°	d5 — e4°
17)	f1 — g1	h5 — g6	43)	d4 — e5°	f6 — e5°
18)	f3 — h2	g4 — d7	44)	a4 — a5	c6 — c5 (3)
19)	d2 — f1	f6 — h5	45)	g2 — f2	g7 — f7
20)	g3 — h4	f7 — f6	46)	f2 — e2	f7 — e6
21)	c2 — d2	h8 — h7	47)	c3 — c4	c5 — b4°
22)	f1 — e3	b6 — e3°	48)	e2 — d2	e6 — d6
23)	f2 — e3° (1)	c6 — d8	49)	d2 — c2	d6 — c5
24)	d2 — c2	c7 — c6	50)	c2 — b3	b7 — b5
25)	g2 — g4	h5 — g7	51)	a5 — b6° (на проходъ)	c5 — b6°
26)	d3 — d4	d8 — e6		и черные выигрываютъ.	

Примѣчанія къ партіи № 199.

(1) Лучше было бы брать слона ферземъ.

(2) Играя вмѣсто этого c3 — c4, бѣлые могли бы еще, быть можетъ, защитить партію.

(3) Превосходно сънграно; если бѣлые возьмутъ пѣшку, то непремѣнно проиграютъ.

ПАРТІЯ № 200.

КОНТРЪ-ГАМБИТЪ ФИЛИДОРА.

(Играна въ Берлинѣ въ февралѣ 1860 г.)

Гиршфельдъ. (Бѣлые).	Зуле. (Черные).		
1) e2 — e4	e7 — e5	13) f1 — f8°+	g8 — f8°
2) g1 — f3	d7 — d6	14) c4 — d5	c7 — c6
3) d2 — d4	f7 — f5	15) d1 — f3 +	e7 — f6
4) d4 — e5°	f5 — e4°	16) g5 — h7°+	f8 — e7
5) f3 — g5	d6 — d5	17) c1 — h6°	c6 — d5°
6) e5 — e6	g8 — h6	18) h7 — f6°	g7 — f6°
7) f2 — f3	f8 — c7	19) f3 — c3	a7 — a5
8) f3 — e4°	0 — 0 (1)	20) a2 — a3	b4 — a6
9) d1 — d5°	d8 — e8(2)	21) e4 — d5°	e8 — g6
10) f1 — c4	b8 — c6	22) c3 — d2	c8 — e6°
11) h1 — f1	c6 — b4	23) d5 — e6°	g6 — e4 +
12) d5 — d1	b7 — b5	24) e1 — f1	и черные сдаются.

Примѣчанія къ партіи № 200.

(1) Эта защита употреблена была въ первый разъ г. Францемъ противъ фонъ-деръ-Лаза. Послѣдній отвѣчалъ: 10 h2 — h1 и черные пріобрѣли очень сильную контръ-атаку. Брать пѣшку ферземъ, какъ это сънграно въ настоящей партіи, кажется основательнѣе.

(2) Здѣсь заслуживаетъ также вниманія ходъ 9 d8 — d5; вотъ нѣсколько составленныхъ г—мъ Ланге варіантовъ:

9) . . . . d8 — d5°
10) e4 — d5° f8 — f5
11) f1 — c4 e7 — g5°
12) c1 — g5° f5 — g5°
33) 0 — 0 h6 — f5

На g5 — f5 бѣлые также отвѣчаютъ b1 — c3.

14) b1 — c3 f5 — d6
15) a1 — e1

Въ случаѣ 15 $\frac{e6 - e7}{}$ черные съ выгодой могутъ съиграть слона на f5.

15) . . . . . c7 — c6
16) e6 — e7 и бѣлые выигрываютъ.

Или

15) . . . . . c8 — d7
16) c3 — e4 d6 — e4°
17) e1 — e4° b7 — b5
18) e4 — f4 b8 — a6
19) c6 — d7° и выигрываютъ.

Также и при другихъ варіянтахъ бѣлые одерживаютъ верхъ.

(3) Очевидно, что заслоняться ферземъ было бы дурно, ибо черные дадутъ шахъ ферземъ на h4 и возьмутъ даромъ слона.

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ШАХМАТНОЙ ИГРЫ.

СОЧ. КН. С. УРУСОВА.

(СТАТЬЯ 16-я)

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

НАЧАЛА ИГОРЪ.

ДЕБЮТЪ IX.

Русская защита противъ выхода коня.

$$1.\ \frac{\text{E2} - \text{E4}}{\text{E7} - \text{E5}}\quad 2.\ \frac{\text{G1} - \text{F3}}{\text{G8} - \text{F6}}$$

Эта защита хороша тѣмъ, что угражаетъ контръ-атакой d7 — d5 и, на e4 — d5°, e5 — e4; поэтому всѣмъ другимъ атакамъ въ 3-й ходъ мы предпочитаемъ центральный гамбитъ 3. d2 — d4.

3) . . . . . e5 — d4°

Или $3.\ \frac{\quad}{\text{f6} - \text{e4°}}\ 4.\ \frac{\text{f1} - \text{d3}}{\text{d7} - \text{d5}}\ 5.\ \frac{\text{d4} - \text{e5°}}{\text{b8} - \text{c6}}\ 6.\ \frac{0 - 0}{\text{f8} - \text{c5}}\ 7.\ \frac{\text{c2} - \text{c4}}{\text{c8} - \text{e6}}\ 8.\ \frac{\text{d1} - \text{e2}}{\quad}$

4) e4 — e5 f6 — e4

5) d1 — e2 e4 — c5

6) f3 — d4° c5 — e6

7) d4 — f5 и бѣлые выигрываютъ.

Вторая атака.

3) f1 — c4   d7 — d6 (см. Перем.)
4) d2 — d4   e5 — d4°

Если f3 — g5, то d6 — d5 и h7 — h6.

5)	0 — 0	f8 — e7	11)	g2 — f3°	g4 — e5
6)	d1 — d4°	0 — 0	12)	f4 — g3	c8 — e6
7)	c1 — f4	b8 — c6	13)	f3 — f4	e6 — b3°
8)	d4 — e3	f6 — g4	14)	a2 — b3°	e5 — c6
9)	e3 — e2	c6 — e5	15)	f4 — f5 и бѣлые вы-	
10)	c4 — b3	e5 — f3° +		игрываютъ.	

Перемѣна на 3-й ходъ.

3) . . . .   f6 — e4°
4) b1 — c3   e4 — c3°

Эта атака Кіезерицкаго даетъ рѣшительный перевѣсъ бѣлымъ. Если 4. $\frac{e4 - f6^{\circ}}{\quad}$, то 5. $\frac{f3 - e5^{\circ}}{d7 - d5}$ 6. $\frac{d1 - e2}{c8 - e6}$ 7. $\frac{f2 - f4}{f8 - e7}$ 8. $\frac{f4 - f5}{e6 - f5^{\circ}}$ 9. $\frac{0 - 0}{\quad}$; а если e4 — c5, то f3 — e5° и f2 — f4; если наконецъ e4 — d6, то $\frac{c4 - b3}{e5 - e4}$ 6. $\frac{d1 - e2}{f7 - f5}$ 7. $\frac{d2 - d3}{d8 - e7}$ 8. $\frac{c3 - d5}{\quad}$.

5)	d2 — c3°	f8 — e7	11)	c1 — g5	d6 — d5
6)	f3 — e5°	0 — 0	12)	c4 — d3	g7 — g6
7)	0 — 0	d7 — d6	13)	d3 — g6°	h7 — g6°
8)	e5 — f7°	f8 — f7°	14)	h5 — g6° +	g8 — h8
9)	d1 — h5	d8 — e8	15)	g5 — f6 + и бѣлые	
10)	f1 — e1	c7 — c6		выигрываютъ.	

Третья атака.

3)	f3 — e5° (слабо)	d7 — d6	11)	b2 — c3°	c7 — c5
4)	e5 — f3	f6 — e4°	12)	c3 — c4	d5 — f3°
5)	d2 — d4	d6 — d5	13)	d1 — f3°	c5 — d4°
6)	f1 — d3	f8 — e7	14)	f3 — b7°	b8 — d7
7)	0 — 0	0 — 0	15)	f1 — e1	e7 — f6
8)	c2 — c4	c8 — e6	16)	b7 — e4	g7 — g6
9)	c4 — d5°	e6 — d5°	17)	c1 — h6	d7 — c5
10)	b1 — c3°	e4 — c3°		игра равна.	

ДЕБЮТЪ X.

Кондръ Гамбитъ-Филодора.

$$1.\ \frac{E2-E4}{E7-E5}\quad 2.\ \frac{G1-F3}{D7-D6}\quad 3.\ \frac{D2-D4}{F7-F5}$$

Эта защита обратится въ предыдущую, если вмѣсто f7 — f5 съиграть e5 — d4°: 4. $\frac{f1-c4}{g8-f6}$ 5. $\frac{0-0}{\quad}$, и т. д.

Точно также если 3. f1 — c4, игра обратится въ предыдущую ходомъ g8 — f6.

4)	d4 — e5°	f5 — e4°
5)	f3 — g5	d6 — d5
6)	e5 — e6	g8 — h6

Если f8 — c5, то g5 — e4°; а если d8 — f6, то d1 — d5°.

7)	b1 — c3	c7 — c6
8)	g5 — e4°	d5 — e4°
9)	d1 — h5 +	g7 — g6
10)	h5 — e5	h8 — g8
11)	c1 — g5	d8 — b6

Если f8 — g7, то e6 — e7; если f8 — d6, то 0 — 0 — 0; если h6 — g4, то e5 — f4; если f8 — e7 берутъ коня.

12)	0 — 0 — 0	h6 — g4.

Если h6 — f5, то e5 — f6; если f8 — g7, то e5 — d6.

13) e6 — e7 и выигрываютъ.

ДЕБЮТЪ XI.

Выходъ Королевскаго Слона.

$$1.\ \frac{E2-E4}{E7-E5}\quad 2\ \frac{F1-C4}{\quad}.$$

Первая защита.

2)		f8 — c5

Можно обратить этотъ дебютъ въ одинъ изъ предыдущихъ, съигравъ 2. $\frac{\quad}{b8-c6}$ 3. $\frac{g1-f3}{g8-f6}$, или 2. $\frac{\quad}{d7-d6}$ 3. $\frac{g1-f3}{g8-f6}$.

3)	b2 — b4	c5 — b4°

Можно атаковать и c2 — c3: 3. $\frac{\quad}{d8 - g5}$ 4. $\frac{d2 - d4}{g5 - g2^{\circ}}$ 5. $\frac{d1 - f3}{2g - f3}$ 6. $\frac{g1 - f3^{\circ}}{e5 - d4^{\circ}}$ 7. $\frac{c5 - d4^{\circ}}{c5 - b4 +}$ 8. $\frac{e1 - e2}{\quad}$.

Или 3. $\frac{d1 - e2}{g8 - f6}$ 4. $\frac{f2 - f4}{d7 - d5}$ и т. д.

Но фланговую атаку мы предпочитаемъ всѣмъ другимъ.

4) c2 — c3 b4 — c5

Если 4. f2 — f4, то d7 — d5.

Отходить на a5 нехорошо, ибо тогда: 5. $\frac{d2 - d4}{e5 - d4^{\circ}}$ 6. $\frac{d1 - h5}{d8 - e7}$ 7. $\frac{h5 - a5^{\circ}}{e7 - e4^{\circ} +}$ 8. $\frac{e1 - f1}{\quad}$.

5) d2 — d4 e5 — d4°
6) c3 — d4° c5 — b6
7) c1 — b2 g8 — f6

Или: d7 — d6 8. $\frac{b1 - d2}{g8 - f6}$ 9. $\frac{g1 - e2}{0 - 0}$ 10. $\frac{c4 - d5}{d6 - d5}$ 11. $\frac{e4 - e5}{f6 - e1}$ 12. $\frac{b2 - a3}{\quad}$.

8. $\frac{e4 - e5}{d7 - d5}$ 9. $\frac{e5 - f6^{\circ}}{d5 - c4}$ 10. $\frac{f6 - g7^{\circ}}{h8 - g8}$ 11. d4 — d5 и бѣлые выигрываютъ.

Вторая защита.

2) . . . . . c7 — c6
3) d2 — d4 g8 — f6
4) d4 — e5° d8 — a5+
5) c2 — c3 a5 — e5°
6) c4 — d3 d7 — d5

Если f6 — e4°, то d1 — e2 и выиграютъ офицера.

7) f2 — f4 e5 — c7
8) e4 — e5 f6 — e4
9) d3 — e4° а потомъ 10. $\frac{d1 - e2}{\quad}$ и выиграютъ.

Третья защита.

2) . . . . . g8 — f6
3) d2 — d4 f6 — e4°

Послѣдствія взятія пѣшки d4 изложены въ *Двойномъ центральномъ Гамбитѣ*. Что же касается до атаки 3. g1 — f3, то она разобрана въ Дебютѣ 2. g1 — f3 и 3. f1—c4.

4) d4 — e5° e4 — c5
5) c1 — e3 c5 — e6
6) f2 — f4 и бѣлые выигрываютъ.

Дебютъ XII.

$$1.\ \frac{E2 - E4}{E7 - E5}\ 2.\ \frac{D2 - D4}{}$$

Этотъ дебютъ извѣстенъ подъ названіемъ Центральнаго Гамбита; мы считаемъ эту атаку и 2. g1 — f3 сильнѣйшими.

2) . . . . . e5 — d4°

Атака конемъ.

3) g1 — f3 c7 — c5

Всего лучше d7 — d5 : 4. $\frac{d1 - d4^\circ}{c8 - e6}$ 5. $\frac{f3 - g5}{b8 - c6}$ 6. $\frac{f1 - b5}{d8 - d7}$ игра равна. Но если 3. $\frac{}{f8 - b4 +}$, то: 4. $\frac{c1 - d2}{b4 - c5}$ 5. $\frac{c2 - c3}{b8 - c6}$ 6. $\frac{f1 - c4}{d7 - d6}$ 7. $\frac{c3 - d4^\circ}{c6 - d4^\circ}$ (c5 — d4° 8. $\frac{f3 - d4^\circ}{c6 - d4^\circ}$ 9. $\frac{d2 - c3}{}$) 8. $\frac{d2 - c3}{}$ и выигрываютъ.

4) c2 — c3 b8 — c6
5) f1 — c4 f7 — f5
6) f3 — g5 g8 — h6

Если c6 — e5, то: 7. $\frac{c4 - d5}{h7 - h6}$ 8. $\frac{f2 - f4}{h6 - g5^\circ}$ 9. $\frac{f4 - e5}{f5 - e4^\circ}$ 10. $\frac{0 - 0}{}$

7) g5 — h7° d8 — h4
8) h7 — g5 f5 — e4°
9) g2 — g3 h4 — g4
10) d1 — g4° h6 — g4°
11) c4 — f7 + и бѣлые выигрываютъ.

Атака слономъ.

3) f1 — c4 f8 — b4 +

Защита g8 — f6 разобрана ниже.

4) c2 — c3 d4 — c3°
5) b2 — c3° d8 — f6
6) c3 — b4° f6 — a1°

Это геніальное пожертвованіе ладьи за слона, даетъ рѣшительный перевѣсъ бѣлымъ; изобрѣтеніе это принадлежитъ итальянцу Дискару.

7) d1 — b3 7) d7 — d5

Еще сильнѣе атака d1 — c2. Защита d7 — d5, изобрѣтена Гейдебрантомъ.

8) c4 — d5° c8 — e6

Или: 8. $\frac{c4 - d5}{d5 - e4^\circ}$ 9. $\frac{c1 - b2}{c8 - e6}$ 10. $\frac{b5 - e6^\circ}{f7 - e6^\circ}$ 11. $\frac{d5 - b5 +}{c7 - c6}$ 12. $\frac{b2 - a1^\circ}{\quad}$

9) d5 — e6° f7 — e6° 13) b1 — c3 g8 — f6
10) g1 — e2 a1 — f6 14) c3 — b5 b8 — a6
11) e2 — f4 e6 — e5 15) e6 — c7° + a6 — e7°
12) f4 — e6 f6 — f7 16) b5 — d6 + и бѣлые выигрываютъ.

Дебютъ XIII.

ДВОЙНОЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГАМБИТЪ.

1. $\frac{\mathbf{E2 - E4}}{\mathbf{E7 - E5}}$ 2. $\frac{\mathbf{D2 - D4}}{\mathbf{E5 - D4^\circ}}$ 3. $\frac{\mathbf{F1 - C4}}{\mathbf{G8 - F6}}$ 4. $\frac{\mathbf{G1 - F3}}{\quad}$

Или: 2. $\frac{f1 - c4}{g8 - f6}$ 3. $\frac{d2 - d4}{e5 - d4^\circ}$ 4. $\frac{g1 - f3}{\quad}$

Или: 2. $\frac{g1 - f3}{g8 - f6}$ 3. $\frac{d2 - d4}{e5 - d4^\circ}$ 4. $\frac{f1 - c4}{\quad}$.

Первая защита.

4) . . . . . f6 — e4°

(Защиту b8 — c6 см. въ Шотландскомъ Гамбитѣ).

5) d1 — d4° e4 — c5

Если e4 — f6, то: 6. $\frac{b1 - c3}{c7 - c6}$ 7. $\frac{c1 - f4}{d7 - d5}$ 8. $\frac{f4 - b8^\circ}{d5 - c4^\circ}$ 9. $\frac{b8 - a7^\circ}{\quad}$; а если 5. e4 — d6, то: 6. $\frac{0 - 0}{d6 - c4^\circ}$ 7. $\frac{f1 - e1 +}{f8 - e7}$ 8. $\frac{d4 - g7^\circ}{h8 - f8}$ 9. $\frac{c1 - h6}{\quad}$ и въ обоихъ случаяхъ бѣлые выигрываютъ.

6) 0 — 0 c5 — e6

Или 6. $\frac{f3 - e5}{c5 - e6}$ 7. $\frac{0 - 0}{e6 - d4^\circ}$ 8. $\frac{c4 - f7^\circ +}{e8 - e7}$ 9. $\frac{c1 - g5}{e7 - d6}$ 10. $\frac{e5 - c4 +}{d6 - c6}$ 11. $\frac{g5 - d8^\circ}{d4 - c2^\circ}$ 12. $\frac{f1 - c1}{c2 - a1^\circ}$ 13. $\frac{c4 - e5 +}{c6 - d6}$ въ 7 ходовъ матъ.

7)	f1 — e1	h8 — c6
8)	d4 — g4	d7 — d5

Если d7 — d6, то c4 — e6° и f3 — g5; если 8. g7 — g6, то 9. $\frac{b1 - c3}{f8 - g7}$ 10. $\frac{c1 - g5}{f7 - f6}$ 11. $\frac{a1 - d1}{\quad}$; если 8. $\frac{\quad}{c6 - e7}$, то: 9. $\frac{c1 - g5}{f7 - f6}$ 10. $\frac{b1 - c3}{f6 - g5}$ 11. $\frac{c4 - e6°}{d7 - e6°}$ 12. $\frac{a1 - d1}{c8 - d7}$ 13. $\frac{f3 - e5}{\quad}$.

9)	e1 — d1	c6 — e7
10)	c4 — d5°	e7 — d5°
11)	c2 — c4	e6 — f4

Если c7 — c6, то b1 — c3.

12) d1 — e1 + и бѣлые выигрываютъ.

Вторая защита.

4)		d7 — d5	11)	g5 — e6°	f7 — e6°
5)	e4 — d5°	f6 — d5°	12)	d1 — h5 +	g7 — g6
6)	0 — 0	f8 — c5	13)	h5 — c5°	d4 — c3°
7)	f1 — e1 +	c8 — e6	14)	c5 — c3°	0 — 0
8)	f3 — g5	d8 — d7	15)	c1 — h6	f8 — f7
9)	c4 — d5°	d7 — d5°	16)	a1 — d1	и бѣлые вы-
10)	b1 — c3	d5 — d7		игрываютъ.	

Третья защита.

4)		d7 — d6
5)	0 — 0	f6 — e4°
6)	f1 — e1	d6 — d5
7)	c4 — d5°	d8 — d5°
8)	b1 — c3 и бѣлые выигрываютъ.	

Четвертая защита.

4)		f8 — c5
5)	0 — 0	b8 — c6
6)	e4 — e5	d7 — d5
7)	e5 — f6°	d5 — c4°
8)	f6 — g7°	h8 — g8
9)	f1 — e1 + и бѣлые выигрываютъ.	

Пятая защита.

4) . . . . . f8 — b4 +
5) c2 — c3 d4 — c3°
6) b2 — c3° b4 — a5

Или: 6. $\frac{0-0}{c3-b2°}$ (f6 — e4° 7. $\frac{f1-e1}{0-0}$ 8. $\frac{e1-e4°}{d7-d5}$ 9. $\frac{54-h5}{}$)
7. $\frac{c1-b2°}{0-0}$ 8. e4 — e5 и e5 — e6.

7) e4 — e5 d7 — d5
8) e5 — f6° d5 — c4°
9) d1 — d8° + e8 — d8°
10) f6 — g7° h8 — g8
11) c1 — g5 + d8 — e8
12) g5 — f6 и бѣлые выигрываютъ.

XIV. ВЫЖИДАТЕЛЬНЫЕ ДЕБЮТЫ.

Выжидательные ходы со стороны начинающаго весьма сильны, въ особенности въ началѣ игры; ибо какую бы атаку ни начали черные, у бѣлыхъ будетъ одинъ ходъ впереди; защиты, которыя были бы слабыми со стороны черныхъ, будутъ хороши со стороны бѣлыхъ. Вотъ какъ велика сила первенства хода!

Напримѣръ, послѣ хода 1 $\frac{e2-e4}{e7-e5}$, можно сыграть c2 — c3, b2 — b3, d2 — d3, a2 — a3, h2 — h3, и потомъ защищаться противъ черныхъ однимъ изъ вышеизложенныхъ способовъ.

Примѣръ 1.

1) e2 — e4 e7 — e5
2) c2 — c3 g8 — f6
3) g1 — f3 f8 — c5
4) f3 — e5° b8 — c6
5) d2 — d4 c6 — e5°
6) d4 — c5° f6 — e4°
7) d1 — d5 и бѣлые выигрываютъ.

Примѣръ 2.

1) e2 — e4 e7 — e5

2) g2 — g3	g8 — f6
3) b1 — c3	f8 — b4
4) f1 — g2 и т. д.	

Или:

3)	d7 — d5
4) e4 — d5°	f6 — d5°
5) f1 — g2	c8 — e6
6) g1 — e2 и т. д.	

Сильнѣйшій же изъ подобныхъ ходовъ, предупреждающій всѣ сильныя атаки черныхъ, есть ходъ 2 $\frac{b1 - c3}{}$.

2) b1 — c3	f8 — b4
3) c3 — d5	b4 — a5
4) b2 — b4	a5 — b6
5) c1 — b2	d7 — d6
6) f2 — f4 и т. д.	

Или:

2)	g8 — f6
3) f2 — f4	e5 — f4°
4) d2 — d4	g7 — g5
5) e4 — e5	f6 — g8
6) f1 — c4 и т. д.	

Или:

2)	b8 — c6
3) f2 — f4	e5 — f4°
4) f1 — c4	d8 — h4 +
5) e1 — f1 и т. д.	

Или:

2)	f8 — c5
3) f2 — f4	d7 — d6
4) g1 — f3	c8 — g4
5) f1 — e2 и т. д.	

РѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ.

№ 74.

1) e1 — g3 f5 — e4 (A) (B)
2) c1 — c2 + c5 — c2°
3) a5 — e5⋈ очевидно, что если черные вторымъ ходомъ не возьмутъ ферзя, а уйдутъ королемъ на d5 или e3, то 3 c2 — d3⋈.

(A.)

1) . . . . . a6 — b4 или c5 — d5 или g6 — g5
2) c1 — e3 какъ угодно.
3) Одинъ изъ коней даетъ матъ на g7.

(B.)

1) . . . . . c5 — a5°
2) c1 — c2 + e5 — e4
3) h5 — g7 ⋈

Есть еще много другихъ варіянтовъ, но читатели легко найдутъ ихъ сами.

№ 75.

1) f1 — h3+ g1 — g4
2) c7 — c5 h8 — g6
3) e8 — g7+ e6 — f6°
4) c5 — g5+ g4 — g5°⋈

№ 76.

1) d1 — b3 c5 — c4
2) b3 — a4 d4 — d3° (A)
3) a4 — d1⋈

(A.)

2) . . . . . d4 — d5
3) a4 — d7⋈

№ 77.

1) g1 — c5° f8 — d6+

2)	c5 — d6°	c7 — d6°
3)	e2 — b5+	e8 — d8 или f8
4)	e1 — e8✕	

Если черные вмѣсто 1 $\overline{\text{f8 — d6+}}$ возьмутъ ферзя, то получатъ матъ тѣмъ-же путемъ какъ показано выше, только уже въ 3 хода; если-же даютъ шахъ ладьею (1 $\overline{\text{b2 — b3+}}$), то 2 $\underline{\text{e2 — d3+}}$ и матъ очевиденъ. Наконецъ, на 1 $\overline{\text{c7 — b6°}}$ или 1 $\overline{\text{c7 — c6}}$, бѣлые отвѣтятъ 2 $\underline{\text{e2 — g4+}}$ и т. д.

№ 78.

1)	c1 — g5+	h7 — g5°
2)	d3 — d4+	g5 — e4
3)	g1 — h1	b6 — b5
4)	f1 — g1	b5 — b4
5)	f8 — d7	b4 — b3
6)	d7 — e5	b3 — b2
7)	e5 — d3	b2 — b1 любой офицеръ
8)	g2 — g3	h4 — h3
9)	d3 — f2+	e4 — f2°✕

Прописанное здѣсь рѣшеніе принадлежитъ автору проблемы В. Саговкому, но сверхъ того она разрѣшена иначе 1) Н. И. Петровскимъ въ 9 ходовъ и 2) Г-мъ Анучинымъ (въ Тобольскѣ) въ 7 ходовъ.

Рѣшеніе г-на Петровскаго.

1)	f8 — h7°	b6 — b5
2)	d1 — h1	b5 — b4
3)	h2 — h3	b4 — b3
4)	h6 — e3	b3 — b2 (A)
5)	e3 — g1	b2 — c1° дѣлаютъ любаго офицера (B)
6)	g2 — g3+	h4 — h3°
7)	f1 — c1°	h5 — h4
8)	c1 — f1	h4 — g3°
9)	d3 — d4°	g3 — g2✕

(A.)

4)		h4 — g3
5)	e3 — g1 +	g3 — h4
6)	g2 — g3 +	h4 — h3°
7)	c1 — b2	h5 — h4
8)	f1 — f4	h4 — g3°
9)	d3 — d1	g3 — g2 ×

(B.)

5)		b2 — b1 дѣлаютъ любаго офицера.
6)	g2 — g3 +	h4 — h3°
7)	c1 — b1°	h5 — h4
8)	b1 — c1	h4 — g3
9)	d3 — d4	g3 — g2 ×

Рѣшеніе г-на Анучина.

1)	h6 — g5 +	h7 — g5°
2)	c1 — c4 +	g5 — e4
3)	d3 — d5	b6 — b5
4)	c4 — d4	b5 — b4
5)	g1 — h1	b4 — b3
6)	f1 — g1	b3 — b2
7)	d4 — f2 +	e4 — f2° ×

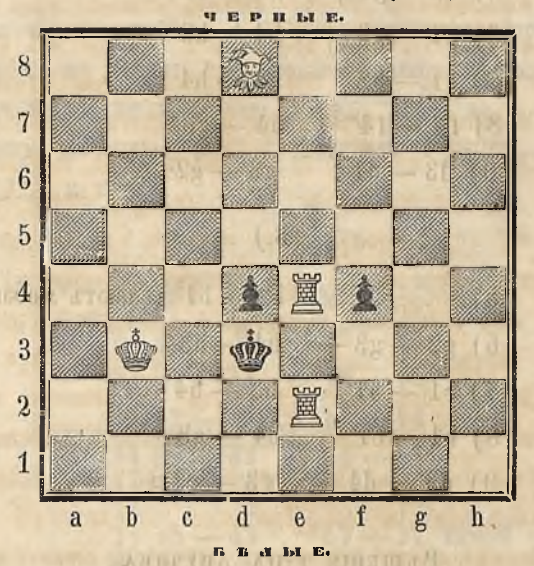
№ 79.

1)	c6 — f6 +	e5 — f6°
2)	b6 — d4 ×	

Задачи.

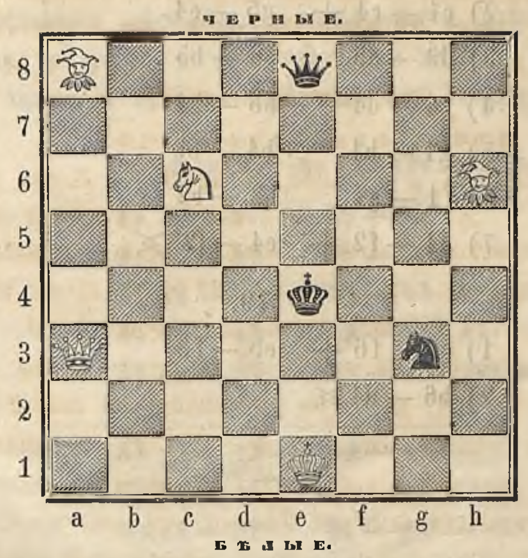
№ 92.

(Изъ Лондонской Иллюстраціи)

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

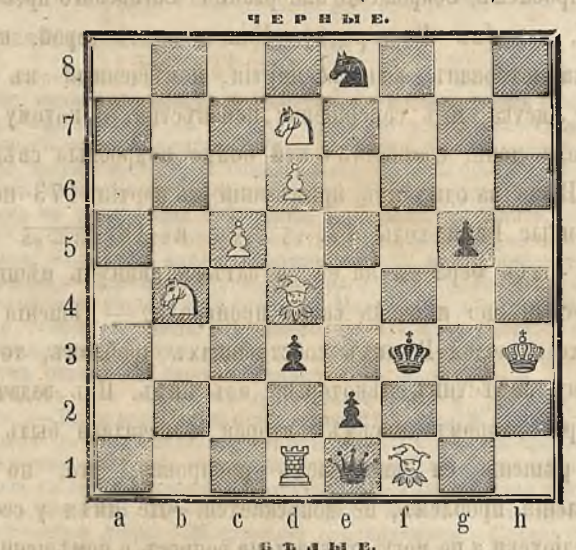
№ 93.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

№ 94.

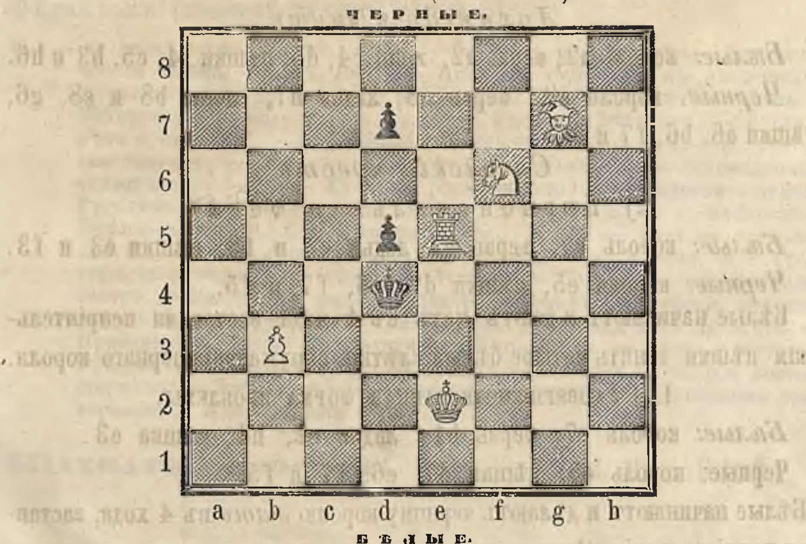
Н. ОСТРОГОРСКАГО (въ Москвѣ).

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 6 ходовъ.

№ 95.

Н. ОСТРОГОРСКАГО (въ Москвѣ).

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

Корреспонденція. *Г-ну А—нну* (въ Тобольскѣ). Всѣ Ваше сооб-

щенія обнаруживаютъ въ Васъ совершенно необыкновенную способность къ рѣшенію проблемъ. Сокращеніе кипергани г. Саговскаго превосходно.

Г-ну К. . . . (въ Новгородѣ). Книга, изъ которой, какъ Вы полагаете, заимствованъ конецъ партіи, помѣщенный въ № 25 Шахматнаго Листка, мнѣ совершенно неизвѣстна, а потому Вы бы крайне обязали меня, сообщивъ о ней болѣе подробныя свѣдѣнія.— Возраженіе Ваше на одно изъ примѣчаній къ партіи 173 не вѣрно: на предложенные Вами ходы 17. $\frac{\quad}{c5 - e5+}$ и 18. $\frac{\quad}{e5 - g5}$ бѣлымъ стоитъ дать шахъ ферземъ на e8, а затѣмъ двинутъ пѣшку на f7 и черные несомнѣнно и очень скоро проиграли. — Рѣшенія задачъ вѣрны. — Что касается Вашихъ собственныхъ проблемъ, то мы съ удовольствіемъ помѣстимъ нѣкоторыя изъ нихъ. Изъ задачъ присланныхъ при второмъ письмѣ, вторая напечатана быть не можетъ, ибо рѣшеніе ея заключаетъ рокировку, что, по правиламъ составленія проблемъ, не допускается.—Не имѣя у себя Живописной Библіотеки я не могу отвѣчать на вопросъ о помѣщенной тамъ проблемѣ.—Въ заключеніе, согласно Вашему желанію, помѣщаемъ здѣсь положеніе и условія проблемъ: Архимедовъ винтъ и Савойскій крестъ.

Архимедовъ винтъ:

Бѣлые: король h2; ферзь a2, кони e4, d5; пѣшки b4, c5, h3 и h6.

Черные: король a8, ферзь g8, ладья h7, слоны b8 и c8, g6, пѣшки a6, b6, f7 и g2.

Савойскій крестъ.

I.) Первоначальная форма.

Бѣлые: король e7, ферзь b1 ладьи c2 и f8, пѣшки e3 и f3.

Черные: король e5, пѣшки d7, e6, f7 и f5.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода, заставляя непріятельскія пѣшки занять четыре бѣлыя клѣтки, окружающія чернаго короля.

II.) Усовершенствованная форма проблемы.

Бѣлые: король e7; ферзь b1, ладьи c2, h4; пѣшка e3.

Черные: король e5; пѣшки d7, e6, f7 и f5.

Бѣлые начинаютъ и дѣлаютъ черному королю *матъ* въ 4 хода, заставляя непріятельскія пѣшки окружать чернаго короля какъ сказано выше.

Н. П. Остр—му. (въ Москвѣ). Мы съ величайшимъ удовольствіемъ исполнили Ваше желаніе.

ОТДѢЛЪ III.